

0702682 - |

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В.С. Кузнецов

ИСЛАМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
КИТАЯ

Часть 1

(УШ в. — 60-е годы XIX в.)

Информационный бюллетень N 7

Москва 1996

0702682 - |

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Уч. N 260
от 13.04.96 г.

В.С. Кузнецов

ИСЛАМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

Часть I

(УШ в. — 60-е годы XIX в.)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000301213

Информационный бюллетень N 7

Москва 1996

В данной монографии рассматривается роль исламского фактора в политической истории Китая на протяжении периода с УШ в. по 1949 г. *нынешнего столетия*.

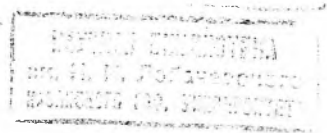
Монография состоит из трех частей. Первая часть — посвящена периоду с УШ в. по 60-е гг. XIX в., вторая — с 60-х гг. XIX в. по 30-е гг. нашего столетия, третья — с 1938 по 1949 г.

Список источников и литературы помещен в третьей части монографии, в конце. Ссылки на источники даны в тексте в прямых скобках: первая цифра — порядковый номер источника, следующая — страница.

Примечания в тексте обозначены — звездочкой "*" и помещены в конце каждой части монографии.

Ответственный редактор
доктор философских наук М.Л. Титаренко

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИДВ РАН по заключению комиссии в составе: д.и.н. Л.В. Переломов, д.и.н. В.В. Малявин, д.и.н. А.А. Москалев.

© Институт Дальнего Востока РАН, 1996

В в е д е н и е

Религия была в числе тех факторов, которые определяли состояние общества и политику правителей Китая на протяжении веков.

Настоящее исследование посвящено изучению роли ислама в политической истории Китая со времени распространения мусульманства в стране до провозглашения КНР. Предмет нашего изучения составляют проявления исламского феномена в социальной жизни китайского государства и политика последнего в отношении ислама как такового и его адаптов. Другие аспекты большей и сложной проблемы "Ислам в Китае", как-то: культовые особенности ислама в Китае, духовное наследие китайских мусульман и соотношение его к культуре Китая, внутренняя жизнь мусульманской общины и т.д. выходят за рамки данного исследования.

Прежде чем перейти к непосредственному изложению, рассмотрим состояние изученности указанной проблемы. Начнем с отечественных авторов.

Общий подход китайских монархов к религиям С.Георгиевский представил так: "... правительство китайское, проникнутое духом конфуцианства, не придает существенного значения религиям, относится к ним как к суеверию, считает их безвредными, поскольку они фактически не влияют разрушительно на правильный строй жизни народа" / 32, 431 /. Суждения эти умозрительны и не подкрепляются доказательным материалом.

Конкретные частные сведения о статусе мусульман в императорском Китае сообщают П. Поляков / 104, 553 /, Н.Н. Пантусов / 97, 108 /.

Состояние ислама в Восточном Туркестане при цинском господ-

ство значительное место уделял в своей работе, основанной на личных впечатлениях Ч.Ч. Валиханов. Ему же принадлежит исчерпывающая характеристика политики цинской династии в отношении мусульман применительно к первой половине XIX вв. Утверждение, что китайцы оскорбляют мусульманские святыни и препятствуют свободе и отправлению веры, Валиханов называет "необычным фактом" / 21, 320 /. Того же мнения держится А.Н. Курепаткин. "Неправосознательность религии всегда строго соблюдается китайцами" / 74, 216 /. И в гражданском отношении, утверждает Ю. Сосновский, мусульманы в собственно Китае не подвергались дискриминации. "Нельзя сказать, чтобы положение китайских мусульман было приравненное, невозможное, напротив, они пользуются всеми гражданскими правами..." / 12, 445 /.

О политической роли исламского фактора в жизни цинского Китая писал Н.М. Пржевальский. Во-первых, ислам выступает как сила, объединяющая людей вне их социального положения и этнической принадлежности: "магометанство, ..., цементирует слои общества, даже различные народности ..." / 107, 503 /. Во-вторых, ислам-стимул ненависти к иноверным-правителям: "... дунганы ... одушевлены ненавистью к китайцам, во-первых, вследствие своей религиозной розни" / 107, 512 /.

Соседство с Китаем и мусульманское население центральноазиатских окраин Российской империи — эти обстоятельства обусловили живой интерес российской общественности к мусульманским выступлениям в Поднебесной, в особенности восстанию 60-70-х гг. XIX в. Первые работы, посвященные этим событиям, принадлежат перу чиновников, ученых, путешественников и носят по большей части публицистический характер.

А.К. Гейнс характеризует выступления мусульман в Западном Китае во 2-й половине XIX в. как "религиозную революцию" / 31, 199 /.

Политизацию ислама в Китае отметил В.П. Васильев: "... мусульманство спешит вознаградить себя в Китае" / 22, 167 /, а именно оно намеревается утвердиться как политическая сила, выказав такое отклонение "в дух до сих пор еще продолжающихся инсurreкциях..." / 22, 168 /.

Они являлись проявлением вооруженного фанатизма мусульман,

доселе не дававшего себе впечатляюще знать "... до последнего времени самое магометанство долгое время сдерживалось в Китае; мечети стояли скромно, не выставляя своих минаретов, поклонники пророка отпускали преспокойно косу и начинали свою грамотность с конфуцианских книг. Нынче не то; магометанство, вырезав в Китае миллионы неверных своих соотечественников..." /23, II/.

Религиозный фанатизм Н. Аристов называет одной из основных причин выступлений мусульман: "Как в Урумчи, так и во внутреннем Китае предводителями дунган были духовные лица, поддерживавшие и разжигавшие в народе религиозный фанатизм, который был одной из главнейших причин восстания" / , 204/. Религиозный фанатизм и стремление к народной независимости, уточняет Н. Аристов, побуждали к попыткам освобождения /3, 159/.

По мнению Н. Аристова, религиозный фанатизм был не только импульсом выступлений мусульман, но и доминантой их решимости бороться за независимость. "Как ревностные мусульмане, сарты, дунганы и таранчи, одушевленные религиозным фанатизмом, не могут иметь в мыслях о добровольном возврате китайской власти /после ее свержения.- В.К./" /3, 159/.

Мусульманское духовенство, отвечает Н.Аристов, не ограничивалось тем, что выступало застрельщиком мусульманских восстаний, но и имело решающий голос при определении политики мусульманских государств, появившихся на свет после ниспровержения власти Пекина. "Во всех известных владениях, основанных мусульманскими дисургентами в Китае /Кашгарское, Урумчинское, Кульджинское и Тарбагтай - в южной провинции Китая Юнань/, верховная власть доставалась влиятельнейшим предводителям восстания, ... и поддерживаемым духовенством /выделено нами. - В.К./ или войсками. Властью своею дисургенты пользовались деспотически, но тирания их умерялась и контролировалась главами духовенства и влиятельнейшими людьми мусульманских обществ, составлявшими государственный совет, без согласия которого султаны не могли предпринимать ничего важного" /5, 213/.

Н. Аристов отметил проявления в известной степени мусульманской солидарности со стороны сопредельных с Сяньцзяном торжских племен, исповедовавших ислам: "Все пограничные каргизы: байджигаты, кизаи, суваны, атбаны, боганцы и даже сарыбагчи

из долины р. Чу тотчас по восстании мусульман в Чугучаке и Кульдже устремились за границу, частью из желания помочь магометанам-единоверцам, частью из жадности к наживе за счет китайцев, калмыков и солонов" /4, 171/.

По мнению М. Венюкова "... инсургенты-магометане ... стремились избавиться от владычества именно китайцев, к которым питали непримиримую религиозную ненависть ... инсургенты, магометане твердо стояли за старинный ислам" /24, 32/.

У Ю. Сосновского мусульманское восстание 60-70-х гг. -слепой, бессмысленный бунт. "Это не как Газавата во имя знамени пророка, не зов убогой райа за кусок хлеба и свободу совести, а просто бойня без смысла и причины" /112, 429/.

Восстание мусульман против цинского режима опосредствовало, как явствует из изложения протоиерея М. Путинцева, в избяние неверных как таковых: "... в шестидесятых годах магометане кулджинской провинции /таранчи и дунгане/ восстали против китайского правительства, вырезали целые города и деревни китайцев и калмыков..." /108, 63/. М. Путинцев отметил также факт создания повстанцами после того, как отмежевались от Китая, независимого Кулджинского ханства.

Н.П. Остроумов затронул проблему лояльности мусульманина - подданного своему суверену-неверному. По мнению Н.П. Остроумова, неприятие власти последнего имманентно присуще психологии мусульманина. "... переселенцы турфанские /кашгарские/ и дунгане, как мусульмане по вере, не могли быть покорными и надежными подданными китайцев" /94, 8/. И сам этот исход мусульман в виду перспективы восстановления господства Цинов Н.П. Остроумов рассматривал как неприятие власти "неверных": "... самая эмиграция /из Кулджинского края. - В.К./ вызвана была религиозным /курсив автора/ восстанием дунган и таким образом и по началу своему, и по концу имела характер религиозный" /94, 46/.

Исламский режим, установленный по низвержению цинской власти на территории прежнего Сяньцзяна, обернулся гонениями на ту часть населения края, которая была не мусульманской по вере. Об этом свидетельствуют сведения, представленные в книге Н.Н. Пантусова /96, 52/.

Касаясь совершаемых восставшими мусульманами жестокостей,

В.С. Кадников поясняет, что они явились ответной реакцией: "Победы над китайцами сопровождались страшными жестокостями, впрочем таранча отплачивали лишь тем, что сами от них терпели" /53, 894/. В.С. Кадников как примечательную черту внутривосточной обстановки на западных окраинах империи Цин, после подавления мусульманского восстания, выделяет непреходящую "мусульманскую ненависть к китайцам" /53, 909/.

Внешнестранственная деятельность правителя государства Йетишар, возникшего в результате антицинского восстания в Кашгаре, тоже привлекала внимание российских ученых. Н. Катанов отметил то принципиальное обстоятельство, что Якуб-бек чеканил в Кашгаре золотые, серебряные и медные монеты от имени турецкого султана Абдул-Азиза /55, 529/.

Авторы обзора о внутривосточном положении в Синьцзяне на самое начало XX в. среди факторов, определявших его, называют рост мусульманского фанатизма: "Недовольство китайцами объяснялось до сих пор только тяжелыми условиями жизни местного населения. Теперь приходится, кажется, считаться и с другими менее явными факторами: замечается какое-то усиление мусульманского фанатизма" /73, 76/.

Борьба против цинского режима ханьского /мусульманского/ населения Северо-Западного Китая и Синьцзяна – традиционный сюжет исследования советских авторов.

Вл. Кучумов отметил положительную роль "магометанских восстаний" в деле наспровержения цинской монархии и становления республиканского режима. "Власть республиканского временного правительства выросла из народных сычуаньских, ганьсуских /"магометанских" – выделено нами. – В.К./, хубэйских, ханьских восстаний" /75, II2/.

При характеристике мусульманских восстаний середины XIX в. Г. Кара-Мурза на первый план выдвигает их национальный характер, стремление к обретению государственной независимости. "Именно мусульманские восстания 50-70-х годов можно считать первыми национальными движениями в Китае... мусульманские восстания, охватившие западную и юго-западную окраины Китая, были первой попыткой создать на развалинах деспотической военно-феодальной империи Китая независимое мусульманское национальное государство"

/курсив автора. - В.К./ /54, 96/. Рассматривая соотношение религиозного момента и внутреннего содержания упомянутых мусульманских восстаний, Г. Кара-Мурза отмечал: "Мусульманское движение середины XIX в. /дунганское и юньнаньское восстания/ представляет интерес именно как первая форма национализма феодального, окращенного в религиозные формы" /54, 96/. Но религия, как пишет далее Г. Кара-Мурза, была не просто формой или декоративным феноменом. Она явилась средством самовыражения и опосредствования национального начала: "Национальный характер движение приобрело в силу участия в нем господствующей верхушки мусульманства - главным образом духовенства, беков, купечества, которые под лозунгами "священной борьбы за ислам" сумели сцементировать разрозненные вспышки, придав движению действительно национальный характер, превратив его в мощное национальное движение за независимость западного мусульманского Китая" /54, 97/.

В статье об одном из вожаков мусульманского восстания на Северо-Западе в 1862-1877 гг. Д.И. Думан охарактеризовал неометанскую школу "Сяньцзяо" как вдохновляющую мусульманских повстанцев на Северо-Западе. Сама же восстание по утверждению Д.И. Думана "вышло под лозунгом борьбы "За Ислам против неверных" /37, 31/. Если шла речь о мусульманских восстаниях, то, естественно, возникает вопрос о роли мусульманского духовенства. Бытовавшее представление у многих предшествующих авторов, что восстание в Сяньцзяне в 1864 г. "началось по инициативе крупных представителей мусульманского духовенства" К. Усманов не очень убедительно опровергает, ссылаясь на местные источники: "восстание подняли крестьяне и городская беднота. И только в дальнейшем представители мусульманской знати взяли инициативу в свои руки" /120, 89/. А где были вначале рядовые мусульманские священнослужители, вопрос остается открытым.

В статье о восстании 1864 г. в Восточном Туркестане Д. Тахонов широко использовал источники на ново-уйгурском языке, в частности, принадлежащие кисти непосредственных участников событий. Как свидетельствуют данные Д. Тахонова, восстание началось /выступление в Кучаре/ под лозунгом войны с "неверными" /117, 157/. Автор отметил, что восстание в Кучаре подготавливалось и возглавлялось местными духовными феодалами /117, 170/ и

само движение" было окрашено в религиозную форму" /II7, I73/.

В последующем, давая общую характеристику антиправительственных выступлений в Синьцзяне, Д.И. Тахонов, отмечает, что ислам был той основой, которая объединяла все коренное население в борьбе против китайской власти. "Общим лозунгом, объединявшим все классы, был "газават" - война против неверных" /II8, 341/. Одновременно Д.И. Тахонов акцентировал руководящую роль в этих выступлениях ходжей, представителей верхушки мусульманской общины, пользовавшихся авторитетом именно из-за их, как считалось, принадлежности к потомкам пророка Мухаммеда, а также активность мусульманского духовенства вообще. "Руководили восстанием феодалы и представители бывшей династии ходжей. Крестьянство следовало за ходжами. Религиозный мотив объединял на некоторое время вокруг ходжей различные социальные слои населения ... Духовенство следовало за ходжами и проявляло большую активность в борьбе с китайским господством" /II8, 340, 342/.

В работе о внутренней политике правителя исламского государства Йети-Шаар, возникшего в результате антицинского восстания в Восточном Туркестане, Д.И. Тахонов наглядно раскрыл природу этого теократического режима /II9, I09-I37/.

Восстание некайтайского населения в Юньнани во второй половине XIX в. "приобрело, - отмечает Г.В. Ефимов, - религиозно-национальный характер в силу того, что руководство им взяло в свои руки мусульманское духовенство... В качестве главного лозунга была выдвинута идея джихада - священной войны против "неверных" /40, 78/. Восстание дунган на Северо-Западе Китая в оценке Г.В. Ефимова "также носило религиозную окраску" /40, 79/.

Г.В. Ефимов обратил внимание на внешнеполитические аспекты вышеуказанных восстаний. Мусульманское государство, созданное в Юньнани, "встретило поддержку со стороны Англии" /40, 78/. Мусульманское государство в Кашгарии - Семиградье - получало поддержку султанской Турции, за спиной которой стоял агрессивный английский капитализм /40, 79/. Царское правительство России признало факт существования Семиградья и в то же время оккупировало Кульджинско-таранчанское государство /40, 79/.

В оценке Кульджинского восстания /1864-1871 гг./, являвшегося эпизодом выступлений мусульман Синьцзяна, С.И. Шиховым не на-

шло место значимости религиозного фактора. Он лишь считает ошибочным мнения Гейнса, Беллю, Васильева, которые рассматривают его только как религиозное /исламистское/ движение /ИЗб. 6/.

Религиозное сознание, пропагандистская деятельность мусульманского духовенства — эти факторы Г.М. Ибрагимова называет в качестве определяющих характер крестьянских восстаний в Синьцзяне, направленных против господства иноземных завоевателей. "Для крестьянской идеологии были еще характерны феодальные иллюзии, основанные на религиозной настроенности, подкрепляемые пропагандой ислама со стороны духовенства" /44, 14/. Конкретизируя роль духовной верхушки, ходжей, автор пишет: "Они /ходжа. — В.К./ собирали народ под лозунгом борьбы мусульман против "неверных" — маньчжуров" /44, 9/. И хань, следует добавить, для восстановления полноты исторических реалий.

Г.М. Ибрагимова обратила внимание на намерения цинских властей идеологически воздействовать на умы мусульман с целью замедления беспокойной окраины. Это инициатива Цзо Цзунтана по закрытию мусульманских школ, учреждений, по запрету обрядов мусульман и т.п. /44, 7/.

Свою мысль о религиозной окраске массового антицинского восстания в Синьцзяне Г.М. Ибрагимова повторила и в другой работе: "Феодалы и духовенство разжигали у них /крестьянских масс, — В.К./ религиозный фанатизм. Господствующим классам удалось придать крестьянской войне религиозную окраску" /43, 409/. Развивая тезис об исламском характере выступлений, Г.М. Ибрагимова сформулировала обобщение, которое до нее в советской литературе не столь четко не сделал, что восстание мусульман было направлено не просто против иноверцев, а исповедующих буддизм. Борьба уйгурского и дунганского населения проходила "под лозунгом борьбы ислама с буддизмом" /43, 409/.

Мусульманское духовенство искусственно раздувало antagonизм между трудящимися дунганами и китайским народом — так в целом оценивает роль религиозных вожakov мусульман в жизни китайского общества М. Сушанло /ИИЗ, 35/. Но в отношении цинского режима, каковой была позиция духовенства? — Одна часть его, приверженцы секты "Дао цзяо", была тесно связана с маньчжурской властью и вместе с нею защищала существующие порядки /ИИЗ, 36/, другая —

адапта секты "Синь цзяо". со дня ее основания выступала с оппозицией против маньчжуро-цинской феодальной власти /II5, 36/.

Иллюстрируя религиозную политику Цинов в отношении ислама, М. Сушанло сообщает, что правительство хотело при помощи представителей "Лао цзяо" обезглавить руководителей противной секты /II5, 37/.

Активную роль сыграло мусульманское духовенство во время дунганского восстания. Она выразилась, судя по изложению М. Сушанло, в том, что мусульманское духовенство помогло дунганским крупным купцам, помещикам и чиновникам захватить руководство движением /II5, II6/, оно "затемняло классовый характер борьбы народа" /II5, II7/, "направляло движение против братского китайского и других народов". /Словом, роль духовенства у М. Сушанло только негативно./ Широкое участие в движении мусульманского духовенства придавало восстанию религиозный по внешности характер, но религиозным, утверждает М. Сушанло, оно не было /II5, II7/.

Значение дунганского восстания заключалось, по мнению М. Сушанло, в том, что так же, как и другие народные движения 60-70-х гг. в Китае оно "являлось важным этапом в борьбе народов страны за свое национальное освобождение" /II5, II8/. И это, добавим от себя, при негативной роли мусульманского духовенства. В этой связи возникает вопрос, можно ли его считать причастным к борьбе дунганского народа за национальное освобождение?

Восстание, говорится в коллективной работе "Новая история Китая", дунганского населения в Северо-Западном Китае было направлено и против "религиозных преследований цинских властей" /98, 217/. Здесь же отмечено расхождение между цинским двором и усмирителем восстания Цзо Цзунтаном относительно степени жестокости при подавлении выступления /92, 217/.

Выступления мусульман на Юго-Западе Китая во второй половине XIX в. специально исследовал В.Л. Ларин. "Организатор и вдохновитель всех антимусульманских акций - цинское правительство", - такова исходная посылка В.Л. Ларина /77, 63, 65/. Но при всей своей категоричности она априорна. Сам же автор это и иллюстрирует: в августе 1847 г. император поручил разобраться с жалобами мусульман /77, 65/. В 1854 г. ему "был представлен доклад, в котором мусульмане обвинялись в намерении поднять бунт, вывести

Юньнань из-под прасидики Китая и присоединит ее к Бирме" /77, 68/. Но как на эту информацию реагировал император, автор умалчивает, отчего исходная посылка автора о мусульманофобии цинского двора не становится убедительной.

Как социальную опору Цинов в Восточном Туркестане А.Д. Исиев на первое место выдвигает местных духовных феодалов /48, II/. Выступления народов Кашгария и Джунгария против цинского господства проходили под лозунгом борьбы против "неверных". Для психологии рядовых повстанцев были характерны националистические, антикитайские настроения, религиозный фанатизм, которые поддерживались и подогревались беками - таковы исходные установки А.Д. Исиева /48, I7/. Получается, что закоперщиками были только беки, представители светских феодалов, мусульманское же духовенство оказалось в стороне, хотя данные, приводимые в книге, говорят об ином.

Проблемы "Мусульмане и революция 1911 г." коснулся И.Г. Полинов. Неоднородные этнически они и неодинаково отнеслись к отзвукам революции в Синьцзяне.

Уйгуры индифферентно. Дунгане - на стороне противников революции. Как явствует из изложения И.Г. Полинова, дунганское-мусульманское духовенство и феодалы были вообще сторонниками сохранения цинской монархии. "В начале революции цинские власти искали среди населения Синьцзяна союзников, на которых они могли бы опереться в борьбе против революции. Такими союзниками оказались дунганы. Среди дунган, находившихся на невысоком уровне культурного и общественного развития, еще были сильны патриархально-феодалные отношения, что значительно помогло феодалам и дунганскому мусульманскому духовенству использовать бедноту в своих интересах. Только этим можно объяснить тот факт, что в провинциях Ганьсу и Шэньси дунганские воинские части сражались против революционных войск на стороне цинского сатрапа Чэн Гэна. В Синьцзяне дунганы сначала поддерживали цинского губернатора" /101, 53-54/.

Выступлениям мусульман Синьцзяна в 30-х гг. посвящена статья Азизова. Они, по его характеристике, были ослеплены панисламистскими лозунгами /I, 18/. И эти выступления вылились не только в расправы с китайской администрацией, но в самое жестокое

истребление всего китайского населения /I, 19/. Азизов представляет вожаков восстания как исполнителей директив агентов английского и японского империализма /I, 20/.

Последнюю посылку Азизова позднее целиком и полностью повторил А.Г. Яковлев, без каких-либо упоминаний о предшественнике. В 30-х гг. в Синьцзяне, указывает А.Г. Яковлев, имело место движение за создание "независимого мусульманского государства" /кавычки автора. - В.К./, руководимое /словами А.Г. Яковлева. - В.К./ "прямыми агентами империализма - панисламистами" /I39, 164/. А.Г. Яковлев последовательно проводит мысль, что панисламизм в Синьцзяне - явление не только привнесённое извне, но и распространялось по указке внешних сил: "Японские империалисты поручили /выделено нами. - В.К./ роль выразителя идей панисламизма дунганскому милитаристу Ма Чжу-ану" /I39, 173/.

Движение народов Синьцзяна, развернувшееся в 1944-1949 гг., по утверждению А.Г. Яковлева, "коренным образом отличалось от всех предшествовавших массовых крестьянских движений в провинция" /I39, 173/. А именно в том смысле, что оно подвело черту прежним восстаниям народов Синьцзяна, традиционной идеологией которых была идеология воинствующего ислама /I39, 166/.

Проблема ислама в Китае неизменно вызывала интерес в Западной Европе и Америке. Внимание это определялось не только чисто познавательными целями, но и практическими соображениями. Китай сам по себе интересовал капиталистические государства Запада, особого же внимания их обстановка в Поднебесной заслужила потому, что с ней непосредственно соседствовали колониальные владения Англия и Франция.

Самое непосредственное отношение к исследуемой проблеме имеют работы путешественников, должностных лиц, которые были очевидцами или современниками событий. Такого рода сочинения можно отнести к первоисточникам. Будучи в известной мере описательными, они нередко содержат глубокие наблюдения и оценки, которые во многом позволяют не только дополнить сведения официальных материалов, но помогают воссоздать более полную картину событий. Довольно часто, такого рода издания в известной степени субъективны, равно как субъективен и доклад на высочайшее имя, направленный каким-нибудь, в нашем случае, китайским ученым.

Но указанное обстоятельство таким образом не умаляет значимости нарративных источников. Нет возможности, да, очевидно, и смысла подробно рассматривать их все, а поэтому остановимся лишь на некоторых, наиболее, на наш взгляд, значительных.

Применительно к политической истории Китая имперских времен внимание авторов западноевропейских и американских изданий в основном сосредоточено на мусульманских восстаниях второй половины XIX в. и соответственно на политике различных династий в отношении мусульманской проблемы.

Дж. Ф. Форд первым из западноевропейских исследователей и публицистов поднял принципиальной важности вопрос об изначальном отношении на бытовом уровне представителей ханьского этноса к религии мусульман. С начала контактов хань с ними при династии Тан указал Дж. Форд, первые искоса смотрели на религиозную практику последних.

Довольно осторожен в своих оценках положения мусульман и их возможностей как религиозной общины во времена правления Тан Ф.С. Дрейк. Мусульмане "составили свои собственные общины, живя согласно своим собственной религии и правилам и, очевидно, не пытавшиеся передавать свою веру своим китайским соседям. Таким образом, они, кажется, не были затронуты указами, запрещающими остальным иноземным религиям..." /130, 23/. Ф.С. Дрейк также сообщает, что в конце правления династии Тан, после 878 г., большое количество мусульман покинуло порты Юго-Восточного Китая из-за резкого ухудшения условий жизни и торговли /180, 23/. При этом не уточняет, затронуло это ухудшение специфику жизни как религиозной общины или нет.

Кэмпбелл отметил принципиальной важности обстоятельство, а именно: увеличение численности мусульман в Китае во времена монгольского правления, в XIII-XIV вв. /166, 109/.

В изложении Э. Паркера политика каньского двора в отношении мусульман была неоднозначной. Имели место фаворитизм в одних случаях и ограничения в других /234, 00/.

В интерпретации Ахмеда Али, подход к мусульманской проблеме в Китае времен империи был неодинаков при различных династиях. Выкладки Ахмеда Али суть. "... при Тан и последующих китайских правителях - Сун, Кань /!? - В.К./ и Мин, то есть с 7 до

конца 17 вв., с мусульманами не только хорошо обращались, но они занимали посты большой важности и ответственности, им также были дарованы многие уступки, привилегии и льготы. Маньчжуры /1644-1911/, однако, показали себя самыми большими врагами мусульман и подвергали их безжалостным гонениям ..." /145, 31-32/. Суждения Ахмеда Али не основываются на всестороннем учете конкретных исторических реалий и создают упрощенное представление о проблеме. Неправоммерно отождествлять маньчжур с этнически однородной правящей кастой. Цинский режим в главе с монархом-маньчжуром был не столько собственно маньчжурским, сколько маньчжуро-ханьским. И собственно ханьские сатрапы были, если говорить языком Ахмед Али, не меньшими врагами мусульман, нежели маньчжурские сановники.

Монгольская династия Юань, указывает М. Россоби, впервые обеспечила мусульманам преобладающие позиции в политической и экономической жизни Китая. На это, собственно, китайские бюрократы и торговцы отвечали антамусульманским настроением: "Они начали характеризовать мусульман как жадных, агрессивных и хитрых" /245, 180/. По мнению М. Россоби, принципиально политика Юаньской и Минской династий в отношении обращения мусульманами заповедей веры была одинаковой - абсолютно терпимой. "... не предпринималось никаких попыток подавлять выражение исламских верований мусульманскими общинами" /245, 180/.

А. Виссер, касаясь отношения к мусульманам со стороны Минской и Цинской династий, отметил следующее обстоятельство принципиальной важности. А именно, минские государи годов правления Хун У и Юн Лэ, а также цинские государи, чьими девизами правления соответственно были Кан Си и Юн Чжэн, одинаково подходили к мусульманам, своим подданным, выступая против дискриминации их властями и ханьским населением /289а, 311/.

В. Бэйло, рассматривая судьбы мусульман в Китае, хронологически разделяет историю их на два этапа. Первый - это период, подпадающий под годы правления династий Тан, Сун, Юань и Мин. Это было время, когда мусульмане не выступали фактором дестабилизации политической обстановки. В течение тысячи лет, когда Китай знал мусульман, до 1644 г. не было никаких сведений об инсurreкциях или восстаниях со стороны китайских мусульман....

"не было никаких признаков волнений" /152, 213/. И для таких, как явствует из изложения В. Бейлса, у мусульман не было оснований. При династии Юань для них существовали в ряде отношений благоприятные условия. Сменившая Юаней династия Мин приняла мусульман без какой-либо дискриминации, а со стороны ханьского населения не видела ущерба для своей веры: "Они /мусульмане. - В.К./ были приняты Минами /1368-1644/ точно таким же образом, как и прочие китайцы ... Китайцы, давно отмеченные своей терпимостью к религиозным взглядам, не создавали никаких особых трудностей для магометан" /152, 213/.

Второй этап начался с 1644 г., со времени установления в Китае власти некитайской, маньчжурской династии Цин. "Очевидно, что в войнах, последовавших за приходом маньчжуров в Китай, мусульмане поддержали Минов с немалым усердием. Это, несомненно, обозлило маньчжуров и во многом отразилось на их последующем отношении к мусульманам" /152, 213-214/.

В сравнении с предшествующим спокойным тысячелетием на 250 лет маньчжурского правления /с 1644 по 1896 г./ 50 лет составляют мятежи и приходится в общей сложности 50 лет восстаний и инсurreкций мусульман. "Таким образом, очевидно, - резюмирует автор, - что маньчжуры были не вполне удачливы в обращении со своими мусульманскими подданными" /152, 215/. Выступления последних побудили государя годов правления Цинь Дун /1736-1795гг./ изменить свое отношение к мусульманам: от благожелательности до намерений истребить всех своих мусульманских подданных /152, 214/. Данное обстоятельство имеет прямое отношение к уяснению причин последующих мусульманских восстаний при Цинах, однако утверждение о намерении цинского двора решить мусульманскую проблему путем физического истребления магометан априорно.

М. Россаби выделял принципиальное отличие конфликтов мусульман с администрацией Китая при правлении династий Мин и Цин. Если при первой в основе столкновений лежали экономические причины, то в последнем случае они отходят на второй план. Религиозный и этнический моменты вызвали большинство мусульманских выступлений в XVIII-XIX вв. /245, 193/. Тому, судя по изложению М. Россаби, способствовал цинский бюрократический аппарат. "Цинский двор ввел правила /включая ограничения на постройку мечетей/

что препятствовало практике ислама" /245, 193/. Данное положение никак не фундировано и выглядит априорным. Умозрительной представляется и посылка М. Россаби на тот счет, что цинское чиновничество было более коррумпировано и менее терпимо к исламу, чем маньчжурское.

Принципиальной важности вопроса об отношении цинского режима к мусульманской общине коснулся Д. Бульджер. Из приведенного Д. Бульджером примера явствует, что верховная власть в лице императора по меньшей мере внешне с пониманием относилась к жалобам мусульман на притеснения местных чиновников /159, 432/. Д. Бульджер пишет о бессилии императора принять меры для искоренения злоупотреблений в отношении мусульман. И здесь возникает вопрос о причинах этой импотентности высшей власти. Каковы по этнической и культурно-религиозной принадлежности те силы, которые парализуют активность государя-маньчжура?

Первопричину трех великих мусульманских восстаний XIX в. А.Е. Моул усматривает исключительно в менталитете мусульман, сложившемся под влиянием заповедей ислама. Выкладки Моула суть. Официальная идеология китайского государя не задевала религиозных чувств мусульман. До ранних дней маньчжурской династии, очевидно, не было никаких трений между магометанами-китайцами и государственной китайской властью, и иудейские и мусульманские надписи утверждают в трезвом духе дружеского компромисса, что их доктрины идентичны доктринам Конфуция и его великой школы /227, 318/. "Почти, очевидно, как-будто, властный дух войны и захвата был впитан этими миллионами китайских мусульман с учением, которое они приняли... для трех великих магометанских восстаний, очевидно, не было никакой особой провоцирующей причины и никакой особой цели, кроме ужасной радости сражений" /227, 318/.

И сами по себе восстания мусульман не были выступлениями в защиту веры: "Так что конфликт и эти восстания как кульминация не были религиозными войнами, поскольку старый дух захвата /спровоцированный мелкими ссорами или препятствиями/ вновь пробулся" /227, 318-319/.

"Ислам в Китае". Проблема, которой пренебрегают", - уже в названии книги М. Брумхолл выразил свою концептуальную установку. Политической проблемой ислам определенно стал в условиях общест-

венной жизни страны под властью дома Цин. Но в какой степени именно маньчжурская династия Цин ответственна за мусульманские восстания, которые происходят на протяжении 150 лет, автор оставляет судить читателю по ознакомлению с изложенными событиями /157, 129/.

Установление в Китае власти маньчжурского дома Цин подвело черту сравнительно мирного сосуществования мусульман с хань — таково мнение А. Финдляя. "До начала правления маньчжурской династии они /мусульмане. — В.К./ жили более или менее мирно со своими соседями, но с 1644 г., когда пришла к власти маньчжурская династия, очевидно, была длинная серия беспорядков из-за мусульман" /186, 93/. Не говоря прямо, автор в мусульманских восстаниях склонен обвинять неханьскую династию.

Как считает М. Райт, политика цинской династии по своей природе не была антимусульманской вообще, но усиление влияния ханьского элемента в высших эшелонах власти вызывало определенные подвижки. "Официально политика Цинов всегда предписывала равное отношение к китайцам и мусульманам, но с усилением китаизации маньчжурской по происхождению династии цинский нейтралитет в отношении споров между двумя культурными группами стало более трудно поддерживать" /292, 107/.

Политика сменявших друг друга династий, правивших в Китае, в отношении мусульман была неодинаковой. Так явствует из изложения И. Меес. В частности, правители дома Юань способствовали росту исламского феномена в Китае. Политика преемников Юаней Минов в отношении ислама была неоднозначной. Важнейшим признаком терпимости по отношению к мусульманам в период правления династии Мин И. Меес называет строительство большого количества мечетей. С другой стороны, по утверждению автора, маньчжурская власть подвергла мусульман ограничениям по части их культурной самостоятельности. Что же касается цинской, маньчжурской династии, то она создала почву, на которой процветала презрение и нетерпимость ханьской части населения к мусульманам /22, 21-41/.

Р. Израэли не усматривает исторических предпосылок, в силу которых политический статус мусульман при Цинах стал хуже, чем при их непосредственной предшественнице — собственно китайской династии Мин: с воцарением ее, привилегированный статус мусуль-

ман, которым она пользовалась при Цанях, был отменен /201а, 82/.

Воздерживаясь от характеристики политики различных династий, предшественников дома Цин, в отношении мусульман, установки последнего Ира Лапидус формулирует следующим образом: "Маньчжурская династия имела дело с хуэй посредством заверений в протекции и угроз наказания, и прагматической политики подавления сопротивления и терпимости к религиозным различиям" /208, 435/.

В изложении И. Лапидус, цинский режим в пору своей силы сдерживал антимусульманские настроения в китайском обществе. "И также с развалом Цинов усилилась китайская враждебность к мусульманам и требования их ассимиляции" /208, 434/. В то же время сама маньчжурская династия навлекла на себя мусульманские восстания XIX в.: "Плохое правление спровоцировало мусульманские восстания в Юньнани, Шэньси, Ганьсу и Восточном Туркестане" /208, 434/.

В обобщенном виде статус мусульман в Китае имперских времен Х. Макалани представляет так: мусульмане имели свободу предпринимательства, а равно и исповедывать свою религию /217, 16/.

Мусульманские выступления XIX в. в империи Цин составляют примечательное явление политической истории Китая, и они привлекают большое внимание и авторов более поздних работ.

Антицинские восстания мусульман рассматривались, в частности, под углом их воздействия на политическое состояние империи.

Характеризуя внутривластическую обстановку в Китае к началу 60-х гг. XIX в. как неустойчивую, Н. Пеффер особо выделяет столкновения мусульман с немусульманами в Юньнани, конфликт с мусульманами на северо-западе /235, 103/.

Общественное мнение Европы живо занимает феномен ислама. Этот интерес питает не память о кровавых походах, но опасение за господство над заморскими территориями, население которых исповедует ислам.

Отсюда и внимание к определенным окраинам империи Цин, где бунтуют мусульмане. Почему? Не случайно издававшийся в Британской Индии журнал отзывался на восстание в Кашгарии в 1826 г. статьей К. Гюцлава. Среди причин этого выступления он называет гнет и национальную вражду, усугубленную религиозным фанатизмом /193, 261/. В какой степени к нему была причастна политика самих цинских властей? В 1846 г. по заказу высокопоставленного чинов-

ника лорда Эльфинстона написал свои показания о Восточном Туркестане некий Ахмед Шах Накшбанди. Специальный раздел в этих показаниях посвящен системе управления в Кашгарии при Цинах. Ахмед Шах Накшбанди говорит о свободе вероисповедания, о стремлении властей поддерживать мир и согласие между местной мусульманской и китайской общинами /178, 383/.

Цинская администрация в Восточном Туркестане "сохраняла, - вторит В. Кирнан, - религиозную терпимость" /217, 317/.

В тон В. Кирнану звучат утверждения Д. Флетчера: маньчжурские власти в Кашгарии были терпимы к религии, уважали обычаи, позволили управлять мусульманской общиной единоверцам-бекам на основе мусульманских законов /281, 221 /.

Подрывная активность клана ходжей, бывших мусульманских властителей Кашгарии, ослабление устоев режима в собственно Китае и увеличение числа немущих в самой Кашгарии - все это вместе взятое, считает Д. Флетчер, и привело к восстанию в Восточном Туркестане в 1826 г.

Следом за ним последовало выступление мусульман на Юго-Западе Китая /Юньнань/. В восстании мусульман в Юго-Западном Китае де Карне усмотрел лишь проявление воинствующего исламского фанатизма, бескомпромиссного к иноверцам как таковым. "Этот мятеж - /и это именно делает его страшным/ осужден своей двойственной природой подвигаться вперед, те, кто направляет его, не в состоянии остановить его движения, до тех пор, пока останутся неверные, с которыми мусульмане обязаны теперь сражаться, потому что только политические войны могут наперед определять свои пределы, религиозная же пропаганда их не знает..." /Цит. по: 3, 161/. Основными причинами его, как явствует из суждений Бабера, были бытовые противоречия между хань и мусульманами, проистекавшие из-за негативного отношения последних к свинине, и предвзятое отношение к ним чиновничества. "Восстание было прежде всего вопросом свинины и ничего более, начавшись с подозрительности и перебранок между мясниками, забывавшими свиней, и мясниками Ислама на рынках. Чиновники, к которым апеллировала, неизменно решали против мусульман. Огромное несогласие возникло и вскоре вспыхнуло пламя" /150, 7/.

Бабер рассматривает это восстание не только как проявление

социального протеста со стороны мусульман, но и как столкновение двух идеологий – исламской и конфуцианской. "Обычные меры подавления путем истребления были приняты чиновниками, была вызвана их конфуцианская враждебность к любой вере или обществу, которое владеет организацией новой для правительства или которой оно отказывает в поддержке, общее гонение последовало: мусульмане объединялись, возбужденные, очень вероятно, их странствующими хаджи" /150, 7/.

Э. Роше в историческом очерке сводной работы об Юньнани изложил основные события мусульманского восстания второй половины XIX в. Версию его в последующем повторил не один автор. Э. Роше отмечает непримиримую позицию мусульманского духовенства относительно борьбы с господством неверных /243, 165/.

Ненависть – так характеризует отношения между мусульманами и хань в Юньнани при правлении Цинов А. Колхаун. И ее сохранению способствуют власти: "... эти неверно именуемые пантаями являются магометанами и ненавидят своих китайских соотечественников. За ненависть отплачивают в десятеро и десятикратно и смешивают со страхом. Китайцы, конечно, всегда имеют мандаренов на своей стороне, и теперь, более чем когда-либо, магометанин может надеяться на малую справедливость в китайском ямэне" /175, 245/. Судебные решения, постоянно выносимые не в пользу мусульман, указывает Колхаун, дали толчок мусульманскому восстанию 50-70-х гг. /175, 245/.

К. Уильямс рассматривал в событиях в Юньнани в 50-60-х гг. XIX в. конфликт ханьцев в союзе с маньчжурской бюрократией и мусульман, говоря его словами: "яростную борьбу между ортодоксальными китайцами и татарскими чиновниками, с одной стороны, и магометанскими повстанцами, с другой".

Религия не была, по мнению К. Уильямса, первопричиной выступления мусульман, но сыграла важную роль. Гнет и преследования, которым подвергались мусульмане, подготовили взрыв их недовольства, которое усугубила разница в религии. "Свирепые догматы их /мусульман. – В.К./ веры вскоре привели их к сопротивлению и будучи горсткой среди своих буддистских соподанных, они начали военный разбой против китайских городов и деревень" /291, 8/.

По мнению Р. Дэвиса, поводом к мусульманскому восстанию

1854-1873 гг. послужила несправедливость властей при разбирательстве ссоры между китаицами и магометанами. Основная же причина крылась в подспудном стремлении последних к независимости. "Две расы никогда не были очень дружественны, и пантая были вполне готовы взяться за оружие в надеждах превратить Юньнань или часть Юньнани в магометанское государство, где они будут независимы от китайских чиновников" /176, 53/.

Поведение местных чиновников, со всей определенностью пишет М. Брумхолл, способствовало возникновению восстаний мусульман в Юньнани /151, 129/.

В Юньнани политика цинских властей в целом, и в частности в отношении свободы отправления культа, по мнению Г. Вассала, была антимусульманской. Выступление мусульман дало выход антимусульманским настроениям хань. Юньнаньские мусульмане, пишет Г. Вассал, "всегда страдали от правления китайских мандаринов. Раздражающие меры и жестокие законы всегда применялись для их подавления. Публичные богослужения были запрещены, равно как строительство храмов. В некоторых центрах они были скученны подобно скоту" /2896, 40/.

По мнению У. Кленнала, для общественного сознания китайцев исламский феномен оказался чуждым и отсюда политические катаклизмы. "В оценке влияния магометанства на Китай мы должны взять в расчет тот факт, что как во времена Тан, так и позднее имел место подъем воинственных мусульманских государств в Центральной Азии, что привело к концу связи между Китаем, с одной стороны, и индийским и западным мирами, с другой. Вследствие всего вышесказанного, Китай и магометанство никогда не были в хороших отношениях друг с другом - они имели слишком мало общего. Индия, Европе классического прошлого или Европе средних веков китайский ум симпатизировал и имел многие точки контакта, но он нашел магометанство трудно перевариваемой вещью, и эта антипатия должна быть принята во внимание, если мы хотим понять чрезвычайную горечь войн, восстаний и репрессий, сценой которых магометанские провинции Китайской империи столь часто были" /174, 117/. В бунтах мусульман, считал Р. Джонстон, императивом выступал не религиозный фанатизм. Восстания эти были выражением социального протеста против существующих порядков. "Китайские мусульмане

часто пробовали зуб на мясе официальных классов не только в Юньнани, но также в Ганьсу и где-нибудь в другом месте. Все же нельзя сказать, что она показала много того яростного религиозного фанатизма, который иногда характеризовал ислам где-нибудь в другом месте. Великое восстание в Юньнани, имело причину ни в каком-нибудь религиозном споре, и оно никогда бы не развилось в войну, которая длилась почти двадцать лет и опустошала провинцию, если бы только несколько способных и беспристрастных чиновников не обратили бы своего внимания на это дело в самом начале". /203, 486/.

Р. Джонстон отметил предвзятый подход уездной администрации к мусульманам во время событий, предшествовавших возникновению массовых выступлений /203, 435/. Этот же автор особо выделял религию как критерий разделения на общины. Мусульмане Юньнани, утверждает Джонстон, отличались от своих сопровинциалов единственно религией. Этого, однако, было достаточно, чтобы относиться к ним почти как к иностранцам, так как они держались особняком от ортодоксальных китайцев /203, 435/.

О причинах мусульманских восстаний в Юго-Западном и Северо-Западном Китае XIX в. высказывался Д. Бульджер. На первый план он ставит произвол местной администрации. Последний выступает, как провоцирующее начало. Подоплека же выступлений - в особенности менталитета мусульман. Их неприязнь к "неверным" - исходная посылка Д.С. Бульджера в объяснении поведения мусульман: "...Люди были магометанами и, соответственно, антипатичны к конфуцианцам или буддистам-китайцам" /159, 51/. Доминантой поведения мусульман Восточного Туркестана был расовый и религиозный антагонизм, отделявший их от "неверных" завоевателей-китайцев /159, 173/. "Имени пророка, подстрекательства к джихаду было достаточно, чтобы оторвать трудовой люд равнин от их занятий, чтобы предпринять опрометчивые поступки или осмелиться на невозможное" /159, 174/.

В то же время Д. Бульджер не может отдать определенного приоритета социально-экономическим или иным психологическим факторам в объяснении причин возникновения мусульманских выступлений. Мусульманские восстания 2-й половины XIX в., полагает Бульджер, возникли не столько из-за религиозных пробуждений, сколько из-за произвола властей на местах. "Их /пантаев и дунган. - В.К./

симпатии к пекинскому правительству никогда не были велики, но в обоих случаях они были вынуждены восстать больше из-за местной тирании, нежели из-за какого-либо определенного желания сбросить власть китайцев; но, конечно, очевидное замешательство центральной исполнительной власти поощрило, благодаря упрощению, задачу восстания" /159, 431/.

Восстание мусульман в Юньнани, пишет Ф.Л.Х. Потт, явилось ответом на притеснения со стороны китайских чиновников и было продиктовано интересами самосохранения; стремле ние сорвать заговор, который, по мнению мусульман, готовился, ставивший цель умертвить всех последователей пророка" /238, 157/. Угнетение мусульман Юньнани представителями цинского военно-бюрократического аппарата, усугубившееся в период тайпинского восстания, считают Х. Гоуэн и Дж. Холл, породило восстание местных мусульман, которое приняло форму священной войны против "неверных" вообще, независимо от их социальной принадлежности. Лозунгом мусульман-повстанцев стало: "Долой свиноядов-неверных!" /199, 283/.

Восстание мусульман в Юньнани, считает Макаливи, вызвали факторы экономического и политического порядка. В последнем случае - антимусульманские настроения среди цинской бюрократии. "... администрация теперь перешла в руки врагов Ислама, и тайные приказы были посланы мандаринам провинции собрать как можно больше людей, которых они могли бы выделить на уничтожение мусульман" /216, 86/.

Для Дж. Кэди мусульманское восстание на Юго-Западе Китая во 2-й половине XIX в. - выступление небольшой секты, называемой "пантай", против тягостного и нерешительного контроля маньчжурских китайцев" /164, 106/.

Восстание мусульман в Юго-Западном Китае во второй половине XIX в. не спонтанное явление, но естественное следствие их борьбы от власти китайцев и не всплеск воинствующего фанатизма - такова исходная посылка А.С.Ханны. Пантай в долгой борьбе стремились освободиться от китайского правления. В 1855 г. они провозгласили свою независимость и создали свое царство во главе с Ду Вэньсю-Сулейманом /194, 72/.

Восстание мусульман в провинциях Шэньси-Ганьсу, по мнению

Ф.Д.Х. Потта, произошло из-за попытки китаЙцев вырезать всех мусульман в названных провинциях /238, 157/.

Говоря о восстании мусульман Северо-Запада во 2-й половине XIX в., А. Фандлэй выделяет недовольство их нетерпимым вмешательством китаЙцев в дела, относящиеся к их, мусульман, личным спорам /185, 80/. Восстание свелось к джихаду: "Старое предложение было повторено: "Ислам или меч" /185, 80/.

Религиозным фанатизмом, отмечают Х. Гоуэн и Дж. Холл, направлялись действия мусульман-повстанцев в Ганьсу и Шэньси: они уничтожали все храмы идолов /192, 284/.

В. Бэйло причину мусульманских восстаний 60-70-х гг. на Северо-Западе склонен усматривать в амбициях и нетерпимости мусульман к хань как иноверцам "... магометане чрезвычайно мирны в тех местностях, где их по численности сильно превосходят китаЙцы, но тогда, когда они по численности почти равны или в большинстве, в отношении немусульман-китаЙцев магометане становятся очень нетерпимыми. В любом случае они производила беспорядки только в тех областях, где была большая концентрация мусульман. Также совершенно очевидно, что мусульмане почувствовали, что они имеют основанное на праве данности или древнем обычае право на Северо-Запад, Ганьсу и Синьцзян в особенности и что они возмущены присутствием китаЙцев в этом крае" /152, 220/. И слабость режима, проявившаяся в тайпинском восстании, в войне с Францией и Великобританией, "несомненно сделала мусульманам ясным, что если они намереваются освободиться от китаЙцев, то время настало" /152, 220/.

В таких условиях произошло "Великое мусульманское восстание", охватившее Шэньси, Ганьсу и Синьцзян. Оно, по мнению В. Бэйлса, явилось проявлением нетерпимости мусульман к "неверным" и только. О событиях в Шэньси, положивших начало "Великому мусульманскому восстанию", он пишет: "Не было никакой программы, никакого плана, никакой организации, никакой политики, кроме того, как убивать каждого китаЙца, маньчжура или монгола, который мог быть встречен" /152, 222/. Выступление мусульман в Синьцзяне тоже свелось к физическому истреблению "неверных" /152, 223, 224/. В обобщенном виде оценка восстания мусульман у В. Бэйлса суть: "Было бы трудно найти во всей истории восстания такого масштаба

и длившегося столь долго, как Великое магометанское восстание, которое не было вызвано политическими соображениями или из которого так мало, в известном смысле, политических претензий появилось" /152, 225/.

Аналогичного взгляда придерживается В. Карнан. В дунганском /хуйзском/ восстании 1862 г. он усматривает лишь слепую разрушительную силу: "Они /дунганы. - В.К./ прадали выступлению Ислама кое-что от восстания сипаев" /201, 317/.

Иначе представляется дело Ф. Николсу. Создание собственной, мусульманской государственности, полагает он, было целью восставших мусульман Северо-Западного Китая. "Очевидной целью восстания мусульман Шэньси и Ганьсу было поместить последователя Пророка на государев трон" /228, 114/.

Очевидно, считает М. Райт, две основные причины вызвали восстание северо-западных мусульман: "1/ дискриминация мусульман со стороны местных цинских властей" и 2/ влияние фанатического Нового учения /синь цзяо/ в некоторых мусульманских общинах, начавшая с конца восемнадцатого века" /292, 197/. Из этих двух причин первая представляется М. Райт более важной /292, 107/, и она формулирует: "... за возможным исключением приверженцев Нового учения великое восстание середины девятнадцатого века было в меньшей степени выступлением против конфуцианского государства, нежели аккумуляцией протеста против дискриминации на местах " /292, 108 /.

Особого подхода к проблеме о причинах мусульманских выступлений в Китае придерживается Д.Д. Лесли. Не ставя целью охарактеризовать политику правителей Китая в отношении мусульман, своих подданных, Д.Д. Лесли тем не менее высказывает суждение такого рода, что таковая определялась поведением самих мусульман. Оговорившись относительно приемлемости его посылки, Д.Д. Лесли полагает, что мусульмане держались больше изолированно от китайских дел и старались избегать, по меньшей мере до XIX в., навлекать на себя "гнев китайских властей" /212, 296/.

Мусульманское восстание в Северо-Западном Китае Чжу Вань-цзяню видится как проявление конфронтации двух различных религиозно-культурных общин, нейтрализовать которую было не в состоянии цинское государство. "Отношения между китайцами в восточной

Шенься и агрессивным, легко раздражимым мусульманским меньшинством была какими угодно, но не дружественными. Различия в религиозных обрядах /выделено нами. - В.К./ и повседневных обычаях вызывала множество конфликтов между двумя группами ... Многие заурядные инциденты, от которых в другом случае можно было отпутиться, часто чрезвычайно преувеличивались и перерастали в серьезное дело", - так характеризует Чжу Вэньцзянь, опираясь на китайские источники, общественный климат в одном из районов Северо-Западного Китая в канун мусульманского восстания 60-70-х гг. XIX в. Цинское государство, в частности, его юридические органы были бессильны изменить эту психологическую несовместимость представителей двух общин. "Когда конфликт разбирался в суде, - продолжает Чжу Вэньчжан, - даже если это был беспристрастный суд, никто, вероятно, не чувствовал себя удовлетворенным".

При всей объективности изложения в целом у Чжу Вэньцзяня порою все же проскальзывает известная предвзятость к мусульманам. Отчасти, это, очевидно, проистекает из того, что автор безоговорочно следует за официальными источниками, для составителей которых мусульмане, защищавшиеся от хань - погромщиков и выступавшие с оружием в руках против цинских властей, одинаково "мятежники" или "разбойники". Вот характерный образец повествования Чжу. Хань повсеместно начали мусульманские погромы. В ряде мест "мусульмане не имели ни намерения, ни средств, чтобы начать беспорядки... В то время как старые и слабые пали жертвами /хань.- В.К./, молодые и сильные бежали на северный берег реки Вэй и, организовав непримиримые группы повстанцев /подчеркнуто нами.- В.К./, вернулись для мщения" /Г72, 25/. При такой постановке вопроса мусульмане, мстившие хань, предстают не как одна из сторон, участвующая в разборке, но уже как повстанцы или мятежники, выступающие против существующих социальных порядков. Хань же выглядят как зачинщики бытовой ссоры. У Чжу мусульмане - "агрессивное, легко раздражимое" меньшинство /Г72, 23/. При этом Чжу воздерживается от каких-либо характеристик относительно психологии социального поведения хань. Потом он, правда, уточняет: "Благодаря долгому опыту унижения, которому подвергались мусульмане, они были особенно чувствительными". Однако вопрос о природе "агрессивности" мусульман остается все же от-

крытым.

М. Брумхолл обратил внимание на известную синхронность появления мусульманской государственности на территориях, отложившихся от империи Цин в результате магометанских восстаний. "Якуб-бек, который в течение двенадцати лет был магометанским султаном этой северной области, аналогичен Ду Вэньсю, который правил в Далифу на юге" /157, 160/.

Ислам играл свою роль при свержении цинского господства и сохранял свою политическую значимость после отделения мусульманских земель от империи. Особую значимость он имел в государстве Якуб-бека. Акцентировав роль, которую он придавал исламу в жизни своего государства, В. Кирнан высказал не лишнее оснований предположение, что это было средством сделать его, Якуб-бека, человека пришлого, более приемлемым для местного населения Восточного Туркестана. "Он /Якуб-бек. - В.К./ был всегда иностранцем, опирающимся главным образом на армию, составленную по большей части из андижанских наемников: опирающимся также в значительной степени на андижанских торговцев, которые давно наводнили Кашгарию, и доверившимся нарочито ортодоксальному выставлению на показ религии, чтобы обеспечить какой-нибудь другой цемент, в котором его царство, быть может, нуждалось" /207, 313/.

Появление на политической арене Центральной Азии Якуб-бека на первых порах принесло, судя по изложению У. Мордена, принципиально новый момент в борьбу мусульман против китайцев, а именно: оно консолидировало первых. Однако это единство ограничилось избиением и изгнанием китайцев. Единоверец-правитель из-за своей социальной политики и дурного правления оказался менее приемлемым для мусульман Кашгарии, и она, по словам У. Мордена, приветствовала восстановление власти китайцев /226, 235/. Иными словами, автор затронул проблему соотношения материального и духовного в выступлениях мусульман Китая.

Сдан из конкретных аспектов этой проблемы, а именно, воздействие мусульманских выступлений против цинского режима на социально-экономическое состояние края по своему осветил В. Кирнан. Законопорядок, поддерживаемый цинскими властями, и созидательная деятельность, осуществляемая ими, сошла, однако, на нет в результате мусульманского восстания 60-70-х гг. Причем роко-

вую роль сыграла здесь дунгане. "... они /дунгане. - В.К./ придали восстанию Ислама нечто от мятежа, и так как власть Пекина рухнула, то они заменили ее несколькими мелкими владениями под началом своих местных вождей. Разбушевались междоусобицы, а процветание сменялось пересохшими каналами, заброшенными полями и разрушенными поселениями" /207, 318/. При этом следует подчеркнуть, что в своих реминисценциях на предмет демонизация дунган. В. Карнан не одинок. В подобном духе о них отзывался З. Тейчман.

Мотив о разрушительных последствиях восстания мусульман звучит на страницах книги А. Хоузи /198, 127-128/. При характеристике мусульманских восстаний XIX в. он оперирует установкой историков КНР: это была борьба национальных меньшинств против феодального правительства /217, 126/. Слегка иронизируя над популяризаторами этой концепции, Х. Мак Аливи между тем говорит о влиянии британских агентов в этих восстаниях и об их панисламистском оттенке /217, 126/.

Проблему "Мусульманство в Поднебесной" У. Кленнал рассматривал через призму сосуществования двух различных социумов, оказавшихся в составе собственно китайской государственности.

Для общественного сознания ханьского этноса ислам, как политический и духовный феномен, антипатичен и не приемлем. Отсюда и жестокость, которая сопровождает мусульманские восстания и их подавление - такова исходная посылка У. Кленнела. "В оценке влияния мусульманства на Китай мы должны брать в расчет тот факт, что как во времена Тан, так и позднее имел место подъем самостоятельных мусульманских государств в Центральной Азии, который прервал связи между Китаем и индийским и западным мирами. Ибо, когда все говорят, Китай и мусульманство никогда не были в хороших отношениях друг с другом - они имели слишком мало общего. К Индии, к старой языческой Европе классического прошлого или к Европе средних веков китайский ум питал симпатию и имел много точек соприкосновения: но он нашел мусульманство неудобоваримой вещью, и эта антипатия должна быть принята во внимание, если мы будем подразумевать чрезвычайность жестокость войн, восстания и подавления, сценой, которых мусульманские провинции Китайской империи, так часто была /174, 117/.

Ислам был фактором, дестабилизирующим цинскую монархию и сменявший ее режим. Эта общая посылка о разных нюансах наличествует в ряде изданий.

"На северо-западе и юго-западе, - писал, в частности, А.Х. Кин, - ислам временами добивался большого успеха, и последнее восстание мусульман-пантаев в южных провинциях и дунган в Джунгарии на момент угрожало империи гибелью" /205, 578/.

Обобщая историю китайского господства в Синьцзяне, Э. Тейчман оценивает его крайнюю нестабильность из-за непримиримости мусульманского населения. "Китайское правление в Синьцзяне никогда не было больше, чем показухой, в прошлом оно часто было сотрясаемо восстаниями мусульманского населения" /255, 223/.

Мусульмане выступали как дестабилизирующий фактор ханьской государственности - таков обобщающий вывод М. Кэйбл и Ф. Френч. "Они /мусульмане. - В.К./ вызывали беспорядки своими частыми восстаниями, целью которых было свергнуть китайское правление и установить свою собственную власть" /163, 128/.

Восстание мусульман на северо-западных рубежах империи тревожило цинский двор, считает Макаливи, в большей степени, нежели в Юньнани. В частности, потому что "туркские народы Синьцзяна поднялись с оружием против их китайских правителей, защищая не только свою религию, но и также свое отечество" /216, 153/.

В литературе освещались внешнеполитические аспекты мусульманских восстаний. О попытках правителя мусульманского султаната Ду Вэньсю заручиться поддержкой Великобритании писали Бабер /150, 9/, Ч. Кэмпбелл /166, 19/. Обстоятельное освещение вопроса о посольстве мусульманского султаната в Юньнани в Великобританию получил в статье Б. Эванса. Миссия эта оказалась безрезультатной для мусульманских повстанцев - таков основной вывод явствует из выкладок Б. Эванса /183, 340/. О контактах британских властей Индии с пантями, мусульманами-повстанцами на Юго-Западе Китая, сообщал В. Кирнан /207, 323/.

Дж. Кэди писал о пособничестве французских властей цинским правителям в борьбе с мусульманскими повстанцами Юньнани /165, 283-284/.

М. Райт отметила нежелание "цинского двора" "интернационализировать" подавление мусульманских восстаний. Ее исходный

тезис суть: "Китайцы выступали против предложений помощи как со стороны России, так и морских держав. На всем протяжении событий Цзунли ямэнь /внешнеполитическое ведомство. - В.К./, по-видимому, меньше заботила угроза мусульманской инсurreкции, нежели опасность русской помощи против инсurreкции" /292, 219/.

Э. Тэйчман говорил о противоречивом своеобразии мусульманского феномена в политической жизни империи Цин. А именно, лояльность мусульман-бюрократов цинскому двору, несмотря на суровые репрессии при подавлении мусульманских восстаний.

Хотя магометане безжалостно вырезались Цзо Цзунтаном в 60-х годах и Дун Фусяном в 1894 г., именно они были самыми лояльными сторонниками пекинского правительства /293, 459/, т.е. власти маньчжурских, неханьских монархов. Эту посылку Э. Тэйчмана позднее проиллюстрировал Х. Макаливи. Мусульмане - фанатики, солдаты из Ганьсу, отметил он, были в то же время в числе спасителей цинского режима в период выступления "ихэтуаней" /217, 165/.

На начало XIX в. мусульмане в Китае оставались потенциальной угрозой режиму - так считают авторы коллективной работы о Китае. По их утверждению, так как с магометанами дурно обращались в прошлом их правители, они еще составляют ненадежную, представляющую угрозу, часть населения" /272, 193/. Одно из наглядных свидетельств тому - магометанам не позволяется жить в городах. Это - следствие их недавних восстаний.

Чувства своеобразного патриотизма у мусульман собственно Китая возобладали над солидарностью со Стамбулом, духовным центром мирового мусульманства в годы первой войны. На этот феномен обратил внимание Э. Тейчман. "Мусульмане Северо-Западного Китая, несмотря на их релягиозные связи с Турцией и интриги вражеских агентов, на протяжении всей войны оставались абсолютно лояльными китайскому правительству" /254а, 148/.

Падение цинской монархии открыло новую эпоху в политической истории Китая - установление республиканского строя. Смена формы правления одновременно означала установление верховной власти представителей ханьского этноса. Как соотносился режим активного ханьского национализма с настроением мусульман?

Ханьская олигархия, по мнению Э. Пикенс, сделала соответствующие выводы из мусульманских восстаний 2-й половины XIX в.

"Со времен ожесточенных восстаний на Северо-Западе китайцы придерживались методов „миротворения" /237, 256/. Эта общая посылка априорна и, очевидно, несет влияние политической конъюнктуры, если учесть время появления статьи - 1944 г. В это время Китай был наряду с Англией и США участником войны с японским империализмом.

Революция 1911 г. и мусульмане, статус мусульман при республиканском режиме - на этих проблемах конкретно останавливался А. Виссер. По первой проблеме его суждение таково: мусульмане Восточного Туркестана не стояли в стороне от революции 1911 г. /289а, 312/. По второй проблеме заключение А. Виссера суть: при республиканском режиме правовой статус мусульман в Китае улучшился /289а, 309/. В этой же связи А. Виссер отмечает, что руководители государства стремились заручиться симпатиями мусульманской общины Китая /289а, 310/.

Созвучные суждения высказал А. Финдлей. В догоминьдановское время и при гомяньдановском режиме, утверждает он, мусульмане Северо-Западного Китая пользовались огромным влиянием в центральном правительстве Китая. "Таким образом, сектантские свары среди них были действительно запасом прочности для китайского правительства. Но какая бы ни была обстановка в Ганьсу, мусульмане всегда обладали огромным влиянием в центральном правительстве Китая, одинаково в Пекине или как в настоящее время в Нанкине" /186, 93/.

По мнению Дж. Кита, мусульмане Северо-Западного Китая рассматривали революцию 1911 г. лишь как свару между хань и маньчжурами. "Отношение магометан во время революции /1911 г. - В.К./ было отношением абсолютного цинизма. Политически их вовсе не занимало, кто прав, а кто виноват, в сваре между их соседями - китайцами и маньчжурами. Победили бы хань или маньчжуры, это было безразлично для магометан, ибо страстно желали, чтобы обе стороны были достаточно ослаблены, так как их истощение означало "возросшую автономию для ислама" /206, 58/.

Свое представление о положении мусульман в республиканском Китае чиновник британской миссии в Пекине Ч.У. Кэмпбелл изложил так: "Они /мусульмане. - В.К./ имеют те же самые права, как и остальные китайцы, и свободны исповедывать свою религию беспре-

пятствено" /166, 104/. Такую оценку нет оснований считать всеобъемлющей, поскольку не учитывает всей специфики обстановки, в частности, на окраинах.

Среда причин, определявших поведение здешних мусульман, особую значимость имел психологический фактор, особая чувствительность их ко всему тому, что затрагивало веру и связанные с ними обычаи. Особую чувствительность такого рода мусульман Синьцзяна, выступавшую как первоисточенный фактор воздействия на политическую обстановку в крае, отметила Э. Майлларт. "До недавнего времени народ никогда не был возбужден к действию за исключением того, когда фанатизм ислама был оскорблен буддийским и китайским угнетением" /220, 183/.

Это положение Э.Майлларт конкретизируют А. Уайтинг и Шэн Шацай на примере Синьцзяна первой трети XX в. При Ян Цзэнсине и Цзянь Шужэне свобода религии в Синьцзяне нарушалась /290а, 157/. Но, как пишет С. Гедин, опасный антагонизм между магометанами и язычниками Цзянь Шужэнь усугубил своими аграрными мероприятиями /196, 4/.

В изложении Н.Д. Маклина просматривается динамика политики китайского начальства в отношении ислама в Синьцзяне. Время правления Шэн Шацай ознаменовалось подспудными и прямыми атаками на ислам. Конкретных доказательств, однако, Н.Маклин не приводит, а его суждения представляются чисто пропагандистскими. При преемниках Шэн Шацай китайское руководство поощряет рост "религиозных и традиционных чувств" мусульман, результатом чего явилось возрождение ислама в Синьцзяне: "снова исламские обычаи возвращаются в Синьцзян впервые за более, чем 10 лет, Женщин, укрытых под толстыми покрывалами, можно снова увидеть быстро перебегающими через улицы городов, мечети были снова открыты и распятие алкоголя не поощряется" /219, 385/.

Немалое место уделял роля исламского фактора в политической жизни Синьцзяна за период 1911-1949 гг. в своей книге Э. Форбс. Он отметил притягательность исторического прецедента, положенного созданием мусульманского государства Якуб-беком. Реанимация начинания последнего оказалась с самого начала нежизнеспособной из-за бескомпромиссной "тюркско-исламской позиции".

Десятилетнее правление Шэн Шацай в Синьцзяне, утверждает

Э.Форбс, отмечено террором, основным объектом которого физически были мусульмане, а политически – турецкий мусульманский национализм.

Для подхода Э. Форбса характерно недостаточно критическое отношение к суждениям лиц, которые не имели возможности глубоко и всесторонне ознакомиться с обстановкой ила, будучи сопричастны к тем или иным событиям, подаят их в выгодном для себя свете.

Характеризуя природу исламской республики /ТИРВТ/, появившейся в Синьцзяне в 30-х годах, П. Флеминг, писал следующее: "Во идеалах был панисламизм, но, грубо говоря, ее политика была антинакинской и антисоветской" /187, 252/.

Сходную с П. Флемингом, но более развернутую оценку внешнеполитических установок ТИРВТ дал Э. Форбс. Внешняя политика ТИРВТ была устойчиво антисоветской, так же как антидунганской и крайне антиханьской /189, 113/.

Внешняя политика ТИРВТ виделась Д.Э. Ниману так: "Основная внешняя политика юной республики /Исламской Республики Восточного Туркестана. – В.К./ шла по антисоветской, пробританской линии" /231, 112/. Это утверждение далеко небезупречно. Сказанное автором подразумевает, что проводилась политика в интересах Англии и против интересов СССР, но конкретных данных на этот счет автор не приводит. И его посылка предстает умозрительной.

Э. Форбс раскрыл историческую преемственность во внешнеполитической ориентации ТИРВТ. "Во многих отношениях ТИРВТ была непосредственным духовным преемником эмирата, основанного Якуб-беком в середине XIX в. ... Как и Якуб-бек, ТИРВТ ожидала от Британской Индии и от мусульманского Ближнего Востока помощи и признания" /189, 113/.

Вопрос о причастности внешних сил к мусульманским выступлениям в Синьцзяне в 30-х годах широко муссировался в литературе. Этому сюжету специально посвящено исследование Д.Э. Нимана /231/.

Достаточно категоричен в своих суждениях на сей счет В. Фальхнер. Мне удалось узнать, пишет он, что Англия и Япония заняли определенную позицию по отношению к волнениям в Синьцзяне. Можно было предполагать, что Англия приняла сторону Советов, так как между обоими государствами наметилась очевидная разряд-

ка напряженности с момента, когда Япония начала расширять свое влияние на азиатском материке и вбивать клин между Советской Россией и Британской Индией /184, 164/.

А. Уайтинг и Шэн Шацай отказывают Ма Чжунину, вожаку мусульманского выступления, в самостоятельности во время боевых действий в Синьцзяне. Он действует "по наущению японских фашистов" и рука об руку с японским агентом /290а, 160/. Однако такого рода утверждения не были общепризнанными: степень реального влияния японских советников никогда не была определена /253, 58/.

Уже из самого названия книги Л. Бенсон "Илийское восстание. Мусульманский вызов китайской власти в Синьцзяне 1944-1949 гг." явствует авторский подход к оценке событий. Л. Бенсон аргументированно раскрыла исламскую природу Восточно-Туркестанской республики /ВТР/ на территории трех северных округов Синьцзяна.

Противостояние гоминьдана и КПК - определяющая черта политической жизни Китая с 20-х гг. Исламский фактор играл свою роль в этой борьбе. Антияккомунизм вожаков мусульман Северо-Запада Китая, отмечал В. Фильхнер, для руководства гоминьдановского режима был основным средством, устранять там "большевистское влияние" /184, 49/. Мусульманские генералы на Северо-Западе, фиксировал Ф. Махавель, держали сторону гоминьдана /223, 13/. Среди политических установок, посредством которых КПК пыталась привлечь мусульман на свою сторону, Э. Сноу выделяет, в частности: свобода деятельности для всех сект, панисламизм /254, 317/.

Внимание исследователей привлекали такие аспекты феномена ислама в Китае, как ислам и национализм, панисламизм.

Многие авторы рассматривали события 30-х гг. в Синьцзяне. Национализм коренного населения Синьцзяна в XX в., отметил О. Лэттимор, восходит к традиционной борьбе мусульман против власти завоевателей, "Национализм в Синьцзяне - современный результат традиционных мухаммеданских и племенных восстаний против китайского правления" /211, 17/.

Неоднородный этнический состав мусульман Китая, однако, делал невозможным прочный союз на основе исламской сущности. Такой вывод со всей определенностью делает Л.Э. Наман: "Несмотря на свое доминирующее положение, ислам никогда не стал объединяющим фактором, на что надеялось панисламистское движение. Расо-

вый сепаратизм всегда мешал объединению даже 10 время кратковременных восстаний" /231, 20/.

Подобный мотив звучит у Ф. Брайджес. Характеризуя мусульманское население, внутриобщинные и межобщинные отношения в Синьцзяне, применительно к началу 40-х гг. XX в., она отмечает, что между уйгурами, или словами автора, "чанту /чалмоносцами/ - тюрками", и хуэй /китайцами - мусульманами автора/ существует скрытая неприязнь и по сей день антипатия между ними и китайцами" /156, 41/.

Участники мусульманского восстания 30-х гг. в Синьцзяне, отмечал П. Флеминг, были неоднородны по своему этническому составу: дунгане и турки /уйгуры/. Последние "сражались за свои гражданские права и религию" /188, 473/. А за что же сражались дунгане? У П. Флеминга оставлено без ответа.

Таковой делает Э. Тейчман. По его мнению, религиозная окраска выступлений мусульман не определяла сам характер их восстаний. В основе последних в конечном счете лежала больше политическая власть. Мусульманская война 1931-1935 гг. в Синьцзяне, указывает Э. Тейчман, приняла скорее характер гражданской войны между китайцами и дунганами за контроль над провинцией / 254a, 185 /.

Восстание мусульман 1932-1933 гг. в изложении Ф. Брайджес имело в своей основе политико-экономические причины /156, 42/. Отсюда, по ее мнению, оздоровление ситуации в Синьцзяне заключается в реформах политического и экономического порядка: "С реформированной китайской администрацией, которая предоставит много местной автономии, и с благоприятными экономическими условиями традиционные неприязнь и недоверие мусульман и других групп к китайцам могут ослабнуть" /156, 45/. При такой постановке вопроса автор этих строк не берет во внимание историческую память - наиболее консервативный феномен и далеко не всегда реагирующий на изменения политических и экономических условий жизни.

Интерес авторов привлекали особенности менталитета хуэймань /дунган/. В первую очередь обращали внимание на их антикоммунизм. На это указывают В. Фальхнер /184, 49/, Л. Маклин. "Дунгане в своем большинстве решительно враждебны к коммунистам, - писал последний /219, 377/, но в то же время, отмечал Л. Маклин,

"они /дунгане. - В.К./ на протяжении длительного времени показали сильную тенденцию отделяться от китайского центрального правительства" /219, 377/.

При анализе роли исламского фактора в политической истории Центральной Азии некоторые авторы в качестве его активного и доминирующего начала вычленили мусульманское духовенство, муллы /239, 118, 128-129/.

Характеризуя политическую историю Синьцзяна за пятилетие, начиная с 1928 г., Д. Маклин указывает, что он явился полем боя в местом для амбиций "фанатических мулл" /219, 379/.

Подобное суждение применительно к более широким хронологическим рамкам сделал Р. Рахуль /233, 118, 128-29/.

Феномен мусульманских восстаний рассматривался и через призму поведения противоборствующих сторон. В частности, обращалось внимание на жестокость, степень которых авторы объясняли различием в психическом складе мусульман и собственно хань.

Религиозный фанатизм, считал Д. Бурджер, определяет и поведение мусульман-повстанцев: "... те китайцы, которые имели несчастье стать пленниками, испытали жестокость мстительного и фанатичного врага" /159, 54/. И иначе вели себя при подавлении выступлений мусульман цинские власти: "Китайцы никогда не были всецело жестокими. Качество их интеллекта, - постулирует Д. Бурджер, - предупреждало у них чувство какого-либо удовлетворения от поголовной резни людей" /159, 174/.

Правоту такого мнения в конечном счете разделяет Ф. Брайджес. Во время восстания на Северо-Западе в 60-х гг. XIX в. "безжалостно были вырезаны китайские чиновники", т.е. мусульмане подходили избирательно, уничтожала лишь должностных лиц. При подавлении восстания в Синьцзяне в 70-х гг. XIX в. китайские власти тоже подходили избирательно. Китайцы сурово наказали китайских мусульман /т.е. хуэй. - В.К./. С другими обитателями обшлись снисходительно /156, 42/.

Восстание мусульман 1930 г. вылилось в кампанию повсеместной резни китайцев /156, 45/. В связи с этим обращалось внимание различными авторами на такое явление, как мусульманская солидарность в антицинской борьбе в пределах империи Цин и вне ее. "Цинские инсургенты, - отметил Карне, - встретили матери-

альную помощь со стороны своих единоверцев в провинциях Шаньси и Ганьсу, сверх того, они нашли содействие, по крайней мере, нравственное, у своих собратьев Восточного Туркестана" /Цит. по: З, 161/.

Х. Гоуэн и Дж. Холл писали о сопричастности всемирной мусульманской общины к делам единоверцев, находившихся под властью дома Цин /192, 284-285/.

"Политика исламского энтузиазма" в Восточном Туркестане Якуб-бека, считает В. Карнан, предала последнему ореол поборника интересов единоверцев и за пределами Кашгария /207, 319/.

Обобщающую и предельно емкую характеристику роли мусульманской веры в политической истории китайского государства дал Дж. Дэнтон. Он называет ислам "религией восстаний" /177, 206/.

Проблемам ислама в Китае большое внимание уделяли японские синологи. Не имея возможности подробно давать оценку их работам, укажем лишь на одно принципиальное обстоятельство. Общепринятое представление о спокойном поведении мусульман при маньчжурских правителях поставил под сомнение Кодо Тасака. По его мнению, т.н. магомётанское восстание в Китае произошло не в начале правления маньчжурской династии, но в середине правления дома Мин или конце XV в. /183а, 378/.

История мусульман в Китае привлекает внимание и научной общественности исламских стран.

Показательны работы, вышедшие в Турции. Мехмет Сарай акцентировал стремление Якуб-бека, правителя государства Йетишар, заполучить протекцию Османской Порты, а также Великобритании, чтобы выстоять перед империей Цин. Правителя последней не хотела смириться с отложением Восточного Туркестана. В этой связи Мехмет Сарай отметил негативное отношение Пекина к предложению посредничать между империей Цин и государством Йетишар /247/.

Среди последствий цинского завоевания Восточного Туркестана Ахмет Рыза Бекан называет сознательное разрушение мусульманских культовых и образовательных центров. Для возведения административных построек завоеватели использовали здания мечетей, медресе, разрушая их /153/. Но все свои рассуждения Рыза Бекан никак не фундирует.

На страницах пакистанского издания Икбал Шафи пишет, что при династии Мин мусульмане пользовались привилегиями как в армии, так и на гражданской службе /2016, 104/.

О внутри- и внешнеполитических аспектах проблемы мусульман в Китае имеется и разнородная китайская литература.

Остановимся лишь на некоторых публикациях, имеющих непосредственное отношение к исследуемым нами аспектам.

Среди работ цинских историков прежде всего отметим сочинение Вэй Юаня "Шэн у цзи" /"Записи о ранних деяниях царствующего дома"/. В своих оценках выступлений мусульман в Северо-Западном Китае и в Восточном Туркестане Вэй Юань исходит из официальных установок. Мусульмане, выступающие против установленного династией социального строя и правопорядка, суть не что иное, как "разбойники" и "мятежники". У Вэй Юаня негативное отношение к психическому складу мусульман как таковых. Среди факторов, определяющих их поведение, он выделяет слепую веру в ходжей, почитавшихся за потомков пророка. Они чтут их так же, как тибетцы далай-ламу /28, 4/.

В республиканском Китае мусульманский сюжет не был предан забвению.

Межобщинная неприязнь характеризовала отношения мусульман и хань в Шэньси-Ганьсу, а сохранению ее способствовали сами хань. Таковы послышки Ла Юнбана. Буквально он пишет следующее: "Она /магометане. - В.К./ жила бок о бок с китайцами, но последние никогда не научились любить их" /213, 55/. Восстание мусульман, как считает Ла Юнбан, было борьбой последних против хань как таковых.

Середной всплеск ханьского национализма, который пришелся на 20-е годы /революция 1925-1927 гг./, установление в стране гоминьдановского режима, выступавшего с проповедью великоханьского национализма, отразился и на направленности научных изданий. В некоторых из них популяризовался тезис о том, что из всех правивших в Китае династий мусульмане всего больше страдали при Цинах. К примеру на страницах "Го сюэ мэнг юэ цзян", издававшегося исследовательским отделом Пекинского университета, были воспроизведены следующие суждения Чэнь Юаня. "... При Минах служившие люди в большей части хорошо относились к исламу. Права-

тельство тоже никогда не предпринимало действий, запрещавших ислам...".

При династиях Кань и Ман ислам во внутренних территориях Китая процветал...

При Цинах служивые люди обращались с мусульманами крайне жестоко, поэтому выступлений последних против Цинов тоже особенно много /10, 361/.

В "Общем историко-географическом очерке Синьцзяна" Хун Дичэнь, излагая основные политические события в крае, последовательно описал борьбу мусульман за освобождение от власти Китая. В том, что цинский режим был неприемлем для мусульман, Хун Дичэнь винит неправедных чиновников на местах. Помимо того, что користи ради они обирали население, к тому ж еще хватала без разбора женщин-мусульманок.

Подход Хун Дичэня к проблеме "Цинский режим и мусульмане Синьцзяна" носит определенно националистическую антиманьчжурскую окраску: воинскими начальниками всех рангов, т.е. обладателями реальной власти, были маньчжуры /123, 146/.

Исламский фактор, резюмирует Хун Дичэнь, таит потенциальную опасность для целостности Китайской Республики. У Синьцзяна очень тесные связи с определенными мусульманскими государствами, как то: Турция, Афганистан, Индия. "Утратив в один прекрасный день его, вернуть будет очень трудно".

Для У Айчэня К., представителя официальных кругов гоминьдановского режима, характерно стремление выявить роль психологического фактора в выступлениях мусульман против политической системы Китайской Республики.

По мнению У. Айчэнь К., туркам-мусульманам была присуща особая, биологическая чувствительность к отношению заповедей их веры. "Но их /жителей Турфана.- В.К./ предки были теми, кто пришел с мечом в одной руке и кораном в другой; и эти смелые сыновья Пророка передали своим потомкам грозное наследие ненависти. Когда однажды какое-то неуважение к их вере вадно или предполагается, они превращаются в неистовых фанатиков, способных на любые кровавые и позорные дела" /224, 57/.

С такой посылкой У Айчэнь К. подходит к изложению мусульманских выступлений в Синьцзяне в 30-х годах. Они последовали

за смертью губернатора Ян Цзэнсяня, сильной личности, который в то время "избегал любые подозрения в посягательстве на обычай или веру..." /224, 57/. По схеме У. Айчэня К., выступлению мусульман способствовало отсутствие сильной руки у преемника Ян Цзэнсяня, чем воспользовалось мусульманское духовенство, выступавшее запершиком восстания мусульман во имя создания независимого исламского государства /224, 59/.

С установлением КНР и насаждением идеологии КПК мусульманский вопрос освещался на страницах научных изданий с учетом новых политических реалий и специальных установок. Упор делается на то, что в отличие от предшествующих режимов в КНР для мусульман началась совершенно иная, счастливая жизнь. Залог ее в сохранении неизбежного союза с хань. Исторические изыскания по части ислама в КНР подчиняются этой установке. Издревле мусульмане и хань объединяла общность политических интересов. Проявлялась она в совместной борьбе за установление власти ханьского правителя и в ниспровержении правления нехань монгольской династии Юань и маньчжур, маньчжурской династии Цин. При этом последняя выставляется злейшим врагом мусульман в сравнении со своими предшественниками.

В этом отношении весьма показательны выкладки Линь Ганя, хуэймань хуэйцзу были подчиненной, угнетаемой нацией при династиях Юань, Мин, Цин. Но при последней подвергалась очень сильному угнетению. Поэтому при династии Цин Хуэйхуэй особо ожесточенно сопротивлялись. Борьба мусульман Северо-Западного Китая, акцентирует Линь Гань, при династии Цин, выглядившая как борьба за веру, в действительности была борьбой за их самосохранение. "В этой борьбе сопротивления общая религия стала мощным призывом к единству хуэйхуэй. Поэтому цинские правители не только использовали раздробленность исповедующих ислам на секты, но и пытались низвести его. Это привело к тому, что национальная борьба хуэйхуэй против цинского гнета часто переплеталась с "религиозной войной, вплоть до того, что принимало форму "религиозной войны". Таким образом, движение в защиту ислама фактически постоянно является ничем иным, как движением в защиту существования хуэйхуэй. К тому же, всякий раз, когда происходила борьба сопротивления, религиозные представления еще более глубоко-

ко укоренились в сознании хуэйхуэй, ислам тем более стал символом существования хуэйхуэй, широко бытуют настроения такого рода: "Если существует вера, то существуют и хуэйхуэй, если вера погибнет, тогда и погибнут хуэйхуэй" /79, 7-8/.

Линь Гань причину неприязни правящего дома Цин к мусульманам усматривает в специфике культуры последних, которая в свою очередь порождает их антипатию к хань.

В глазах правящих классов Цинской династии ислам был "еретическим учением, которое не уважало Небо и Землю, не считает нужным приносить жертву духу земли, особо выделило главного владельца, само определяет годы, приверженцы его многочисленны, способно приносить зло и вред народу" /79, 22/.

Почему цинский дом не запретил категорически ислам? По следующим, как они видятся Линь Ганю, причинам. Во-первых, цинский двор полагал, что роль, которую играет ислам в Китае, не велика, его существование не угрожает цинскому правлению, во-вторых, цинский двор считал, что ислам давно получил распространение в Китае, если вдруг запретить, то у хуэймань появится повод к войне, в свою очередь произойдут смуты, что отразится на политической стабильности. Пусть лучше уж он существует /79, 23/.

Цинские правители предпочли использовать сектантскую неоднородность, чтобы усугублять внутреннее несогласие среди хуэйцзу, и так преднамеренно подавляли ислам /79, 15/.

Цинский двор, хотя и дозволил существование ислама, однако его цель заключалась в том, чтобы не допустить сопротивления со стороны хуэймань. Главная причина, почему цинский режим не предпринял в отношении ислама безусловного запрета, заключалась в том, что вера хуэймань в ислам была необычно сильна, поэтому в условиях, когда при Цинах ислам подвергался гнету и гонениям, он, однако, продолжал распространяться и развиваться, и чем больше притесняли и подвергали гонениям, тем крепче становилась вера. Вопреки драконовской политике Цинов исламская культура, признает Линь, развивалась. И этому способствовал сам антимусульманский курс дома Цин. "... развитие исламской культуры во время правления династии Цин именно и есть проявление этой крепости веры" /79, 24/.

До правления Цинов для ислама в Китае существовали благо-

приятные условия — такой установки придерживается Бай Шоуи. "В конце Сун и начале Юань, — пишет он, — мусульмане в Китае распространены повсеместно. Что касается их политического положения, то оно превосходно и среди них много администраторов и ученых, поэтому в те времена ислам повсеместно распространяется, и он пользовался уважением всего общества. Видимо, это не вызывает сомнений. Этого явления не только не было в предшествующий период, да и из-за падения династии Юань нет поныне. Поэтому мы говорим, что этот период — период расцвета ислама в Китае ..."

/Ю, 28/.

Конкретизируя применительно по времени царствования определенных династий, Бай Шоуи утверждает: период Тан и Сун можно считать временем, когда в Китае появляются зачатки ислама, и конец правления Сун и период Юань — время его расцвета /Ю, 219/.

На годы правления династии Цин в Китае приходится серия антиправительственных выступлений, которые обычно квалифицируются как антицинские. Эпитет этот несет определенное националистическое звучание, ибо нередко имеется в виду, что восстания были направлены собственно против маньчжурской династии и маньчжур как таковых.

Антиправительственные выступления мусульман некоторыми авторами интерпретируются как составная часть борьбы многонационального населения Китая против господства Цинов. Поскольку неубедительно говорить о совокупности интересов хань и мусульман в борьбе против режима, то в оборот идет посылка о совместном выступлении против феодализма и империализма, олицетворением чего были Цины, и против чего были как хань, так и магометане.

Антицинское восстание хуэйминь Шэньси, возникнувшее под влиянием и тайпинской революции и подтолкнувшей его, является составной частью антиимпериалистической, антифеодальной борьбы народов всех национальностей Китая, которую представляло Тайпин тяньго. Как и другие национальные выступления, восстание хуэйминь в Шэньси нанесло удар реакционному правлению цинской династии, поддерживаемой империализмом, повлияло на возникновение Синьхайской революции. Такова исходная посылка Ма Цзэнля и Ма Цзюньпина в статье "Роль ислама в антицинском восстании хуэйминь Шэньси в годы Тун Чжи" /50, 199/.

Главную роль в антицзинском восстании хуэйминь Северо-Запада безусловно сыграли политические, экономические и классовые причины, указывают упомянутые авторы. "Однако мы также должны видеть, что определенную активную /положительную/ роль во всенародном характере тогдашних хуэйцзу сыграл также ислам. Раз так, то в чем конкретно проявилась эта активная положительная роль?" /50, 129/. В том, что ислам полностью раскрыл свою движущую, организующую и вдохновляющую роль /50, 204/. Конкретные выкладки суть.

1/ Союз исламских приходов создал организационную форму боевых сил повстанцев /50, 205/.

2/ Активное участие и руководящая роль сословия мусульманских ахунов /50, 206/.

3/ Роль ислама в духовной мобилизации и призыве к борьбе.

Одновременно Ма усматривают двойственную роль ислама, вытекая в ней положительную и отрицательную значимость. "Негативная роль ислама проявилась не только в отношении "временно прерванной связи с западными "няньцзюнями", и в неспособности объединиться с массами безвиных ханьминь. И еще более серьезно, его негативная роль нашла выражение в том, что был удушен революционный дух внутри самого движения, в условиях, когда цинское правительство осуществляло реакционную политику раскола, это привело к тому, что военные силы повстанцев совершали много серьезных ошибок, и восстание потерпело крайне горькое поражение" /50, 218/.

В конечном счете, по мнению авторов, роль ислама в рассматриваемом движении была более негативной, чем позитивной /50, 227/.

Тезис о том, что мусульманские восстания являлись составной частью борьбы против цинского господства, налицо в работах Бай Шоуи.

В предисловии к сборнику "Хуэйминь цин", "Восстание хуэйминь", Бай Шоуи восстание хуэйминь Юньнани характеризует как выступление под руководством хуэйминь, участниками которого были также ханьцы и национальностей Юньнани /II, I/. В восстании хуэйминь на Северо-Западе, которое проходило одновременно с антицзинскими выступлениями тайпинов и няньцзюней, участвовали единоверцы хуэйминь — салары, уйгуры /II, I/. И все они сообща боролись против Цинов. Выступления хуэйминь не были чисто хуэй-

миньскими, они не были межобщинным конфликтом, столкновением между хуэй и хань. Суммируя, Бай Шоуи пишет: "Мы должны рассматривать восстание хуэйминь как форму классовой борьбы народа Китая, восстания хуэйминь в Юньнани и на Северо-Западе как раз является двумя бурными потоками половодья антицзинской борьбы, которую тогда вел народ всего Китая" /II, I/.

Восстания хуэйцзу и уйгуров, в трактовке Бай Шоуи, на Северо-Западе были производными, "протоками" крестьянской революции тайпинов. Бай Шоуи считает несостоятельными попытки чиновников цинского правительства представить восстание в Юньнани как борьбу между мусульманами и немусульманами. По утверждению Бай Шоуи содержание этого восстания таково: "чиновники угнетали и народ восстал" /IO, 00/.

"Золотого века" у мусульман в Китае не было - такой вывод явствует из изложения Цао Ця и Пэн Хун. При маньчжурских правителях мусульмане в политическом отношении хотя стояли выше хань, однако подвергались угнетению со стороны маньчжурского двора. При миньских государях мусульмане дискриминировались законодательно в отношении свободы брачных союзов. Цинское господство затмило все, что было прежде. Последнюю посылку автора сколько-нибудь серьезно не аргументируют. Режим Чан Кайши в отношении мусульман следовал политики династии Цин /I24, I35/.

Противопоставление положения мусульман при правлении Мин и Цин у Ян Хуайчжун гипертрофируется до такой степени, что при Минах мусульмане - хуэйцзу и хань "политически и экономически" составляли одно целое. Отсюда, по утверждению автора, мусульмане активно участвовали в борьбе хань "против Цин, за восстановление Мин". В этом, указывает Ян Хуайчжун, причина особой дискриминации мусульман - хуэйцзу со стороны цинского правительства /I40, 3II/. Ян Хуайчжун отметил следующее принципиальное обстоятельство: в цинской администрации не было единого подхода к исламу в Китае. В отличие от властей на местах, которые выступали за запреты на отправление мусульманской обрядности и соблюдение обычаев, государь держался терпимой позиции /I40, 3I4-3I5/. Поскольку администрация на периферии преимущественно составляли хань, то логически заключить за Ян Хуайчжуна, что гонителями мусульманских обычаев и обрядности выступали чиновники - хань.

О завоевании мусульманского Восточного Туркестана цинским Китаем и борьбе с цинским режимом пишут в коллективных очерках по истории Китая под редакцией Шан Дэ "Антиманьчжурская" заданность определяла тенденциозность изложения: врагами мусульман выступают маньчжуры, а не цинский режим, базировавшийся на союзе маньчжурских правителей и ханьской бюрократии.

Антицинские настроения мусульман Китая Фэн Цзинькань пытается объяснить и общностью политических интересов последних и представителей ханьского этноса в лице основателей династии Мин. Фэн Цзинькань представляет дело так, что мусульмане - союзники хань в борьбе против неханьских правителей Китая и за установление там власти собственно ханьских государей.

Среди крестьянского повстанческого войска, которое возглавлял Чжу Юаньчжан в конце правления дома Юань, были мусульманские военачальники. Как раз используя этих способных к походам, искусных в бою мусульман, опираясь на мусульман как на костяк, Чжу Юаньчжан основал минскую династию /121, 10/.

Положение мусульман при династии Мин и при правлении дома Цин, в изложении Фэн Цзиньканя, диаметрально противоположно. В последнем случае их третировали, угнетали, вырезали. Поэтому они непрерывно поднимали вооруженные восстания против цинского господства, стремясь, в частности, защитить свою веру /121а, 173/.

Посылку об общности политических интересов хань и мусульман, а именно - свержение власти династии Цин - повторяют применительно к Синьхайской революции Ма Минда и Ван Цзигуан.

В 1912 г. под влиянием Синьхайской революции в Хами и Турфане вспыхнуло крестьянское восстание, пишут они. В основном повстанцами были почитавшие ислам /50, 385/. Такая посылка выглядит схематичной и бездоказательной. Во-первых, авторы не приводят конкретных данных, свидетельствующих о влиянии Синьхайской революции на крестьянское выступление в Хами и Турфане. Во-вторых, ничего не говорится о программных установках и лозунгах повстанцев.

Правлению дома Цин положила конец Синьхайская революция. Она, однако, не дала хуэйхуэйскому народу какого-либо освобождения в политической сфере и не обеспечила экономического и культурного развития. Так считают Бай Шоуя, Хань Дасжэнь и Дян Иминь /12, 26/.

Глава I. ИМПЕРАТОРСКИЙ КИТАЙ И ИСЛАМСКИЙ МИР

Ислам в Китае при предшественниках дома Цин

Ислам политически заявил о себе на международной арене появлением арабского халифата. Его активная внешнеполитическая экспансия создает новую расстановку сил в Западной и Центральной Азии, что затрагивает интересы правителей танского Китая.

Исламский фактор поставлен был на повестку дня перед Танским двором властелином сасанидского Ирана Иездигардом III, который запросил помощи в Китае для отражения мусульманской агрессии. Непосредственно для танского Китая в тогдашних исторических условиях ислам как военно-политическая сила не представлял проблемы, по меньшей мере, на ближайшую перспективу. Хотя нельзя сбрасывать при этом престижных соображений: апелляция к танскому государю не могла не способствовать повышению авторитета последнего как вершителя судеб "варварской периферии".

Распространение же господства арабского халифата на Среднюю Азию противоречало геополитическим и внешнеэкономическим интересам танского двора.

В июне-июле 751 г. произошла Таласская битва между арабскими и китайскими войсками. Так, открытое вмешательство танского Китая во внутрополитическую жизнь Средней Азии привело к вооруженному столкновению с арабским халифатом. В битве на Таласе китайское войско прославленного Гао Сяньчжи не в последнюю очередь из-за измены союзников — тюрок потерпело сокрушительный разгром. Это поражение и последовавшие внутренние смуты в самом Китае положили конец гегемонистским поползновениям империя Тан в отношении владений, на которые простер виды арабский халифат.

В силу превратности исторических судеб, арабы же, на которых китайский владыка смотрел как на своих вассалов, спасли ему трон. В 755 г. против государя Сюань-цзуна восстал его военачальник Ань Лушань. Сюань-цзун был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Ся-цзуна. Последний, чтобы удержать власть, отрядил посольства во все царства дикарей Запада, включая Тран-

ооксанию и Хорасан, суля богатые награды, кто станет служить ему. На такие призывы отзывалась та арабская вольница, что обреталась на востоке владений халифата. Потом эти арабы, учитывая наличие посольских отношений между дворами халифа и Сына Неба, очевидно, получали формальное разрешение халифа ал-Мансура на участие в военных действиях на стороне Си-цзуна. В 757 г. с помощью иноземных ратников, в том числе и арабов, Си-цзуну удалось удержаться на троне. Арабы, явившиеся к нему на помощь, остались в Китае и явились одним из компонентов слагающейся мусульманской общины в Китае. Она пополнялась и за счет отправки в Китай арабского войска преемниками ал-Мансура /290, 535/.

Таким образом, адепты ислама сыграли свою роль в общественно-политической жизни Китая и стали его населенниками.

Сюда арабы приезжали не только в облике воинов, но и как торговцы, проповедники. Иные удостоивались чести быть принятыми Сыном Неба. В 872 г. морем в Гуанчжоу прибыл басриец Ибн-Вахаб. Потом он отправился в столицу Китая и получил аудиенцию у государя Ицзуна. Тот показал ему коллекцию изображений пророков Ноя, Моисея, Иисуса, Мухаммеда, которые Ицзун хранил в шкатулке вместе с изображениями мудрецов Китая и Индии /290, 535/. Достоверность этого события во всех его деталях можно ставить под сомнение, но оно показательное с точки зрения интерпретации: о личности пророка Мухаммеда было известно китайскому государю, и он-де читал его.

С упадком арабского халифата в начале IX в. в результате центробежных процессов на месте бывшей исламской державы появляются новые государственные образования, составляющие, условно говоря, "исламский мир". Рассмотрим, как складывались отношения у Китая с этим неоднозначным с этно-политической точки зрения преемником арабского халифата. Взаимоотношения Китая с исламским миром опосредствуются как через контакты на государственном уровне /посольские связи/, так и на бытовом, личностном. В последнем случае речь идет об отношении китайской администрации к мусульманской общине и ее представителям в пределах Китая.

Что касается посольских связей, то при династии Сун /960-1280 гг./, как свидетельствуют династические записи, в Китай приезжало 20 арабских посольств. Со стороны государей правящего

дома Сун мусульмане встречали хороший прием, многие из них получили титулы и назначения на высокие посты /69, 103/.

Таким образом, мусульманская община, которая становится реальностью китайского общества со времени династий Тан и Суй, в известной степени сотрудничает с китайским бюрократическим аппаратом, сохраняя, очевидно, свое особое, в известной степени самостоятельное, положение.

Само по себе то обстоятельство, что представители мусульманского мира исповедовали иную религию, чем хань, не служило препятствием для проживания в пределах Китая. Его власти заинтересованы в развитии внешнеэкономических связей, почему если не уважительно, то по меньшей мере индифферентно, относятся к вере и обычаям мусульман-гостей. С другой стороны, нельзя исключать и чисто престижных соображений, которыми руководствовались правители Китая. Сын Неба, каковым считался владыка Китая, не мог быть абсолютно безразличным к своей репутации у иноземцев, и его расположение к ним служило проявлением божественной милости.

Для Китая ислам первоначально проявлял себя в сфере внешнеполитической, во внутривнутриполитической он дал себя знать несколько позднее, когда в китайских пределах появляется община последователей ислама. По мере того, как она становится устойчивой и многочисленной, административный аппарат китайского государства реагирует на нее изданием соответствующих постановлений. /О них подробнее далее/.

Относительно положения мусульман и возможностей отправлять предписания веры в Китае при танских правителях наглядное представление дает следующий пассаж. "Китайское начальство назначало на должность одного мусульманина, его полномочия заключались в том, чтобы разрешать споры, возникающие между мусульманами, проживающими в этой местности, и всякий раз, когда случается праздник, он всегда ведет всех мусульман молиться, вещает о заповедях веры, при этом молятся за мусульманского султана. Служебные полномочия, отправляемые этим человеком, соответствуют мусульманскому законодательству" /130, 128/.

Согласно показаний торговца Сулеймана, относящихся к первой половине IX в., один из членов мусульманского поселения в Гуанчжоу был назначен китайскими властями поддерживать среди

своих единоверцев порядок и отправлять закон ислама. В праздники молящиеся произносят хутбу и молятся за благополучие халифа. Как свидетельствуют китайские источники, в последующем такая практика распространилась на все иностранные поселения, где мусульмане имели своих кади /судей/, шейхов и мечети. Таким образом, можно говорить об определенной веротерпимости китайских властей в отношении представителей мусульманского мира, пребывавших в пределах Китая. Среди причин, обуславливавших такую политику, играли свою роль как соображения престижного порядка, так и экономического характера. Торговля с отдаленными заморскими странами, правители которых не выказывали агрессивных поползновений в отношении империи, была в интересах китайской казны.

Говоря о веротерпимости правителей династии Тан нельзя, очевидно, приравнивать ее к вседозволенности. В частности, когда речь идет о постройке мечетей. По собственному почину, не испросив разрешения, мусульмане, видимо, не могли их строить. Так надпись на портале мечети "Си да сы" в Сиани гласит, что построена с позволения государя /180, 32/.

В сравнении с политическими контактами между императорским двором и мусульманскими правителями отношения Китая с мусульманским миром не были адекватны на назовом, общинном уровне. Если коллизии нельзя было исключать в первом случае /требование выполнять нормы китайского дипломатического протокола/, то тем более в межобщинном взаимодействии они могли возникать чаще и принимать экстремальные формы.

В 758 г. арабские и иранские пираты напали на китайцев в Гуанчжоу /212, 289, 301/. В свою очередь ксенофобия китайского обывателя /питаемая и чувством зависти к богатствам иноземцев/ проявлялась по-разному: от насмешек над особенностями быта мусульман до геноцида.

В 760 г. китайские разбойники устроили избиение арабов и персов в Янчжоу /212, 289, 301/. Во время бунта, случившегося в годы правления Си-цзуна /874-889 гг./, в Гуанчжоу имела место поголовная резня всех иноверцев: мусульман, евреев, христиан и персов. /157, 50/.

Таким образом, в танском Китае имели место конфликты между представителями различных вероисповеданий. Вольными или неволь-

ными участниками этих столкновений были и мусульмане. Как бы там ни было, но для собственно хань был повод выставить иноверцев, в том числе и адептов ислама, возмутителями спокойствия.

Ислам явился и чуждым явлением в общественном организме Китая не только потому, что это была религия, привнесенная извне, но и потому, что ее основными адептами явились пришлые, чуждые хань в этническом отношении, в самом широком смысле этого слова /по языку, обычаям, верованиям/.

Была ли принципиально отличной политика в отношении мусульман у преемницы дома Тан, династии Сун, из-за отсутствия в нашем распоряжении достаточных данных сказать с определенностью трудно. Благожелательные жесты, как представляется, со стороны сунских императоров имели место. По случаю прибытия из Индии с западноевропейскими тканями 17 семей мусульман сунский государь /имя его не установлено/ повелел: "Переходите на сторону нашей страны, блюдите обычай предков, оставайтесь жить в Бяньдяне, т.е. Кайфэне" /ИЗЗ, З/. Данный пассаж наводит на следующие предположения. Во-первых, понятие свободы вероисповедания /в нашем понимании/ в танском и сунском Китае применительно к мусульманам на практике не существовало. В том смысле, что исповедующие ислам, объявившись в пределах китайского государства, были волены открыто исповедовать свою веру, возводить культовые здания. Все это, в конечном счете, было возможно с разрешения правителя страны. Во-вторых, благоволение сунского государя в отношении вновь прибывших мусульман было не просто проявлением альтруизма, но имело в своей основе меркантильные соображения. Наличие среди ее подданных колониаль предпринимчивых людей, имеющих опыт торговли с далекими западными землями, объективно было в интересах сунской казны.

В сложной политической обстановке в Китае, когда его территория оказалась разделенной на владения династий Сун и Цзинь, одновременно, в первые годы правления сунского Сюэ Дунсяна /1163-1164/ и 3-м году эры правления Да Динцзиньского Ши-цзуна /1161-1189/, т.е. в 1163 г., некто левзйский /или ливэй/ Усыда руководил мусульманской общиной, а некий Аньдула первоначально построил храм /410, 133/.

Завоевания Чингис-хана и связанные с ними миграционные про-

цесса, установление в Поднебесной власти монгольской династии Юань не только сопровождалось численным ростом мусульманской общины в Китае, но и усилением ее политического веса.

Показателем того внимания, которым члены мусульманской общины пользовались у китайских государей из дома Юань, служит особый статус мусульманской общины. Мусульмане живут отдельными кварталами. Они существуют в Северо-Западном /Ганьчжоу, Сучжоу, Яньбань/ и Южном Китае /Г70, 273, 275/. В мусульманском квартале свой собственный базар, больница и по меньшей мере одна мечеть /Г70, 275/. Она стержень мусульманской общины. Последняя в известной степени самоуправляема. Глава общины, шейх уль-ислам избирается самими мусульманами из числа мулл /хуэйхуэй тайпи /, представляет ее в сношениях с каньской администрацией. Так, в частности, обстоит дело на юге Китая в Цзяньчжоу, в Ханчжоу /Г70, 275-276/. В Северо-Западном Китае у мусульманских общин тоже свои религиозные владыки /кит. "ташамань" от персидского "данишманд"/ /Г70, 273/.

Внутреннюю жизнь мусульманской общины регулирует кади. Он утверждается в должности центральной администрацией.

Сам по себе упомянутый институт кади не является новшеством, введенным юаньскими правителями.

"Этого рода система чиновников, которые согласно мусульманских законов ведали тяжбами мусульман, существовала при правлении династии Тан и Сун, только в то время она распространялась лишь на эмигрантов, торговавших на побережья".

При Юанях статус кади принципиально изменился равно как и юридический статус мусульман. Они были уже не эмигранты, временно проживающие в пределах китайского государства, но подданными правителя Китая. Принципиальным показателем чего служит его предписание относительно содержания молитв.

Власти давали официальное наименование институту кади, определяли его функции. Кади имел соответствующий служебный аппарат, именовавшийся "присутствием хуэйхуэйского кади, ведающего делами веры", следом за кади шли судейские. Функции кади высочайшим повелением определялись следующие: руководство чтением канона, разбирательство уголовных дел, оформление браков, денежные и натуральные сборы, тяжбы. Это все касалось бытовой жизни мусу-

льман. Кроме того, высочайшим указом кади вменялось в обязанность молиться о благополучии государства. Это принципиальной важности обстоятельство. Ибо прежде в пятичной хутбе воздавалась здравица халифу, верховному владыке всех правоверных, теперь же испрашивается благополучие Китая и, естественно, его правителю.

Институт "кади" при правителях дома Юань существовал не постоянно, а равно, и менялись в соответствии с волей двора и его функции. В пользу первого положения говорят следующие факты. Ведомство кади существовало до 4-го года Чжи Да /1308-1311 гг./ в 4-й луне /апрель-май/ высочайшим указом предписывалось "отменять судебские при хуэйхуэйских кади". В 1-й луне 1-го года Хуан Цин (в декабре-январе 1312-1313 гг.) был снова учрежден пост "кади", в 8-й луне 1-го года Хэ Юань - ликвидирован /10, 212/.

Что касается функций, то, когда ведомство кади впервые было учреждено, вероятно, помимо молений ради благополучия государства, также надлежало разбирать тяжбы, исповедующих мусульманскую веру. Когда же оно было воссоздано, то ему следовало лишь молиться о благополучии и наставлять читать канон. Но не дозволялось разбирать тяжбы. Поэтому когда в 1-м году Хуан Цин пост кади был восстановлен, особо указом предписывалось: "все тяжбы полностью передать его ведомству" /10, 212/.

Очевидно, при юаньском дворе сознавали ту роль, которую играло исламское духовенство в жизни мусульманской общины и выделяло его.

Не случайно, при династии Юань в Китае мусульманские духовные владыки пользовались привилегиями в податном отношении /10, 213/.

Инициатива мусульман на ниве просвещения, очевидно, не ограничивалась. Группа мусульманских ученых основали школу в округе Чжэньдинлу /совр. провинция Хэбэй/ /170, 274/.

В 1289 г. высшая мусульманская школа учреждается в провинции Хэнань /215, 5/.

При юаньских правителях принципиально изменился сам статус членов мусульманской общины. Декретом Хубилай-хана, первого государя династии Юань, мусульмане, среди прочих, должны были

нести воинскую службу. Этим самым подразумевалось, что они рассматривались как неотъемлемая часть нации /215, 6/.

Но в то же самое время Хубилай воздерживался назначать мусульман на высшие воинские посты. За редкими исключениями доверял им руководство военными экспедициями. Исключение из правила составляет сын первого мусульманского правителя Юньнана Сайид Аджаль Шамс ад-Дин Сай-диньчи Шаньдан, возглавивший в 1277 г. поход в Бирму /170, 277/. В плане сознательных попыток каньского правительства создать, более или менее однородное, население, резко не делившееся по этнической и бытовой принадлежности, следует, очевидно, рассматривать то обстоятельство, что Хубилай и другие императоры не считались целиком и полностью с религиозными предписаниями мусульман.

В конце 70-х гг. XIII в. каньский самодержец издает постановления определенно антимусульманские. Они направлены непосредственно против мусульманской обрядности. В январе 1280 г. Хубилай издал указ о запрете мусульманского способа забоя баранов и о введении смертной казни за нарушение этого предписания /170, 293/. Он в течение почти 10 лет требовал, чтобы мусульмане использовали монгольский прием забоя скота нежелая их собственный, освященный религией. Точнее предписывали запретить забой скота, перерезая горло /51, 438/. Хубилай также запрещал мусульманам практиковать обрезание /170, 258, 293/. Оба запрета Хубилая были серьезным нарушением мусульманских верований и практики.

Ряд факторов внешне - и внутриполитического характера ослабляли антимусульманские выпады Хубилая. Исламские государства и города вдоль границы Китая проявляли враждебность к Каням. Начиная с 70-х гг. XIII в. внук Угедея Хайду неоднократно угрожал северо-западным рубежам каньского Китая. Его правителю пришлось посылать войска через северо-западную границу в 1278, 1280 и 1282 гг., чтобы покончить с беспорядками, в которых участвовали мусульмане /170, 291/. Далее на запад, мусульманские государства досаждали монгольским союзникам Хубилая и постоянно бросали вызов монгольским правителям Персии. Правитель монгольской династии в Египте Бей барс /1260-1277/ останавливал монгольское продвижение на Средний Восток в битве при Айн Джалуте /1260/. Мамлюкские правители объединились с монгольской Золотой ордой и

продолжали испытывать оборону ильханов Персии, препятствуя им продвигаться на запад. Так как Хубилай соприкасался с этим и был в союзе с ильханами Хулагу /ум. 1265/ и Абаха /ум. 1282/, он был встревожен мусульманской враждебностью к монголам на Ближнем Востоке /170, 292/.

С другой стороны, хань-советники поносили ведущих мусульман-чиновников. Многие хань презирали мусульман-сборщиков налогов, торговцев и управляющих финансами /170, 292/. В сфере фиска и торговли, где повседневно затрагиваются экономические, насущные интересы людей, этнорелигиозный момент проявляет особую чувствительность. Платить налог или отдавать деньги за покупку приходилось не своему, но инородцу. Психологически это было легче, очевидно, перенести, если бы сборщиком налогов или торговцем был свой, хань, но не мусульманин.

Подогревали антимусульманские настроения при дворе и представители других вероисповеданий. В частности, подстрекательством занимался чиновник-христианин Ай-све /170, 292/.

Власть каньских правителей в Китае общественным сознанием преобладавшего ханьского этноса воспринималась как правление иноземных завоевателей. Особую чувствительность к этому обстоятельству, очевидно, проявляли верхушечные, образованные слои ханьского населения. И его реакция проявилась, в частности, в сочинительстве произведений соответствующей направленности. В конце правления династии Кань в некоторых литературных произведениях высмеивались мусульмане /51, 438/. Со своей стороны укажем, что не случайно упомянутое явление относится к концу правления Каней, т.е. оно переживало упадок. Равно не случайно объектом насмешек выступают мусульмане. Представители их верхушки вошли в каньский истеблишмент, тем самым физически сократив возможности ханьского образованного сословия. И оно выразило свое недовольство в нападках на мусульман, ибо это было более безопасно, нежели печатно высмеивать монголов.

Как уже говорилось выше, при предшественниках Каней имели место бесчинства мусульман в Китае. Не избежали мусульманских бунтов и Каня. В годы их правления имело место восстание персидского гарнизона в Цюаньчжоу. Длалось оно, как утверждают, 10 лет /1357-66/ /167, 612-613/. Это выступление показало не

только нестабильность юаньского режима, но и дало толчок всплеску чувства ксенофобии со стороны коренного населения, ибо оно подверглось грабёжам и насильствам, чинимыми и взбунтовавшимися воинами-мусульманами.

У восприимчивости дома Юань — собственно китайской династии Мин отношения с мусульманским миром складывались сложно. В известной степени минский двор унаследовал те внешнеполитические проблемы, которые заботили юаньских государей. Мусульманский мир выступает носителем угрозы для безопасности западных рубежей. Определённые коллизии имело место в посольских отношениях минского двора с мусульманскими правителями. Поводом для последних послужили гегемонистские амбиции минского правителя считать себя сюзереном всех иностранных владений. С другой стороны, предложение властителю Китая принять ислам, сделанное в 1412 г. преемником Тимура Шахрухом Бахадуром /149, 299/, затрагивало его достоинство и не могло не вызвать соответствующей реакции Сына Неба. Само предложение для последнего было проявлением не только крайней наглости, но и представляло покушение на существовавшее в Китае традиционное представление о Поднебесной как о средоточии цивилизации. Тут же какой-то предводитель дикарей с западной окраины предлагал владыке Среднего государства принять чужую веру.

Попытки обратить минских государей в ислам не прекращались и в последующем. В годы Чэн Хуа /1466-1488/, Хун Чжи /1489-1506/ /конец XV в./ в Китай приезжал мусульманский проповедник и пытался обратить минского императора в свою веру /10, 33/. Такого рода инициатива вряд ли встретила понимание у правителя Поднебесной. Более того, она задевала достоинство Сына Неба: пришлый дикарь, а таковым для него был любой иноземец, посмел навязывать свою веру!

Контакты минского Китая с мусульманским миром были отмечены коллизиями, проистекавшими как из-за особенностей традиционных внешнеполитических установок и дипломатического протокола Китая, так и специфики мусульманской обрядности.

Если настороженность у китайских царедворцев вызывали наезды дальних иноземцев, то большие опасения возникали в отношении ближних. Северо-западные рубежи минского Китая непосредственно

соприкасались с инородческой мусульманской периферией. Северо-Запад традиционно был ареной противостояния Поднебесной и "дикарей".

В конце XV в. осложнились отношения минского двора и правителей мусульманского Турфана, чему способствовала ограничительная политика китайской администрации в отношении доступа иноземцев в пределы Китая. Китайские мусульмане помогали мусульманам Турфана противиться постановлениям минской администрации /246, 177/.

Таким образом, налицо мусульманская солидарность, которая проявилась гораздо раньше того, что официально стало именоваться как "панисламизм" и пропагандировалась Османской империей. Наслоения в отношениях Турфана и минского Китая выливались в вооруженное столкновение. Они были частым явлением в конце XV и начале XVI вв. /246, 777/. После захвата в 1513 г. Турфаном Хами минские власти столкнулись в сущности с новой ситуацией, когда против них с оружием в руках выступают мусульмане в пределах Китая. Поощренные успехом Турфана, они бунтуют против минских властей или совершают налеты на пограничные поселения. Упадок минского государства, особенно явственно проявившийся в годы правления Вань Ли /1579-1620/, отмечен и частыми выступлениями и рейдами мусульман. Таковые зафиксированы в 1573, 1575, 1582, 1595, 1599, 1603, 1612 гг. /246, 186/. Сами по себе, разбойные нападения на города и селения были заурядным явлением в Китае, в особенности в период разложения политической системы и упадка центральной власти. Но то, что разбойниками выступали инородцы-мусульмане, вносило новый момент: насилие совершали дикое "чужаки". Психологически это резонировало на область межобщинных отношений и подпатывало у хань устойчивость неприязни к "дикарям" - инородцам.

Следует особо подчеркнуть, что усилению дестабилизирующего воздействия мусульманского фактора в китайском обществе способствовало само минское правительство. Оно приняло на подвластной ему территории беженцев-мусульман из Хами и сопредельных городов во время сражений между Китаем и Турфаном в начале XVI в. /246, 178/. Расселены были эти мусульмане на северо-западных рубежах Китая и потенциально составили "пятую колонну" ислама

в Поднебесной.

Отношение администрации дома Мин к мусульманской общине в стране не было однозначным и раз и навсегда неизменным.

Первый правитель собственно китайской династии Мин, которая сменила монгольский дом Юань, по определенным соображениям благоволил мусульманам. Они немало способствовали становлению и упрочению власти Минов /II, 35/. Но не менее важно было иметь лояльность мусульманской общины и на будущее. Минские правители надеялись использовать терпимость к исламу как средство для того, чтобы сделать мусульман законопослушными и верноподданными слугами династии. Отсюда известная благосклонность со стороны мяньского двора к мусульманам, к их духовенству. Тай-цзу, первый мяньский государь, собственноручно написал 100 иероглифов, прославляющих пророка Мохаммеда, специально предписал хуэйхуэйским вероучителям Эр Моу и др. состоять при Хань линь вань и переводить, составлять исламский канон, а также приказал построить мечети в Сацзине /Западная столица/, Наньцзине /Южная столица/, Дяньнани, Минь /Фуцзянь/ и Гуанчжоу /5I, 44I/.

Ко времени правления династии Мин относится самая ранняя известная исламская книга, напечатанная на китайском языке, датируется она 1642 годом. На основании этого факта можно предположить, что власти не препятствовали изданию мусульманских книг /155, 282/.

Однако если с одной стороны, проявления благосклонности имели место, то с другой стороны — имели место и серьезные ограничения. Законы и указы мяньского времени содержали запреты относительно бракосочетания мусульман и употребления мяса. В последнем случае мусульманам запрещалось резать быков /буйволлов/. Минские правители проводили демографическую политику, направленную на ассимиляцию неханьского населения ханьским. Отсюда запретительные меры против брачных отношений у нехань. Указом от 1372 г. государь распорядился без разрешения брачиться монголам и "сэ-мужэнь" /среди последних преобладали мусульмане//5I, 141/. Однако такая политика не достигла цели: мусульмане следовали заповедям своей веры и женились на иноверках при условии, что они могут сменить свою прежнюю веру. В результате иной национальности люди меняли свою веру и численность хуэйхуэй увеличивалась

/51, 441/. И такое явление вызвало соответствующую реакцию. Закон гласил: "Всем монголам и сэмужень дозволяется брачиться с людьми Среданного государства. Не разрешается людям данного разряда вступать в брачные отношения между собой. Нарушителю /имеется в виду родителю. - В.К./ - 80 палок, юношей и девушек обращать в казенных слуг" /124, 135/. Это законоположение, ограничивающее сэмужень, отмечал Бай Шоун, хотя было направлено на то, чтобы создать много удобств для женитьбы мусульман на ханьских девушках, однако на деле представляло собой подозрение и меры предосторожности в отношении мусульман, это - свидетельство большей дискриминации мусульман в сравнении с временами Каней /124, 135/.

Ограничения распространялись на многие явления, связанные с чужеземным, в том числе и мусульманским, феноменом в жизни китайского общества. В I-м году правления Хун У /1368-1369 гг./ была запрещена хусская одежда, хусская речь, хусские фамилии /10, 35/. Понятием "ху" обозначалось все иностранное, мусульмане, в частности, носили особую одежду, использовали арабо-персидскую письменность.

Поскольку в I-м году правления Хун У /1368-1369 гг./ запретили "хусские фамилии", то в 3-м году Хун У /1370-1371/ указом объявлялось, что монголам, сэмужень не нужно изменять фамилии. Отсюда тем более усматриваются оградительные намерения минского двора в отношении неханьцев, в том числе и мусульман /II, 35/.

В правление минских государей прослеживается стремление использовать мечеть в политических целях, на предмет воспитания мусульман в духе благочестия и верноподданничества иноверному правителю Китая. В 19-м году Юн Лэ /1421-1422/ врач Ань Чэнь получил предписание от Дин-вана Чжоу-фу провести сбор пожертвований на восстановление мечети, мечеть удостоилась чести поставить там стелу с пожеланием многих-многих тысяч лет жизни хуанди Великой Мин. Рвение было оценено. В 21-м году Юн Лэ /1423-1424/ было доложено государю об успехах и услышано им, Ань Чэню была пожалована фамилия, был удостоен чина "цзянь я вэй чжихуэя" и поставлен с повышением на пост /410, 133/.

Упомянутый пример не составлял исключения. В 1421-1422 гг. по предписанию сановника Чжоу Дан-вана, близкого к царствующему

дому, в мечети Кайфэна была поставлена статуя с пожеланием многих-многих тысяч лет жизни хуанди Великой Мин /410, 40/. Таким образом, в культовом учреждении мусульман по распоряжению свыше был установлен памятник их лояльности минскому государю. Политика была привнесена в сферу духовную.

Если говорить о положении мусульманской общины в минском Китае, то охарактеризовать его однозначно не представляется возможным. В этом убеждает и наличие различных суждений, высказываемых исследователями /69, 105/.

Само понятие "правление Минов" в известной степени общее и не покрывает собой всей сложности общественной жизни китайского государства, проявлений социальной и национальной психологии собственно ханьцев применительно к представителям иных этнических и религиозных групп. Что касается мусульман, то для ханьцев они были пришлыми, равно как и их религия — религия чужаков. Если даже минский двор не предпринимал каких-либо запретительных мер в отношении мусульман, то общественное мнение ханьского населения, как представителей бюрократической системы на местах, так и низов, не было особенно расположено к мусульманам. Сказывались не только предубеждение коренных обитателей к пришлым, отличие обычаев мусульман от ханьских, но давала себя знать коллективная историческая память ханьского этноса: при владычестве инородной монгольской династии Юань мусульмане занимали начальственные посты, выступали в качестве если не соправителей, то по меньшей мере "пособников" ханьского двора.

"Собственно говоря, Тай-цзу, основал /династию/ Мин с тем, чтобы восстановить самостоятельность ханьской народности, и в отношении магометан, которые первоначально прибыли из иноземных владений /т.е. в это время сами признавали себя людьми Китая/, неизбежно имела место дискриминация" /10, 33/. Иными словами, минский двор не мог полностью игнорировать ксенофобские /антимусульманские/ настроения, бытовавшие среди самых широких слоев китайского общества, и в особенности представителей потомственного чиновничества. И под этим углом следует рассматривать предания о том, что некоторые минские правители тайно исповедовали ислам. Если эти предания соответствуют исторической действительности, то неприязнь к иностранной религии была столь велика,

что афишировать приверженность к ней не считали нужным даже правители.

Правление неханьской династии Юань создало благоприятную почву для ксенофобских, а также и антамусульманских настроений в китайском обществе. Китайские историки ставили Хубилай-хану в вину, что он не использовал китайских чиновников вместо иммигрантов-тюрков и персов, т.е. мусульман /200, 257/. Эти настроения были распространены, очевидно, не только среди узкого круга представителей верхних слоев ханьского общества, но и среди широких слоев ханьского населения, ведь чиновник-мусульманин был реальным явлением повседневной жизни. В известной степени ущемленное правлением монгольской династии национальное чувство ханьцев способствовало закреплению антипатии к мусульманам вообще как к олицетворению господства чужеземных правителей. В 1366 г., к примеру, вышло в свет сатирическое произведение антамусульманской направленности. Это, понятно, не способствовало складыванию добрососедских отношений между мусульманами и ханьцами. "Политическое положение магометан в минское время в сравнении с Ханьской эпохой во многом разнится /ухудшилось - другое значение знака. - В.К./", - резюмирует Бай Шоуи /Ю, 33/. В минском Китае отношения мусульман и хань были вовсе не безоблачными. Имела место разногласия на торговой почве и небольшие выступления /245, 295/. Сколь бы ни были незначительны с точки зрения автора, отделенного от тех событий веками и чью национальную и религиозную принадлежность они не затрагивали, эти моменты негативно отражались на ханьско-мусульманских отношениях того времени в целом. Историческая же память конкретных людей регенерировала этот негативный опыт в настоящем и будущем.

Падению власти дома Мин, способствовало восстание под руководством Ли Цзычэна, который, не исключено, был мусульманином. В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство. После того, как весной 1638 г. Ли Цзычэн потерпел поражение от правительственных войск, он нашел прибежище у вожака повстанческого отряда Лао Хуэйхуэйя /"Старый мусульманин"/. Тот в свою очередь выделил ему для воссоздания рати несколько сот воинов /246, 170/.

В событиях тех лет мусульмане заявили о себе неоднократно. Зимой 1641 г. у Лао Хуэйхуэя искал прибежище вождь Чжан Сян-чжун /246, 170/. Нельзя исключать, что в условиях анархии, имевших место в период упадка дома Мин, мусульманские священнослужители, вроде вышеупомянутого, создавали отряды самообороны, а что касается отряда "старого хуэйхуэя" Ма Шоуина, то неизвестно, какие цели он преследовал.

Восстание в Китае в 1644 г. династии Цин открывает новую страницу в истории взаимоотношений Китая с мусульманским миром.

Цинский режим и ислам

Установление в Китае господства маньчжурской династии Цин в результате низвержения дома Мин ознаменовало собой новую эпоху в политической истории китайского государства. В качестве восприемника дома Мин династия Цин унаследовала и мусульманскую проблему: как мусульман в качестве подданных, так и отношения с зарубежным мусульманским миром.

Трудно с исчерпывающей полнотой судить о том, как восприняли мусульмане, проживавшие в Китае, смену власти в Пекине. Вероятнее всего, на первых порах они отнеслись к этому индифферентно: правителя страны — немусульманина сменил другой аполитично-клоник. Под этим углом зрения и воспринимаем следующее заключение Бай Шоуи: "Основание цинского государства никакого касательства к магометанам не имело" /Ю, 34/.

Со второй половины XVIII в. значимость мусульманского феномена в политической жизни Китая сильно возросла в силу того, что увеличились его количественные, а соответственно, и качественные параметры. В конце первой половины XVIII в. в состав империи Цин путем вооруженной аннексии был включен Восточный Туркестан с его мусульманским населением. Вхождение Восточного Туркестана в состав Цинской империи означало увеличение численности мусульманской общины в пределах китайского государства и несло в себе дополнительный источник его внутривластной нестабильности и внешнеполитических осложнений.

Правление дома Цин в Китае олицетворяло политическое господство маньчжурской народности. Степень его была неодинаковой на различных уровнях общественно-политической системы. В том смысле, что реальная власть маньчжурского правящего клана не была всеобъемлющей и всепроникающей. Смена собственно китайской династии Мин маньчжурской династией Цин произошла не исключительно усилиями собственно маньчжур как таковых, но и благодаря сотрудничеству с ними части привилегированных слоев хань. И цинский режим продолжал функционировать в Китае благодаря сотрудни-

честву с ним ханьского служивого сословия, шэньши.

Маньчжуры, в том числе и члены царствующего дома, этнически были чужими как для хань, так и для мусульман. Но у представителей правящей маньчжурской верхушки, очевидно, не могло быть оснований априорно выделять в негативном смысле мусульман среди остальных своих подданных, в том плане, что они представлялись большими "врагами государевыми", нежели хань, только потому, что магометане исповедовали отличную от хань веру.

Общепринято считать, что в цинском Китае на официальном уровне бытовала веротерпимость, подданный императора воспринимался как таковой, безотносительно к тому, какую религию он исповедовал. Но, очевидно, нельзя говорить об абсолютной свободе вероисповедания в цинском Китае, ибо государство в лице правящей верхушки допускало лишь то в общественном поведении субъекта, что не подрывало устоев правящего режима. С другой стороны, податки и постановления цинского государства не могли быть вполне адекватны устремлениям и настроениям мусульманской общины прежде всего потому, что она находилась под властью язычника, "неверного". Это принципиальное обстоятельство создавало весьма устойчивый сенсифильный момент в общественном сознании мусульман, который под влиянием определенных социально-экономических, политических и психологических факторов-раздражителей делал мусульманскую общину нетерпимой к существующему порядку вещей и побуждал ее к самоутверждению и обретению независимого существования вне сообщества с "неверными" и под их верховным началом. На бытовом, повседневном уровне чаще всего происходили коллизии между государством и мусульманской общиной, когда те или иные распоряжения власти затрагивали бытовые особенности мусульман, предписываемые им заповедями веры.

Со своей стороны, государство не могло или не хотело учитывать специфику быта и психологию мусульман, относительно малочисленной группы. Помимо общегосударственных интересов, как она понималась цинскими государями, субъективных побуждений и капризов того или иного богдыхана, правящему маньчжурскому дому приходилось все же больше считаться с мнением представителей преобладающего в государстве ханьского этноса, нежели с настроениями мусульманской общины. Однако это не означает, что правя-

шая фамилия всегда и полностью действовала в соответствии с рекомендациями периферийных правителей.

Первые же годы воцарения дома Цин отмечены проявлением открытой неприязни со стороны хань к мусульманам. В обстановке нестабильности, сопутствовавшей становлению нового режима, известная часть населения и особенно власти на местах из-за опасения новых мятежей или из-за желания продемонстрировать верноподданнические чувства выступают за гонения на ислам.

В годы правления Кан Си /1622-1722 гг./ некоторые люди клевещнически указывали: "месяц поста" /общепотребительное понятие "бачжай", хуэйминь ежегодно в один месяц едят и пьют после заката солнца, перед восходом/ является таким, когда "хуэйхуэй замышляют бунт, ночью собираются, а утром разбегаются". В годы Юн Чжэн /1723-1735 гг./ шаньдунский сюньфу Чэнь Шигуань "вообще приказал известить эту веру /т.е. ислам. - В.К./, уничтожить их храмы" /79, 22/. Аньхуэйский аньчасы Лу Гогуа докладом на высочайшее имя испрашивал разрешения уничтожить исламские храмы, запретить хуэйминь употреблять мусульманское летоисчисление, носить белые шапки /79, 22/.

Государь не поддержал подобных предложений. В частности, высочайший указ, адресованный Чэнь Шигуаню, гласил: "Из ислама в сущности нечего заимствовать, однако он давно уже пришел, при том та вера не является чтимой в Китае, исповедующие ее - в основном дикая толпа; немногие, исповедующие эту веру, среди исповедующих ту веру немногие знающие. У 6-7 из 10, пожалуй, налицо вынужденные обстоятельства, в целом у обычного человека нет повода вступать в лоно этой веры. Если исходить из этого, тогда у тех так называемые наставники тоже не превосходят этого количества, и отнюдь не нужно широко прибегать к мерам обуздания. Что касается тех мечетей, хуэйхуэйских храмов, то там их верующие выражают почтение и только, разве можно беспокоиться из-за этого /? - В.К./, могут возбуждать толпу? Мы приказали вам строго запрещать то, что новизной и необычностью своей вводит в заблуждение и будоражит людей. Что касается буддийских монастырей, хуэйхуэй, лам, то они появились уже давно, /если/ ныне беспричинно возжелаем разом запретить и уничтожить, то не только невозможно, но, наоборот, их последователи придут в смятение

и тогда каким способом подчинить их?" /79, 23/.

В 1731 г. государь Инь Чэнь /годы правления Юн Чжэн/ в интересах сельского хозяйства запретил забой скота. Магометане протестовали, что, будучи не в состоянии есть свинину из-за своей религии, такой указ подвергает их ничем не оправданному ограничению в пище. Этот протест вызвал соответствующий указ государя, в частности, гласивший: ... Я отношусь /к магометанам/ как к своим собственным детям, точно так же, как я поступаю с моими остальными подданными. Я не делаю никакого различия между ними и теми, кто не принадлежит к их религии. Я получил от некоторых чиновников тайные жалобы на магометан по причине, что их религия отличается от той, которую исповедуют остальные китайцы, что они говорят на том самом языке и что они носят отличную от остальных людей одежду. Их обвиняют в неповиновении, высокомерии и мятежных настроениях, и меня просили применить против них суровые меры.

После проверки этих жалоб и обвинений я обнаружил, что они совершенно безосновательны. В действительности религия, исповедуемая мусульманами, та же, что и у их предков. Это верно, что их религия не та же, что и у остальных китайцев, но какое множество различных говоров в Китае. Что касается их храмов, одежды и манеры письма, которые отличны от тех, что у прочих китайцев, то это дела — не имеющие значения. Это дела обычая. У них такой же хороший характер, как и у других моих подданных, и ничто не показывает, что они намереваются бунтовать.

Мое желание поэтому таково, что им следует позволить свободно отправлять свою религию, чья цель — учить людей соблюдению добродетельной жизни и выполнению общественных и гражданских обязанностей. Их религия уважает основной базис правительств, и что еще можно требовать? Если магометане будут продолжать вести себя как хорошие и благонамеренные подданные, мое распоряжение будет распространено на них в такой же мере, как и на моих остальных детей. Из их среды вышла многие гражданские и военные чиновники, которые поднялись до очень высоких рангов. Это — лучшее доказательство того, что они приняли наши привычки и обычаи и научились приспосабливать себя к заповедям наших священных книг. Они выдерживают экзамены по литературе точно

так же, как и все другие, и совершают жертвоприношения, предписанные законом. Словом, она истинные члены великой китайской семьи и всегда стараются выполнять свои религиозные, гражданские и политические обязанности. Когда судьям предстоит разбирать гражданские дела, они не должны интересоваться религией тяжущихся. Есть только один единственный закон для всех моих подданных. Те, кто делает добро, будут вознаграждены, а те, кто совершает зло, будут наказаны" /157, 150-151/.

Если свое отношение к мусульманам государь Инь Чэнь изложил в строках указа, то наследовавший ему Хун Ли отозвался на постройку в 1764 г. мечети в Пекине написанием текста. Он, в частности, гласил: "Мусульмане одинаково мои подданные, почему их желания не должны быть удовлетворены? ... Мое правительство, понимая, что разные люди должны быть управляемы разными способами, всегда позволяло людям исповедовать свою собственную веру, так чтобы через свои религиозные верования они могли быть дружественными к другим". Иными словами, Хун Ли демонстрацией своей терпимости к осуществлению различных вероисповеданий рассчитывал обеспечить согласие между всеми своими подданными и укрепить доверие их, в частности, мусульман, к трону. Культовые центры мусульман в столице сохранялись и при преемниках Хун Ли. На начало XIX в. в самом Пекине имелось две мечети. "... великолепная по наружности", - сообщалось об одной из них /14, 59, 61/. Существовали мечети в других городах страны, на что обращали внимание иностранцы /248, 26/.

Вышеприведенные примеры убедительно свидетельствуют, что цинский двор, по меньшей мере некоторые монархи, не игнорировал специфические интересы мусульман, но санкционировал им свободное отправление заповедей их веры.]

Каких-либо правительственных регламентаций относительно строительства мечетей при цинском режиме, очевидно, не существовало. Не претендуя на детальное освещение этого вопроса на протяжении всего правления династии Цин, укажем лишь, что постройка мечетей имела место и в последние годы существования монархии. Так, в Сяне /уезд Юйся, провинция Юньнань/ мечеть была построена в годы Гуан Сяй /131, 12, 688/.

В той или иной мере /в зависимости от обстоятельств/ вер-

ховные правители империи Цин высказывали свое уважение религиозным чувствам мусульман, но в то же время позволяли себе такие выходки, которые не могли не задевать их. В тексте, который Хун Ли написал по случаю сооружения в Пекине мечети, были и такие строки: "Кланяясь, на запад или на север, все равно выражаете уважение". Император всегда сидел, обращаясь лицом к югу, китайские чиновники, соответственно, клали поклоны на север. Мусульмане в Китае кланялись на запад, в сторону Мекки. Хуанди, оценивая оба действия одинаково, таким образом приравнивал себя к Мухаммеду. Но, с другой стороны, употребление эпитетов, которые дозволялись только применительно к особе цинского государя, в отношении пророка Мухаммеда было расценено как тяжкое преступление. В 1782 г. правитель Гуанси Чжу Цинь докладывал трону о задержании мусульманина Хай Фуна, путешествовавшего без удостоверения личности, но с книгами, из них 4 на китайском и 21 на арабском, которые нельзя было перевести. Одна из книг, написанных по-китайски, принадлежала кисти современного писателя из Нанкина по имени Лю Цзи и называлась "Тянь фан цзи шэн ши лу нянь лу". Особые нарекания Чжу Циня вызвало выражение "Цзи шэн" /"самый святейший, самый современный"/ в названии книги, которое было запретным и могло быть употреблено только применительно к цинскому государю. Здесь же его поданный так отзывался о царе иностранного государства, а именно о Мухаммеде, правителе Аравии. Упомянутого Хая правитель провинции отправил в столицу для наказания и одновременно высказал предположение, что и автор должен быть арестован также /171, 302/.

При Цинах социальное положение мусульман принципиально не отличалось от остальных подданных государя. Мусульманам не возбранялось состоять на гражданской и военной службе. Мусульмане занимают видные посты в армии: на посту главнокомандующего сячуаньской армией, который по своей значимости шел непосредственно за наместником, мы видим Ма Тякая, мусульманина из Юньнани, потомка известного мусульманского деятеля Ма Хуалуна /224а/. Магометане занимали высокие должности в войсках провинции Юньнань. Мусульманами, обобщает М. Брумхолл, были наместники и правители провинций, немало мусульман достигло наивысших постов на военной службе /157, 228/. С этим мнением по существу, хотя со-

гласен Бай Шоуя, но с оговорками. За 300 лет цинского господства магометане, хотя могли заниматься чтением книг, изучать военное дело, поступать на службу в армию, однако подвергались ограничениям /Ю, 343/. Конкретных же данных не приводит.

Тем не менее цинская администрация отличала мусульман как особую общину и в известной степени учитывала это обстоятельство в своей кадровой политике: при назначении на должность принималась во внимание религиозно-общинная принадлежность. Вот свидетельство иностранного наблюдателя. В уездном городе Юнпин "китайское правительство поставило магометанского чиновника, равно как и китайского, из-за большой численности мусульманского населения в окрестностях. Так как первый принял службу - его исламызм должен быть подобно исламызму многих из его единоверцев просто внешним проявлением. Он, несомненно, имеет огромное влияние на своих собственных людей, и по этой причине китайцами была дана должность" /И75, 270/.

По утверждению А. Виссьера, для мусульман существовал своеобразный экзамен по проверке их лояльности трону. Тому или иному мусульманину, приближенному ко двору или желавшему таковым стать, с царского стола посылалось блюдо со свининой. Отказ от такой милости, продиктованной заповедью веры, означал оскорбление Сына Неба/289а, ЗII-ЗI2/ и давал повод рассматривать отказника как политически неблагонадежного. На чем основано вышеизложенное суждение А. Виссьера, неизвестно и, на сколько оно соответствует исторической действительности /вопрос остается открытым/.

На основании фактов из уголовной практики цинской администрации можно предположить о том, что она в известном смысле /равнивает немусульман с мусульманами: для первых пребывание в тюрьме в собственно Китае приравнивается к проживанию среди мусульман на положении слуга. "Преступников иногда посылают к мусульманам на границу, способным содержать их" /233, 403/. В свою очередь, и мусульман в порядке наказания передавали в услужение цинским офицерам и солдатам.

В мусульманской глубинке, где община фактически находилась под началом местных вождей-правителей, судопроизводство остается прерогативой мусульманской верхушки. Так, в частности,

обстояло дело у саларов. При разбирательстве дел кази или религиозные судьи выступали как консультанты или заседатели, тогда как вожди-правители единственно имели власть налагать наказания /250, 309/.

На западных окраинах Цинской империи, где еще до включения этих территорий в состав цинского государства существовали традиции мусульманского судопроизводства, они сохраняются, как бытовая особенность мусульманской общины. Однако, поскольку в соседстве с нею оказался немусульманский элемент /коренное иноверное население, пришедшее из собственно Китая, а над нею военно-бюрократический цинский аппарат/, то в этих условиях функционирует как традиционное мусульманское судопроизводство, основанное на шариате, так и цинское, основанное на нормах собственно китайского права. Характерен пример, сообщаемый Н.Ф. Катановым, относительно практики, бытовавшей в Лячуне /Логучэн/. Если допрос в тюрьме, с вора берут 5 мискалей /1 руб./, называемых деньгами мусульманской штрафной книги, если допрос в китайской канцелярии, то берут 1-1/2 сера серебра^х называемых "деньгами китайской штрафной книги" /Г7, 432/.

В целом же в Восточном Туркестане по данным на начало 2-й половины XIX в. судебная власть находится в руках духовенства /21, 355/.

Случалось, мусульманские судьи считали более авторитетным решение цинских властей. У дунган жена могла пожаловаться казиям, которые пишут постановление, руководствуясь положениями шариата, по указанию ахуна, и дают развод. При китайском владычестве дунганские казии в более важных случаях передавали дело на усмотрение китайского начальства.

За отсутствием достаточных данных о практике цинского судопроизводства не представляется возможным заключить, как разбирались дела между мусульманами и немусульманами. Что касается Синьцзяна, то здесь на начало 40-х гг. XIX в., согласно утверждения Ахмед Шаха Накшбанди, в случае возникновения между кашгарцами и китайцами споров они разрешаются по мусульманским обычаям /Г78, 383/. Это свидетельство представляется сомнительным. В провинциях собственно Китая правонарушители-магометане подвергались более серьезному наказанию, нежели обычные преступ-

ники. Обычно дозволялось бродяжничать, проситься на постой и побираться, магометанам никоим образом не позволялось просить милостыню. Не разрешалось бродяжничать в провинциях Ганьсу и других местах расселения магометан /10, 34/.

В собственно Китае мусульмане жили особняком, в отдельных деревнях и поселках. Цинская администрация в целом не препятствовала этой тяге мусульман к обособлению. Однако имели место исключения. Так, в 1908 г. в икьском номере "Зе Чайниз рикордер" Петтус отмечал, что в Нанкине мусульмане живут рассредоточено, так как китайские власти отказали позволять им изолироваться от остального населения /157, 226/.

В Восточном Туркестане тоже имело место раздельное проживание в городах. Существовали "хуэйчэны" и "ханьчэны", соответственно мусульманские и ханьские города. В последних размещались цинские гарнизоны и проживало ханьское население.

Включение мусульманской общины в политическую систему цинского Китая в известной степени затрагивало заповеди религии мусульман, ибо законоположениям империи, верховными правителями которой были "идолопоклонники", с точки зрения ислама, обязаны были следовать и его адепты. "Их /мусульман. - В.К./ отношение как ученых или как чиновников к поклонению императору или Конфуцию или даже идолопоклонничеству компромиссно. Принужденные законом приспособливаться, они оправдывают сама себя, говоря, что они поступают так внешне, а не сердцем" /157, 228/. Это проявлялось в отправлении обряда. Простираясь перед императорской табличкой или идолом, они избегают касаться головой земли, что они делают, когда поклоняются Аллаху, и они утешают свое сознание тем, что подлинное значение церемонии было уничтожено или что это было просто пустая официальная церемония. Закон обязывает каждую мечеть иметь табличку в честь императора, называемую Вань суй пайцзу ... Различные уловки предпринимаются, чтобы показать, что внешняя форма поклонения выполняется против воли или рассматривается как никчемная, так как неполностью выполнена ... Иногда даже высокопоставленных чиновников отстраняют от мечети на время их срока службы /157, 228/.

Вышеописанный пассаж относительно таблички, символа власти государя-неверного, не может претендовать на абсо-

Лютное отражение реалий относительно деталей, но не вызывает сомнений по поводу сущности отношения мусульман. Любопытные сведения на сей счет приводит У. Мильн, сопричастный к деятельности протестантской миссии в Китае. В мечети в Нанбо он увидел табличку "Дун пай" /"Драконова табличка"/ с надписью "Хуанди, ваньсуй, ваньсуй, ваньсуй". - Вечная лета государю!" Мусульманскому священнику, который был связан с этой мечетью, был задан вопрос, как он позволил в таком месте, предназначенном для молений Аллаху, поставить такую табличку? Он торжественно заверил, что он никогда не будет свидетельствовать религиозное уважение такой табличке или какому-либо повелителю людей. Затем он объяснял, что она помещена в пределах мечети только ради целесообразности: так если он и его единоверцы будут обвинены врагами магометанства в нелояльности, они должны будут апеллировать к присутствию таблички /223а, 82/.

Судя по напечатанной в Китае исламской литературе /215а цинские власти не чинили препятствий изданию мусульманской богословской литературы, но, очевидно, не оставляли это дело полностью бесконтрольным. Например, У.С. Мильн сообщает, что получил от магометанского учителя иллюстрированный альманах, предназначенный для использования мусульманами. Книга эта была издана с санкции правительства и содержала указания правоверным относительно соблюдения дней отдыха, поста и других празднеств /223а, 340/.

Помимо издания религиозной литературы мусульмане выпускали в Пекине "Чжэн цзун нэйго сао" /"Патриотический журнал"/. Если судить по корреспонденции, датированной 27 октября 1908 г., - нет оснований заподозрить это издание в отсутствии лояльности правящей династии /224, 379-80/.

При цинском господстве повсеместно действовали мусульманские духовные школы, т.е. "неверные" правители не лишали мусульман образовательных возможностей, и они могли обучаться согласно своим традициям как в городах, так и в глубинке. К началу XIX в. повсеместно существуют школы, связанные с мечетями. Богословские мусульманские училища имелись в Нанкине, в Юньнаньфу /157, 242/.

В тех провинциях, где мусульмане немногочисленны, школы -

чисто "церковные школы" /157, 240/, и их контингент ограничен теми, кто готовился к деятельности священника. В более значительных мусульманских центрах, таких, как Ганьсу, школы прикреплены к множеству небольших деревенских мечетей, где мальчиков обучали догматам веры, началам арабского и при случае персидского или турецкого. Более детальное представление о постановке учебы можно составить по следующим примерам. В Хэчжоу /Ганьсу/ имелось специальное учебное заведение для изучения корана /157, 240/. В этом училище обучались люди из сопредельных провинций. В кораническом училище в Факумэне /Маньчжурия/ изучались комментарии на арабском к Корану, прежде чем приступали к штудированию самого канона /157, 241/.

В Синьцзяне при цинском режиме функционировали мусульманские училища-медресе. Как свидетельствует некий Ислам-ходжа, учившийся в медресе Кашгара, книги там были по большей части все духовные /45, 151/. Наличие мусульманских школ в начале 90-х гг. XIX в. на западных окраинах империи отметил побывавший здесь Н.Ф. Катанов: школы в Лемчжине, Пичане есть у дунган и сартов, по одной сартовской школе в Манасе и в деревне Луцогоу.

Мусульмане из Китая имели возможности изучать исламское богословие и за рубежом. Ма Дэсин, один из руководителей мусульманских повстанцев в Юньнани во 2-й половине XIX в., ранее в течение 2 лет изучал учение ислама в Стамбуле.

Внутренние дела мусульманской общины, очевидно, в целом оставались вне повседневного контроля со стороны цинских властей и оставались вне их компетенции. Показательно, например, существование в Кашгаре до прихода Якуб-бека, т.е. в период цинского господства, туземной, мусульманской администрации. Она состояла из кази /судьи/, раиса /блюстителя общественной благопристойности/ и юз-башей. Для нас в данном случае важно отметить существование суда по шариату /в лице кази/и стража общественной, вернее мусульманской, морали.

Мусульманская администрация включала в себя и духовных лиц. В Восточном Туркестане представители духовенства, должностные муллы, участвуют в земском управлении /21, 343/.

Если в округах Восточного Туркестана контроль за соблюдением норм поведения мусульманами осуществляли представители

местной, туземной администрации, то в княжестве Хами он всецело сосредоточен в руках правителя последнего. Конкретно это выглядело так, согласно сведений Н.Ф. Катанова, посетившего Синьцзян в 1890-1892 гг., хамйский цинь-ван /князь 1-й степени/, призывая к себе во дворец какого-нибудь муллу, говорит ему: "Я даю тебе должность благочинного и блюстителя порядка в школах. Возьми из прихожан 4 помощников, возьми 7 пар арапников. Каждое утро обходи со своими помощниками мечети, и если где-нибудь окажется человек, не идущий на молитву, возьми его и бей до смерти; если умрет, не беда ... Каждый наказанный тобой должен дать тебе 2 меры пшеницы /31,6 куб. дюйм/ за то, что ты - благочинный, и 1 меру пшеницы /15,8 к.д./ за то, что ты - блюститель порядка в школах. Обходи учеников всех 5 частей города Ха-и и о каждом ученике дай мне ответ. Если ты не будешь обходить все мечети каждый день, и школы каждый год, то я вытребую тебя во дворец, и, крепко наказавши, отправлю в ссылку". Такое наставление хамйский цинь-ван дает каждому мулле, который только что получил должность мухтесиба, т.е. благочинного и смотрителя училищ /56а, 579/.

По предписанию логученского цзюнь-вана /князя 2-й степени/ ленивого богомольца тоже наказывают.

За исполнением мусульманских обрядов следят как в городах Хама и Логучене, так и в больших селениях, где есть старшие муллы и мухтесибы /56а, 584/.

Оставив в сущности неизменной социально-экономическую структуру в Восточном Туркестане, существовавшую до его завоевания, но, приспособив ее для своих нужд, цинский военно-бюрократический аппарат сохранил в той или иной степени экономическую основу власти мусульманского духовенства - вакфные земли^х. В частности, по состоянию на конец 50-х гг. XIX в. наследственное духовенство, шейхи при гробницах пользуются доходами с земель, принадлежащих гробницам /21, 345/. Кроме того, духовные лица в отличие от простого населения были освобождены от уплаты податей /21, 343/. Здесь явно просматривается расчет цинских властей склонить на свою сторону мусульманское духовенство.

В сфере предпринимательства фискальная политика цинских властей на местах, случалось, ставила мусульман в неравное по-

ложение с хань. Первым приходилось платить большее обложение, нежели последним. Так, в частности, обстояло дело в Мукденской провинции. Здесь с мясных лавок, причисленных к одному и тому же первому разряду, взимали разный сбор в зависимости от того, какими торговали мясом. С продавцов говядины взималось 200, свинины — 80 долларов в год /17, 81, 82/. Следует иметь в виду, что торговля разным скотом и говяжьим мясом сосредотачивается в руках мусульман, а свиньями и свиным мясом — в руках китайцев. Разделение же лавок по классам устанавливалось по размеру ежегодных торговых оборотов /17, 82; 82, 224/. Дискриминация в сфере фиска не могла не затрагивать мусульман-торговцев и в целом давала основание мусульманской общине, в особенности той ее части, которая не принадлежала к цинской чиновной иерархии, считать, что власти предвзято относятся к мусульманам, именно потому, что они нехань.

Бытовая жизнь мусульман цинским государством в целом не регламентировалась. Они были свободны придерживаться своих традиционных обычаев. Так, например, "красношапочные магометане"^X Пекина ежегодно собирались на одной из улиц столицы, устраивая лазанье по шесту, пенье и состязания в различных спортивных играх /233, 294/.

Периодически мусульманские миссионеры или инспекторы из-за рубежа посещали мусульманские общины Китая. В 1908 г. мечеть в Чжоуцзякоу /Хэнань/ посетил турок-мусульманин, на его судне развевался флаг со звездой и полумесяцем. Он очень сильно критиковал нарушения дисциплины, которые, как он обнаружил, там преобладала /151, 252/.

Эдварду Ларссону в мечети в Датунфу /Шаньси/ ахун сказал, что в Стамбуле его назначили священником. Это, вероятно, просто означало, что турецкий уполномоченный назначил его и дал ему удостоверение, изготовленное в центре мусульманской веры. "Хотя политические условия, которые существовали в Китае до недавних лет, не были благоприятны для таких миссионерских операций, есть мало сомнений, что свободы, которыми теперь пользуются протестантские миссии, будут также использованы мусульманскими державами для усиления и возрождения интересов ислама повсеместно в империи", — прогнозировал исследователь проблемы ислама в Китае

Паломничество в святые места совершали мусульмане из самых различных мест империи. Глава нанкинского училища был в Мекке. Н.Ф. Катанов сообщает о китайском казахе Керибай-хаджи из рода Кирей. Тот побывал в Мекке и Медине /566, 227/. По данным, относящимся к началу XX в., каждый год тридцать мусульман из Юньнани шли в Мекку. Со стороны мусульман Китая проявляется живой интерес к духовным ценностям ислама. И одним из путей удовлетворения такового, но для лишь определенного количества людей, было паломничество, хадж, в святые места, находившиеся в рассматриваемое время территориально в пределах Османской Порты.

Паломничество в святые места не сводилось лишь к исполнению заповедей веры, но давало стимул для исламского просветительства дома. В этом отношении весьма показательна инициатива китайского подданного турка Менла-абу-уль-Рахима. Он окончил семинарию по подготовке ахунов Пеншенба. Прожил некоторое время в Египте и Стамбуле, когда совершал паломничество /157, 266/.

В 1890-1891 гг. по возвращении из Геджаза в Кульджу /Самцзян/ он устроил прием для знатных людей города, где выступал с речью. Менла-абу-уль-Рахим, в частности, сказал: "В Константинополе и Египте я посетил большие библиотеки и видел много новых книг и среди них такие, которые нам очень нужны. Я получал календари больших университетов Константинополя и Египта, а причина, почему я так поступил, заключалась в том, чтобы употребить тамшнюю информацию для улучшения наших школ. Как только я вернусь домой, я приглашу всех образованных мусульман, которые вокруг, придти, и я обращу их внимание на эти календари и с их помощью попытаюсь создать наши школы и семинары по этим направлениям. Если мы способны делать это, мы поведем всех мусульман Китая по правильному пути. Здесь несколько копий этих календарей. Возьмите их, и я прошу Вас поладить с Вашей бесполезной и несправедливой религиозной равнодушностью и посредством единения и сотрудничества улучшать наши школы и семинарии согласно направлениям, изложенным в этих программах.

Я надеюсь, что смогу пробудить мусульман Кашгарии и Пекина к их долгу. Я уверен, что мои планы будут приняты, так как они искренни и не надуманны. И давайте не забудем, что после улуч-

шения наших школ и семинарий, еще останутся три вопроса, которыми нам следует заняться. Эти три дела практически теперь в трех местах, в Кульдже, Кашгаре и у саяр. Они суть:

1. После улучшения наших школ пригласить учителей из Константинополя и Индии.

2. Получить печатную машину, с тем чтобы самим печатать нужные нам книги.

3. Издавать газету на родном языке, с тем чтобы поощрять людей заняться просвещением.

Если эти три дела будут выполнены, несомненно, мусульмане Китая займут более достойное положение, и у меня есть большая причина надеяться, что китайское правительство, если будет необходимо, поощрит такие начинания или поможет им" /157, 268/.

Как явствует из вышецитируемой речи, для китайского мусульманина Османская Порта и ее столица – страна и центр познания и пример для подражания в деле распространения образованности среди широких масс китайских мусульман.

Вышеупомнутый Менла-абу-уль-Рахим отнюдь не составлял исключения. Так, два китайских мусульманина Ван Хаожань-ахун и Ма Шаньтин /Дэбао/-ахун после совершения хаджа специально приехали в Стамбул. В ноябре 1906 г. султан Абдул-Гамид принял Ван Хаожань-ахуна. Последний преподнес султану свои книги, на которого их вид произвел большое впечатление.

Абдул-Гамид подробно расспрашивал о положении мусульман в Китае: какова их численность, занимают ли они высокие государственные посты, какова в Китае письменность, много ли читают китайские мусульмане.

Названная Ван Хаожанем численность мусульман в Китае (40-50 млн. и 1/9 общего количества населения) произвела впечатление на султана. Он выразил удивление, так как прежде мусульмане на Ближнем Востоке не знали, что у них столько много единоплеменников в Китае.

Свое общее впечатление от ответов Ван Хаожаня Абдул-Гамид резюмировал в следующей сентенции: "Поскольку ханьская письменность является государственной письменностью Китая, а мусульмане Китая к тому же люди Китая, но не читают китайские книги, то не удивительно, что они бедны и невежественны. Положению,

которые они занимают в обществе, не достаёт веса. Тебе по возвращении домой необходимо как можно больше побуждать единоверцев читать. Только это и есть любить веру, любить страну" /ІЗІ, т.2, І770/.

Наставление халифа Ван Хаожань воспринял как установку распространять среди мусульман Китая основное, издревле относящееся к культуре мусульман-единоверцев, и изучать ученость, истари имевшую в Китае /ІЗІ, т.2, І770/. Иными словами, халиф благословил Ван Хаожаня заняться просветительством среди единоверцев Китая, знакомя их с культурным наследием исламского мира и с достижениями собственно китайской цивилизации.

В свою очередь, Ван Хаожань изложил султану халифу двоякую просьбу: направить в Китай "мусульманских ученых-богословов для преподавания и проповедничества, подарить Китаю древние и современные книги по арабской культуре. На обе просьбы Абдул-Гамид ответил согласием /ІЗІ, т.2, І770/. В частности, с Ван Хаожанем передал партию старых и современных книг по арабской культуре.

Во исполнение договоренности в сентябре 1907 г. султан направил в Пекин двух богословов: Али Ризу-эффенди и Хасан-Хафиза /ІЗІ, т.2, І771/. Ксылке их непосредственное отношение имел шейх уль-ислам, верховный священнослужитель. По прибытии в Пекин первый из вышеназванных двух стал исполнять обязанности старшего профессора кафедры арабской литературы, второй — профессора начальной кафедры в мусульманском университете при мечети Нюцзе, созданной в ноябре-декабре 1907 г. Ван Хаожанем и передовыми деятелями мусульманской общины /283, 3/.

Приезд в Китай Али Ризы-эффенди и его коллеги положил начало регулярной просветительской и проповеднической деятельности среди китайских мусульман богословов из Османской Порты. Али Риза и Хасан Хафиз, как отмечали иностранные наблюдатели, пользовались большим уважением среди китайских мусульман потому, что они прибыли из страны Мухаммеда и обладали большими знаниями /24Іа, 698/.

Первое обстоятельство весьма показательно в том смысле, что своим авторитетом Али Риза и Хасан Хафиз среди китайских мусульман обязаны прежде всего тем, что приехали с родины пророка, отчего их проповеди и толкования Корана имеют особую

значимость.

Миссия Али Ризы и Хасана Хафиза выходила за рамки просвещения и проповедничества. Она добивалась признания авторитета турецкого султана как Командира веры китайскими мусульманами, которые в своей массе о существовании такового не ведали. Али Риза и Хасан Хафиз добились определенных успехов в деле осознания мусульманами Китая, что турецкий султан является Командиром веры, халифом для мусульман всего мира /242, 698/. Ахун в Таньсу, пишет современник, знает о халифе: он ездил в Пекин по приглашению Али Ризы и Хасана Хафиза. Ахун привез оттуда фото-снимок двух деятелей с зеленым знаменем халифа, как свидетельство единого мусульманского мира. И этот ахун не только сознает себя членом его, но и, без сомнений, рассказывал своим прихожанам, что они тоже принадлежат к всемирной мусульманской общине /224, 283/.

Али Риза-эффенди по приказанию султана Турции и указанию шейх-уль-ислама находился в Китае в течение четырех лет, давая религиозные наставления китайским мусульманам. По возвращении его в Стамбул, ему на смену прибыл из Турции по предписанию халифа Сайед Тахер Хусайни, который и продолжил деятельность Али Ризы-эффенди /224, 283; IЗI, т.2, I77I/.

Не ограничиваясь просветительством и проповедничеством среди китайских мусульман, султан халиф вознамерился принять под свою юрисдикцию единоверцев в Китае. В спокойной и не бросающейся в глаза манере в 1908 г. полурелигиозный и полуофициальный посол с верительными грамотами от Командира веры, султана Абдул-Гамиди прибыл в Китай. Его основной задачей было заполучить согласие китайского государя на то, чтобы магометанские консулы были призваны и им предоставляли официальный статус в Китае для того, чтобы с последователями Мухаммеда, живущими в Китае, обращались и сохраняли их в соответствии с идеалами Стамбула /157, 293/. Однако китайский двор отказался признать магометанских консулов, присланных из Стамбула, на том основании, что мусульмане в Китае — теперь чисто китайские граждане и никаких различий не делалось в течение столетий /157, 293/.

Этот инцидент, однако, не отразился на возможностях Османской Порты вести преподавательскую и проповедническую дея-

тельность среди мусульман Китая и изучать их положение. Как утверждал пекинский корреспондент лондонской "Таймс", в первом десятилетии XX в. имамы из Турции постоянно переезжали с места на место, посещая общины китайских мусульман. В частности, турок, один из улемов университета Аль-Азхар, посетил мечети и мусульманские общины в Баодине, Шанхае, Ханькоу, Нанкине /157, 294/. Его статьи об исламе в Китае были опубликованы на страницах стамбульской газеты "Икдам" /157, 294/. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что официальные круги и общественность Османской Порты выказывали неизменное внимание к положению мусульман в Китае.

Со своей стороны, китайские мусульмане проявляют живой интерес к бытовому общению с зарубежными единоверцами, в частности, подданными Османской Порты. Как сообщалось, в феврале 1907 г. в долине Кенчжан /Восточная Сычуань/ объявился молодой 19-летний "турок" /так он был обозначен китайцами/. Собраты по вере приняли его с наивысшими почестями: в Нанбаньфу вся мусульманская община вышла на улицу встречать его /241б, 288/. Появление этого турка в местах проживания мусульман не было единичным. В Восточную Сычуань некоторые турки или арабы приходят все годы, поднимаясь по р.Янцзыцзян. Они во всех местах являются гостями мусульман /по рассказам некоторых приходят также и в Юньнань/ /241б, 286/.

Отношение, которое турки встречали в Китае со стороны местных единоверцев, поощряло первых на такие вояжи. И в контактах с зарубежными мусульманами были заинтересованы последователи ислама в Китае. "Какими бы ни были цели этих одиночных паломников - а они не занимаются никакой коммерцией, - они служат мусульманам в Сычуани в качестве посредников для установления союза с внешним миром ..." /241б, 286/.

Китайские /условно говоря/ мусульмане имели довольно широкие и частые контакты с единоверцами из других, помимо Турции и Ирана, стран: из пределов Российской империи, из Пенджаба. Мусульмане в Ганьсу были в курсе основных событий, происходивших в мировом мусульманском сообществе. Торговый обмен служил одновременно и средством информации. Кроме того, в Китае распространялись зарубежные мусульманские издания, в частности,

выходившие в Стамбуле, Бейруте, Каире /224, 380/. Среди них обращает внимание журнал, издававшийся небезызвестным Исмаил Беем Гаопринском /224, 381/.

Контакты китайских мусульман с мировым мусульманским сообществом с центром в Стамбуле, столице Османской Порты, давали свои плоды, оставляя известный след в сознании китайских магометан. Еще в начале 50-х гг. XX в. должностные лица КНР говорили о необходимости борьбы с пантуркизмом и напасламазмом, так для иначе дававших себя знать в настроениях мусульман Китая /77, 71-72/.

Обобщающей характеристикой статуса мусульман как религиозной общины при династии Цин могут в известной степени служить слова А. Уайля "... последователя Мохаммеда были в Китае на сегодняшний день более двенадцати столетий и пользовались величайшими возможностями для распространения своей веры"/294-I, I81/.

Изложив в общих чертах политику цинской администрации в отношении ислама в Китае и, соответственно, показав статус мусульман в тогдашнем китайском обществе, перейдем к конкретному освещению того, как проявлялся исламский фактор в политической истории империи Цин.

Глава 2. МУСУЛЬМАНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В КОНЦЕ

ХУИ - ХУИ вв.

Мусульмане Северо-Запада против Цинов

Утверждение в Пекине маньчжурской династии Цин еще не означало установления ее власти в Китае. Последовала борьба за освоение наследия павшего дома Мин. Развалом государственности спешат воспользоваться на местах влиятельные лица и утвердиться в качестве самостоятельных правителей.

В 1649 г. Тулуньтай, сын хамиского правителя Бабай-хана, занял Сучжоу и утвердился в нем. Этому непосредственно предшествовало выступление мусульман в Хэси. Оно и способствовало возвращению Тулуньтая в Сучжоу.

В 4-й луне 5-го года Шунь Чжи в Хэси мусульмане /хуэй/ Ми Даан /из Ляньчжоу/, Дан Гочжэнь, принявший прежний минский титул "Яньчжан вана", Чжу Шичуань подняли мятеж /II, т.Ш, 3/.

Присутствие среди вожаков повстанцев Чжу Шичуня, представителя администрации свергнутой минской династия, дает определенные основания говорить, что лозунгом мятежников было "Фан Цян, шу Мин" /"Свергнем Цинов, восстановим Минов"/ /79, 9-10/.

Вопрос о том, какую роль в этом выступлении играл собственно исламский фактор, остается открытым. Но тем не менее остается факт налицо – мусульмане выступили с оружием в руках против власти цинских правителей на первых порах ее становления. По данным китайских источников, под началом Тулуньтая боролась мусульманская /"чалмоносная"/ коалиция в таком составе: "хунмаохуэй" /"красношапочные мусульмане"/, "хуэрхуэй", "карахуэй" /"Черные мусульмане"/ и "ханьхуэй" /73, 315-316/. Против них были брошены объединенные маньчжуро-ханьские войска /II, т. III 3/. За интересом цинского дома с мусульманами сражались ратники-маньчжуры и хань. Так был положен прецедент совместной борьбе маньчжуров и хань против мусульман. Цинские войска вернули обратно Сучжоу и расправились с активными участниками мусульманской коалиции.

В начале 50-х гг. ХУП в. в Юго-Восточном Китае шли вооруженные столкновения между войсками дома Цян и их противников. Таким образом, мусульмане на Северо-Западе объективно явились участниками сопротивления цинскому господству. Но вряд ли вожаки мусульманской коалиции стояли за реставрацию власти Минов. Всего вероятнее, они отстаивали свои собственные интересы. Не исключено, что и лозунг "Свергнем Цинов, восстановим Минов", если он действительно был выброшен, призван был привлечь на свою сторону соседствовавших с мусульманами хань.

Гонения на "Синь цзяо"

Во второй половине ХУШ в. собственно исламский фактор выступает как фактор дестабилизирующий внутриаполитическую обстановку в империи Цян. Межсектантские распри среди мусульман на Северо-Западе повлекли за собой непосредственное вмешательство цинских властей и гонения с избирательным подходом.

Раскол среди мусульман Северо-Запада связывают с именем Ма Минсяня /тан Сяйхуэй/, который выступил с проповедью нового учения. Отсюда секта получила название "Сань цзяо" /"Новое учение"/,

а ее оппоненты составили "Лао цзяо" /"Старое учение"/. Отношения между ними складывались неприязненно.

В 3-й луне 1781 г. последователь ахуна Ма Минсиня Сусышисань со своими единомышленниками затеял свару с хуэйями, приверженцами "Лао цзяо", и стала их убивать /II, т. III, 247, 79, 28/. Сын одного из пострадавших адептов "Лао цзяо" пожаловался цзунду Лэрцзяню. Тот для принятия мер направил солдат под началом ланьчжоуского чжифу Ян Шицзи и хэчжоуского сефуцзяна Синь Гуя. Вышедшим им на встречу приверженцам "Синь цзяо" Ян Шицзи заявил: "На этот раз власти намерены считать главной "Лао цзяо", если "Синь цзяо" не будет придерживаться закона и предписаний, тогда полностью сведем на нет "Синь цзяо" /79, 32/. Причину нерасположения к ней Линь Гань объясняет следующим: "Целью "Синь цзяо" было уничтожение системы "мэнхуань", при которой духовный властитель одновременно являлся крупным землевладельцем. Социальной силой, на которую опирались цинские правители, был помещичий класс. Поэтому с самого начала восстания она становилась на сторону "Лао цзяо", которая выражала интересы класса помещиков" /79, 32/. Вернее сказать, амусей верхушки упомянутой секты.

Стрелы Ян Шицзи и Синь Гуя принялись хватать и истреблять сторонников "Синь цзяо" /II, т. III, 4/.

После того, как в Ганьсу /тин Сяйхуа/ произошло восстание под началом Сусышисаня, Хун Ли направил предписание цзунду Шэнь Гань Ли Шяю выявить и сослать приверженцев "Синь цзяо", полностью уничтожить мечети "Синь цзяо", запретить дополнительно возводить мечети "Лао цзяо". После подавления выступления Тянь У /Ганьсу, Шифанпу/ был издан указ навечно запрещающий существование "Синь цзяо".

В ответ на это Сусышисань и его приверженцы убили Ян Шицзи и Синь Гуя, атаковали Хэчжоу. Для умирения мусульман - повстанцев Лэрцзинь послал против них войска из гарнизона Ланьчжоу и одновременно распорядился взять под стражу Ма Минсиня. Бучжэнь Ван Янцзянь попытался было использовать его потом для умиротворения мусульман. Он принуждал Ма Минсиня обратиться к Сусышисаню с призывом прекратить военные действия. Ма Минсинь отказался и по приказанию Ван Янцзяня был принародно казнен /79, 29/.

События по своей значимости вышли за пределы межсектантской распри локального масштаба. Государевым указом из Пекина были переброшены отборные войска с оружием огненного боя, руководство кампанией по истреблению было возложено на особо уполномоченного даскэши Агуя /II, т. III, 4/. Для поднятия духа им раздавали имущество, конфискованное у последователей "Сянь цзяо" /II, т. III, 5/. В кампанию против секты "Сянь цзяо" оказались вовлеченными и воины других вероисповеданий, а именно буддисты. Агуй докладывал трону о переброске для подкрепления правительственных войск фаньских воинов из Цзяньчжуаня и алашаньских монголов /II, т. III, 5/. Есть сведения о непосредственном участии первых в боях /II, т. III, 5/. В ходе их пострадал буддийский храм Хуалань сы. В нем укрылась мусульмане-повстанцы, и он был подожжен. Сопричастность мусульман к гибели буддийского храма не могла не отложиться в коллективной памяти буддистов и в конечном счете создавала момент, осложняющий отношения между мусульманской и буддийской общинами.

Сломив сопротивление повстанцев "Сянь цзяо", цинский двор в отношении тех из них, кто являлся последователем этой секты, прибег к методам физического уничтожения и высылки. Хуэйминь Аньдяня, Хэчжоу, Гуаньчжуаня, Танцзячжуаня, Хунцзяцхо и других мест, участвовавшие в восстании, были полностью вырезаны, взрослые мужчины-салары тоже были перебиты, их жены и дочери сосланы в Ила и отданы в рабство солдатам, сыновья и внуки сосланы в Юньнань /79, 30/.

Цинский двор наряду с карательными мерами физического порядка обязал цзунду Шэнься-Ганьсу Ли Шяо предпринять санкции в отношении духовной жизни мусульман. Мечети "Сянь цзяо" подлежали сносу, не дозволялось жителям одного селения приходить в другое для чтения канона, не разрешалось приезжим извне хуэйминь изучать религиозные книги, обучать канону и проживать на новом месте /79, 30-31/. Известные ограничения были наложены и на приверженцев "Сянь цзяо": им запрещалось дополнительно возводить мечети /79, 23/.

Год спустя после убийства Ма Минсяня в Даньчжоу /1782 г./ вышел высочайший указ задерживать бродяг /171, 302/. Как представляется, этот приказ выходил за рамки чисто полицейской ак-

ция, направленной против празднующихся вообще. Но ставя своей целью воспрепятствовать деятельности бродячих мусульманских проповедников.

Можно было перебить известное количество неблагонадежных сектантов, ограничить деятельность других, но само учение властям извести не удалось. Они сами способствовали его притягательности. Воспользовавшись кампанией расследований и наказаний в отношении уцелевших adeптов "Синь цзяо", предпринятой Ли Шяю, мелкие чиновники самовольничали, беспокоили /мусульман/" /II, т. III, 32/. Поэтому ахун Тянь У /уезд Фуцзянь/ и др. "под предлогом отомстить за Ма Мянсяня возродили деятельность "Синь цзяо" /73, 32/. Спорным пунктом заговорщиков являлась мечеть.

В 1783 г. вспыхнуло восстание. Действия повстанцев были отмечены чертами "джихада", войны против "неверных". Хань убивали, некоторых из них силой превращали в adeптов "Синь цзяо".

При подавлении восстания под началом Тянь У цинские власти использовали сектантскую рознь среди мусульман, этнические и местнические антагонизмы. Так, для борьбы с повстанцами была привлечена салари, последователи "Дао цзяо", хуэй из Ганьчжоу и Ляньчжоу /79, 32/.

Власти крайне жестоко расправлялись с участниками восстания под руководством Тянь У. По предписанию Ли Шяю было казнено свыше I тысячи женщин и детей. Это дало основание приверженцам повстанцев распространять утверждение, что "правительственные войска вознамерились извести хуэйских людей" /II, т. III, 6/.

Не ограничиваясь карательными мерами, цинский двор доискивается до психологических факторов, вызывавших выступление мусульман. Ахун было предписано проверять содержание религиозных книг мусульман /224, 437/.

После подавления выступления под руководством Тянь У высочайшим указом навечно запрещалось хуэймань создавать "Синь цзяо" /II, т. III, 6; 79, 23/.

В 1785 г. против местных властей восстали салари вблизи Хэчжоу /Ганьсу/. Последствия его были запретительными для религиозной жизни мусульман. Правительство воспретило паломничество в Мекку, а также пребывание мулл в Китае, аннулировало разрешение строить мечети /157, 150/.

С восстанием саларов связано появление особого указа, в котором излагалась позиция государя в отношении исповедующих ислам. Сын Неба распорядился, что чиновники не должны допускать никакой пристрастности, справедливость должна распространяться на всех, будь то магометан или буддист, независимо от религиозных различий. Магометан заверяли, что им нечего бояться из-за подавления восстания мусульман-саларов в Ганьсу, если они сами поддерживают порядок, но им сделано было строгое предупреждение против каких-либо попыток возмутиться /157, 151/.

Этот указ наглядно свидетельствовал о гибкости подхода двора к мусульманам. Политикой "разделяй и властвуй" цинская администрация стремилась не допустить возникновения широкого фронта мусульман. Репрессии распространялись только на смутьянов, а тем, кто благонамерен и законопослушен, государь сулил спокойное существование и равное отношение, как и прочим его подданным другого вероисповедания.

Завоевание мусульманского Восточного Туркестана и статус новообращенных подданных

По мере стабилизации и утверждения цинской власти в мусульманских землях собственно Китая его правителя простирались виды далее на Запад. В первой четверти XVIII в. настал черед мусульманских владений — Хама и Турфан. Оба они подпали под власть империи Цин. Завладев в 1755-1758 гг. территорией Джунгарского ханства, в 1759 г. войска империи Цин сокрушили исламское теократическое государство в Восточном Туркестане. Завоеванию мусульманских владений за пределами собственно Китая цинскому двору непосредственно содействовала своим участием в кампаниях, дипломатических акциях отдельные представители мусульманского духовенства. Такие, как турфонец Эмин-ходжа из семьи ахунов. Отец его был большим ахуном Турфана, ему унаследовал Эмин-ходжа. В 1720-1721 гг. сородичи Эмин-ходжа, жившие в Джучуне, покорились цинскому дому, и с того времени Эмин-ходжа — активный участник кампаний цинских войск на западе, завершившихся разгромом Джунгарского ханства и теократического государства ходжей в Восточном Туркестане /127, т. III, 1а6, 26/. В указе начальствующему экспедиционными силами Чжао Хуэю ахун характеризовался так: "Эмин-ходжа сведущ в обстановке в мусульманском племени. Человек к тому же он решительный" /127, т. III, 9 а6/.

За свое рвение на службе Цинскому дому Эмин-ходжа удостоился высоких званий — чжасак доло цзинь ван.

В борьбе цинских сил и их приверженцев из числа мусульманской знати с братьями-ходжами, Бурхан ад-Дином и Ходжа-Джиханом, за власть над Восточным Туркестаном обе стороны пытались опереться в зависимости от обстановки на мусульманское духовенство, ахунов, или нейтрализовать их. Ходжа-Джихан намеревался вступить в контакт с проживавшим в Уч-Турфане ахуном Мусунь'ем. Направленное ему письмо было перехвачено цинскими властями. А близких Мусунь-ахуна взял под стражу Худайбарды, сын переметнувшегося на сторону Цинов хакама Уч-Турфан. Ходжа-сы, и соответственно предостерег жителей, дабы они оставались спокойными /127, ц.106, 7а/.

Пособничает Цинам в завоевании Восточного Туркестана не сами по себе отдельные представители верхушки местного мусульманского населения, но и подчиненные им люди. Так, родовитый Юсуф выразил желание сражаться на стороне цинских войск со своими ратниками. Намерение его получило поддержку Пекина. Высочайшим указом /весна 1758 г./ предписывалось наградить Юсуфа согласно правилам о монгольских байцзы, а мусульманских ратников — соответственно положения о солдатах зеленого знамени /127, цз.109, 6а/.

Во время противостояния ополченцев Ходжа-Джихана и цинских войск в Кашгарии объявился из кыргизских пределов противник Ходжа-Джихана, его сородич Эсеян, по прозванию Эрке-ходжа. Его предки прозывались "пайгамбар". Действия Эсеяна сыграли на руку цинскому командованию. Потом оно препроводило его в столицу. Так как он является дальним потомком "пайгамбара", государь возвел его в ранг "фу го гуна" /127, цз.117, 56/. На том же основании племянники Эсеяна Турду и Мамут получили титул "чжасак тайцзи I-й степени" /127, цз.117, 76/.

Удостоился чести быть принятым в Пекине и дальний потомок "пайгамбара" Абдурахман /Абдурмань/. Его предок Ике-ходжа был правителем Яркенда и Кашгара при джунгарском владычестве и по возвращении братьев-ходжей в Восточный Туркестан вступил с ними в конфликт. Сам Абдурахман был посажен Ходжа-Джиханом в темницу. Был освобожден цинскими войсками. В 1760-1761 гг. представлялся ко двору и как потомку прежнего ходжи богдыхан пожаловал

ему титул "тайцзи 2-й степени" /127, цз. II7, 136/.

В то же время в 1760-1761 г. представлялся ко двору младший брат Эсеина Парса и как дальний потомок "пайгамбара" получал от богдыхана титул "тайцзи 3-й степени" /127, цз. II7, л. 156/.

Принимая у себя дальних "потомков пророка" из Восточного Туркестана и награждая их соответствующими титулами, цинский двор, с одной стороны, выражаям им своего почтения рассчитывал внушить их единоверцам, что и он тоже чтит их. Но, с другой стороны, учитывая авторитет этих духовных владык на местах, двор очел наиболее целесообразным оставить всех вышеупомянутых лиц на жительство в столице /127, цз. II7, 6а, 7б, 136, 156/. Идея ряда духовных владык от их адептов в Восточном Туркестане представлялась Пекину одним из средств удержания местных мусульман в повиновении. Одно дело, что поименованные "потомки пророка" не ладили с братьями-ходжами, но не было гарантии, что они станут беспрекословными исполнителями предписаний цинских властей, будучи оставленными жить в родных местах. В этой политике цинский двор, очевидно, не был пионером, ибо прецедент был положен джунгарскими хунтайдами, которые переселяли духовных владык Кашгария в Илийский край.

Цинские власти вообще испытывали недоверие к мусульманскому духовенству, которое, очевидно, неприязненно восприняло установление господства "неверных" и оказывало соответствующее воздействие на настроения мусульманского населения. Не случайно, Пекин, выражая недовольство действиями отдельных представителей туземной администрации, инкриминировал, в частности, то, что "на первое место ставили ахунов". Соответственно указом предписывалось "уведомить мусульман всех городов: отныне все дела пусть решают хакам беки. Ахунам нельзя безрассудно участвовать" /127, ц. II8, 66-7а/.

И в последующем по мере обустройства завоеванных на Западе земель цинское правительство учитывает особенности быта мусульман и роль в нем ахунов. С целью развития для казенных нужд земледелия в Джунгарии сюда из Восточного Туркестана было переселено несколько тысяч семей. Соответственно в Илийский край были переселены 6 тысяч. Для решения дел по шариаду было назначено 6 ахунов: Аглия, Муфтий, Мухтасил, Хатаб, Матавала и

Кази /6, 30/.

Урегулированием разного рода дел, возникавших на бытовой почве в таранчинской общине, однако не ограничивалась роль духовенства. По существу, вся жизнедеятельность общины находилась под всепроникающим контролем духовных лиц. Она составляли целую иерархию с определенными для каждого ее члена функциями. Во время цинского владычества и при управлении кульджинского султана /об этом дальше/ во главе духовенства у таранчей стоял "казыка-лян" /высший судья/. За ним следовал "мухтасип-ахун", не исправлявший никаких треб, но только преподававший народу, при слушаниях, нравственные наставления и советы. Для торговцев и ремесленников /точнее - промышленников/ существовали особые ахуны /сагип-такбир/, дававшие благословение перед началом коммерческого или промышленного предприятия. Существовали особые духовные лица, предупреждавшие о сборе зяхета и носившие название амиль-ахун, а халифе /имам/, собиравшие духовенство в своем доме /ханака/ по понедельникам и пятницам для душевспасительных овед /IIО, 245-246/.

"Никаких ограничений на отправление магометанской религии, - отмечал на основании ознакомления с обстановкой в Илийском крае Е. Скайлер, - не налагалось" /249, 169/.

Цинское правительство было против бесконтрольной деятельности духовенства. Специальное уложение строго предписывало местным властям следить за тем, чтобы муллы не распространяли в народе чернокнижие /хэй-цзин/ /I2I, 9/.

Оставляя неизменным внутренний уклад мусульманской общины, завоеватели преследовали чисто политические соображения. При посредничестве лояльных духовных владык цинский режим рассчитывал иметь в лице мусульман законопослушных подданных. Таким образом, сохранение религиозных устоев в жизни мусульманской общины призвано было обеспечить устойчивость политической власти цинских правителей в местах компактного проживания мусульман. В данном случае речь шла о высших интересах правящего режима в целом. Но на низовом уровне, на уровне периферийной бюрократии, имел место устремление использовать заповеди мусульманской веры для узкопотребительских целей, для личного обогащения. Во время цинского владычества категория "каляндарей" из таранчин-

окого населения была особенно многочисленна, так как сюда прямо назначались китайскими властями люди, способные собирать обильные подаяния и делиться ими на пользу якобы казны, но вернее — для пополнения карманов местных китайских правителей /110, 255/. Иными словами, со стороны последних имеет место социальное паразитирование на филантропии, который предписывался в качестве одной из основополагающих норм поведения праведного мусульманина.

Мусульмане Кашгарии не примирились с властью "неверных". Уже в 1760 г. повсеместно произошли антицинские выступления. Одним из вожаков повстанцев явился некий Мосы-ходжа /58, 134/. Судя по тому, что к его имени добавлено уважительное "ходжа", он, очевидно, принадлежал к мусульманскому духовенству или же почитался как духовное лицо. Подавление выступлений 1760 г. само по себе оставило след в памяти мусульман, ибо жестокие расправы исходили от "неверных". Но кроме того, чувства мусульман не могли не задеть то, что на потребу неверным были отданы женщины-мусульманки. Женам рядовых участников антицинских выступлений Бэгдыхан Хун Ли явил "монаршую милость", предписав сохранить им жизнь и раздать офицерам и солдатам /58, 134/.

Глава 3. ВЫСТУПЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН В XIX в.

Гонения на "Синь цзяо" продолжаются

В начале девятнадцатого столетия у властей вызывают опасения настроения у мусульман провинций Шэньси-Ганьсу. В августе-сентябре 1810 г., как докладывал в Пекин На Яньчэн, цзунду Шэньси-Ганьсу, мусульмане Ню Чэнгун, Ма Яньлун и др. сократили чтение старого канона. В результате чего среди мусульман возникли подозрения, что они выделились как приверженцы "Синь цзяо". В своих показаниях Ню Чэнгун и др. признались, что у них канон "Синь цзяо".

Властями были предприняты усилия по выявлению духовных наставников — приверженцев "Синь цзяо". Подозрения пали на одного мусульманина по имени Дин Чжао. На проверку же оказалось, что он приверженец "Цзю цзяо". Откуда не учил канону "Синь цзяо" и не совращал единоверцев войти в сговор. На него обложно показала Ню Чэнгун, Ма Яньлун и др., так как он не согласился последовать за "Синь цзяо" и затеять ссору /91, ц. 23, 26а/. "Больше

нет лиц, распространяющих учение "Синь цзяо", и в настоящее время все мусульмане остаются спокойными", - заверял трон На Янчэн /5 июля 1811 г./.

Как видим, потенциальным возмутителем спокойствия среди мусульман Северо-Западного Китая власти считают адептов "Синь цзяо" и они являются объектом надзора и сыска.

Эпопея выступлений ходжей, последствия их в Кашгарии

Следом за событиями на Северо-Западе Китая, имевшими под собой религиозную подоплеку, в 1815 г. произошло антиправительственное выступление ахуна в Синьцзяне. Религиозный момент сыграл свою роль в мятеже ахуна из селенья Ташмалык Зия ад-Дина^х. Он просватал за себя Пяньхалинису, дочь Кашэнь-ходжи, некогда служившего в Пекине и имевшего титул "гун". Упомянутая Пяньхалиниси жила при мазаре ходжи. Ее переезду в Ташмалык в дом Зия ад-Дина воспрепятствовал хак-м-бек Юнус. Мотивировал тем, что согласно закона Пяньхалиниси надлежит жить возле гробницы ходжи. Если же разрешить переехать на новое место жительства /в данном случае в Ташмалык/, люди могут возмутиться /122, 149-150/. Зия ад-Дин решил все же добиться своего, прибегнув к силе. Заручился поддержкой своего поборатима-бия киргизов - кипчак Турдымамента. Но предприятие вышло за рамки задуманной перевозки жены в Ташмалык. Произошло нападение на цинский караул, пострадал казенный конный завод в окрестностях Кашгара. Были задействованы цинские войска. Зия ад-Дин был предан властями казни /равно как и Турдымамента/. Расправа с ахуном Зия ад-Дином не укрепила лояльности мусульман к "неверным" - правителям.

Выступление Зия ад-Дина явилось предтечей последующей серии антицинских выступлений, возглавляемых представителями клана ходжей, потомков прежних правителей Восточного Туркестана, которые почитались здесь как потомки пророка, "пайгамбар". Это - восстания под руководством Джахангира /1826-1828 гг./, Юсуфа /1820 г./, "семи ходжей" /1847/, Валихан-тюри /1857 г./ и, наконец, массовое выступление мусульман 60-70 гг.

Все эти восстания носили ярко выраженную религиозную окраску и проходили в форме "джихада", или войны с "неверными". Борьба коренного населения Восточного Туркестана, мусульманского по вероисповеданию, за свое социальное и национальное освобо-

ждение принимала форму религиозной войны против "неверных", ибо цинские захватчики отличались от жителей Кашгарии не только этнически, но и по религии. Коренное население Восточного Туркестана, мусульмане, боролись не просто против иноземных завоевателей, но против поработенных идолопоклонниками.

Выступления в Восточном Туркестане были подготовлены социально-экономическими условиями, бытовавшими с установления цинского господства. Детонатором событий явилось появление пайгамбара Джахангир-ходжи. Религиозный фанатизм мусульманских масс, спровоцированный его появлением, показал цинскому режиму, в чем конкретная угроза их господству в крае.

В ходе восстания под руководством Джахангира на части территории Восточного Туркестана ликвидируется господство "неверных" и провозглашается власть мусульманского правителя. Формально это находит выражение и в его титуле, составленном в соответствии с мусульманскими государственно-правовыми нормами. Джахангир именуется как "сеид-султан". Кроме того, свою тождественность с общественно-политическим укладом мусульманского государства новый режим демонстрирует и изгнанием из обихода цинской чиновной одежды. Теперь представители администрации, беки, должны одеваться только по-мусульмански.

Устойчивая вера в "потомков пророка" как избавителей от гнета "неверных" составляет основополагающую особенность религиозного мышления мусульманского населения Восточного Туркестана. Понимание этого факта руководителем сил по подавлению восстания под руководством Джахангира Чан Лина привело его к мнению о невозможности удержать Кашгарию под властью Цинов при помощи прямого господства цинских сатрапов. "Туркестанцы, - докладывал трону Чан Лин, - почитают и уважают ходжей подобно тому, как тибетцы - далай-ламу. Уже нельзя изменить застарелую привычку. Допустим даже, что бунтовщик Джахангир схвачен, но у него имеются племянники в Коканде. В конечном счете останутся последующие заботы. Весьма трудно с 8000 гарнизонного войска удержать в повиновении миллионную толпу. Если выделить /территорию четырех западных округов/ в лен бекам, тогда подобные Исхаку, Ксуфу и др., помогавшим правительственным войскам, не являются людьми, которым доверяют белогорцы. Вспоминаем, что

посадили Абдул-халика, сына прежнего туркестанского предводителя Бурхан ад-Дина. В годы Цянь Лун он был заключен в темницу в Пекине. Пусть /Абдул-халик/ управляет четырьмя западными округами. /Тогда/ можно будет подчинить внутренних инородцев и пресечь бедствия извне" /57, 57/.

Власть "неверных" олицетворяла не только экономический гнет, но и поведение ее конкретных носителей оскорбляло обычаи мусульман, что делало господство "неверных" очень тягостным для магометан. Одним из наиболее чувствительных моментов для общественного сознания мусульманского населения было покушение неверных на честь мусульманских женщин. Как писал цинский историк Вэй Юань, уч-турфанский баяншидаченъ Су Чэн "задерживал бекских жён в /своем/ ямэне и приказывал солдатам и слугам раздевать /их до гола/ и поочередно наслаждаться" /58, 135/. Или вот еще. Кашгарский цаньцзаньдаченъ Бянь Цзин обесчестил дочь одного андижанца. Стец убил дочь и с ее головой пришел в ямэнь Бянь Цзина /56, 76/.

Сами по себе сексуальные связи между "неверными", цинскими чиновниками, и мусульманками являлись попранием основополагающих этических норм мусульман и очень сильно задевали их чувства. Не случайно, ходжа Джахангир обещал им, что "не будет дозволено совращать жёнок и прелюбодействовать с ними" /91, цз. 78, 296/.

Вышеназванное явление в свою очередь не осталось без внимания со стороны представителей цинской администрации, которые занимались наведением порядка в крае после восстания под руководством Джахангира. Среди мероприятий, разработанных известным сановником На Яньчэном, в плане оздоровления обстановки в Восточном Туркестане, заслуживает внимания запрет свободной передвижения военнослужащих с целью воспрепятствовать прелюбодейству их с мусульманками. Издавна повелось так, отмечал На Яньчэн, что "солдаты по собственному усмотрению посещали мусульманские деревни, не были связаны ограничениями. И доходило до того, что распутничали с мусульманскими женками, оскорбляли обычаи мусульман. Считалось это обычным" /91, цз. 77, 42а/. Для пресечения подобной практики На Яньчэн считал нужным, чтобы военнослужащие находились в казармах. Без служебной надобности им "не дозволяется в частном порядке заходить в мусульманские деревни и слоняться. Если случится такой, что тайно проникает в мусульманское

селенье на постой, то дозволяется беку, мусульманину препроводить его в большой город для сурового наказания" /9Ia, цз. 77, 42/.

Вводя ограничения для цинских солдат относительно пребывания в мусульманских селеньях, одновременно На Яньчэн регламентирует свободу посещения мусульманками мест расположения цинских служивых. В предписаниях, разработанных На Яньчэном на сей счет, говорилось: "Во всех городах маньчэны — это особо созданные города, в них находятся на жительстве только начальствующей состав и рядовые. За долгие годы все перемешалось. Офицеры и солдаты распутничали с мусульманскими женками. Дело доходило вплоть до того, что гуртом захватывали. Не уважающие себя большие чиновники тоже постоянно вели себя непристойно, не ведая стыда. Нужно все это строго запретить.

Отныне строго предписывается хакам бекам повсеместно объявить: "Не разрешается мусульманским женщинам входить в /мань/чэны. Если осмелится нарушить запрет, то дачень данного города привлекает к суровой ответственности ин^х, охраняющий город, и хакима. Офицеры и солдаты, познавшие мусульманских женщин в город, подлежат наказанию по военным законам" /9I, цз. 77, 4аб/.

Представители духовного сословия, ахуны, сыграли важную роль в ходе подготовки восстания под руководством Джахангира и непосредственно во время самих событий. Цинские власти сделали на сей счет соответствующие выводы. Докладывая в Пекин о проводимых мероприятиях в плане умиротворения населения, специальный уполномоченный На Яньчэн сообщал, что для проведения соответствующих увещеваний населения он встречался с хаками-беками и ахунами /9I, цз. 78, 27б/, т.е. представителями административной и духовной власти.

Доискиваясь до причины восстания, На Яньчэн счел должным специально информировать двор о той роли, которую играют в жизни мусульман Кашгарии ахуны. Ссылаясь на докладную хакам-бека Исхака, На Яньчэн докладывал: "Всех больше мусульмане чтут ахунов, так как они сведущи в мусульманском каноне. Способны быть вожаками толпы. Невежественные мусульмане только слова ахуна считают правильными. Отсюда ахун — основа основ мусульман, владеет состоянием людских душ" /9I, цз. 78, 42б/.

Особое внимание На Яньчэн и его сподвижники обращают на ахунов-черногорцев, противников клана ходжей, к которому принадлежал Джахангир. 17 июня 1828 г. На Яньчэн совместно с цань-цзаньчэнем гужань таду гуном Ян Фаном, кашгарским цаньцзаньчанем гуном Удуна направляли на высочайшее имя доклад, в котором считали целесообразным оказать воспомоществование хотанскому ахуну Мутубару /Мутубала/ и его сыну, которые пострадали во время правления Джахангира /91, цз. 78, 30а/. 16 ноября 1828 г. На Яньчэн в совместном с кашгарским цаньцзаньчанем Удуна докладе трону ходатайствует об оказании воспомоществования черногорским ахунам, пострадавшим от Джахангира, и о награждении отличившихся в борьбе с ним. Указом членам Цзюньцзичу от 13 декабря 1828 г. санкционировалось награждение нескольких черногорских ахунов знаками чиновного достоинства, выдвижение их на занятие бекских должностей и освобождение их сородичей от уплаты подати зерном, албана /подушного сбора/ деньгами /91, цз. 78, 430б./. При этом авторы доклада во избежание нежелательной реакции со стороны преобладающей по численности белогорской части мусульманского населения, дабы у них не сложилось впечатление, что власти в одностороннем порядке покровительствуют черногорцам, сочли должным обнародовать следующее: "Вы сами разделились на белошапочных и черношапочных. Великий хуанди одинаково относится к вам с равным человеколюбием, отнюдь не делает различия между вами" /91, цз. 78, 436/.

На Яньчэн максимально всесторонне подошел к выяснению роли ахуна в жизни мусульманской общины и на основании сделанного анализа высказался за регулируемый подбор ахунов и контроль администрации за их деятельностью. "По обычаю мусульман, — отмечал он в своих регламентациях, — ахун — это человек, который ведает воспитанием у мусульман. Все семейные дела и тяжбы целиком и полностью решает его слово. Нет таких мусульман, которые бы не следовали /указанию ахуна/. Должна быть осмотрительность при выборе, необходимо выбирать достойных людей. /Таких/, которые постоянно праведным словом наставляют мусульман, чтобы они сами гуртом стремились к праведности, не осмелялись, следуя привычке, совершать проступки.

Однако за последнее время хаками из личных соображений

выдвигали на должность, и дело дошло до того, что ахуны по собственному почину угнетали, где только могли. И это тем более скрываемое бедствие" /9I, цз. 77, 376/.

Подобное явление, считал На Яньчэн, нужно решительно изживать. По новому положению, разработанному им при выборе ахунов, хакимов обязывали учитывать мнение и простых людей. Утверждал ахуна в должности правитель округа. Дважды в месяц ахуны должны были являться в ямэнь соответствующего дачэня для отчета и проверки. В случае упущений и злоупотреблений одновременно несли ответственность и беки, дававшие рекомендации. Среди проступков, за которые ахун подлежал снятию с должности, на первом месте стояла неблагонадежность /57, 59/, под которой, несомненно, подразумевалась нелояльность цинским властям.

23 марта 1828 г. На Яньчэн совместно с кашгарским цань-цзяньдачэнем У Дуна представили на высочайшее имя доклад, в котором, в частности, шла речь о статусе ахунов. "Тем, кто является ахуном, - докладывали упомянутые сановники, - лишь дозволяется учить мусульманский канон, наставлять мусульманскую толпу, не разрешается вмешиваться в казенные дела. Тем сыновьям и младшим братьям ахунов, что служат и выполняют обязанности беков, тоже не позволено по совместительству быть ахунами, чтобы воспрепятствовать свершению злоупотреблений помаленьку и исподволь" /9I, цз. 78, 23а/. 5 марта 1829 г. последовало высочайшее повеление, которым ходатайство На Яньчэна и У Дуна поддерживалось /9I, цз. 78, 23б/.

Для оздоровления обстановки в Восточном Туркестане после восстаний под руководством Джахангира власти сочли необходимым взять под контроль контакты между мусульманами собственно Китая и Восточного Туркестана. "Не имеющие занятий хань-хуэй из внутренних районов страны, - отмечал На Яньчэн, - оставляют грязные следы в мусульманской области. Используя то, что являются единоверцами, женятся на /местных/ мусульманских женщинах. Подстрекают невежественных /местных/ мусульман, всячески наставляя, совращают. Притом люди, которые исполняют обязанности ахунов, - это негодяи-хань". Чтобы отфильтровать приток мусульман из собственно Китая в Восточный Туркестан, На Яньчэн считал необходимым ввести практику, в соответствии с которой хань-

хуэй'ям, отправляющимся в Восточный Туркестан торговать, наняматься на работу, надлежало иметь удостоверение с прежнего места жительства с указанием возраста, внешних примет, занятий, которые бы предъявлялись по прибытии /91, цз. 77, 426/.

Восстание под руководством Джахангира поставило перед цинским режимом не только ряд внутренне-, но и внешнеполитических проблем. Оно переросло размеры локального выступления и вылилось в выступление мусульман Восточного Туркестана и Средней Азии против империи Цин.

С завоеванием Восточного Туркестана представитель правившей здесь фамилии ходжей, почитавшихся как потомки пророка, Сарымсак нашел прибежище в среднеазиатских пределах. Чтобы не допустить его появления в Кашгарии, цинский двор купил обязательство кокандского правителя не выпускать Сарымсака за пределы Коканда^Х. Нарушение цинской стороной своего обязательства относительно выплаты субсидий кокандскому двору и дало повод последнему не держать под контролем свободу передвижения потомка Сарымсака Джахангира.

Больше того, в восстании в Кашгарии под руководством Джахангира принял непосредственное участие со своим войском и кокандский хан Мамед-Али /Мадали/. Кокандские сапалы штурмовали кашгарскую цитадель, где закрылся цинский гарнизон. Кокандское войско шло походом в Кашгарию под лозунгом "газата" – войны против "неверных".

Цинский двор по подавлению восстания под началом Джахангира предпринял экономические санкции против Коканда и гонения на выходцев из него, андижанцев, в пределах Синьцзяна. В ответ кокандский хан Мадали решил пустить в дело ходжу Юсуфа, брата погибшего за веру Джахангира /Юсуф был специально приглашен в Коканд из Шахрисябза, где проживал/. И когда Юсуф-ходжа заявил о намерении вернуть достояние предков, отнятое "неверными", кокандский двор охотно пошел навстречу.

С Юсуфом-ходжой выступило кокандское войско под началом кокандского минбаши Хак-Кули-бия, а также ополчение из уйгуров-эмигрантов, покинувших родину после подавления восстания Джахангира. Таким образом, едановерные узбеки и уйгуры вновь выступили сообща против власти "неверных" в Кашгарии.

Призывы Юсуфа к населению Кашгарии снова выступить на гават, отомстить и за погибшего за веру Джахангира находят поддержку.

Потом на религиозной общности с населением Кашгарии пытались сыграть и сопредельные киргизы. В 1845 г. киргизы, кочевавшие по внешнюю сторону янги-гиссарских караулов, нападают на цинские пакеты. И, что очень показательно, они распространяют вести, что с ними заодно большие ахуны Аксу, Хотана, Яркенда, Кашгара. Иными словами, налицо стремление киргизских старшин, афишируя желаемое взаимодействие с духовенством Восточного Туркестана, побудить к выступлению и местное население против власти "неверных" в Кашгарии.

Сами по себе репрессии цинского воинства против бунтовавших мусульман озлобляли последних и делали непреходящей неприязнь к китайскому владычеству. Эти чувства усугублялись еще и тем, что в ходе подавления выступлений и в порядке предупреждения их имели место такие действия, которые непосредственно задевали религиозные чувства мусульман. Во время подавления выступления ходжи Валихан-тюри /конец 50-х гг./ цинское воинство пустило на дрова деревянные части в мечетях и гробницах ходжей "к великой скорби мусульман ...". Калмыки запирали в мечетях своих лошадей /2I, 335/.

Уже после провала вылазки Валихана хаким-бек по приказанию цинских властей запретил ход к гробнице ходжи Аппака во время мусульманского праздника барат. Поводом к тому был слух, что ходжа Валихан из Коканда бежал в Кашгар. Этот запрет вызвал не только всеобщее недовольство и способствовал росту фанатизма, направленного против цинских властей: "всеобщее убеждение было такое, что святой Аппак не оставит безнаказанно это святотатство" /2I, 384/.

Межобщинные отношения в Юго-Западном Китае. Позиция властей, Реакция мусульман

В 1818 г. в Юньнани произошло мусульманское восстание. Поводом к нему послужили исход судебной тяжбы двух ведущих семей в Кунчане, разрушение мечети, несправедливость чиновников. Му-

мусульмане разгромила правительственные войска и осадили город Юньнаньфу. В конечном счете восстание подавили. Вожаков повстанцев изрезали в куски. Амнистию власти объявили в 1819 г. /157, 129/.

Санкционированное свыше подавление социального протеста мусульман, вызванного несправедливостью местных властей при безнаказанности последних, не могло не произвести определенное воздействие на умонастроения как представителей администрации на местах, так и населения. Последовавшая затем амнистия рядовых участников восстания не могла изменить соответствующего настроения в отношении мусульман со стороны определенных слоев ханьского по национальной принадлежности административного аппарата и ханьского населения. Для хань /независимо от социальной принадлежности/ мусульмане, несмотря на амнистию, оставались, если не потенциальными преступниками, то злонамеренными людьми. Синдром большинства, характерный для общественного сознания хань, выражавшийся в предвзятом или настороженном отношении к мусульманскому меньшинству, отличному по своим обычаям и религии, после описанных событий получает дополнительную подпитку. И не случайно мусульмане вскоре становятся объектом очередных гонений, предпринятых властями вкупе с ханьской толпой.

В начале 1839 г. в Юньнани произошли события, которые дали основание мусульманам считать, что местное начальство замышляло вырезать их. О случившемся житель города Мяньнин /область Шунинфу/ Ма Ваньчжао сообщал в докладе на высочайшее имя. Спуск этот носил красноречивое название. Представленная Ма Ваньчжао жалоба на то, что гражданские и военные чины тана Мяньнинтин замышляли вырезать мусульман, что засвидетельствуется обрамляющимся с жалобой /II, 69/.

Как и в предшествующем случае, в события оказалась вовлеченной мечеть, которая выступала олицетворением мусульманской общины. В докладной о происшедшем мусульмане, прихожане мечети города Мяньнин дао Исидоо провинции Юньнань Ду Ваньсю, Цзинь Шуан, Ма Бинци писали следующее: "Как известно, из поколения в поколение мусульмане живут в Мяньнине, сменялось уже 100 поколений. Проживают они в четырех деревнях, что расположены у основания города. В их деревнях построены мечети, там препода-

носят жертвы табличкам, на которых вырезано: "10 тысяч лет жизни государю", возжигают курения несколько веков. Тех, кто молится без границ, тысяча с лишним дворов. Снаружи выстроена 3-ярусная башня, чтобы с рассветом и закатом боем барабана давать знать час. Окрестные шэньши по большей части, не выражая возмущения, глубоко ненавидят мусульман".

Последнее обстоятельство - среди основных факторов, определявших общественный климат и межобщинные отношения. Если властителями душ у мусульман являлось духовенство, ахуны, то хань - шэньши /II, 85/.

Обратимся теперь к событиям в Мяньнине в феврале-марте 1838 г. и.о. тунпаня Чжан Цзинни, обозлившись на то, что мусульманин Ма Ванцой просил денег из общественных сумм, обязал мусульман немедленно передать властям пустошь, напротив мечети, чтобы построить там павильон государевых указов.

По получении этого предписания мусульмане сообщают постановили следующее: хотя это - их личная собственность, но если надо строить павильон государевых указов, то надлежит ей согласно уведомления перейти к власти. Однако мечеть построена наверху, незанятая земля находится внизу, пространство между верхним и нижним участками не соответствует стандарту, притом пустошь занимает только 5 чжан /II, 71/. Если строить павильон государевых указов, то не избежать большого неудобства. Как думают люди, внутри города Мяньнин пустующей земли очень много. Ныне тунпань, отказавшись от многого, берет малое, а на завтра заатаит ненависть. К тому же земля - общественная собственность мусульман, отнюдь не является казенной дорогой /II, 73/.

Руководствуясь последним соображением, 20 марта 1839 г. мусульмане принялись на упомянутом участке возводить стену. Однако этому попытался воспрепятствовать шэньши Ян Яодоу. Он послал старшего из проживавших здесь сычуаньцев Ян Гун помещать стройке и одновременно направил жалобу в ямэнь сюньцзяня. 7-го дня последний совместно с цаньцзанем Жунем распорядились прекратить стройку. У цаньцзяня имелись личные мотивы быть предвзято настроенным в отношении мусульман. Дело в том, что ранее упомянутый Ян Яодоу вместе с неким Чжао Шичжи попытались взыскать с мусульман 40 лян серебра на платье с вышитыми име-

нами дарителей и красный вышитый зонт. Но мусульмане отказались /II, 73/.

Во исполнение предписания мусульмане прекратили стройку. На этом дело, однако, не закончилось. Противная сторона обратилась в ямэнь Чжан Цзянья, к этому времени уже вступившим в должность тунпаня, с жалобой, что мусульмане произвольно влезли на казенную дорогу. Чжан поручил сяньюэ /староста/ 4-х ворот разобратся и снова доложить. После этого тунпань согласно обследования вынес справедливое решение, несколько не потакаая и не покровительствуя истцам. Настроенные против мусульман лица решили тогда расправиться с ними. Главными заговорщиками явились войские чины: цаньцзянь Хуй, чжуншубэй Тун Имань, цаньцзянь Цяо Фанцян, а также Сянь Чжу Чжанчунь, Го Чжэнь /II, 73/.

В свою очередь Ян Яодоу, Чжао Шячжи вошли в сговор с вожаками приезжих из Сычуани, Хунани, Цзянси. Несколько человек /имя рек/ предоставила для предстоящего предприятия деньги /II, 73/.

5 июня 1839 г. в буддийском храме Шоу фо ся состоялось собрание. На нем был подписан договор и составлена партия с целью грабить и истреблять мусульман /II, 73/. "Разбойники" поддерживали связь с ямэнем цаньцзяна. Некий Чжан Чжэнхуа написал подстрекательские призывы, которые распространялись среди ханьского населения.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что центром по организации мусульманского погрома явился буддийский храм. События с самого начала приобретали религиозную окраску. Дело началось с земельного участка, сопредельного с мечетью, а теперь решение о погроме мусульман принимается в буддийском храме. Внешне получалось так, что кумирня выступала против мечети.

Дальнейшие события, как они излагаются в цитируемой докладной, развивались следующим образом. 10 июня мусульманин Ма Вэньцзянь увидел подстрекательскую прокламацию и ознакомил с ней своих единоверцев. Их представителя Ма Дэхэн и др. обратились в ямэнь шубэй с просьбой спасти и защитить. В ответ на ходатайство шубэй Чжун, сославшись, что это ему не под силу, направил Ма Дэхэна к цаньцзяну Жую. Тот на просьбы мусульман спасти их ответил так: "Соберите 2 тысячи связок чжидянь и

передайте Ян Яодоу и другим. Пусть она раздадут деньги людям, чтобы они разошлись".

12 июня мусульмане 4-х деревень собрали 300000 монет и принесли в ямьнь цаньцзана Жуя. Но тот сказал: "Пришлие люди собрались во множестве. Трудно снять осаду. Деньги забирайте и возвращайтесь. Спасти вас не в состоянии" /II, 73/. За этим 18 июня 1839 г. последовало загодя спланированное избиение мусульман.

Накануне 17 июня по предписанию цаньцзана цянцзун Чжу перевел местный мусульманский отряд из окрестностей Мянньина для несения службы в тин Сышэнгунтан и запретил покидать город. Бацзуну Ван Циньюаню приказом начальства вменили в обязанность наблюдать за участком, за охрану которого ранее нес ответственность цянцзун Чжу, а последний получил приказ вступать с солдатами в город.

18 июня в 5-й смене выстрелили пушки батареи при ямэне цаньцзана Жуя. И это явилось сигналом для толп хань, которые со всех сторон окружили окрестные мусульманские селения. Во главе тех, кто шел с западного направления, был уже упоминавшийся шэньши Ян Яодоу.

Погромщики грабили и убивали мусульман. В ходе погромов в известной степени просматривается религиозный антагонизм. Мусульманина Ма Миняна погромщики доставили не куда-нибудь, а в кумирню Лингуаньмяо. Там ему отрубила голову, а потом расчленили тело /II, 71/. Хань целенаправленно крушили мечети: их в Мусульманских чжаях было уничтожено 5.

Помимо гражданского ханьского населения, возглавляемого влиятельными лицами ханьской общины, в резне мусульман участвовали солдаты местных инов под началом учжи Пэн Цаньдоу, эвэй Чжан Чжуняня, кшаньмэня Ла Тяньсюаня, эвэй Лю Фу и др. /II, 72/.

Погромщики убивали мусульман в ямэнях чиновников Мянньина /II, 71-72/.

Мусульманам окрестных селений, которые бы попытались искать спасения в стенах Мянньина, доступ туда был закрыт. Цаньцзань Юй нарочно отправил бацзуна Цзоу Юя и сячжана У Луна охранять заставу, не позволяя мусульманам входить в город /II, 72/.

Попытки мусульман найти защиту от погрома у местной администрации нашего звена оказались безрезультатны.

Мусульманин Ма Янья явился к чжифу Шуньнина Вэй Сяню, прося защитить магометан. Но тот, оставив ходатайство без внимания, все же отреагировал на события. 10 дня в городе Мяньнин появлялось следующее уведомление чжифу Шуньнина Вэй: "Мечеть превратить в павильон высочайших указов, посторонние строения обратить в казну, хань и "я" не разрешается соперничать за овладение им" /II, 74/.

26 сентября вр. и.о. тунпаня Чжан прибыл в Мяньнин получить печать, т.е. официально вступить в должность тунпаня. Мусульманин Ма передал ему докладную, где говорилось о бедствии, постигшем мусульман. На ходатайство Чжан ответил: "Тунпань Чжа: "Мусульмане коварны, сами навлекли на себя беду"/II, 75/.

Обращения мусульман пресечь погром и помочь им нашли известное участие у представителей вышестоящего начальства. Правитель округа Исидо Мэн отправил с проверкой даши Чжан Туншоу /II, 71/, а потом лично прибыл на место событий /II, 75/. Начальник округа Исидо пострадавшим от погрома мусульманам выделял воспомоществование по 5 циней серебра. Помощь оказана была I тыс. 400 с лишним человек, всего было выдано 700 с лишним лян серебра /II, 75/. Линьжунский чжэньцзунбин Фэн Шэнь, чжифу Куньнаньфу Чжоу Шу совместно с Чжи Бянем из округа Исидо наводили порядок. Цаньцзян Сянь изловил 100 с лишним погромщиков, отправил в провинциальный центр для отдачи под суд /II, 71/.

Все это не удовлетворило мусульман. Почему и последовало обращение к императору. В этой апелляции мусульманская община обвиняет местное чиновничество в преднамеренном истреблении мусульман. "Ведь военные чины, безусловно, сами низвели порядочность, а намерения гражданских чиновников к тому же заключались в том, чтобы бездействовать" /II, 74/.

Конкретно указывалось, что гибель мусульман 4 деревень и 5 чжаев - дело рук цаньцзяня Хуя /II, 74/.

Поведение чжифу Шуньнина наглядно показало, что "в его помыслах вовсе не было мусульман". Своим предвзятым отношением он проявил распоряжением обратить в казну мечеть и жилище мусульман, а ведь "основание мечети и дома, где жили мусульмане, - все это было их собственностью, которое они сами приобрели"

/II, 74/.

"К тому же от Шуньнинфу до Мянньина 5 станций, почему же тогда, 8-го дня началось убийства, а 10-го дня смогла увидеть предписание чжифу? В этом деле тем более странно. Если бы чжифу Вэй Сянь хоть немного имел намерение защитить людей, то он примчался бы ночью и тогда, возможно, избежали бы резни. Если бы даже, не меняя почтовых, двигался, то 13-го дня мог прибыть в Мянньин, и, возможно, избежали бы того, что военные чины во главе войска бросали трупы в огонь" /II, 74/.

Как говорилось в докладной на имя императора, резня была задумана и организована местными чиновниками. Как представляется, еще до того, как мусульмане не подверглись резне, по той причине, что тунпань /Чжан/, затаив зло, замыслил /захватить землю/, мусульмане задумали строить стену. Злодея-неправедные, используя постройку стены как предлог, сговорились вывести толпы разбойников и устроить беспорядка. Это росток корня зла, восходит же он к тунпаню Чжану. Уже после того, как мусульмане подверглись избиению, он не разрешал им получить обратно отнятое у них, не позволял жаловаться на несправедливость.

Цаньцзань Сян, задержав злых разбойников, передал их тунпаню. Тунпань Чжан не учинил им допроса. Разве это не есть оскорбительное отношение к мусульманам?" Как я, коленопреклоненный, полагаю, еще до резни, тунпань замыслил /забрать/ землю, чтобы построить павильон государевых указов. После того, как мусульмане подверглись резне, чжифу издал предписание, желая переделать основание мечети в павильон высочайших указов. Рассматривая предшествующие и последующие обстоятельства, /видим, что/ гражданские чиновники еще давно имели намерение уничтожить мусульман, ничуть не имели желания защитить их" /II, 75/.

В докладе на высочайшее имя выражалось мнение, что наказание отдельных лиц мало что значит. Только снятием с должности цаньцзаня Хуй Ланя и тунпаня Чжан Цина, как решено цзунду Юньнань-Гуйчжоу, "сердца людей трудно успокоить" /II, 76-77/.

Автор цитируемого доклада выражал неудовольство не только потворством чиновников избиению мусульман, но и попытками замять дело.

Когда цаньцзян Ян задержал и отправил 100 с лишним разбой-

ников и смутьянов в провинциальную столицу для разбирательства, остальные грабители во все стороны разбежались, /из чего видно, что/ еще знают страх перед законом. Очевидно, отсутствие боязни при совершении произвольных убийств прежде, отсутствие добропорядочности у негодяев — все это в действительности из-за потворства чиновников. Если бы цаньцзань Жуй, когда люди добивались помощи, заранее подавил бесчинства, то упомянутые разбойники уразумели бы, и все подчинились приказу.

И разве дошло бы до таких поджогов и убийств, случилось бы столь большое дело? К счастью, потом прибывшие дачэни оказались все людьми высоких качеств, с благородным сердцем. Они снизили вспомнить о чувствах людей. Мусульмане считают, что если провинциальные чиновники согласно действительности расследуют, то великая несправедливость может быть има понята /II, 75/.

Ныне расследующие чиновники держатся мнения, что дело о погроме закончено, притом оружие, которым убивали мусульман, приказывают признать оружием мусульман, тогда обида среди добропорядочных людей еще усилится, досада у благонамеренных людей станет сильней. К тому же запал у злых неправедных еще усилится, утраты мусульман усугубятся, если в других местах злодеяния неправедные с этого времени прамножат усилия, то мусульмане в Китае смогут ли спокойно жить и с радостью трудиться? /II, 76/.

Мусульмане, обращалось внимание в докладе, как верноподанные государя, заслуживают участия к своей судьбе. "Всякий раз, когда разбойная толпа вызывала беспорядки, мусульмане всегда оспаривали первенство, были бесстрашны, чтобы воздать любому злодею. И еще не было слышно, что среди мусульман внутренних территорий страны бывали такие, что шли против закона" /II, 77/.

Кроме доклада на высочайшее имя, направленного Ма Вэньчао государю, некий Ма Фа представил в Дучаюань^х жалобу относительно происшедшего в тине Мянньинтин.

В ответ на докладную Ма Фэньчао и жалобу Ма Фа соответствующей инстанции был спущен высочайший указ расследовать "серьезное дело". Последовало распоряжение с пометой "Крайне срочно" виновника из ведомства по надзору Гуя "подойти к делу серьезно, без легкомыслия. Соответствующим сы дао надлежит дей-

ствовать осмотрительно и быстро. Нельзя хоть немного проявлять небрежность, медлить" /II, 69/.

События в Мянньинане не составили какое-то исключение, а явились проявлением той сложной обстановки, которой характеризуются мусульманско-ханьские отношения на Юго-Западе повсеместно. Взаимная предвзятость и неприязнь в повседневном быту делали общий социальный климат хронически нездоровым, и взрывы происходят то там, то тут. Цинский двор был не в состоянии оздоровить межобщинные отношения, взаимоотношения хань и мусульман; сферы бытового сознания и повседневного поведения на бытовом, житейском уровне были не подвластны указам двора, не проницаемы для проповеди государя о равном отношении к своим подданным, независимо от исповедуемой ими вере. Жизнь на местах шла по особым заповедям и предписаниям, восходившим к психологии и предразсудкам различных по национальной и религиозной принадлежности общностей.

Различия в религиях были не только устойчивым водоразделом, отделявшим хань от мусульман, но и создавали питательную среду для отчуждения, переходившего зачастую в неприязнь и в конечном счете к межобщинным столкновениям. При этом со всей определенностью трудно сказать, кто проявлял большую нетерпимость к чужим верованиям, таковая имела место с обеих сторон. Вот что говорится в сочинении некоего Ли Ханьбина "Причины свары между хань и мусульманами уезда Баошаньсянь области Юнчанфу и осуществления переворота Ду Вэньсю". В основу этого опуса легло слышанное в молодости от хань Чан Лаому, очевидца событий. Возпроизведем некоторые факты повседневной жизни через призму ханьско-мусульманских отношений, как они виделись хань.

В уезде Баошаньсянь, у хань бытовал обычай собираться 10 июля в т.н. "Дворце перевозки" при кумирне Дуншань. Согласно поверья, усопшие благодаря этой перевозке доверяются живым. В названный день в упомянутом "Дворце" собирались молодые женщины, схоронившие своих мужей, чтобы оплакивать их. И обычно легкомысленная мусульманская молодежь высмеивала этих людей и даже бранила. И в результате дело доходило до перебранки, вслед за которой случалась драка /II, 4/.

У хань уезда Баошаньсянь бытовало празднество в честь го-

сударя 5-ти пиков. В дни празднества в уездном городе устраивалось шествие с изображением упомянутого божества. Шествие проходило мимо ворот мечети на улице Тунфэнцзе. Обучавшиеся в мечети выходили за ворота поглядеть и среди этих мусульман постоянно находились такие, что с презрением смотрели на действия ханьской веры. Среди них бывали такие, что не стояли спокойно, не только безрассудными словами насмеялись, но и бросали пережеванную во рту мякоть бананов, кожуру плодов в людей отряда, изображавших духов, которые ехали перед носилками 5-ти пиков, чтобы позабавиться. Это вызывало возмущение тех, кто встречал духов, и наблюдавших со стороны хань. Начиналось с перебранки, а продолжалось дракой /II, 4/.

Просьбы к мусульманским наставникам запереть мечеть и не выпускать своих учеников за ее пределы в дни вышеупомянутого праздника не давали результата. Находились такие, что перелезали через стену, и беспорядки не прекращались / II, 4/.

Хань жаловались начальству, власти уезда Баошань проводили расследования с пристрастием. Самый свирепый мусульманин Ма Юэ был казнен /II, 4/.

Однако, такие, которые сознательно вызывали беспорядки, не унялись. "Притом постоянно бахвалились: "Нападая на чужую веру, имеешь заслугу, не совершаешь преступлений", и не ведали, что как раз в этом заключалась причина назревавших бед, когда уничтожался род, уничтожалась народность. Только причину, которая породила бедствие, надлежит возложить на наставников, "которые учили канону /т.е. Корану. - В.К./, ибо причина в том, что наставники, обучавшие ему, учили неправедно" /II, 4/.

Таким образом, если у хань вдохновителем столкновений с Механь выступали шэньши, то у мусульман - духовные лица, ахуны.

И еще особо следует сказать о различного рода обществах, распространенных среди хань, которые нередко выступали инициаторами мусульманских погромов. И в этом вожаки обществ, случалось, действовали с одобрения местных властей и при их пособничестве. Так, в 1845 г. хань Шэнь Ин, глава тайного общества, сумев "совратить" чиновников и шэньши, создал "сообщничество по умерщвлению мусульман". Поэтому чжифу /префект/ области Юнчанфу, чжисянь /начальник уезда/ Баошаньсянь, юнчансефуцзян /помощник командующего войсками области/, юнчансецзунцзюньдуси

/капитан китайских вспомогательных войск области Юнчан/ сообщая выдали Шэнь Ину документ, скрепленный печатью. В нем, в частности, говорилось: "Все шэньши, простой люд официально просят Шэнь Ина единолично возглавить дружинников и истребить мусульман города Юнчана. Такая обязанность возлагается на него соответствующими должностными лицами, как то: фу, ячэнь, сянь, куньфу, вэньфу. Если после истребления мусульман посланный сверху он станет привлекать к ответственности за самовольные убийства, то одним вэньфу будет признан виновным и не допустят, чтобы Шэнь Ин был наказан. Шэнь Ин во исполнение полученного приказа действует"/II, 4-5/.

После расправы с Ма Кде вражда между хань и мусульманами усугубилась. В этих условиях в 1845 г. "братья янба", т.е. члены общества "Сянба хуэй", решила уничтожить мусульман /II, 4/. Для осуществления этого мероприятия "братья Сянба" избрали Шэнь Ина /II, 4/. К "братьям Сянба" примкнули некоторые чиновники и шэньши. Так была составлена "партия умерщвления". Гражданское и воинское начальство областного и уездного уровня: чжифу Юнчанфу, чжисянь Баошаньсяня, сефудзян Юнчана, сечжун цзюньдуси заключили соглашение, скрепя печатью. Оно, в частности, гласило: "Все шэньши и народ Юнчана сообща просят Шэнь Ина взять под свое начало ополченцев и уничтожить мусульман города Юнчана. Гражданские и военные чиновники данного фу, данного сечжэня, данного сяня, данного куньфу берут на себя ответственность. Если начальство станет наказывать за самовольные убийства, тогда гражданские и военные чиновники скажут: "Не нужно считать виноватым Шэнь Ина. Он во исполнение предписания поступал"/II, 4-5/.

Понятно, что в обстановке застарелой взаимной неприязни и подозрений были неминуемы вспышки междоусобной борьбы. Администрация в целом была не в силах предотвратить их. Что же касалось чиновников на низах, то они, будучи преимущественно хань, не могли противостоять давлению ханьской массы, которая уже в силу своего численного превосходства смотрела на нехаты, в том числе и мусульман, с чувством превосходства, как на особей, с которыми можно обращаться соответственно своим желаний и позывов.

В июне-июле 1845 г. власти области Юнчанфу сообщали по инстанции следующее. В мечети, расположенной в местности Баньцяо-шао, мусульмане-разбойники из Шэньси-Ганьсу Ма Дэ и др. обучали 30 окрестных мусульман приемам кулачного боя и владению дубинкой /II, 95/. Узнав об этом, уездное начальство приказало стражникам изловить этих мусульман и разогнать сборище. Указанные "разбойники" собрали I тысячу с лишним человек, убили доносчика Чжан Чжанькуя, произвели возмущение в селениях и чжаях /I, 95/.

Областное начальство тогда направляло правительственные войска, которым было оказано сопротивление. Так дело дошло до открытого столкновения мусульман с правительственными войсками, что давало властям основание говорить о мятеже или бунте мусульман.

Мы специально воспроизвели докладную областного начальства, чтобы показать его подход к мусульманам. Упомянутый Ма Дэ без каких-либо доказательств, загодя квалифицируется как "разбойник". И отсюда сам факт обучения навыкам кулачного боя и владения дубинкой давал областному начальству основания усматривать в этом действия, угрожающие правопорядку.

Наместник провинций Юньнань-Гуйчжоу Хэ Чанлинь однозначно расценил события следующим образом: разбойники, опираясь на толпу, произвели возмущение. На деле это есть то, что не испытывает страха перед законом /II, 95/. Действовать, инструктировал Хэ Чанлинь, надо следующим образом. "Сообразно обстановке, вырезать". Полностью изловить и наказать главных смутьянов. Одновременно приказать духовным наставникам мусульманских чжаев наставлять мусульман "всем мирно жить, спокойно заниматься, не выходить извне для вступления в сговор" /II, 95/.

Возвращаясь к этому вопросу, Хэ Чанлинь докладывал потом, что обращение к духовным властям мусульман, живущих в чжаях, соответственно наставлять их, дало свои результаты: "... все мусульмане, поклявшись на канонической книге /Коране.- В.К./, дали речательство быть мирными как обычно" /II, 106/.

Жесткий курс в отношении мусульман-повстанцев оставался неизменным и в последующем. 25 октября 1845 г., сообщая о ходе умиротворения, Хэ Чанлин писал: "Крайне необходимо, применяя жестокость, вырезать, чтобы показать закон государства и успокоить пограничную окраину" /II, 99/.

Подавление правительственными войсками выступления мусульман было чревато и осложнением межобщинных отношений, ибо действия солдат могли дать новый толчок неконтролируемым антимусульманским действиям гражданского ханьского населения.

Такой оборот событий не устраивал наместника Юньнань-Гуйчжоу: ибо был чреват усугублением нестабильности в подведомственном крае и ответственность пришлось бы нести Хэ Чанлину. Поэтому он распорядился: "Не дозволяется хань, затаив вражду, самовольно /выделено нами. - В.К./ действовать" /II, 96/. Вероятнее всего последнее предписание Хэ Чанлина не предотвратило происшедших событий, а ставило цель уже прекращение их.

Мусульманский бунт выходил за рамки протеста против тех или иных действий властей, но носил определенно религиозную окраску, имея характер межконфессионального конфликта.

В ходе противостояния с цинскими властями повстанцы-мусульмане давали выход, очевидно, и своим чувствам неприятия всего ханьского, в том числе веры. В частности, повстанцы-мусульмане сожгли буддийский храм Ляньхуасы /II, 97/.

С другой стороны, отмечается в известной степени организующая роль мечети. В частности, по сообщению начальника округа Исидао Ло Тяньчи и др., выстрел в мечети в городе Юнчанфу послужил сигналом к выступлению горожан-мусульман /II, 98/, а она являлась опорным пунктом сопротивления.

Двор одобрил действия Хэ Чанлина по части расправы с повстанцами-мусульманами /Указ Нэйгэ/. В этом же указе вменялось в обязанность изыскать способ полностью вырезать всех мусульман, примкнувших к мятежу, "нельзя, чтобы хоть немного осталось последней" /II, 108/.

В то же время в Пекине хотят знать причины выступления мусульман. В упомянутом указе прямо ставится вопрос: "Не вызвал ли его (т.е. хань. - В.К.), что затаил зло?" и поручилось подробно вызнать у мусульман, как обстояло дело /II, 103/. Иными

словами, при дворе не обрасывали со счета, что в основе происшедших событий межобщинная рознь, неприязнь между мусульманами и хань. Причиной, почему "мусульмане-разбойники" подняли бунт, отвечал на этот запрос Хэ Чанлинь, прежде всего в том, что Мяньнань, Гуньчжоу, Гунчан и другие места относятся к таким, где происходят столкновения, застарелые обиды не устранены /II, 104/. В этот раз на посту Панцзю шао мусульмане, распевая песни, насмехались над хань. Будучи побитыми Вань Дяньгуем и другими, мусульмане с полдуги повернули в церковь, что правело к тому, что созвали людей отомстить. Сказывая сопротивление поэмке, мусульмане убили чиновника /II, 104/. Главным "бунтарем" называли Ма Да /II, 104/.

В очередной докладной Хэ Чанлинь представлял новые данные о выступлении мусульман. Хэ Чанлинь сообщал, что ранее получал донесение от Ли Хэнцзяня из тина Тэхетана. Он уведомлял: получено донесение ахэньского старшины иямерк, что мусульманин Мань Инкуй добывал еженей чая Боешу, желая пойти в Гунчан отомстить. Мань Инкуй схвачен и препровожден в Гунчан. Мань Инкуй - хуэй-мань из Чэнду. В Гунчане жил торговлей. Поддерживал дружбу с Ма Да и другими. Не был прежде разбойником. В мае-июне 1845 г. Ма Да и др. вызвали беспорядки, и примкнувших к ним мусульман неоднократно правительственные войска истребляли и брали в плен. Мань захотел отомстить. В начале ноября отправился в район Иса созывать людей. 9 декабря прибыл в Шаньмулун. Остановившись в мечети, говорил тамошним духовным властям Ма Гуанжянь, Ма Лэчуань и Чжао Дэфэнь, что мусульманская вера подвергается оскорблениям со стороны хань, побуждал их отправиться в Гунчан и мстить /II, 105/. Те не согласились. Мань Инкуй тогда вступил в связь с "еженями". Обещал за убийство хань вознаграждение /II, 105/.

Занимаясь выяснением обстоятельств, предшествовавших выступлению мусульман, Хэ Чанлинь по прибытии в Гунчан получил сведения о том, что зачинщиками беспорядков явились побратимы "Маосянь" /братство "Возжигателей курений"/. Оно действовало в зоне Иса. Организационным центром "Возжигателей курений" являлась кулирия Цзунгуань сы /II, 107/.

9 мая, докладывал Хэ Чанлин, 4 мусульман: Ма Да и другие распевали на улице песни, высмеывая хань. Ван Линьгуй и его единомышленники из братства "Жаосянь" устроили перебранку, вылившуюся в драку. Был покалечен один мусульманин. Люди Ма Да стали искать защиты, а Ван Линьгуй принялся распространяться: "Мусульмане оскорбляют хань" /II, 107/. На призыв отозвался его собрат и принялся избивать мусульман. Ма Да и др. пригласили людей обучаться кулачному бою и владению дубинкой, намереваясь отомстить. Вань Линьгуй и др. тоже собрали людей, готовясь к драке. Чиновники стали расследовать и проводить аресты. Ма Да и др. разбежались. Ван Линьгуй и др. тут же возглавили множество своих братьев, притом особо созвали 40 с лишним хань данной местности и снесли мечеть /II, 108/.

1 ноября 1845 г. Цзюньцзичу получал высочайшее повеление. "Упомянутые /мусульманские/ бунтовщики осмелились, оказывая сопротивление, убивать солдат и ратников, грабить селенья, притом угрожали юнчанскому городу Цзюньчэн. Распоясались уже крайне" /II, 109/. По своей направленности повеление это односторонне антимусульманское, Мусульмане-бунтовщики. О причинах, побуждавших их на выступления, ни слова.

Этим же указом предписывалось: дополнительно направить войска. Немедленно с двух сторон окружить и уничтожить. Не позволять, чтобы, мятежники, скрывшись, возбуждали беспорядки, и они распространялись. Надлежит полностью изловить всех главных смутьянов, не допускать, чтобы хоть один ускользнул. Что же касается безропотных, благонамеренных людей, то тем более надлежит своевременно успокаивать, нельзя хоть немного обременять и беспокоить /II, 109/.

Тем временем Хэ Чанлин сообщал дополнительные сведения, полученные им, относительно происшедших событий.

19 мая 1845 г. мусульманин из Шэньси Ма Да и другие на мосту Бяньцзяо, относящемуся к Басшань, распевали песни, высмеывая хань. Тогда гашэн Ван Линьгуй и др. вступили в перебранку, а потом прогнали мусульман. Ма Да и др. разозлились: "Сперва хань издеваются, а потом трудно будет жить" и решили отомстить.

Собрав единомышленников /31 человек/ попросили Ян Чжуня в мечети учить владению дубинкой и кулачному бою. Чжисянь уезда

Башаньсянь прослышал про это и было приказано изловить их. Ян Чжуна схватила, а остальные скрылись. Ван Линьгуй тут же оповестил людей, и она разрушила мечеть. Проживавшие в городе мусульмане, услышав об этом, затаили немирные настроения. В это время доверенные Ма Да амярек, разделившись, отправались в Мяньнань, Иньчжоу, Шуньнань созывать людей отомстить.

"Среди упомянутых мусульман были такие, что, имея на хань прежние обиды, пожелали помочь, были также и такие, что, будучи принуждены, присоединились". Посланцы Ма Да, явившись в городскую мечеть, встретились там с духовными владыками Му Жухэ и др. и просили их выступить заодно. Те согласились и дали серебро на нужды дела. Здесь же в мечети была совершена клятва на Коране /II, III/.

На призыв заводил собралось свыше тысячи мусульман. В окрестностях с Баньцзяо селеньях она распространила письменные уведомления такого содержания. Хань других мест не надо волноваться. Нам только надо разобраться с баньцзяоским Ван Линьгуем и другими /II, II2/.

Узнав обо всем этом, чжифу Юнчанфу Цзинь Чжэн вместе с я.о. юнчанского фучзяня, Чан Цзинюнем, я.о. юнчанского дусы Ян Чуньфу, возглавив солдат, отправались взять под стражу. Упомянутые злодеи оказали сопротивление /II, II2/.

Будучи рассеянными войсками, мусульмане перестали действовать. Ими было убито 2 безымянных хань. В свою очередь хань взаимодействовали с правительственными войсками в борьбе с мусульманами /II, II2/. В ходе столкновений Ма Да и его люди сожгли кумирню Ляньхуа сы.

Находявшиеся за пределами городских стен вожаки мусульман-повстанцев поддерживали связь с Му Жухэ и другими духовными владыками и согласовывали действия. Му Жухэ с своими единомышленниками, собравшись в мечети, тайно договаривались готовить оружие. В мечеть скрытно были доставлены негодная пушка, порох и ружья /II, II3/. Мечеть эта явилась потом очагом сопротивления мусульман, а уже упоминавшийся Му Жухэ был среди тех, кто его организовал /II, II3/.

По прибытии в Дала, Хэ Чанлян, согласно его доклада, отправил офицеров в мятежные чжэнь с манифестом. При прохождении

через места смешанного проживания мусульман все они настойчиво объявляли манифест, притом передавала предписания духовным властям и старшинам мусульманских чжаев, лично наставляла, что нельзя созывать людей, выходя за пределы чжая /II, II5/.

Насколько эффективны оказались эти попытки воздействовать на рядовых мусульман через духовенство? Прямого ответа Хэ Чанлиан не дает. Ограничивается следующим: "Указанные мятежники, услышав, во множестве разбежались. К тому же, после того, как /войска/ без жалости вырезали /их/, упомянутые мятежники уяснились небесной мощи" /II, II5/.

Очевидно, увещевания со стороны мусульманского духовенства звучала не очень сильно, если вообще звучала. Показательно, что в тех чжаях, куда пронакли каратели, вообще не упоминается о присутствии мусульманских священнослужителей /II, II5/. Доверия к цинскому войнству она, очевидно, не испытывала и имела основания избегать с ним встреч.

Тем не менее Хэ Чанлиан не оставляет мысли использовать духовных владык при наведении порядка. Когда являлась о повинной группа мусульман, как выяснилось, не причастных к выступлениям, она была помилована и было предписано их пристраотать. Но, что весьма показательно, одновременно мусульманских духовных владык обязали представлять ручательства за них /II, II5/. Налецо попытка повязать ахунов и рядовых мусульман узами круговой поруки.

Если поначалу Хэ Чанлиан докладывал в Пекин о том, что произошло, лишь по донесениям местных чинов, то позднее он мог уже воспроизводить показания мусульман, участников событий. Как показали захваченные "смутьяны" Ян Чжэнчунь и др., так как Ма Даошань и др. распевая песни, смеялось, была побита, подверглась преследованию и начала свару. До сих пор не замыслила поднять бунт /II, II5/.

Как же это все-таки случилось? Истощающего ответа Пекину Хэ Чанлиан дать враз не мог. "Как известно покоряеку слуге, мусульмане Ма Да и др., распевали песни, смеялось. Была побита и преследуема. Ссора очень незначительная. Как дошло до того, что вместе с Чжан Шиоянем и др. созвала тысячу с лишним человек, разрушали деревенские чжаи, неоднократно оказывала сопротивление правительственным войскам? Как получалось, что к тому

же вошла в сговор с мусульманами, проживавшими в городе Цзэньчэна, чтобы те скрытно оказали поддержку изнутри, одновременно тайно хранили доспехи... , ружья, пушку, порох?" /II, II6/.

Хэ Чанлиан явно затрудняется или не хочет воссоздать подлинную картину происшедшего, чтобы таким образом дать определенный ответ на вопрос: имело ли место заранее подготовленные выступления мусульман против режима. В этом убеждают его нижеследующие рассуждения.

Главный смутьян - Ма Да ... трудно поручиться, что не имелось серьезных обстоятельств, когда, особо имея намерения, бунтовал. Чжан Юань, Ма Алю и др., поскольку единоверцы, тоже трудно поручиться, что нет обстоятельств, когда присоединившись, оказывали сопротивление /II, II6/.

Если Хэ Чанлиан не располагал доказательствами в отношении закоперщиков из числа мусульман, высказывая лишь предположения, то и показания военных чинов, стоявших у начала событий, вызывают у него сомнения в их правдивости. Уже разжалованные дуси Ян Чуньфу, Ян Чаосюнь, شوубэй Пань Хуйян были отправлены оказывать сопротивление мятежникам, доносил Хэ Чанлиан. Ян Чуньфу, поскольку людей у него было мало, не дал отпора. Ян Чаосюнь, Пань Хуйян были мятежниками похвачены. Тем более трудно поручиться, что упомянутые лица, не приблизившись к линии боев, заранее отступили, а после этого "измыслили" /II, II6/. Более перспективными Хэ Чанлиан считал выдавливать показания из мусульман.

Допрошенные о пристрастием "бунтари" показали: "Что до этих событий, то песнопение вызвало свару. Происшествия в сущности малое. Однако, так как в Мяньнине и других местах давнишняя неприязнь между мусульманами и хань не устранена, то поэтому возникло намерение отомстить. И все послушались призыву собраться. Ма Да имя рек издавна известны как злодеи. Мусульмане боятся силы. Тех, кто по принуждению последовали, очень много. Как только встретились правительственные войска, тут же разбежались. Ранее Ма Да и др., написав воззвания, передавали. В сущности говорили: хань других мест не надо бояться, только с Ван Гуилинем и др. людьми Баньцяошао разберемся.

Когда претерпели от правительственных войск, которые неоднократно вырезали и хватала, заподозрили пристрастность, и,

разгневавшись, стали сопротивляться военнослужащим. Когда дело дошло до того, что, сопротивляясь, покалечили начальствующих чинов и рядовых, естественно узнали, что беспорядки — тяжелая вина, тут же замыслили войти в сговор, чтобы изнутри поддержали, изливая гнев, убивали хань" /II, II6/.

Что касается ряда обстоятельств, которые давали основания говорить загодя о подготовке выступления мусульман, то теперь, после допроса с пристрастием, получалось следующее. Негодную пушку, что была в мечети, поместили на хранение в мирные дни юньцзявей Ма Цзин и др. То, что было названо доспехами, имело отношение к одежде и осталось от старого духовного владыки. Ружья предназначались для защиты от зверей. Порох был куплен в лавке Хуапастан /II, II6/.

То, как Хэ Чанлиан обошелся с участниками событий, показатель относительно общего подхода цинской администрации к мусульманам, и поэтому воспроизведем основные положения доклада Хэ Чанлиана трону.

Доклад о своих действиях он предуведомляет ссылкой на статью цинского законодательства, которая гласила: "Всякий раз, когда замыслили бунт, всех тех, кто сообща задумал, не разделяя на главных и примкнувших, одинаково обезглавить" /II, II6/. Чжан Шисянь, Дан Юньян, докладывал Хэ Чанлиан, из-за того, что Ма Да и др. с хань поссорились, и произошла свара, договорились созвать людей, чтобы отомстить. Юй Юман, Цзы Лифа, Ян Чжэнчунь, послушавшись, созвали людей вступить в шайку. Все они оказывали сопротивление правительственным войскам, жгли и грабили селенья и чжаи. Ма Сань и др. /имя рек/, поскольку прежде обучались кулачному бою и владению дубинкой, то потом охотно примкнули к смутьянам. Хотя следствие не показало серьезных обстоятельств относительно того, что все они замыслили неповиновение, на деле же есть пренебрежение законом /II, II6-II7/.

Чжан Шисянь, Дан Юньян, Юй Юмина, Цзы Лифа, Ян Чжэнчуня надлежит немедленно казнить. Чжан Шисянь, Дан Юньян — великие злодеи. Головы их намереваемся выставить на обозрение /II, II7/.

На Вань Ляньгуя и др., которые затеяли свару с мусульманами, что привело к большому беспорядку, докладывал Хэ Чанлиан, в настоящее время уже заведено особое дело. Намереваемся со всей

серьезностью расследовать /II, II7/.

Уже та оперативность, с которой велось следствие в отношении мусульман /некоторые из них во время допросов умерли/ /II, II7/, тогда как на хань только было заведено дело, дает основания говорить о неодинаковом подходе наместника к участникам конфликта; хань выказывается определенное снисхождение.

Позднее Хэ Чанлиан докладывал трону: "По-разному судили и наказали главаря Чжан Шисяня и хань Вань Лянгуя и др. законопачков свари, дабы показать, что придерживаемся справедливости, и тем, чтобы, как хань, так и мусульмане не имели возможности воспользоваться предлогом /II, II7/. Показательно, что Хэ Чанлиан умалчивает о том наказании, которое понес Ван Лянгуй. Очевидно, убеждая двор, что у мусульман не будет повода быть недовольными неодинаковым наказанием хань, Хэ Чанлиан выдавал желаемое за действительное.

Последствия событий, к возникновению которых были причастны и хань, и мусульмане, для последних были более значительными и в плане психологическом. Духовные владыки и старшаны мусульман, подведомственных округу Иси, представляли ручательства, гласившие: "Не осмеливаемся содержать у себя мятежных разбойников" /II, II7/. Кроме того, шэньши и старика мусульманского вероисповедания ходатайствовали перед Хэ Чанлианом о переименовании чжая Мэнтинчжая в "Шунуньчжай", чтобы выразить желание увековечить государево милосердие /II, II9/. Первое название означало "Священная семья", второе - "Вечная покорность".

Очевидно, чтобы не было оснований в Пекине заподозрить его в предвзятости, Хэ Чанлиан докладывал, что пострадавшим во время беспорядков хань и мусульманам одинаково уделяется внимание и выдается воспомоществование.

Итак, ссора на бытовой почве между мусульманами и хань повлекла за собой вмешательство правительственных войск и дело обернулось выступлением представителей мусульманской общины против государства. Получалось так, что против мусульманской общины выступали не только рядовые хань, но и репрессивный аппарат государства. Все это не могло не укреплять в общественном сознании мусульман, что они по своему общественному статусу ниже хань.

Выступление в Юнчане на этот раз было подавлено. Но вероятность повторения межобщинных столкновений Хэ Чанлиня не исключал. Сила представлялась наиболее надежным одерживающим началом. Хэ Чанлинь распорядился сообразно обстановке оставить воинский контингент и одновременно поручил вр. и.о. начальника чжэня Тэнчжэнь Инь Дэбу и вр. и.о. начальника дао Исядао Чжоу Шу, временно разместились, "держать в повиновения силой" /II, II9/.

В числе последствий событий в Юнчане Хэ Чанлиня особо занимал вопрос о земле, брошенной разбежавшимися во время смуты мусульманами. Им было предписано соответствующему начальству обследовать эти земли, не разрешая хань захватывать ни цуня брошенных угодий. С другой стороны, надлежало позвать мусульман возобновить занятия на этих землях. Там, кто не пожелает вернуться, сообразно выдать вспомоществование, соответственно местности пристроить, чтобы обрали местожительство /II, II9/.

На поверку оказалось все гораздо сложнее. В феврале-марте 1846 г. Хэ Чанлинь получил донесение от вр. и.о. чжасяня уезда Юнпинсянь Цзин Яочуня. Оно гласило: 22 марта прибывшие извне и разбежавшиеся мусульмане Юнчана заявили: "Оставленное мусульманами Юнчана имущество следует передать в ведение мусульман. Не должно чиновникам обследовать. Только нужно послать стражников, чтобы они охраняли прежде признанного земледельца. Однако, чтобы возобновить занятие, нет оредств. Нужно выдать на расходы несколько тысяч лян серебра" /II, II9/. В ответ им было сказано: "У каждого поля есть хозяин. Хань не разрешено самолично обрабатывать наделы. Так же трудно позволить мусульманам безрассудно признавать хозяевам — дело дойдет до столкновений. Что касается просимых средств, то как же можно расточительствовать" /II, II9/. Тогда мусульмане повсюду расклеили воззвания: "В прошлом году в Юнчане во время междоусобицы между хань и мусульманами погибли мусульман сравнительно много. Должно отомстить юнчанским хань. Только тогда возмездие свершится" /II, II9/.

Причины озлобленности мусульман не заключались только в том, что их погибло больше, чем хань. Главное было в предвзятом отношении властей. Они сплошь и рядом исходили только из показаний хань, не беря во внимание свидетельства мусульман. Сам Хэ

Чанлин писал в этой связи следующее. В прошлом 1845 г. тичэн Чжан Билу получил жалобу от мусульманина Ма Яня и др. О чем шла речь в ней, Хэ Чанлин не сообщает, но, по ознакомлению с ней, распорядился объявить, чтобы мусульмане выходили для очных ставок с хань /II, II9/. "По правде говоря, - писал он, - опасался, что хоть немного, да имело место несправедливое давление, была не в состоянии успокоить их /мусульман. - В.К./ сердца. Однако тогда, поскольку скрылись, мусульмане не пришли для перекрестного допроса ..." /II, II9-120/.

И в чем же мусульмане дали выход своим чувствам в этот раз? По сообщению уже упоминавшегося и.о. уездного начальника Цзан Дяньчуна, - в разграблении правозных товаров /II, II9-120/. Эти действия Хэ Чанлин квалифицировал следующим образом: "Очевидно, прибывшие извне негодяи - мусульмане позарились на имущество мусульман Юнчана, ссылаясь на толпу, из-за своекорыстия желают, чтобы она завладела чужим достоянием. Смеются над законом, пренебрегают чиновниками" /II, 120/. Таким образом, с самого начала беспорядков Хэ Чанлин стремится представить их антиправительственными. Хотя о непосредственных нападениях на чиновников и войска ничего не сообщалось.

Позднее, в очередном докладе Хэ Чанлин воспроизвел часть доведения тичэня Чжан Билу. В нем говорилось, что смутьяны-мусульмане дерутся в чжае Мэнтан и напали на правительственные войска /II, 120/. Последнее обстоятельство давало основания говорить уже о выступлении мусульман против властей.

"Как мыслит покорный слуга, - доносил Хэ Чанлин, - упомянутые мусульмане-смутьяны захватили и сожгли речной мост, сожгли и разграбили селенье и чжай, убили людей, ранили и погубили офицеров и солдат. Обстановка одинакова с мятежом. /Даяня/ на деле таковы, что не искупит смертная казнь" /II, II2/. Заданность действий правительственных войск налицо! - Соответственно инструкция Хэ Чанлин гласила: "... следуя по пятам, вырезать и хватать. Нужно надеяться полностью истребить. Нельзя оставлять последней, /иначе/ дело дойдет до того, что /злая сила/ расплзется" /II, II2/.

Доискаясь до причин возникновения беспорядков, Хэ Чанлин сообщал о показанных пленного мусульманина Ма Ян /он же Ма Дян/

относительно причины выступлений. По его словам, 2 дня 9 луны прошлого года в городе, когда вылавливали и убивали тех, кто поддерживал мятежников изнутри, пострадало очень много людей. Мусульманам трудно радоваться. Поэтому толпа замыслила отомстить /II, II2/. Таким образом, причина очередных выступлений вопреки тому, что Хэ Чанлин сообщал ранее, заключалась не в поощрении к грабежам со стороны пришлых мусульман, а в жестокостях, которым они подверглись в прошлом году от правительственных войск.

События в Юньнани не остались без внимания в Пекине: нестабильность обстановки в пограничной окраине тревожит двор. Хэ Чанлину идут запросы и инструкции. 3 июня 1846 г. Хэ Чанлин получил послание от Цзюньцзичу^Х. Гласило оно, что II мая 1864 г. был спущен высочайший указ. В нем, в частности, говорилось следующее. В прошлом году, как докладывал Хэ Чанлин, произошла ссора между хань и мусульманами в Юнчане. Дело было по справедливости рассмотрено и разрешено. Посланными чиновниками по отдельности были обследованы поля, оставленные бежавшими мусульманами. Хань не разрешили захватывать их. К мусульманам власти обратились с призывом возобновить занятия. Тем, кто не пожелал, оказали вспомоществование. Упомянутые мусульмане обрели пристанище... Почему же тогда, говорилось в указе, в первой луне нынешнего года прибывшие извне и юнчанские разбежавшиеся мусульмане, используя в качестве предлога оставленное имущество, требовали оплаты расходов. Когда же уездные власти призвали разойтись, то упомянутые мусульмане вдруг осмелились выражать возмущение, во весь голос говорить о мщении. Притом захватили товар купцов. К тому же бродячие разбойники, воспользовавшись предлогом, подделываются под местных жителей. И с каждым днем толпы становятся многочисленнее. Похоже таким образом пренебрегают законом, презирают чиновников. Необходимо своевременно расследовать и наказать, дабы избежать того, чтобы /беспорядки/ надолго затянулись.

Однако мусульмане после того, как в прошлом году подверглись истреблению, снова посмели, воспользовавшись предлогом, затеять ссору, распоясались уже крайне. Притом на медных и свинцовых рудниках Юньнани бродячих разбойников очень много. Если воспользоваться случаем и не истребить, дойдет до того, что,

войдя в сговор, станут бедствием. Упомянутому ду должно тщательно вникнуть в обстановку. Если действительно в одно мгновение нельзя внезапно схватить, то надлежит лично заняться, обязательно установить срок уничтожения, заранее умиротворить пограничную охрану - это считать главным.

Как видим, указ государя проникнут духом крайней неприязни к мусульманам. Они-де не оценили забот местных властей и вновь учинили мятеж. В этих условиях решение мыслится однозначно - физическая расправа со всеми, кто идет против власти.

В очередном докладе от 4 августа 1846 г. Хэ Чанлин всемерно пытается обелить себя и выставить виновником беспорядков мусульманского проповедника Хуан Бабу. В прошлом году, докладывая Хэ Чанлин, я принял надлежащие меры, а кто мог знать, что в 2-й луне текущего года мусульманин из провинции Шэнься Хуан Баба и др., страстно возжелав завладеть имуществом мусульман Юнчана, под предлогом отмщения возбудили участников прежних событий и бродячих разбойников с приисков. Хуан Баба был сведущ в Коране, среди мусульман не было таких, кто бы не верил ему. Называли его "цзяо дацзшуай", ("уважаемый дед, наставник веры"), говорили, что он может свести на нет выстрелы ружей и пушек, не боялся правительственных войск. По показаниям вожаков повстанцев, Хуан Баба - святой /II, 127-128/.

Возвращаясь к принятым им мерам, Хэ Чанлин детализирует следующее. "Как известно, мусульмане Чжан Шисянь и др., вызвали в прошлом году беспорядки. Вожаки уже схвачены и наказаны, одновременно были казнены хань, зачинщики свары. Действия были крайне справедливы" /II, 130/. Иными словами, Хэ Чанлин старается убедить двор в своей беспристрастности к зачинщикам беспорядков: как мусульмане, так и хань одинаково были наказаны. На один хань поименно им не назван, но утверждение Хэ Чанлина о справедливом подходе предстает сомнительным.

В этом докладе содержится признание того факта, что неприязнь во взаимоотношениях мусульманской и ханьской общин - явление давнее и оно не подконтрольно властям.

Хэ Чанлин приводит следующие показания "смутьянов" : "между хань и хуэй существует застарелая вражда. Если пошел слух о мщении, всяк захочет отомстить. Хуан Баба - мусульманский

"цзяо данцзушуй" объявил, что имущество мусульман в Юнчане полностью передано людшкам, которые хотят уйти, а сообразно обстановке его можно захватывать. Он сведущ в заклятиях, не боится правительственных войск. Поэтому я послушалась" /II, 130/.

4 августа 1846 г. Хэ Чанлиан направил на высочайшее имя записку о состоянии отношений между хань и мусульманами. Свары между хань и хуэй в Юньнани, - сообщил Хэ Чанлиан, - начались в годы Цзя Цян /1796-1821/. За последние годы имеет место упадок на горных промыслах. Бродяга со всех сторон собирается повсеместно. Распри между хань и хуэй не были разрешены. Если случится ссора, то склошники из числа бродяг-разбойников если не подстрекали хань, то примыкали к мусульманам.

В результате в зоне Иси всюду имеются районы смешанного проживания хань и хуэй, внутри взаимные подозрения, и даже все принимают меры предосторожности. Мусульмане принимают сторону одинаковых с ними, хань тоже частным образом создают "ню-пун". И хань, и мусульмане, подразделяясь, объединяются в сообщества. И чем дальше, тем больше не могут взаимодействовать между собой, постоянно возникают распри. В прошлом году зачинщиком выступлений был Чжан Шясянь, в этот раз Хуан Баба, хотя главаря уже истреблены, но их последыши в конечном счете не полностью уничтожены /II, 132/.

Именно эта непреходящая озлобленность, которая определяет отношения людей двух общин, и выступает основным источником общественной нестабильности. Нужен только повод, чтобы произошел взрыв страстей.

При всем стремлении быть беспристрастным, Хэ Чанлину все же это вполне не удастся. Говоря о зачинщиках межобщинных столкновений, он первыми поименно называет мусульман, о хань же умалчивает. Таким образом, в изложении Хэ Чанлиана мусульмане предстают как в большей степени ответственные за происшедшие беспорядки.

Поскольку людей мгновенно не переделать и всех их не поребить, то решение проблемы межобщинных отношений мыслалось Хэ Чанлианом в сфере административной, путем насаждения системы круговой поруки - "баоцзя". "Если переделывать, - излагал Хэ Чанлиан, - трудно вдруг изменить. Если убивать, невозможно спра-

ваться посредством убийств. Главная причина - в различиях и обычаях, отсюда легко возникает недоверие. Необходимо разрушить границы, тогда только можно будет навечно пресечь корни зла.

Ныне ... обязали всех подвластных дасфу, чжоу и сяней уничтожить ньюнун, усиленно вводить баоцзя, коренным жителям, независимо от того, хань или хуэй, всем предписывается заключить договор о взаимной защите, совместно составить одно целое. Если "ньюнун" будут сведены на нет, тогда у толпы не будет того, чего цепляться, если взаимная защита, тогда раздору неоткуда возникнуть" /II, I32/.

Одновременно Хэ Чанлинь вынужден признать, что к столкновениям на межобщинной почве причастно чиновничество на местах /о себе в этой связи наместник умалчивает/. Вот что он писал: "Тем более, местные чиновники, если во взаимоотношениях между хань и хуэй возникнут какие-либо происшествия, будут справедливыми, станут придерживаться равного отношения, связывая их добром, выражая доверие, /тогда/ солнце окрасит, луна смажет. Может быть, обстановка незаметно изменится к лучшему, можно будет надеяться, что в пограничной окраине наступит мир" /II, I32/.

События в Юньнани продолжают беспокоить официальный Пекин, тем более, что туда идет информация не только от Хэ Чанлиня, и она дает основания сомневаться, так ли обстоит дело, как он представляет. Хэ Чанлинь получал от Цзюньцзичу бумагу, которой он ставился в известность, что 25 августа 1846 г. члены Цзюньцзичу удостоились высочайшего повеления такого содержания. Некоторые люди докладывают: "На юге Юньнани мусульмане - злодеи распространились, просим приказать подлинно изыскать способ навести порядок". Как говорилось в докладе, мусульмане-разбойники в Юнчанфу провинция Юньнань вызвали беспорядки. Местные чиновники наводят порядок неладно, мусульмане-злодеи к тому же проникли во все фу, чжоу и сяни. Изловить не удастся, уничтожить не в состоянии. К тому же прибыли мусульмане из Сычуани и Шэньси. "Надлежит разработать долговременную политику, нельзя позволять, чтобы распространились" /II, I34/.

Указом предписывалось Хэ Чанлиню, снова тщательно все обследовав, согласно обстоятельствам доложить о предпринятом. "Надо, чтобы разбойные толпы убрали следы своих ног, пограничные

окраины очистились от негодяев, дабы успокоить местность и дать покой добропорядочным" /II, 134/.

В ответном докладе /от 2 октября 1846 г./ Хэ Чанлинь писал следующее. Как известно, в Юньнани распри между хань и хуэй уже давно. Мусульмане терпеливы к трудностям, привычны к трудам, в основном прилежны и деятельны в стремлении к богатству, а хань не искусны зарабатывать на жизнь. Мусульмане поэтому могут обирать посредством высоких ростовщических процентов. Хань к тому же частным порядком создали "нюцун", по первому побуждению, опираясь на толпу, убивают из-за мести.

Если в Юньчжоу, Мяннани в течение ряда лет, когда случались свары, мусульман погибло сравнительно много, то давно не терпят друг друга. В прошлом году в Юнчане из-за песен произошло столкновение, и мусульмане, собравшись, убивали, жгли, оказали сопротивление и убили чиновников.

Мусульмане в провинции Юньнань отнюдь не одинаковы. Что касается добропорядочных, которые питаются плодами своего труда и живут на земле, то одинаково являются невинными как новорожденные. Что же касается хитрых и наглых, которые убивали из-за мести, то народом считать трудно. Однако, что до тех, кто, к сожалению, не боятся закона, оказывает сопротивление правительственным войскам, по-видимому, невозможно не вырезать с жестокостью. Когда главарям уже станет ясным справедливое наказание по закону, тогда будет не удобно разворачивать свои дела. Всюду, куда бы ни бежали от преследований, будут в бедственном положении. Известия об этом дойдут до мусульманских толп, они сами окажутся в опасности. К общей обстановке это имеет важное отношение.

Поэтому покорный слуга, занимаясь этим делом, исходит из следующего. Что касается мусульман, по виду схожих с мятежниками, необходимо наказывать таковых в полном соответствии с законом. Что до хань, то тех, кто на деле является заводилами, тоже надлежит тщательно искать и подвергнуть аресту, производить расследование и наказывать.

Что касается известий о прибытии разбойников извне, то, по словам местных властей, этому можно доверять.

Я, будучи в Дали, повсеместно уведомил все фу, чжоу и сянь

тщательно проверять мечети, не позволять, чтобы там принимали прибывших извне смутьянов, дабы пресечь путь для прибывающих мусульман из Сычуаня и Шэньси.

Здесьные мусульмане ценят богатство как жизнь. За последнее же время очень сильно их будоражат приплывшие извне мусульманы. Только из-за того, что связаны одной верой, не могут противиться последним.

Что касается расчетов для местности на длительный срок, то необходимо что-то и сынь'ям уметь подбирать себе нужных людей. Покорный слуга с чиновниками, которым поручено умиротворение, посоветовались: остается только осматривательно подбирать правителей-пастырей, своевременно переделывать и наставлять людей, если случится происшествие, наказывать. Всякий раз, когда между хань и куэй произойдет ссора, разбираться по справедливости, придерживаться равного подхода, чтобы они незаметно изменялись к лучшему и надолго стали взаимно мирными.

Что до татчэнь, ин сунь, то тоже приказать всем со рвением заниматься подготовкой, нужно чтобы войско было сильно, было в состоянии держать в покорности посредством принуждения, дабы уважить сокровенное желание государя навести спокойствие в пограничной окраине /II, 134-135/.

Сознательно воспроизведя основное содержание вышеизложенного доклада Хэ Чанлиана, автор ставил цель показать, как по мере хода событий формировалась позиция Хэ Чанлиана относительно проблемы правопорядка в Юньнани, нарушенной выступлением мусульман. Из того, о чем говорят наместник с недомоляками и непрямо, явствует, что мусульманская проблема - порождение социально-экономических и политических условий тогдашней жизни. Понятно, что повседневный быт не мог быть под всепроникающим и абсолютным контролем администрации и тем более бытовое сознание оставалось вне такового. Но тем не менее, судя по настойчивым высказываниям Хэ Чанлиана относительно того, что властям на местах должно беспристрастно подходить к разбирательству межобщинных столкновений, можно заключать, что местные чины зачастую так не поступали, но брали сторону хань. Да и отношение самого Хэ Чанлиана к участникам межобщинных столкновений указывает его предвзятое отношение к мусульманам.

Их выступление на этот раз вышло за рамки локального, провинциального конфликта, но, судя по участию в событиях мусульман из Шэнься, одного из основных районов компактного проживания магометан, в известной степени можно говорить о выступлении мусульман собственно Китая против существующих порядков.

Ислам является той духовной силой, которая объединяет в борьбе мусульман Юньнани и их единомышленников из других провинций. За отсутствием исчерпывающих сведений о тех лозунгах, с которыми шли мусульмане-повстанцы, кроме призывов отомстить, трудно утверждать, что определенно имела место "священная война против нечестивых", но в известной мере субъективно так, очевидно, и воспринимали ее определенные группы повстанцев.

По меньшей мере можно говорить о руководящей роли мусульманского духовенства /Хуан Баба/ и о мечети как организационном центре. За то говорят следующие факты. Из мечети одного из чжэнь повстанцев открыли огонь /II, 128/. Вожака повстанцев послали в мечети позаимствовать серебра /II, 129/.

12 октября 1846 г. соответствующее ведомство получило государев указ. "В прошлом году, - гласил он, - в Юньнани мусульмане-разбойники вызвали смуту. Уничтожением их занимался лично Хе Чанлиан. Если бы действительно действовал в соответствии с тем, что важно и своевременно, то разве дошло бы до того, что в нынешнем году снова суетятся? В настоящее время, хотя согласно докладов упомянутого ду, беспрестанно одерживаются победы, местность обретает покой, однако в конце концов еще не смог заранее подготовить оборону, проявил слабость, занимаясь делом, в результате чего снова утруждаем войска, наем из излишние траты по выплате довольствия" /II, 137/.

Этим указом Хе Чанлиан смещали с занимаемой должности. На посту цзунду Юньнань-Гуйчжоу его сменил Линь Цзасюй. Со служебными обязанностями он унаследовал и нерешенную задачу умиротворения провинции.

X X X

В одном из своих первых докладов /28 декабря 1846 г./ Линь Цзасюй так характеризовал мусульман Юньнани. Из-за перебранки, малкой обиды, по первому побуждению созывают толпу отомстить.

Продолжалось так долгое время, и свирепость стала распространенной. И это рассматривается как естественное. Откуда прибывающие извне бродяги-разбойники только боятся, что там и здесь нет проистествий, или же умышленно или же под чужой личиной бесчинствуют.

Раз уже занимают общественные средства мечети, чтобы разделить между собой, то и опираются на единомышленников мусульманской толпы, чтобы, самоуправствуя, причинять беды. Поэтому хуэй и /ханьские/ люди постоянно между собой враждуют. Нет вражды, а безрассудно говорят: "Есть вражда". Даже хуэй с хуэй между собой также доискиваются, не имеющие имущества причиняют вред имущим. Неустойчивые входят в сговор, мнимое и действительное перемешалось, грабят и избавляют, — все это во множестве, и не сегодня появилось и не только пограничная земля является такой /II, I42/.

Как явствует из вышеизложенного, Линь Цзэсюй в своем подходе к мусульманской проблеме прежде всего исходит из психологического момента. Мусульмане — де по своему характеру эмоциональны и реактивны. Но, что показательно, бытовое поведение последних по существу обходит молчанием.

Катализатором межобщинных столкновений в провинции выступают внешние силы. "Бродячие разбойники" по терминологии Линь Цзэсюя. Они же способствовали возникновению беспорядков. "Ныне произошли события в Мэн-Мянь. Заявляли, что это мусульмане мотят. Опять множество бродяг, не имеющих приписки, примкнуло, и получилась толпа" /II, I42/.

Восстановить порядок в провинции Линь Цзэсюю представлялось возможным прежде всего путем уничтожения заговорщиков и их последователей. "В горах тропинки в зарослях разветвлены. От столицы провинция далека. Трудно ручаться, что разбойники, не скрывшись по разным дорогам, не станут тревожить. Если не истребить строго и быстро, то как пресечь дурные обычаи? По моему, чтобы справиться с мусульманами, необходимо прежде всего справиться с разбойниками. Умиротворив мусульман, следом умиротворим и /ханьских/ людей. Уже неоднократно было приказано соответствующим управляющим гражданскими и военными делами немедленно, сообразно обстановке, окружить и изловить, поймать зачинщиков

а помощников, не допустить, чтобы она разбежалась" /II, 142/. Это, с одной стороны.

С другой: "Приказать повсеместно объявить: у мусульман обязать духовных вожаков, уважаемых, стариков, у хань - сянтханов, басчжанов, цзучжанов, цины, дворы: не позволять быть вовлеченными в оговор, не разрешать принимать у себя пришлых, непременно заставлять разбойничьи шайки распускаться и рассеиваться" /II, 142/.

Возмутителями спокойствия Лань Цзэсюй считает мусульман, а поэтому умиротворение в провинции наступит только тогда, когда будут усмирены они. Возвращаясь к особым, праведным к антиправительственным выступлениям, Лань Цзэсюй дает следующую версию. В 4-й луне прошлого года юньнаньские мусульмане в местности Панцзю затеяли свару и собрали толпу отомстить. Началось с Мэнтана, где взаимно устраивали поджоги и убивали друг друга. "Правительственные войска тут же выступили помогать истреблять" /II, 143/. Если шли столкновения между мусульманами и хань, тогда остается не понятным, кому и кого помогали истреблять войска? Вероятнее всего, местным властям-мусульман. Так полагать дают основания следующие слова Лань Цзэсюй: 1 октября внезапно стало известно, что мусульмане города Ничан изнутри оказали поддержку мятежникам извне. Правитель Исядао До Тяньчжэ и др. немедленно организовали поимку и истребление нарушителей порядка. Находящиеся вне стен мусульмане-разбойники неоднократно оказывали сопротивление правительственным войскам /II, 143/.

И опять возникают сомнения относительно беспристрастности нового наместника. Во-первых, насколько достоверно было сообщаемое о поддержке мусульманами, что были в городе, тех, кто был за пределами его стен. Во-вторых, почему она загодя квалифицируется как разбойники? Словом, предубежденность в отношении мусульман чувствуется в позиции Лань Цзэсюй.

Оценивая действия своего предшественника, Лань Цзэсюй доказывает богдыхану, что тот поступал в принципе правильно. Перечислив круг вопросов, писал Лань Цзэсюй, связанных с истреблением разбойников в течение двух лет. Прехний ду Хэ Чанлян приказал руководить. Последовательно уничтожал мятежных мусуль-

ман, успокаивал и обласкивал бедствующих мусульман, уговаривал добропорядочных магометан, а также устанавливал систему взаимозащиты хань и хуэй, сообща договорились там и тут во исполнение уговора защищаться. На все это есть подтверждающие документы. Расправлял чиновников и шаньши, у тех тоже нет иного мнения /II, I43-I44/.

Решение Хэ Чанлана перебросить войска для подавления Линь Цзэсюй считал в целом правильным. Только, по его мнению, ошибки были допущены военачальниками До Тяньчи и Чжан Билу. Первый легкомысленно выступал, а второй промедлил с наступлением. В результате посредством истребления не удалось восстановить спокойствия, и "обласкивать" пришлось чрезмерно /II, I44/.

25 марта 1847 г. члены Цзюньцзачу получали указ богдыхана. В нем говорилось о докладе Ли Синкяня относительно истребления мусульманских разбойников правительственными войсками. "Если действительно безжалостно не истреблять, - докладывал Ли Синкянь, - не показав силу войска, то, опасаясь, промедлим сегодня и дойдет до того, что оставим беды на завтра. Соответствующим ду надлежит строго приказать начальнику сил подавления воодушевить сердце войска и немедленно выступить истреблять. Никаким образом не гоже из-за того, что представят несколько смутьянов и выдадут несколько штук оружия, поверить, что сила разбойников иссякла и снова дело закончить" /II, I68/.

- Быть по сему, - начертал богдыхан.

Этот указ с решением государя был направлен Линь Цзэсюю.

В ответном докладе, называя цифры убитых и взятых в плен "разбойников", Линь Цзэсюй заверял: "Только когда заполучим главных смутьянов, полностью уничтожим мятежные силы. В действительности еще не осмеливаемся закончить дело" /II, I68/.

Проблема прекращения межобщинных столкновений, как представлял ее трону Линь Цзэсюй, была крайне сложной и противоречивой. Власть как таковая, по его мнению, была тут бессильна, ибо в конечном счете становилась объектом неприятия всех конфликтующих сторон. Воспроизведем ход рассуждений Линь Цзэсюй.

Ведь хуэймань в целом нрава злого, в течение ряда лет выказывая гнев, мстят ханьмань, силой не могут сдержать. Через местных чиновников /хань/ просят расследовать и взять под стра-

жу, хуэй - тогда наказывают. Если только уведомят о случившемся ханьминь, то хуэйминь озлобятся на чиновников. Ханьминь, поскольку подвергаются бедам, прибегают к оружию, чтобы отомстить. находят удовольствие в том, что говорят: "Власти должны уничтожить мусульман". Как только правительственные войска наказывают мусульман, /ханьминь/ тогда хотят полностью перебить и все. Чиновники не соглашались, к тому же если не уведомят о случившемся ханьмань, то последние тоже злятся на чиновников. Отсюда злодеи из числа мусульман тем более связи с разбойниками считают заветным делом, чтобы пускать в ход их самоволие. Лукавые из числа ханьминь тоже воспользуются разбойниками в качестве прашеников, чтобы изловчиться на предмет вымогательства, а бродяга-разбойника всех дорог и со всех прайсков считают выгодным соглашением с тем, кто к чему стремится" /II, 168/.

То, что говорилось в донесениях цинских чиновников различного ранга, нельзя считать дающим адекватную картину происшедшего. И дело даже не в принадлежности к правящим кругам, в особой предвзятости или необъективности. Причина в особенностях человеческой психологии, тем более когда речь идет о межобщинных столкновениях. Одно и то же событие по-разному воспринимается очевидцами или сопричастными. На это обстоятельство особо обращал внимание Хань Пэнжи, автор небольшого сочинения, непосредственный участник и очевидец событий: "Те, кто занимался разбирательством, оспаривая друг друга, неоднократно говорят: "Некто сказал, что ... Некто сказал, что ..." /II, 177/. Но как бы там ни было, однако, заслуживает внимания сказанное "кем-то" о том, как развивались события после стычки между мусульманами и ханьцами в Панцзю. "... хань тоже тут же собрались и вместе с правительственными войсками дали отпор /мусульманам/" /II, 177/. Даже если они убивали хань, как говорит безымянный информатор, то это не меняет того принципиального обстоятельства, что в ходе межобщинного конфликта мусульманам противостоял в союзе государство в лице цинского войска и ханьское население.

События в Панцзю, как пишет Хань Пэнжи, тревожат местные власти в первую очередь из-за возможного поведения мусульман. У начальства вызвали опасение мусульмане города Цзюньчэн.

Уполномоченный /вэйвань/ Хэн Вэньцзи собрал начальника ополченцев Шэнь Цюньчэна, вожака "Сян" Чжоу Жи /II, 172/, и они тайно договаривались как поступать. После этого 2-го дня 9-й луны Ли Мин ввел ополчение в город, и оно вырезало несколько тысяч мусульман /II, 178/.

Главаря мусульман Чжан Шисянь, Дин Юннань, ханьминь, предводитель "Сян" Вань Чунь были сурово наказаны /II, 178/, "но свои и чужие хуэй еще более ни в коем случае не хотели примириться" /II, 178/. Чановники просили оставить войска для охраны.

На следующий год хуэй снова собрались в Мэнтинчжае. Прежде всего, сожгли два моста, чтобы перерезать тыловые дороги нашего войска /II, 178/.

Совместное выступление цинского воинства и ханьской толпы против мусульман давало им повод считать, что власти заодно с гражданскими хань и им, мусульманам, ничего не остается другого, как выступать против существующих порядков и их опоры — цинской армии.

Возникая зачастую на бытовой почве, конфликты между хань и мусульманами нередко перебрасывались и на духовную сферу, когда непосредственно затрагивались религиозные чувства.

В январе-феврале 1847 г. возник спор между мусульманами и хань прииска Танцань относительно пользования водой ключа за мечетью /II, 196/. В последующем распря привела к столкновениям. В ходе их была осквернена и пострадала от огня упомянутая мечеть. Пробравшись туда, хань разожгли огонь во дворе мечети и жгли там трупы! От возникшего пожара загорелось и здание мечети. Последняя явилась своего рода сборным пунктом для мусульман, откуда они выступили драться с китайцами /II, 197/.

Общественное сознание мусульман и хань, будучи и продуктом многовекового взаимного существования, несло на себе непростой опыт прошлого, груз разнохарактерных предрассудков, питаемых социальным статусом /хань — исконные сыновья Поднебесной в отличие от "пришлых" мусульман/, различиями в верованиях и бытовых обычаях. Общественное сознание проявляло необыкновенную живучесть в смысле неприятия "чужих", не принадлежащих к данной общине, и отсюда оно по существу оставалось неподконтрольным властям, какими бы благими намерениями она

не руководствовались, пытались обеспечить мир и согласие между мусульманской и ханьской общинами. Понятное дело, нет оснований усматривать в таких побуждениях императора и его присных чисто альтруистические соображения: межобщинные распри подрывали внутрисполитическую стабильность государства, и поэтому были нежелательны. Однако не допустить их возникновения режим был не в состоянии.

В поисках путей по выходу из положения Линь Цзэский считал необходимым наладить правопорядок, в условиях которого не было бы причин для недовольства властями как у хань, так и у мусульман, чтобы они не были подвержены подстрекательству со стороны возмутителей спокойствия т.н. "разбойников".

"Я поэтому говорю: /Чтобы/ справиться с хуэй, — докладывал Линь Цзэский, — необходимо прежде всего справиться с разбойниками, а не справившись с ними, тогда хуэй будут не управляемы и хань тоже".

"В пограничной окраине не ведают, что есть закон. Причина давняя. Как раз сейчас срочное дело. Самое лучшее было бы блюсти закон, самое лучшее было бы придерживаться беспристрастности, чтобы блюсти закон. /Если/ хань и хуэй будут единым целым, тогда смутьяны получают серьезное предостережение".

Акцентируя внимание на сопричастности преступного элемента к возникновению межобщинных распри, Линь Цзэский обходит молча роль ханьских тайных обществ. В частности, из них "Шао сянь"/"Возжигатели курений, курительных свечей"/, или просто "Сянь"/"Курительные свечи"/, выступало застрельщиком межобщинных столкновений. Уже упоминавшийся Хань Пэнжи приводит следующие свидетельства на сей счет. С того времени, как Ван Чунь положил начало деятельности "Шао сянь", "сянь" и хуэй состязались за победу. В 1843-1844 гг. сянь — разбойники окружила город, желала полностью уничтожить находившихся в городе хуэй, но безуспешно. И эта причина прежде всего вадна.

Когда была распри в Панцзо, Ван Чунь во главе своих "сянь" — разбойников изгнал чужих хуэй и уничтожил мечеть на их улице. "Сянь" принялись бесчинствовать, были расклеены прокламации о призывах истреблять... пупыосках хуэй ... Хуэй не осмеливались возвращаться посмотреть, чиновники не вмешивались.

После разгрома войска в Банма, в обороне округа и области произошла перемена. Даофу Фан Цанэй, изменяя прежний порядок, позволил "сян" — разбойникам устроить избиение в городе, правительственные войска последовали за ними и помогли.

Хуэй призвали оказать сопротивление чиновникам, хань из-за того, что хуэй сопротивляются должностным лицам, воспользовались этим, чтобы показать свой гнев.

"Что еще более отвратительно, распорядители сянь-фэйев стали важнее чиновников, по своей власти превзошли их. Те именуется управляющими людьми, но не имеют кормила власти, чтобы искоренить преступления. /Когда/ дошли до такого, /то/ разве существуют государственные законы?" /II, 178-179/.

9 марта 1847 г. Цзюньцзичу получил высочайшее повеление. Как говорилось в нем, ийши Ян Минчжу представил доклад следующего содержания. Мусульмане-разбойники в провинции Юньнань не утихомирились. Нужно приказать принять срочные надлежащие меры. Соответствующему ду предписывалось разобраться согласно обстановке и соответственно без промедлений действовать, дабы исключить беды в будущем /II, 170/.

Отвечая, Линь Цзэский писал следующее.

Разбойничья толпа легко собирается, используют застарелую неприязнь между хань и хуэй. Если случится происшествие, то усугубляют его. Притворяются, что мстят, на деле же поджоги и грабежи делают занятием. У хуэйминь сила — в их толпах, настроения одинаковы. Если стовариваются отомстить, то тайно с чжаев получают средства, помогают друг другу в беде, имеются "общественные средства" в мечети. Ханьминь сотрудничают при защите разбойников, в это время тоже нанимают ополчение, собирают в складчину деньги. Недостойная толпа, так как у богатых дворов обманом позаимствовали средства, имеет деньги на баоцзя, средства по статье на откупные, хочет все, чтобы бродячие разбойники сделали, не хань, не хуэй, можно хань, можно хуэй. Но если не ханьминь причинят вред, то хуэйям нанесут ущерб. Поэтому говорю: "/Прежде чем/ справиться с хуэй, прежде нужно справиться с разбойниками".

Приказано всем подчиненным вылавливать разбойников. Независимо от того, хань, хуэй, со всей строгостью наказывать. Как

мне представляется, главное в обуздании разбойников, одно заключается в отборе чиновников, другое — в подготовке войск /II, 170-171/.

14 июня 1847 г. Цзюньцзичу получил высочайший указ. В нем говорилось, что цзунду Юньнань-Гуйчжоу Ли Синхань в секретном докладе изложил обстановку относительно ведения мусульманских дел. Основные положения этого документа суть... Местные мусульмане богаты, а чужие — бедны. Последние сильны, а первые слабы. В приграничной окраине издавна не вадом закон. Отсюда рекомендации Ли Синханя сводились к следующему: "Лучше уж, придерживаясь справедливости, отправлять закон, чтобы хань и хуэй составили единое целое, дабы смутяны тогда получили серьезное предостережение"; наладить "баоцзя", чтобы искоренить внутренних разбойников, и ополчение, чтобы защищало от разбойников извне /II, 185/.

Эта рекомендация предписывалось оценить преемнику Ли Синханя на посту цзунду Юньнань-Гуйчжоу Линь Цзэсю.

В этом же указе ему вменялось в обязанность выянить действительно ли убит "мусульманин-смутяня" Чжан Фу.

Как представляется ему, докладывал Линь Цзэсю трону, "хань и хуэй, хотя нравами разделены, но сам двор смотрит на тех и на других, как на младенцев. Однако должно различать тех, кто является добропорядочными, а тех, кто разбойник. Не нужно подходить односторонне, считая, что этот — "хань", а этот — "хуэй". Если действительно можно выбрать из них добропорядочных, чтобы хань защищал хуэйя, чтобы хуэй защищал хань, чтобы совместными усилиями единодушно сообща изгнали прибывших извне бродяг-разбойников, тогда так называемое "единое целое" не будет вновь повторяемыми пустыми словами" /II, 186/.

Обратимся теперь к вопросу об уже упоминавшемся Чжан Фу. Тот факт, что при дворе непосредственно справляются о судьбе одного из вожаков мусульманских повстанцев, показателен в том смысле, что речи не идет о вожаках противоборствующей стороны, которые тоже внесли свою лепту в возникновение и распространение межобщинного конфликта. Для императора виновника его — прежде всего мусульмане.

В определенной степени односторонний подход к мусульманам

проявляется и в ответах Лянь Цзэсюй на вышеупомянутый запрос.

Чжан Фу, докладывавший Лянь Цзэсюй, среди хуэй опытен по части злодейств, среди тех, кто ханьминь глубоко ненавидят, и питает застарелую ненависть, подлинно во множестве имеет приверженцев /II, 186/.

Проблема междоусобиц, как явствует из доклада Лянь Цзэсюй, весьма сложна, в чем он отдавал отчет. В частности, и потому, что у мусульман и хань различные нравы. Констатируя это важнейшее обстоятельство, Лянь Цзэсюй, очевидно, сознает, что этот феномен — вне воздействия административных предписаний и потому ведет речь лишь об отделении праведных и неправедных. Одно дело — излагать заключения на бумаге, другое — решать практически. О том, как действовал Лянь Цзэсюй в конкретных обстоятельствах, известное представление дает его подход к событиям в Юньчжоу.

О происшедшем там, как докладывал Лянь Цзэсюй, он узнал из сообщения дучэня Ли Синюаня. Тот со ссылкой на ваньшу Шунькина уведомлял, что в деревне Сяньцунь, подчиненной Юньчжоу, жили мусульман-смутьяны. Так как они оказали сопротивление, то 21 убили, а 6 препроводили в провинциальную столицу для разбирательства /II, 187/. Картина получается довольно-таки неясная, за исключением одного — мусульмане затеяли смуту и о нем соответственно обошлись.

По вступлении в должность Лянь Цзэсюй распоряжался преследовать поимку правонарушителей. И теперь уже наряду с мусульманами-разбойниками, оказались схваченными и смутьяны — хань, о которых ранее речи не шло. Это обстоятельство — лишнее свидетельство того, сколь трудно воссоздать все обстоятельства явившихся событий. Но в то же время акцент на мусульман как зачинщиков беспорядков в первоначальной информации — показателен.

Уведомляя Пекин о т.н. "юнчжоуских событиях", Лянь Цзэсюй вольно или невольно возлагает ответственность за возникновение их на мусульман. Начало беспорядкам положил 24 ноября 1846 г. хуэйминь Хэйляньмау, учинавший драку при покупке муки в местности Сяньсянчжоу. Из-за чего он затеял потасовку, Лянь Цзэсюй не сообщает. Допросить же его не представлялось возмож-

ным, ибо, когда Линь Цзэсий занялся разбирательством событий, последовавших за этой дракой, Хэйлиньмау был обезглавлен /II, 187/. Но до того, "как это случилось, чтобы спастись от ареста, Хэйлиньмау возвестил: "Хуэйминь Чжан Фу и др. с ним давно знакомы. Сейчас в Юньчжоу, собрав толпу, они дерутся" /II, 187/. Известие это нашло отклик и мусульмане имярек отправились жечь и грабить /II, 187/. Из-за чувства мусульманской солидарности к ним присоединился хуэй из Шэньси Чун Лаогуань: услышал, что юньчжоуские хуэйминь вызвали беспорядки, так как он одной веры, возжелал отправиться помогать /II, 187/. Объектом нападения мусульманской толпы явились ханьские селенья. Против мусульманских погромщиков выступили войска и ополченцы /II, 187/. И в конечном счете события вылились в столкновения между мусульманами и примкнувшими к ним единичными хань, с одной стороны, цинским войнством и ханьским ополчением, с другой. К ответственности, считал Линь Цзэсий, надлежало привлечь представителей обеих конфликтовавших сторон, исключая военнослужащих.

Рассмотрим конкретно, какому наказанию, кто подлежал, по мнению Линь Цзэся. Начнем с зачинщиков. Дун Лаогуань, услышав, что хуэйминь Юньчжоу затеяли перепалку, пожелал, собрав толпу, отправиться помогать грабить селенья и чжаи. Потом дважды во главе толпы оказывал сопротивление, в результате 2 ополченцев были убиты.

Го Ванянь /хань/, Чжан Сюлао /хань/, Ли Чунью, последовав за ныне уже мертвым Хэйлиньмау, Чжан Фу и др., оказали сопротивление правительственным войскам, каждый убил по одному ополченцу. Все это подпадает под дела, одинаковые с мятежом. Как известно, Чжан Сюлао, Ли Чунью еще проходят по делу об оказании помощи в убийстве Чжан Угуна и др. в Синьсянчжоу. Вина сравнительно легкая, нужно передать соответствующим инстанциям, исходя из тяжести свершенного решить.

В отношении Дун Лаогуаня, Го Ваняня прошам разрешения поступить согласно статье "Те, кто замыслил бунт, подлежат обезглавливанию". - "Намереваемся, - докладывал Линь Цзэсий, - немедленно казнить" /II, 189/.

Фань Сюохэй, воспользовавшись предлогом, что хуэйминь участвовали в беспорядках, созвал толпу. Вооружившись, они разграбили

хуэйские чжан. Было убито много хуэйминь. Деяния Фаня подпадают под статью "Моряк /и/ хлебного судна составили шайку численностью свыше 10 человек, имея оружие, занимались грабежом. Главаря согласно статье о грабеже наказать, дело в отношении грабителей прекратить, но тех, кто заполучил имущество, обезглавить" /II, 188-189/. Намереваемся, докладывал Линь Цзэсюй, немедленно вынести решение.

Чжан Сяюань, послушавшись призыва, вступил в шайку, убил одного хуэйминя, потом занимался грабежом. Считаю нужным, доложил Линь Цзэсюй, наказать его согласно статье "Того, кто грабил и убивал людей, немедленно обезглавить". Намереваемся немедленно вынести решение о казни /II, 190/.

Таким образом, если судить по докладу Линь Цзэсюя, он за привлечение к ответственности представителей обеих сторон, участвовавших в межобщинном конфликте. Внешне может сложиться впечатление, что ни у той, ни у другой стороны нет оснований обвинить наместника в предвзятости. Но отнюдь не исключено, что в массовом сознании хань и мусульман отложились неадекватные представления. Вероятно, находились такие, которые считали, что их община наказана более сурово и наоборот.

х

х

х

12 августа 1847 г. Цзюньцзичу был спущен высочайший указ. Согласно доклада Дучаюань, говорилось в нем, юньнаньские хуэйминь Дин Цаньтан и др. представили жалобу на сянь-фэй: они сообща замышляли убивать невинных. Уже приказано Линь Цзэсюю расследовать и заняться. "Если это действительно так, - гласил указ, - то следует до конца выяснить, чтобы скрытое стало явным, надеемся, что можно будет успокоить сердце бедствующих людей и устранить бедствие местности" /II, 190/.

Как сообщил Линь Цзэсюй в ответном докладе, вражда хуэй и хань извечная. В частности, столкновения между ними имели место в 1821-1822, 1833-1834, 1839-1840 гг. Но не доходила до такой крайности, как ныне. Тогда хуэйминь тоже неоднократно жаловались в столицу. Есть бумаги, которые можно рассмотреть,

"Если говорить о деле с точки зрения истца, то он не без того, чтобы мотивы честны, отвечая не без того, чтобы мотивы не справедливы, вынести решение вроде крайне нетрудно. А если говорить, сведя воедино все обстоятельства дела, тогда тут в установленной справедливости окажется несправедливость, там в установленной несправедливости окажется справедливость, запутанное в действительности не понять. Ибо один противник, значит и один доклад, и докладываемое — одностороннее, не соответствующее /достоинству/ /II, 191/.

"Как известно, в прошлые разы, /когда/ использовали войска, то во всех случаях говорили "истребляли хуэй-фэй", но никогда не касались ханьминь". Как известно, хуэйские толпы прежде совершали такие дела: похищали начальствующих военных чинов, убивали и калечили ..., отпускали важных преступников и оказывали сопротивление правительственным войскам, поэтому они на них нападали и истребляли. Но разбойники из среды ханьминь, хотя с хуэйминь смешиваясь, убивали и грабили, в конечном счете еще не осмеливались оказывать сопротивление правительственным войскам. Те хуэйминь, видя, что она истребляют хуэй, поэтому считают, что /войска/ помогают хань; а ханьминь, видя, что чиновники уничтожают хуэй не до конца, считают, что /власти/ помогают хуэй" /II, 192/.

В жалобе Дин Цаньтина и др. есть несправедливые обвинения /напраслина/. Они утверждают, что 2-го дня 9-й луны прошлого года юнчанские хань уничтожили свыше 8 тысяч хуэй. Однако проживало хуэй 4 с лишним тысячи человек. Как сообщали в разное время начальники дао, фу, тин, сянь и вэйюаня, не было в Юнчане 8 тысяч с лишним хуэй /II, 192/.

В марте-апреле 1845 г. ранее бывший в должности цзунду Хэ Чанлин казнил ханьминя Ван Линьгуя и др., в августе-сентябре 1846 г. распорядился обезглавить ханьминя Ян Лаоцзю и др. и вывесить головы для обозрения.

О не должным образом занимавшихся наведением порядков даоюане Ло Тяньча, вр. и.о. чжифу Хэнь Вэне было положено. По вступлении в должность Ли Санюань докладом уведомил, чтобы их навечно не аттестовать к использованию на службе и не иначе как потому, что не смогли прекратить самоуправные убийства,

совершаемые юнчанскими ханьминь. У хуэйминь, однако, так как этого рода разбойников наказано еще мало, то трудно побудить их, чтобы они замирились. Каждый раз потворствуют разбойникам убивать добропорядочных, возлагают вину на чиновников. Это на самом деле так, предлоги без каких-либо отговорок, дабы разрешать /с сомнения/. Однако, если говорят, что чиновники имеют мнение помогать хань уничтожать хуэй, то это как раз много у них отговорок. Глядя на то, что чиновники еще не разобрались и не преследовали одного за другим хуэй-разбойников, которые убивали ханьминь, то если говорят, что нет возможности, то это возможно, а если говорят, что, допуская предвзятость, покрывают, то это едва ли так /II, 193/.

Судя по вышеизложенному пассажи, Линь Цзэсюй всемерно пытается убедить Пекин, что он и подначальное ему чиновничество стараются быть беспристрастными в наказании участников межобщинного конфликта. По справедливости нужно воздать и хань, и хуэй — такова посылка Линь Цзэсюя. Но, очевидно, мера справедливости по-разному воспринималась обеими сторонами. Поэтому нарекания и недовольство чиновниками были неминуемы.

К тому же нет достаточных оснований полагать, что сам Линь Цзэсюй был абсолютно беспристрастен и был полностью свободен от чувства ксенофобии, и когда ведет речь о мусульманах. Очевидно, он сознавал, что и его поведение может стать объектом жалоб со стороны хуэй. Поэтому особо пристрастно подходит к рассмотрению жалоб на своих предшественников, дабы создать соответствующий настрой в Пекине относительно возможных обращений со стороны мусульман.

За перечислением проступков хуэй, как они излагаются Линь Цзэсюем, стоит определенная заданность. В мае-июне 1845 г., докладывал Линь Цзэсюй, хуэйминь в Панцзяо, высмеивая ханьминь, затеяла свару. В отместку ханьминь разрушили мечеть. Со своей стороны отметим, что этот факт Линь Цзэсюй никак не комментирует: вроде это заурядное событие, однозначное обычной драке.

Потом, чтобы уладить дело, продолжал Линь Цзэсюй, прибегли к посредничеству и на возмещение ущерба были даны откупные серебром. Но хуэйминь Чжан Шисянь и др. опять созвали толпу и неоднократно нападали на Панцзяо. Не поддавшись "подчинению силой" /от кого оно исходило, Линь Цзэсюй умалчивает/, мусуль-

мане убили хань Чжан Чжанкуя. В этом месяце ханьминь трижды подверглись разгрому, были уничтожены их поселения и чжайи. Правительственные войска выступили на выручку ханьминь и понесли потери. В 7-й луне пришедшие хуэй, собравшись в Мэнтине в большом количестве, напали на чжай. Были убиты чиновник ямярек, два начальствующих чина с более 100 рядовых уведено в плен. Все это — сознательно совершенные преступления хуэйминь до 2-го дня 9-й луны /II, 193/. Дин Цаньтин и др. тоже сами признают, что имели место погромы в Гука и др. местах, убийства чиновников и воинских начальников, содержание под охраной военачальников и рядовых в кумарне Лянхуа. И посредством слов "оказавшаяся-де в бедственном положении хуэй непреднамеренно совершила преступление", лсвчат, замазывают собственные преступления, не ведая, что намереваются скрыть известное /II, 193/.

Обращает на себя внимание факт выступления войск в защиту хань, ставших жертвами хуэй, и нет упоминаний об обратном. И почему военные не стали примирять противоборствующие стороны.

Что касается времени после 2-го числа 9-й луны, продолжал Линь Цзэский, то хуэй сражались с правительственными войсками и погибли цзяи ямярек, она же, хуэй, сожгли ханьминьскую деревню. Весной 1846 г. в результате подстрекательства хуэй-разбойника Хуан Баба хуэй захватили у купцов свыше 4 тыс. лян серебра, сожгли мост, сражались с правительственными войсками, из-за чего погибли воинские начальники /ямьрек/. В 4-5 лунах хуэй совершили нападение на ин, были убиты воинские начальники /ямьрек/. В 9-й луне хуэй в порядке отместки за события 1839-1840 гг. учинили побоище. В 12-й луне они подожгли дома ханьминь. О всех вышеизложенных обстоятельствах и все, что имело место после 2-го числа 9-й луны предшествующего года, резюмировал Линь Цзэский, "в докладной вышеупомянутых хуэйминь никак не говорится. Очевидно, что она умалчивает". И следом Линь Цзэский присовокупляет: "В провинция Юньнань ханьжэнь-шэньши и простые люди — все говорят: "Если подытожить, сколько в рядное время хуэйминь убили хань, то в действительности в несколько раз больше, чем хань убили хуэй" /II, 194/.

Со стороны Линь Цзэского имеют место попытки если не дезавуировать полностью мусульман, авторов челобитной императору,

то по меньшей мере убедить столичные инстанции, что доверять им безоговорочно не стоит. В то же время Линь Цзэсюй, стремясь представить себя беспристрастным и имеющим собственное суждение, сетует, что еще не имел возможности собственными глазами разобратся в обстановке и вся проблема представляется ему запутанной и нескончаемой /II, 194/.

Тем не менее умиротворение окраины мыслилось Линь Цзэсюем обеспечить такими путями. "В настоящее время не годится снова использовать войска. /В противном случае/ это приведет к ненужным убийствам и в свою очередь породит новые поводы /для беспорядков/. Если даже хватать разбойников /фэйлэй/, то тоже необходимо прежде всего искоренить чужих разбойников, и тогда можно будет постепенно избавиться от /своих/. Так называемые /пришлые, чужие/ — это не имеющие приписки /не состоящие в списках/ бродяги, сами называющие себя "хуэй", но вряд ли подлинно являются "хуэй", сами называют себя "хань", но подлинно не являются "хань". Где бы не случились грабежи и убийства, тут же помогают творить зло. Этого рода разбойников ныне хватаем и наказываем, одновременно повсеместно строго проверяем баоцзя, нужно сделать так, чтобы нигде не было им пристанища.

Что касается так называемых своих /домашних/ разбойников, то подобно хань, хуэй одинаково простить и поселить; тех, кто доволен своей долей, считать добропорядочными, тех, кто вызывает беспорядки, считать разбойниками. Если бы сразу до конца справиться, доискаваясь, делать обыск, тогда проверяли бы хань и ханьжэнь тут же стали глазами для защиты хуэй, проверяли хуэй — и хуэйжэнь тоже станут глазами для защиты хань.

Хань и хуэй, и те, и другие — придерживаясь одного мнения, говорят: "Если, разделившись, препираться, не навести спокойствия. Приводим в порядок шелковые нити, а они все остаются спутанными. В конечном счете не разрядить обстановку".

Покорный слуга и другие называют то, что самое неотложное ныне. Осуществляя подавление, нужно, чтобы не было безрассудных действий, переделывая и наставляя, нельзя, чтобы дело доходило до взаимных подозрений. Поэтому прежде всего приказано гражданским и военным чинам /вэнь у/ в Юнчане, Шуньчане и др. местах, независимо от того, заброшенное или оставленное, имущество

властям полностью учесть. Независимо от того, хань или хуэй, властям изыскать способ позвать их восстановить занятия.

Среди хуэй и хань имеются шэньши и старейшины, а также духовные владыки, обязать их среди соответствующих местностей единоверцев и соплеменников взаимно договориться об ограничении своей самостоятельности. А также приказать, чтобы все взаимно объединились, дабы хуэй защищал хань, навечно запретить нападения и грабежи, необходимо укрепить мирные отношения.

В настоящее время в нескольких местах достойные шэньши сами решили установить устав о дружбе и взаимной защите. Покорные слуги тут же заблаговременно выдали вознаграждение, чтобы создать репутацию.

Скоро наступит время осенней жатвы, прежде всего необходимо поставить заслон привычке толпы грабить. Поэтому во всех важных местах необходимо разместить войска, принять меры предосторожности и проверять. Однако нужно строго приказать воинским начальникам, имеющим под началом рядовых, надлежащим образом обуздать их, не позволять им, воспользовавшись предлогом, вызывать беспорядки. С другой стороны, вышеизложенные способы ведения дел настойчиво объявить, чтобы хань и хуэй сердечно относились друг к другу.

Еще неизвестно, действительно ли сможем получить результат, однако прилагаем усилия, используя силы и свою искренность /II, 194-195/.

х

х

х

О том, как на практике осуществлял свои установки Линь Цзэсэй, известное представление дает его подход к столкновению хань и хуэй при присяге Тандань. Эта распря произошла еще при предшественнике Линя Ли Синюане. Последний, узнав о столкновениях, предписал предпринять расследование, произвести аресты и наказать. Мы специально говорим об этом, чтобы обратить внимание на то, что и предшественник Линь Цзэся стоял за пресечение междоусобиц.

"Ныне, - докладывал Линь Цзэсэй, - надлежит подавить воз-

мущение хань и хуэй. Следует блюсти справедливость и держаться ее. Злодеев строго наказывать. Этого рода смутьянов, что во время свары загубили много хуэймань, согласно правил соответственно обстоятельств дела без промедления казнить, дабы отказались от давней дурной привычки горланить и бесчинствовать. В отношении всех семерых преступников: Жэнь Ляньцзя и др. считаем должным испросить высочайшего повеления присоединиться к намерению немедленно казнить, дабы каждый разбойник знал о предостережении и чтобы подчинять сердца хуэйских толп /II, 200/.

Тех из них, кто участвовал в столкновениях, Линь Цзэский тоже считал нужным наказывать /II, 200-201/.

Оставляя открытым вопрос, в какой степени понесли ответственность участники столкновений, с кого, с мусульман или с хань больше спросили, отметил лишь, что Линь Цзэский, судя по его докладу, стремился воздать тем и другим, дабы было неповадно впредь.

При возникновении межобщинных столкновений во время пребывания Линь Цзэсюя на посту наместника Юньнань-Гуйчжоу применялись в порядке мер пресечения как правительственные войска "для подавления", так и увещевания со стороны духовенства. Так, в частности, было, когда вспыхнула кровопролитная свара между хань и хуэй в местности Яочжоу. Прежде всего через фу договорились выступить подавлять, приказали предписать духовным властям объявить, что на пользу, а что во вред /II, 202/.

Местное начальство Линь Цзэский обязал не допускать повторения межобщинных столкновений. "Предписано соответствующим чжэньфу, а также вэй'юаням должным образом производить расследование и наказывать, непременно нужно, чтобы хань и хуэй надолго пребывали в обобщном мире, нельзя, чтобы снова возникали свары" /II, 203/.

Оздоровление чиновного аппарата Линь Цзэский рассматривал как одно из важных средств в деле изживления межобщинных столкновений. Так, он испрашивал разрешения снять с должности тицзюя Ли Чэнцзи. Среди проступков, которые ему инкриминировались, было и такое: в конечном счете хотел вырезать хуэймань почти полностью /II, 204/.

Реакция официальных инстанций на жалобы мусульман являлась для последних показателем отношения к ним со стороны власти как таковой, которая для них была властью хань, властью "неверных". В частности, жалобы в столицу направляли независимо друг от друга мусульмане Цань Тин и Ду Веньсю. Обе эти челобитные из Пекина были пересланы на место, и ими пришлось заниматься Линь Цзэсю /II, 206/.

Разбирательство этих жалоб мусульман, судя по рассуждениям Линь Цзэсю, дело бесперспективное. Доводы его суть. Для снятия показаний в провинциальный центр надлежит под конвоем отправить соответствующих лиц. Таковых наберется от 100 с лишним до 200 с лишним. Количество очень велико, резюмировал Линь Цзэсю, и трудно всех препроводить под стражей в провинциальный центр /II, 206/. Поэтому приказано дао, фу и др. разделить на главных и второстепенных /II, 206/. На деле это могло обернуться тем, что зачинщики как раз могли остаться в тени.

Из всего того, на что жаловались мусульмане, Линь Цзэсю заслуживающим внимания выделял сговор "сяньфэй" на предмет безжалостного истребления мусульман. Однако лица, от которых надлежит получить соответствующие показания, чтобы удостовериться в обоснованности или необоснованности жалоб, донныне, по прошествии долгого срока времени, еще не препровождены. Произошло это, в частности, и потому, что хань, прознав, препятствуют отправке таких лиц /II, 206/. С другой стороны, и мусульмане тоже мешают этому. В подтверждение Линь Цзэсю приводит выдержку из докладной некоего должностного лица. Тот ставил в известность о том, что двух преступников, которых власти было отправили под конвоем, по дороге убили мусульмане. И если теперь этапировать в столицу провинции других преступников, то из-за боязни быть убитыми в пути они не поедут /II, 207/.

Разбирательство жалоб мусульман, направленных в столицу, судя по изложению Линь Цзэсю, выливалось в сложную проблему взаимоотношений местного люда и администрации, проблему дееспособности последней вообще.

Соответствующие дао, сообщил Линь Цзэсю, издали предписания по инстанциям на предмет увеличения контингента правительственных войск для несения конвойной службы, "но караульные

люди никоим образом не хотят, чтобы отправляли под конвоем" /II, 206/. Как известно, разъясняя Линь Цзэсуй, упомянутая местность, относящаяся к уезду Баошаньсянь, делится на 7 караулов. "Из них в двух: Цзиньцзи, Панджо особенно много разбойников, с "Шао сянь" составляют союзы. По слухам, в течение 10 с лишним лет постоянно поддерживали вражду, самоуправствуя, убивали марных людей, /те/, скрывая, не сообщали чиновникам. Если же последние производят дознание, то вдоль деревни протрубит сигнал, созывая людей, каждый желает опереться на толпу и поставить в затруднительное положение и опозорить начальство. Местные чиновники боятся поспешить, ибо тогда возникнут беспорядки, и дело доходит до греха, когда попирают /закон/ ведут дела не гоже, и поэтому, скрывая свои мысли, не дают обнаруживать недостатки, но надеются, что неприятности прекратятся. Тешили чарей в сущности не один день, закоренелая привычка истинно заслуживает глубокой скорби" /II, 207/.

"Прежде, — продолжал Линь Цзэсуй, — когда хань и хуэй заведовали свары, вроде только народ с народом враждовал. Ныне заведомо известно о двух жалобах в столицу и что удостоились повеления расследовать, однако осмелились оговариваться покрывать, намереваются сопротивляться властям, этого рода нравы и поступки нельзя развивать" /II, 207/.

В очередном докладе Линь Цзэсуй иллюстрировал, как обстоит дело с отправкой для дознания. Он цитирует докладные от подчиненного начальства, согласно которым складывается такая картина. В одном случае при этапировании для дознания некоторых лиц их отбили люди из караула Баошаньшао и отпустили. Разгрому подверглись присутствие уезда Баошаньсянь, полностью были перебиты мусульмане, которых власти перевели на поселение. Люди упомянутого караула перекрыли дороги, выскивали пересылаемые казенные бумаги. В другом случае ответчики, препровождаемые под стражей в столицу, испугавшись, что их в пути убьют мусульмане-разбойники, слезно просили отпустить их. Собравшаяся толпа потребовала того же. В результате этаплируемые разбежались. В свою очередь мусульмане сожгли уездное присутствие, перебили сидевших в тюрьме заключенных хань, которые спасались от огня. Вмешались солдаты с ополченцами и убили много людей /II, 208/.

Оценивая информацию, которая к нему поступала от должностных лиц с разных мест, Лань Цзэсий резюмировал: они противоречат друг другу и в сообщаемом ими много сомнительного /II, 208/.

Суждение это весьма показательное: оно свидетельствовало о нежелании или неспособности представителей цинского бюрократического аппарата обеспечить разбирательство жалоб мусульман. А это в целом не способствовало укреплению их доверия к власти вообще и давало им повод укрепляться во мнениях, что власть как таковая защищает только хань.

Трудно судить, какими соображениями руководствовался Лань Цзэсий, но, очевидно, он отдавал отчет в том, что противодействие толпы разбирательству обвинений подрывает авторитет власти и в глазах хань, представляющих эту толпу. Поскольку разбойники, проживающие при караулах, отмечал Лань Цзэсий, по духу одинаковы, не различить добропорядочных и порочных, то если уничтожать всех разом, то те, кого силой принудили примкнуть, тоже станут сопротивляться, и будет трудно навести порядок. Поэтому, докладывая Лань Цзэсий, он считал прежде всего необходимым обозначить следующее предписание. "Ханьминь, живущие в окрестностях деревень, если не осмелятся сообщать покончить с этим делом, безусловно вообще не будут обвиняемы, даже те, кто ранее был принужден примкнуть" /II, 210/. Однако, можно покаяться, показать свою искренность и можно сообразно рассчитывать на уменьшение /вины/. Те, у кого в сердце сохранился страх, кто не осмеливается от начала до конца упорствовать во зле, должен срочно сам связать и представить главарей-преступников, дабы они были подвергнуты казни. Повсеместно не дозволяется препятствовать сообщению в узких проходах, нельзя задерживать и уничтожать официальные донесения. Захваченное оружие надлежит полностью вернуть.

Если действительно, как вышеизложено, сделаете одно за другим, быть может, будет возможно открыть одну сторону невода и миновать полного уничтожения. Если же по-прежнему будучи непонятливы, не уразумеваете, где польза, а где вред, то великое войско придет. И останется только жестоко истребить начисто. Всех людей сотрет в порошок, на земле полностью перепашет двора, обшарит норы, нигде будет укрыться /II, 211/.

На сообщение Линь Цзэсюя о том, что отправке лиц для дачи показаний чинятся помехи, прореагировал сам государь . II марта 1847 г. Цзюньцзичу было опущено высочайшее повеление. В нем, в частности, говорилось: "Такого рода нравы никоим образом не годятся развивать. Линь Цзэсюю и другим убедительно приказать соответствующим дао, фу, надлежащим образом объявить следующее: никоим образом не годится чрезмерно принуждать, что может вызвать разрыв /отношений с властями/, а также нельзя позволять им оказывать сопротивление, не принимать к исполнению начатое судебское дело. В конечном счете необходимо молча изменять, скрытно переселять, восстановить нравы и обычаи, чтобы умиротворить границу и усмирить упорствующих в злодейства" /II, 217/. Одновременно был спущен высочайший указ Банбу относительно наведения порядка, нарушенного попытками воспрепятствовать отправке ответчиков для проведения дознания /II, 217/.

В ответ на предписание Пекина Линь Цзэсюй доносил следующее. Где скрылась оставшиеся разбойники, уже строго приказано местным чиновникам тщательно разведать и сообщать ловить. Однако в мусульманских деревнях таких, которые передают сведения о намерениях властей, много. Всякий раз разыскиваемых укрывают под предлогом, что одной веры, а на деле в логове грабители делят добычу /II, 218/.

Под защиту веры устремляются и хань, участники межобщинных столкновений. Когда дело пошло об отправке их для допросов, докладывал Линь Цзэсюй, то они бежали в кумарню Шуи Фо сы гадать и просить защиты у божеств /II, 221/. В сравнения с тем, что писал Линь Цзэсюй ранее о взаимовыручке мусульман на основе религиозной общности, суждение его о хань, укрывающихся в буддийском храме, выглядят более сдержанно. Очевидно, предубеждение в отношении мусульман давало все же себя знать.

Заслуживает интереса список хань, подследственных по делу с мусульмано-ханьских столкновениях. Открывают его главари - отставные служащие областного и уездного училищ. К рассматриваемому времени один занимал должность сальского старосты. Некоторые из этих закоперщиков сотрудничали с обществом "Шао сянь" /II, 220-221/. Таким образом, антимульманские настроения объединяют членов тайного неофициального общества и должност-

ных лиц. Разница в имущественном и социальном положении у хань отходит на второй план, когда речь идет о борьбе с мусульманами. Национальный императив, ханьский шовинизм объединяет служивую бюрократию и членов общества "Шао сянь".

Об этой организации в Пекине было известно, и она внушает центральным властям опасения как дестабилизирующий фактор в межобщинных отношениях и, следовательно, в внутриаполитической обстановке в пограничной окраине.

12 августа 1847 г. Цзюньцзичу получил высочайший указ. Он гласил: согласно доклада Дучаюаня юньнаньские хуэйминь Дин Цаньтин и др. приезжали в столицу с жалобами о намерениях сянь-фэй'ев безжалостно истребить мусульман. Уже спущен указ Лань Цзэсю и др. произвести расследование и принять меры /II, 228/.

Как говорилось в жалобе мусульман, разбойники, затеяв свару, замыслили произвести беспорядки. Пострадало более 10 тысяч человек. "Если изложенное соответствует действительности, то необходимо досконально расследовать, чтобы тайное стало явным, надеясь, что этого будет достаточно, дабы успокоить сердце попавших в беду людей и устранить вред /причиненный/ местности. Лань Цзэсю и др. строго проверить и пресечь деятельность бродяг и объединенных в союзы разбойников, главных злоумышленников строго наказать /II, 228/.

В 10-й луне Лань Цзэсюй получил официальную бумагу, в которой говорилось об издании высочайшего указа. Он гласил: "Что касается этого дела, то предписываем Лань Цзэсю, Чэн Юйбяню лично взять дела со свидетельскими показаниями, справедливо и строго выяснить обстоятельства, согласно законов вынести решение и доложить. Соответствующему бу согласно правила препроводить истцов хуэйминь Дин Цаньтина, Му Вэнькэ для допроса" /II, 228/.

В 11-й луне из Пекина Лань Цзэсюй получал очередную бумагу. Она гласила, что соответствующему ведомству был спущен высочайший указ такого содержания. "Ныне опять получена жалоба юньнаньских хуэйминь Ду Вэньсю и др. на то, что разбойники Гунь Ляшу и др., затаив ненависть, воспользовались поводом и ложно обвиняли мусульман в том, что примкнули к мятежникам, в результате чего /мусульмане/ подверглись избиению, ограблени-

ям ... и было убито много. Снова поручить Линь Цзэсюю и др. лично заняться делом о свидетельских показаниях, справедливо и строго выяснить обстоятельства, согласно законов вынести решение и доложить. Соответствующему бу согласно правила препроводить истцов Ду Вэньсю, Лю И для допроса" /II, 228/.

Докладывая трону о разбирательстве жалоб мусульман Дян Цаньтина, Му Вэнькэ, Ду Вэньсю, Лю И, Линь Цзэсюй отметил следующие моменты. Во-первых, погибло не столько мусульман, как было указано подателями жалоб. Они назвали число убитых в уездном центре в 8 тысяч человек. Однако, по данным местного начальства, в 1844-1845 гг. численность мусульман в городе составляла только 3 тысячи человек с небольшим. И за один год численность их не могла возрасти вдвое. За счет мусульман-сальчан, которые временно бежали в город, количество мусульман тоже не могло увеличиться до 8 тысяч с лишним.

Численность убитых, указанная истцами, явно не соответствует действительности. Притом первоначально называлось число жертв в 8 с лишним тысяч, а потому было указано - 10 тысяч с лишним, таким образом эти показания протаворечат сами себе.

Что касается взаимных поджогов и убийств, имевших место за пределами города, то в жалобе говорится, что ханьмань жгли мусульманские селения и убивали людей, однако расспрошенные юньнаньские шэньпи показали, что ханьмань было убито в несколько раз больше, чем хуэймань /II, 231/. "В настоящее время события уже остались в прошлом, в самом деле трудно точно подсчитать, а вообще, в делах, когда речь идет о давней вражде и взаимной сваре, за исключением резни, имевшей место в городе 2-го дня 9-й луны, невозможно винить исключительно одну сторону" /II, 231/.

Факт нападения "мусульман-разбойников" на некоторые пункты и убийство военнослужащих, докладывал Линь Цзэсюй, в изложении истцов, имел место после 2-го дня 9-й луны, но по его данным - до названного выше срока". Тем более очевидно стремление одурачить, замазывание собственных проступков.

Не подтвердилось, по словам Линь Цзэсюя, и утверждение истцов о массовом участии в избиении мусульман членов общества "Шао сян". Доказательным оказалось лишь обвинение в отношении

двух его вожаков /II, 232 /.

В жалобе имелись суждения такого рода: "Гражданские и военные чиновники смотрят на хуэй, как на врагов, позволяют разбойникам нападать врасплох и нападать, попустительствовали слугам грабить" /II, 232/. — со стороны Линь Цзэский последовали следующие реминисценции. В прошлые годы мусульмане-разбойники, бесчинствуя, оказывали сопротивление властям, тем не оставалось ничего иного, как перебросить войска и подавлять. Что касается заявления, что местные вэнь у не могли держать в повиновении силой, то, допускает Линь Цзэский, в сущности трудно засекаться.

Если из-за того, что порочные люди взаимно калечат друг друга и убивают, и тут же добавит по совместительству обязанностей под вывеской "поддержки и помощи", в особенности же указывать на то, что составлен заговор на предмет уничтожения веры, то, что в течение ряда предыдущих и последующих лет ханьские селенья в Юншуня и Мянньняне были сожжены и разграблены хуэйскими толпами, как можно разложить по статьям? И все возложить на чиновников, что они благоволят, помогая хуэй убивать хань? А то, что присудили к тюремному заключению, чему соответствует?

Судя по всему, о чем выше говорил Линь Цзэский, в своей челобитной мусульмане жаловались на то, что межобщинные столкновения выходят за рамки свар бытового порядка, а направлены против их веры. Такое обвинение Линь Цзэский отмечает.

"Что касается семейств, оказавшихся в бедственном положении, то раз не смогли сами защитить свою жизнь, что тогда рассуждать об имуществе?"

Риторикой Линь Цзэский подменяет вопрос по существу, поставленный в жалобе мусульманами.

Не считая возможным определить размер материального ущерба, понесенного мусульманами во время погромов, Линь Цзэский в то же время докладывает трону, всемерно выгораживая чиновников на местах: "отнюдь не было того, чтобы местные чиновники потворствовали разбойникам укрывать награбленное" /II, 232/.

В жалобах, направленных мусульманами в столицу, называлось число погибших единоверцев, переселенных властями на новое место жительства. Линь Цзэский в докладной трону отметил, что в ряде случаев эти цифры не соответствуют истине /II, 232/. "В

жалобах, которые истцы Дан Цаньтин, Ду Вэньсю, Лю И представили в столицу, имеют место погрешности против действительности. По сути дела надлежит согласно правила, когда жалоба безосновательна, вынести в отношении их /жалобщиков. - В.К./ решение. Пока же, помня, что их семьи уже пострадали, обстоятельства особые и они заслуживают снисхождения, считаю нужным просить, исходя из чувства великодушия освободить от ответственности за дачу ложных показаний и отпустить" /II, 233-234/.

Стремясь в известной степени быть беспристрастным, в этом же докладе Линь Цзэсюй повел речь и о наказании чиновников, так или иначе причастных к избению мусульман. Хуан Хуэй, особо сообщил Линь Цзэсюй, - преступник, член семьи Лэского чжичжоу Хэн Вэня. Хуан Хуэй убивал и потворствовал ополченцам производить беспорядки. Хотя Хэн Вэнь и не поощрял, хуля хуэй, но проявлял глупость и служебное несоответствие. А потому его, докладывая трону Линь Цзэсюй, разжаловать и навечно отрешить от занятия чиновных должностей /II, 234/.

Что касается жалоб мусульман на погромную деятельность общества "Шао сянь", то о принятых мерах Линь Цзэсюй докладывал следующее. Те, что признались, что являясь "шаосянь", были разбойниками, подверглись наказаниям. Тех, кто не признался, Линь Цзэсюй считал нужным, подразделяя, вернуть на прежнее место проживания и "держат в узде" /II, 234/.

В упомянутых жалобах, направленных в столицу, содержался список фамилий "сянь-фэй'ев". По мнению Линь Цзэсюя, в данном случае надлежало поступить так... что касается, как выяснено, уже умерших и ранее выбывших за пределы провинции, то в отношении их не нужно вести речи. Если говорить о реакции мусульман на исход их обращения в отношении членов общества "Шао сянь", то, очевидно, она не была полностью положительной /II, 234/.

У цинского двора и самого государя вызвали большую озабоченность междообщинные распри на Юго-Западе, в пограничных областях империи. Эти конфликты не только дестабилизировали внутриполитическую обстановку в стране, но подрывали ее внешнюю безопасность. По прибытии в Юньнань Линь Цзэсюй о результатах выяснения причин ханьско-мусульманских распрей и об их обстоятельствах доложил в 7-й луне в Пекин. На его доклад государь наложил

резолюцию: "Поступая добросовестно и по справедливости, уладить дело. Умиротворение пограничной окраины считать главным" /II, 228/.

Сообразно этой установке правителя Поднебесной, Линь Цзэский докладывал трону: "После того, как в этот раз справедливо наказали, хань и хуэйжэнь тем более должны, следуя времени, изменяться, руководствоваться обузданием, дабы они полностью уничтожили вражду, навечно стала добропорядочными людьми, чтобы с уважением соответствовать крайнему желанию совершенного государя умиротворить пограничную окраину" /II, 234/.

Религиозный, в частности исламский, фактор явственно просматривается в ходе межобщинных столкновений в Юньнани в 40-х гг. XIX в., хотя и не всегда религия, религиозные чувства верующих выступали первопричиной распри. Примечательные примеры на сей счет содержатся в докладе Линь Цзэский относительно подавления беспорядков в Таочжоу: "... хуэйминь Ци Баимо из-за того, что ханьминь обижали его единоверцев, как раз и воспользовавшись предложением отомстить, сжег ханьское селенье, захватил имущество ... Так как все ханьминь ненавидели магометанскую веру, и случалось, что подвергали хуэй поношению, Ци Цзюньвань и др. хуэй бранились, дрались, каждый убил одного ханьминя" /II, 238/.

Среди мероприятий, предпринятых с целью оздоровления межобщинных отношений, следует особо отметить переселение мусульман на новые места. Имелось в виду в какой-то степени изолировать мусульман от хань. Предпринимались ли аналогичные мероприятия в отношении последних, сведений не встречалось. Вероятно, насильственному переселению подвергались лишь мусульмане и, хотя это подавалось как забота об их же благополучии, мусульмане подвергались в большей степени репрессиям, нежели их кровники - хань. Конкретно на деле обстояло так.

В 1847-1848 гг. Линь Цзэский и его сослуживцы докладывали о разрешении дополнительно перебросить отряд караульных войск в местность Гуаньнайшань, куда первоначально были переселены мусульмане, к которым добавились вновь прибывшие. Настроения мусульман не внушали особой уверенности властям, тем более, что к ним добавились пришлые единоверцы, поэтому увеличение воинского контингента нужно было для того, чтобы держать в повиновении

силой /II, 246/. Ходатайство Пекиан удовлетворил /II, 246/. Что касается упомянутой местности Гуаньнайшань, то это была неосвоенная земля в соседстве с инородцами, которые прежде не общались с людьми /II, 247/. Последний пассаж весьма показателен с точки зрения менталитета цинских чиновников: инородцы за людей не считаются.

Сведения, сообщаемые частными лицами, дополняют картину принудительного выселения мусульман с обжитых мест, практиковавшегося властями с целью разъединения хань и хуэй. Со слов хань, современника событий, некий Ли Юаньбин писал: уцелевшим от резни в Баошань мусульманам было предписано по дешевке продать свое имущество ханьцам, не проживать во внутренних районах, а поселиться в горах /II, 7/.

Политика "равного отношения" в отношении мусульман и китайцев, которую, судя по докладам Линь Цзэсюя, он старается проводить, не смогла прочно стабилизировать межобщинные отношения на Юго-Западе Китая. Бытовое сознание разнородного в религиозном и этническом отношениях населения стойко удерживало груз застарелых обид. Этому объективно и субъективно способствовал и цинский бюрократический аппарат, конкретные мероприятия которого по обеспечению внутривластной стабильности нередко давали повод мусульманам усомниться в равном с хань подходе к ним. И в этом отношении наиболее показателен исход челобитных в Пекин, представленных мусульманами. Освобождение от наказания с учетом особых обстоятельств наглядно показало мусульманам, что и на государя уповать им нечего. С другой стороны, это же обстоятельство — как жалобы мусульман, так и исход разбирательств — не могли не укрепить антимусульманских настроений среди представителей административной системы, провинциального и нижеследующего уровня, среди китайских шэньпи, которым в значительной степени были подвластны настроения ханьской толпы.

Мусульманское восстание в Юньнани и образование султаната.

Относительное затишье на Юго-Западе после мер, принятых Линь Цзэсюем, оказалось недолговечным. В ноябре 1855 г. цзунчу Юньнань-Гуйчжоу Хэн Чунь доложил трону: в Юньнани хань и хуэй дерутся между собой. "Хуэймань, собравшись толпами, жгут и грабят ...". Ранее намеченные к отправке в Гуйчжоу войска для по-

давления мяо-разбойников считаем нужным оставить для несения охраны, чтобы умиротворить /упомянутую/ местность /II, 305/.

Обращает на себя внимание направленность первой информации о событиях в Юньнани, адресованной двору. Мусульмане-злодеи по натуре, и они начали бесчинствовать над хань. Последние предстают невинными жертвами злонамеренных инстинктов мусульман.

2 декабря 1855 г. шэньсийский даоцзяньча юйи Чэнь Цин докладывал: бывший цзунду Юнь-Гуй Дянь Цзэсюй карательными мерами усмирил хань и хуэй, между которыми шла резня в 1844-1846 гг. После восстановления спокойствия хуэймань были изгнаны с плохородных земель, которыми в основном они владели в Юнчане, и эти участки были переданы народу /т.е. хань/. "Хуэйцзы, лишившись своего прежнего занятия, постоянно входили в сговор с дикарями, вдоль дорог вызвали беспорядки". В местах совместного проживания народа /т.е. хань. - В.К./ и хуэй, "каждый хуэйцзы помышляет воспользоваться случаем, чтобы отомстить" /II, 305/.

Но в то же время Чэнь Цин предостерегает против поспешности и одностороннего подхода: "Покорный слуга считает, что и хань, и хуэй - люди царствующего двора. Разве следует сверх меры разделять их. Добропорядочных, естественно, нужно успокоить и воспитывать, обнаруживав главную суть, только тогда гоже наказывать и уничтожать" /II, 305/.

Для вящей убедительности Чэнь Цин приводит следующие соображения. В настоящее время еще не усмирены разбойники мяо в провинции Гуйчжоу, а уже имеет место нехватка военного довольствия, если же еще в провинция Юньнань произойдут события, то опасаясь, что будут связаны руки. "Соответственно считаю нужным просить высочайшее повеление, каковым приказать чинам указанной провинции передать предписание властям на местах обследовать обстановку, добром успокоить. Надеемся, что беспорядки будут прекращены, не разросшись" /II, 305/.

13 мая 1856 г. юньнаньский сюньфу Шусина докладывал: в январе-феврале 1858 г. хуэй-разбойники из-за того, что линьские разбойники захватили 2 прииска, устроили побоище, сожгли и разграбили деревню Да Яо цунь.

Во 2-й луне текущего года получено донесение соответствующего фусе. Он сообщал: в январе-феврале бяосское ополчение учи-

нело резню мусульман. В ответ те устроили избиения хань /II, 305-306/.

По получении этого донесения было предписано отправить войска и чиновников совместными усилиями навести порядок. В дополнение к этому соответствующему гуаньвэньу было вменено в обязанность обязать духовных владык обуздать и наставлять людей.

19 июня Шусина вновь докладывал: хуэй-разбойники в окрестностях провинциальной столицы убивают ханьских ополченцев. Испытывая трудности предпринять вылазку из провинциальной столицы, приказал соответствующим священнослужителям, шэньши, старикам отправиться объявить предписание. Для предотвращения выступления мусульман в провинциальной столице было казнено несколько человек. Мусульманских повстанцев за пределами городских стен рассеяло ополчение. Для поимки укрывшихся "разбойников" привлечены шэньши и старики. Внутри городских стен наставляют добропорядочных мусульман и есть у них страх. "Однако хуэй коварны ..." /II, 307/.

17 июля Шусина докладывал: хуэйминь в Юньнани живут повсюду. Численность их не достигает 1/10 - 2/10 числа ханьминь, но по силе вдвое превосходят. "Нрава весьма подозрительны и крайне люты. Нынешние обстоятельства поджогов и убийств особенно жестоки и отвратительны". Ханьминь наперебой шлют просьбы, чтобы войска истребили хуэй. По-разному распорядившись, однако приказал полкам держать оборону, не позволять, чтобы первыми дать повод к разворачиванию военных действий /II, 307/. "Однако в нынешней обстановке без применения войска не сломать дух мусульман-разбойников и не успокоить сердца ханьминь" /II, 307/. Шусина загодя готовит Пекин к необходимости использовать армию против мусульман. 31 августа Шусина уже доложил о вооруженных столкновениях мусульман с правительственными войсками /II, 308/.

7 сентября ишлан Хубу Хэ Тунюнь докладывал: только после того, как жестоко истребляли, взаимные распри хуэй и хань прекратились. "Однако упомянутые хуэй затаили особые намерения. Недавно из-за спора с лянньнаньскими людьми из-за прииска воспользовались предложением и вызвали смуту. Ханьминь добропорядочны и робки, к тому же были чиновниками принуждены и поневоле кончили дело миром, отсюда не осмеливались мстить, позволили,

чтобы их попрали" /II, 310/. Словом, злопамятство и злонамеренность мусульман— причина межобщинных столкновений.

При подавлении выступления мусульман Хэ Тунъюнь рекомендовал исходить из такой особенности мусульман, как сознание ими своей общности независимо от местонахождения. "Как известно, мощь хуэйжэнь во взаимосвязи. /Находясь/ далеко, /или/ близко — единодушны. Захваченные разбойники постоянно носили с собой листовки, намереваясь скрытно войти в сговор. Если заблаговременно не пресечь разрастание /мятежа/, тогда действительно можно тревожиться. Считаю нужным просить высочайшим повелением предписать дуфу Сычуаня, Гайчжоу приказать подчиненным осуществлять строгую проверку в местностях на стыках Сычуаня, Шэньси, Юньнани, Гуйчжоу, не позволять хуэйжэнь переходить границу, не допускать смешения людей в провинция Юньнань. Надеемся, что разбойников извне не добавится, а в данной провинция сила разбойников постепенно станет изолированной и можно будет в определенный срок уничтожить" /II, 310/.

В сравнении с предыдущими докладами, поступившими двору, новые моменты наличествуют в мемориале Хэн Чуня от 31 декабря 1857 г. Он докладывал: В Дянь шэн /т.е. в провинция Юньнань. В.К./ хань и хуэй смешанно проживают. Прежде в сущности были обособны мирны. Начиная с 19-го года Дао Гуан, после того, как в Мяньнине хань и хуэй устраивали беспорядки, хань и хуэй Юнчана, Шуньнина, Чусюна и подведомственные Дунчуань, Сюнь-дянь, относящихся к Идун, в течение многих лет затевали свары, и вражде еще не кончилась. Как известно, по природе своей хуэймань хотя злы и дерзки, не достает добрых людей. Находившийся ранее в должности фаньсы Цан Шэн приказал людям собираться в дружины, если встретятся хуэй-фэй, дозволяется их убивать в порядке самообороны без рассуждений. Однако бесчинствующие негодяи-хань умышленно подстрекали. В результате много добропорядочных хуэй в провинция было убито хань, а за пределами провинция тоже зашевелились, вызвали беспорядка.

Ныне если в основном умерщвление хуэй считать задачей, поскольку нечем успокоить сердце хуэй, то в будущем еще больше навлечем бед на ханьминь.

Покорный слуга только строго следует высочайшему указу.

Необходимо изыскать способ жестоко истреблять всякого хуэй, который захватывает города, убивает чиновников. Разбойников, которые стали таковыми по принуждению, если действительно могут показать искренность и раскаяться в содеянном, естественно, надлежит, подразделяя, привлечь и обласкать. В конечном счете надюсь обнаружить распоряжение: независимо от того, хань или хуэй, одинаково обращаться.

Очевидно, в ответ на этот доклад государь предписал Цзюнь-цзичу передать указ Хэн Чуню, Шусяна: "Когда хуэй-фэй еще не приступили к делу, естественно, подлежало изыскать способ умиротворения. Ныне, поскольку убивают чиновников, захватывают города, бунт очевиден. Разве есть резон еще высказываться в пользу умиротворения? Например, разбойничьи толпы в Далифу, посредством того, что сдавались и переходили на нашу сторону, совратили чиновников, в результате чего были убиты. Это отродье охотно замышляет мятеж. Разве можно умиротворять? В настоящее время войск недостаточно, поэтому надлежит среди людей собирать дружины, важность этого как раз очевидна. Неоднократно спускаемыми повелениями предписывалось: сперва — уничтожить, потом — умиротворить, освободить и отпустить добропорядочных мусульман. Ныне власти соответствующих провинций /шэн/, дао, фу уже хуэй-разбойниками одурачены. Если соответствующие ду и др., подвергшись подстрекательству дурных чиновников, не делают того, что-бы мятежные хуэй подверглись суровому наказанию, разве можно подчинять?

Хэн Чун и др., поскольку, разделив войска, двигаются на Дали, Кайхуа и др. места, повелеваем приказать всем начальникам, с коими следуют войска, усилив жестокости, истреблять начисто ..." Император стоял за жестокий курс в отношении мусульман. Они по-прежнему для него сборище разбойников, жертвой которых стали кайшань.

15 декабря Юньнань-Гуйчжоуский цзунду У Чжэнький по прибытии в Гуйчжоу докладывал: согласно сообщений местных чиновников Юньнани и служивых, посланных им на разведку в Юньнань, разобрано, как "в шэн Юньнань хуэй-разбойники вызвали беспорядки. В действительности сперва ханьмянь затеяли распри, потом уже хуэймянь мстила" /II, 324/.

Бывший в должности шилана Бин бу Хуан Цун, бывший юйши Цзянь дао Доу Сюй, бывший Цзоцзян чжэньцзунбин Чжоу Фаньца во исполнение высочайшего повеления занимались созданием ополчения. В провинциальном центре учреждали главное управление. Из-за неправильного подхода Хуан Цун в глазах людей стал ханьским негодяем. Создание ополчения вызвало у хуэй опасения. Местные чиновники неумолимо рассеивают страхи хуэй, а ханьминь постоянно шумят в присутствиях, заполняют учреждения, принуждают власти убивать хуэй. Поэтому в другой шан ополчение — нужное дело, а в Дянь /сокр. Юньнань. — В.К./ в конечном счете является оно великим бедствием /II, 325/.

Последнее суждение весьма примечательно. И не потому только, что оно шло вразрез с мнением государя. Но показательно в том плане, что среди представителей цинской бюрократии высокого ранга имеет место понимание того факта, что привлечение китайской толпы к подавлению мусульманских повстанцев, пусть даже и собранной в ополчение, способствует разрастанию восстания, закрепляет его в форме межобщинного конфликта и таким образом отдалляет перспективу наведения порядка. Тем более что, как докладывала 30 апреля 1858 г. наместник Юньнань-Гуйчжоу У Чжэньюй, Чжан Лянцзи, со стороны мусульман столицы Юньнани наметилось стремление к миру, проявлялись намерения дать своего рода обязательства "навечно не вызывать беспорядков" /II, 327/. Однако на это устремление не могло не повлиять негативно следующее событие. Праздные ополченцы вкупе с разбойниками устраивали погром в городе: жертвами явились чиновники и мусульмане /II, 327/. Бесчинства эти были подавлены, несколько охваченных ополченцев было казнено /II, 327/, но мусульмане все же обратились с жалобой. На что У Чжэньюй и Чжан Лянцзи отвечали таким разъяснением: "Ополченцы вызвали беспорядки и естественно надлежит их по закону наказать. Соответствующие хуэйминь, поскольку уже успокоены, являются хорошими людьми, не нужно снова медлить и выжидать, особенно вызывать беспорядки" / II, 327/.

Для У Чжэньюй и его помощников Сан Чуньжуна, Чжан Лянцзи представляется перспективным умиротворение мусульман и политическими средствами, не отказываясь и от военной силы. 26 июня 1858 г. упомянутые лица докладывали: "С того времени, как хуэй-

-фэй в Юньнани вызвали беспорядки ... мы ..., сообразуясь с обстановкой, уничтожали и успокаивали ... Вышеуказанные толпы мусульман, узнав, что есть повеление о равном обращении, стали проявлять признаки раскаяния, умоляют успокоить, все дела решить согласно распоряжений властей ... Поскольку ныне услаиваемся успокаивать, то необходимо в целом рассчитывать обстановку, дабы хань и хуэй навечно расстались с подозрениями ...

Через посланных к хань - и хуэй-шэньши чиновников, напрягая все свои умственные способности, разъясняли и наставляли, решили учредить устав. В феврале-марте текущего года подписали договор: каждый хань - и хуэй-шэньши и старшина написали имя, поставили подпись. Отнюдь не было других решений. В свою очередь получен добровольный договор, который представили хуэйжэнь, "навечно не вызывать беспорядки" /II, 328/.

В порядке умиротворения мусульман У Чжэньюй и его приближенные делают упор и на личностный фактор, в частности, на представителей мусульманского духовенства. 12 октября У Чжэньюй, Чжан Лянцзи докладывали: "Среди хуэйской толпы столичного города шэнь Юньнань после того, как утешили и отпустили, те, кто хорошие, возвращаются к мирным занятиям, те, кто упорствуют в злодействе, еще ловчат, помышляют своевольничать.

Мы изыскиваем способ направлять и неоднократно обязывали главных людей строго обуздывать.

Как известно, есть духовный владика вожак Ма Дэсинь. Сведущ в каноне, глубоко понимает великий долг, хуэйские толпы прежде верали ему. Люди, которых перед этим посылали к хуэй, чтобы они разошлись, - это все приверженцы Ма Дэсиня.

В мае-июне нынешнего года хань-фэй Ван Шэн и др., войдя в сговор с хуэйминь, атаковали провинциальную столицу. Ма Дэсинь, разведав, тут же собрал хуэйские толпы, строго наставлял и предостерегал, пресек дурные замыслы. Потом благодаря хуэйцзы-уцэюй'ю Ма Мингуну, главарь Ван Шэн и его сообщники были схвачены и казнены. Угрожающая обстановка в местности сменилась спокойствием, и настроения людей стали очень спокойными.

Как известно, хуэйские дела в Дяньшэн /провинция Юньнань.- В.К./ поскольку нельзя решить только используя военную силу, то надлежит первоочередным считать "рассеивание" /толп/. Ныне Ма

Дэсянь, обуздав хуэйские толпы, занимался с подлинным желанием. Намереваясь просить наградить его шариком 4-го разряда и чтобы сы выиграивало на дереве "Управляющий делами мечетей Юньнани". Если появится необходимость заниматься хуэйскими делами, тут же обяжем, чтобы надлежащим образом занимался, поскольку укрепляли его намерения отплатить за оказанную милость. Если допустим, что опасается силы, посредством которой обуздываем, тогда подавлять зловерных и лукавых тем более обретеи силу. Кроме того, хуэйиань Ма Миню и др. тоже ясно объяснили дело. Мы намереваемся сперва отправить со значком о переходе на нашу сторону. Если сможет в ратных делах выложить свои силы, поставить на должность циньба цзуна. Это и есть способ, используя хуэй, управлять хуэй" /II, 325/.

На этот доклад последовал высочайший указ Нэйгэ: "Юньнаньский хуэйцзы духовный владыка Ма Дэсянь, вернувшись к добросовестности, проявил старание, занимался делами с подлинным желанием. Наградить его шариком и перьями 4-го разряда, чтобы показать поощрение. Все мусульманские дела, подлежащие решению в упомянутой провинции, возложить на него ..." /II, 329/.

На этот доклад последовал высочайший указ Нэйгэ: "Юньнаньский хуэйцзы духовный владыка Ма Дэсянь, вернувшись к добросовестности, проявил старание, занимался делами с подлинным желанием. Наградить его шариком и перьями 4-го разряда, чтобы показать поощрение. Все мусульманские дела, подлежащие решению в упомянутой провинции, возложить на него ..." /II, 329/.

В очередном докладе Чжан Лянцзи положительно отзывался о деятельности Ма Дэсяня и его единомышленников, среди которых назывался помощник духовного владыки Сюй Юаньцзин /II, 332/. Это не оставило без внимания в столице. В высочайшем повелении Нэйгэ отмечалось, что Ма Дэсянь, Сюй Юаньцзи, Ма Жулун, возжелав умиротворять хуэйские толпы, подлинно глубоко осознали великий долг. Поручалось обязать их надлежащим образом вести дело /II, 341/.

Восстание в Юньнани сопровождалось чехардой в чиновной сфере: сменяя должностные лица, Пекин рассчитывал в конечном счете найти личность, способную быстро и с минимальными затратами решить проблему мусульманских повстанцев. Чиновная чехарда

имела следствием то, что каждый очередной сановник представлял свое видение причин восстания и картина складывалась перед Пекином все более полная и соответственно все более приближенная к действительности. Тем паче, что отдельные сановники имели мнение, шедшее вразрез с тем, что бытовало в Пекине.

Очень показательна позиция вр. и.о. цзунду Юньнань-Гуйчжоу Пань До: "Свара между хуэй и хань в Юньнани началась из-за борьбы за прииск, а местные чиновники повели дело нехорошо. Те, кто вызвал беду, это прежде всего чжифу Юнчанфу Ло Тяньчи, далее - цзунду Хэн Чунь, сюньфу Шусяна, бучжэши Цян Шэн. Все они ошибочно доверились сплетням и были соведены чертом. В Юнчанфу было убито 8 тысяч с лишним хуэймань, в провинциальном центре - 2-3 тысячи хуэймань. Все это - остоятельные, добропорядочные хуэй. Те же, кто ослен и дерзок, держа нож, убежали. Поэтому не осмелились спрашивать об их проступках. Именно в этом и есть вина местных чиновников" /II, 363/. В то же время автор доклада считает нужным акцентировать внимание на зловредности натуры мусульман, которая сама по себе неизменно отравляла взаимоотношения двух общин. "По натуре своей хуэй дерзка, оскорблять хань - их давняя привычка. К тому же /они/ без причины вырезали, если же имелось то, что можно было использовать в качестве предлога, то безжалостно убивали из-за мести, в 10 раз больше, нежели ханьмань". Подобного рода суждения - не исключения. Но для нас важнее подчеркнуть другое. По существу в этом докладе представлен принципиально новый подход к проблеме причин возникновения мусульманской омуты. Не неизменная натура мусульман являлась единственной и основной причиной межобщинных столкновений, вылившихся в антиправительственное выступление мусульман. Пань До был не одинок в своих суждениях относительно ответственности чиновников. В докладе от 29 дня 7-й луны вр. и.о. Юнь-Гуй дучэнь Сюй Чжамин писал: "Начало сваре хань и хуэй в Юньнани было положено тем, что чиновники, занимаясь делом, были пристрастны. И дело дошло до того, что /мятежники/ в ярости убивали чиновников и захватили город..." /II, 367/.

Видимо, не без воздействия такого рода суждений становится очевидной определенная трансформация в подходе и в высших инстанциях. 28 декабря 1861 г. государь предписал членам Цзюньцзи-

чу спустить Пань До и Суй Чжину указ. В нем, в частности, говорилось: "После того, как будут усмирены хуэйские толпы в провинции Юньнань, как оставить подозрения и сомнения и сообщать думали об отдыхе ... Пан До ... надлежит своевременно обнародовать величие и добродетель государева двора, дабы в уже умиротворенной местности навечно /жили/ взаимно мирно" /II, 37I/. Нет, очевидно, оснований усматривать в этих строках просто альтруизм. Сохранение враждебности между хань и мусульманами после замирения восстания создавало источник напряженности, чреватый новой вспышкой, губительной для внутриполитического состояния империи. Отсюда и высочайшие пожелания, чтобы хань и хуэй, отбросив сомнения и подозрения в отношении друг друга, жили мирно.

Тем временем в Пекин продолжали поступать доклады об ответственности за возникновение восстания уже чиновников высшего звена, II июня 1863 г. Фу До докладывал трону: "Начиная с 6-го года Сян Фэн хань и хуэй дерутся. Застарелые обиды крайне глубоки. /Цзун/ ду и /ду/ фу вела дело нехорошо, и дошло до того, что вызрело огромное бедствие.

Покорный слуга, будучи связанным с делами относительно наведения порядка в Дянь, /полагает, что/ тут имеются трудности числом 6.

Хань и хуэй провинции Дянь, так как соперничали из-за приска Шиян, затеяли свару, обоюдно использовали военную силу.

Прежние /цзун/ ду и /ду/ фу не прибегали к добродетели, истребляя, не внушили страх, пренебрегали истреблением, пренебрегали лаской. И дошло до того, что нет определенного решения. Дело дошло вплоть до того, что здесь успокаиваем, а там уничтожаем, здесь уничтожаем, а тут успокаиваем.

К тому же все набранные ополченцы — толпа бездельников, на которых нельзя положиться. Совершала бесчинства и убивала, в результате чего гнев все более углублялся, порядок и руководящие начала все более расшатывались. Ныне желаем усиленно упорядочить, /но/, опасаясь, что для проведения мероприятий нелегко заполучить людей. В этом одна трудность.

/Когда/ прежний цзунду Лянь Цзэский занимался хуэйскими делами, то разбойничья толпа боялась силы, а простой люд думал о добродетели. В первые годы Сян Фэн все прежние /цзун/ ду и /ду/

ду вести дела в Юньнани сегодняшнего дня, то никоим образом нельзя, придерживаясь равного отношения и держась справедливости, действовать соответственно местным условиям. В этом — вторая трудность" /II, 377/.

Первоначальные установки двора в отношении событий в Юньнани основывались на докладных местного начальства, которые изобиловали, как было показано выше, отрицательными эпитетами по адресу мусульман и изображали происходящее исключительно как несправедливые проступки хуэй. Такая заданность и предопределяла предписания Пекина в отношении мусульманской смуты. Но если с течением времени в Пекин стали поступать доклады о непосредственной причастности тогдашних местных властей к возникновению мусульманского бунта, то настал черед быть узнанными в Пекине и новым обстоятельствам, приведшим к мусульманскому выступлению.

27 сентября 1863 г. юньнаньский сюньфу Цзя Хунчжао докладывал: "Бедствие в провинция Дянь началось на серебряном прииске Шиян, относящемся к фу Чусюньфу. Случилось, что линьнаньские люди /хань. — В.К./ разодрались с хуэйскими толпами. Чиновники упомянутой местности сперва использовали хуэйское ополчение, чтобы обуздать линь /аньцев/, потом использовало линь /аньское/ ополчение, чтобы обуздать хуэй. Закончилось же тем, что хань-хань, /находившиеся/ в провинциальном центре, не различая добропорядочной ли, дурной ли, увидя хуэй, тут же убивали. Когда это стало известно хуэй в провинция, то они воспользовались этим поводом и в мае-июне 1857 г. напали на провинциальный центр и взяли его в осаду. В конечном счете это привело к тому, что за одну ночь несколько десятков тысяч домов Наньгуань'и провинциальной столицы превратились в опаленную землю"/II, 379/.

Но стихийный бунт мусульман против существующей политической системы свелся не только к разрушению. В пламени восстания родилось мусульманское государство. В стихийном протесте против власти "неверных" нашло выражение отремление мусульман иметь свое, мусульманское государство и государя-мусульманина.

Так в Западной Юньнани появилось государство Пиннаньго, Государство Мирного Юга со столицей в Дали.

Им стал султан Ду Ваньсю. Имя его уже упоминалось выше. О

создании мусульманского султаната исламская община была извещена специальной прокламацией, написанной по-арабски, в которой, в частности, говорилось: "О, последователи Магомета! Говорю вам, как обстоят у нас дела, мы воздаем благодарность всемогущему. Вам следует радоваться милости, которую Всевышний явил нам. Бог даровал нам храбрость и вселил страх в сердца идолопоклонников, поэтому мы, повелением Всевышнего, разгромили их ... Поэтому мы поставили мусульманского султана, он разумен, справедлив и великодушен.

Его имя Садик, иначе Сулейман. Он теперь установил мусульманский закон... С того времени, как мы сделали его нашим имамом, мы были волею Господа, очень победоносны ... Город язычества стал городом Ислама" /I9Ia, 95/.

Не останавливаясь на характеристике социальной природы этого государства, остановимся лишь на некоторых специфических моментах. Вышеприведенная прокламация /авторство ее неизвестно, равно и как время составления/ выдержана в духе мусульманской ортодоксии и отражает торжество по поводу победы адептов истинной веры над "идолопоклонниками", "неверными". В рассматриваемой прокламации нет прямых указаний, что султанат объявил "джихад", священную войну против "неверных", однако по содержанию так оно и есть: война идет против идолопоклонников и язычества.

В известной степени мусульмане-повстанцы в основной своей массе, очевидно, рассматривали свою борьбу под началом государства Ду Ваньсю как войну за независимость мусульманской общины и для них представители ханьского и другого этноса оставались никем иным, как "неверными", язычниками. И вот, очевидно, для пресечения проявлений религиозного фанатизма, объектом которого могли стать неисламские культовые памятники, военно-административное уложение, автором которого называют Ду Ваньсю /IIa, 2/, специально предусматривало:

"Если при прохождении через /какую-либо/ местность будет разрушен монастырь..., воинского начальника казнить"/IIa, II8/.

"Если при прохождении через /территорию/ Ваньмяо^X, Умяо^{XX}, войску не разрешено становится там на постой, то ослушавшегося наказать" /IIa, II9/.

В данном случае, понятно, не следует упускать из виду и требования момента: мусульманский султанат находился в состоянии войны и поэтому его руководство против всего того, что могло бы дополнительно осложнить отношения с немусульманским населением. Это же обстоятельство в известной степени не могло быть не принято во внимание при написании следующей статьи в цитируемом уложении: "Род /людской/ делится на 3 веры. Каждая имеет корень, каждая осуществляет свою правду. Поскольку сообща занимаемся делом, то во всем надлежит исходить из общей человечности, не дозволяется друг друга мучить" /IIa, II8/.

Определенный расчет, а именно: заполучить доверие исповедующих буддизм, стоял и за таким актом, предпринятым руководством мусульманского государства, как сбор пожертвований на восстановление старинного буддийского храма фэйлай. Однако в тексте, выбитом на стеле по этому случаю, никаких прямых указаний на сей счет нет. Просто говорится, что в течение долгих лет храм не ремонтировался и стал разрушаться. И два должностных лица, а именно дадуду Ма и хоуцаньцзюнь Ма взялись восстановить храм /IIa, II5/. Это начинание, очевидно, было в большей степени призвано показать, что новая власть, в отличие от прежней, больше печется о духовных святынях буддистов, нежели прежние правители.

Естественно, по одним официальным документам трудно воссоздать полную и исчерпывающую картину взаимоотношений победителей-мусульман и побежденных - хань. Х. Дэвис сообщает о насильственном обращении китайки в мусульманство и выдаче ее замуж за пантая /II6, 63/. Сколь широко была распространена такая практика, вопрос остается открытым. Вероятнее всего, это была частная инициатива, а не претворение в жизнь общеполитического курса, провозглашенного султаном.

В комплектовании административного аппарата он не придерживался конфессионального принципа. Многие из высоких должностей отданы китайцам и шанам /29I, 9/.

Принадлежность государства Пиннаньго мусульманскому миру султан Сулейман продемонстрировал предписаниями своим подданным использовать арабский язык и уважать мусульманские обычаи еды, в частности, запрещалось есть свинину /I83, II7/. Это в

свою очередь, вызвало усиление разладов между мусульманами /хуан/ и китайцами /хань/ /I83, I27/. Но эти разногласия, видимо, не принимали крайних форм и больших масштабов. Информатор А. Колхуна, хань, участник подавления мусульманского восстания, хорошо отзывался о мусульманских генералах, особенно о Ду Вэньсю. И в этом сильно расходился с Гарнье и де Карне, которые подробно останавливались на ужасных эксцессах его правления /I75, 244/.

Ислам, выступав как объединяющее духовное начало в борьбе с цинским режимом, властью "неверных", определил и соответствующую атрибутику султаната. Титул его правителя и новое имя наглядно свидетельствуют о приверженности мусульманской традиции, носителями которой выступали богословы или знатоки канонов. Титул "Султан Сулейман", несомненно, порожден несколькими хаджи или муллами, которые были в Дали. В подтверждении У. Гилл ссылается на факт издания циркуляра на арабском и воцарения султаната /I9Ia, 94/ /см. выше/.

На стенах дворца Ду Вэньсю были изречения из Корана /I73, 62/. Это визуально свидетельствовало о власти именно мусульманского правителя.

В "Уложениях о военных делах", составленных Ду Вэньсю, суровой ответственности подлежали начальствующие и рядовые за распятие спиртного и за азартные игры.

О приверженности самого султана к духовным ценностям ислама красноречиво говорит тот факт, что в 1862 г. Ду Вэньсю осуществил первое в Китае ксилографическое издание Корана /I0, 49/.

Трудно судить о степени влияния мусульманского духовенства на политику султана, но, очевидно, оно выступало наиболее последовательным сторонником бескомпромиссного подхода к власти "неверных". Когда передовые части карательной армии под началом Ян Юнго прибыли в Сягуань, Ду Вэньсю собрал совет в Дали как быть. Те, кто не был с ним связан родственными отношениями, высказывались за капитуляцию. Ахуны стояли за войну до победного конца /243, I65/.

Значение мусульманского восстания в Юго-Западном Китае вышло за рамки внутривнутриполитической жизни империи Цин. Мусульманский султанат для своего упрочения ищет помощи извне. Вожаки повстанцев-мусульман желали видеть у себя мусульман из Индии,

чтобы они помогли осуществить их основные желания "прикончить Китай" /это означает Юньнань/ и потом завладеть Бирмой /29I, 12I/

Ду Вэньсю форсировал внешние контакты во имя борьбы. В частности, он наладил регулярные караванные связи с Бирмой, благодаря которым получал британские пушки из Рангуна /2I6, 89/. Налаживанию торгового обмена Пиннаньго с Бирмой способствовало подписание соответствующего соглашения между руководством султаната и майором Эдвардом Слэйденом, британским резидентом в Мандалае. Британская миссия под его началом прибыла из Бирмы в Пиннаньго в 1868 г. Здесь миссию приняли с большой сердечностью /I83, II7/. Предложение Слэйдена восстановить торговлю с Бирмой было встречено с энтузиазмом /I64, IO7/.

Известно, что Ду Вэньсю ожидал еще более существенной помощи из-за рубежа и что в Индии и Лондоне британцы взвешивали преимущества стать патронами мусульманской Юньнани. Такая идея пришла на ум французам тоже: одна из первоначальных целей меконгской экспедиции заключалась в том, чтобы изучить природу султаната Ду, который преждевременно некоторые из французских миссионеров, которые были единственными европейцами в Юньнани, представили себе, может быть, будет более расположен к католицизму, чем к режиму императорского Китая /2I6, 89-90/. Но прием, оказанный в Дали, был столь угрожающим, что она была рада спастись бегством без пользы от аудиенции. После этого у них не оставалось сомнений, что их лучшая надежда лежит в поддержке китайского правительства /2I6, 9I/. Тем не менее французский предприниматель Жан Дюппи заключил контракт о цинском военачальником Ма на поставку оружия властям Юньнани. Морское министерство Франции согласилось, что военное судно окажет Дюппи моральную поддержку /I65, 283/. 16 марта 1873 г. Дюппи достиг города Юньнаньфу с грузом оружия для правительственных войск /I65, 284/. Кроме того, непосредственно на месте французские специалисты наладили выделку пушек для богдыханова войнства. Несомненно, что эти пушки, отлитые французскими мастерами в Юньнаньфу, были главной причиной того, что мусульмане сдались /I50, 5/.

Ду Вэньсю пытался заручиться военной поддержкой Англии, с этой целью в 1881 г. направил своего приемного сына Хасана

/Дю Даохун/ в Англию^х. Взамен помощи султан соглашался стать вассалом британской короны, подтверждением чего должна была служить присылка им королеве Виктории четырех кусков зеленого камня из четырех углов горы Дали /203, 264/.

На отправку посольства в Англию султана подтолкнуло прибытие к нему из Бармы вышеупомянутой английской миссии /266, 103-104/.

На пути в Англию при встречах с британскими чиновниками в заморских территориях британской короны Хасан раскрыл, что его основная цель заключается в том, чтобы "добиться" сотрудничества и поддержки британского правительства в усилиях, предпринимаемых пантайским правительством Юньнани, чтобы расширить свои завоевания в Китае..." /183, 118/. Заявляя, что различные мусульманские общины по всему Китаю выразили свое огромное желание участвовать во всеобщем восстании, чтобы посадить Сулеймана на китайский трон, он утверждал, что имело место пророчество, что с помощью англичан мусульманам предопределено править всем Китаем /183, 118/.

При непосредственном участии британских властей в Индия и при их содействии миссия в мае 1872 г. прибыла в Англию.

Непосредственно решали, как поступить с ней, руководители ведомства по делам Индии. Сэр Джон Кэй, секретарь при департаменте по политическим и тайным делам ведомства по делам Индии, считал, что просьба султана, чтобы королева "выслала армию завоевать Китай", основана на незнании британской политики и обычая и "должна быть воспринята решительно негативно или в целом проигнорирована" /183, 119/. На основании воспроизведенного Б.Эвансом пассажа не представляется возможным представить весь комплекс причин негативного отношения к ходатайству послов. Ссылки на британскую политику и обычай тем более звучат не убедительно. Вполне вероятно, на позицию официального Лондона повлияли сообщения британского посланника в Пекине Уэйда. Время от времени информируя об успехах пантаев, он предупреждал об опасности приписывать слишком много их внешней видимой силе /183, 119/. В конечном счете, указание Уэйда, что близок разгром пантаев цинскими войсками, очевидно, укрепило мнение ведомства по делам Индии дать отрицательный ответ Хасану. Официальное

письмо, врученное ему, гласило: "Наше желание - содействовать миру и доброй воле между нациями, не принимать участия в их спорах. Император Китая - друг Ее Величества Королевы и святость дружбы не может быть нарушена ..." /188, 120/.

Тем не менее герцог Аргайльский, государственный секретарь по делам Индии, согласился отправить до Калькутты Т.Т.Купера в качестве "неофициального сопровождающего" миссию. Кроме того, государственный секретарь удовлетворил пожелание принца Хасана посетить Стамбул, где он надеялся встретиться с султаном. Поддерживая намерение Хасана, Т.Т.Купер почел нужным не считаться с расходами, дабы принц не испытывал огорчения, что не смог посетить "великую Магометанскую Столицу". Джон Кэй согласился с аргументом Купера и с расчетом необходимых средств, сделанным последним /183, 121/. Сомнительно, чтобы высокопоставленный британский чиновник руководствовался здесь чувством альтруизма.

Принц Хасан посетил Стамбул. Турецкий министр иностранных дел Камель Бег заверил Купера, что Хасан и его сопровождающие будут приняты как гости турецкого правительства, что все дополнительные расходы будут оплачены /183, 122/. По словам же Купера, все счета, в том числе и за 3 больших портрета с оригинала, 5 копий и 24 кабинетных портрета, представленные принцу Хасану фотографом турецкого султана Абдуллой Фрезе, были предъявлены к оплате британской стороне /183, 123/.

По прибытии в Рангун в начале декабря 1872 г. принцу Хасану и его компаньонам стало известно, что Пантайское царство осаждено цинскими войсками. Миссия не могла вернуться в Дали.

В начале января 1873 г. султан Сулейман совершил самоубийство, когда цинские войска вошли в его столицу.

Весть об этом еще не достигла правительства Индии, как вице-король получил прямой призыв принца Хасана к британскому вмешательству, чтобы воспрепятствовать возможной резне. Вице-король телеграфировал в Лондон, предполагая посредничество Пекину от имени пантаев. Форин оффис заключил, что ничего нельзя сделать для пантаев. Любая помощь нанесла бы дополнительный ущерб англо-китайским отношениям и вовлекла бы Британию в затруднения потенциально серьезного характера в уголке мира, кото-

рый не оправдывает их /183, 124/.

Тем не менее Британия не оставила Хасана на произвол судьбы. Государственный секретарь по делам Индии лорд Солсбери разрешил Хасану поселиться в Индии /183, 125/. Правительство Индии предоставило принцу Хасану убежище и выдавало ему субсидию. Женильба Хасана стоила индийскому правительству 8000 рупий /164, 108/.

Британский политический агент в Балиу /Бирма/ помогал беженцам-пантаям. В течение ряда лет район Балиу кишел группами пантаев, которые искали у британцев помощи /183, 124/.

После разгрома мусульман-повстанцев победители дали волю своим чувствам. Как пишет А. Колкхун, в Дали его сопровождал китаец, участник штурма. По его словам, дорога, о которой шла, по лодыжку была в крови, и ни мужчины, ни женщины, ни ребенок, которые могли быть названы мусульманами, не были пощажены /175, 243/.

Не ограничившись расправами над живыми, цинские каратели глумились над памятью об усопших. Могила матери Ду Вэньсю после капитуляции города была разрушена, писал очевидец, и теперь используется как яма для сбора костей скота /173, 58/.

В то же время реставрируются культовые буддийские сооружения, разрушенные во время восстания мусульманами. Так, в частности, обстоит дело с храмом богини милосердия Гуаньинь /173, 57/.

Одним из последствий мусульманского восстания явились гонения и ограничения в отношении мусульман, предпринимаемые по инициативе местных влиятельных представителей ханьской общины. После восстания мусульман в Далифу /Шэньши/ не разрешили открывать лавки, она неоднократно изгоняла мусульман из города /173, 61/.

Мусульманское восстание в Юньнани было подавлено. Однако комплекс причин, его породивших, не сошел на нет. В частности, оставались представители обеих общин с их соответствующим психологическим настроением, а отсюда сохранялась потенция очередного взрыва. Английский путешественник писал, посетив места, охваченные некогда восстанием: "Мусульманское восстание было подавлено, но большое количество мусульман, которых можно узнать по белым тюрбанам, которые они носят, но которые не знают корана, равно

как и талмуда, еще остаются в провинции. Она не менее недовольна, чем до восстания, все элементы раздоров еще существуют, и очень небольшая искра может снова зажечь пламя, которое страшным светом затмит все ужасы гражданской войны" /I91a, 252/.

Экономические тяготы подавления восстания в Юньнани выпали на долю как мусульман, так и не мусульман. "До мусульманского восстания процветала торговля, большое количество мелких капиталистов занималось торговлей, но из-за того события и грабежа народного богатства китайскими чиновниками и войсками многие, кто был в приличных условиях, были оставлены всецело зависимыми от небольшого куска земли и двух лошадей. Когда доля генералиссимуса из одного источника и другого оценивается тем, кто может хорошо считать, была в пределах 2-3 миллионов таэлей, кроме присвоения сотнями офицеров и тысячами солдат, богатство народа упало, и оставшиеся в живых очень бедны, будь-то мусульмане или китайцы" /I73, 393/. Такая обстановка создавала благоприятную среду для сохранения и оживления межобщинной напряженности, ибо в своих бедах та и противная сторона могла винить другую, а все это не способствовало росту благожелательного отношения в широких массах населения и к цинской власти.

Подавление восстания мусульман принесло относительное внешнее затишье. "Мы получали ... свидетельства, что хуэйхуэй или магометане, далеко не сокрушены. Они лишь были ранены, их дух не так легко сломать, и, хотя быть может, они должны в настоящее время скрывать свою религию, она, несомненно, еще лелеется в тайне ... Горючего еще много, и нужна лишь искра, чтобы ввергнуть страну снова в пламя ... Психологическим резонансом подавления мусульман могло явиться укрепление у хань чувства превосходства как победителей, тем более, что на их стороне был и административный аппарат, укомплектованный из хань. Китайцы, конечно, всегда имеют мандаринов на своей стороне, и теперь, более чем когда-либо, мусульмане могут надеяться на небольшую справедливость в китайском ямыне". Восстание началось из-за того, что суд вынес решение не в интересах мусульман /I75, 245/.

Восстание 60-х гг. в Шэньси-Ганьсу и политика властей

В силу исторически сложившихся условий население в Северо-Западном Китае было неоднородным как в этническом, так и религиозном отношениях. В основном это были хань и хуэй, последние исповедовали ислам. Он для них был не только вероисповеданием, но и средством самосохранения как этнической группы. В этом отношении показательны свидетельства очевидца, некоего Чжан Чжаодуна. Говоря о местности Фэнсян, он писал: "Хань и хуэй смешанно проживали. Вера, поскольку различная, то хуэй держались на удалении от хань, обычно полагались на то, что они иной, нежели хань, народ; а хань, глядя на хуэй, тем более презирали их и смотрели на них, как на животных" /IIв, 27I/.

Обоюдная предвзятость сама по себе создавала питательную почву для активной неприязни, которая давала выход в столкновениях. И таковые провоцировали своими поступками рядовые представители обеих общин. Воспроизведем соответствующее свидетельство. "В Ганьсу, в округе Тунчжоу хуэй очень строптивы, не боятся закона. Воруют зерно у хань, грабят купцов. На северо-востоке провинции в округе Нинся народ хуэй кроток, а народ хань силен. Случалось самоуправствовал и обманывал их /хуэй/" /IIб, 107/.

Отношение к мусульманам со стороны бюрократического аппарата, где тон задавали хань, тоже было далеко не беспристрастным. Массовое сознание представителей ханьского этноса с присущей ему ксенофобией проявлялось и в поведении чиновного сословия. Чиновники, свидетельствует очевидец, покрывали хань и третировали хуэй, произвольно обращались с законом. Хуэй, убивший хань, приговаривался к смерти. Хань, убивший хуэй, должен был выплатить 24 лян серебра на похороны. Отсюда у хуэй росли настроения неповиновения /IIб, 107/.

Если характеризую состояние межобщинных отношений в Шэньси-Ганьсу, сложившееся ко второй половине XIX в., можно сказать, что они были сложными, то по существу невозможно со всей определенностью утверждать, кто именно, хань или мусульмане, сознательно больше проявляли нетерпимости и способствовали разжиганию неприязни. Вероятнее, отчуждение и неприязнь исходили от

обеих сторон. Другое дело, какова была здесь регулирующая роль государственного аппарата в целом и в особенности на местах, был ли он беспристрастным или так или иначе потворствовал одной стороне? Дать исчерпывающее заключение на основе имеющихся материалов не представляется возможным, однако есть основания полагать, что хань оказывались нередко в более выгодном положении, нежели мусульмане. Прежде всего, цинский бюрократический аппарат в центре и на местах представлял собой симбиоз маньчжурских и ханьских чиновников. Первые, восприняв в той или иной степени ханьскую культуру /с ней маньчжурские вожди соприкасались еще до того, как их сюзерен стал правителем Китая/, психологически были ближе к хань, нежели к мусульманам. Ханьский взгляд на ино-родцев как на дикарей маньчжуры восприняли уже потому, чтобы меньше было поводов причислять их самих к категории варваров.

Не санкционированная особыми указами дискриминация мусульман имела место в сфере взаимоотношений их с бюрократическим аппаратом.

Китайский автор, современник событий, делает такое примечательное суждение: "В обычае мусульман опасаться чиновное начальство, в сравнении с хань эта боязнь особенно сильна" /IIб, I68/. Естественно, в таких условиях те чувствовали себя более смело, не испытывая в той степени опасений в случае разбирательства какой-либо ссоры с мусульманами, которые питали последние.

В конце мая 1862 г. в уезде Хуачжоу в Шэньси произошел внешне заурядный случай. Некие мусульмане отправились к хань купить бамбуковые шести. Из-за несогласия относительно цены произошла ссора между хань и мусульманами. Несколько человек из них было изувечено, а некоторые погибли. Не довольствуясь этим, толпа хань двинулась на мусульманское селение и подожгла его. За этим последовало столкновение мусульманских и ханьских ополчений, ранее созданных по указанию провинциальных властей для отражения отрядов тайпинов /I72, 23, 25/.

Толчок вооруженному межобщинному столкновению дали именно хань. И хань-шэньши Мэй Цзиньтан усугубил ситуацию, организовав погромы мусульман там, где они оставались мирными /I72, 25/.

Правитель Шэньси хань Ин Ца для восстановления спокойствия отправил группу должностных и влиятельных лиц во главе с хань-

шэньши Чжан Фэйем. В эту группу входил и мусульманин-шэньши Ма Байлиан.

Комиссия Чжан Фэя встречалась с представителями хань и мусульман. Но подход самого Чжан Фэя был не свободен от предвзятости в отношении мусульман. Он не выявлял, кто среди хань проявил наибольшую активность в организации столкновений, но при встрече с мусульманами заявил, что разыскивается их единоверец "заговорщик" Жэнь Лаоу. В ответ на это мусульмане под началом Жэнь Лаоу перебили всю комиссию /за исключением Ма Байлиана/ /172, 27/. Произошло это 9 июня 1862 г. /172, 27/.

С этого времени правомерно говорить о начале собственно восстания мусульман на Северо-Западе Китая, ибо убийство членов комиссии, посланной правителем Шэньси, означало, что мусульмане о оружием в руках выступили против властей.

Ранее же имевшие место акты насилия с их стороны в отношении хань не выходили за рамки межобщинного конфликта, закоперщиками спровоцированного которого были сама же хань.

Среди мусульман укрепилось мнение, что хань не только спровоцировали мусульман взяться за оружие, но в насилии над ними им потворствовали местные власти. Более того, хань представляли дело в столице таким образом, что мусульмане подняли бунт, и так убеждали государя покарать их. Иными словами, последний с самого начала межобщинных столкновений взял сторону хань. О бытовании такого рода настроений можно судить по словам мусульманского автора И: "В двух провинциях: Шэньси и Ганьсу внезапно переписали хуэймянь. Они /хань. - В.К./ создали ополчение, призвали военных возглавить толпу. Встретив хуэймянь, расправлялись с ними. После того, как убили, сообщали чиновникам...

Большой человек Чжан был возмущен, так как много хань погибло, и поэтому он тут же направил письмо в Пекин, в котором говорилось, что хуэйхуэй взбунтовались. Государь разгневался и послал большое войско" /116, 239/.

Столкновения между мусульманами и хань носили характер межобщинного конфликта, противоборства представителей различных этнических групп. И тут на первый план выступило то, что отличало их в духовно-бытовом отношении, а именно религия, ислам. Именно последний наиболее наглядно отличал быт мусульман от

хань и давал последним наиболее убедительные основания рассматривать первых как чужаков в Поднебесной. Поддержанию таких представлений в первую очередь способствовали шэньши, представители образованной части ханьского населения, мнению которых внимали ханьские низы. "... когда мусульмане восстали, многие китайцы ненавидели не только мусульманский народ, но и его веру. Некоторые китайцы полагали, что источник всех беспорядков — религия, которая сделала мусульман столь отличными от хань" /I72, I56/. Вот характерный образчик суждений на сей счет: "Три старых воровских логова в /Тун/ ... чжоу повсеместно называются "гунбай". "Гунбай" — это мечеть. Их религиозный глава называется "муфуду" /т.е. муфтий. — В.К./. "Муфуду" — это вроде главаря разбойничьей шайки" /IIб, I07/.

Как наглядное олицетворение противной общины, как ее основополагающая опора и центр жизнедеятельности, мечети являлись объектом нападений со стороны хань. "В 6-й луне в день "цзя у" ночью люди из округа Дидачжоу, дав волю своим чувствам, подожгли городскую мечеть ..." /IIб, III/.

В свою очередь для мусульман мечеть выступала как опорный пункт сопротивления, наглядным символом цели борьбы — защиты веры и права быть мусульманином. "В пределах Тунчжоуфу имелось 13 мечетей. Во всех этих 13 /люди/ были вынуждены драться в порядке самозащиты" /IIб, 239/. Еще пример " ... мусульмане внутри городских стен с мусульманским военным чином Ма Чжуном, а также мусульманские бойцы, состоявшие в войске, рядами собрались у мечети. Всего их было 1 тысяча с лишним человек, обмотав головы белой чалмой, сражались" /IIб, II8/.

Когда ведем речь о роли мечети, то имеем в виду не только культовое учреждение как таковое, чтимое мусульманами место, центр духовного тяготения, но и ахуна, священнослужителя. О том, какова была значимость ахуна в жизни мусульман Шэньси-Ганьсу, современник-хань свидетельствует: "Наставник, который у них /мусульман. — В.К./ учит читать канон, молится о благополучии, называется "ахун". К тому же время от времени, используя странные толкования, совращают и дурачат. Обычай мусульман — верить им, вплоть до того, что один выступает зачинщиком беспорядков, а те, кто бунтует, поднимаются осиною стаей" /IIб, I68/.

Имена ахунов, непосредственно участвовавших в боевых действиях, взятых в плен, упоминаются в донесениях цинских военачальников. "Тот, что зовется Цуэр-ахун, говорилось в докладе Цзо Цзунтана, среди разбойников /т.е. повстанцев. - В.К./ считается военным вожаком" /IIб, I40/.

Принадлежность к общей вере выступает тем объединяющим началом /другое дело в какой степени/, когда мусульмане в разных частях Китая и даже принадлежащие к разным сектам борьбу с хань считают своим общим делом.

"По моему, - как докладывал Цзо Цзунтан, - мусульмане - разбойники и туфел в Ганьсу - все это дело рук мусульман из Шэньси. Мусульмане проникли в Китай уже давно, однако, что касается веры их, то полностью усвоили веру Арабского халифата, будучи в другом месте, считают себя принадлежащими к одной общности. Хотя "Лао цзяо" и "Синь цзяо" от востока далеко и от запада далеко, к тому же случалось сами убивали, питали подозрения, /но/ когда с хань возникали осложнения, засучив рукава, налетали стаей, смотрели на хань как на общего врага, известия тайно сообщали, быстро по почте передавали. В начале, когда в Шэньси вспыхнула свара, юньнаньские мусульмане /хуэйцзу/ тут же с ними замыслили бунт ... Если в провинциях случается переброска /войск/, то данной местности мусульмане заблаговременно оповестят, чтобы мусульмане Шэньси могли загодя подготовиться" /IIб, I40/.

Вернемся к тому, как развивались вышеизложенные события.

Когда Ин Ця, правитель Шэньси, узнал о столкновениях между китайцами и мусульманами, он решил послать чиновников и местных шэньси, чтобы убедить местные формирования обеих сторон разойтись. Это решение трон немедленно одобрил, рекомендовав наказать мусульман-заговорщиков и вожаков, но успокоить законопослушных мусульман. Двор никак не упомянул о наказании каких-либо китайцев /I72, 29/. Таким образом, правящая верхушка в Пекине оказывает явное предпочтение ханьцам, когда возник конфликт между ними и мусульманами. Очевидно, лояльность ханьской элиты для цинских правителей значила больше, нежели таковая мусульманских вожаков.

После похищения мусульманами Чжан Фэя, руководившего орга-

низацией местных военных формирований, наблюдается постепенное изменение политики. Произошло это в результате большого давления, оказанного китайскими шэньши на местах, которые являлись организаторами китайских местных отрядов. Они потребовали полного подавления мусульман военной силой /Г72, 29/. Ин Ця соответственно обратился к трону с просьбой прислать в Шэньси маньчжура Долуна, отличившегося в борьбе с тайпинами. Двор согласился с просьбой Ин Ця и одновременно одному из помощников Долуна Лэй Чжэнгуаню, /очевидно, хань/, было предписано отправиться немедленно, не ожидая, когда будут готовы остальные подразделения /Г72, 30/. Как видим, национальные различия не препятствуют совместным действиям военачальника-маньчжура, с одной стороны, и военачальника-хань - с другой, вкупе с местным правителем-ханьцем по подавлению выступления мусульман, угрожавшего устоям цинского режима.

Однако из-за возобновления активности тайпинов Долуну было приказано оставаться на прежнем месте.

Сознавая, что в течение долгого времени действенных военных сил не прибудет, Ин Ця запросил у двора обнародовать указ для всего населения, который бы призывал мусульман, равно как и китайцев, соблюдать закон и порядок. Показательно, что Ин Ця обратился за таким манифестом тогда, когда потерял надежду на быстрое прибытие военной помощи.

5 июля 1862 г. был спущен запрошенный Ин Ця указ. В этом указе двор прежде всего признавал, что в прошлом правительственные чиновники были несправедливы в отношении мусульман и Его Величество глубоко сожалеет об этом и полностью сочувствует мусульманам. Однако государь никогда не относился по особому к мусульманам. В глазах Его Величества они были детьми с равными возможностями в одной семье. В начале нынешнего происшествия Ин Ця, правитель, уже договорился с Чжан Фэем, из шэньши, повсюду послать чиновников, чтобы решить дело миром. Те мусульмане, которые еще не были вовлечены в насилие, поклялись не начинать беспорядков. Но, к несчастью, некоторые злые мусульмане, помогая чужой собственности, не упустили возможности шантажировать людей и даже убили многих мусульман, которые отказались производить беспорядки. "Эти злодеи не только нарушают

закон, но они явно стали большой угрозой для вас, хороших мусульман".

Сильное войско, собранное в разных местах, придет наказывать очень многочисленных заговорщиков, которые начали беспорядки, но не обидит блюдущих закон. Даже те мусульмане, которые, вопреки желанию были вовлечены, будут прощены, как только они разойдутся. С другой стороны, ни одному китайцу не будет позволено мстить. Если какой-либо китаец организует еще массовую борьбу, он будет наказан. Если кто откажется сдаться после этого объявления, он "роет себе могилу", и никакое проклятие не падет на правительство, когда он будет казнен /Г72, 31/. Одновременно Им Ца предписывалось "Необходимо уничтожить ведущих заговорщиков, но успокоить законопослушных людей. Дело не в том, китаец это или мусульманин, но в том - нарушает он или нет закон ..." /Г72, 31/.

Очевидно, этот указ не принес результатов, которых ожидало правительство. Ответом была активизация наступательных операций мусульман на Сиань и Тунчжоу. В этих условиях двор вновь делает ставку на силу в отношении мусульманских повстанцев. Новым приказом Долуну предписывалось двинуться в Шэньси и военачальнику Чэн Мину выступить на выручку Тунчжоу /указ от 11 июля 1862 г./.

Складывалась такая ситуация, что мусульмане предстают не только как сила, враждебная хань, но и самому цинскому государству. Показательно, что в борьбе с мусульманскими повстанцами цинские войска действуют рука об руку с ханьскими ополчениями /Г72, 33/.

Судя по указам от 3, 22 января 1863 г. /Г72, 33/, трон взял курс на подавление силой мятежных мусульман. Осуществление этой установки возлагалось на уполномоченного по военным делам в Шэньси маньчжура Шэн Бао /Г72, 33/. Однако по прибытии в Шэньси он доказывал трону: "... Чисто военные действия, кажется, неспособны рассеять их /повстанцев. - В.К./.

Политическое примирение до определенного предела необходимо" /Г72, 36/.

В конечном счете двор сместил Шэн Бао и его обязанности принял уже упоминавшийся Долун. В начале 1863 г., когда сильная армия прибыла в Шэньси, политику использования силы против мусульман в целом приняли все те, кто входил в правительство

/172, 39/.

По утверждению В. Бэйлса, не подкрепленного, правда, ссылками на источники, силовое решение означало физическое истребление мусульман. "Первый признак нелояльности имел место в Сиани, где большой отряд душанского гарнизона покинул город и присоединился к своим единоверцам. Это вызвало величайшую тревогу в правительственных кругах и, достигнув верхней точки из-за ужасной резни китайцев по всей провинции, привело к указу об истреблении всех мусульман /выделено нами. - В.К./ в Шэньси. Генерал маньчжур Долуна ... был послан в Шэньси претворить в жизнь указ об истреблении. Он выполнял его вожделенно, собственноручно убивая каждого мусульманина, старого и молодого, мужчину и женщину, которых он мог схватить" /152, 223/.

Проведение в жизнь установки на решение проблемы мусульманского бунта исключительно военным путем было чревато огромными потерями для правительственных войск /172, 39/. И когда мусульманские повстанцы предлагали мир, Долуна по рекомендации китайского командира Тао Маолиня и его порученца Цан Жуя, вопреки мнению местных чиновников-хань и шэньши-хань, что мусульманам нельзя доверять, обратился к трону относительно изменения политики. Нужно, писал Долуна, перейти от использования силы к разбирательству и убеждению /172, 46-47/.

Двор в принципе согласился с мнением Долуна, зарезервировав некоторые условия /172, 47/.

Примирение не состоялось из-за поведения мусульман /172, 47/.

В конечном счете Долуна "сломило спину мусульманам" в Шэньси. С этого времени /май 1864 г. - В.К./ центр проблемы мусульманского восстания переместился в Ганьсу" /172, 49/. 25 мая 1864 г. маньчжур Дусина был назначен главнокомандующим в Ганьсу, Лэй Чэнгуан - его помощником.

Здесь произошло следующее. Осенью 1872 г. сюда прибыли мусульмане из Шэньси. Их рассказы, как очевидцев, об избитии единоверцев не могли не произвести должного впечатления на местных мусульман. Среди вновь прибывших оказались и такие, что имели боевой опыт. Они примкнули к местным мусульманским вожакам, чтобы организовать людей. Некоторые китайцы были ограблены и изувечены мусульманами. Тинтунджи Чжуан Юйсун лично руководил

арестами. То обстоятельство, что должностное лицо самолично занялось преследованием мусульман по подозрению в нападениях на хань, произвело определенный психологический эффект. В поведении одного тинтунчжи мусульмане узрели намерения цинской власти вообще.

Местный мусульманский вожак Ма Чжаоюань стал распространяться устно и путем расклейки объявлений, что правительственные войска намерены уничтожить всех мусульман /Г72, 56/. Встреченные этим известием мусульмане разных мест стали собираться под начало Ма Чжаоюаня. Он потом вступил в контакт с другими мусульманскими вожаками, как-то: Ма Хуалун из Цзиньцзибао, Чжоу Фа из Тунсиньчэна, которые последовали за ним /Г72, 563/. Первым делом Ма Чжаоюань повел мусульман на штурм города Линчжоу, где находился уездный правитель. Иными словами, имело место выступление против существующей власти. С самого начала мусульманам противостоит маньчжурско-ханьская коалиция в лице знаменитых маньчжурских войск, зеленознаменных /ханьских/ отрядов и местных ополченцев. Политическая борьба принимает форму межобщинного конфликта и для мусульман — "войны с неверными".

Недостаток воинских сил в Ганьсу предопределил выбор маньчжура Энъ Лянь, тогда высшего должностного лица в этом районе, решения проблемы мусульманского выступления. Свои соображения Энъ Лянь изложил в докладе трону от 16 апреля 1863 г.

"Среди мусульман, — писал Энъ Лянь, — конечно, есть злодеи, но, несомненно, много и мирных, законопослушных людей. Если мы решим уничтожить их всех, мы заставим добропорядочных примкнуть к мятежникам и создадим себе бесконечное занятие по истреблению мусульман.

За редкими исключениями мусульмане живут в каждом городе. В войсках среди рядовых и начальствующих пропорционально мусульман даже больше, чем ханьцев. Если мы обидим их всех, ущерб невозможно будет и представить. Поэтому я приказываю моим войскам отделять законопослушных мусульман от злодеев. Я буду миловать всех, кто сдастся, и стану уничтожать только тех, что сопротивляется. Но эта политика уже осуждалась местными хань /выделено нами. — В.К./.

Чтобы усилить мою власть, прошу Ваше Величество издать

указ, провозглашающий политику, которая не допускает никакой предвзятости в отношении хань или мусульман, сводится к тому, чтобы отличать добропорядочных людей от злодеев.

Перепечатав этот указ, я расклею копии повсюду, чтобы и чиновники, и простые люди, знали, как поступать" /Г72, 57/.

Энь Линь отнюдь не был сторонником мирного решения проблемы мусульманского восстания. Но в отличие от местных ханьцев считал, что для того, чтобы решительно бороться с непокорным мусульманами, нужно достаточно военной силы /Г72, 59/.

Двор согласился с Энь Линем. 17 января 1863 г. соответствующий указ был объявлен надлежащим инстанциям. В нем, в частности, содержалось предостережение к ханьцам, чтобы не продолжали убивать мусульман /Г72, 58/.

Не чувством простого человеколюбия было продиктовано это предписание цинского двора, но тактическими соображениями. Беспорядочные действия ханьской толпы, жаждшей крови, могли лишь затруднить задачу умиротворения мусульман.

Ставка на раскол мусульман имела под собой основания. Еще до обнародования вышеупомянутого указа произошли события, подтверждающие отсутствие прочного единства среди мусульманских вожakov. Вступив в переговоры с уже упоминавшимся мусульманским вожакom Ван Дагуем, цаньцзян Вань Няньсинь убедил его, что, вопреки бытующим слухам, правительство не намерено убивать всех мусульман. Это или другие обстоятельства сыграли свою роль, но как бы там ни было, а Ван Дагуй со своими приверженцами стал сотрудничать с цинскими властями. Он убил мусульманских вожakov, которые отказались действовать с ним сообща, как-то: Ма Бю, Ма Синьчэна. Сторонники Ван Дагуя умертвили руководителя мусульман-повстанцев Тунсиньчэна и Цзиньцзибао и арестовали самого Ма Чжаоканя /Г72, 58-59/. За проявленное рвение двор наградил Ван Дагуя титулом 6-й степени /Г72, 58/.

У полевых командиров цинских войск, находившихся в различных частях Ганьсу, не было общего подхода к решению проблемы мусульманских повстанцев, в частности, и потому, что расходились во мнениях относительно причин, породивших восстание.

В 1863 г. новым главнокомандующим в области Нянся стал маньчжур Цин Юнь. Поначалу он был настроен очень скептически

в отношении политики умиротворения в районе. Как он докладывал, мусульмане в Нянся ненадежны, чиновники подавляют китайцев и поощряют мусульман /Г72, 59/. Однако после встреч с некоторыми местными мусульманами он изменил свое мнение. В октябре 1863 г., докладывая трону, сообщал, что распри в Нянся были начаты местными формированиями китайцев, мусульмане же только распространили известия, как они пострадали. Двор инструктировал Цян Юнь поддерживать сбалансированное мирное сосуществование мусульман и хань /Г72, 60/. Следуя этой линии, Цян Юнь заставил китайцев распустить свое ополчение, сдать оружие и оставить укрепленные посты. В ответ мусульмане форсировали операции: захватили китайский город Нянся, Ланьчжоу. Взятие Нянся сопровождалось резней китайцев /Г72, 60/.

Указом предписывалось направить солдат из чжилийских зеленознаменных батальонов, чтобы укрепить Нянся /Г72, 61/. 7 июня 1864 г. двор предписал Дусину /маньчжур из чисто белого знамени/, который стал командиром вместо умершего Долуна, спасти Нянся. По прибытии в Динбянь /Шэньси/ он принял командование над солдатами чжилийских зеленознаменных батальонов, находившихся под началом На Циня. Позднее к нему присоединилась другая тысяча солдат зеленознаменного батальона из Шэньси /Г72, 61/. Операции Дусина оказались успешными. 2 сентября 1864 г. Мутушаню /маньчжур из желтого с каймой знамени/ было предписано усилить Дусина в Нянся /Г72, 61/.

Тяготы кампании побудили большинство солдат и часть офицеров, включая Мутушаня, предпочесть мирные переговоры с мусульманами. Этому противился Дусина /Г72, 63/.

Между ним и Мутушанем вспыхнули разногласия, и в связи с соглашением об уходе мусульман из китайского города Нянся /январь 1866 г./. Дусина, недовольный скоростью, с которой мусульмане покидали город и количеством сдаваемого оружия и лошадей, послал своих солдат в город изгнать оставшихся в Нянся мусульман, казнив заложников. Против действий Дусина выступил Мутушань, приказав подчиненным ему солдатам защищать мусульман. После отзыва Дусина Мутушаню было предписано завершить миссию в Нянся. Мутушань повсеместно проводил политику мирного урегулирования проблемы. Он даже выступил защитником одного из во-

жаков повстанцев Ма Хуалуна перед троном: "Ма Хуалун - самый честный и наиболее пользующийся доверием мусульман в Ганьсу. Если его послать в различные места убеждать мусульман ... мусульмане всюду сдадутся без боя" /Г72, 64/. Установку Мутушаня двор немедленно, 5 мая 1866 г., одобрил /Г72, 64/.

Политики умиротворения мусульман придерживался по прибытии в Ганьсу в конце февраля 1863 г. и вновь назначенный наместник Шэньси-Ганьсу маньчжур Си Линь. Поступать так его заставили обстоятельства: у него попросту не было достаточных воинских сил и в действительности он не помышлял о заключении мира с мусульманами /Г72, 65/.

Ван Дагуй, мусульманин, был послан правительством убедить повстанцев Гуяня сдаться. Но уговоры не подействовали, сам Ван Дагуй был убит. Теперь цинский двор демонстрировал свое глубокое недоверие в отношении мусульман. Даже после того, как Ван Дагуй, сдавшийся властям мусульманин, боролся и погиб за правительство, в секретной инструкции двора от 31 мая 1863 г. говорилось: "Ван Дагуй действительно был убит? Мусульмане очень лживы по натуре..." /Г72, 66/.

К июню 1864 г. мусульман-повстанцев разгромили правительственные войска и части под командованием Дэй Чжэньгуаня и Тао Маолиня начали наступление в Ганьсу /Г72, 67/. Один из приверженцев Ван Дагуя, убитого мусульманами-повстанцами, Чжан Баолун занял со своими людьми Гуянь и сдал его правительству. И.о. генерал-губернатора Энъ Линь, сообщая двору об инициативе Чжан Баолуна, указал, что принял предложение последнего по необходимости, а не потому, что доверяет мусульманам. Это мнение нашло полную поддержку двора: "Мусульмане, - гласил указ от 1 августа 1864 г., - коварны, лживы и ненадежны..." /Г72, 68/.

В 1864 г. трон назначил наместником Шэньси-Ганьсу, хань Ян Юбяня, сподвижника Цзэн Гофаня /Г72, 76/. Прибыл в Ланьчжоу 8 августа 1865 г. Не сумев добиться перелома в развитии событий, Ян Юбянь подал в отставку /Г72, 80/. 25 сентября 1866 г. двор принял ее. В тот же самый день Цзо Цзунтан вместо Ян Юбяня был назначен на пост цзунду Шэньси-Ганьсу /Г72, 87/.

1 апреля 1867 г. двор приказал Мутушаню принять печать цзунду Шэнь-Гань у Ян Юбяня и исполнять обязанности наместни-

ка до прибытия Цзо Цзунтана /172, 97/.

Политика компромисса в отношении мусульманских повстанцев, которой он придерживался во время своего пребывания в Нинся, принесла определенные успехи. Под контроль правительства вновь перешла Нинся, известный предводитель мусульман Ма Хуалун не предпринимал враждебных действий. За эти достижения двор особо отметил Мутушаня. Это, видимо, поощрило его в проведении политики компромисса. Летом 1866 г. /22 июня 1866 г./ он перед тем, как сменить Ян Юбяня, обратился к трону с предложением о возможности использовать Ма Хуалуну как посредника в деле примирения с мусульманами в различных районах.

Мутушань разошелся с правителем Шэньси Лю Жунем в вопросе о том, как поступать с мусульманами-шэньсийцами в Ганьсу. Если Лю Жун настаивал на военном решении вопроса, то Мутушань считал целесообразным дать возможность этим мусульманам вернуться обратно в Шэньси. Вопреки решительным возражениям шэньсийских хань Мутушань просил двор организовать возвращение мусульман в Шэньси /11 июля 1867 г./.

Непосредственно по прибытии в Шэньси в 1867 г. Цзо Цзунтан издал уведомления. В них обещал мусульманам следующее:

1/ Те, кто отказался присоединиться к восстанию, будут удостоены официального упоминания.

2/ Те, кто долгое время были гражданскими руководителями, но были вынуждены присоединиться к мятежникам из-за своей религии, ... будут помилованы, если сдадутся. Если они арестуют каких-либо известных предводителей мятежников, на будут соответственно награждены.

3/ Те, кто были законопослушными лицами, которые никогда не имели каких-либо неприятностей с китайцами, будут помилованы, если они убедят определенных китайцев гарантировать их поведение, или если они арестуют тех или иных мятежников, или помогут правительству в сражениях.

4/ Те, кто будут проводниками войска в поиске вожаков мятежников, будут помилованы и награждены. Те, кто сдастся с лошадьми и оружием, будут помилованы.

Вышеупомянутым мусульманам будут даны удостоверения, чтобы после того, как они сдались, опознавать их как подчиняющихся

закону лиц. Никаким китайцам не должно дурно обращаться с ними. Если какой-либо китаец осмелится убить или покалечить их, он будет наказан как убийца, согласно закона.

Мусульмане могут возбуждать дело против таких лиц перед чиновниками, но не позволено возобновлять сражаться /172, 121/.

"На деле условия примирения, выдвинутые Цзо Цзунтаном, были очень строги. Это была определенно не программа умиротворения, но, напротив, программа требования сдаться" /172, 127/. Наглядной иллюстрацией бескомпромиссного курса Цзо Цзунтана может служить следующий пример. Группа мусульман во главе с Юй Дэняем, потерпев несколько поражений, пришла к властям, чтобы договориться о примирении. "Мы хотим помириться, — заявили эти мусульмане, — так как мы испытываем нехватку пищи". Обычно после того, как мусульмане-повстанцы были разгромлены, их просьба пойти на мировую удовлетворялась. И поэтому помощник командующего Лю Дянь был готов принять людей Юй Дэняя. Однако Цзо Цзунтан воспротивился и настоял на сражении, говоря, "когда мятежники добиваются примирения просто из-за того, что у них нечего есть, они не вполне хотят этого". /172, 128/.

Цзо Цзунтан демонстрировал, что далек от образа мыслей, который требовал убивать всех мусульман. Он неоднократно критиковал непримиримое отношение к мусульманам китайских шаньши Шанься.

Установка Цзо Цзунтана ставила своей целью перспективу раз и навсегда выбить из сознания мусульман всякие мысли о возможности успешного выступления в будущем. "Если мусульмане думали, что они смогли бы выиграть войну, если б они не испытывали нехватки продовольствия, то Цзо скорее вызывал их на другое сражение, до тех пор, пока бы они не были окончательно разгромлены и больше не обманывали себя идеей, что они смогли бы победить, если бы попытались в другой раз" /172, 128/. Руководствуясь этим стандартом, он не мог быть удовлетворен теми капитуляциями, которых добился Мутушань в Ганьсу /172, 128/.

В то же время Цзо Цзунтан не хотел, очевидно, выглядеть в глазах двора приверженцем экстремистски настроенных представителей местной ханьской верхушки, которые считали необходимым истребление всех мусульман поголовно. Тут дело, конечно, за-

ключалось в том, что решение проблемы мусульманского восстания посредством геноцида мусульман могло затянуться и сопровождалось бы непредсказуемыми последствиями для самого цинского режима. "Шэньши в Шэньси, — докладывал Цзо Цзунтан, — глубоко ненавидят мусульман. — Когда бы у них не справлялись о мусульманской проблеме, они всегда настаивают на истребление всех мусульман. Они связывают два момента, мусульман и всеобщее уничтожение, как если бы это были две стороны одного и того же вопроса. Я просто не могу понять их логику! Недавно, в западном предместьи Сиани, китайцы из местного ополчения созвали людей и убили мусульманскую семью из восьми человек, даже ни сказав ни слова местным властям. Дуфу /Лю Дянь/ арестовал 5 зачинщиков и казнил их согласно закону, а общественное мнение осудило его как промусульманина. Не странно ли это? ... Шэньши Шэньси постоянно подозревают, что мои войска боятся мусульман и что мы предпочитаем ублажать мусульман..." /Г72, 128/.

Трудно сказать, чего больше в этих рассуждениях Цзо Цзунтана, лицемерия или кокетства. Обратимся к другому информатору, которого отнюдь нельзя заподозрить в симпатиях к мусульманским повстанцам.

Изложенное им относится к июню-июлю 1869 г.

Ранее в одном докладе трону говорилось: "Войско /Лю/ Суншаня в Линчжоу без меры убивает, не различая хороших и дурных ..." Указом предписывалось произвести расследование. Цзо Цзунтан, докладывая о предпринятом, писал: "/Лю/ Суншань является человеком верным и мужественным, сведущ в стратегии..."

/Когда/ занимаешься разбойниками из других мест, необходимо всего вырезать их, а потом уже успокаивать. Когда же дело имеем с мусульманами-разбойниками, то необходимо сперва успокаивать. У хань и мусульман разные мнения на счет того, что причисленные к мусульманам, являются не причиной беспорядков. Не обнаружив добродетельных намерений двора различать добрых и злых, не отделить хань от дурных /мусульман/. Тогда у разбойников появятся слова, чтобы устрашить своих сторонников. Возьмемся истреблять и не справимся с уничтожением. Однако /если/ всецело сосредоточиться на успокоении, разбойники просьбами о нем одурчат нас, скртно соберут своих сообщников, постепенно

съедают ханья, взявшись успокаивать, не сможем успокоить. Покорный слуга ранее излагал сказанное: победить врага хитростью является высшим, думая об общей обстановке, хотя в конечном счете вернемся к успокоению, однако если не дожидаться того, что они будут в крайней степени бояться истребления, то невозможно совершенно верить им". Эту установку твердо проводил в жизнь Лю Суншань /IIб, I48-I49/. Одним словом, Цзо Цзунтан стоял на своем: истребление мусульман лучшее средство умиротворить их.

Современник событий отмечал в своих записях следующее. "Лю Суншань так как по натуре мусульмане злы и коварны, опять распорядился, что следует жестоко вырезать их, чтобы запутать" /IIб, I49/.

Метод умиротворения, насаждаемый Цзо Цзунтаном, вызывает неодобрение со стороны местных военных и гражданских властей на том основании, что затрудняются наведение спокойствия. 10 октября 1869 г. двор получал доклад от цзянцзюня города Суйюань Дян Аня о том, что 7 сентября по прибытии в район севернее Линьчжоу войска Лю Суншаня начали убивать всех без разбора, даже не отличая законопослушных от прочих..." Теперь они /войска Лю Суншаня. - В.К./ ... вызывают ... восстание мусульман..." /I72, I37/.

Следом Мутушань докладывал трону /5 ноября 1869 г./: "Из-за своих личных потерь все ханьское население в Ганьсу настаивает на истреблении всех мусульман. Конечно, даже я сам мог желать, чтобы все мусульмане были уничтожены, так чтобы никогда не было возможных бедствий в будущем. Но с древних времен было всегда так, что воевали для того, чтобы достичь мира, а не уничтожать целую расу.

... На протяжении поколений мы были маньчжурскими слугами Вашего величества. Почему я должен благоволить мусульманам или ненавидеть китайцев? ... Когда есть мусульмане, которые искренне сдаются, я испрашиваю милосердия Вашего Величества для них. Даже когда я знаю, что они не искренни, я принимаю их, так как хочу спасти китайцев от глубокого горя войны. Так как войска не могут, возможно, пойти всюду, мы должны помиловать мятежников, чтобы спасти больше жизней" /I72, I38/.

Цзо Цзунтан, очевидно, нашел убедительные аргументы в за-

штату своего курса. Высочайшим рескриптом снимались подозрения с Лю Суншаня и объявлялись вне закона Ма Хуалун и все его последователи /152, 243/.

Цзо Цзунтан с самого начала рассматривал Ма Хуалуну как врага № 1. С его ликвидацией Цзо Цзунтан связывал подавление восстания мусульман как такового. "Сильная активность шэньсийских мусульман, — отмечал Цзо Цзунтан, — зависит от руководства Ма Хуалуну. Ма — вождь "Новой секты", которая распространялась от Урумчи на западе до Куачэнцзы в Хэйлунцзяне на востоке. Все мусульмане, следующие заветам "Новой секты", подчиняются его указаниям. Факт остается фактом, что останется огромная опасность, если его не уничтожить. Он будет не только причиной бед для северо-запада, но в один прекрасный день из за него произойдут беспорядки на территории от Монголии до Пекина" /172, 130/.

В соответствии с этим суждением составил план военных действий в Ганьсу. Одной из трех колонн командовал маньчжур Цзинь Шунь /172, 131/. Во имя упрочения устоев династии ханьские и маньчжурские военачальники действовали рука об руку. В секретном письме Лю Суншаню Цзо Цзунтан давал ему следующие инструкции: "Есть три группы мусульман в Ганьсу, которые должны быть подавлены военной силой, а именно... Синин, Хэчжоу и Дялао и Цзиньцзибао. Из этих трех, Ма Хуалун из Цзиньцзибао самый коварный ...

Говоря вообще, чтобы подавить мусульманских мятежников в Шэньси и Ганьсу, мы должны сперва атаковать Цзиньцзибао" /172, 135/.

Она очень много значила для мусульман Китая, это была их Медина, колыбель "Силы цзяо" и цитадель Ма Хуалуну /292, 112/.

Из секретных приказов Цзо Цзунтана явствует, что он рассматривал Ма Хуалуну наиболее важным организатором восстания, которого надлежало уничтожить /172, 137/. Это обстоятельство обусловило и в известной степени избирательный подход к адептам "Старой секты", нежели "Новой". "Цзо также склонялся к более благожелательному отношению к "Старой секте" мусульман, нежели к "Новой секте". Он некогда не вел переговоров ни с одним вождём "Новой секты", но предавал казни любого, который попадал к нему в руки" /152, 280/.

6 января 1871 г. Ма Хуалун сдался /I72, I44/. 20 с лишним тысяч человек из Цзиньцзибао — старые, немочные, женщины и девочки, под конвоем были отправлены в Гуаньчжоу "и пристроены на пустошах" /IIв, I67/. Поскольку ничего не говорится о снабжении их продовольствием, то можно предположить, что все они были обречены на голодную смерть. Впредь в Цзиньцзибао было запрещено жить мусульманам /292, II2/.

Цзо Цзунтан обвинял Ма Хуалуну в укрывательстве оружия /I72, I43/ и использовал это как повод для расправы над ним. 2 марта 1871 г. /I72, I43/ Ма Хуалун, его родные и близкие /в общей сложности 12 человек/ были расчленены на куски, более 80 мусульманских вожаков — обезглавлены /IIв, I67, I52, 264/.

Дальние родственники Ма Хуалуну были отправлены в Хэйлунцзян на верную смерть /292, II2/.

Казнь Ма Хуалуну сильно деморализовала мусульман. "... поскольку Ма Хуалун был казнен, обстановка на Северной дороге упорядочилась", — так характеризовал ситуацию современник, участник событий /IIв, 37/.

Физическое уничтожение влиятельных среди мусульман лиц было одним из методов усмирения восставших, широко практиковавшееся Цзо Цзунтаном. Когда глава сучжоуских повстанцев-мусульман Ма Вэньлу явился с повинной, Цзо Цзунтан прямо заявил ему, что он мог сдаться, но не будет прощен. Цзо Цзунтан отобрал из находившихся в Сучжоу 1573 человека, представлявших ту или иную значимость, и приказал их казнить /I52, 292/. "Когда мусульмане искренне сдавались, Цзо обращался с ними справедливо ... Словом, он искренне давал им шанс начать все снова" /I72, I28/. Эти слова звучат издевкой.

"Свою политику уничтожения самых упорных руководителей среди мусульман Цзо Цзунтан до конца проводил при поддержке двора" /I72, I42/. Как видим, когда речь шла о сохранении режима целостности империи, национальные различия между царствующей фамилией и ее сановными слугами отступали на задний план.

Воспитанный в духе традиционных ханьских культурных ценностей, высокообразованный представитель ханьского этноса, подпавшего под власть завоевателей-маньчжуров, "дикарей" с точки зрения общественного сознания хань, Цзо Цзунтан выступает на-

более рьяным и бескомпромиссным защитником цинского режима, власти инациональных маньчжур, угрозу которой представляло выступление мусульман.

В 1868 г., когда Цзо Цаунтану была дарована аудиенция у государя и вдовствующей государыни, его спросили, сколько ему потребуется времени, чтобы подавить мусульман в Шэньси и Ганьсу. "Это займет пять лет", - ответил он. Это утверждение было осуществлено в 1873 г., когда правительственные войска заняли Сучжоу /172, 149/.

Восстание мусульман в Шэньси-Ганьсу было сложным, неоднозначным феноменом. Не вдаваясь в рассмотрение всех его аспектов, отметим лишь некоторые моменты, которые не могли не оставить без внимания цинские власти. Прежде всего, будучи внешне локальным, ибо территориально восстание проходило на территории провинций Шэньси и Ганьсу, оно в известной степени было выступлением мусульманской общины Китая вообще. Ибо единоверцы из других провинций не остались в стороне от борьбы мусульман Шэньси и Ганьсу. В частности, в Шэньси были и мусульмане из Юньнани /172, 129/. Это обстоятельство давало властям наглядное подтверждение об известной общности интересов мусульман в Китае, независимо от местожительства.

Цинские власти заполучили наглядные свидетельства того, что выступления магометан были не просто самопроизвольным проявлением недовольства мусульман существующими порядками, но и их устремлений к установлению своих порядков, не санкционированных волей правителя Китайского государства.

Речь шла не только о пренебрежении его авторитетом, а о самовольных устремлениях руководства повстанцев, об его намерении создать собственную государственность на землях компактного проживания мусульман.

Ма Хуалун как руководитель повстанцев практиковал присвоение повстанческим вожакам военных званий, одинаковых с теми же, что существовали в цинских войсках: "тувлин", "цаньлин", "цзолин", "сяньсин". Свои пожалования Ма Хуалун скреплял печатью. Так, Ма Хуалун возвел в княжеское достоинство Ма Чжунхая, пожаловал ему титул "Чэнчжэн вана", должность "юаньшуай"я получил приверженец Ма Хуалуну Су Чжаомиш /11в, 162/. Ма Хуалун даровал

"лже-цаньлину Ма Саньчжуну грамоту о возведении его в должность "Главного начальствующего войском, ведающего военными делами Нин-цзюнь Дяньхэ и других мест". Грамота была скреплена печатью /IIв, 148/.

Среди повстанческих руководителей было несколько таких, которые носили высокое воинское звание "дажанышуай", "жанышуай". Упомянув о них, цинские чиновники неизменно прилагают к ним эпитет "лже". Одним из них являлся "лже-жанышуай" Ма Дэхай. /IIв, 152/. Ма Бэньюань самолично провозгласил себя дажанышуай^{ем}, начальствующим над конницей Хэхуаншэнь /IIв, 185/.

Если оставить в стороне тональность и эпитеты цинских источников, то налицо определенная субординация среди военных руководителей повстанцев-мусульман. Это в свою очередь свидетельствует об известных устремлениях не только к элементарной организованности в повстанческих силах, но и появления начальных ростков государственности. О наличии таких устремлений среди повстанцев определено свидетельствует и такой факт. Крепостца Баошэнбао именовалась у повстанцев "Ван чэн", "Царьград", "Княжеский город" /IIа, 167/. Больше того, идея о предстоящем появлении мусульманского царя муссируется далеко за пределами северо-западных провинций в Центральном и Южном Китае. В Ханчжоу в больших количествах также распространялись фотографии будущего мусульманского императора /227, 318/.

Но если вопрос о мятежных "самозванцах", бросивших вызов главе цинской администрации, решался сравнительно легко - физическим уничтожением таковых, то гораздо сложнее обстояло с религией, явлением психологическим, которая играла существенную роль в выступлении мусульман. Особенно показательна в этом мечеть. Она являлась организационной ячейкой мусульманских повстанцев, что было обусловлено внутренним порядком бытовой и духовной жизни мусульман. "Первоначально мусульмане провинциального города делились на 10 фанов /приходов/, при каждом из них имелась мечеть. При каждой мечети состояло 2-3 тысячи человек. То, что вступили в войско, составляли большую часть" /IIв, 126/.

Приходская система таким образом вносила организующее начало в действия мусульман, каждый из них знал, куда ему являться в случае необходимости. Здесь в мечети находилось и руковод-

ство в лице ахуна, владенного умами прихожан.

Проблема веры заняла важное место в проведении комплекса мероприятий, традиционно именуемых "по ликвидации последствий" /в нашем случае/ мусульманских восстаний.

"Вполне естественно, что, когда восстали мусульмане, многие китайцы ненавидели не только их, но также их религию. Некоторые китайцы полагали, что источник всех бед - религия, которая делает мусульман столь отличными от китайцев. Чтобы излечить болезнь, доказывали они, необходимо устранить причину. Одним из типичных представителей такого образа мышления был Кань Баохэн, интендант армии Цзо Цзунтана. В докладе последнему Кань Баохэн, в частности, писал: "Теперь средство управлять ими /мусульманами/, помимо принуждения их заниматься земледелием, заключается в том, чтобы поощрять просвещение. Это включает в себя программу, запрещающую им когда-либо строить мечети или изучать коран или назначать священников или носить остроконечные шапки" /Г72, 156/.

Кань был не одинок. Некий Чжао Луйсян, чиновник из Шэньси, в 1873 г. просил Цзо Цзунтана заставить мусульман есть свинину и вступать в браки с китайцами /Г72, 156/.

Что конкретно предпринял Цзо Цзунтан? - На первых порах он сделал упор на просвещение. С момента принятия полномочий по подавлению восстания мусульман, Цзо Цзунтан создал типографию в Хубэе. Там он приказал издавать Четверокнижие, Пятикнижие и другие учебники для начинающих. Потом он выдал эти книги местным властям в Шэньси и Ганьсу. Повсюду, куда приходила его армия, он приказывал местным чиновникам учредить бесплатные общественные школы как для китайцев, так и для мусульман. К 1873 г. многочисленные китайцы и мусульмане обучались в этих школах.

После восстановления цинской власти в Ганьсу Цзо Цзунтан убедил правительство возобновить практику сдачи экзаменов для занятия чиновных должностей. К 1873 г. среди тех, кто получал звание "сючай", пройдя экзамены, были мусульмане.

Для того, чтобы поощрить большее количество людей пойти в школу и изучить заповеди конфуцианской морали, Цзо Цзунтан предложил ввести отдельные экзамены на провинциальном уровне в Ганьсу, так чтобы люди как в Шэньси, так и в Ганьсу могли

иметь больше возможностей пройти экзамены и поступить на гражданскую службу. До этого провинциальные экзамены для обоих провинций проводились сообща в Сиани /Шеньси/. Предложение Цзо Цзунтана было принято, и в 1873 г. в Ганьсу состоялись первые в истории провинциальные экзамены /Г2, 160/. Когда больше мусульман получат китайское образование, писал Цзо Цзунтан, насилие с их стороны, как ожидается, уменьшится. Когда молодые мусульмане будут все больше и больше заинтересованы в изучении конфуцианского учения и сдаче гражданских экзаменов, будет создана новая основа, чтобы заставить мусульман принять наши условия /Г2, 161/.

Очевидно, сознавая, что искоренить как таковой ислам в Китае невозможно, Цзо Цзунтан допускал существование такого его течения, которое потенциально представлялось менее опасным для политической стабильности государства, но одновременно выступал за запрет секты, которая вызывала опасения. В докладе трону, рекомендуя запретить "Новую секту", Цзо Цзунтан мотивировал такую необходимость следующим: "... причина, почему "Новая секта" должна быть запрещена, заключается в том, что она утверждает, что она от Бога, и делает нелепые предсказания. Поведение этой группы странно и часто привлекает глупых мусульман в добровольное рабство. Жертвы зачастую вовлекают в заговор, не зная как, и они даже желают принять наказание без малейшего сожаления... Это делает "Новую секту" потенциально опасной для империи" /Г2, 157/.

В объяснении причин нетерпимости Цзо Цзунтана к "Новой секте" Чжу Вэньчан на первое место априорно выставляет угрозу традиционной китайской культуре со стороны этой секты. "Так как эта группа, "Новая секта", была более неистова и крайня в своей вере, она заняла твердую религиозную позицию против китайской культуры и китайских властей. Ее члены искренне верили, что их религиозный вождь - пророк, и выражали свою верность ему с фанатичным религиозным рвением. Они составили мощную религиозную силу, чьи интересы пришли в конфликт с интересами центрального правительства, равно как и Цзо Цзунтана. Отсюда вполне понятно, почему терпимость Цзо Цзунтана в отношении религии мусульман была ограничена более компромиссной старой.

сектой" /Г72, I59/. Цзо Цзунтан издал приказ о строгом запрете "Новой секты" в Шэньси и Ганьсу, где он имел непосредственный контроль. Он добивался, чтобы двор распространял этот запрет "Новой секты" по всей стране.

В этом пункте, однако, двор не поддерживал Цзо Цзунтана. Как показали розыски в архивах, подобные предложения были представлены государю годов правления Цянъ Лун, который отверг их на том основании, что запрет вызовет ненужные волнения. 23 июня 1871 г. двор издал инструкцию Цзо Цзунтану, отвергавшую его домогательство /Г72, I59/. Таким образом, старая политика общей терпимости к мусульманской религии взяла верх над предложением Цзо Цзунтана. Однако на территории, находящейся под юрисдикцией Цзо Цзунтана, терпимость была ограничена "Ста-ой сектой" /Г72, I59/. Видимо, окоротить его двор не решался, учитывая настроения ханьской элиты. Ведь как-никак, а получалось, что именно ее представитель, а не маньчжур, явился избавителем империи от бедствий мусульманского мятежа.

Подавлением восстания мусульман в Шэньси-Ганьсу дело внутривластной стабилизации империи далеко не ограничилось. Выступления в Северо-Западном Китае нашли отклики в Синьцзяне.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 70 - Сер (сяр) - мера веса.

К стр. 74 - Служителям мазара Еллик-Бузурга, сообщает
В.И.Роборовский, принадлежат пашни. См.: 109, 124.

К стр. 75 - Знамя, или военная колония из жи-
телей Восточного Туркестана, приведенных в Пекин в ХУШ в.

К стр. 91 - Дед его - балахшанский мусульманин Мицитэ
(Мелжид?), жил в селеньи Ташмалык, где был ахуном. Со старшим
сыном пострадал от Ходжи-Джихана. Второй сын Мицитэ Асамилины
после завоевания Восточного Туркестана цинскими войсками вер-
нулся туда. Хаким-бек Гадаймот (Гадаймат?) вернул Асамилину
имевшееся прежде у его семьи в Ташмалыке имущество.

К стр. 94 - Ин - воинское соединение, соответствовало
батальону.

К стр. 97 - По утверждению Хун Дичэня, за это цинский двор
определил кокандскому правителю ежегодную субсидию в размере
10 тыс. лян серебра. См.: 123, 147.

К стр. 105 - Дучаявань - Контрольная палата.

К стр. 111 - Нэйгэ - государева канцелярия.

К стр. 120 - Цзюньцзачу - Военный совет.

К стр. 164 - Вэньмяо - храм Конфуция, Умяо - храм бога войны.

К стр. 168 - В состав миссии входили принц Юсуф, племянник
султана Ибрагим Хан, переводчик, который не говорил по-английски.
См.: 183, 118.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИМПЕРАТОРСКИЙ КИТАЙ И ИСЛАМСКИЙ МИР	47
Ислам в Китае при предшественниках дома Цин.....	47
Цинский режим и ислам	63
ГЛАВА 2. МУСУЛЬМАНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В КОНЦЕ ХVII—ХVIII вв.	81
Мусульмане Северо-Запада против Цинов.....	81
Гонения на "Синь цзяо"	82
Завоевание мусульманского Восточного Туркестана и статус новообретенных подданных	86
ГЛАВА 3. ВЫСТУПЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН В XIX в.	90
Гонения на "Синь цзяо" продолжаются.....	90
Эпопея выступлений ходжей, последствия их в Каш- гарии	91
Межобщинные отношения в Юго-Западном Китае.	
Позиция властей. Реакция мусульман.....	98
Восстание мусульман 60-х гг. в Шэньси-Ганьсу и политика властей	172
ПРИМЕЧАНИЯ	195

0702683 - |

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В.С. Кузнецов

**ИСЛАМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
КИТАЯ**

Часть 2

(60-е годы XIX в. — 30-е годы XX в.)

Информационный бюллетень N 8

Москва 1996

0702683 - |

ПРОВЕРЕНО
2008 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Уч. N 261
от 13.04.96 г.

В.С. Кузнецов

ИСЛАМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

Часть 2

(60-е годы XIX в. — 30-е годы XX в.)

Информационный бюллетень N 8

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000407587

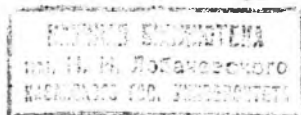
Москва 1996

Во второй части монографии рассматривается роль исламского фактора в политической истории Китая за период с 60-х гг. XIX в. по 30-е гг. нынешнего столетия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор философских наук М.Л.Титаренко

Рекомендовано к публикации Ученым Советом ИДВ РАН по заключению комиссии в составе: д.и.н. Л.В.Переломов, д.и.и. В.В.Малявин, д.и.н.Москалев.

©

Институт Дальнего Востока РАН, 1996

МУСУЛЬМАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1864-1877 гг.
В СИНЬЦЗЯНЕ, ГОСУДАРСТВО ИТТИНАР**

Непреодолимое недовольство мусульманского населения Синьцзяна гнетом цинского военно-бюрократического аппарата, представители которого были чуждыми для аборигенов и по этнической, и по религиозной принадлежности, неизменно создавало благоприятную почву для призывов к войне с "неверными". Вот почему выступление против китайского господства в Синьцзяне неизменно принимало форму "газавата", священной войны против "неверных". Так обстояло дело и с самым крупным национальным движением коренного мусульманского населения Синьцзяна - восстанием 1864-1877 гг.

Одним из очагов его в Восточном Туркестане явился г.Кучар /Куча/. Есть свидетельство, что толчком к нему послужило событие бытового порядка. По словам о.Покровского^х, китайский чиновник увлекся одной дунганкой. За что ее зарезал отец. В ответ чиновник распорядился убить отца и его родственников. Тогда кучарские дунганы восстали поголовно и уничтожили всех китайских оруженосцев в городе /94, 16/. Организационным центром этого выступления явилась мечеть. Как показал Мехсит/Моджон-ахун/, в пятнадцатую ночь третьего /китайского/ месяца... в Кучаре дунганы, собравшись в своей дунганской мечети в пятницу вечером, клялись перед кораном друг другу выступить против китайцев /56, 299об/. С самого начала восстание в Кучаре носило характер священной войны против "неверных" и ставило своей целью установление своей государственности /117, 157/. Эти две установки немедленно проявились в ходе выступления. Во время нападения на ямь кучарского правителя повстанцы перебили там, помимо солдат, и значительную часть китайцев, попытавшихся укрыться /117, 157/. Наряду с физическим уничтожением "неверных" практиковалось и обращение их в ислам /117, 166/.

По взятии города делегация из знатных людей отправилась к мазару Аршадина и предложила одному из потомков черногорских ходжей, находившемуся там в течение нескольких лет, Рашид ад-Дину-ходже стать ханом. Тот согласился, и толпа подняла его на

**Продолжение Главы 3. (Начало см. в предыдущем номере бюллетеня.)

белой кошме, признав ханом /II7, 158/. Он принял титул Хан-ходжа и объявил манифест. В нем утверждал, что признан волею божьей взять на себя управление страной и возглавить борьбу против "неверных" /II7, 158/.

Антицзинские выступления происходят в юго-западных районах Восточного Туркестана. О той атмосфере, в которой они вспыхивают и о настроениях местных мусульман, красноречиво свидетельствует современник событий кашгарец Ислам-ходжа. Поводом к восстанию послужило то: амбань г.Кашгара взял в наложницы девушку лет 15 из одного туземного семейства /45, 153-154/. Родители жаловались местным правителям, но безуспешно. Тогда последние обратились к Омар-хану и Катта-тире и "составили сообща план свержения китайского владычества; они условились вырезать китайцев, где только будет возможно, а оставшихся в живых изгнать из своей земли" /45, 154/. План претворялся в жизнь. Мусульмане Яркенда в августе 1863 г. вырезали всех буддистов-китайцев /159, 447/.

В условиях повсеместного брожения среди мусульманских масс они обращают взоры как на своих естественных политических руководителей на духовных владык. Мусульманское население Хотанского оазиса обратилось к Хабибулле, местному духовному авторитету, с просьбой избавить от гнета иноземцев, дать свободную жизнь /II8, 342/.

Характерно и то, что на первых порах возникновения политической нестабильности имеют место попытки со стороны местных мусульман заручиться поддержкой закордонных единомышленников. В письме из Кашгара и Яркенда /обнаружено было в Ташкенте/, адресованном Хаким Хантияр в Ташкент, говорилось, что он должен прийти в Кашгар, объявить "газават" и избавить народ от китайского господства /II8, 342/.

Берутся за оружие и мусульмане на севере Синьцзяна. Именно религиозная общность выступает на первых порах объединяющим началом для хуэй /дунган/ и илийских уйгуров /таранчей/. Непосредственным инициатором и организатором выступлений явилось мусульманское духовенство. "У них /таранчей и дунган.- В.К./, как и большинства мусульманских народностей Китая, огромным вниманием пользовалось духовенство, всеми силами старавшееся разжигать

фанатизм народных масс" /52, 170/. Говоря конкретно, после того, как известия о восстании в Ганьсу достигли Кульджи, многие дунгане из различных мест собрались, чтобы спланировать выступление. Поначалу договориться не могла, но в конечном счете "два фактических священника" организовали нападение на городок Тарджи /249, 178/, /очевидно, в первой половине 1863 г./. По версии Н. Богоявленского, городок Тарчи /Тарджи/ явился очагом выступления дунган, которое кончилось неудачно. В частности, из-за того, что их не поддержали таранчи /16, 32/. Мусульманская солидарность в борьбе с "наверными" таким образом не сработала. Поводом к кульджинскому /илийскому / восстанию послужило известие, что, когда дунгане одержали победы на востоке, в порядке предупредительных мер было тайно приказано истребить всех дунган. Правдоподобию этой вести способствовало и то, что после неудачной вылазки в Тарчи китайцы поголовно перебили его население /16, 33/.

Восставших дунган возглавлял Ягур-Ахун, видное духовное лицо Кульджи /52, 170/. Среди вожаков в начале восстания дунган был некто Хаджи-Ахун, пользовавшийся почетом во всей Новой Кульдже как человек, проживавший 15 лет в Мекке /94, 14/. Дунгане извещают заведующего таранчами Абдрасуля, что поступил указ императора о поголовном истреблении дунган. В ответ все они, сяньцзянские дунгане, восстали и просили поддержки со стороны таранчей, указывая на единство веры /мусульманской/, а Абдрасуль собрал всех беков и ахунов, и держали совет совместно с дунганами и присягнули над Кораном, что будут поддерживать друг друга /6, 32об./.

Мусульманское духовенство, как видим, с самого начала принимает непосредственное участие в решении быть или не быть войне с цинской властью. И в последующем духовенство имело решающее слово. Так, когда уйгурский предводитель вознамерился присоединиться к хуэйскому главе султану Ягуру, то никто иной, как кази-каин /верховный судья/ Насыр-хан разрешил ему взять с собой 300 человек из Кусунбай-тока. И он же, верховный носитель судебной власти по шариату, Насыр-хан приказал Ахмету-казначи сопровождать Ахмет хан-ходжу /6, 34/.

Если клятва на Коране скрепила союз дунган и таранчей, то

святое место, мазар, явилось оборным пунктом для их ополчения /6, 35/. И первая совместная операция-штурм Баяньдаа - явилась актом священной войны. Во время осады Баяньдаа пало много таранчей и дунган, "за то китайцы были вырезаны все до единого" /5, 35/.

В то же самое время предпринимались попытки и обращения "неверных" в мусульманскую веру. Переводчика Марешана таранчи хотели обратить в магометанство и обрить ему голову /39, 240/.

Религиозный антагонизм проявился не только со стороны мусульманского духовенства, но и рядовых мусульман. Дунгане-пахари убили всех лам /39, 243/. По овладении какой-либо местностью дунгане немедленно разрушали китайские и калмыцкие божницы, детей без различия происхождения отдавали на воспитание в мечеть /94, 15/.

Среди руководителей осаждавших Баяньдаа был халифа^х Шамс-эдин Худай Кулинов. Он командовал таранчинским отрядом из восьми деревень /39, 246/. Руководящее начало мусульманского духовенства в антицинских выступлениях отмечалось не только в Илийском крае, но и в Тарбагатае. Предводительствовал восстанием дунган в Чугучаке /15 янв. 1865 г./ чугучакский имам /4, 173/.

Осада Баяньдаа явила собой демонстрацию мусульманского, с позволения сказать, интернационализма. Так, помогать повстанцам прибыл из Ташкента узбек Эмир-хан-ходжа.

Избиение в Баяньдаа не было частным случаем, а отражало настроения если не всех мусульман, то, по меньшей мере, духовенства. Старшина хуйюаньчэнских дунган после обеда, устроенного для цинского начальства в мечети, говорил, обращаясь к цзянцзюню, хэбэй-амбану и маэнь-амбану: "... сильные китайцы, всегда презиравшие нас, теперь оттачивают в своем храме копья и говорят что "высоут нашу кровь...", "дунгане взбунтовались, не будучи более в состоянии выносить притеснения, которым подвергали их маньчжуры и китайцы" /39, 242/. При этом ахун добавил, что "дунгане не успокоятся до тех пор, пока не перебьют в Илийском крае всех /подчеркнуто нами.- В.К/ китайцев и маньчжуров" /39, 244/.

Борьба с властью "неверных" открыла перед мусульманским духовенством и верхушкой мусульманской общины новые возможности для самоутверждения в качестве духовных и светских владык. Дают

себя знать амбация состоятельных или родовитых мусульман. С ликвидацией господства цинской бюрократии с претензиями на право управлять единоверцами выступают имеющие вес и влияние мусульмане, которые были оттеснены от политической власти цинскими чиновниками.

Во время восстания одной из самых мощных сил был богатый торговец Ма Юаньчжан, которого убедили религиозные фанатики отдать свое состояние и уменье их делу. Он вырезал всех китайцев в городе Суйлай и провозгласил сам себя императором /294, 55/.

В разные моменты противостояния цинских властей и мусульманское духовенство играло активную роль. В частности, муллы использовали обе стороны как парламентариев /39, 240/.

В полной мере во время мусульманских выступлений проявила свою роль мечеть. Она явилась и опорным пунктом и прибежищем. Когда цинское войско подошло к хара-усунской крепости, то для переговоров с возмущившимися дунганцами были направлены четыре алийских муллы. В ожидании штурма дунгане заперлись со своими семьями в мечети /39, 240/.

Выступления мусульман на севере Синьцзяна против цинского господства не сводились лишь к проявлениям нетерпимости к "неверным". В ходе борьбы с цинской властью отчетливо проявились стремления иметь своего правителя, свое государство, очевидно, исподволь жившие в сознании мусульманских масс. Как говорил Н.Ф. Катанову начальник дунганской конницы Юджинму, дунгане подчинялись китайцам 1300 лет тому назад. Они, дунгане, имели тогда свое государство /566, 98/.

Вместо цинских военных начальников у мусульман в результате своеобразного волеизъявления /с соблюдением обрядности/ появляются свои, соплеменные и единоверные правители. Все они без исключения демонстрируют приверженность исламу и неприязнь к иноверцам.

Ахун и прорицатель из Ганьсу Томин утвердился в Урумчи, приняв титул "мусульманского царя" /201, 27/. Режим в дунганском владении с центром в Урумчи в конечном счете был по своему характеру теократическим. Томин ознаменовал свое правление жестоким обращением с хань.

В дунганском султанате немусульмане были превращены в лю-

дей второго сорта, лишенных свободы самостоятельности и предназначенных обслуживать мусульман.

"Кто из китайцев принимал ислам, тот пользовался всеми правами дунган, кто оставался буддистом, тот обращался в работника или пастуха /94, 15/. Язычников отдавали в мечеть на воспитание и обращали в мусульман.

Справедливости ради следует отметить, что для женщин делалось исключение. От них не требовалось перемены исповедания /94, 15/.

В Илийском крае таранчинцы провозгласили Обуль-аля своим султаном и надела на его голову особую султанскую шапку /30,253/.

Таранчинский султанат в Илийском крае, появившийся на свет в результате ниспровержения господства "неверных", был государственным образованием мусульман как внешне, так и по внутреннему укладу жизни. В первом случае показательно изготовление государственной символики-хоругви, на которой арабскими буквами было написано священное изречение. "Нет бога, кроме Бога, и Магомед пророк Божий" /83, 298/.

Среди ближайшего окружения султана состояли три старшие духовные лица: кази-ахун, муфтий-ахун, сатиб-ахун. "Участвуя во всех важных делах, решаемых советом султана, духовные сановники пользовались преимущественным значением в делах судебных, как официальные толкователи шариата, на основании которого производятся суд и определяются наказания за преступления" /5, 215/.

Мечеть, кроме своего основного предназначения - быть культовым центром, выполняла еще и роль казначейства. Часть захваченного у китайцев и маньчжур имущества: золота, серебра, дорогах материй и пр., оставленная в пользу государства, хранилась в Кульдже, при большей мечети, в особо устроенном складе /5, 218/.

Установление мусульманской государственности в Илийском крае воспринято было мусульманами как благо. Нет, очевидно, основания полагать, что с ликвидацией господства "неверных" все без исключения мусульмане обрели материальное процветание. Однако психологически своя, мусульманская власть, воспринималась как великое благо в сравнении с правлением "неверных". В известной степени выражением этих настроений могут служить выдержки

из стихотворения таранчинца Сеид-Мухаммеда Аит Мухаммедова Кашского:

7/ Пользуясь случаем, дунгане и таранчи восстали в Или.

Объявив войну, умертвили всех неверных.

Таранчи, выказав храбрость, уничтожили врагов китайцев.

Освободил правочерных Великий Аллах от тяжелого ига неверных; образовалось в Или мусульманское государство и водворилась тишина.

8/ Мы выбрали из своей среды султана и несколько лет существовал ислам.

Уделены были правила шариата, которые исполнялись в точности.

Ко всем несчастным подданным султан был милостив.

Результатом такого управления было то, что все бедные обратились в богатей /93, 192-193/.

С установлением мусульманской государственности в Илийском крае объектом угнетения победивших таранчей стали иноверцы: сибиряки и солонь /94, 34/. По достоверным слухам, в 1868 г. сибиряки и солонь посылали к русским письменную просьбу о разрешении им выселиться в русские пределы и о присылке отряда для их охраны; но таранчи, перехватившие письмо, наказали зачинщиков; в 1869 г. сибиряки готовы были все восстать против таранчей /94, 35/.

Участь сибиряков и солонь постигла монгольское население. "Привыкнув во время восстания против китайцев к резне и грабежам, часть таранчей, по восстановлении спокойствия при султанском правительстве, перешла к постоянному занятию барантою у калмыков, чему покровительствовал и сам султан" /96, 52/.

Религиозная общность испровергателей цинского господства в конечном счете не сводила на нет этнические различия и последние брали верх, когда дело доходило о политическом "обустройстве" после ликвидации власти иноверцев. Спустя три года после взятия г.Хуйюаньчэна между таранчами и дунганями возникла междоусобная война. Те и другие стали оспаривать друг у друга господствующее положение в Илийском крае. Дунгане говорили: "Если бы мы не произвели восстания, то вы, таранчи, сотню, тысячу лет оставались бы все такими же таранчами. Как вам владеть над Или?" Таранчи же /в свою очередь/ говорили: "Хотя

бы маньчжури, выгнав вас, дунган, из г.Хуйюаньчэна, и не убили, но если бы не было нас, таранчей, то вы все-таки померли бы с голода. Теперь вы благодаря нашей силе, сохранили свою жизнь. А потому где вам владеть нами?" /39, 269/.

Выше уже говорилось об известном резонансе, который получило выступление против "неверных" у сопредельных с Синьцзяном мусульман. Появление Кульджинского султаната возымело притягательную силу для определенных мусульманских предводителей за кордоном. В 1871 г. начальник Таза-бек, офицер русской службы, вступил в сношения с Кульджой, и он ушел туда со своими людьми. Подобные факты в последующем создали определенные проблемы в отношениях империи Цин и России /52, 176/.

В результате восстания мусульман Восточного Туркестана и участия единоверцев из-за кордона здесь была восстановлена власть мусульманских правителей.

Антиправительственные выступления мусульман в Синьцзяне не ограничались его северной частью, но охватили и юг, Кашгарию.

Выступления в Кашгарии носила локальный характер, но общим для них была активная, направляющая роль духовенства, представители которой в ряде регионов и становятся правителями.

В Куче /Кучар/ выступление против власти Цинов было освещено именем главы ходжей Аршад ар-Рашидина. Он, по словам Кари Наджимидина, автора "Рашад ад-Дин-наме", своим авторитетом дал добро на восстание в Куче /137, 172/.

С самого начала восстание в Восточном Туркестане, почин которому было положено выступление в Куче, пошло по сценарию священной войны, принятому Рашидин-ходжей. Его решение поднять мусульман Кучи однозначно было решением истребить неверных Китая /137, 172/. Когда повстанцы ворвались в город, "началось избивание "неверных", застигнутых врасплох в постоянных дворах, в лавках, в домах. Восставшие подошли к тому месту, где находился амбань. Они подожгли версты. В огне погибли амбань, далая, га-ладая и их семьи" /137, 172/. Затем последовало утверждение новой власти. В Куче "ахуны, торговцы, баи, ученые из духовенства, кази, юз-баши, имамы, муэдзины, - писал Ходжа Юсуф, - единогласно решили провозгласить ханом Рашидин-ходжу". Принятие им титулы "Хан-ходжа" - "Хан из ходжей" и "Саид Тази" - "Счастливый

борец за веру" /20, 291-292/ наглядно свидетельствовали как о его принадлежности к духовной верхушке мусульманской общины, так и о установке - воевать за веру.

Возвращение мусульманского правителя в Куче воспринималось жителями-магометанами не просто как акт смены власти, но как возврат Кучи в категорию именно мусульманских владений, как воссоединение с миром ислама. Сознание этого события отразил Кари Наджмадин в названии главы своего сочинения "Повествование о захвате Кучара, о превращении его из дар аль-харба в дар ал-ислам" /137, 174/.

Духовенство благословило выступление в Куче. Оно же и на начальствующих постах во время последующих военных действий. Хабиб-ходжа, Осман-ахун, Джамаддин-ходжа /137, 175, 176/-эти имена предводителей мусульманских ополчений говорят сами за себя.

Борьба за веру, которую предпринял Хан-ходжа, вылилась в физическое истребление "неверных", уничтожение их культовых учреждений. "Неверные" были истреблены до последнего, кумири сожжены, город разграблен - этим ознаменовалось взятие Уч-Турфана газиями Джамаддин-ходжи /137, 177/.

К духовенству принадлежал и новый правитель Хотана Хабибуллах-ходжа, был судьей. Хабибуллах-ходжа побывал в Мекке и считался непрекаемым духовным авторитетом. Он проявил себя рьяным поборником заповедей ислама, обязав население неукоснительно соблюдать нормы шариата /48, 17/. Одновременно новоявленный Хотана проявил крайнюю нетерпимость к духовности язычников. Хабибуллах и Абдурахман хищнически истребляли памятники китайской национальной культуры: храмы, книги, кумири. Они вообще нетерпимо относились ко всем немусульманским народам /43, 413/.

В Яркенде после свержения цинской власти правителем провозгласили муллу Хазрет-Абдурахмана /74, 131; 48, 15/.

В Кашгаре правителем сначала стал Бузрук-ходжа, сын погибшего за веру Джахангир-ходжи. Потом его сменил выходец из Коканда Якуб-бек. Он подчинил себе самостоятельных владетелей на местах и поставил под свой контроль основные районы Восточного Туркестана. Государство, которое он возглавил, именовалось Йеттишар и по своей природе было теократической деспотией. О значимости религии в Йеттишаре наглядно свидетельствует уже

внешняя атрибутика - титул Якуб-бека - "Аталык газы" - "Покровитель мусульманской веры" и звание Эмир, пожалованный ему халифом правоверных - турецким султаном.

Известие о свержении власти "неверных" в Восточном Туркестане с одобрением было встречено не только в Коканде, но и многими правителями сопредельных мусульманских владений. Андижанцы, киргизы, кипчаки, бадахшанцы и афганцы - разноплеменная рать, которую внешне объединяла идея войны с "неверными", - штурмовали Янги-Гиссар /38, 272/.

Свою историческую миссию Якуб-бек, судя по его словам, усматривал в расширении пределов мусульманского мира и сферы распространения этико-правовых мусульманских норм. Необходимо, писал в 1871 г. Якуб-бек кокандскому хану Худояру "расширить владения мусульманства и дать силу и значение шариату" /105, 235/. И намерения у Якуб-бека тут не разошлись с делом. "Несомненно, исламский отпечаток на администрации Якуб-бека составляет одну из наиболее примечательных черт. Став высшим законом страны, шариат решительно проводился в жизнь правительством" /289, 148/. В каждый округ Якуб-беком назначались наделенные безграничными правами раисы. В их обязанности входило надзирать за нравственностью, за соблюдением религиозных обычаев /118, 114/. Основываясь на догмах-шариата, Якуб-бек провозгласил смертную казнь необходимым средством для укрепления мусульманской государственности "...дурных, - говаривал аталык, - не исправить заключением или /телесным/ наказанием, дурной от этого не станет лучше, природа тянет /на преступление/ и, чтобы внести порядок в дела государства и народа, необходимо применять казнь по шариату" /29, 9-10/.

Якуб-бек примером личного поведения поддерживал свой авторитет ревнителя мусульманской добродетельности, не делая послабления близким. Застав своего сына Худай-Кули-бека на месте совершения какого-то противозаконного поступка, Якуб-бек собственноручно зарубил его шашкой. Труп убитого сына бадаулет приказал похоронить у могилы хазрета Аппака. Описывая этот случай, информатор заканчивает словами: "До такой степени он /Якуб-бек/ был совершенным мусульманином" /19, 73/.

Обобщая картину быта на территории, подвластной Якуб-беку,

мудла Мирза, один из бывших сподвижников и слуг Бадаулета, представляет так: "Вследствие установленного Якуб-беком способа правления в пятнадцати городах страны в течение пятнадцати лет не было ни воровства, ни пьянства, ни азартных игр, ни боев перепелов и рябчиков, а все женщины, ходившие до того времени по улицам с открытыми лицами, принуждены были по распоряжению Якуб-бека закрываться" /29, 10/.

Коранические заповеди определяют и фискальную политику. Все подати, исключая сорочины, дозволенной кораном, были отменены, хотя неверующие были обязаны платить вдвое /100, 261/.

По указанию Якуб-бека восставали старые мечети, пришедшие в упадок за время цинского господства, строились новые храмы и медресе. "Якуб-бек реставрировал все святилища и монастыри, бывшие во время китайского управления в пренебрежении и упадке, и прежде всего перестроил и расширил святилища и монастыри Хазрат Афака, Ляби Мириама и Султана Сатока^х в окрестностях Кашгара" /13а, 241/. На месте захоронения внуки султана Сатук-богра-хана Якуб-бек распорядился возвести мазар, надгробное сооружение /99, 153/. Воинствующий дух ислама самоутверждался и в постройке мечетей на месте разоренных китайских храмов. Так, например, было в Янги-Гиссаре /38, 272/. От самого Якуб-бека мечети получали большие наделы земли, с которых не брались налоги. Среди экономических привилегий, которые Якуб-бек даровал мусульманскому духовенству, назовем освобождение в отдельных случаях от уплаты основного налога государству.

Чтобы привлечь местное духовенство на свою сторону, /хотя Якуб-бек и был мусульманином, но он был пришлым/, Якуб-бек требовал от населения строгого соблюдения законов ислама и сам проявлял себя ревностным мусульманином. Женщинам запрещалось показываться на улицах без покрывала, воспрещалось употребление спиртных напитков, азартные игры. Каждый, кто казался недостаточно ревностным мусульманином, подвергался наказанию.

Говоря о подходе Якуб-бека к духовенству, следует иметь в виду следующее. Часть его служила Циням и, более того, не поддерживала выступление населения против их господства. Когда, к примеру, мусульмане-повстанцы осадили кашгарскую цитадель, то "ахуны и духовенство, служившие маньчжурам", заперлись в Каш-

гаре /48, 14/.

Очевидно, не все духовенство поддержало и приход Якуб-бека. Среди 30 тыс. хотанцев, погибших в борьбе с Якуб-беком, несомненно, были и духовные лица. Словом, отношение Якуб-бека к местному мусульманскому духовенству не могло быть одинаково благожелательным. Стояла утверждение Д. Тихонова, который ссылается на Т.Д. Форсайта, что с приходом Якуб-бека земли, принадлежавшие ранее духовенству, оставались в их владении /118, 119, 309/, нет оснований принимать безоговорочно. Вероятнее всего, подход Якуб-бека к духовенству был дифференцированным, что в целом не меняет курса первого на защиту исламских ценностей.

Им поощрялось религиозное образование. Последнее обстоятельство способствовало росту спроса на соответствующую литературу. Весьма показателен в данном отношении рассказ одного арабского священника. Он присоединился в 1871 г. к британской миссии под началом Форсайта, направлявшейся в Кашгар, для того, чтобы получить хорошую выручку за свои "арабские книги и кораны" /13а, 80/.

По примеру арабских халифов-завоевателей Якуб-бек стремился увеличить число исповедующих ислам путем насильственного обращения в мусульманство. Это прежде всего касалось маньчжур и китайцев /военных, торговцев/, которые появились в Кашгарии по завоевании Восточного Туркестана империей Цин. "Приняв магометанство, они /китайцы, - В.К./ спасли себе жизнь" /74, 167/.

По взятии мусульманами Янги-Гиссара три тысячи китайских семейств избежали смерти тем, что перешли в магометанство /38, 272/. Не желавших принять ислам по приказу правителя Йеттишара убивали. "...Китайцы, не желавшие принять мусульманского вероисповедания, были убиты. Таких, говорят, было около 40000 человек, считая как военных, так и штатских" /134, 52/.

Новообращенные мусульмане не приравнивались по своему положению с мусульманами по происхождению. В этом тоже проявлялась природа теократического режима. В государстве Йеттишар эти т.н. "новые мусульмане" /"Янги мусулманлар"/ - цинские солдаты и офицеры - вынужденные принять ислам, стояли на одной из самых низших ступеней социальной лестницы.

Самоутверждение ислама в Восточном Туркестане опосредство-

валось через притеснения в отношении иноверных насельников края. В частности, местные монголы оказались вне закона, как он понимался мусульманской общиной. Торгоуты с конца 1871 г. прикочевали под покровительство русских властей с Алдуза и Карашара, где притесняли их кашгарцы /96, 9/.

Дозуни "газавата", выдвинутый руководителями антицинских восстаний в крае, создавал духовную основу для коалиции с внешними силами – мусульманскими Кокандским ханством и Османской империей.

Из двух последних государств наиболее активное участие в антицинском движении приняло Кокандское ханство. Его правители положительно восприняли известие об антицинском восстании в Кашгарии. И когда один из киргизских предводителей Садик-бек известил кокандский двор о том, что Кашгаром должен править ходжа /89, 143/, кокандский правитель Алим-кул немедленно отправил туда сына Джахангира Бузрука^х в сопровождении кокандского чиновника Якуб-бека /25, 98; 289, 143/.

Наиболее примечательным свидетельством исламской ориентации Якуб-бека служат его отношения с Османской Портой. Турецкий султан являлся халифом, духовным владыкой всех мусульман суннитского толка. Летом 1873 г. Якуб-бек послал своего близкого человека Сайид Якуб-хана в Константинополь. Защита интересов ислама явилась основой для установления сердечного согласия между турецким двором и кашгарским правителем.

Для упрочения идейно-политической общности между Османской Портой и Иеттишаром, обе стороны стремятся к налаживанию устойчивых контактов. Так, Мохаммед Якуб, пасынок сестры Якуб-бека, в свое время ездил в Стамбул сообщить главе правоверных о положении дел на своей родине /100, 262/. Мохаммед Якуб пользовался расположением турецкого султана /207, 924/. До своего возвращения в Кашгарию Мохаммед Якуб посетил Мекку, где Якуб-бек устроил караван-сарай. По приезде в Кашгар на него была возложена задача развивать хорошие отношения с Турцией.

В независимости от подлинных, глубинных побуждений Якуб-бека он выступал на деле проводником идей пантюркизма и панисламизма, генерированных в Стамбуле. И с уходом Якуб-бека с арены политической жизни сохранилась благодатная почва для пантюркиз-

ма и панисламизма, чему наряду с объективными условиями /этническая близость и религиозная общность тюрок Восточного Туркестана с турками Малой Азии/ субъективно способствовал аталык Камгарский.

Политически борьба мусульман Восточного Туркестана и Джунгарии ознаменовалась отложением их от империи Цин и появлением исламских теократических режимов. В плане идеологическом эти восстания означали не только упрочение у мусульман настроений обособленности в отношении идолопоклонников, но закрепление представлений об особом предопределении их, как последователей ислама. Содействие единоверцев из-за кордона способствовало распространению идей панисламизма на территории не только отложившейся от империи Цин центрально азиатского ареала, но и в собственно Китае.

Не ограничиваясь физической расправой над побежденными мусульманами, цинские власти не оставили в покое и мертвого Якубока. Могила его была разрушена, а тело осквернено /207, 340/.

Среди мероприятий, осуществлявшихся властями в Синьцзяне по подавлению мусульманского восстания, особо назовем такие, которые затрагивали духовную сферу, в том числе и религиозную. Влияние духовенства на умы коренного населения имело, как считали деятели администрации, негативные последствия для устоев цинского режима. "В Южной округе чаньтоу по большей части невежественны и боязливы, - писал в докладе трону Цзо Цзунтан. - Среди тех, кто наставляет их, так называемые торе /тыре/, ахуны постоянно, измышляя, рекут ересь, произвольно совращают и принуждают, их сердца легко возбудимы, смута отсюда возникает /II, т.Ш, 231/. В таковом мнении Цзо был неодинок. "Местное население южной части Тянь-шаньского края, принадлежащее к тюркскому племени, вообще говоря, необразованное и находится под влиянием учителей корана, которые говорят вздор и причиняют много вреда", - говорилось в докладе Лю Цзиньтана и его помощников, направленном трону /46, 324/.

С пагубным влиянием вероучителей надлежало бороться исподволь, посредством введения в системе народного образования инстатута правительственных учителей и преподавания норм традиционной китайской этики. "Со времени возвращения Тянь-шаньского

края, - докладывали трону Лю Цзиньтан и другие, - в некоторых городах его открыты частные китайские школы для магомбетан. Последствия этого нельзя не признать благотворительными ... а потому, ... казалось бы желательным ввести в существующих школах правительственных учителей и установить ежегодные экзамены. Предметы преподавания составляли бы "начальные знания из книги хухи", книги об обязанностях детей", "толкование Конфуция", произведения Менсидуса /т.е.Мэн-цзы.- В.К./", "Великое учение" и т.д. /46, 324-325/.

Помимо воспитания законопослушных подданных цинского императора посредством такого образования мыслилось подготовить кадры судебских чиновников, которые в перспективе, очевидно, свела бы на нет значимость суда по шариату.

"Ученики этих школ после соответствующего экзамена получали бы право сделаться мировым судьей по достижению установленно-го возраста" /46, 325/.

Намерения цинских сатрапов это было одно, другое - осуществление планов на деле. Очевидно, индоктринизация мусульманской молодежи на предмет воспитания законопослушных подданных не вышла за пределы благих пожеланий. Прежде всего потому, что мусульманские школы и мечети, как очаги духовности и воспитания, не сошли на нет, но, наоборот, не только сохранялись, но и появлялись новые. В Куркараусу есть у дунган училище, имам, мечает Н.Ф. Катанов, и построенная в этом году мечеть /566/ Д.8Юб./.

Роль мечети как организационно-идеологического центра мусульманских выступлений против цинского режима в полной мере проявилась в ходе событий, и это было осознано представителями военно-административного аппарата империи. Во время боевых действий мечети, служившие опорными пунктами повстанцев, разрушались уже в силу логики военного противостояния. Вполне вероятно, мечети крушила ханьцы и цинское войнство, вымещая слепую ненависть и свою злобу. Но политики на уничтожение мечетей как таковых цинским режимом не проводилось. Спустя десятилетие с небольшим Н.Ф. Катанов, побывав в местах вооруженного противостояния мусульман с цинским режимом, отмечал: в Манасе мечетей сартских 2 и дунган - 3. В городе Джанхо /Цянхэ/ мечетей дун-

ганских 5, сартских - I, в деревне Дуцугу мечетей дунганских - I, сартских - I /56в, 213/.

Попытки создания китайских школ с целью окитаивания мусульман, в частности, в Илийском крае полностью провалились, "так как таранчи и киргизы /т.е. казахи. - В.К./ ни за что не хотели учиться вообще, а в особенности в китайских школах" /16, 53/.

X X
X

Восстание мусульман в Северо-Западном Китае и Синьцзяне вышло за пределы собственно внутриполитической проблемы империи Цин, затронув сферу внешних сношений и привнося новые моменты в отношения Китая с Россией и Англией.

Осада г.Или мусульманами-повстанцами побудила наместника Мин Сян просить помощи у русского губернатора Западной Сибири /20I, 27/. В конце 1865 - начале 1866 гг. имела место попытка заполучить поддержку России в борьбе с восставшими мусульманами. "Когда же придет отряд? Разве русским не больно, что их столетних друзей обажают дунганы?" - спрашивали русского офицера, командированного в осажденную Кульджу /106, 142/.

Вероятно, подход цинских властей на местах и в Пекине к вопросу о получении помощи от России был не одинаков. В частности, в 1866 г., когда илийский гарнизон просил помочь против мусульман-повстанцев, член Цзунлиамэня Дун Сюнь написал в своей автобиографии, что "было совершенно недопустимо" позволять России помочь защищать Или /292, 219/. По воспроизведенному М. Райт суждению трудно судить, излагал Дун Сюнь лишь свое мнение или же так считали все члены цинского внешнеполитического ведомства. Но тем не менее, при решении внутриполитической проблемы, какой явилось восстание мусульман, официальным кругам империи Цин пришлось брать во внимание реакцию мировых держав и конкретные действия их граждан. Прежде всего у иностранных банкиров были деньги, которых не хватало цинской казне для финансирования кампании на Северо-Западе.

22 января 1868 г. цинский двор одобрил намерение Цзо Цзунтана сделать заем у иностранных банкиров в Шанхае /172, 119/, в 1875 г. двор санкционировал очередной заем Цзо Цзунтана у ино-

отранных /западноевропейских/ банков /172, 120/. 26 марта высочайшим указом Цзо Цзунтану разрешалось занять средства у иностранных торговцев для осуществления его программы по подавлению восстания в Синьцзяне /172, 122/. Словом, не Цзо Цзунтан в частном порядке добывался западноевропейского капитала для подавления восстания мусульман в Китае, но сам цинский двор в лице императора. В 1875-1876 гг. Китай принял обязательства по первому государственному займу на нужды кампании Цзо Цзунтана /172, 122/.

Отталкиваясь от побед его войнства, одержанных осенью 1870 г., М. Райт заключает: "В этой наиболее драматической из кампаний Реставрации предложения русской помощи были отклонены. За исключением некоторых частных займов, о которых договорился Цзо Цзунтан, никакая помощь Запада была не нужна" /292, 113/. Суждения М. Райт при всей их категоричности не свободны от односторонности и априорности. Действительно, Цзо Цзунтан уже не испытывал нужды в помощи некоего Запада, когда он получал средства от западных банков для финансирования кампании против мусульманских повстанцев. Независимо от того, частными или государственными были источники помощи Цзо Цзунтану извне, несомненно, что она значительно повлияла на исход кампании по восстановлению власти цинского правительства над мусульманскими окраинами.

Что касается предложений русской помощи, то не ясно, что М. Райт конкретно имела в виду. Но от предложения русского предпринимателя Каменского поставлять хлеб цинской армии Цзо Цзунтан не отказался и заключил с Каменским соответствующий договор /37, 49/. В 1876 г. когда лагерь Якуб-бека располагался близ г. Курли подполковник генштаба Сосновский с ведома и поощрения русских властей поставлял провиант в китайские войска. "Помощь эта оказалась действительною", - констатировал российский посланец к Якуб-беку полковник Куропаткин /33, 32; 74а, 94/.

Подозрения и неприязнь, которую питает Пекин к царской России, не мешали его официальным представителям помогать у ее правительства самой разнообразной помощи, чтобы управиться с мусульманским восстанием.

Как телеграфировал в апреле 1872 г. русский консул в Урге Я. Шилмарев в Азиатский департамент МИД, китайские власти офи-

циально просили поставить армейским частям две нарезные пушки с боекомплектом /13, 190/. Аналогичная просьба поступила в июле /131, 190/. Военный министр Д. Милютин благожелательно воспринял эти просьбы /13, 191/. Само по себе уже то, что такого рода ходатайства не были отвергнуты царской администрацией сходу, по меньшей мере служила моральной поддержкой цинскому двору и укрепляла позиции тех, кто стоял за то, чтобы не оставлять западную окраину.

Цзо Цзунтан пользовался услугами не только российских граждан. В 1868 г. в рядах императорских войск, которые сражались с мусульманскими повстанцами в Ганьсу, находился француз Дюпки. Он путешествовал как поставщик императорских армий, имел временный ранг и привилегии мандарина /216, 93/. Очевидно, Дюпки заслужил таковые. Трудно оценить его подлинный вклад в успехи войска богдыхана, сражавшегося с мусульманами. Но, несомненно, он символизировал участие Франции в деле подавления восстания мусульман.

После того, как была разгромлена нинь и подавлены выступления мусульман восточное Сучжоу, в 1874 г. проблема Синьцзяна для официального Пекина стала основным вопросом в повестке дня. Мнения в высших правительственных инстанциях диаметрально разошлись. Группу, которая предпочитала отказаться от Синьцзяна, возглавлял Ли Хунчжан, оппонентов — Цзо Цзунтан.

Помимо бремени финансовых расходов на удержание Синьцзяна, которые не давали отдачи, Ли Хунчжан акцентировал внешнеполитические аспекты проблемы, в частности, соседство мусульманских стран и покровительство правителю Йеттишара со стороны турецкого султана: "...территория /Синьцзяна/ на западе примыкает к различным мусульманским странам, таким, как Турция, Арабия и Персия ... Мусульманский глава в Кашгаре недавно получил протекцию Турции..." /172, 167/.

Но если вопрос о ней не стал в повестку дня, то тем не менее восстание мусульман повлекло за собой определенные внешнеполитические коллизии. Возникли осложнения в взаимоотношениях империи Цин с Великобританией и Россией, хотя интересы двух последних государств отнюдь не совпадали.

Что касается Великобритании, то правительство последней

стремялось обеспечить независимость государства Йеттишар, иными словами стояло за отделение западной окраины Китая. В 1869 году министр иностранных дел Британии лорд Кларендон направил Д. Форсайта в Петербург обсудить там проблему Центральной Азии в целом. Что касается Кашгарии, то, как предполагал Форсайт, Россия и Британия могли бы признать режим Якуб-бека формально и таким образом помочь стабилизировать его положение. Россия, ответил на это Горчаков британскому послу, "имеет договора с Китаем и не может войти ни в какие политические отношения с удачливым инсургентом против власти китайского императора" /207, 323/.

Британский посланник в Пекине Л. Уэйд считал, что лучшим политическим решением со стороны Китая было бы признать Якуб-бека как независимого правителя и таким образом иметь его в качестве буфера между собой и Россией. Британский посланник высказал эти свои соображения Ли Хунчжану, канцлеру и губернатору столичной провинции Чжили. Ли, хотя и отнес мнение Уэйда за счет русофобии, передал этот совет Цзунлиямэню и двору. Результатом была очередная опала Ли Хунчжана.

В 1876 г. Уэйд попытался передать свой совет Ли Хунчжану через Форсайта, когда тот объявился в Китае в начале 1876 г. Согласно инструкций Уэйда Ли Хунчжану надлежало сказать, что Якуб-бек не должен быть повержен /207, 330/. Однако беседа Форсайта с Ли Хунчжаном оказалась безрезультатной. Тот потребовал от Форсайта дать совет Якуб-беку подчиниться Китаю. На это Форсайт ответил, что Якуб-бек "храбрый, мудрый правитель, который держит страну в восхитительном порядке" и что он, конечно, не сдастся. Должен быть достигнут компромисс и надлежит быть британскому посредничеству, в противном случае, Цзо Цзунтан не заслуживает доверия, что станет соблюдать какое-либо соглашение. В результате беседы у Форсайта сложилось мнение, что китайцы настроены серьезно и что было бы дружеским поступком предупредить Якуб-бека /207, 331/.

Во время обмена мнениями с Ли Хунчжаном в Чифу в сентябре 1876 г. Уэйд повторил свое убеждение, что долгая борьба между Цзо Цзунтаном и Якуб-беком может закончиться ничем иным, как русской оккупацией, которая была бы "нежелательной", даже хотя она могла иметь лишь "отдаленное воздействие" на британские

интереса. Ли в конфиденциальном порядке заверил его, что он сам выразил то же самое мнение некоторое время назад в докладе трону; после кончины государя Цзайчуна в январе 1875 г. вопрос был передан императрицей-регентшей совету, где мнения разделились. Но Якуб-бека следовало убедить признать по меньшей мере формально суверенитет Китая. Ли закончил предупреждением Уэйду, что Цзунлиамэнь станет сомневаться относительно мотивов Британии, если тот станет навязывать ему какие-либо советы.

С урегулированием дела Маргари Т. Уэйд уехал в отпуск в Англию. Англо-китайские отношения улучшились, и чиновники Цзунлиамэня имели беседу с секретарем по китайским делам в британской миссии Мейерсом о вероятности приема Цзо Цзунтаном посла от Якуб-бека /207, 333/.

В апреле 1877 г. форин офис информировал индийское правительство, что оно отвергает идею посредничества в настоящее время.

В апреле 1877 г. князь Гун, глава Цзунлиамэня, еще склонялся в пользу компромисса /207, 334/. В Кантоне британский консул Б. Робертсон имел беседу с губернатором, который следующим образом говорил о международной обстановке. Якуб-бек, по его мнению, будет вынужден принять сторону своих единоверцев в русско-турецкой войне, особенно после принятия титулов от султана, Китаю тоже угрожает великий агрессор России, и он не должен спешить атаковать кашгарского союзника Турции, а кроме того, Китай менее заинтересован в возврате территории в Туркестане, нежели в Амурской области на севере Маньчжурии, уступленной России по принуждению в 1858 и 1860 гг. Эта беседа привела британскую администрацию Индии к мысли, что правящие круги в Китае расположены согласиться на дружеское урегулирование с Кашгаром и таким образом это, состоясь оно, было бы в соответствии с британскими интересами /207, 334/.

Военная ситуация для Якуб-бека тем временем резко ухудшилась. Он обращается за дипломатической помощью к Англии. Бадаулет посылает в Лондон Сайид Якуб-хана, под видом поездки в Константинополь и без каких-либо формальных полномочий вести переговоры, но в действительности искать помощи, где можно ее получить /207, 335/.

По прибытии в Лондон Сайид Якуб-хан первым делом встретился со своим старым другом и доброжелателем Форсайтом. 23 мая 1877 г. у них состоялась беседа с Т. Уэйдом. Якуб-хан просил его использовать свое влияние, чтобы прекратить войну. День или два спустя Уэйд встретился с китайским посланником Го Сундао. Последний не возражал против переговоров Китая с Якуб-беком, но только настаивал, что первый шаг надлежит сделать другой стороне /207, 335/.

Как сообщал Форсайт Уэйду, для Якуб-бека было бы разумным занять положение, аналогичное статусу короля Бирмы, который был автономным правителем под китайской опекой /207, 335/:

Т. Уэйд вновь изложил свое мнение в письме Форин-офису, лорду Тендерлену, делая упор на двух обстоятельствах. Во-первых, расходы Цзо Цзунтана главным образом покрываются за счет лицензий, а эти сборы тяжелым бременем ложатся на британскую торговлю. Во-вторых, компромисс теперь не будет означать какой-либо долговременной жертвы для Китая, ибо вряд ли Якуб-бек оставит после себя стабильную династию и его владения вскоре бы возвратились к его сюзерену в Пекине. 12 июня 1877 г. Уэйд официально предложил, чтобы посланцы Китая и Кашгарии собрались вместе, каждый заблаговременно "вразумленный" своими британскими друзьями, и если они смогут прийти к согласию, Британия должна одобрить его и рекомендовать таковое Пекину. Форин-офис уполномочил Уэйда продолжать.

Во время последующего визита Го Уэйду, китайский посланник упирал на то, что у него нет никаких инструкций и ему ничего не известно о намерениях его правительства. Го вновь повторил, что официальное предложение о начале переговоров должно исходить от Сайид Якуб-хана. Оно должно иметь форму письменных предложений, и Го обрисовал то, как ему представляется, они должны были содержать. Го, очевидно, желал принять меньше, чем, как Форсайт полагал, Якуб-бек предложил бы. И несмотря на свою осторожность, Го проявил рвение, которое побудило Уэйда подозревать, что посланник в действительности инструктирован Цзунлямянем, из-за страха перед Россией добиваться соглашения.

Тем временем появился еще один, мечтавший быть посредником: лорд Стэнлей оф Сидерлей. Он был обращен в мусульманскую

веру во время своих путешествий по Востоку и часто по-любительски занимался индийскими делами /207, 336/. Кашгар смог привлечь его симпатии, и вечером 28 июня 1877 г., когда Форсайт направился к Якубу в его отель, лорд Стэнлей внезапно появился и пожелал узнать, почему никакой конференции с китайцами не условлено, и заявил, что он намеревается осуществить это сам. Раздосадованный известием услышать об этом на следующее утро, и опасаясь, что желание Го охладилось, Уэйд предостерег его. Го казался благодарным, был, несомненно, в крайне нервном состоянии /207, 338/.

7 июля 1877 г. Форин офис, удостоверившись, какие условия Сайид Якуб-хан мог предложить, изложил их в ноте Го, говоря, что он не желает позволить улетучиться какому-либо шансу помочь восстановить мир и что предложенное, кажется, достаточно близко собственным взглядам Го на Англию, чтобы чувствовать себя надежно, рекомендуя это. Условия, выставленные посланцем Якуб-бека, дали бы хану Кашгара статус, сходный с положением других правителей пограничных земель, для которых китайский император выступал как *loco parentis*. В первоначальном проекте своего письма Форин офис иллюстрировал точку зрения, сравнивая положение, предложенное для Якуб-бека, с тем, каким пользовался король Бирмы. Очевидно, Форсайт давал своему другу Якубу-хану в некоторой степени мудрый совет. Уэйд полагал, что эти условия будут приемлемы для Го, но он знал, что китайский министр был встревожен своей собственной смелостью и огорчился из-за другого дела. "Чтобы утешить Го даже вчера, - сообщал он Тендердену 8 июля, - я пошел в Китайский департамент и попросил разрешения показать ему депешу, которая лишь ожидала подписи лорда Дерби, и я послал Халлиера /китайского эксперта Уэйда/ в Портланд Плейс прочесть ему ее. Халлиер нашел его подавленным и мрачным". Он был напуган, как бы нота не заставила его начальство в Пекине думать, что идея посредничества была подана им, и он хотел, чтобы ссылка на его предложения Уэйд была снята. Его помощники думали, что он был безрассуден, чтобы вообще вмешиваться в кашгарские дела.

Го встретился с Тендерденом и торговался из-за формулировок ноты. "Подумав, - писал 10 июля Уэйд Тендердену, - я уве-

рен, что его сомнения относительно мест, которые он просил вас объяснить, должно быть аффектация". Сообщения прессы о победах китайцев или намеки из Пекина, возможно, удвоили его осторожность. "Вмешательство лорда Стэнли тоже вероятно пробудило его подозрения. Халлиер сказал мне, что он подозревает каждого". Две ноты, посланные Го Форин офису 12 июля 1877 г., были определенно придирчивы по тону. Якуб-беку не давали полной автономии, и он должен был во всяком случае сдать города, защищающие коммуникации Китая с Туркестаном. Далее, Го спрашивал, готова ли Англия гарантировать хорошее поведение Якуб-бека в будущем. Но 14 июля он посетил лорда Тендердена и объяснил, что изложил свои возражения в письменном виде для того, чтобы защитить себя от каких-либо протестов, которые могли быть подняты дома, хотя он думает, что Якуб-бека можно справедливо обвинить в том, что тот причинил заботы Китаю в его собственных северо-западных провинциях. Ему дали заверения, что британское правительство, выдвигая предложение Пекину, позаботится о том, чтобы не приписать ему ответственность за них. Оно не могло, с другой стороны, предложить какой-нибудь гарантии /207, 337/.

16 июля 1877 г. состоялась встреча двух посланцев под покровительством Уэйда. Го, очевидно, был еще подавлен чувством опасений, что сам себя скомпрометировал. Сверх всего, в этот самый день телеграмма из Берлина с опозданием объявила о смерти, семью неделями раньше, Аталык Гази /"Таймс", 16 июля 1877г., с.5, 5/. В действительности 16 мая Цзо захватил Турфан, а кончина Якуб-бека последовала 25 мая в Курле. Его смерть необязательно означала падение его трона, он оставил наследников и армию. Сайид Якуб-хан держался спокойно и заявил, что ситуация остается неизменной.

В начале августа Форин офис представил мирные предложения Фрезеру, временному поверенному в делах в Пекине, наказав ему поддержать их, но добавил: "Вам надлежит тщательно избегать обязательств перед этим правительством в чем-либо, что выходит за рамки дружеского совета".

Фрезер имел соответствующую беседу в Цзунлямяне. Князь Гун исходил из своей позиции, что Китай имеет права на захват, и сказал, что переговоры могут быть продолжены только через

Цзо, которому предложения будут посланы. Отношение Гуна было далеко не обнадеживающим. Он сказал Фрэзеру "очень значительным тоном", что он понимает мотивы Англии и что англичанам предоставлена возможность утешиться тем, что в этом случае китайцам может быть доверено видеть насквозь также и мотивы России. "Сами по себе хитрые, навеликодушные люди, — докладывал Фрэзер в Лондон, — они имеют глубокое понимание корыстных мотивов и достаточно самовлюбленности, чтобы преследовать свои собственные интересы" /207, 338/. Словом, цинский двор отвергал посредничество Британии в урегулировании кашгарской проблемы, рассчитывая теперь уже решить ее собственными силами.

Занятие русскими войсками Илийского края и вопрос о выдаче вожаков мусульман-повстанцев — вот в основном две проблемы, которые внесли новые, осложняющие обстоятельства в отношения империи Цин с Россией.

В наши задачи не входит анализировать политику царского правительства в "Илийском вопросе" /здесь имеется известная литература/. Ограничимся тем, что последнее преследовало свои геополитические интересы. Но объективно оккупация Илийского края русскими войсками положила конец "священной войне" против неверных в Центральной Азии. Примечательно, что подобное признание сделано британскими миссионерами. "Во время великого восстания дунган и таранчей против их китайских угнетателей, китайцы и маньчжуры вырезались на протяжении 1865 г. Хотя прибытие русских, которые временно владела Кульджей, положило конец кровопролитию" /272, 342/.

Занятие российскими войсками Кульджи выходило далеко за рамки вышеотмеченного события. Оно облегчило цинскому правительству задачу восстановления своей власти над отложившимся Синьцзяном. Как указывал туркестанский генерал-губернатор Кауфман: "Только после обещания России вернуть ему /Китаю. — В.К./ Кульджу, китайцы осмелились двинуться к этим странам. Успехи их в Джунгарии и Кашгаре объясняются единственно сдерживающим нашим присутствием в Кульдже, которую им и не приходилось вновь отвоевывать. Уведи мы наши войска оттуда при первом вступлении китайцев в Джунгарию, нет никакого сомнения, что кульджинские таранчи, объединившись с дунганями и кашгарцами, одолели бы

снова ненавистных им китайцев. Таким образом, Китай всецело обязан России не только возвращением Кульджи, но и приобретением остальных двух провинций" /53, 906-907/.

Занятие войсками России Илийского края в принципе облегчало империи Цин задачу умиротворения мятежных мусульман, но, с другой стороны, нежелание царского правительства уступить названный район Китая вызвало демонстрацию силы с обеих сторон /201, 99/ и было чревато вооруженным столкновением.

Илийский вопрос создавал одну болевую точку в отношениях Китая и России в центральноазиатском регионе. Другую Цзо Цзунтан усматривал в том, что русские пограничные власти использовали для стабилизации обстановки в китайских пределах засылку шаек. "Недавно, - доносил Цзо Цзунтан, - буруты /киргизы.- В.К./, анджанцы и другие разбойники из русских пределов рассеялись повсюду у нас и их почти всех наши правительственные войска истребали, в том числе было несколько десятков человек, которые опять-таки укрепились на русской территории. По словам одного разбойника, взятого живым, их посылали русские власти" /33, 25/.

Вопрос о выдаче прибывавших в российских пределах участников мусульманского восстания для цинского двора был не только делом престижа, но и затрагивал проблему внутрополитической стабильности в крае. Пока вожаки мусульманского восстания оставались живыми, их сородичи и единоверцы под властью Цинов оставались потенциальной ратью, готовой взяться за оружие при подходящем моменте. Пример потомков холжи Аппака, укрывавшегося в Кокандском ханстве, мог быть этому подтверждением.

Конкретно вопрос о выдаче одного из вожаков мусульманских повстанцев Бай Яньху вызвал острые коллизии между властями России и Китая. В феврале 1878 г. один из цинских военачальников Лю Цзинтан направил военному губернатору Самареченской области "весьма наглое по тону" требование о выдаче Биянху /Байяньху/ и других руководителей восстания. Они квалифицировались как воры, т.е. уголовные преступники /37, 413/.

В ответе, адресованном Цзо Цзунтану /6 марта 1878 г./, самареченский военный губернатор Колпаковский дал решительную отповедь относительно тона предыдущего послания, где содержалось "высокомерное, настоятельное и дерзкое требование". Угроза

вторжения в российские пределы, указывал Колпаковский, не только смешна, но и опасна для другой стороны /37, 443/. Отвергая ссылку адресата на существование договора между двумя державами о выдаче преступников, Колпаковский указывает, что в пределы России пришли не преступники, а беженцы, спасавшиеся от расправы цинских войск.

Ответ на это письмо Колпаковского прислал илийский цзян-цзюнь Цзинь. Послание, выдержанное в сдержанном тоне, содержало просьбу выдать Байяньху как преступника в соответствии с соответствующими трактатами /37, 473/. Этим сообщением заканчивается первый этап борьбы цинской администрации за выдачу Байяньху. На втором этапе выдвигает новую аргументацию: Байяньху виновен в грабежах, совершенных хуэй в пределах Синьцзяна /37, 47/.

Помимо Колпаковского цинское пограничное начальство, Лю Шо /очевидно, Лю Цзиньтан/ и Цзо Цзунтан, предпринимало демарши перед начальником Колпаковского туркестанским генерал-губернатором К.П.Кауфманом о выдаче Бек-Кули, сына Якуб-бека, и Байяньху /53, 905/. Наконец, не добившись от царских пограничных властей никаких результатов, цинское начальство посылает эмиссаров в российские пределы с целью добиться головы Байяньху /37, 50/.

Требование Цзо Цзунтана о выдаче Байяньху рассматривалось в Петербурге на высшем уровне. И было решено: во-первых, прекратить поставки хлеба для цинских войск в Синьцзяне купцом Каменским; во-вторых, усилить войска в Самаречья; в-третьих, сообщить посланнику России в Пекине о наглом требовании Цзо Цзунтана и потребовать объяснения у цинского правительства по поводу наглого письма /II5, 109/. Цинский двор не оставлял попыток добиться выдачи Байяньху, но неизменно встречал отказ. Министр иностранных дел России Гирс заявил послу Чунь Хоу при заключении Ливадийского договора, что по международным законам политические преступники не выдаются, а Байяньху является политическим преступником /II5, 113/.

Судьба участников восстания вообще, а не только Байяньху и других предводителей, по инициативе российской стороны рассматривалась в общем контексте урегулирования илийского вопроса. Во время обсуждения его с Чунь Хоу русские власти высказы-

лись о необходимости амнистии повстанцам. По утверждению Цзо Цзунтана во исполнение предписания его государя он составил уведомление, кто именно подлежит амнистии. Однако посланного с этим уведомлением военачальника Инь Хуатина семиреченский губернатор не разрешил впускать в пределы Илийского края /33, 25-26/. "Так он самовольничал. Это явилось не только нарушением воли нашего императора", - расценил действия губернатора Хэ Тяньчжу, автор вышедшего в 1908 г. сочинения "Сань мин чэнь ту ду" /"Частная переписка и доклады 3-х знаменитых сановников" /33, 26/. Мы сознательно воспроизвели этот пассаж, чтобы проиллюстрировать образ политического мышления китайской элиты.

Подавление восстания мусульман на Северо-Западе Китая и в Синьцзяне выходило за пределы чисто внутреннего для империи Цин дела еще и потому, что дало основания официальным кругам держаться более решительно, чем прежде, в отношении иностранных держав вообще. После своего триумфального возвращения в Пекин Цзо Цзунтан ратовал за необходимость взяться за всех иностранцев. "Китай достаточно могуществен и богат, имеет в изобилии оружие и людей, даже больше, чем ему нужно, чтобы отделаться от непрошенных иностранцев, вторгшихся хитростью и представляющих для страны источник смут и опасности; нужно только пожелать этого, отрешившись от малодушных угрызений совести. Соглашение с Россией является для Китая трусостью, в виде реванша следует приняться за иностранцев и покончить с ними раз и навсегда" /76, 33, 32-33/.

Прошло 10 с небольшим лет и в 1900 г. в Китае произошло восстание "ихэтуаней", направленное против иностранного присутствия в стране. Китайский национализм, униженный было исламом, воспрянул духом и брал реванш у "заморских чертей".

Подавление восстания мусульман в Северо-Западном Китае и Синьцзяне не привело к улучшению межобщинных отношений, но отяготило их чувствами озлобленности и помыслами о мести. Сарт Юнус-Кары и киргиз Юнус Джангудаков сообщали, пишет И.Ф.Катанов, о китайцах и мусульманах Китая следующее. Если пройдет какой-нибудь слух о войне против китайцев, то все мусульмане взбунтуются и перережут китайцев своего города /56б, 257/.

ХУЭЙСКОЕ ВОССТАНИЕ 1895-1896 гг.

В феврале-марте 1895 г., во время мусульманского поста Рамазана вспыхнуло восстание хуэй в провинции Ганьсу, в гористом округе Сюаньхуатин.

В изложении русского консула в Чугучаке дело обстояло так. Повод к восстанию, если верить дунганским источникам, был таков: в одном из местечек названного округа дунгане выбрали нового ахуна. Выборы привели к расколу жителей на две враждебные партии. Местные китайские власти сочли долгом вмешаться в эту распрю и пригрозили хуэй, если они не прекратят ссору, употребить военную силу. Дунгане ответили, что употребление властями военной силы бесспорно прекратит распрю, но может доставить им неприятностей, и потому просили Сюаньхуаского земского начальника воздержаться от всякого вмешательства в их частное дело. Однако земский начальник послал солдат, которым приказал присутствовать при выборах ахуна. Тогда дунгане напали на солдат и до одного перебили их. Эта победа послужила как бы знаком к поголовному восстанию хуэй, населяющих области Лянчжоу и Ланьчжоу /38а, 158/.

Информацию русского консула о непосредственной причине восстания 1895 г. - вмешательство китайских властей в межсектантскую распрю, подтверждает А. Финдлей, - а именно в спор между приверженцами "Старой" и "Новой сект" /185, 50/. Первых, по-видимому, представляли хуэй, вторых - салары*. Диспут принял угрожающие размеры. Безуспешно использовав средства убеждения, сининский даотай приказал схватить предводителей саларов и распяť его, пригвоздив к городской стене /185, 88-89/. В итоге мусульмане предали забвению свою личную ссору и объединились против общего врага - ханьского начальства.

В отличие от информаторов русского консула в Чугучаке новые данные говорят о том, что в выступлениях в округе Сюаньхуатине участвовали не только хуэй, но и салары, дунсяны, баоани. Возглавлял повстанцев салар из "Лао цзяо" Ханьнула /90, 32/. Выступления в Сюаньхуатине поддержали разноплеменные мусульмане в Хэхуане, Хайгу. Возглавляли здешних повстанцев Ма Юнлинь, Ма

Юнхуй, Ма Вэйхань из "Лао цзяо" и Ма Жубю из "Синь цзяо". О Ма Юнлине говорили, что он проповедник /79, 67/.

Как видим, перед лицом общего врага — хань — объединились представители двух враждующих между собой сект. Особо следует отметить еще одного вожака мусульман-повстанцев. Он известен как Шах-Мирза, хотя его подлинное имя остается в тайне. Примечательно, что Шах-Мирза был приближенным человеком Якуб-бека, а после гибели возглавлявшегося им государства перебрался в Японию, откуда в Китай, в район проживания мусульман /1836, 90/.

На характер выступления, очевидно, повлияло персональное руководство в лице духовного владыки Ханьнуле.

Как и восстание 60-х гг., так и нынешнее сопровождалось "поголовным вырезыванием китайцев" /38а, 158/. Это суждение подтвердили Э. Тейчман /254а, 151/ и А. Финдлей /185, 89/. Иными словами, выступление пошло по программе священной войны против неверных и их пособников из числа мусульман.

Жестокостью отличались действия не только мусульман, но и цинского начальства и рядовых хань. Когда в столице провинции стало известно о нападении саларов на отряд китайских солдат под началом майора Вана, сразу была издана прокламация, что следует убивать всех саларов. Позднее, однако, это приказание было изменено другой прокламацией, которая провозглашала, что нужно делать различие между хорошими и плохими саларами и только последних следует убивать. В то же самое время была установлена награда: 10 дян за каждого взятого живым салара и 5 дян — за каждого убитого /185, 89/.

С прибытием в середине января 1896 г. генерала Хе, уроженца уезда, с 2000 солдат карательные меры в отношении мусульман усугубились. Дома мусульман и мечети, которые еще оставались стоять в восточном предместье, были сравнены с землей, 30 хуэйхуэй, которые были схвачены, были убиты на месте. Когда по распоряжению генерала Ли были расклеены извещения, напоминавшие людям, что хуэйхуэй уже покорились, и призывавшие всех уважать жизни и собственность побежденного врага, уведомления были сорваны, а те, кто расклеивал их, были безжалостно избиты разгневанной толпой /285, 93/. "В один из дней несколько сот обнаженных хуэйхуэй прошли по улицам Синяна, отпевая самих себя. Они были

обезглавлены, едва совершили свой исход через городские ворота" /185, 94/.

В середине февраля 1896 г. прибыла для подкрепления хунаньские солдаты под началом генерала Вэй'я. Генерал Ли использовал эту возможность, чтобы покинуть город; перед отъездом его вынудили передать всех мусульман-заключенных, которые ему покорились. По его отъезде эти заключенные, со всеми теми, которые, как могло быть доказано, помогали хуэйхуэй, были перебиты /185, 96/.

Тысячи хуэйхуэй бежали в Центральную Азию горными дорогами от Синина до Ганьчжоу /185, 97/.

Восстание мусульман в Ганьсу нашло отзвука и в других районах. В частности, в полной мере проявилась нетерпимость хань к мусульманам вообще и, в частности, к их культовым памятникам, несмотря на то, что в некоторых из них были свидетельства уважения к царствующей фамилии. Это, вероятно, еще усугубило ярость хань, испытывавших неприязнь к маньчжурским императорам. Речь идет вот о чем. По случаю 60-й годовщины со дня рождения вдовствующей императрицы Цы Си, хуэйхуэй в Синине украсили свою мечеть /185, 66-67/. Императорская табличка была помещена на почетном месте с сосудом с курениями впереди, в которую каждый приходящий должен был поместить курительную палочку, прежде чем простереться ниц перед табличкой. Соответствующее действие происходило также в приделе. Однако в дни восстания 1895 г. это не остановило хань от разрушения мечети и резни ее прихожан /185, 67/. В свою очередь многие мусульмане восприняли бедствие как подлинное воздание Аллаха за осквернение мечети /185, 67/, каковым явилась демонстрация верноподданничества Цы Си.

Сектантские, этнические и социальные различия в рядах повстанцев сыграли на руку цинским властям. По получении известий о беспорядках двор срочно направил уведомление на места о том, что хуэйским шеньши разрешается набирать дружины для защиты от повстанцев. В частности, один из мусульманских предводителей Ма Фусян со своим братом Ма Фулу набрали дружину, названную "Ань дин цзюнь" /"Войско по наведению спокойствия"/. Из-за того, что Ма Фусян и его брат "помогали правительственным войскам, препятствовали единоверцам", повстанцы сожгли их дома /90, 33/.

Кашгарский тайфу Дун Фусян, на которого возложили общее руководство карательными операциями, успешно использовал политику "убивать мусульман, руками мусульман". К борьбе с повстанцами он привлекал перешедших на сторону правительства мусульманских предводителей Ма Фусяна, Ма Аньяня, Ма Фулу.

После разгрома повстанцев и гибели их вожakov Дун Фусян приказал Ма Аньяню, Ма Фулу со своими людьми уничтожить в местностях, где происходило восстание, приходы. Ликвидации подлежали главы приходов. Хуэймань надлежало читать канон в мечети, последователям "Джао цзяо" не позволялось читать канонические книги "Синь цзяо". Не разрешалось совершать богослужение в "гунбэй", нарушители привлекались к ответственности /79, 68/.

Как видим, последствием восстания 1895-1896 гг. явились и запреты, распространявшиеся на собственно мусульманскую обрядность. И не только, но и на практику богослужения тоже. После восстания 1895-1896 гг. муэдзинам было запрещено с минаретов призывать к молитве.

Мусульманское восстание в Ганьсу в 1895-1896 гг. имело дестабилизирующее воздействие на внутривполитическую ситуацию в цинском Китае. Оно было не преходящим в том смысле, что память о расправах повстанцев и над ними переходила от поколения к поколению. За свои действия мусульмане-повстанцы и заподозренные в выступлениях заплатили высокую цену. В порядке "ликвидации последствий восстания" Ма Фусян и его брат Ма Фулу ежедневно убивали более 100 простолудянов, было умерщвлено более 2 тысяч человек /в подтверждение пересылались уши, так как посылать головы было неудобно/ /73, 90, 33/. Жертвы, естественно, взывали к мщению.

Но этим далеко не ограничивались последствия для внутривполитической жизни китайского государства. Участие братьев Ма в расправах с единоверцами было оценено цинскими властями: Ма Фулу получил чин цзунбина, а Аньдин цзюнь было включено в отобранные и обученное войско /90, 34/. Иными словами, продолжается процесс формирования мусульманской элиты, связавшей свою судьбу с Цинской монархией и опирающейся на местные или свои воинские формирования. Так зарождался клан Ма, мусульманских генералов, фактических правителей Северо-Запада. Начало этому процессу поло-

жил, в частности, отец Ма Фусяна и Ма Фулу Ма Цяньмин. В свое время его щедро обладал Цзо Цзунтан /90, 32/.

ХУЭЙСКОЕ ВОССТАНИЕ 1899 г. В МАНАСЕ

С начала 1899 г. на севере Синьдзяня среди дунган возникло постепенно обострившееся религиозно-фанатическое движение, разрешившееся 20 июня местным восстанием в Манасе. Восстание это ... представляет из себя ничтожную вспышку не так давно народившегося дунганского суфизма, лелеющего мысль о газавате, или истребления неверных при невидимой помощи Аллаха /120а, 42/.

Вдохновителями восстания явились два ишана - Улайчжецзы и Муса. "Независимо от престижа своей мусульманской учености, ишаны приобрели огромное влияние над окрестным населением многочисленными предсказаниями и мнимыми чудесами, которые привлекли к ним не только обыкновенных почитателей, но и большой круг мери-дов" /120а, 42-43/.

В начале года Улайчжецзы объявил, что он "имел беседу с ангелом, ниспосланным ему от Бога, от которого и получил откровение о том, что китайская власть должна в самом непродолжительном времени рухнуть и что ему, ишану, суждено воссесть на богдыханский престол" /120а, 43/.

Муса проповедовал необходимость восстания, утверждая, что он восходил на небо и получил дар пророчества /120а, 43/.

Во 2-й луне слухи о проповедях дошли до начальства. Местный губернатор созвал к себе всех урумчийских и гумудийских^{*} ахунов и ишанов и допрашивал их о возникшем брожении мусульман. Все слухи о нем ахун и ишаны опровергли под клятвой, приписав полученные губернатором известия исключительно враждебным наветам.

Однако урумчийский дунганин Мачен стал тайно скупать оружие, а Улайчжецзы, распуская для отвода подозрений своих мери-дов, перебрался в Манас, где основался в доме знатного суфи Масаня. Здесь, у Масаня, Улайчжецзы вновь рассказал слушателям о явлении ему ангела и полученном будто бы откровении, что ему будет принадлежать китайский престол /120а, 44/. Утверждая, что время исполнения божественного обета уже наступило, он стал на-

стойчиво проповедовать всеобщее восстание... На собраниях своих последователей илан утверждал, что отсутствие необходимых средств, оружия и припасов никоим образом не должно служить основанием к дальнейшим промедлениям, что оружие и все остальное дунгане силой стынут от неверных "при помощи самого Аллаха" /И20а. 44/.

К половине 5-й луны ишан наберобвал до 200 ратников. Из Урумчи от Мачена пришло оружие. Масань был избран "юань шуаэм" /120а. 44/.

21-го числа 5-й дунь /3 июля/ дунгане выступили /Г20а.45/.

Восстание оказалось узколокальным. Соседние казахи не проявили религиозного рвения, наоборот, далеко не сочувствовали дунганскому движению /Т20а, 46/.

С поимкой и смертью вожakov выступления^х оно прекратилось.

После доклада государю о гибели Улайчжацы власти распоря-
дились закрыть по всей провинции те дунганские моделины и мече-
ти, в которых обыкновенно собирались последователи секты "джаг-
рие", а также стали вести самым тщательным образом наблюдение
за появлением ишанов и всяких самозванных святых, постоянно сму-
щающих мирное население своими "мистическими и иступленными
проповедями" /120а. 47/.

События в Манасе на первый взгляд кажутся происшествием местного значения. Однако высказывалось мнение, что они явились одним из проявлений общего роста мусульманского фанатизма, выходящего не только за пределы Манаса, но и самого Синьцзяна в целом. Там в 1899 г. имели место выступления против шведских миссионеров. В том же году в Кашгаре произошли гонения на магометан, пригласивших российского консула и Китайские власти, начинщиком оказался местный мулла /73, 76/. Авторы обзора обстановки в Западном Китае обратили внимание на следующее обстоятельство. Восстание 1899 г. дунган в городе Манасе напоминает сильно Андижанский бунт и едва ли не имеет с ним связи /73, 76/. Сходство усматривается в следующем: «Гуаварями являются такие же ишаны, фанатизирующие толпу, обещающие скорое свержение иноземного владычества, призывающие к газавату» /73, 76/.

Относительно связи рассуждения таковы. До сих пор в Кашгаре проживают два туземца, несомненно оказывавших влияние на ~~ишана~~

Малали, казненного за Андижанский бунт. Они, в свою очередь, находились, по-видимому, в сношениях с Константинополем и действовали как бы от имени султана и шейх-уль-Ислама.

Еще задолго до Андижанских событий в Кашгария появлялись подозрительные лица из Индии. Они выдавали себя за арабов, приехавших для сбора пожертвований на Мекку. Однако их поведение и значительные материальные средства заставляли подозревать в них скорее эмиссаров Турции или Афганистана /78, 76/.

Питательная почва для религиозного фанатизма, который выступал как форма неприятия существовавшего социального порядка, установленного "неверными", создавалась не в последнюю очередь стараниями самих цинских властей. Непосредственно задевали религиозные чувства местных мусульман и вызывали негодование такие действия цинского начальства, как то: назначение в мазары с целью обогащения из монастырских доходов лиц, которые не считали нужным, находясь в священном для мусульман месте, переодеться в халат и чалму, временные запрещения муэдзинам громко созывать правоверных на молитву с вершины минаретов, торжественные поклонения китайских властей при народе /на смотрах/ жертвеннику, на котором находится свинина /73, 61/.

Выступления мусульман Северо-Западного Китая во 2-й половине XIX в., помимо чисто карательных мер физического характера, повлекли за собой ужесточение полицейского надзора за передвижением и местом проживания. "Население Са-чжоуского оазиса состоит исключительно из китайцев, пришедших сюда из Гань-су. Ни одного торговца, ни одного ремесленника нет некаяйца. После дунганского восстания в город /Дуньхуан.- В.К./ дунгане вовсе не допускаются ни по каким делам, не говоря уже о жительстве, что им окончательно воспрещено" /109, 210/. Подобные свидетельства содержатся в работах американских и западноевропейских авторов. Население Ланьчжоуфу в основном составляют мусульмане, на них чиновники смотрят с подозрением. Теоретически им не дозволяется проживать внутри стен города, но лишь на северном берегу реки /173а, 67/. Это правило, добавляют авторы, подобно многим другим законам и правилам в Китае - практически мертвая буква. Однако другие очевидцы свидетельствуют, что далеко не все оставалось на бумаге. В некоторых местностях, сообщает У. Рокхилл,

мусульмане еще обязаны выполнять столь многочисленные, сопряженные с неприятностями предписания, что многие не в состоянии возвратиться в свои прежние дома /244, 39/. Или вот еще пример другого региона. "В первой половине минувшего столетия дунгане имели одинаковые с китайцами права на въезд и торговлю в Дын-кань-ине /Алашань. - В.К./, но после восстания в шестидесятых-семидесятых годах они были изгнаны из страны и им не разрешалось даже во время переезда оставаться на одном месте свыше трех суток. После же восстания, происходившего в 1895-1896 гг., дунганам запрещено останавливаться проездом через Алашань более нежели на одну ночь, затем они должны следовать дальше" /58, 679/.

Религиозное мышление демонстрирует завидную устойчивость, чему в немалой степени способствовали и жесткости "неверных" при подавлении выступлений мусульман. Пролитая кровь вызвала к мщению, и в исторической памяти мусульман оставляли неизгладимый след расправы "неверных" над их единоверцами, соплеменниками. Мечети и мусульманские школы выступают очагами мусульманской духовности, своеобразными коллективными хранилищами исторической памяти и своего рода политическими клубами, где поддерживается дух непокорности и идут разговоры о мщении. Иллюстрацией могут служить следующие наблюдения У. Рокхилла. В Хэчжоу 24 мечети и об их школах очень высоко отзываются все верующие. Этот город-источник постоянных забот провинциального правительства из-за скрытого мятежного духа у его людей. Едва ли год не проходит без выступления в нем или вокруг него и большой гарнизон должно держать здесь /244, 40/.

Последствия восстаний мусульман выходили далеко за пределы отношений правительства и мусульманской общины как таковой. Дело не сводилось только к тому, что она или ее представители с оружием выступили против существующего режима и продемонстрировали намерения создать собственную государственность, за что и стали объектом жестоких репрессалий. Выступления мусульман непосредственно затронули и их взаимоотношения на бытовом уровне с представителями иных этно-религиозных общин, усугубив психологический климат. Война мусульман в ряде случаев вылилась в уничтожение духовности "неверных" вообще. Их не только насильственно обращали в ислам, но и разрушали свидетельства иной, отлич-

ной от мусульманской, духовности. Вот, что, например, говорилось об известном буддийском комплексе "Цянь фо дун" /"Пещеры тысячи будд"/: "Все эти пещеры пришли в упадок после разрушения их дунганами во время последнего их восстания" /109, 223/. Аналогичные свидетельства дают англоязычные авторы. Город Янафу /Шеньси/ был разграблен мусульманскими повстанцами, жители жестоко вырезаны, а храмы, частично по меньшей мере – разрушены /173а, 22/.

Буддийские монастыри подвергались нападению магометан /244, 69/. Ламы защищали храмы и их богатства. В ходе ожесточенных столкновений лам убивали сотнями /244, 69/. В Кумбуме до мусульманского восстания было свыше 7000 лам, указывает У. Рокхалл, теперь только 300 /244, 82/. Очевидно, нельзя 4000 лам, полностью считать жертвами мусульманского террора, но тем не менее к сокращению численности лам в известном монастыре мусульмане были причастны.

Мусульманские выступления имели и косвенные последствия для духовной жизни населения иного вероисповедания: "Набожные калмыки ходят по временам на богомолье в далекие монастыри, как, например, Гумбум в Тибете, и посещают даже Лхасу. Такие далекие путешествия предпринимались нередко до дунганского восстания, когда калмыки были богаче. Теперь же они совершаются гораздо реже. После дунганского восстания впервые в 1867 году караван богомольцев из 200 человек, с ханом во главе, отправился в Лхасу" /119а, 114-115/.

Военное противостояние и порожденные им чувства мести пагубно отразились на положении населения, на состоянии хозяйственной жизни. "Дунгане, – пишет В.И. Роборовский, – преследуемые китайцами с востока, в свою очередь, гоня перед собой и уничтожая попавшихся им на пути китайцев, разрушали их селенья и города, предавая все огню, мечу и уничтожению. В Са-чжоусский оазис они пришли в 12-й год правления императора Тун-чжи... Они расположились в северных от города окрестностях. Жители были вырезаны, а кто успевал, спасался в города за стенами. Дома, кумирня – все быстро было уничтожено, разграблено, леса порублены..." /108а, 211/.

Обратимся к путевым заметкам Н.Ф. Катанова: по всей дороге видны были сегодня китайские пашни и развалины деревень, разру-

шенных дунганами. За 20 ли до Хутуби развалины города, разрушенного дунганами. Деревня Хутуби была прежде городом, называвшимся у китайцев Лян-сен-зы /Лян-шень-цзы/. Этот город разрушен дунганами. Деревушка Кун-нин-чен основана на развалинах прежнего караула, разрушенного дунганами. Город Суйлай разрушен дунганам /566, 98-106/.

О пагубных последствиях мусульманского восстания для простых хань - крестьян свидетельствует П.К. Козлов. "Интензивная жизнь в Голя-вопу-тан стала затихать уже давно, сильный удар мирному процветанию долины нанесло дунганское восстание, разорвавшее китайцев-земледельцев" /58, 142/. Аналогичны суждения американских и западноевропейских авторов: город Циняньфу был процветающим городом, но его население пало жертвой во время мусульманского восстания /173а, 56/.

Пострадали не только хань. "Оставшиеся в котловине Баграш-куля калмыки жили долгое время в довольстве, но дунганское восстание в Западном Китае сильно повредило их благосостоянию. Все лучшее было отобрано от них воюющими сторонами... После дунганского восстания количество животных у них /калмыков. - В.К./ значительно уменьшилось" /119а, 110-111/.

От дунган-повстанцев немало претерпели и их единоверцы-уйгуры. "Развалины, стоящие под обрывом правого берега долины /в Бугасе, северная окраина Хамийской пустыни. - В.К./, свидетельствуют о гибельном здесь посещении дунган. При их появлении жители разбежались кто куда" /108а, 127-128/.

Как бы там не было, но для хань, монгола источником бед, нарушителями устоявшегося уклада жизни, явились, прежде всего, мусульмане. Они не только отнимали имущество и убивали, но и покушались на веру. Переплетение в едином тугом узле последствий экономического и духовного порядка, вызванных восстанием мусульман, обуславливало особую чувствительность бытового сознания и происшедшему и предопределяло стойкую живучесть неприятия и предвзятости к представителям иной общины. Они подспудно составляли постоянный источник напряженности в межобщинных отношениях на бытовом уровне, которая оставалась не под контролем для властей, даже если бы они пытались наладить гармонию межобщинных отношений. В силу аберрация общественного сознания

получалось так, что демонической силой явились мусульмане, хотя в действительности все обстояло гораздо сложнее. К проявлению в общественной жизни Цинского Китая разрушительной силы мусульманского феномена причастны как политика цинских властей, т.е. маньчжуро-ханьской бюрократии, так и ксенофобия ханьского этноса.

Вооруженное противостояние мусульман и для них самих обернулось массовым террором карателей, разрушением хозяйства, культовых центров. Приведем некоторые свидетельства. В небольшом селении Тангар /Таньсу/, где во время посещения его У. Рокхиллом насчитывалось не более 10 тыс. человек, во время подавления восстания было вырезано 10 тыс. мусульман /244, 38-39/. Перечень подобных примеров может быть продолжен.

Спасение от расправ мусульмане Северо-Запада и Синьцзиня ищут в бегстве за пределы Китая. Массовый исход мусульман явился одним из основных последствий мусульманских восстаний в Китае во 2-й половине XIX в., что отразилось как на внутрисполитическом, так и на международном положении страны.

Планы духовного перевоспитания мусульман, приобщения их к конфуцианству свидетельствуют о том, что в официальных кругах империи Цин признавали перманентную опасность режиму, таившуюся в умонастроениях мусульман, подданных империи. Но, очевидно, дальше предложений, дело не пошло. Цинский бюрократический аппарат был не только импотентен радикально заняться духовным перевоспитанием мусульманской общины, но, и там, очевидно, признавали бесперспективность подобных начинаний. Показательно, что после восстаний мусульман второй половины XIX в. продолжают функционировать очаги мусульманского образования. При двух мечетях в мусульманском квартале Сиани имелись школы для изучения Корана /228, 169/.

В научной литературе по существу остается открытым вопрос, почему именно при правлении династии Цин в Китае происходят интенсивные выступления мусульман, чего не отмечалось при ее предшественниках, в частности, дома Мин. Невольно складывается такое впечатление, что при династии Цин, каковую представляют собственно маньчжурской, не ханьской, мусульмане подвергались большему притеснению.

Проблема оказывается гораздо сложнее, чем кажется на пер-

вый взгляд. Прежде всего, следует принять во внимание состояние источниковедческой базы. По существу основным источником для изучения политической истории Китая в период Хань и Мин является "Хань ши", "Мин ши". В какой степени все перипетии общественного развития Китая при Ханях и Минах, в частности, факты о мусульманах, нашли отражение в "Хань ши" и "Мин ши" – вопрос остается нерешенным. В частности, не известно, сколь четко дифференцировалось население по этнорелигиозному принципу. Наконец, учитывая то обстоятельство, что становление династий Хань и Мин происходит в условиях смут, можно полагать, что погибло и немало письменных источников, которые содержали сведения о неханьском, в том числе и мусульманском, населении.

С другой стороны, минский Китай в отличие от цинского, был менее открыт внешнему миру. Количество нарративных работ иностранных авторов, посвященных Китаю цинского времени, по своей многочисленности не идет ни в какое сравнение с тем, что написано о минском Китае и, соответственно, о политических событиях, происходивших в стране.

Далее, исламский фактор проявляется более значительно и часто в политической истории цинского Китая, нежели минского, по следующей наиболее очевидной причине. При цинских правителях мусульманская община в Китае стала значительно больше, как по численности населения, так и территориально, при Цинах происходит захват и включение в состав китайского государства Восточного Туркестана, региона с преобладающим мусульманским населением.

Сосуществование мусульманской общины с превосходящим его по численности ханьским этносом и до установления в Китае власти Цинов было не простым. Настороженность и неприязнь со стороны чуждых по этнической и религиозной принадлежности людей, да и притом по представлениям хань – пришлых чужаков – на протяжении длительного периода времени не сошли на нет, но наоборот, аккумуляровались в общественном сознании обеих групп населения и разрядка этих накопившихся зарядов пришлась на время правления династии Цин. В период ее царствования Китай вступил в сложный период социально-экономического развития, характеризуемый частыми общественными катаклизмами, к каковым оказалась причастна и мусульманская община Китая. В силу специфика обстановки

своеобразия психологии получалось так, что мусульмане нередко выступали не против только существующего режима, но и против "неверных" вообще, как цинского чиновничества, войнства, так и простых хань.

Характернейшую особенность выступлений мусульман составляет вагдализм в отношении культовых памятников и иерархов, в частности, буддийских. Весьма показательно в данном случае свидетельство Р. Шомберга. В Турфане — мечеть, с прекрасным минаретом, построенная ваном Джучуна. В пяти милях по урумчийской дороге — разрушенный город с храмом Будды, все изображения разрушены, поломаны, и камни, что разрушали лицо божества, лежат в нише /248а, 65/. Этот факт борьбы с идолопоклонством не случаен и не единичен и служит иллюстрацией к имевшим место среди мусульман Китая антибуддийским настроениям. Об их наличии, вероятно, с преувеличением в статье "Роль ислама среди народов" в журнале "Мусульманин" говорилось: в Китае ислам "угрожает заменить собой буддизм" /II2а, 8/. Непримируемость мусульман к языческой вере отмечали и китайские авторы. Применительно к Юго-Западному Китаю примечательны свидетельства о насмешках мусульман над религиозными обычаями хань. "Притом /мусульмане/ постоянно бахвалились: "Падающая на чужую веру, имеешь заслугу, не совершаешь преступления". И не ведали, что как раз в этом крылась причина назревающих бед, когда уничтожался род, уничтожалась народность. Только причину, которая породила бедствие, надлежит возложить на наставников, которые учили канону /т.е. Корану. — В.К./, ибо причина в том, что наставники, обучавшие канону, учили неправильно" /IIа, II/.

Заповеди веры определяли отношение мусульман ко всем неверным, как к "неверным", императив о джихаде, "священной войне" против язычников, многобожцев — все это в той или иной степени влияло на общественное сознание мусульман, но материализовалось все это в поступках под влиянием повседневных условий социально-экономической жизни. Они были тем катализатором, который способствовал тому, что заповеди веры, соответственно интерпретированные духовными властями, излагаемые как императивы, материализовались в конкретные акции.

Помимо заповедей веры на общественное сознание мусульман и, соответственно, их поведение непосредственно влияло и отноше-

ние подавляющего своей численностью ханьского большинства, для национального сознания которого была характерна ксенофобия. Для ханьского обывателя и просвященного чиновника — хань мусульманин был пришлым, чужаком, с иными, чем у них, обычаями и верованиями.

Сколько бы не велики были различия в вере все же антагонизм между представителями общин вызывали не только и не столько они, как комплекс причин социально-экономического и политического порядка. Религиозная принадлежность служила наиболее видимым водоразделом между "нашими" и "чужими". Отчуждение это в обычных условиях проявлялось так или иначе, но перерастало в антагонизм в экстремальных случаях, которые возникали в быту, как по инициативе ревнителей веры, которые пеклись при этом о собственном, так и из-за низменных побуждений толпы /желание высмеять другого, элементарное чувство зависти/. В последнем случае показательны суждения Джонстона относительно событий на Юго-Западе. Причина восстания восходит к сравнительно пустячному спору среди старателей, имевшему место в 1855 г. на прииске, расположенном между Юннаньфу и Далифу. Мусульмане-старатели оказались более удачливые, нежели китайцы-горняки. Это вызвало и неприязнь последних. В результате возникла ссора с применением силы /202, 262/.

Различия в образе жизни приводили и к разнице в общем социальном, имущественном положении. Приведем на сей счет характерное свидетельство относительно Северо-Западного Китая. В долине в окрестностях Циннинчжоу /город за Даньчжоу/ живут мусульмане, поэтому нет посевов опиумного мака. Китайцы, как пока-зала поездка, лучшие земли отводят под опиумный мак, тогда как магометане отводят всю свою землю под злаки, коноплю и другие полезные продукты. Результатом было заметное различие в благополучии двух классов, буддистов и мусульман, первые выказывают признаки большой нужды и деградации, тогда как последние были сравнительно процветающими и благополучно выглядевшими людьми, их дома чище и лучше обставлены, их лица менее измождены и менее измучены заботами /173а, 71-72/. Отсюда логично предположить, что менее благополучные хань питали в лучшем случае лишь зависть к мусульманам, что в свою очередь не способствовало под-

держанию добрососедских чувств между представителями двух общин. Социально-имущественные различия создавали питательную среду для сохранения отчуждения и по религиозно-общинному признаку.

Ниспровержение цинского государства, "власти неверных", как это воспринималось бытовым сознанием мусульман, для них отнесило социально-экономические последствия этого события в смысле того, стало ли материально жить легче простому труженику. Подсознательно установление исламского режима воспринималось как настоящее /и потенциальное/ благо в сравнении с "властью неверных". И отсюда тот пietet, которым окружено имя Якуб-бека. Показательна для умонастроенный мусульман таранчинская "Песня о Бек-Баче, сыне Бадаулета", т.е. Якуб-бека Кашгарского. Воспроизведем из нее некоторые фрагменты:

- Если ты поедешь в Анледжан, передай приветствие Бек-Бача.
- Если спросят - где жены, то скажите, что в руках у неверных.
- Если Якуб-бек появится /на побоище/, то останется ли душа у неверных?
- Кашгарские святые любят Якуб-бека.
- Якуб-бек вел войны, неверным причинял стеснение, украсил все свое войско золотом и серебром.
- Якуб-бек сам богатырь; он стрелял ружьем в неверных /98, 28-31/.

И одновременно негативное отношение к "неверным-китайцам" нашло выражение в устном народном творчестве, что способствовало закреплению в памяти населения соответствующего представления о "неверных" и в конечном счете создавало устойчивый психологический фактор, определявший не только отношение к немусульманам, власть предрежащим, но и вообще ко всем "неверным", которые ассоциируются с этой властью.

Воспроизведем фрагменты соответственно из "Сказания о Зунтуне"^х и "Сказания о Махмуд-хане, сыне Шейх-ахуна".

- Так называемый Зунтун с неверными принесли жестокости.
 - Так называемый Зунтун с неверными /китайцами/ стал мучить их душа /98, 37/.
 - Китайцы, дурные неверные, сослали /его/ в Турфан /98, 35/.
- Память о Якуб-беке как поборнике веры люди чтили по-разному.

му, в том числе посвящая ему мечети. Такая существовала в Яркенде в начале XX в. /179, 475/.

Все эти проявления межобщинной розни, как-то: ссоры и стычки при купле-продаже, высмеивание той или иной стороной обычаев другой, принуждение иноверца-чиновника к сожительству мусульманки, предвзятое отношение судебных к мусульманам нельзя считать главными причинами мусульманских восстаний, которыми изобилует история Китая во время правления династии Цин. И тем более нет оснований выставить ее, как власть инородную, неханьскую, основным виновником этих выступлений мусульман. Причины мусульманских инсurreкций следует искать прежде всего в психологической несовместимости, грубо говоря, двух общин: мусульманской и немусульманской, размещавшихся в пределах китайского государства и находившихся под властью немусульманского правителя. В силу последнего обстоятельства прежде всего он становился неприемлемым для менталитета его мусульманских подданных. В их коллективном сознании подспудно жгло стремление обрести правителя-единоверца. И такие настроения бытовали столь широко, что о них имели представление иностранцы, попадавшие в Китай. "...Мы слышали о старом пророчестве такого содержания, что будет великая магометанская революция и что хуэйхуэйская /магометанская династия/ будет править Китаем", - писал в мае 1865г. А.Б. Фрамен-Минтфорд /190а, XIV/.

Вторая половина XIX в. отмечена ростом национального самосознания как у хань, так и проживавших в Китае мусульман. Этому общему явлению способствовали и внешнеполитические факторы. Что касается хань, то свою роль сыграло насильственное открытие Китая капиталистическими государствами, что повлекло ущемление его суверенитета и уязвляло национальные чувства хань. Их ущемленное национальное самолюбие искало выхода и находило его, в частности, в шовинизме, объектом которого являлись мусульмане.

Что до мусульман, то здесь дало себя знать распространение идей панисламизма и конкретная сопричастность к судьбе мусульман Китая со стороны общемировой мусульманской общины и ее политических центров, прежде всего Стамбула. "... религиозными бреднями, полными дикого фанатизма... переполнены брошюры, издающиеся разными мусульманскими изуверами в Турция и Ост-Индия. Несмотря

на все таможи и заставы, брошюры эти в сотнях тысяч экземплярах попадают в Россию, читаются на расхват и чуть ли не наизусть заучиваются мусульманским населением, они-то главным образом и дают в результате весьма печальные явления ... Меня упорно преследует мысль, что и в Андижанском восстании брошюры эти сыграли немаловажную подготовительную роль" /80, 207/.

Вышесказанное относилось к Российской империи, но в той части, где речь идет о распространении исламской литературы радикального толка, оно может быть применимо и к Цинскому государству. Последнее, как и Российская империя, не было изолировано от проникновения идей панисламизма и нетерпимости к "неверным". В Китае активно действовали представители Османской Порты.

Начало XX в. ознаменовалось духовным пробуждением Китая. Оно проявлялось по-разному: в росте атеизма, в распространении научной литературы, книг о французской революции и правовом строе Западе /27, № 4, 209/. В общественном сознании населения страны проявляется интерес к новым идеям, к преобразованиям бытующей политической системы. Эти явления дают себя знать и среди мусульман Китая. Даже магометане, которых целые миллионы в Китае, перестают быть глухими /27, № 4, 4/.

Исторически сложившаяся обстановка в Китае при правлении династии Цин способствовала как росту шовинистических и ксенофобских настроений ханьского населения, так и религиозного национализма мусульман Китая. И то, и другое неминуемо приходило в столкновение, что оказывало существенное влияние на политическую обстановку в империи Цин. Конфронтация эта меняет географию. Можно говорить о появлении новых, отличных от традиционных, мест ханьско-мусульманского сосуществования, отмеченного, как правило, взаимной неприязнью. В частности, мусульманские общины появляются в глубинке Северо-Восточного Китая /Маньчжурия/. "В отношении религиозных верований Мэргень представляет собой еще более пеструю картину-буддисты... конфуцине, магометане и шаманисты. Магометанство представлено слабо и только начинает распространяться здесь" /35, 127/.

У цинского правительства имелось достаточно оснований считать мусульман одним из дестабилизирующих внутрисполитическую обстановку элементов, потенциальный источник возмущений. Приме-

чательное свидетельство на сей счет делает У. Рокхилл, рассказывая о посещении Ганьсу: "Ни в одной провинции Китая я не встретил столь много патрульных постов и солдат, как здесь"/244, 28/.

Мусульмане, как показали их антиправительственные выступления, отчаянно сражались с цинскими войсками, тем самым демонстрируя свою враждебность режиму, но, с другой стороны, как ни парадоксально, они же явились самыми ревностными защитниками правящей, маньчжурской фамилии, цинского престола. Войска с Северо-Запада под началом Дун Фусяна пришли на помощь вдовствующей императрице во время переворота 1897 г. /173а, 72/. В 1898г. в знак признания лояльности трону представители мусульманской верхушки Северо-Запада братья Ма Фулу и Ма Фусян вместе с солдатами Дун Фусяна были переведены служить в столицу /90, 34/.

На начало XX в. пришлось выступление ихэцзяней, направленное против иноземного присутствия и сопровождавшееся столкновениями с войсками иностранных государств. Отношение мусульман к событиям 1900 г. было неоднозначно. С одной стороны, они не поддерживали, в частности, в Маньчжурии лозунги ихэцзяней и по религиозным соображениям. "Члены о-ва и-хэ цюань объявили себя посланниками небес и требовали себе поклонения, как богам, почему они и не могли воздействовать на магометан, которые преданы Единому Истинному Богу и его пророку Магомету"/82, 223/.

Но в то же время мусульманские вожаки с Северо-Запада выступали на стороне цинского двора в его противостоянии с иностранцами.

В 1900 г. во время событий, связанных с антииностранным выступлением ихэцзяней, в последствии один из ведущих мусульманских милитаристов Ма Фусян и Ма Фулу служили под началом Дун Фусяна в Пекине в 1900 г., сражались с солдатами союзных держав, и Ма Фулу был убит в бою с ними /90, 34/.

Защищая дом Цин, мусульмане дали выход чувствам религиозной непримиримости. Солдаты Дун Фусяна бесчинствовали с лозунгом "Уберем Эр Мао цзу"-второразрядных чертей - термин, употребляемый применительно к китайским христианам /151, 45/. Несмотря на эти факты насилия, даже интеллигентные люди еще верили, что ганьсуйская солдатня - оплот западного Китая и будут более чем способны отразить любое количество иностранных солдат/151, 454/.

Когда Пекин был занят иностранными войсками, вдовствующая императрица Цы Си и император Цзай Тянь /девятое правление Скань Тун/ бежали в Чанань. Ма Фусян был среди эскортирующих их /254а, 188; 90, 35/.

В 1902 г. Цы Си и Цзай Тянь, особо отмечая заслуги Ма Фусяна в боях в столице, по охране августейших особ в пути, распорядились "оказать ему милость и дать должность в случае вакансии". Вскоре он получил пост цзинюаньского сефучэня провинции Ганьсу. Это обстоятельство заслуживает особого внимания, ибо положило начало включению представителей влиятельного на Северо-Западе мусульманского клана Ма в состав военно-бюрократической элиты государственного уровня.

Мусульманские бойцы вели себя наиболее решительно во время осады иностранных массий и столкновений с иноземными войсками. "Приход войска, составленного из мусульман Ганьсу, в их черных турбанах, доставил на передовую более жестокий элемент китайской солдатни" /192, 305/. Очевидец событий во время штурма союзниками Пекина в августе 1900 г. писал: "Японцы выбили китайских солдат-мусульман, которые засели в четырехъярусной башне и упорно стреляли, хотя на всех стенах Пекина уже развевались белые флаги" /141, 444/. "Маньчжуры не имели более лояльных слуг, чем мусульманские вожаки Ганьсу", - резюмирует Э. Тейчман /254а, 187-188/.

На стороне царствующей маньчжурской фамилии выступили вожаки мусульман Северо-Запада и во время Синьхайской революции, которая положила конец царствованию маньчжурского дома Цин. И этому объективно способствовали мусульманские восстания XIX в. Они неблагоприятно отразились на общем экономическом состоянии государства и соответственно на социально-политическом климате в стране. Последствия восстаний непосредственно дали себя знать в системе фиска: сокращение населения повлекло за собой уменьшение поступлений в казну. /Само название финансового ведомства империи Цин - "Ху бу", т.е. "Подворный приказ", "Приказ податного народа", - говорит сам за себя. /"Якуб-бек и дунгане почти истребили население Ганьсу до ее повторного захвата китайцами в 1873-74 гг., вероятно, мусульманское восстание 1895-1896 гг. сократило население /с 9800000 в 1894 г. - В.К./ до 8000000 ...

Что касается Юньнани ... /то там имело место/ восстание пантаев, слалашнее безлюдной всю провинцию ..." /233, 32-33/. Сокращение населения, а следовательно и числа платящих подати казна, заставляло последнюю изыскивать средства для существования режима и за счет увеличения налогов с оставшихся налогоплательщиков, что в свою очередь вело к дальнейшему упадку производительных сил государства и в конечном счете к его общему социально-экономическому и политическому кризису, способствовавшему Синьхайской революции.

Первое десятилетие XX в. в общественно-политической жизни Северо-Западного Китая отмечено обострением обстановки из-за попыток самоутверждения со стороны создателей т.н. "Современной секты" /"Новой"/. Будем называть ее "Современной" в отличие от старой "Новой". Инициаторами создания "Современной секты" явились 2 ахуна по возвращении из Мекки. Заявила о себе она в 1909 году /185, 50/. У ее адептов возникли распри как с "Новой", так и со "Старой" сектами. Губернатор Ганьсу в интересах поддержания порядка вынужден был вмешаться и издал прокламацию от имени китайского правительства, запрещающая распространение нового учения. "Современная секта", обретя опору в 12 окрестностях Сининфу, вызвала большие беспорядки. Для их подавления была послана конница. Главарей выступления схватили и посадили в тюрьму. Это вызвало волну слухов о предстоящем выступлении хуэйхуэй и панику среди них и китайцев. Ма Аньлян, сторонник "Старой" секты, направил своих солдат в Хэчжоу. Они убила 6 вожakov "Современной секты" /185, 51/.

Таким образом, в XX в. мусульманская община Северо-Западного Китая вступает раздробленной на секты, противоречия между которыми дестабилизируют общественный порядок. Межсектантские распри характеризуют одну сторону жизни разнородной мусульманской общины Китая, с другой стороны, в ней наблюдаются и иные примечательные явления, которые тоже дают себя знать в политической жизни китайского государства текущего дня или в более отдаленной перспективе.

Начало XX в. ознаменовалось новыми явлениями в общественной самодеятельности мусульман Китая. Наиболее характерную особенность этих явлений составляет повсеместно проявляемое стремление мусульман к самовыражению и к самоутверждению. Наблюдается

тенденция со стороны наиболее социально активной части мусульман заняться делами собственной конфессии, чтобы она проявила себя в подавляющем ханьском окружении не столько стихийными сдвигами на бытовом уровне, но и заявила о себе в сфере образовательной и идейно-политической.

В 1908 г. в Суйдуне /Синьцзян/ российские подданные мусульмане создали "Суйдунское общество мусульман прогрессистов". Согласно его устава общество имеет своей задачей улучшение местных школ, издание популярных научных брошюр, устройство просветительских чтений и бесед, выдачу пособий учащимся, преследует обычные цели, свойственные просветительным обществам, бесприпятственно учреждаемым инородцами в пределах империи в общем, установленном законом 4 марта 1906 г. порядке /125, /.

Говоря об умонастроениях мусульман Китая на начало XX в., следует особо подчеркнуть влияние идей, приносимых извне, прежде всего панисламизма. Степень распространенная панисламистских настроений, очевидно, была различной в разных районах проживания магометан. Но вероятнее всего наиболее благоприятной почвой для панисламистских идей являлись места компактного расселения мусульман. Муллы из Персии, Аравии, Индии, Турции и Египта обнаруживаются, отмечает А. Финдлей, посещают хуэйхуэй. В последние годы пришедшие муллы принесли вести о великом панисламистском движении и литературу, повествующую о нем. Эти новости вызвали радость среди более образованных хуэйхуэй. Их правитель учинил сентенцию, которая стала широко цитироваться среди них. "Хуэй у эр цяо" - "Ислам - недалекая религия" /185, 45-46/. Иными словами, среди мусульман Северо-Западного Китая не без воздействия извне крепло чувство солидарности с международным мусульманским сообществом.

Глава 4. СИНЬХАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, УСТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ И МУСУЛЬМАНЕ

ИСЛАМ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ КИТАЕ

Революция 1911 г. — одно из переломных событий в политической истории Китая. Следствием революции явилось падение цинской монархии, одиозно стоявшей политическое господство маньчжурской народности в многонациональной стране. Застрельщиками борьбы с домом Цин выступили представители ханьского этноса, а в этом плане революция являлась порождением непримиримого антагонизма между маньчжурами, победителями, и хань, побежденными. Воинствующий ханьский национализм составлял идейную основу, которая объединяла активных противников цинского господства.

Революция 1911 г. /началом ее принято считать выступление в Учане 10 октября/ предшествовала среди прочих событий политического порядка кампания в прессе о кровопролитных мусульманокитайских столкновениях в Синине /Цинхай/. Первопричиной их называлась религиозная рознь /70, 80/. Тональность этих сообщений прессы антимусульманская. Держать в узде надлежало только мусульман /'0, 81/.

Выступление за свержение цинского господства было направлено исключительно во имя интересов ханьского этноса. Его элита в лице офицерства, чиновничества и интеллигенции руководствовалась националистическим императивом и демонстрировала национальный эгоизм, радуя за благо только хань. "Наши войска не в состоянии более выносить гнусное положение китайцев /выделено нами. — В.К./ и подняла восстание, дабы истреблять варваров", — говорилось в обращении Ли Маньхуна, одного из вожаков переворота, к высшим военным чинам всех провинций, с которым тот выступил после взятия Учана. По занятии революционерами Нанкина началась расправа с маньчжурами. Маньчжурский квартал был обращен в кучу пепла, а пруды вокруг Нанкина были заполнены телами маньчжурских женщин и девушек /192, 345/. В Сиани /Шеньси/ революция ознаменовалась резней маньчжур в Маньчжурском городе. Такой всплеск воинствующего ханьского национализма с нетерпимостью к маньчжурам как

таким, ибо они были помимо всего прочего не хань, но инородцы-дикари, не мог не породить настороженности и у мусульманской общины, ибо воинственный порыв хань был чреват разборками и с прочими инородцами.

Ханьские военно-политические деятели, выступавшие за свержение власти маньчжурского дома Цин, изначально претендовали на то, чтобы быть восприемником территориального наследия цинской монархии. Все ранее подвластное ей многонациональное население страны автоматически должно было перейти под начало новой власти. Хань в лице руководства антицинской революции загодя предвещала судьбу неханьского населения без ведома последнего.

II октября 1911 г. на совещании в Учане, на котором присутствовали представители различных антицинских сил, было постановлено:

1. Провозгласить Китайскую республику. "Китай становится государством, состоящим из равноправных народов пяти национальностей — китайцев, маньчжур, монголов, хуэйцзу /народностей мусульманского вероисповедания/ и тибетцев.

2. Государственным флагом объявляется пятицветный флаг с красной, желтой, синей, белой и черной полосами.

3. Упраздняется летоисчисление по годам правления маньчжурских императоров, 3-й год Сюань-тун /1911/ должен считаться 4609-м годом эры "Хуан-ди"/78, 70/.

В этом программном документе хань-республиканцев мусульмане приравниваются к прочим гражданам Китайской Республики. Об их правах на отправление предписаний веры и обрядности ничего не говорится. В традиционном для мусульман летоисчислении гражданам Китайской Республики, исповедующим ислам, отказано, им надлежит вести летоисчисление от эры легендарного прародителя хань — Хуан-ди.

К концу 1911 г., однако, Ганьсу, где компактно проживали мусульмане, была в числе 3 из 18 провинций собственно Китая, которые еще признавали власть цинского правительства /III, 12/. Тем не менее, застрельщики антицинского восстания загодя предопределили судьбу мусульман, проживавших в пределах Китая, очевидно, не спрашивая их мнения.

В дальнейшем вопрос о статусе мусульман /равно как и про-

чих нехань /фигурировал в ходе переговоров между республиканской армией и цинским двором относительно условий отречения царствующей фамилии от трона.

Как гласил указ государя от 13 января 1912 г., он отдал приказ Совету министров обсудить статьи о республиканской армии. "Были... установлены... 4 статьи отношений к маньчжурим, монголам, мусульманам /выделено здесь и далее нами. - В.К./ и тибетцам. Их можно считать удовлетворительными. Члены Императорской фамилии, маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы должны прекратить раздоры и поддерживать мир".

Государевым указом от 3 января 1912 г. были оглашены "Статьи, касающиеся отношений к маньчжурим, монголам, мусульманам и тибетцам". Ввиду того, что все последние одобрили введение республиканского строя правления, то по отношению к ним будет поступлено следующим образом:

1. Они будут равноправны с китайцами.
2. Их частное имущество будет охраняться.
3. Прежние ограничения касательно занятия торговлей и места жительства - отменяются. Они имеют право переселяться куда угодно.

4. Маньчжурим, монголам, мусульманам /выделено нами/ и тибетцам предоставляется свобода религии.

Вышеозначенные статьи будут официально сообщены представителями обеих сторон проживающим в Пекине иностранным посланникам для сообщения их правительствам /ГОЗ, 352/.

Сопоставление этого указа цинского монарха с декларацией республиканцев, принятой в Учане 11 октября 1911 г., дает основание заключить, что в первом более конкретно определены права мусульман при новой республиканской власти, в частности, им предоставляется свобода вероисповедания, а также местожительства. В последнем случае речь идет о снятии ограничений на проживание мусульман, которые последовали за их выступлениями во 2-й половине XIX в. Неизвестно, есть ли в этом какие-либо личные заслуги дома Цин, но внешне выходило так, что именно он обеспечил мусульманам конкретные права при республиканском режиме и испытывает от того удовлетворение. Данное обстоятельство давало повод всем нехань, в том числе и мусульманам, рассматривать

маньчжурский дом Цин как защитника их интересов в период смены власти, где тон задавала хань.

Что касается утверждения, содержащегося в указе, что мусульмане в числе прочих инородцев одобрили введение республиканской страны, то оно было продиктовано соображениями момента и не имело под собой реальных оснований, не исходило из волеизъявлений широких слоев мусульман Китая.

Вышеупомянутый государев указ являлся результатом переговоров между представителями цинской администрации и республиканской армии. Формально Цинская монархия продолжала еще существовать. Но развитие событий вступало в новую фазу, когда 29 декабря 1911 г. делегаты от провинций, не признававших власти Цинов, избрали Сунь Ятсена временным президентом Китайской Республики и поручили ему формирование временного революционного правительства.

В своих программных заявлениях Сунь Ятсен касался вопроса о судьбах мусульман, о положении религии в стране. В декларации при вступлении на пост Временного Президента Республики /1 января 1912 г./ он в качестве одной из первоочередных задач новой власти назвал следующее: "Слить в одно государство земля ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэйцзу /подчеркнуто нами. - В.К./ и тибетцев так, чтобы ханьцы, маньчжуры, монголы, хуэйцзу /подчеркнуто нами. - В.К./ и тибетцы сплотились в одну семью..." В этой самой общей посылке не раскрывается, какими путями мыслилось слияние, в частности, мусульман с хань в единую семью. Мнения самих мусульман относительно такой перспективы тоже, очевидно, не спрашивали.

В воззвании Временного Президента Республики ко всем дружелюбным нациям /5 января 1912 г./ Сунь Ятсен обрушился на Цинский дом, с установлением власти которого в Китае сошли на нет свобода проповеди религии. До того времени, как маньчжуры восседали на китайский престол, Китай предоставлял свободу проповеди религии /III, I4I/. В этом пассаже явно чувствуется националистический акцент: при неханьских правителях в Китае можно было свободно проповедовать различные религии. Но будет ли предоставлены таковые при республиканском режиме, вопрос этот был Сунь Ятсеном в данном случае обойден молчанием.

10 января 1912 г. нанкинское правительство предлагает маньчжурскому дому условия отречения, среди последних 5-е по счету гласило: "... с мусульманами, туркестанцами /подчеркнуто нами. - В.К./ ... будут обращаться как с китайцами, и их частная собственность будет защищена" /218, 473/. В этих предложениях, как видим, вопрос о свободе отправления мусульманами требований культа не акцентируется.

Общие положения относительно религии и верующих при республиканском строе были обнародованы во Временных основных положениях Китайской Республики от 11 марта 1912 г., подписанных Сунь Ятсеном. В частности, провозглашалось следующее:

- Граждане Китайской Республики между собой равны. Не существует разниц расовых, сословных и вероисповеданий.

- Граждане пользуются свободой вероисповеданий /103, 358/.

Как видим, теперь уже Сунь Ятсен определенно говорит лишь о свободе вероисповедания, но не о свободе проповеди религии.

12 февраля 1912 г. цинский государь Пу И /девиз правления Сянь Тун/ отрекся от престола, и на этом революция 1911 г. формально завершилась.

Но ирония исторических судеб именно представитель мусульманской общины, которая причиняла империи Цин столько беспокойств, с исчезновением из столицы цинского двора и его бюрократия своим присутствием напоминает о былом господстве Цинского дома. "Я видел приготовление к ее рождению, а теперь я присутствую при смерти императорской ассамблеи... Для меня Пекин имел все признаки крушения социальной системы. Я остановился на улице, чтобы поглядеть на старого генерала Цзяна Гуйда, который проходил мимо. Мусульманин-китаец, воин, но сановник старой школы... Хотя императорское правительство со всеми его палатами и армией чиновников исчезло, генерал Цзян остается связью с прошлым. Он был надежным помощником покойной великой вдовствующей императрицы. Это именно он прикрыл тыл для бегства двора из Пекина в 1900 году, после чего он был награжден командованием над войсками, которые составляют защиту и личную охрану двора. У него, вероятно, 7000 солдат, с которыми должен поддерживать спокойствие в Пекине" /218, 57/.

Как было показано выше, в период революции 1911 г. мусуль-

манский вопрос так или иначе решался в политических кругах Китая, являлся предметом переговоров республиканцев-хань и цинской администрации. Но участвовали ли в этих переговорах представители самих мусульман Китая и выдвигали ли они собственные требования, не располагая данными, сказать определенно невозможно.

Обратимся к более подробному рассмотрению, как повсеместно восприняла мусульманская община Китая революцию 1911 г.

В столице начало выступления в Учане вызвало смутнение, все население испытывало страхи /50, 610/. Мусульмане тоже не составляли исключения. В создавшейся обстановке известный мусульманский деятель ахун Ван Хаожань выступил за организацию ополчения /мианьтуань/, чтобы пополнить недостаток военных и жандармских сил /50, 610/. С того времени повсеместно создаются в городах торговые ополчения /шантуань/ /50, 610/. По всей вероятности, она не столько выступала в поддержку ханьских революционеров, сколько ставила целью защиту жизни и имущества от посягательства со стороны ханьской толпы, которая могла воспользоваться обстановкой, чтобы поживиться за счет мусульман, к которым обыватель традиционно не питал расположения. Тем более, что сообщения некоторых органов китайской прессы нагнетали неприязнь к мусульманам, звали к отмщению им. Так, "Даго жибао" 26 сентября 1911 г. опубликовала сообщение из Дальнего: мусульмане Ганьсу подняли мятеж. Главарь мятежников самовольно объявил себя императором западных стран /9а, 498/II/. 11 октября вышеупомянутая газета уведомила: мусульмане взяли Синин, там началось избиение китайцев /9а, 496/13/.

На северо-западе Китая, в провинциях Ганьсу и Шэньси, где компактно расселилось мусульманское население, антицинское выступление в Учане не получило повсеместной поддержки. В частности, в Ганьсу, магометанское воинство, влиятельная общественная сила, "несколько не сочувствовало республиканизму" /206, 10/.

В столице соседней с Ганьсу провинции Шэньси Сяньфу борясь против господства цинского дома ознаменовалась грабежами и резней в китайской и маньчжурской частях города. Местные мусульмане участвовали вместе с ханьской толпой в разграблении той и другой /206, 34, 59/.

В результате переворота в Шэньси формально новым, респу-

ликанским правителем /дуду/ стал Чжан Фэнхуэй, деятель партии /206, 64/ "Гэминдан".

Он сознавал значимость мусульманского фактора в общественной жизни Северо-Запада. И потому пытался привлечь на свою сторону вожakov мусульман. Чжан Фэнхуэй обратился к отставному цинскому сановнику монголу Шэн Юню, пользовавшегося уважением среди ханьских шеньси и маньчжуров Шэньси, чтобы он совместно с прежним наместником и предводителями мусульман разъясняли населению идеалы гоминдана и пролил власти Ганьсу действовать сообща в деле построения нового Китая /206, 66/. Словом, руководители мусульман призывали участвовать в ликвидации политической системы цинской власти в Ганьсу. И их поведение было здесь решительным. Признание данного обстоятельства явствует из обращения Чжан Фэнхуэя к Шэн Юню. "Но если Вы предпочтете использовать свою свободу, подняв против нас магометан, то не подумайте, что мы боимся вас, ибо такие действия будут подобны яйцу, которое стремится своим ударом разбить камень" /206, 66-67/.

Для властей Ганьсу, назначенных еще при монархии, новый режим в Шэньси был мятельным, и они не хотели ему подчиняться. Чтобы пресечь поползновения со стороны новых правителей Шэньси, туда двинулись мусульманские войска из Ганьсу. Внешне получалось, что выступали в защиту цинского дома, ибо последний назначил Шэнь Юна правителем Шэньси и тот обратился к начальству Ганьсу направить войска в Шэньси. Однако некоронованный владыка мусульман Северо-Запада Ма Аньлянь предпринял кампанию в Шэньси, руководствуясь личными соображениями, не желая защищать интересы ни маньчжуров, ни хань /206, 59/. Кампанией в Шэньси он преследовал цели собственного самоутверждения, ибо в установлении новых порядков, за которые ратовали революционеры в Шэньси, усматривал угрозу своему привилегированному положению. Не исключено, что поход мусульманского воинства имел целью и предостеречь вожakov "Гэлахуэй" от намерения учинить резню мусульман, которую его приверженцы развязали против маньчжур как таковых. В числе отправленных из Ганьсу воинских формирований было 20 ин /батальонов/ мусульманского войска, из Хэчжоу под началом самого тайдэ Ма Аньляня. Оно называлось "Си цзюнь". Основным его противником оказались отряды ханьского тайного общества Гэлахуэй. И в из-

вестном смысле борьба "революционеров" /если к таковым отнести членов Гэлаохуэя / и "контрреволюционеров" / Сицзюнь / вылилась в межобщинный конфликт. О степени накала противостояния дает представление такой факт. Бойцы "Сицзюнь" за пределами города Ганьжоучэн несколько месяцев вели кровопролитные бои /89, т.8, кн.27, 9а/. Появление мусульманского воинства в Шэньси ознаменовалось неоднозначными последствиями. Придя сражаться с отрядами Гэлаохуэя, оно в то же время разграбило несколько городов в Шэньси /254а, 10, 120/. Трудно судить, сколь избирательно действовало тут мусульманское воинство. Но, несомненно, с хань оно не церемонилось, оставив о себе тяжкие воспоминания /206, 59/, что способствовало устойчивости традиционной неприязни первых к мусульманам.

Событиями, последовавшими за выступлением в Учэне, мусульманские военачальники воспользовались для установления в некоторых районах Северо-Запада собственной власти. Так произошло в Нинся. Здесь вожаки Гэлаохуэя Лю Хуатан и другие, используя имя революционных войск, захватили было областной центр Нинсяфу /89, т.8, кн.26, 13а/. Под властью Гэлаохуэя обстановка в городе крайне усугубилась /254, 188/. Однако потом бангун Сицзюнь мусульманин Ма Ци со своими людьми занял город и освободил его от власти Гэлаохуэя /89, т.У, кн.26, 49а/. С приходом бойцов Ма Ци у людей Гэлаохуэя полетели головы и был наведен порядок /254а, 188/. Данное обстоятельство производило ободряющее впечатление для представителей цинского дома. В частности, сюда переехал князь Дуань, предводитель "ихэтуаней" и отец престолонаследника /До этого он укрывался в Тинсань ине /254а, 188/. Как видим, отношение мусульманских вожakov и ханьских революционеров к цинской монархии было не одинаковым. Объективно выходило, что мусульмане Ганьсу боролись против деятелей-хань, которые выступили с властными устремлениями под лозунгами установления республики.

Далее мусульманская община Ганьсу проявляет себя как самостоятельная сила в политической борьбе, в ходе которой решалось будущее китайской государственности, определялась деспотичность преемников цинских монархов удержать в прежних размерах многонациональное китайское государство. Вожаки мусульманской

общины Северо-Запада с первых дней революции 1911 г. вступилась за Цинскую монархию. Не были они, очевидно, причастны и к становлению новой республиканской власти.

12 февраля 1912 г. был объявлен манифест государя об отречении от престола. 14 февраля 1912 г. в Ганьсу и получили упомянутый манифест и циркулярную телеграмму о прекращении военных действий в стране. Должностные лица старого режима Чан Гэн, Шэн Юнь держали эти документы в тайне и, не предавая их огласке, распорядились предпринять наступление на Шэньси /90, 36/. Известие об отречении цинского дома скрыть не удалось. Сражаться за восстановление монархии, когда ее представитель сам отказался от власти? — вопрос этот со всей остротой встал и перед вожаками мусульман Северо-Запада. Уже упоминавшийся Ван Хаожань настоятельно советует им воздержаться от выступлений против республиканского режима. В телеграмме, адресованной 5 ганьсуйским Ма /а также 8 ванам Восточного Туркестана/, ахун разъясняет подлинный смысл республики и убеждает не ослеплять людей /50, 611/. Трудно, судить, как восприняли вожаки мусульман на Северо-Западе призывы и разъяснения Ван Хаожаня. Вероятнее всего, у местных мусульманских предводителей были свои политические интересы, отличные от тех, что имел столичный ахун. Тем более, что обстановка на Северо-Западе отличалась от той, что имела место в столице и столичной провинции. В Ганьсу наблюдается вспышка застарелой неприязни между хань и мусульманами. Наглядное представление о ситуации в Ганьсу ко времени открытия провинциального собрания /о нем ниже/ дает следующий пассаж: "В обществе возникли страхи за состояние общественного порядка, обострился известный антагонизм между хань и мусульманами. В округе Дадао чиновник Ли Цзинцян провозгласил главной установкой объединение хань и хуэй в деле обеспечения мира. Деревенские шэньши высмеяли его..., выступили против, злословили. В это время войско Ганьсу выступило на помощь Шэньси. Общая обстановка была не стабильная. Хань и хуэй опасались друг друга, чиновники и шэньши питали взаимные подозрения. В Хэчжоу клеветнические измышления были особенно сильны" /89, т.8, кн.27, За/.

Если говорить о поведении конкретных мусульманских вожakov, то Ма Аньлян известие о провозглашения Китая республикой

и об избрании Сунь Ятсена ее президентом встретал сдержанно. В частном порядке свое отношение он выразил так: "Политическая революция с возвратом к самодержавному строю разве не одинакова? Вроде так же" /89, т.8, кн.27, 12а/. Говоря это, он занял сначала выжидательную позицию. Но развязка наступила, когда пекинский правитель Юань Шикай приказал генералу Чжао Чу двинуться с войском к Сианьфу и отвести от нее мусульманскую угрозу /206, 95/. Усиление позиций Ма Аньдяна в Шэньси вовсе не входило в расчеты Юань Шикая. Чжао Чу предложил Ма Аньдяну выбирать: война или мир. Ма Аньдян предпочел последнее /206, 26/. Выговаривать себе какие-то условия он не решался, ибо его войско устало от тяжелой войны /206, 96/. Шэнь Юнь побуждал Ма Аньдяна к продолжению вооруженной борьбы с республиканским режимом. С тако Ма Аньдян не согласился и тайно приказал Си Цзюню вернуться в Ганьсу. Все мусульманское войско со всем оружием возвратилось в Хэчжоу, /сам Ма Аньдян с охраной поселился в Наньтань/. Оставшись без поддержки мусульман, Шэнь Юнь оказался беспомощным и дело Цинов было им проиграно.

Внешне Ма Аньдян принял республиканскую власть в Ганьсу. Более определенно повел себя Ма Фусян. 24 февраля 1912 г. он с Ван Чжацзо, Шуй Цзэн и др. установили связи с ганьсуйскими деятелями, находившимися в провинции и за ее пределами. Их общими усилиями был учрежден временный парламент провинции, или провинциальное собрание Ганьсу. Ма Фусян заполучил в нем членство /90, 37/. Временный парламент провинции собрался в провинциальном храме Конфуция, избрав чжэншичжаном Ли Цзинцзиня и его замом Му Шоуца /89, т.8, кн.27, 36/. Сам факт учреждения провинциального парламента в конфуцианском храме говорил сам за себя. Местом проведения этого акта был избран храм духовного владыки хань. Он как бы освящал своим авторитетом деятельность новой, республиканской администрации в провинциальной столице, где ключевые позиции принадлежат опять же ханьской бюрократии.

Парламент высказался за признание Республики /90, 37/. Учреждение временного парламента провинции Ганьсу не означало еще полной ликвидации прежней системы управления и ухода от дел представителей старорежимной бюрократии. В частности, на месте оставался бывший наместник Шэньси-Ганьсу Чан Гэн, а, учитывая

силу традиций, он пользовался, очевидно, известным влиянием. Больше того, видимо, прежний административный аппарат сохранял в своих руках достаточно власти, несмотря на создание временно-го парламента.

Обстановка политической нестабильности порождает властолюбивые амбиции у общественно активных лиц. И при осуществлении своих замыслов они не оставляют без внимания мусульманских вожakov, в частности Ма Фусяна, учитывая реальную силу, которую он представлял /за ним стояла мусульманская община Хэчжоу/. 10 марта 1912 г. местный деятель Хуан Юе направил Ма Фусяну письмо следующего содержания. Между Циньчжоу /округ в Ганьсу/ и военно-революционным правительством Сычуань-Ганьсу уже установлены связи. Решено на следующий день поднять восстание и учредить в Циньчжоу временное военно-революционное правительство Ганьсу. Ма Фусяну надлежит быть заодно с нами. Ма Фусян оставил это обращение без ответа /90, 37/.

11 марта Хуан Юе, возглавив восстание в Циньчжоу, провозгласил независимость и создал ганьсуйское временное военное правительство.

Когда цзунду Шэнься-Ганьсу Чан Гэн, цинский ставленник, узнал об этом, то совещался с представителями мусульман и хань относительно подавления выступления Хуан Юе силой. Поддержав это мнение, Ма Фусян порекомендовал своего односельчанина Ма Чжунсяо как способного справиться с большим делом, китайское училище Чжоуусяэ - своего ученика Лю Вэньсю. Из возглавленного им яна Ма Чжунсяо организовал "войско по подавлению мятежников". Под началом собственно Лю Вэньсю и Ма Чжуноя ханьское и мусульманское ополчение выступало на Циньчжоу /90, т. 8, кн. 27, 36/.

Инициатива Чан Гэна в отношении предпринятого Хуан Юе свистельствовало о том, что цинский двор в лице его ставленника еще вершат делами в провинция Ганьсу. Тем более, что от нее не поступало еще заявлений о признании республика. Созная, что времена цинской монархия ушла, Ма Фусян принял поручение временногo парламента провинция и встретился с Чан Гэном, чтобы убедить его определиться /90, 37/. Во время бесед с Ма Фусяном Чан Гэн сделал акцент на то, чтобы должностные лица в Ганьсу были самостоятельны /90, 37/. Очевидно, это был намек не призна-

вать новое, республиканское правительство в Пекине. Но в конечном счете вскоре Чан Гэн оставил Ганьсу, взяв путь на Нинся, и уехал в Пекин /90, 37/.

Только с отъездом Чан Гэна, олицетворявшего своим присутствием цинский двор, местные политики отважились открыто объявить о признании республики. 18 марта 1912 г. Ван Чжицзо, Шуй Цзы, Му Шоуци, Чжао Вэйси и др. совместно направили телеграмму Юань Шикаю о признании республика, Юань Шикай назначил Чжао Вэйси временным дуду Ганьсу /90, 37/. Он был избран членами провинциального парламента совместно с представителями земледельцев и торговцев. В какой мере к этому избранию были причастны вожаки мусульман, сказать определенно трудно. В частности, такая влиятельная фигура мусульманской общины, как таду Ма Аньлян, в это время находился за пределами Ганьсу. Сюда он возвратился из Шэньси во главе Сицзюня в апреле-мае 1912 г.

Все вышепоименованные лица, телеграфировавшие в Пекин о признании республики, очевидно, были хань. И политически от этого акта прежде всего выиграли ханьские политики. Во главе временной администрации Ганьсу был поставлен Чжао Вэйси, всего вероятней, хань.

Тем не менее, Ма Фусян сохраняет позиции ключевой фигуры в решении местных дел. В частности, он занимается урегулированием вопроса с самостоятельностью Циньчжоу, где режим Хуан Юе продолжает существовать.

После того, как провинция Ганьсу в целом признала республику, Ма Фусян ответил Хуан Юе на его прежнее послание, выразив "одобрение" учреждению республиканского строя /90, 37/. 22 марта Хуан Юе в ответном письме Ма Фусяну осуждал провинциальный центр за так называемую республику, где только заменяли пятицветное знамя республики на желтое с драконом Цинов, а в провинции сверху донизу "нет признаков республики" /90, 37/.

29 марта, отвечая Хуан Юе, Ма Фусян поносил его, обвиняя в том, что тот мешает установлению порядка. Ма Фусян побуждал Хуан Юе "поскорей ликвидировать независимость Циньчжоу", грозя в противном случае вооруженным столкновением. Словом, Ма Фусян открыто лал воду на мельницу Юань Шикая и Чжао Вэйси /90, 37/.

В конечном счете 26 апреля Ма Фусян с начальником юридичес-

кого департамента Циньчжоуского военного правительства Чжоу Куньем, порознь представляя провинцию и Циньчжоу, подписали условия о мирном урегулировании. 7 июня военное правительство Циньчжоу издало декларацию о своем роспуске. Вскоре Хуан Юе подал в отставку /90, 38/.

Таким образом, в какой-то степени благодаря поведению вожаков мусульманской общины /активной позиции Ма Фусяна, индифферентности Ма Аньляна/ Ганьсу внешне признала республиканский режим в Китае в лице администрации Хань Шикая.

Если же говорить в целом о том вкладе, который Ганьсу, где компактно проживали мусульмане, внесла в победу революции 1911г., то представляется обоснованным заключение чиновника британской консульской службы Э. Тайчмана: "Ганьсу сыграла исключительно малую роль /выделено нами. - В.К./ в революции 1911 года, и как следовало ожидать в столь отсталой и изолированной провинции, здесь было мало симпатии республиканскому делу" /254а, II6/. И не в последнюю очередь потому, что свержение Цинской монархии предприняли хань и психологически не было предпосылок для их совместных действий с мусульманами. В основной своей массе они воспринимали борьбу за республику как ханьское предприятие и не были заинтересованы в содействии хань.

x x
 x

В Синьцзяне на выступление в Учане попыткой переворота в Дихау /Урумчи/ в декабре 1911 г. откликнулись китайцы, уроженцы Хунани /123, 197/. Их объединяли, надо полагать, земляческие общность и стремление поживиться, нежели какие-то общеполитические установки. В пользу этого говорят и то обстоятельство, что в этом антицинском выступлении, а точнее бунте, участвовала лишь китайская городская беднота /101, 48/, т.е. зажиточные слои были в стороне. Для нас же важно отметить, что мусульмане вообще оказались не причастны к антиправительственному выступлению в Урумчи.

Хань явились закоперщиками мятежа в Илийском крае. В ее военно-административном центре - укреплении Курэ - китайское

офицерство и чиновничество составили заговор с целью устранить от власти цзянцзюня Чжа Чжун, представителя цинской власти /ЮГ, 43/. Заговорщики договорились с помощником командира бригады китайских войск дунганом Ма, чтобы он подготовил отряд дунган и уйгур в 500 человек /ЮГ, 44/. Илийский революционный комитет обратился к местным дунганам и уйгурам с призывом принять участие в борьбе за свержение цинского режима, обещая им полное равноправие /ЮГ, 44/. Обращение ханьских революционеров к мусульманскому населению поддержать их в борьбе за власть, очевидно, не нашло широкой поддержки. Отряд уйгуров и дунган численностью в 200 человек участвовал в занятии Курэ /ЮГ, 45/, после того члены Тунмэнхуэя и представитель террористической организации "Пай манг" /"Бей маньчжуров" /ЮГ, 9/ произвели возмущение среди части войск местного гарнизона. К восставшим солдатам, вступившим в Курэ, присоединились упомянутые 200 уйгуров и дунган /ЮГ, 9/. Какими они в действительности руководствовались соображениями, о мотивах их поведения можно строить только догадки.

События в Или развивались в соответствии с общей установкой воинствующих ханьских националистов. О. Лэттимор, побывавший здесь в 20-х гг., пишет: "Революция в Или была более неистовой, чем где-либо в провинции, и засвидетельствовала великую резню маньчжурских знаменитых, которые заселяли город" /ЮГ, 24/.

200 уйгуров и дунган /если только эта цифра соответствует действительности/ - недостаточный критерий для того, чтобы оценить степень активности мусульман в борьбе с цинским режимом в Илийском крае. Об умонастроениях же мусульманской общины в целом в связи с выступлением хань против маньчжуров говорить представляется проблематичным. Тем не менее И.Г. Полинов утверждает: "Подавляющее большинство многонационального населения Илийского края восторженно встретило переворот в Курэ и безоговорочно признало новую власть. Лозунг освобождения от гнета маньчжурской династии был активно воспринят большей частью населения Илийского края. Илийский революционный комитет располагал армией для борьбы против цинского губернатора Кань Дахуа ... Армия в основном пополнялась за счет вступающих в нее добровольцев из китайской, дунганской, казахской /подчеркнуто нами. - В.К./

в монгольской бедноты" /ЮЗ, Ю/. Оставляя в стороне априорные дефиниции: "подавляющее большинство", "восторженно", "активно" и т.д., отметим принципиально важные обстоятельства. Прежде всего застрельщиками антицзинских выступлений являлись хань. И если какое-то участие в борьбе против цинского режима в лице наместника Юань Дахуа принимают беднейшие слои мусульманского населения, то вопрос о позиции мусульманского духовенства и состоятельных слоев мусульманской общины остается открытым. Из изложения И.Г. Полинова явствует, что в республиканскую армию не вступают мусульмане-уйгуры. Опять же не мусульмане, но хань в лице членов тайного общества Гэлаохуэй выступают инициаторами и основными участниками событий в Кашгарии, связанных с антицзинской революцией /ЮЗ, II/. В г. Кашгаре, административном центре Восточного Туркестана, члены Гэлаохуэй организовали высший орган власти Ишяхуэй, в состав которого вошло 16 китайцев, преимущественно членов Гэлаохуэй /ЮЗ, I2/. Новоявленная ханьская власть в Кашгарии, сменявшая представителей цинского двора, с самого начала взяла курс на дискриминацию мусульман. В отрядах народного ополчения уйгуры получали от Ишяхуэй жалование на 40% ниже своих однополчан - китайцев /ЮЗ, I2/. Последнее обстоятельство - наглядное свидетельство политической направленности антицзинского выступления в Кашгарии. Оно, как и революция в собственно Китае, было предпринято во имя интересов ханьского этноса. Сам по себе факт неравенства в оплате ополченцев в Кашгарии не только зримо олицетворял дискриминацию со стороны хань в отношении мусульман, но на деле он отнюдь не способствовал изживанию отчуждения, традиционно бытовавшего между мусульманами и хань. Тем не менее, когда речь заходила о насущных материальных выгодах религиозные расхождения отходили на задний план. Если мусульманская верхушка выступала в качестве соправителя маньчжурской и ханьской бюрократии, то и мусульманские низы действовали заодно с иноверцами при грабеже достояния состоятельных единоверцев. Согласно сообщений газеты "Шуньтянь жибао" /И5, I9 мая I9I2 г./ "Взбунтовавшиеся в южной части Синьцзяна войска привлекли на свою сторону мусульманское население, которое тоже подняло мятеж. Потом эти солдаты бежали в Яркенд и другие населенные мусульманские пункты и начали грабить захвачен-

ное и лояльное мусульманское население, в чем им помогают надежные элементы местных мусульман" /8, 47/.

События на юге Синьцзяна не оставили безучастным Кань Шикая. Действуя в духе традиционного политического метода — руками инородцев обуздывать инородцев, — он согласно "Шунтянь жибао" /от 31 июля 1912 г./ решил командировать в качестве посредника-умиротворителя в южную часть Синьцзяна мусульманского князя Шамхуса /Ша-Му-ху-су/ /8, 2/.

Очевидно, решение это не поправило положения. Как сообщила "Бэйцзин жибао" /31 августа 1912 г./, "На днях Управление президента Республики направило начальнику окрайних провинций Синьцзянской, Ганьсуской секретную телеграмму о принятии согласно решения состоящего при Управлении президента Республики Военного Совета надлежащих оборонительных мер и приведения означенных провинций на военное положение" /8, 58/.

Отправка упомянутой телеграммы не выправила положения. На днях, сообщила "Бэйцзин жибао" /15/28 января 1913 г./, получены телеграммы из Ганьсу и Синьцзяна, в которых указывается на необходимость скорейшего командирования туда посредника-умиротворителя. В виду сего временный президент республики передал этот вопрос на рассмотрение Совета Министров, а также предложил председателю Совета Министров выбрать хорошо знакомое с местными условиями лицо, на которое могло бы быть возложено поручение отправиться к мусульманам названных провинций в качестве посредника-умиротворителя /8, 25-26/.

Словом, следствием Синьхайской революции явилась дестабилизация обстановка в районах компактного проживания мусульман, становление республиканского режима опосредствовалось и через умиротворение мусульман.

РЕСПУБЛИКА И МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОПРОС

Обратимся опять к событиям общенационального характера и соответственно к мусульманскому вопросу.

Революция 1911 г., приведшая к падению Цинской монархии, открыла новую веху в жизни многонационального общества, заключенного в рамках китайского государства. На смену деспотизма

самодержца, правившего на основе мандата Неба, пришла политическая система, формально основанная на волеизъявлении воли народа. В иных, чем прежде, условиях оказывается мусульманская община.

Установление республиканского режима открыло новую веху в истории ислама и мусульман в Китае. К началу 20-х гг. они приобрели такую власть и влияние, которые центральное правительство не могло игнорировать безнаказанно /И85, 6/. Так, когда известные круги мировой общественности были глубоко взволнованы призывом президента Китайской Республики, направленным к молящимся, то для того, чтобы не обидеть мусульман в собственной стране, президент нашел благоразумным послать примирительные послания многим главным мечетям во всех провинциях. В некоторых случаях к посланиям в качестве подарков были приложены копии Корана /И85, 6/.

Исповедующие ислам народы согласно республиканской конституции получили равный статус с хань и другими народностями. Наглядно это олицетворяла одна из 5 цветных полос на флаге Республики. Но эта символика мало что говорила представителям конфессий. Хотя бы уже потому, что не отражала традиционные представления, связанные с тем или иным культом. В нашем случае, мусульмане не видели исламской символики: полумесяца, зеленого цвета /как напоминание о знамени пророка/. На это можно возразить, что цинское государственное знамя не отражало многообразие верований. Но сейчас были другие времена и факт существования различных этнических групп выражала цветовая символика на республиканском стяге. Однако, повторяем, религиозный момент, стоявший за той или иной дефиницией, особенно это относилось к мусульманам, монголам, не нашел цветового выражения и потому как бы его не было вообще. Между тем вся эта символика, равно как и официальные декларации не могли оказать мгновенного воздействия на массовое сознание. Психология на бытовом уровне на протяжении поколений складывалась под воздействием обыденных привычек и представлений, в становлении которых свою роль играла религия, что обуславливало их особую живучесть и стойкость. Не говоря уже о Северо-Западе, Юго-Западе, где межобщинные /хань-мусульмане/ отношения омрачала память о недавних кровавых расприх, посмот-

рим на обстановку в Маньчжурии, не знавшую таковых, на начало XX в. "В общегити магометане держатся обособленно от прочих китайцев, которых они презирают за их нечистоплотность и за употребление в пищу свинины... В свою очередь китайцы не любят магометан за их фанатизм и обособленность. Нангутаские магометане пользуются настолько плохой репутацией среди китайского населения, что с ними опасаются вступать в какие-бы то ни было торговые предприятия" /82, 223/. В таких условиях не следовало ожидать, что с появлением нового государственного флага, символизирующего равенство всех народов Китая, вышеназванные обстоятельства быстро сошли на нет. Официальные заявления государственных деятелей, многополосный флаг республики были бессильны в одночасье сломить устоявшийся психологически" настрой и обобщенные представления различных этнорелигиозных общин. Хань уже как доминирующая по численности народность имела больше возможностей для выражения своего мнения о прочих согражданах. Со слов хань иностранцы, в частности, составляли себе представление о мусульманах Китая. И как более распространенным было весьма нелестное: мусульмане общепринято известны как "магометанские воры" /157а, 66/. Естественно, такого рода суждения доходили до ушей и самих мусульман, что вызывало у них соответствующую реакцию.

Религиозный вопрос в условиях многонационального Китая выступает как ипостась межнациональных отношений и приобретает немалую политическую значимость. Для нехань отношения верховной власти, которая в то же время воспринималась как политическое господство хань, олицетворяло подход ее к согражданам – нехань. Сохранение своей религии для нехань было средством национального сохранения и самоутверждения в доминирующем по количественным параметрам ханьском окружении. Известные опасения у нехань в отношении подхода республиканской /ханьской/ администрации к религиям, очевидно, имели место. Внести успокоение на этот счет и был призван декрет президента Китайской республики от 25.I. 1914 г. Он гласил: "Свобода вероисповедания является общепринятым принципом во всех государствах. Китайская республика организована из пяти великих народностей: китайской, маньчжурской, монгольской, тибетской и мусульманской; исторические обычаи и

предания каждой из этих народностей представляют свои особенности, почему было бы затруднительно установить для них одно общее религиозное исповедание. Такая мера, как принятие одной какой-либо религии в качестве общегосударственной, само собой разумеется, представляла бы серьезные неудобства потому, что пошла бы в разрез с народными чувствами" /9, 56/. Что же касается религии, то в этом отношении населению по-прежнему предоставляется полная свобода. Настоящий декрет издается во всеобщее сведение, с целью избежать возможного возникновения недоразумений" /9, 56/.

Если президентский указ декларировал полную свободу религии для населения, то инструкция министерства внутренних дел /от 19 января 1914 г. за № 59/, опубликованная 27 января 1914 г. в газете "Чжэнфу гунбао", требовала от соответствующих инстанций обязательного контроля за деятельностью священнослужителей и адекватного к ним отношения.

"Министерство...,-гласила инструкция, - признает, что покровительством государства могут пользоваться только исторические, обоснованные старые вероучения ... Духовные лица легальных вероисповеданий могут рассчитывать на покровительство государства только в том случае, если они не принимают участия в каких-либо противозаконных деяниях, почему и необходимо неусыпное наблюдение надлежащих властей. Министерство предлагает гражданским губернаторам, начальнику столичной области и главному полицейскому управлению довести эту инструкцию до сведения подчиненных им лиц" /9, 56/. От отношения многонационального населения, в том числе и мусульман, зависела внутриполитическая стабильность новой власти. Отсюда в призывах руководства Китайской республики акцент на единство всех народностей, включая мусульман, как неперемное условие превращения Китая в мировую державу. Но это было в отдаленной перспективе. Пока же с падением монархии Китай вступил в период коллапса прежних государственных институтов, затяжной борьбы за власть на государственном и периферийном уровнях. Политические пертурбации, вызванные падением маньчжурской монархии и трудным становлением республиканского режима, непосредственно захватили и мусульман, как одну из этнорелигиозных групп многонационального Китая.

БОРЬБА МЕЖДУ СУНЬ ЯТСЕНОМ И ЮАНЬ ШИКАЕМ И МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА

Начало 1912 г. ознаменовалось острой борьбой политиканов Севера и Юга за верховную власть над страной. Персонально боролись 2 личности: Сунь Ятсен и Юань Шикай, соответственно представлявшие Юг и Север. Показательно, что в пекинской печати сообщалось о поддержке мусульманами Юань Шикая как президента. 1 февраля 1912 г., информировала "Бэйцзин жибао" /2.П.1912 г./, была получена телеграмма с известием, что представители мусульманского населения высказались за избрание Юань Шикая в президенты республики /7, 14/.

В конечном счете Сунь Ятсен отказался от поста президента и согласился на президентство Юань Шикая с условием перевода республиканского правительства из Пекина в Нанкин. Юань Шикай отказался вообще приехать в Нанкин. В поддержку такого решения была развернута соответствующая кампания. В нее были вовлечены и мусульмане. По крайней мере, было опубликовано обращение от их имени, хотя остается неизвестным, от каких конкретно мусульман оно исходило. Обращение гласило: "Опубликование указа о введении в Китае республиканского строя радостно встречено миллионами китайско-подданных мусульман, которые видят в республиканском строе залог к объединению всех населяющих Китай народностей, к объединению, которого прежде никогда не было в истории народов Восточной Азии". Все мусульманское население Китая с чувством полнейшего удовлетворения восприняло указ о назначении Вас уполномоченным по организации объединенного республиканского правительства.

Известие, что будто Вы желаете отказаться от обязанностей уполномоченного и отправиться в Нанкин, "вызвало среди мусульман сильнейшую тревогу". Представители мусульманского населения немедленно же собрались на совещание и "постановили избрать Вас Президентом Китайской Республики". Мусульмане просили Юань Шикая оставаться в Пекине. Если необходимо совместно с представителями населения южных провинций обсудить вопрос об организа-

ции объединенного республиканского правительства, Вы можете назначить для этой цели от своего имени особого уполномоченного, но не ехать сами в Нанкин. Означенная петиция подписана многими представителями мусульманского населения" /9а, 2480/15-1/.

Очевидно, нет оснований полагать, что обнародование этого мнения мусульман склонило чашу весов в пользу Кань Шикай. Но известную роль, очевидно, оно сыграло. Кань Шикай в свою очередь ратует за национальное единство и возлагает соответствующие упования на мусульман, равно как и на другие народности страны. В приветственной речи временный президент республики Кань Шикай по случаю открытия китайского парламента I-го созыва выразил надежду, что "счастье и благо пяти великих народностей с каждым днем будут все более и более увеличиваться. Если все будут одушевлены одним стремлением и будут действовать дружно и согласно, то Китайская республика со временем превратится в великую могущественную державу, а пятицветный национальный флаг будет славно развеваться повсюду" /26, 100/.

1 мая 1914 г. была обнародована новая конституция Китайской Республики, предоставлявшая широкие полномочия президенту Кань Шикаю. Но она сохранила положения прежней конституции относительно религии и верующих. Так, ст. 4 гласила: "Все граждане Китайской Республики имеют равные права перед законом, независимо от национальности, социального положения и вероисповедания". Ст.7 дополняла: "Гражданам Китая в пределах закона предоставляется свобода любого религиозного вероисповедания" /289а, 309-310/.

Формально конституция 1914 г. /в независимости от амбиций Кань Шикая /закрепляла равное юридическое положение мусульман наряду с хань, доминирующей нацией Китайской Республики.

РАЗВАЛ ГОСУДАРСТВА И МУСУЛЬМАНЕ

С момента укряття членов царствующей фамилии во время интервенции союзных держав вожаки мусульманской общины Северо-Запада принимают непосредственное участие в событиях, связанных с борьбой различных политических сил за власть над страной, за место первого человека в Китае. Таковыми пытались быть после

свержения цинской монархии Сунь Ятсен и Юань Шакай. И тот, и другой нуждались как можно в большей поддержке со стороны влиятельных лиц, предостерегающих различные социальные и этнические группы населения страны, в частности вожаков мусульман.

Круговорот событий Синьхайской революции расшатал устои китайской государственности как таковой, а Пекин оставался больше символом страны, нежели подлинным центром власти. Юань Шакай претил в принципе любые проявления самостоятельности, от кого бы они не исходили, и тем более у него, как типичного представителя ханьской бюрократии, не вызвали восторга амбициозные поползновения мусульманских вожаков. Всего около каких-то 20 с лишним лет отделяли его приход к власти как верховного правителя Китая от кровопролитных событий мусульманских выступлений.

Противник Юань Шакай Сунь Ятсен по вопросу о судьбах китайского государства, очевидно, не расходился принципиально с ним. Сунь Ятсен тоже выступал за сильный неделимый Китай, хотя был непрочь шегольнуть демократической фразеологией.

Китайская Республика унаследовала от своей непосредственной предшественницы и проблему межобщинных отношений, в частности, проблему взаимоотношений мусульман с остальным иноверным населением страны. Из исторической памяти не изгладились воспоминания населения Китая о мусульманских восстаниях и связанных с ними эксцессами. И их воскресили события, следовавшие в первые же годы провозглашения республики.

Падение цинской монархии сопровождалось повсеместным проявлением политической нестабильности на местах. Имевшие место выступления, внешне направленные против существующих властей, нередко сводились к широкомасштабному разбою во имя группового эгоизма деклассированных толп. Борьба шла по принципу "кто не с нами, тот против нас".

Нередко водораздел между противными лагерями проходил не только по социальной принадлежности, но и по национально-религиозному признаку. Последнее обстоятельство усугубляло обстановку и вносило свой дестабилизирующий момент в развитие внутривнутриполитической ситуации в стране. Против Юань Шакай, главы республиканского режима, выступали не только разные политические партии

и общества, но и разнородные силы на местах под самыми различными лозунгами и самыми разными программами: от укрепления демократии до восстановления монархии.

Политическая обстановка в Китае после провозглашения республики характеризуется крайней политической неустойчивостью. Идет борьба как за верховенство над страной, так и за власть на местах, одновременно имеет место противостояние центробежных и центростремительных устремлений.

Во все эти столкновения так или иначе оказывается втянутой мусульманская община Китая. Они производят на нее непосредственное воздействие. Показателен пример мусульманской общины провинции Шэньси. Как известно, ганьсуйские мусульмане под началом Ма Аньляня покинули ее после ожесточенных сражений с хань из Гэлаохуая. Это обстоятельство, несомненно, не могло пройти бесследно и оставило свою отметину в памяти здешних хань и мусульман. В 1913 г. в Шэньси было создано своего рода автономное правительство, составленное из уроженцев провинции, но находившееся под сильным влиянием Гэлаохуая /254а, 10/. Последнее обстоятельство в принципе не способствовало улучшению межобщинных отношений, ибо усиливало опасения мусульман.

В конце 1915 г. Юань Шикай было провозгласил себя государем, но на это последовали выступления под лозунгом защиты республиканского строя. В начале 1916 г. антимонархическое движение вспыхнуло и в Шэньси.

На губернатора, назначенца Юань Шикая, со всех сторон оказывалось давление, чтобы он или подал в отставку или отмежевался от Пекина. Но декларация независимости была отложена до кончины Юань Шикая, которая разрядила обстановку, возможно, в большей степени благодаря позиции Ма Аньляня. Он приготовил свои войска к действию и дал знать республиканцам, что если кто и должен наследовать губернатору, так это он сам и что его мусульмане будут верными Юаню до конца /254а, 112/. Со смертью Юань Шикая Ма Аньлян, очевидно, убавил пыл. Ставленник Юань Шикая на посту главы провинции оставил должность и бежал. Провинция вновь обрела самоуправление, которое она имела после революции 1911 г. /254а, 12/. Смена власти, вероятно, усилила политические позиции ханьского элемента, что повлекло за собой исход мусульман. Пола-

гать так дает основание следующее наблюдение очевидца, относящееся к 1917-1918 гг.: "Ныне магометане Шэньси представляют собой незначительное количество; большинство ушло на запад в Ганьсу, где они составляют чрезвычайно важный и могучий элемент населения" /254а, 6/.

Отношение мусульманской общины к тем или иным событиям политической жизни Китая, к конкретным деятелям государственного масштаба определяла не рядовая масса, но мусульманская элита в лице духовных владык и военных вождей /нередко в одном лице соединялись оба/. Наиболее активно в отношении центра проявляет себя клан нансянских Ма в лице Ма Фусяна. Действует тут он двояко. Поддерживает контакты с пекинской администрацией сам лично или присылкой к ней своих родственников. В посл. днем случае имеет место следование традиционной практике заложничества, когда пребывание при сизерене близкого родственника вассала служило лучшей гарантией верности последнего. Осенью 1914 г. Ма Фусян послал своего старшего сына Ма Хункуя в столицу служить свитским офицером в администрации президента Юань Шикая /90,39/.

После кончины Юань Шикая /1916 г./ Ли Юаньхун стал президентом. При нем племянник Ма Фусяна Ма Хунбинь получил чин и соответственно Ма Фусяну было пожаловано почетное звание "4-й степени" /90, 40/.

Эти правительственные награды были не только признанием заслуг представителей клана Ма перед высшей ханьской бюрократией, но и авансом на будущее. Она нуждалась в поддержке членов фамилии Ма, равно как последняя не упускала случая выказать свое почтение Пекину, в независимости от персональных перемен в столичной иерархии. В октябре 1923 г. на пост президента вступил Цао Кунь, Ма Фусян лично отправился в Пекин поздравить его и "докладить" /90, 41/X.

Из всех мусульманских вожakov Северо-Запада Ма Фусян проявил себя как наиболее активный приверженец центральной власти. И демонстрировал это не только формальными изъвлениями покорности режиму, но и делами по удержанию под его контролем наханьского населения. Со служением ханьскому истеблишменту мусульманин Ма Фусян связал судьбу свою и своего семейства и соответственно в его лице правители республиканского Китая, стоявшие за

сохранение китайской государственности в пределах имперских времен, обрели надежного приверженца.

Призывы Юань Шикай к общенациональному согласию, к объединению всех народностей, проживавших в пределах цинского Китая, отражали крайне неустойчивую внутривластную обстановку в Китайской республике, когда власть Пекина не признавала часть собственно ханьского населения и дайт себя знать сепаратистские устремления со стороны инородцев на окраинах.

Ниспровержение цинской монархии ознаменовалось выступлениями монголов. Некоторые из них были направлены против пребывания под властью Китая и на деле принимали форму выступления как против собственной знати, лояльной Пекину, так и непосредственно против первого президента Китайской республики Юань Шикай.

Волнения в монгольских землях прямо затрагивали непосредственных соседей — мусульман Северо-Западного Китая. И их вожаки, прежде всего члены нинсянского клана Ма в лице Ма Фусяна, берут в этой борьбе сторону Юань Шикай. Религиозный фактор, очевидно, играл свою роль /предшествующая история взаимоотношений монголов-буддистов и хуэй-мусульман была отягощена взаимной неприязнью/, но, вероятнее всего, первенствовали политические соображения. Ориентируясь на Пекин, Ма Фусян, видимо, рассчитывал укрепить собственные позиции. Законопослушание представлялось ему, вероятно, более надежным средством нежели фрондерство или поддержка противников Юань Шикай.

Не подчинившись республиканскому правительству, монгольский духовный владыка баогэдань фое, организовал вооруженное сопротивление. Войну монголов с солдатами баотоуского тунтина Куна возглавлял "живой будда" Вандэнима, специально посланный баогэдань фое. Убедившись в бесперспективности подавить сопротивление, в июле 1913 г. Юань Шикай направил Ма Фусяна на переговоры с Вандэнимой на предмет примирения. Ма Фусян обманом пленил "живого будду" и его приверженцев и препроводил в Баотоу. Оттуда их привезли в Пекин. После этого Юань Шикай телеграфировал баогэдань фое, убеждая его поддержать республиканский строй. Тот, опасаясь за судьбу Вандэнимы и его соратников, ответил заявлением о лояльности.

В деле с Вандэнимой Юань Шикай успешно использовал тради-

онный прием ханьской политики - "руками дикарей обуздывать дикарей". Он по достоинству оценил заслугу Ма Фусяна в деле с Ванданмой. За "мужество и храбрость" возвел Ма Фусяна во вновь учрежденную должность "Нанся ху цзянь ши" /вместо прежней "Нанся чжэн цзунбин"/, чтобы охранял Шофан и одновременно, будучи цзяньцзинем, контролировал 3 монгольских знамени: Алашаньское, Уратское, Стокское /90, 38/. Этими назначениями Пекин возлагал на подвластных Ма Фусяну мусульман держать в узле монголов Внутренней Монголии и избавлял себя в известной степени от необходимости использовать для этой цели собственные войска. Поэтому Кань Шикай не скупится на награды Ма Фусяну. Он дал ему чин армейского чжунцзяна /генерал-лейтенанта/ и орден "Вэнь ху" 2-й степени. Не обошел своим вниманием президент и мать Ма Фусяна, собственноручно сделав надпись в поздравлении ей /90, 38/.

В марте 1913 г. вспыхнула антикяньшикаевская "вторая революция". Нашла она отзвуки и на окраинах. Чахарец Лу Чжанькуй набрал за пределами чжайев несколько тысяч молодцев, организовал народное ополчение /называлось "Независимое войско"/ и телеграфировал Сунь Ятсену, что выступает против Кань Шикая /90, 38/. Ма Фусян во исполнение приказа последнего во главе своей рати сражался с повстанцами /90, 39/.

Борьба людей Ма Фусяна с повстанцами выходила за рамки умиротворения мятежников, но носила в определенной степени характер межконфессионального столкновения. Мусульмане воспринимали воинов Лу Чжанькуя не как своих политических противников /борьба Сунь Ятсена с Кань Шикаем не могла занимать умы мусульман, ибо для них это была схватка двух ханьских вожаков/, но как иноверцев.

Какими бы мотивами не руководствовался Ма Фусян, он и стоявшая за ним часть мусульманской общины объективно способствовали упрочению режима Кань Шикая. В свою очередь его установка на укрепление авторитета центральной власти влияла на соотношение сил между военно-политическими вожаками ханьской и мусульманской общин Северо-Запада.

В марте 1914 г. антикяньшикаевское повстанческое войско Бэй Лана проникло в Шэньси, в мае из Шэньси вторглось в Ганьсу. На юге и на востоке этой провинции крестьян сообща отозвались,

войска, расквартированные на востоке Ганьсу, взбунтовались. Ма Фусян по получении предписания Юань Шикая отправил своего старшего сына Ма Хункуя с солдатами на восток Ганьсу. Они, взаимодействуя с войсками Юань Шикая, сражались с мятежной ратьей Бай Лана. В июне последние отступила в Хэнань /90, 39/. События, связанные с действиями Бай Лана, явились проверкой дееспособности центра. Государственная власть в лице Юань Шикая не смогла обеспечить мусульманам Северо-Западного Китая безопасности физического существования. Социальное бедствие, каковым являлись грабежи и убийства, чинимые отрядами Бай Лана, усугублялось этнорелигиозным моментом, ибо люди Бай Лана были хань. Их бесчинства воспринимались не просто как насилия некоей разбойничьей вольницы, но как война против правоверных.

В сентябре 1914 г. отряды Инь Чжаньюаня из "Войска независимости" Лу Чжанькуя захватили Дунпифан, относящийся к р-ну Хэ-тао /ныне уезд Ужэньсянь Внутренней Монголии/, неоднократно громили правительственные войска. Ма Фусян, получив приказ, послал войска преследовать отряды Инь Чжаньюаня в Кэбуре. В ноябре солдаты Ма Фусяна снова сражались с частями Иня у города Хуэйдэ. В этом сражении вожаки ханьского воинства Инь Чжаньюань, Бао Юнчжун и др. были убиты /90, 39/.

В 1915 г. произошло выступление солдат суйканьского гарнизона и членов тайных обществ. Для усмирения мятежников Ма Фусян отправил команду под началом тунлина Новой армии Ма Хунбяня /90, 50/. Спустя некоторое время мятежные солдаты объединились с "Чахарским независимым войском" /Последнее состояло из мятежных чахарских солдат и монголов восточных и западных сеймов./ К ним примкнули "дугуй" из различных монгольских знамен /"дугуй" - отряды народной самообороны/. Всю эту разнородную рать возглавил Лу Чжанькуй /90, 50/. Бэйяньское правительство в Пекине приказало Ма Фусяну взять на себя военные дела в Бастоу и Суйкани.

В январе 1918 г. воины "Независимого войска" вновь собрались у Хоутао. Ма Фусян, только что вернувшись из столицы в Цзинся, во главе своих бойцов сражался у города Хуэйдэ. "Независимое войско" отступало.

В феврале Лу Чжанькуй с Цзинь Чжанькуем /уроженец уезда

Тунсянь, Нинся/, Бай Яньгуном /монгол/ снова захватили Хэтао, намеревались атаковать Гаотоу /90, 39/. Ма Фусян во исполнение приказа Пекина предпринял боевые действия против повстанцев. Части Лу соединились с отрядами Чжан Цзюцзя и Гао Шисю, который был с севера Шаньси, и вновь намеревались возобновить боевые действия. Не полагаясь исключительно на силу оружия в борьбе с повстанцами, Ма Фусян прибегает к религиозным проповедям, к восхвалению успехов нинсянского войска /90, 39/. Чтобы сорвать продвижение людей Лу Чжанькуя, Ма Фусян в то же время посылает отряды под началом своего сына Ма Хункуя. В ходе боевых действий нинсяское войско сожгло монастырь Чжаохуамяо, принадлежавший знамени Сток /90, 40/. В этом монастыре закрепились повстанцы. Но вне зависимости от обстоятельств уничтожение буддийского монастыря мусульманами приносило особый момент в борьбу мусульманского воинства, выступавшего на стороне правительства, и его противников. "Мусульмане уничтожили нашу святыню", - такой, очевидно, была реакция монголов на уничтожение монастыря Чжаохуамяо.

Война продолжалась в 1917 г. В феврале Ма Фусян отправил солдат под началом Ма Хунбина против отрядов Гао Шисю, Дарлюцзи /90, 40/. Последний, выдававший себя за потомка дома Цин /90, 40/, в марте 1917 г. провозгласил себя "хуанди", государем, а Гао Шисю объявил себя "Юлинь цзянцзюнем".

В марте 1917 г. отряды Гао Шисю, Лу Чжанькуя, Чжан Цзюцзя под знаменем хуанди Дарлюцзи из района западнее Суйюани вторглись в Нинся /90, 138/. Войска Ма Фусяна отбили нападение. "Хуанди" Дарлюцзи попал в плен. Его и головы 19 других предводителей были выставлены на обозрение /90, 40/. Центр оценил заслуги Ма Фусяна. 7 мая 1917 г. премьер пекинского правительства Фэн Гочжан наградил его почетным званием и присвоил звание "шанцзяна", генерал-полковник, полный генерал /90, 40/. Зимой 1917 г. спасшийся Лу Чжанькуй вновь заявил о себе в пределах Нинся, но был вытеснен отрядами Ма Фусяна. Среди людей Лу Чжанькуя начался разброд, и в конечном счете угроза от него сошла на нет. "После этого во время пребывания Ма Фусяна в должности "Нинся хуцзюнь", в пределах /Нинся/ больше не было военных действий" /90, 59/. Это был итог 4-летней вооруженной борьбы,

которую вели рядовые солдаты-мусульмане, подчиненные Ма Фусяну. В независимости от своих подлинных устремлений и желаний она объективно способствовала упрочению стабильности власти пекинской администрации, олицетворявшей политический центр постреволюционного Китая. Это, с одной стороны. С другой, все эти войны являлись как бы продолжением межобщинных столкновений конца XIX в.

Падение цинской монархии сопровождалось ослаблением центральной власти. Это положение не изменилось и после объявления Пекина столицей республиканского Китая. Страна не обрела устойчивого внутреннего порядка: борьба идет на высшем и низовом уровнях. Митечи и разбой становятся определяющими явлениями жизни многонационального китайского общества, и они создают питательную среду для оживления межобщинного антагонизма. Это наглядно показали события, связанные с действиями Бай Лана.

В марте-мае 1914 г. повстанческое войско Бай Лана, Белого Волка, вторглось в пределы Шэньси и Ганьсу. На решительное сопротивление, которое мусульмане оказали в Старом Таочжоу, люди Бай Лана ответили поголовными расправами и разрушениями. По взятии Таочжоу они вырезали и буквально сжигали город с землей. "Во время нашего пребывания год спустя четыре стены города окружали массу развалин, не оставалось ни одного целого дома" /254а, 121/.

Поскольку за Белым Волком шли хань, психологической реакцией со стороны мусульман в случаях безвыходного положения стал религиозный фанатизм, когда мусульмане предпочитали самоубийство смерти от руки "неверных". В двух основных мечетях города Таочжоу, когда в первый день пятой луны 1914 г. грабители из отрядов Белого Волка заняли это место, укрылись 3 тысячи хуэй-хуэй, в основном женщины и дети. Когда нависла угроза, ахуны подожгли 2 мечети и все там погибло /185, 39/. На самоубийство шли и сознательно. Отступая перед отрядами Бай Лана, мусульмане-ополченцы вошли в город Старый Таочэн. Собравшись в мечети, мусульмане устроили самосожжение. Иные предпочитали самоубийство, говоря: "Лучше покончить с собой, нежели быть убитыми хань" /89, 8, 28, 28 б/.

Разрушение Таочжоу явилось вместе с тем поворотным пунктом в судьбе Белого Волка. В магометанских уездах Ганьсу возле границы Куку-нора гать Белого Волка получила-таки сокрушительный отпор. Именно мусульмане, "которые не привыкли позволять, чтобы их грабили и убивали, не выказывая решимости к сопротивлению", заставили Белого Волка уйти восвояси /254а, 24/. Притом там же путем, которым пришел, но уже через разоренные и опустошенные им же места. Путь на север, к Даньчжоу был перекрыт мусульманскими войсками Ма Анъяна /254а, 122/.

Республиканский режим в лице провинциальных властей Ганьсу оказался не в состоянии обеспечить местным мусульманам спокойное существование, защитить жизни и достояние от произвола Бай Лана. Самозащиту мусульман организовали их предводители Ма Анъян, Ма Хункуй, Ма Фусян. Они непосредственно сражались с шайками Бай Лана. Не кто иные, как люди Ма Хункуя разгромили отряд одного из сподвижников Бай Лана Лу Чжангуня и убили его соратника Цзинь Чжангун. Его голова по распоряжению Ма Хунбиня была выставлена для всенародного обозрения /89, 8, 28, 286/.

Следствием вторжения шаяк Бай Лана в районы проживания мусульман явилась дискредитация в глазах последних республиканской власти, олицетворявшей верховную власть хань, сохранение предубежденности и неприязни мусульман к последним из-за бесчинств Бай Лана.

Кроме того, бессилие ханьской администрации, сменившей маньчжурских монархов, защитить мусульман от бесчинств Белого Волка не укрепляло доверие мусульманской общины к республиканскому строю, провозглашенному в Китае хань, и не могло не способствовать стремлению мусульман к политической самостоятельности. А это уже унавоживало почву для центробежных устремлений. Живучести их, очевидно, способствовала и хроническая неустойчивость политической обстановки в Китае, нестабильность политико-административной системы.

Установление республиканского режима узаконило в известной степени доминирующее положение мусульманского генералитета на окраинах страны. И для ханьской бюрократии более безболезненно этот процесс происходит в наиболее отдаленных районах, где малочисленно или почти отсутствует ханьское население и где соот-

ветственно не сложились влиятельные группы представителей ханьского этноса /торговцы, чиновники, интеллигенция/. Так, в частности, обстоит дело с регионом, где, очевидно, центральное правительство не столько благоволило к мусульманским вожакам, сколько учитывало сложившуюся обстановку, а именно: реальные возможности мусульман-милитаристов и собственную импотенцию. Это был союз, основанный на политическом расчете: мусульманские генералы нуждались в центральном правительстве, в частности, для того, чтобы апеллировать при случае к его авторитету в отношениях с ханьской и другими иноплеменными общинами, центральное правительство, используя мусульманских военных, рассчитывало благодаря им отправлять свой суверенитет над окраинными землями. Соответственно приходилось считаться и с властными амбициями мусульманских военачальников. "Прованция Куку-нор была создана в 1929 г. из частей Тибета и Ганьсу, чтобы удовлетворить бесконечные требования дунган быть хозяевами в своем собственном доме" /220, 53/. Этому предшествовало утверждение мусульманского генерала в Синине в качестве правителя Куку-нора.

При цинской монархии Синин был резиденцией высокопоставленного чиновника, контролирующего обширную территорию Куку-нора, которого тибетцы или монголы обозначали термином "амбан". С установлением республики он именовался на республиканский манер "Цинзай баньши чжангуань". Потом этот пост был ликвидирован, а его занимавший, — старый маньчжур — устранен правительством Хань Шикая и контроль над территорией Куку-нора передается мусульманскому военачальнику из Синина /254а, 173/. В сентябре-октябре 1912 г. на пост главнокомандующего войсками по охране Синина /"Синин чжэнь цзун бин"/ назначают Ма Ци, мусульманина.

В стремлении так или иначе продемонстрировать свой суверенитет над населением пограничных земель, показать их принадлежность Китайской Республике центральное правительство делает ставку на мусульманских генералов. Действует оно в данном случае согласно традиционного приема правителей Китая — "руками дикарей обуздывать дикарей". В августе-сентябре 1915 г. центральное правительство распорядилось 25 родов фаней, проживавших в Юшун, передать в ведение Сиани. Соответственно оно поручило Нин-хай-шэн-фань сканьвэйши Ма Ци взяться заведовать делами

Юйшу. Тот соответственно назначил Ма Диня командиром Юйчууского охранного отряда и предписал разместиться в кумарне Цзегу. Ма Диню было предписано учредить охрану, с тибетцами установить хорошие отношения и наладить курьерскую связь /89, 8, 29, 1ас/. Такая практика объективно способствовала усилению престижа и влияния мусульманских генералов на окраинах Северо-Запада, а также укреплению позиций ислама. Прежде власть амбана над землями, сопредельными с Цинхаем, была часто эфемерной: монголы и тибетцы оставались вне действенного контроля китайской администрации. При республиканском режиме командиры-мусульмане предприняли меры, чтобы сделать этот контроль реальным. В 1921-1922 гг. Ма Ци послал экспедицию против тибетских племен, управляемых своими собственными царями и в одном случае царицей, и сокрушил их. Она стала подвластна губернатору в Синяне /255а, 110/. Он построил 3 новых города на тибетской территории - один возле озера Куку-нор, один на запад к Цайдаму и один на юге через страну голоков, 18 дней пути от Синяна. В местах обитания голоков были открыты почтовые конторы. Имелось в виду, что при них появятся китайские поселенцы, которые будут возделывать землю, выращивая ячмень, овес и другие продукты, которые не получаемы ныне в этих районах /255а, 110, 199/. Надо полагать, что мусульманские военачальники, формально распространяя юрисдикцию Китайской республики на районы самостоятельных тибетцев, не в последнюю очередь руководствовались интересами личного самоутверждения. "Золото и драгоценные камни идут из Тибета, и первоклассные бойцы - это все материал и для эгоистичных целей" /мусульманского правителя в Синяне/ /255а, 110/. Автор этих строк, очевидно, имел в виду властные поползновения. Но дело не ограничивалось лишь ими.

Относительную независимость мусульманских генералов в Цинхае /Куку-нор/ от центрального правительства обеспечили им собственные источники доходов. В частности, такой традиционный для мусульман промысел, как извоз. "Караванные перевозки - главный источник богатства династия Ма, которая правит провинцией" /226, 52/.

Ближайшим по времени следствием закрепления власти мусульманских военачальников в тибетских землях явилось расширение

оферы влияния ислама и укрепление его позиций. "Военный губернатор Синина, который также является китайским губернатором всего Куку-нора и северного Тибета, - мусульманин, человек, который обладает обширной властью ... С армией в 10 или 12 тысяч человек, обученных ведению современной войны, он управляет районом, большим, чем какая-либо страна в Европе, за исключением России, и, так как он мусульманин, Ислам процветает под его властью. Он недавно привез в Синин несколько ахунов /мусульманских священников/ из Хэчжоу, Мекка Китая, которые гораздо более фанатичны, нежели были ахуны в этом городе" /255а, 104/.

Распространение власти мусульманских генералов на тибетские земли повлекло за собой мажоритарные столкновения, которые носили религиозную окраску - тибетцы, в особенности ламы, неоднократно выступали с оружием в руках против мусульман /254а, 173/.

Не ограничиваясь пределами собственного удела, династия Ма в Синине провозгласила также право вмешиваться в дела дунганской администрации в Синьцзяне /22, 165-166/.

МИЛИТАРИСТСКИЕ СВАРЫ И ВОЖАКИ МУСУЛЬМАН СЕВЕРО-ЗАПАДА

Свержение цинской монархии ознаменовалось затяжным процессом децентрализации страны, который сопровождался междоусобицами как на низовом /уездном и провинциальном/ уровне, так и противостоянием между Северным и Южным Китаем. 7 октября 1917 г. Сунь Ятсен от имени Южной федерации объявил войну правительства Севера /II4, 20/. В плане подготовки к Северному походу Сунь Ятсен осенью 1917 г. направил письмо ахуну Ван Хаожаню, побуждая его добиться того, чтобы военные силы Северо-Запада выступили на стороне южан /I3I, I, 6II/. Обращение Сунь Ятсена к ахуну не было случайным. Сунь Ятсен познакомился с ахуном в Исламском обществе обобщенного прогресса /"Хуэйцзяо цзэй цзин хуэй"/. Сунь Ятсен рассчитывал, что Ван Хаожань сумеет посредством своего авторитета привлечь к участию в Северном походе мусульманских предводителей Северо-Запада.

Ван Хаожань положительно отнесся к инициативе Сунь Ятсена, о чем сообщал прибывший в Гуанчжоу его представитель Сунь

Яньцзя /Шен У/ /131, 00/. Но, очевидно, реально вряд ли ахун мог обеспечить тогда военную поддержку со стороны мусульман Северо-Запада, в частности, и из-за осложнения там межобщинных отношений.

Для внутривосточной жизни Китая 20-х годов характерны гражданские войны, которые развязывают ханьские милитаристы. В те столкновения, что происходят на Севере, так или иначе оказываются втянутыми и мусульманские военачальники из Ганьсу.

В июле 1920 г. вспыхнула война между правителями провинций Чжили и Аньхуй. Ма Фусян телеграфировал о поддержке властей столичной провинции Чжили /90, 41/.

В апреле 1922 г. разыгралась первая Чжили-Фэнтяньская война. Чжилийские милитаристы Цао Кунь и У Пэйфу настаивают на срочной переброске войск Ма Хункуя для участия в боевых действиях на их стороне. Однако Ма Фусян и Мао Хункуй под предлогом того, что в "охраняемой им местности бедствие бандитизма еще не устранено", отказались прислать войска /90, 41/.

3 мая фэнтяньская армия потерпела поражение и отступила в Маньчжурию. Следом отец и сын Ма издали циркулярную телеграмму с осуждением фэнтяньского милитариста Чжан Цюолина. Однако этот демарш не ублажил Цао Куня. Подчиненные ему части, расквартированные в Суйюани, разгромили 5-ю смешанную бригаду семейства Ма /90, 356/. Это событие выходило за рамки акции, предпринятой ради просто наказания за уклонения от оказания помощи. Ликвидация отряда Ма означала на деле устранение военного присутствия мусульман в Суйюани и пресечение поползновений их вожаков к расширению исконного домена. Ма Фусян срочно запросил снисхождения у Цао Куня, и так избавился от дальнейших репрессалий /90, 356/.

Расхождение интересов мусульманских вожаков с ханьской администрацией имело место не только на уровне "центр-периферия", но и непосредственно на местах.

В сентябре 1924 г. произошла очередная война между Чжили и Фэнтянь. Чжилийская армия потерпела поражение, и Цао Кунь ушел в отставку. В пекинском правительстве Дуань Цижуй временно стал "правителем" /"чжи чжэн"/. Созвал в Пекине "собрание по устранению последствий". С учетом того веса, который он

приобрел как влиятельный представитель мусульман Северо-Запада, Ма Фусян был приглашен участвовать в работе упомянутой конференции. Выступая там, Ма Фусян заверил, что во главе с народом Северо-Запада будет выполнять приказы только "чжицзэна" /90, 42/.

В декабре 1924 г. Дуань Цижуй назначил Фэн Юйсяна дубанем по охране Северо-Запада /"Сибэй бяньфан дубань"/. Ма Фусян получил пост хуэйбаня по обороне Северо-Запада, а его подчиненный Ли Мачжун — суйваньского дутуна /90, 42/.

Помимо общих обязанностей по обороне Северо-Запада Фэн Юйсян принял на себя функции заведующего мероприятиями по упорядочению военными делами Ганьсу /90, 57/. Таким образом, пекинская администрация выделила в удел Фэн Юйсяну часть Северо-Западного Китая, со значительной мусульманской общиной. В помощники ему был зачислен мусульманин Ма Фусян. Но одно дело издание соответствующих распоряжений, совсем другое — реальная власть ... Летом 1925 г. произошли события, которые открыли Фэн Юйсяну благоприятные возможности закрепить за собой Ганьсу. Воспользовавшись болезнью дубаня Лу Хунтао, его подчиненные Ли Чжанцин и Бао Юйсян заставили Лу Хунтао уйти в отставку и правителями в Ланьчжоу стали сами. И тут Фэн Юйсян вознамерился поставить дубанем Ганьсу своего человека — Лю Юнфэня. Однако Ли Чжанцин возжелал стать губернатором Ганьсу до прибытия офицеров Фэн Юйсяна и поставить его перед свершившимся фактом. "Он рассчитывал, однако, без своего хозяина. Различные мусульманские генералы, рассеянные по всей Ганьсу, отказали позволить ему стать губернатором, и он не осмелелся оказать сопротивление их единой воле" /273, 16/. Нет оснований полагать, что мусульманские генералы желали власти Гоминьцзэня, войска Фэн Юйсяна. Но, по крайней мере, они показали ханьской военщине, как Ли Чжанцину, так и Фэн Юйсяну, что с мнением их нужно считаться. Но в независимости от мотивов, которыми руководствовались мусульманские военачальники в случае с Ли Чжанцином, они объективно способствовали закреплению порученца Фэн Юйсяна в столице провинции.

23 октября 1926 г. по приказу Фэн Юйсяна командир 2-й дивизии Лю Юфэн через Баотоу, Нанся прибыл в Ланьчжоу /90, 57/.

Само по себе появление войск Фэн Юйсяна в местах проживания мусульман не могло не вызвать соответствующего резонанса. Мусульмане, очевидно, не видели особого различия в том, разбойничья ли это вольница Бай Лана, вооруженная ли ватага грабительских лиц без определенных занятий /т.н. "народное войско"/, или наемника-солдаты Фэй Юйсяна. Для них это было прежде всего незваные вооруженные хань. От них мусульмане немало претерпели, и, в частности, были свежи воспоминания о бесчинствах Бай Лана.

Около 10 лет отделяли нашествие Бай Лана от незванного прихода войск Фэн Юйсяна, и потому реакция широких слоев мусульман на появление последних могла быть, по меньшей мере, только сдержанной.

До появления Ли Юфэна в Ланьчжоу здесь правила вышеупомянутые Ли и Бао. Хотя части Гоминьцзюня превосходили по численности силы Ли и Бао, но Лю опасался начинать войну, ибо нельзя было исключать того, что в конфликт могут ввязаться прочие ганьсуйские войска, ни один из командиров которых не благоволил приходу Гоминьцзюня, намеревавшегося по собственному почину наводить свои порядки /25I, 194/. Исход противостояния Гоминьцзюня и местных генералов-хань, противников Гоминьцзюня, в немалой степени зависел от позиции мусульманских военачальников. Учитывая различие в их положении, борьбу амбиций, принадлежность к различным сектам, трудно было ожидать, что они будут придерживаться единого подхода. О своей лояльности Гоминьцзюню спешит заявлять Ма Фусян. Он домогается того, чтобы отряды его сына и племянника /соответственно Ма Хункуя и Ма Хунбяня/ были включены в Гоминьцзюнь /90, 42/. В декабре 1925 г. соединение Ма Хункуя передислоцировалось в зону, где разместились части Лю Юфэна /90, 43/.

Счел целесообразным поддержать Гоминьцзюнь и ганьчжоуский чжэньшоуши мусульманин Ма Линь. В апреле-мае 1926 г. командир ганьсуйской дивизии Хуан Дэгуй начал военные действия против Гоминьцзюня /89, 9, 3I, 19a/. Ма Линь послал конников на помощь Гоминьцзюню, который сражался с Хуан Дэгуем. Отступив, тот потом говорил: "Гоминьцзюнь руками мусульман подавляет хань" /89, т. 9, кн. 3I, 20a/. В конечном счете, Лю сумел физически устранить и основных противников Ли и Бао, став фор-

мально дубанем Ганьсу во исполнение решения Фэн Юйсяна. Но фактически правил лишь в Ланьчжоу. Провинция оставалась разделенной примерно на 8 зон, каждая из которых контролировалась независимым милитаристом. Хотя военачальник в Ланьчжоу обычно являлся воинским начальником, он по всей видимости ведал делами провинции. Ситуация усугублялась еще тем обстоятельством, что некоторые из местных милитаристов в провинции были мусульманами, тогда как другие — хань /251, 195/.

С учетом специфики межобщинных отношений первоочередной задачей было привлечь на свою сторону генералов-мусульман. И тут Ли Юфэн действовал в буквальном смысле методом кнута и пряника. Части, чьи командиры выражали лояльность, переформировывались в соединение Гоминьцзюнь, противников ликвидировали силой. Лю Юфэн поставил под свой контроль посредством переформирования подразделения мусульманских командиров Ма Хунбиня, Ма Ци, Ма Линя /90, 57/. Так, некоторые мусульманские формирования, в частности, подчиненные клану нинсянских Ма, выступают как часть войнства Фэн Юйсяна. То, что он был христианином, не удержало мусульманских военачальников Ма от союза с ним. Политические амбиции брали верх над различиями в вероисповедании: в определенной степени полумесяц и крест объединялись.

В начале 1926 г. Лю Юфэн попытался приручить вожака мусульман Чжанцзичуаня Ма Каньчжао. К нему он специально направил начальника штаба Ян Хуэйдуна с таким наказом. При встрече с Ма Каньчжао побудить его ориентироваться на правительство, не предпринимая поступков, которые вызывают смутнение /89, кн.31, т. 9, 186/. Наглядным примером, что ждет ослушника, должна была служить участь мусульманского предводителя Ма Тинжана. Его отряд, как и некоторых других, разгромили солдаты Гоминьцзюнь /90, 57/. Это обстоятельство и в будущем сказалось на отношении Ма Тинжана к Гоминьцзюнь.

СЕВЕРНЫЙ ПОХОД И МУСУЛЬМАНСКИЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДА

1926 год ознаменовался в Китае гражданской войной общенационального масштаба. Грубо говоря, с одной стороны, высту-

пает коалиция северных милитаристов — Аньго цзюнь, политическим центром которой является Пекин, признанная столица Китая, и с другой — гоминьдановская Национально-революционная армия /НРА/ южан, с которой блокируются северо-западные милитаристы Янь Симань и Фэн Юйсян. Кампания, предпринятая /началась 9 июля 1926 г./ гоминьданом, именовалась Северным походом.

Северо-Запад стал опорной базой Фэн Юйсяна во время Северного похода, а население этого региона, в частности мусульмане, обеспечивало вопрека своему желанию материальными и людскими ресурсами борьбу за власть противостоящих ханьских военно-политических группировок. Противники Фэн Юйсяна всемерно пытались использовать мусульманское военное начальство против Гоминьцзюня, муссируя определенной направленности слухи или склоняя к выступлениям на своей стороне. Приведем примеры этой психологической войны. Телеграмма из Ханькоу от 27 апреля 1926 г. извещала, что Военный Совет рассматривает предложение назначить мусульманина генерала Ма дубанем Северо-Западной границы в случае, если присоединиться к борьбе против Гоминьцзюня. Согласно информации из Пекина, 28 апреля генерал Ма Фусян, помощник дубаня Северо-Западной границы, в Ханькоу ведет переговоры с маршалом У Пэйфу /279, 5/. Как сообщали из Пекина, 29 апреля маршал У Пэйфу телеграфировал командирам союзных войск: генералы Кун Фанцзин и Чан Чаокун, дивизионные командиры в Ганьсу, объявили о своей независимости от Фэн Юйсяна, в сотрудничестве с хорошо известными мусульманскими генералами Ма Ци, Ма Лианем, Ма Хунбянем и Ма Фусяном они планируют изгнать из провинции генерала Лю Юфэна, и.о. дубаня Ганьсу, и Сян Дуби, и.о. гражданского губернатора в Ланьчжоу /278, 5/. 19 июня из Пекина сообщали: генерал Чан Чаоэ, назначенный маршалом У Пэйфу главнокомом экспедиции по борьбе с красными в Ганьсу, настаивал, чтобы магометанские генералы без промедления начали сражаться с гоминьданом /279а, 173/. Добиться этого не удалось.

3 сентября 1926 г. бригада генерала Ма Пина вступила в Гужань /Ганьсу/. Она входила в состав 7-й дивизии генерала Ма Хункюя /1-я армия Гоминьцзюня/. Приезд Ма Хункюя в Гужань приветствовали чиновники, шеньши, учащиеся и представители Торговой палаты, выйдя встречать его у западных ворот /280, 17/.

В сентябре 1926 г. Фэн Юйсян назначил Ма Хункуя командующим 4-й полевой армией Гоминьцзюня и по совместительству командаром 7-й дивизии /90, 357/.

В ходе военных действий солдаты-мусульмане под началом Ма Хункуя взаимодействовали с бойцами Гоминьцзюня. В августе 1926 г. магометанские войска наступали на Гукань, откуда дундунские подразделения бежали без боя. По прибытии в Вадан ланчжоуские войска и магометанские подразделения двинулись на Пинлян. Его ворота без боя были открыты для Гоминьцзюня. Народ готовился приветствовать генерала Ма Хункуя как уполномоченного по обороне округа Дундун /276а, 29/.

22 октября 1926 г. солдаты под началом Ма Хункуя участвовали в снятии осады Сиани и разгроме войск У Пэйфу /90, 357/. В мае 1927 г. подразделения Ма Хункуя, следуя за частями Фэн Юйсяна, выступило из Тунгуана и сражалось с объединенными войсками провинций Чжэнь и Шаньдун под началом Чжан Цзунчана, Сунь Чуан-фаня /90, 357/. В обоих случаях признанием заслуг Ма Хункуя явилось назначение его начальником гарнизона соответственно Сиани и Лояня /90, 357/. Осенью-зимой 1927 г. бойцы Ма Хункуя воевали с чжэнь-шаньдунскими войсками /90, 357/.

Выступления на стороне Гоминьцзюня некоторых мусульманских военачальников было обусловлено целым рядом причин, прежде всего чисто прагматического порядка. Он, писал о Ма Фусяне западный наблюдатель, никогда не был решительным сторонником Фэн Юйсяна и в течение некоторого времени считался приверженцем маршала у Пэйфу /277, 23/. В целом о позиции мусульманских генералов во время противостояния Гоминьцзюня с коалицией северных милитаристов сборщик британского еженедельника писал: "Отношение магометанских вожаков, как утверждают, очень сомнительное. В настоящее время она не осмелевают выступать против Гоминьцзюня, но как она поведет себя, если союзники /т.е. антагоминьдановская коалиция. - В.К./ окажутся победителями, это другой вопрос" /280, 16/.

Очевидно, особого рвения мусульманские генералы не проявляли, когда дело шло о продвижении далеко за пределы своих, родных мест. Так, английский еженедельник писал следующее: "Несколько дней назад магометанский-генерал Ма Хункуй двинулся на восток

с 7-й дивизией. Дубань Лю Юань, говорят, приказал ему сделать это давно, но он отказался, говоря, что содержание, предложенное в размере 8 тыс. долларов на дивизию, недостаточно. Он потребовал 30000. В конце концов дубань дал ему 10 тыс. и фураж для лошадей" /280а, 16/. Ранее сообщалось, что мусульманские войска не прочь была поживиться имуществом, предназначенным для Гоминьцзюня. Грузовика с амуницией, посланные Гоминьцзюню из Урги, информировал английский еженедельник, были частично перехвачены ганьзуйскими войсками Ма Фусяня в пунктах севернее Чэншайсянь на дороге Калганурга. И теперь эти отряды болтаются вокруг как бандиты /276, 20/.

Весной-летом 1928 г. войска коалиции Чан Кайши - Фэн Юйсяня-Янь Сяшаня сражались с фэнтяньской армией Чан Цзолиня. Страд под началом Ма Хункуя вел бои с фэнтяньцами на линии Пекин-Ханькоу /90, 358/.

УСТАНОВЛЕНИЕ ГОМИНЬДАНОВСКОГО РЕЖИМА И МУСУЛЬМАНЕ

Революция 1925-1927 гг. была прервана контрреволюционным переворотом Чан Кайши. Политически это проявилось в создании в 1927 г. правогогоминьдановского правительства в Нанкине, в противовес пекинскому, претендовавшему на статус национального правительства в Китае. Таковым оно стало во второй половине 1928 г. Формально Китай оказался под властью гоминьдановского режима.

С занятием 5 июня 1928 г. Пекина войсками шаньсийского милитариста Янь Сяшаня формально закончился Северный поход. В Китае утверждается гоминьдановский режим. Нанкинская администрация выступает как национальное правительство Китая. Перед нами стоят две основные внутривполитические задачи: действительное объединение страны под своим началом, ликвидация самостоятельности правителей на местах; искоренение коммунизма. При решении этих задач не остались в стороне и не были оставлены без внимания и мусульманские генералы с Северо-Запада, прежде всего нинсянский клан трех Ма: Ма Фусян, Ма Хунбинь, Ма Хункуй. Свою роль сыграла лояльность, которую они проявили в отношении Нанкина и лично Чан Кайши. Имая на своей стороне поддержку упомянутых мусульманских

военачальников, он получал возможность использовать их против своих оппонентов из числа ханьских милитаристов и в известной степени укреплять позиции центра на северо-западной периферии. Тем более, что Ма Фусян сам проявляет инициативу в налаживании отношений с Чан Кайши, ключевой фигурой нанкинской администрации. Летом 1927 г. Чан Кайши вновь вступает в должность главнокомандующего Национально-революционной армии. Ма Фусян специально едет к нему навстречу, а Чан Кайши назначает его членом Военного Совета /90, 43/.

Следом Ма Фусян получает пост в партийно-правительственном аппарате. Летом 1928 г. состоялся 2-й пленум ЦК ГМД: Ма Фусяна избирают кандидатом в члены исполкома ЦК ГМД и членом правительства /90, 43/. Иными словами, имеет место включение вожака нансаяского клана мусульманских предводителей в партийно-государственную структуру нанкинского режима.

Рассмотрим конкретно, как это обстояло на деле в порядке очередности вышеперечисленных проблем, стоявших перед Нанкином.

С целью ослабить власть милитаристов на местах в начале 1929 г. Чан Кайши созвал конференцию по реформированию войск. Речь шла о распределении объемов власти, ибо в условиях тогдашнего Китая политический вес и реальная значимость того или иного деятеля определялась количеством солдат под его началом. Интерес к работе упомянутой конференции проявляли мусульманские военачальники. Ма Хункуй телеграфировал о своем приезде /256а, 416/. Участие мусульманских генералов в этой конференции имело значимость не столько из-за военного потенциала, которым они располагали, но и в силу геополитических обстоятельств.

В работе конференции по расформированию войск принял участие Ма Фусян. Это обстоятельство свидетельствовало о признании ханьскими военно-политическими руководителями значения мусульманского военно-политического фактора в решении общенациональных проблем, одной из которых являлось сокращение находившихся под ружьем людей. Ма Фусян и его близкие родичи в этом вопросе держат сторону национального правительства, персонально - Чан Кайши.

После конференции по расформированию войск дало себя знать недовольство периферийных милитаристов Чан Кайши. Ма Фусян во

исполнение его указания отправился к Янь Сяняню в Фэн Юсяню. Однако примирение их с Чан Кайши не состоялось. В мае произошли столкновения между войсками Чан Кайши и Фэн Юсяня. 21 мая Хань Фуцун, Ша Юань и Ма Хункуй телеграфировали Фэн Юсяню, что он подчинялся Чан Кайши. Последний не остался в долгу: из солдат Ма Хункуя составил II-ю армию правительственных войск /90, 44/.

Вскоре Тан Шэнчжи, Хань Фуцун, Ша Юань, Ма Хункуй тайно собрались на совещание в Сянчжоу, намереваясь выступить против Чан Кайши. Об этом его следом же уведомил Ма Хункуй. В порядке поощрения Чан Кайши увеличил штатную численность II-й армии и преобразовал ее в 15-ю полевую армию. В свою очередь Ма Фусян посетил Хань Фуцун и Ша Юаня, а те снова подчинялись Чан Кайши /90, 44/.

В декабре 1930 г. выступление Фэн Юсяня и Янь Сяняня против Чан Кайши закончилось провалом. Среди причин поражения войск Фэн Юсяня следует назвать выступление мусульман на Северо-Западе /о чем подробнее ниже/. В частности, в 1929 г., когда Фэн Юсянь воевал с центральным правительством, мусульманский предводитель Ма Чжунан, имея под своим началом дивизию, серией ударов по тылу Фэн Юсяня прервал коммуникации армии Фэн Юсяня между Сяньфу и Ланьчжоу, дезорганизовал снабжение и таким образом способствовал победе Чан Кайши /236, 240/. Выступая против Фэн Юсяня, субъективно вожаки мусульман вовсе не имели в виду поддержать Чан Кайши как такового и гоминьдановский режим в Китае. Но объективно получалось так, что часть мусульманской общины, не принимая во внимание расклад борьбы в лагере ханьской военной, выступала против одного из ханьских генералов, не желая нести ради его амбициозных устремлений тяготы и лишения. Если бы на месте Фэн Юсяня оказался Чан Кайши, то, очевидно, эти же вожаки мусульман выступали бы и против него, повели он себя так же, как Фэн Юсянь. Но в силу стечения обстоятельств непосредственно на себе мусульмане испытали присутствие Фэн Юсяня. А его противник Чан Кайши, не исключено, воспринимался поэтому если не лояльно, то по меньшей мере индифферентно, ибо его власти в полной мере мусульманская община не почувствовала еще на себе. Однако как противник Фэн Юсяня он, Чан Кайши, мог вызывать небескорыстный интерес у определенных вожаков мусульманской

общины.

Пекиан не преминул использовать выступление мусульман на Северо-Западе с целью нажить политический капитал. С одной стороны, чтобы обвинить своего политического противника Фэн Юсяна, а с другой — выказать если не свое сочувствие мусульманам, то, по меньшей мере, понимание причин, почему они взяли за оружие. "Со времени оккупации Северо-Запада армией Фэна, — говорилось в заявлении Центрального отдела пропаганды ГМД, — этот регион стал его собственной территорией, милитаристы поступали по своему усмотрению в административных и финансовых делах ... Хуже того, она начала систематической грабеж всего региона и обескровляла людей до того, что обстановка стала столь нетерпимой, что широко распространились народные выступления, такие, как восстание магометан" /241а, II/.

Гоминьдановское правительство Китая в свою очередь официально признает представителей нинсяского клана Ма полновластными правителями местных мусульман. Идеологической основой союза ханьских националистов и мусульманских вожаков явился антикоммунизм. Он был присущ традиционным вожакам мусульманской общины. Так, в 1912 г. директор училища правоведения /сичуанский мусульманин/ Цзи Даюй совместно с заведующим департаментом просвещения Ма Дянья на заседании временного парламента провинции пропагандировал "общность имущества и жен" /89, т. 8, кн. 29, 216/. И был за это изгнан Ма Аньляном /89, т. 8, кн. 29, 216/.

Внутриполитическую историю Китайской республики с момента ее появления характеризует непрекращавшаяся борьба за государственную власть. Борьба эта шла в двух измерениях. По времени наиболее определенно проявила себя столкновения центробежных и центростремительных тенденций, носителями которых выступали вожаки военно-политических группировок. В сущности, это была борьба среди элиты, фронт проходил не по признаку собственно классовых интересов: на одной стороне — низы, на другой — верхи. Вожак мусульманской общины Северо-Запада, как уже было показано, не стоял в стороне от этой борьбы, участвуя в ней и вовлекая в нее рядовых единоверцев, преследуя при этом прежде всего собственные интересы. В целом /за некоторыми исключениями/ вожаки мусульман Северо-Запада ориентировались на центральную власть — Пекиан,

а потом гоминьдановский Нанкин. Сильный центр, очевидно, рассматривался как определенный противовес амбициям ханьских политиканов -- военных на местах а потому ему отдавалось предпочтение.

В событиях второй половины 20-х гг., получивших название революции 1925-1927 гг., мусульмане в местах компактного проживания /Северо-Запад, Синьцзян/ похоже не приняли сколько-нибудь активного участия. Революция 1925-1927 гг. явилась порождением уязвленного мировым империализмом ханьского национализма и проходила в основном в городах собственно Китая. Суньятсенизм, ставший общей идеологией для ханьского этноса, тем более не имел особой притягательной силы для мусульман.

Антиимпериалистическая революция 1925-1927 гг. была прервана контрреволюционным переворотом генерала Чан Кайши. Политически это выразилось в создании правительства в Нанкине, претендовавшего на признание в качестве общенационального, тогда как еще осуществляла пекинская администрация, которую, если не во всем Китае, но, по меньшей мере, за его пределами признавали правительство Китайской Республики.

Революция 1925-1927 гг. шла под антиимпериалистическими лозунгами и для ее гоминьдановских вожаков заключалась в свержении власти старорежимных милитаристов в Пекине. Иными словами, революция 1925-1927 гг. была борьбой за объединение страны под единым началом между военно-политической группировкой гоминьдана, представлявшей юг, и военно-политической группировкой Севера, отвергавшей претензии гоминьдана. Последний для реализации своих гегемонистских амбиций предпринял т.н. Северный поход.

Если мусульманская община Северо-Запада в целом не проявляла стремления участвовать в схватке ханьских генералов и политиканов за возможность выступать в качестве единственного центрального правительства, то клан нинсянских Ма был вынужден следовать, учитывая присутствие войск Фэн Юйсяна, за ним и, соответственно, быть на стороне гоминьдана.

ПРОТИВОБОРСТВО МЕЖДУ ГМД И КПК И МУСУЛЬМАНЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА

С конца 20-х гг. вооруженное противостояние гоминьдана и КПК составляет основное содержание внутриполитической жизни Китайской Республики. В эту борьбу за государственную власть была вовлечена мусульманская община Северо-Запада, которая не в последнюю очередь из-за позиции ее вожаков оказалась на стороне гоминьдановского правительства. В июне 1927 г. Ма Фусян участвовал с Чан Кайши и Ван Цзяньвэем в работе совещания в Сяйчжоу, где было решено предпринять военную кампанию против КПК /90, 357/.

Антикоммунистические убеждения разделяла не только верхушка мусульманской общины, антикоммунизм которых помимо чисто психологических обстоятельств питали и факторы социально-экономического порядка: коммунисты угрожали их господству над массами рядовых единоверцев. Среди последних тоже бытовали антикоммунистические настроения, ибо их определял психологический трафарет: коммунисты-безбожники, они против всякой веры, они за общность жен. Гоминьдан как организация в целом ханьская воспринимался широкими массами мусульман более терпимо, нежели КПК, уже потому, что не покушалась на веру и связанный с ней уклад жизни. Другое дело, какие в действительности были установления КПК в отношении религии, имущества и семьи /отношений между полами/, но неблагоприятный для коммунистов трафарет уже сложился в бытовом сознании мусульман ранее, чем они могли ознакомиться с лозунгами КПК по части религии и семейных отношений.

Помимо всего этого, воинские подразделения мусульманских милитаристов клана Ма являлись частями гоминьдановской Национальной армии и их командиры подчинялись приказам главнокомандующего Чан Кайши, а мусульмане-бойцы — соответственно выполняли распоряжения своих непосредственных начальников-единоверцев.

7 февраля 1933 г. Ма Хункуй официально вступил в должность чжун-чжуа правительства провинция Нанся /одновременно представителя ГМД в провинция и главнокомандующего /цзунчжихуэй/ 15-й полевой армии

/90, 359/. 4 апреля, выступая на I-м съезде представителей провинции, он провозгласил: "Облава на бойцов Красной армии - курс всестороннего умиротворения" /90, 359/. В порядке осуществления этого курса в ноябре 1933 г. Ма Хункуй начал внедрение системы "баоцзя", системы круговой поруки. Имелось в виду воспрепятствовать Красной армии закрепиться на Северо-Западе.

Ее появление на Северо-Западе создавало новую политическую ситуацию не только в этом регионе, но в масштабе всей страны. Само по себе сохранение благодаря исходу из прежнего района базирования вооруженных сил коммунистов означало перманентную угрозу гоминьдановскому режиму. С другой стороны, оседание частей Красной армии в районах компактного проживания неханьского, мусульманского населения приносило новые моменты как во взаимоотношениях гоминьдановского центра /нанкинской администрации/ и периферии /мусульманских генералов/, так и Красной армии, этнически в основном ханьской и идеологически "безбожной", с неханьским мусульманским крестьянством.

В середине 30-х гг. главные силы Красной армии, руководимой КПК, совершая переход на Северо-Запад, вплотную столкнулись с мусульманской проблемой. Для нее она прежде всего заключалась в том, что Красная армия вступала на территорию компактного проживания мусульман, для которых бойцы Красной армии были не зваными пришельцами, а приход ее был не чем иным, как вторжением ханьского войнства, как бы оно не называлось. События оцениваются так: "... в Северной Ганьсу и в узком рукаве Западной Ганьсу... стояли сильные войска, преимущественно кавалерия "трех Ма", мусульманских генералов, которые были полны решимости и имели возможность дать отпор любой попытке проникнуть через их владения в Синьцзян" /18, 192/. В этих условиях мусульманская проблема для КПК выступала как проблема взаимоотношений с мусульманской общиной и в конечном счете безопасности Красной армии в условиях противостояния с гоминьданом. Тем более, что первые контакты Красной армии с мусульманами свелись к вооруженным столкновениям. Весной 1935 г. солдаты Ма Хункуя вели боевые действия в уезде Тунсянь с 25-й армейской группой красных под началом Сюй Хайдуня /90, 359/. В 1935 г. части Ма Хункуя во исполнение приказа гоминьдановского правительства участвовали

в операциях "по истреблению коммунистов" в Восточной Ганьсу /90, 140/. В августе 1935 г. 25-я армейская группа Красной армии под командованием Сюй Хайдуна, выступив из опорного района Хубэй-Хенань-Шеньси /из южной части Шеньси/, прошла южную часть Ганьсу и вступила в район, обороняемый 35-й гоминьдановской дивизией, которой командовал Ма Хунбинь. Он получил приказ от Чан Кайши воспрепятствовать продвижению группировки Сюй Хайдуна /90, 86/.

Оставляя в стороне батальную сторону дела, отметим лишь бытовые детали, связанные с мусульманской обрядностью, которыми отмечены бои мусульман с бойцами Красной армии. 24 августа 1935 г. Ма Хунбинь в Цзинчуаньсэне зарезал барана, дацзинский ахун дал Ма Кайцзи читать канон /Коран. - В.К./ - так поминали погибших в бою мусульманских бойцов и выражали благодарность участвовавшим в сражении /90, 91/. Эта обрядность придавала столкновениям мусульман с Красной армией оттенок сражений "священной войны", ибо непосредственно противостояли мусульманам Ма Хунбиня неверные-хань, которые выступали, как их представляли, за общее имущество и за общественных жен.

Не ограничиваясь спорадическими операциями против коммунистических частей, Ма Хункуй в октябре 1935 г. представил Чан Кайши "Мнение относительно истребления коммунистов", воспользовавшись тем, что части Красной армии, участвовавшие в Великом походе, еще не закрепились на севере Шеньси, немедленно, используя все силы, "навсегда обрезать корни"/90, 360/. В октябре 1936 г. Ма Хункуй снова представил Чан Кайши "Мнение относительно истребления коммунистов", делая упор на необходимость без промедления предпринять облаву на части Красной армии на севере Шеньси /90, 25, 360/. 25 декабря Ма Хункуй в третий раз представил "Мнение относительно истребления коммунистов". Упор делался на то, что в период сотрудничества гоминьдана с КПК нужно осуществить экономическую блокаду руководимого коммунистами правительства пограничного района Шеньси-Ганьсу-Нинся /90, 360/. В декабре того же года Ма Хункуй по приказу Чан Кайши возвел т.н. "линию каменных крепостей для защиты от коммунистов" /90, 360/. В октябре 1940 г. подчиненные Ма Хункуя части возвели вторую линию такого же назначения /90, 362/.

Первый опыт общения с мусульманами на Северо-Западе показал руководству Красной армии важность политического решения мусульманской проблемы. 24 мая 1936 г. Главное политическое управление Красной армии издало директиву о работе среди мусульман. Как гласила эта директива, при прохождении Красной армией через районы проживания хуэйского населения, необходимо установить тесные связи с мусульманами. Конкретно, в инструкции указывалось: Красной армии "надлежало строго придерживаться обозначенных "3 больших запретов в отношении мусульман", "4 больших, на что обращать внимание". "3 больших запрета" суть: запрещается становиться на постой в мечети; запрещается обедать; запрещается жечь каноны на арабском языке. "4 больших разъяснения" указывали на необходимость быть опрятным, уважать нравы и обычаи мусульман /288, 313/.

"Работа с мусульманами, - говорилось в инструкции, - требует создания групп по работе с мусульманами, нужно изучать бытовые обычаи, а также политику и методы в отношении мусульман" /288, 322/.

Главпур Красной армии обращало внимание на необходимость охранять мечети в районах проживания хуэй, посылать в подарок мечетям доски с надписями, притом, исходя из того, что ритуал мусульманской веры необычайно почитает, с уважением присылать, добиваться таким образом горячей поддержки мусульман /288, 316/. Отдавая отчет в том, что влияние, которым в повседневной жизни мусульман пользовались ахуны, авторы инструкции указывают на необходимость в первую очередь добиваться их согласия при проведении тех или иных мероприятий. Так, при изыскании довольствия "сперва нужно безусловно обговорить это с ахунами и стариками" /288, 316/. Далее: "Любые родовитые люди, ахуны, а также мусульмане, которые стремятся к освобождению хуэй, могут участвовать в мусульманском правительстве" /288, 318/.

Основной целью курса КПК и командования Красной армии в отношении мусульман было поднять их на вооруженную борьбу против гоминьдана и создание органов власти в соответствии с установками и целями партийного и военного руководства Красной армией. В уже упоминавшейся инструкции Главпура говорилось: "Во время развертывания борьбы одновременно нужно осуществлять создание му-

мусульманской организации", одновременно создавать мусульманские вооруженные отряды или партизанские отряды, мы можем послать людей участвовать в их работе и руководить /288, 320/.

"При расширении рядов новых бойцов Красной армии из числа мусульман необходимо учитывать их бытовые привычки, и как только дело начнется - наладить отдельную систему формирования; создавая мусульманскую антияпонскую армию, с самого начала обусловить, что она будет находиться под единым командованием Красной армии" /288, 321/.

"Развивать национальное самосознание у хуэй и развертывать борьбу, - гласила инструкция Главпура, - направить эту борьбу на свержение политического правления гоминьдана, на создание собственного правительства мусульман". Власть можно было использовать двоякого рода: "В уездах и районах, где хуэй и хань совместно проживают, можно организовать уездное или районное коалиционное правительство, в котором представлены люди хуэйской и ханьской национальностей, что касается председателя, зам. председателя, количества представителей и членов правительства, то это определяется согласно количеству свободы, мы защищаем положение мечетей и имамов и абсолютную гарантию религиозной свободы для хуэйского народа" /226а, 52/.

Все вышеизложенные программные установки КПК по мусульманскому вопросу характеризуют одно принципиальное обстоятельство. Руководство КПК по существу представляет мусульман Северо-Запада только как хуэйцзу. Оно не принимало и не принимает во внимание то, что помимо хуэйцзу на Северо-Западе ислам исповедывали и другие народности: салары, баоани.

Противоборство ИМД и КПК происходило не только в форме вооруженных столкновений, но шла борьба и за умы мусульман. Помимо обещаний социально-политического характера КПК давала авансы духовного порядка:

"Защищать маометанскую культуру".

"Гарантировать религиозную свободу всех сект" /254, 318/. Из 3 основных сект: "Цзю-", "Синь-" и "Синь синь цзю" гоминьдан поддерживал последнюю /254, 314/. Вожаки ее, к примеру Ма Хункуй, использовали свое властное положение для борьбы с другими сектами. В частности, по его указанию сжигались мечети

"Цзяо"- и "Синь цзяо" /254, 318/. По всей вероятности, Ма Хункуй сводил счеты за события, имевшие место во время восстания 1928-1929 гг. /см. ниже/.

Обещаниям обеспечить свободу деятельности всех сект, руководство КПК по примеру провинциальных законодателей первых пост-революционных лет продемонстрировало внимание к одной из самых болевых точек внутренней жизни мусульманской общины.

Больше того, руководство КПК выставляло себя поборником панисламизма, суля: "... Помочь объединению магометан Китая, Внешней Монголии, Синьцзяна и Советской России" /254, 318/.

Если говорить по большому счету, то к началу антияпонской войны КПК не удалось добиться решающего перелома в настроениях мусульманских масс в нужном для нее направлении. Линия фронта по-прежнему отделяла КПК и мусульман. Этого не меняет и то, что солдаты Ма Хункуя не проявили особого рвения в отражении вторжения Красной армии /254, 315/ и что на ее сторону переходили мусульмане, служившие Ма Хункую /154, 319/ и из них создавались особые подразделения. По этому поводу Э. Сноу заключает: "Сни /т.е. коммунисты. - В.К./ хвастаются /другое значение "гордятся". - В.К./ тем, что она создала ядро Красной армии китайских мусульман" /254, 318/. Эмоция, одной стороны, конечно, не определяли политических реалий. В лице мусульманских генералов гоминьдан имел надежных союзников в борьбе с КПК.

Во второй половине 1936 г. продолжались бои частей Красной армии с отрядами мусульманских генералов Ма /138, 182/. Именно их конница нанесла сокрушительный удар 5-й армейской группировке Красной армии /138, 183/. В октябре 1936 г. один из вожаков КПК Чжан Готао, порвав с Мао Цзедуном, повел свои войска в новую кампанию в Ганьсуйский коридор, надеясь установить свою собственную связь с Советским Союзом через Китайский Туркестан. Однако войска Чжана были разгромлены пронационалистскими войсками под началом губернатора Ма Буфана /223, 52/.

В период между ноябрем 1936 г. и мартом 1937 г. коммунистическая армия западного направления была разгромлена противником /138, 183/. Одной из причин этого было отношение мусульманского населения. "Армия западного направления не только не обеспечила себе поддержку местного населения, преимущественно мусуль-

манского /подчеркнуто нами здесь и дальше. - В.К./, но и встретилась с его враждебностью, усугубленной вынужденными реквизициями продовольствия, одежды, помещений для постоя" /183, 184/.

В 30-х гг. руководство КПК обращалось с призывом к бедным и социальным низам объединиться с нами в классовой борьбе и, в частности, ожидало поддержки со стороны мусульман в борьбе против гоминьдановских войск в Ганьсу /160а, 266/. Однако, вопреки этим ожиданиям, мусульмане-солдаты из Нинся, Ганьсу и Цинхай в январе и феврале 1937 г. разгромили войска КПК и изгнали их из Ганьсу /160а, 266/. М. Линдбек называет несколько причин, почему руководство КПК потерпело неудачу в своих попытках наладить отношения с мусульманами, а вернее перетянуть их на свою сторону. А именно: во-первых, неправильное понимание природы ислама, что главным образом и привело к организованному сопротивлению мусульман в это время. Даже после отказа от своей антирелигиозной политики руководство КПК не знало, что ислам - не просто собрание религиозных идей расовой /национальной/ группы, но всеобщая религия, которая превосходит не только расовые, но и классовые различия. Во-вторых, репутация КПК, как партии, выступающей против религии. В-третьих, мусульмане не верили обещаниям КПК предоставить автономию национальностям. В-четвертых, они были недовольны попытками КПК разделить и покорить, используя исламские сектантские конфликты. В-пятых, мусульмане-гоминьдановский альянс, который помог сохранять влияние ГМД на Северо-Западе в течение определенного времени /160а, 266-7/. В последнем случае вернее будет сказать не вообще о союзе мусульман с ГМД, а об определенном сосуществовании мусульманской верхушки с гоминьдановским руководством, одним из первостепенных условий которого было признание власти мусульманских правителей - милитаристов на местах. Со своей стороны еще укажем, что последние сохраняли достаточный авторитет среди рядовых мусульман, не в последнюю очередь и благодаря своим заботам о сохранении и развитии мусульманской духовности. Поэтому прямые нападки агитаторов КПК на Ма Хункуя, Ма Хунбиня, когда их выставляли "цепными псами гоминьдана" и "угнетателями", далеко не всегда достигали цели.

Вожаки мусульманской общины вместе с тем сознавали, что с коммунистической угрозой не управиться на поле боя. Духовная,

религиозная общность не могла скрыть социального неравенства в мусульманской общине, не делала более терпимым произвол единоверцев-военачальников. Отсюда коммунистическая пропаганда под углом защиты неимущих, ликвидации угнетения представлялась для мусульманских правителей опасной разлагающей умы рядовых единоверцев. И мусульманские верхи вплотную берутся за противодействие идеологическому наступлению коммунистов. 28 октября 1988 г. Ма Хункуй по всей провинции развернул антикоммунистическую пропаганду /90, 361/.

Во время войны с Японией 1937-1945 гг., когда мусульмане собственно Китая присоединились к борьбе сопротивления, руководство КПК подходит к мусульманской проблеме, очевидно, с учетом опыта, уже почерпнутого в ходе непосредственного общения с мусульманами в предшествующие годы.

В апреле 1940 г. секретариат ЦК КПК занимался хуэйским вопросом. На основе его выводов комитет по работе на Северо-Западе решал широко высказаться о возможности национального вопроса. Было признано, что ключ к единению национальных меньшинств против Японии - в правильной политике /288, 53/. Мы должны, говорилось в решении руководства КПК, "уважать их /хуэй. - В.К./, религиозные верования, разговорный и письменный язык, обычая и привычки" /288, 54/. Одновременно военно-политическое руководство КПК не предпринимало силовых попыток установить свой контроль над мусульманскими районами.

Тем не менее их правители опасаются проникновения коммунистической агентуры и ее подрывной деятельности. Поэтому в 1940 г. Ма Хункуй обнародовал директиву о том, чтобы в провинции всякий мужчина, старше 16 лет, имел при себе удостоверение /90, 362/.

4 января 1942 г. в Инчуани Чан Кайши, Чэнь Чэн, Чжу Шаолин созвали совещание высших офицеров 8-го военного района. Целью встречи была выработка курса по блокированию пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Выступая на этом совещании, Ма Хункуй провозгласил: "Чтобы управиться с /опасностью/ извне, нужно прежде всего обеспечить спокойствие изнутри" /90, 362/. В декабре 1943 г. Ма Хункуй предписал I-му организационно-пропагандистскому подразделению нинсянского отделения Исламской ассоциации спасения родины /"Хуэйцзяо цзи сахуэй"/ по всей провинции развер-

нуть антикоммунистическую пропаганду /оборонительную и наступательную/.

Не ограничиваясь собственной провинцией, Ма Хункуй принимает превентивные меры военного характера против КПК за пределами Ганьсу. В ноябре 1945 г. Ма Хункуй впервые послал свои войска на помощь гарнизону Баотоу, а мусульмане сражались с частями НОАК /90, 363/.

Синьхайская революция и последовавшие за нею основные политические события в Китае по своему содержанию были борьбой за государственную власть в многонациональной стране. В силу прежде всего своего численного превосходства эта борьба внешне предстает как социальная самодеятельность ханьского этноса, его элиты и низов. Но эта общая посылка не покрывает собой всей сложности и противоречивости процессов, происходивших в общественно-политическом организме китайского государства, неоднородного как по социальному, так и этнорелигиозному составу.

Борьба за власть в Китае в первые десятилетия XX в. шла не только сверху, среди верхушечных слоев ханьского этноса, но и снизу, среди низших слоев ханьского населения /массовый бандитизм, деятельность тайных обществ/. Внутривластьная неустойчивость, характерная для состояния ханьского этноса во всех его социальных слоях, не замыкается внутри его, но действительно затрагивает и непосредственно соседних с ними нехань, в нашем случае мусульман. Неодинаковая степень концентрации их по различным регионам дает различные проявления взаимоотношений хань и мусульман на бытовом уровне, которые так или иначе накладывали свой отпечаток на общую политическую обстановку. Оставляя пока Северо-Запад, отметим некоторые моменты относительно событий в Северном и Центральном Китае. В условиях распада властных структур, противостояния военных и гражданских чинов дает в полной мере знать самодеятельность должностных лиц и толпы, которая обостряет межэтнические отношения. Вот показательные примеры.

На юге столичной провинции Чжили, как излагает автор репортажа в английском еженедельнике, Фэнтяньские войска не занимались проблемой бандитизма, ибо ими командует полковник Ван Дяньсун, который родом из мусульманской деревни Чаохо. Последняя известна как разбойничье логово. Для борьбы с разбоем му-

сульман капитан Чэнь создал ополчение /миньтуань/. После нападения бандитов миньтуани устроили ответный налет и взятых в плен отправляли в уездную управу в Цанчжоу. Но ее чины не рвались ничего сделать, опасаясь полковника Вана. Попытки же капитана Чэня убедить полковника Вана принять меры в отношении разбойников долго были безуспешны, ибо он слушал то, что ему говорил атаман разбойников из Чаохо. Полковника Вана в конечном счете удалось убедить при помощи взятки. Но потом миньтуани напали на магометанскую деревню Янсанму, известный бандитский центр, и сожгли подберевня /245, 21-22/.

Как видим, в проблеме социальной самостоятельности /одним из проявлений которой являлся разбой/ был привнесён момент межобщинных /хань - мусульмане/ отношений. И проблема бандитизма трансформируется уже в вопрос сосуществования двух общин. Разжигали межобщинные конфликты не только мусульмане, но и хань. В частности, к этому было причастно тайное общество "Красные паки". Как сообщало агентство "Говэнь", в Хуэйцзинфу /Хенань/ "Красные паки" убивают мусульман тысячами, согласно телеграмме, полученной местными магометанами. Мусульмане навлекли гнев "Красных пак" отказом вступить в их организацию. Мечети были захвачены и использовались как бойни, мусульманских женщин заставляли выходить замуж за членов "Красных пак". Мусульмане обратили внимание диктатора Чжан Цзолиня на бесчинства "Красных пак" /280б, 7/. Если такую информацию сочло нужным передать агентство "Говэнь", то, несомненно, известия о насилиях над мусульманами распространялись и изустно. И, обрастая неизбежными слухами и преувеличениями, они будоражили умы мусульман в других частях Китая, соответственно воздействуя на психологический климат.

Борьба за власть в республиканском Китае шла в двух плоскостях: на высшем и на низшем уровнях. В первом случае бились за государственную власть, за верховенство над страной и соответствующее международное признание. Во втором - боролись за самоутверждение носителей власти в местном, периферийном масштабе. И если в первом случае соперничество шло по существу среди самого ханьского этноса, участие инородной элиты было сопутствующим и не отражало интересов широких слоев, своих по этноре-

лигиозной принадлежности, то во втором случае, когда речь идет о Северо-Западе, положение иное. Верхушка местной мусульманской общины стремится к политическому самоутверждению, вступает в борьбу за административную власть на уровне провинции с ханьской военной и гражданской бюрократией. Борьба эта протекает в самых различных формах: от отказа выполнять наравне с чиновниками-хань официальные процедуры до попыток возглавить провинциальную администрацию. Но прежде, чем перейти к рассмотрению названных моментов, посмотрим, как складывалась с учреждением республики обстановка на Северо-Западе собственно в исламской сфере.

ИСЛАМСКИЙ ВОПРОС В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КИТАЕ ПРИ РЕСПУБЛИКАНСКОМ РЕЖИМЕ

В наследие от старого режима республиканская власть получила сложный комплекс межобщинных отношений /хань - мусульмане/ и сектантских взаимоотношений /"Лао цзяо" - "Синь цзяо"/, которые определяли не только внутривнутриполитическую обстановку в собственно провинции, но и отзывались за ее пределами. Межсектантские столкновения у мусульман не только нарушали общественный порядок, перерастали в мятежи, но жертвами их становились и хань. "Всякий раз, когда у хуэйцзу происходила распря на религиозной почве, то и у хань проливалась кровь, независимо от того, что они были в стороне" /89, т. 8, кн. 27, 14а/. Эту сторону межрелигиозных свар у мусульман тоже принимали во внимание ханьские должностные лица.

Проблема межобщинных отношений была отягощена грузом прошлых наслоений и непосредственно затрагивала сферу экономики /обложение и расходы/, духовной жизни /религию/.

В апреле-мае 1912 г. провинциальный парламент Ганьсу выдвинул предложение поддержать веру, исповедуемую хуэйцзу. Что конкретно имелось в виду? - Во-первых, с тем чтобы положить конец несчастиям, которые приносят войны, обуздать чувства, парламент решил разом уничтожить прежние запреты Цинов, поставить в равное положение хань и хуэй, т.е. мусульман /89, т.8, кн.27, 13 б/. Во-вторых, всех, кто усвоил практику "Синь цзяо", нужно

всемерно наставлять, рассчитывая, что они сами образумятся, а приверженцам "Цзю цзяо" не надо клясться, что они есть приверженцы старого. Тем, кто исповедует заповеда "Синь цзяо", не нужно заниматься самовосхвалением, что они являются носителями нового /89, т. 8, кн.27, 14а/. В последнем случае речь шла о том, чтобы признать равное существование двух основных сект, но проводить соответствующую работу с адептами "Синь цзяо".

Вожаки "Синь цзяо" в прошлом не раз были зачинщиками выступлений, и потому приверженцы упомянутой секты традиционно рассматривались как потенциальные смутьяны. Такое мнение бытовало в высших официальных кругах. Так, в 18-м году Тун Чжи Цзо Цаунтан испрашивал разрешения трона повсеместно запретить исповедовать "Синь цзяо". Государь Му-цзун /1856-1875/ наложил резолюцию "Повременить" /89, т. 8, кн. 27, 14б/, что само по себе не снимало с "Синь цзяо" ярлика "подрывного учения".

Если бы провинциальный парламент провел в жизнь запретительные установки цинского сатрапа, тогда бы его члены проявили себя не меньшими ретроgrадами и было бы дискредитировано само республиканское правление. Больше того, возникала угроза возникновения беспорядков как на сектантском, так и на межобщинном уровнях. "Хань и хуэй одинаково являются людьми Ганьсу. Если бы сообразно тому, что делятся на-"Синь" и "Цзю цзяо", строго запретить, то местное начальство мало станет сравнивать со списками, мелкие же чиновники, воспользовавшись этим, будут доискиваться, причиняя беспокойство. В результате мусульманские толпы переполошатся и станут питать сомнения. В свою очередь возникнут осложнения" /89, т. 8, кн. 27, 14б/.

Сама по себе политика запретов в отношении мусульманских сект была бесперспективной. Не только потому, что она давала повод считать ханьскую администрацию предвзятой в отношении данной секты и делало ее адептов непримиримыми противниками. Но и по той причине, что диктат власти был в конечном счете бессилен перед менталитетом - в данном случае - части мусульман - как биологически существующих особей. Притом процесс возникновения новых сект не прерывался.

"Те, что исповедуют "Синь цзяо", - противники "Цзю цзяо", - говорилось в постановлении провинциального парламента, адресо-

ванном губернатору. — Есть такие на местах, что ответственны за это. Говорят: "Если строго не запретить "Синь цзяо", то через 20 или 30 лет прежнее положение восстановится. Один запоет — сто подтянут хором. Опять обременят военные салы". Разве ведают, что, чем строже запреты, тем больше людей, среди которых проповедуют, что всем рот не закроешь и нет такого способа, чтобы изменить их сердца? За последнее время кроме "Синь цзяо" еще появилось "Синь синь цзяо" ... Хотя имеются строгий уголовный кодекс, суровый закон. /Но/ как следовать им и запретить?" /89, т. 8, кн.27, I4a/. Провинциальное собрание, неоднократно обсуждая вопрос относительно мусульман во всех местах проживания, вынесло такое суждение. "Если подразделять на хороших и дурных, не деля на приверженцев "Синь"— и "Лао цзяо", и действительно можно будет так поступать, то хань и хуэй возможно смогут быть обоим мирными и жить спокойно" /89, т.8, кн.27, I4b/.

Постановление провинциального парламента "Поддерживать веру хуэйцзу" /т.е. ислам/ носило определенно избирательный подход. Объектом поддержки был провозглашен не весь ислам как таковой, но избирательно — бытовая обрядность мусульман. "Ислам поддерживается в том, что касается похорон, /когда/ не выбирая дня /погребения/, не совершаясь фэншуй, заворачивают мертвое тело в саван, и не используют гроба, /а также при совершении следующих бытовых правил:/: не выбирая дня, не совершаясь фэншуй, заворачивать мертвое тело в саван, без гроба, при жертвоприношениях родителям не жечь бумажных денег, не есть свинины, не пить вина, — перед молитвой совершать омовение" /89, т. 8, кн. 27, I4a/. — "Что до остального, то все по-прежнему" / 89, т. 8, кн.27, I4a/.

В дальнейшем администрация провинции Ганьсу издает распоряжения, которые ставили целью изживание некоторых одиозных явлений в повседневной, бытовой жизни мусульман. В августе-сентябре 1922 г. провинциальное правительство Ганьсу приказом уведомило начальство уездов о запрете распространенного среди населения обычая подшучивать над новообращенными в их доме. Выход этого распоряжения был вызван следующим обстоятельством. Среди населения Ганьсу бытовой обычай, когда родственники и друзья

новобрачного вышучивали новобрачную. У мусульман этот обычай принимал очень крайние формы: случалось из-за насмешек молодая кончала жизнь самоубийством /89, т. 9, кн. 30, 486-49а/.

Возвращаясь к проблеме межсектантских отношений у мусульман, отметим, что провинциальное начальство не всегда занимало позицию беспристрастного наблюдателя, но при этом действовало, сообразуясь с обстоятельствами. Это особенно наглядно проявилось в событиях, связанных с уже упоминавшейся сектой "Синь синь цзяо". В 1914 г. Ма Аньлянь распорядился перебить ее вожаков. Был убит ее основатель Ма Цзиси. Эта расправа, понятно, не укрепила доверия мусульман, адептов "Синь синь цзяо", к власти хань, сменивших маньчжуров.

В 1915 г. эта "Синь синь цзяо" возродила всю активность. Племянник Ма Цзиси Мин был избран вождем. Он объявил себя долгожданным Иисусом /185, 60/. Весной 1916 г. Мин поехал в Ланьчжоу с большой петицией к губернатору провинции, прося его воздать Ма Аньляню за расправу над Ма Цзиси. Губернатор, больше боясь Ма Аньляня, нежели сторонников этой "Новой секты", отказался вмешиваться в сектантскую распрю. Тогда Мин решил ехать в Пекин, чтобы изложить дело президенту Китайской Республики. Из Пяньляня его убедили вернуться в Ланьчжоу /185, 61/. Летом того же года Мин со своими сторонниками поехал из Ланьчжоу посетить старый дом в Даочжоу. Но при проезде через уезд Хэчжоу у них произошел столкновение со "Старой сектой". Мин и его сторонники были арестованы китайскими властями уезда и отправлены в Ланьчжоу на суд. После чего Мина и его помощника посадили в тюрьму /185, 62/. Для властей одним из оснований наказать Мина было то, что он имел много последователей и создавалась угроза общественному порядку /215, 18/.

Такие меры, понятно, не приближала республиканский режим к урегулированию проблемы межсектантских отношений у мусульман. Декреты высшего национального руководства и рекомендации местных инстанций оказались малоэффективными в отношении внутренней жизни мусульманской общины, где сохранялись свои традиционные предписания и порядки, система главенства и подчинения. Мусульманская община жила своей жизнью, не подвластной законодательным актам официальных органов.

Свобода вероисповедания, конституционно провозглашенная в республиканском Китае, не стала реальностью внутри самой мусульманской общины Ганьсу. Так, в августе-сентябре 1920 г. сяньчжиши уезда Хуаннинсянь Нин Цэитин подал прошение властям установить свободу вероисповедания, т.е. в равной степени обеспечить ее для последователей всех сект.

Как излагал Нин Цэитин, в деревне Цзяньгуаньчжуан хань в меньшинстве, остальные жители – хуэй. Последние, в основном последователи "Синь цзяо", 7 семей – последователи "Цзю цзяо". Проживание в одном месте адептов двух сект создавало много неудобств. И люди "Синь цзяо" принуждали перейти в ряды своей секты членов "Цзю цзяо". Те не подчинились, но, будучи недостаточно сильны, изо дня в день терпели оскорбления и не оставалось ничего иного, как просить сяньчжиши защитить.

Когда Нин Цэитин устроил разборательство, то последователи "Цзю цзяо" сказали, что у них наставником – Ганьчжоу чжиши Ма Линь, а приверженцы "Синь цзяо" заявили, что их наставляет Чжанцзячуаньский Ма Гуаняо. И каждая из сторон стояла на своем /89, т. 9, кн. 30, 19а/. Увещевая противные стороны, Нин Цэитин говорил: "Поскольку все вы люди Республики, то надлежит поступать во исполнение проекта Первой временной конституции /1912/, конституция /1914 г./. Свобода вероисповедания позволена". На это все участники разборательства сказали: "Горы "Наньшань можно передвинуть, а это дело никак не удастся сдвинуть" /89, т.9, кн. 30, 19аб/. Как видим, для рядовых мусульман единственный авторитет – их духовные пастыри, традиции, олицетворенные в конкретных властях и опосредствуемые в их заповедях, но не администрация и законы Китайской Республики.

Свободу вероисповедания, провозглашенную конституциями республиканского Китая, как видим, мусульманская община Северо-Запада восприняла неоднозначно. По мнению некоторых вожаков сект, конституции были писаны не для них, и они по-прежнему уповали на силу, не соглашаясь на существование соперничающих сект. Непримиримость проявляется не только в отношении единоверцев-мусульман. Имеют место проявления нетерпимости к иноверцам-ламаистам. Для дискриминации буддийского духовенства мусульманские вожаки не прочь использовать новые республикан-

ские органы власти. В ноябре-декабре 1913 г. Ма Аньлян направил прошение провинциальному собранию прекратить выдачу дозволений ламам буддийских храмов и монастырей в Ганьсу и Цинхае. Мотивировал это необходимостью устранить препятствие перспективе развития культуры на Северо-Западе /89, т. 8, кн.27, 33а/.

Со стороны республиканских властей более радикальной политикой, нежели принятие постановления о поддержании ислама, соединить ханьскую и мусульманскую общину, была директива о вступлении в брак хань и мусульман. В мае-июне 1912 г. провинциальное правительство в лице маньчжэнчжана Чжао Вэйся уведомило приказом фу, чжоу, тинь убеждать хань и мусульман вступать в брачные отношения. Основанием для издания этого предписания послужило получение 29 мая 1912 г. распоряжения временного президента. Оно, в частности, гласило: "Ныне государственная система преобразована, соединялись 5 наций, организовано новое государство. Надлежит устранить то, что разделяет названные нации, /дабы/ близкие отношения /между ними/ день ото дня распространялись. Как известно, при прежних порядках хань, маньчжурам, монголам и мусульманам запрещалось произвольно вступать в брак и /поэтому/ мусульманская и тибетская нация с ханьской мало вступали в брачные отношения. За последний год неоднократно принимались решения искоренить старые запреты, бытующие обычаи. Или много декларировали и мало выполняли предписание свыше или уговаривали, но, видимо, многое мешало. Ныне в начале республики 5 наций - одна семья. Если же по-прежнему будут ограничения в отношении браков, когда тут - этого граница, там - другого, тогда разделение будет крайне большим. При помощи чего тогда избежать несоответствия и прославлять единение? Для этого посредством убеждения 5 великих наций: хань, маньчжуры, монголы, хуэй, тибетцы - сделать так, чтобы все они соответственно вступали в брачные отношения. Таким путем, с одной стороны, устранятся различия и все пойдут в ногу, с другой стороны, - надеемся, что появятся на свет дружеские отношения" /89, т. 8, кн. 27, 146-15а/. Начинание это в принципе не ново. Еще в 23-м году Гуан Сюй /1897-1898 гг./ цзунду Тао Мо убеждал хань и хуэй вступать в браки /89, т. 8, кн.27, 146/. Помимо правительственных инстанций в Ганьсу за браки между хань и хуэй во имя их сближе-

ния ратовали видные представители общественности, "убеждая отцов". И от этого у них "губы пересохли и языки отвалились" /89, т. 8, кн. 27, 146/. И каков был результат? - "Таких девушек - хань, дочерей солдат, которые выходили замуж за хуэй, много. Сыновей и дочерей хуэйских шэньши, которые вступают в брачный союз с ханьцзю, нет" /89, т. 8, кн. 27, 15а/.

Намерение властей стимулировать браки между хань и мусульманами вызвало негативную реакцию со стороны верхушки обеих общин, со стороны шэньши: мусульман и хань. Она единодушно выступила против поспешности с проведением кампании за смешанные браки, акцентируя то обстоятельство, что в низших слоях общества из-за малой образованности живучи настроения обособленности, отсюда спешка вызовет нежелательные последствия /89, т. 8, кн. 27, 186/. Этот совместный демарш мусульманских и ханьских вожakov губернатор не смог проигнорировать. В сентябре-октябре дуду Чжао Вейся передал дело о компромиссном решении вопроса относительно совместимости заповедей мусульманской веры с браками между хань и мусульманами провинциальному собранию на одобрение /89, т. 8, кн. 27, 186/. Как постановление приняло оно, и равно, как выполнялось последнее, данных нет.

Для ханьской администрации Ганьсун в первые годы республики вообще характерно разностороннее внимание к социальному поведению мусульман, к их психологии. Причиной тому было не праздное любопытство или административный зуд нового республиканского начальства. Духовная сфера жизни населения рассматривалась властями Ганьсун вообще как одно из важнейших звеньев в деле перестройки самосознания мусульман на предмет превращения их в лояльных и благонамеренных подданных Китайской Республики. Так, начальник департамента просвещения Ма Линьшань выступал за развитие сети школ в Ганьсун, сделав упор на развитие просвещения среди хуэйцзю. Одной из целей просвещения должно было явиться воспитание в духе национального долга /89, т. 8, кн. 27, 246/. Что конкретно подразумевалось, указаний нет. Но, очевидно, имелось в виду изживание представлений об национальной исключительности, панисламистских настроений.

Конституционные положения, декларировавшие равенство мусульман с другими гражданами Китайской Республики, прежде все-

го с хань, символичное присутствие мусульманской общины ввиду соответствующей полосы на пятицветном флаге Республики не означало мгновенного исчезновения тех отчуждений и неприязни, которые характеризовали отношения мусульман и хань в предшествующих десятилетиях. Само по себе общественное сознание обеих групп, оставляя в стороне факторы социально-экономического порядка, проявляет устойчивый консерватизм, оказывается не в состоянии избавиться от представлений и предрассудков, питаемых принадлежностью к данной этно-культурной общности, которая-де по ряду параметров, в частности психического свойства, превосходит другую. Хань в данном отношении, применительно к мусульманам, не составляли исключения. Тому свидетельство очевидца, относящееся к началу 20-х гг. Китайцы вообще говорят: "Когда вы найдете хорошего хуэйхуэя, он хороший, но большинство — дурна невыразимо" /185, 25/.

Декларированное в конституциях Китайской Республики равенство всех населяющих страну народов не означало сиюминутного соблюдения его в жизни. Давала себя знать консервативность общественного сознания, чему способствовала и устоявшаяся практика администрирования, когда отправление государственной власти на местах после революции 1911 г. было монополией хань. Пренебрежительное отношение к соотечественникам — нехань было определяющим для стиля деятельности бюрократического аппарата, в частности, на уровне уезда. Очень показателен тут следующий пример. В феврале-марте 1921 г. глава провинциальной администрации Гань-су уведомил приказом уездные власти, чтобы в официальных документах знак "хуэй" /"мусульманин" и все, что относится к мусульманству. — В.К./ писался без дополнительного знака "собака" /89, т.9, кн.30, 26а/. Издание этого предписания на 10-м году существования республики красноречиво говорит о том, сколь глубоко укрепилось оскорбительно-пренебрежительное представление о мусульманах среди представителей ханьской бюрократии.

Бытовые различия, порожденные религией, проявляют поразительную жизнестойкость и выступают барьером, разделяющим общество в Северо-Западном Китае на две половины. Это дает себя знать и в сфере чиновной, и среди простых людей, не принадлежащих к бюрократическому слою. В первом случае примечательны на-

блидения Э.Финдлая. Общественная связь, пишет он, между китайскими и мусульманами-чиновниками, не так проста. Когда первые приглашают последних на обед, великие предосторожности следует предпринять, чтобы не нарушить предписания религии. Хуэйхуэйскому ресторану предписывается поставить пищу или для всех гостей или только для мусульман, китайцы обслуживаются с кухни своего хозяина. Иногда гости-хуэйхуэй'и предлагают передать свою собственную кухню и поваров хозяйскому ямэню, расходы оплачиваются хозяином. На недавнем празднестве, состоявшемся в ямэне генерал-губернатора Ганьсу, присутствовало около 800 гостей. Хуэйхуэй были отделены от китайцев и садели за столами, приготовленными мусульманскими поварами /185, 73/.

Жизнь, однако, состояла не из одних застолий. И если на официальном приеме разные столы отделяли мусульман от хань, то в повседневной жизни межобщинная разобщенность принимала другие, порою трагические, формы. И тогда уже передовая разделяла хань и мусульман.

Межобщинные отношения в Северо-Западном Китае,отягощенные наследием прошлого, оказались вне действенного контроля со стороны республиканской администрации, сменившей цинских сатрапов. Одно дело, когда речь шла о том, чтобы мусульмане не "оскверняли" непотребной пищей на официальном приеме, другое — когда в отношении членов двух общин вторгались обстоятельства, порождаемые условиями политической и экономической жизни. Речь идет о многовластии, о различных носителях силы, каковую они употребляли ради социального паразитизма, который в свою очередь усугублял общий социальный климат.

Из-за бессилия навести порядок на местах провинциальное ханьское начальство допускает вооружение рядовых людей, что усиливает угрозу столкновений с применением оружия между представителями двух общин. В сентябре-октябре 1928 г. правительство Ганьсу удовлетворило ходатайство тунжчи уезда Дулаосянь Сян Чуаньцзюня о хранении боевой утвари, охранных отрядов в деревне /89, т. 9, кн. 30, 30а/. Необходимость в этом была вызвана тем, что, по словам упомянутого Сян, крестьяне в Ганьчжоу и Ляньчжоу, являвшиеся районами производящими опиум, подвергались вымогательствам со стороны солдат Ганьчжоуского и

Ляньчжоуского чжэней, которыми соответственно командовали мусульмане Ма Линь и Ма Тинсян, а также Нинсяского и Цинхайского чжэней. Все обращения к Ма Линю и Ма Тинсяну с просьбой пресечь такие действия не давали результатов /89, т.9, кн. 30, 503/. Появление баовэйтуань в ханьских селениях вне зависимости от причин, вызывавших их создание, усиливало угрозу вооруженных конфликтов между хань и мусульманами.

Властное соперничество идет здесь не только среди представителей ханьской элиты, но и между нею как таковой и мусульманскими военно-религиозными вожаками. Они обладали реальной властью, и поэтому с ними вынуждено считаться центральное правительство. Для сохранения относительной стабильности на северо-западной окраине оно заинтересовано в лояльности мусульманской верхушки. Местные мусульманские военачальники получают официальные назначения от Пекина. Таким образом, предпринимаются попытки включить их в военно-политическую систему нового государства, именуемой "Китайская Республика", и сделать их зависимыми от вышестоящей администрации.

БОРЬБА ХАНЬСКИХ МИЛИТАРИСТОВ И МУСУЛЬМАНСКИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ ЗА ВЛАСТЬ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Падение цинской монархии сопровождалось крахом прежней политической системы и властных структур, порождением чего явились анархия, борьба за власть как на местах, так и масштабах государства. Этнорелигиозная неоднородность населения на Северо-Западе привнесла свою особенность в развитие здешней политической обстановки.

Благодаря своей численности, компактности расселения в сочетании с сознанием своей общности, чему прежде всего способствовал ислам, мусульмане Ганьсу выступают как сила, предопределяющая своеобразие власти на Северо-Западе. Внешне выступая как сообщество граждан Китайской Республики, в то же время мусульманская община представляет собой нечто самодовлеющее, управляемое своими собственными законами. В известном смысле правомерно говорить о двоевластии и о двух столицах. Одной из

них считался Пекан, другой, фактической для мусульман, ставка Ма Аньляна в предместьях Хэчжоу /Таохэсянь/. Последний является центром мусульманской власти и влияния в провинции Ганьсу /254а, 146/.

Заполучив известное самоуправление в делах, касающихся внутренней жизни мусульманской общины, она не довольствуется этим. Но в определенной степени добивается и хозяйственной самостоятельности, если не полностью подчиняя себе сферу фиска, подпадавшую по закону в разряд суверенных прерогатив государства, то подчиняя себе отдельные источники денежных поступлений. Проявлялось это, в частности, в разработке месторождений золота под патронажем мусульманских генералов и на их нужды /254а, 168/. И, не в последнюю очередь, для содержания собственных воинских отрядов для обеспечения своих политических амбиций. Хозяйственная самостоятельность создавала основу и для политической самостоятельности мусульманских генералов, они выступали как фактические правители определенных регионов.

В Ганьсу на первых порах существования республики имеет место двоевластие: с одной стороны, главнокомандующий, мусульманин Ма Аньлян, с другой – признанный Пекином правитель провинции дунду Чжао Вэйси.

Территориально они размежевались. Ма Аньлян разместился за пределами Южных ворот /Наньмэн/ провинциальной столицы /89, т. 8, кн. 27, 18а/, но его посещали чиновники и шеньси, с которыми он вел беседы /89, т. 8, кн. 27, 18а/. Иными словами, Ма Аньлян был в курсе событий и имел возможность силой своего авторитета /за ним стояло мусульманское войско/ воздействовать на развитие событий.

Согласно рекомендаций /просьб/ Ма Аньляна осуществляется назначение на должности его единоверцев.

В 1912 г. республиканская администрация решила было назначить Ма Аньляна на должность ганьсуского тиду. За этим назначением крылся, очевидно, определенный расчет. А именно, вывести Ма Аньляна с его отрядами из окрестностей провинциальной столицы, так как местопребыванием ганьсуского тиду традиционно был Ганьчжоу. Поэтому Ма Аньлян счел более подходящим просить назначить исполняющим обязанности ганьсуского тиду единоверца Ма

Дяня, своего подчиненного. Ходатайство его удовлетворяли.

В ноябре-декабре 1913 г. Ма Аньлянь просит поставить буцзяна Ма Дяня на пост ганьсуского таду, а провинциальное правительство согласилось /89, т. 8, кн. 28, 10а/.

Со смертью Ма Аньляня /январь 1919 г./ дучэнь, провинциальный правитель, ликвидировал должность таду и вместо нее учредил пост "Ганьчжоу чжэньша шоуша". Но назначил на него опять же Ма Дяня /89, т. 8, кн. 27, 21б/.

В сентябре-октябре 1912 г. на пост главнокомандующего войск по охране Синяня /"Синянь чжэнь цзун бин"/ был назначен мусульманин Ма Ця, в конце того же 1912 г. - главнокомандующим войск по охране Нинся /"Нинся чжэнь цзун бин"/ /89, т. 8, кн. 27, 33а/. В сентябре-октябре 1914 г. с уходом Чан Дяня с поста нинсянского цзунцзунцзун правительством временно назначило на эту должность и по совместительству "Нинся чжэньшоуша" мусульманского предводителя Ма Фусяня /89, т. 8, кн. 28, 36б/.

Так, при республиканском режиме ключевые позиции на Северо-Западе официально закрепляет клан мусульманских генералов Ма.

Словно по иронии судьбы в результате революции, против которой выступали мусульмане Ганьсу, они получали то, чего не имели прежде, а именно, полную автономию и контроль над провинцией со стороны генерала Ма Аньляня, который переселился в Даньчжоу из своей ставки вблизи Хэчжоу. В то же время существовал и республиканский дуду, но он, его голос, очевидно, был не решающим. "Управление делами провинция генералом Ма /Аньлянем/ в эти критические времена, очевидно, было превосходным, и Ганьсу избежала многих бед, которые испытал остальной Китай в это время" /254а, 121/. Это замечание справедливо, учитывая последующий ход событий, когда благодаря позиции Ма Аньляня провинция избежала повсеместных межобщинных столкновений.

В Ганьсу Синьхайская революция имела следствием всплывку воиствующего ханьского национализма, объектом которого являлись мусульмане. "На Ганьсу китайцы других провинций смотрели как на ужасно неприятное место... где нет ничего, кроме диких мусульман ..." /254а, 45/. Местные хань были настроены еще более непримиримо. С их стороны раздаются призывы к физическому уничтожению мусульман, как неблагонадежных. Ичжан временного парла-

мента провинция Ли Цзинцян на словах, по меньшей мере, был против подобных настроений: "Среди мусульман за последнее время прибавилось разумных людей, после учреждения республики у них вовсе нет таких, что питают иные намерения. Если в столице возникнут трудности, то это — общий враг. Те, кто, не обращая внимания на упомянутые обстоятельства, не скрывают намерения взять и уничтожить расовое зло без опаски, в конечном счете, пользуясь этим предлогом, сеют раздор, стремятся уничтожить мусульманскую расу" /89, т. 8, кн. 27, 176/.

Тем не менее видеть его в качестве главы провинциальной администрации не хотел Ма Аньлян. Когда из Пекина пришла депеша о назначении Ли Цзинциана первым республиканским губернатором Ганьсу, Ма Аньлян и стоявшие за ним мусульмане роптали помешать Ли принять это назначение. Ма Аньлян, как сообщалось, послал частное письмо одному из своих непосредственных подчиненных, военных. Оно гласило: "Поддерживать Чао, отвергать Ли" / 185, 99-100/.

С убийством Ли Цзинциана /сентябрь-октябрь 1912 г./ в Ганьсу разразился политический кризис: провинциальный парламент о гибели его председателя самораспустился. И тут не кто иной, как Ма Аньлян, выступает ревностным поборником новых республиканских институтов. Пригласив начальников и шенши провинции на беседу, Ма Аньлян сказал: "Республиканское государство создало то, что устанавливает законы, осуществляет управление и отправляет правосудие. Не хватает одного: не может провинциальный парламент быть законодательным учреждением. Ныне военные действия уже закончились, народовластие постепенно расширяется. Во всех провинциях провинциальные парламенты в разное время учреждены, и все они для народа.

Права у людей Ганьсу простые и низменные, у верхнего сословия привычки непрактичны, погрязли в косности. Дело идет к тому, что тоже нельзя постепенно не расширять кругозор, чтобы исходить из правления Общего единства. Хотя людям свойственно иметь недостатки и хорошие качества, каждый имеет подходящее; на местах есть сложное и простое; везде есть то, что соответствует принципу; вдали и вблизи везде есть то, что служат /путеводным/ курсом, что надлежит делать. Почему в течение нескольких месяцев

не слышно, что оно активно осуществляется?" /89, т.8, кн.27, 18а/.

Ожидаемым ответом на сказанное было: "Ли Цзянцинь убоялся членов провинциального парламента, и сама разбежалась" /89, т. 8, кн. 27, 18а/.

Ма Аньлянь на это сказал: "Это из-за того, что те, кто организовали собрание, легкомысленно поступали или поспешали. Не смогли обрести сочувствие всех слоев населения. В конечном счете у чиновников с шэньши нет мира, и мнения, и взгляды расходятся. Меж хань и хуэй нет мира и их разделяют граница. Цзяо /цзяо/ и Синь /цзяо/ не ладят между собой, и как ты действуешь порошью. Разве это правильно? Не в ладах гражданские и военные, спорят меж собой. Ныне, как слышно, ведут речи о судьбах народа. Почему не говорят о благе народа? Почему не добиваются его основы. Только помышляют о личном. Установили эпоху республики. Фактически еще не получили выгод республики. Не только нет таковых, к тому же найдутся такие, что воспользуются именем республики и тайно станут самодурствовать. Скорпионы и жемчужные устрицы состязаться с рыболовами в обретения поживы.

Хотя есть собрание, на деле же его нет. Все мы желаем созвать в провинции всех членов собрания, снова открыть его и решить все дела" /89, т. 8, кн. 27, 18аб/.

В конечном счете благодаря инициативе Ма Аньляня вновь было созвано /в сентябре-октябре 1912 г./ провинциальное собрание Ганьсу. Этот факт очень показателен в отношении того, сколь влиятелен был голос одного из вожаков мусульманской общины в решении важнейших вопросов, касавшихся разнородного населения Ганьсу.

После убийства Ли назначение Чао на пост губернатора Ганьсу подтвердил Пекин по настойчивой рекомендации Ма Аньляня, и хуэйхуэй было осталось в более сильном, чем когда-либо положении. Но как раз в это время, когда, казалось, провинция буквально перейдет под их власть, в Ланьчжоу в начале весны 1914 г. прибыл преемник Чао в лице Чжан Гуанцзяня, назначенный на пост губернатора Ганьсу центральным правительством /185, 102/. Счевидно, последнее не хотело установления всевластия мусульманского военачальника в лице Ма Аньляня. С целью подчинить себе политическую систему Северо-Запада Юнь Шикай и послал Чжан Гуан-

цзяня /90, 10/. Будучи направленным в Ганьсу из Аньхуэй /90, 10/, он не был связан с местными ключевыми фигурами и представлялся для Юань Шикая наиболее подходящим для выполнения установок Пекина. Чжан Гуанцзянь привел с собой солдат из Чжэля и Шань-дуна /185, 102/. По прибытии в Ланьчжоу он сформировал здесь войско из двух частей. Командиром "Левой", расквартированного в восточном предместьи провинциальной столицы, поставил аньхуэйца У Могуя. "Правой" – расквартированного в Ланьтао – аньхуэйца У Тунжэня, набрал 1000 с лишним отборных солдат для охраны резиденции губернатора /90, 10/.

В это время Ма Аньлинь размещая со своим войском в предместьи провинциальной столицы, а его отряды занимали ряд ее районов. Таким образом в столице Ганьсу сохранялся двоевластие: ханьского и мусульманского военачальников. Не решаясь сходу прибегнуть к силе, Чжан Гуанцзянь задумал вывести Ма Аньлиня из Ланьчжоу чужими руками. Он ходатайствует перед Юань Шикаем о назначении Ма Аньлиня Ганьчжоуским хуцзюньши. Но Ма Аньлинь отказывается от вступления на этот пост /90, 10/. Тогда Чжан Гуанцзянь подбивает своих солдат на столкновения с отрядами Ся цзяня /90, 10/. Стички шли уже перед воротами резиденции губернатора и неизвестно, какой бы оборот приняли события, если бы Ма Аньлинь не забоялся отбоя. Он послал начальников и ахунов отозвать бойцов /185, 102/. После некоторого противостояния Ма Аньлинь со своими солдатами покинул окрестности Ланьчжоу и вернулся на родину в Хэчжоу /185, 103/.

Возвращение Ма Аньлиня в Хэчжоу означало сохранение двоевластия в Ганьсу, когда в ряде случаев власть в городе представляла ханьским бюрократом, а в мусульманском пригороде – мусульманским вожаком. Ма Аньлинь имел резиденцию в предместьи эчжоу, в самом городе размещался ханьский магистрат. Он "кажется, мало соприкасается с мусульманским населением уезда", – констатировал очевидец /254а, 146/.

С целью как-то умиротворить Ма Аньлиня, ибо с ним приходилось считаться, центральное правительство пожаловало ему многие почести и знаки отличия. Для непосредственного получения их этикет требовал, чтобы Ма Аньлинь нанес визит в Ланьчжоу лично поблагодарить губернатора как представителя пекинского правитель-

ства за благоволение, вымазанное ему /185, 103/. 18 ноября 1918 г. старик выехал из Хэчжоу в Ланьчжоу. Но, проехав около 15 миль, он внезапно заболел и поспешил домой. Между тем великое волнение царило в Ланьчжоу, где много ожидала от визита на пути примирения между губернатором-хань и мусульманским вожаком /185, 104/.

Попытка Ма Аньляна убрать губернатора-хань из столичной провинции закончилась неудачей. Но такого намерения не оставила вожака мусульман, попытавшись вскоре поставить во главе провинции единоверца.

Отношения между Ма Аньляном и губернатором провинции оставались неприязненные, и многие обоюдные друзья пытались выступать в качестве примирителей, но безуспешно /185, 103/.

В 1917 г. в день зимнего солнцестояния в Линьтао произошли выступления в защиту закона, получившие отклик и за пределами провинции. Движение возглавляли члены партии "Чжунхуа гэминдан" /90, II/, к движению оказался причастным Ма Аньлян /90, IO/. Чтобы как-то нейтрализовать его, Чжан Гуанцзянь дал третьему сыну Ма Аньляна Ма Тинжану должность Лянчжоу чжэньшоуши /90, IO/.

Привлекая на свою сторону мусульманских вожаков, играть на противоречиях между ними — было одной из характерных особенностей политики Чжан Гуанцзяна. Так, с Ма Фусяном он заключил союз между названными братьями. Ма Ци охаживал сининский даосквань Ли Дань, стремясь установить добрые отношения. Знаков внимания официально был удостоен Ма Дань /90, IO/.

Режим, установленный Чжан Гуанцзянем, вызвал недовольство в провинции. Он воспринимался как власть пришлых, аньхуэйцев, и протест шел под лозунгом "Ганьсуйцы управляют Ганьсу" /90, 41/. Развертыванию этого движения способствовал разгром войск провинции Аньхуэй в войне с провинцией Чжали.

Возможное усиление позиций мусульманских вожаков в администрации Ганьсу вызывает противодействие хань. Закоперщиком этой акции явился чжэньшоуши Восточной Ганьсу Лу Хунтао. Он дал указание своему помощнику Чжан Таоцзя созвать единомышленников и обратился к Пекину /90, 41/.

В октябре 1920 г. представители ханьского населения Восточной Ганьсу телеграфировали центральному правительству протест

против назначения Ма Фусяня на пост правителя Ганьсу. В тексте телеграммы, очевидно, в качестве мотивировки говорилось об извечной вражде между хань и мусульманами /89, кн. 9, т.30, 216/. Kommentирuя это обстоятельство, местный политический деятель тех лет Му Шоуцзи указывает на всплшку мажоршинной розни в период мусульманского восстания 60-70 гг. XIX в. и отмечает, что хотя прошло много лет, а и поныне хань говорят о мусульманах Хэчжоу: "Наши исконные враги" /89, кн. 9, т. 30, 216/. Подтверждением справедливости сказанного ханьским автором служат наблюдения европейцев: "... подозрение и ненависть, говоря вообще, характеризуют отношения между китайцами и хуэйхуэй. Подозрения - явные во всех деловых сделках и ненависть - очень глубокая и реальная, находящая выражение многими путями во всяких подходящих случаях. Совершенно ходовое изречение среди китайцев на тот предмет суть: "Есть пашу хуэйхуэй можно, но слушать их слова не должно" /185, 68/.

8 декабря 1920 г. союз земляков-ганьсуйцев, проживающих в Шанхае, телеграфировал различным организациям обращение, настаивая на ликвидации должности "ду" и самоуправления провинции /90, 41/. Раздаются призывы к изгнанию Чжан Гуанцзяня.

8 декабря 1920 г. Ма Фусян в телеграфном обращении к стране заявил о поддержке этого движения /90, II/. Откликнулись и другие мусульманские милитаристы, как-то : Ма Ци, Ма Линь. Они высказались в поддержку назначения Ма Фусяня дучзюнем Ганьсу /90, 41/.

В Нянся /Иньчуань/ для выработки плана совместных действий своих представителей посылают Ма Фусян, сининский Ма Ци, лянчжоуский Ма Тинжан, ганьчжоуский Ма Линь, командир нянсяской Новой армии Ма Хунбинь. Пекинский земляческий союз делегировал в качестве своего представителя Ван Цина, одновременно он представлял хэчжоуского чжэньшоуши Пэй Цзяньчжуна.

В итоге в Нянся состоялись заседания Народного собрания. В его работе участвовали Ма Фусян, представители чжэней, шэньши, купцов, солдат. Словом, это был широкий политический форум мусульманской общины. Общим настроем участников собрания было недовольство режимом Чжан Гуанцзяня. Представители сининского и лянчжоуского чжэней высказались без обиняков: "Дело надо решать

посредством военной силы". Такие установки собрание не приняло. Циркулярной телеграммой оно известило страну о преступлениях Чжан Гуанцзяня, об изгнании его и введении самоуправления /90, II/. Последнее в Ганьсу, чего добивались участники мусульманского народного собрания, означало признание самостоятельности мусульманских милитаристов, отказ национального правительства от контроля над внутренними делами провинции и в перспективе могло привести к учреждению мусульманской государственности.

Требование о предоставлении местного самоуправления Ганьсу нашло отклик в землевладельческих союзах провинций и Пекина. Однако кабинет министров бэйянского правительства не спешил с решением.

В создавшихся условиях вожаки мусульманской общины решили поначалу прибегнуть к вооруженной силе, чтобы захватить власть. Согласно экспозиции отряды из Синяня, Нинся, Ляньчжоу атакуют Ляньчжоу. Поскольку войск там немного, удержать его Чжан Гуанцзянь не сможет, и его удастся принудить уйти в отставку. Решающую роль в этой операции было призвано сыграть нинсяское войско, как самое многочисленное, т.е. Ма Фусян.

Но потом он забил отбой. У него появились сомнения, которые укрепил интендант Хэ Бу. На вопрос Ма Фусяна, что будут говорить о кампании против Чжан Гуанцзяня за пределами провинции, Хэ Бу ответил: "Люди, сведущие в обстановке здесь, скажут, что это ради народа, во имя искоренения бед, несведущие скажут: "хуэй-хуэй снова взбунтовались" /90, I2/. Иными словами, выступление против Чжан Гуанцзяня могло быть воспринято в остальном Китае как война мусульман против хань. Такая перспектива сама по себе, очевидно, пугала. Но если даже известие об этом не вызвало ответственного отклика ханьского населения в других провинциях /тем более, что у них хватало своих проблем/, то приходилось брать во внимание позицию Пекина. Он же не прореагировал на циркулярную телеграмму народного собрания в Иньчуани.

И Ма Фусян пошел на попятную. Распорядился, чтобы Ма Хункуй задержал продвижение своих войск. В заявлениях Ма Фусяна зазвучали слова о мире и согласии между национальностями /90, I2/.

Однако брожение зашло далеко и остановить его было невозможно. Отказавшись от вооруженной борьбы, вожаки мусульманской общины обратились к мирным средствам. 24 декабря 1920 г., объе-

динавшись, чжэнь-я направлял циркулярную телеграмму. В ней говорилось о разрыве с Чжан Гуанцзянем, о неподчинении его распоряжениям, о выполнении приказов только бэйянского правительства /90, 13/.

В свою очередь на последнее воздействуют и противники мусульманских милитаристов, в частности, Ма Фусяня, из числа местных ханьских военачальников и бюрократов, как-то: чжиши Лу Хундао, бантун Чжан Чжаоцзя. Последний обратился к стране о циркулярной телеграммой. "В провинция Ганьсу, - гласила она, - хань и хуэй извечные враги. Ма Фусян не может быть дучжюнем" /90, 13/.

Правительство в Пекине не могло тянуть до бесконечности. Оно распорядилось перевести Ма Фусяня на должность суйюаньского дутуна, а Цзи Чэнсюня, занимавшего этот пост, назначило ганьсуским дучжюнем /90, 14/.

Итак, расчеты Ма Фусяня стать правителем Ганьсу и, соответственно, надежды мусульман видеть своего единоверца во главе провинции не оправдались.

Трудно с исчерпывающей достоверностью назвать причины, определявшие решение правительства в Пекине. Но, очевидно, интересы ханьского этноса возобладали над целеустремлениями мусульман.

Переведя в 1921 г. Ма Фусяня на пост суйюаньского дутуна, правительство следом же назначило его сына Ма Хункуя командиром 5-й хуньчэнской бригады с местопребыванием в Суйюаня /90, 42/. Убрав семейство Ма из Ганьсу, вышестоящие власти рассчитывали разрядить обстановку в провинции. Потом по ликвидации должности Нянсяского хуцзюньши и замене ее Нинся чжэньшоуши на этот пост назначили Ма Хунбиня /90, 42/.

Однако неблагоприятный исход для мусульман борьбы за пост правителя провинции Ганьсу не мог не повлиять на отношение военно-политического руководства мусульман, в частности Ма Фусяня, к Пекинской администрации. Это показали события чили-фэнтяньской войны.

Проиграв с назначением мусульманина на пост провинциального правителя, мусульманские военачальники не примарились о всевластием губернатора-хань. Область фаска являлась одной из сфер, где столкнулись интересы Ланьчжоу и периферийных мусульманских

предводителей. В июне-июле 1922 г. дучзюнь Лу Хунтао, испытывая острую нужду в средствах, направил на места своих доверенных командиров Ли Чжанцина и Хуан Дагуя обложить налогом посевы мака и взять штраф. Но такое намерение провинциального начальства поживиться натолкнулось на противодействие мусульманских вожakov на местах. В частности, Ляньчжоучжэнь шуши Ма Тянсян послал мусульманских солдат во все уезды, чтобы предотвратить перевод в провинциальную столицу денег, собранных в уплату штрафа. Лу Хунтао тогда направил Ма Тянсяну телеграмму, призывая к порядку. Однако тот не ответил. Тогда правительство провинции отрядило на место чиновника. Оказалось, Ма Тянсян вознамерился забрать себе поступления от опиума, причитающиеся с Ляньчжоу. Лу Хунтао воспротивился такому намерению, говоря, что военачальнику не должно посягать на прерогативы административной власти. На что Ма Тянсян возразил: "Сбор денег - внутреннее дело финансового ведомства, и с какой это стати дучзюнь может за него их забрать?" В конечном счете было достигнуто соглашение и 500000 каяняи получил разрешение распорядиться Ляньчжоу /89, т.9, кн. 30, 486-49а/, т.е. Ма Тянсян.

Исход конфликта показал, что в политической жизни тогдашней Ганьсу решающую роль играли не постановления общенациональной или провинциальной администрации, но военная сила. Таковой обладала мусульманская община. Поэтому тяжбу из-за денег с хань дучзюнем Ганьсу выиграл один из вожakov мусульман. Этот успех, несомненно, послужил повышению его авторитета среди приверженцев и не мог не способствовать укреплению чувства самоуверенности и превосходства среди мусульман.

Одновременно это был удар по престижу дучзюня не только как главного администратора провинции, но и как представителя ханьской общины, неверного согласно представлений мусульман. Уступка дучзюня мусульманскому военачальнику в фискальной сфере повлекла открытое неповиновение со стороны отдельных мусульманских предводителей. И не случайно в 1924 г. китайские войска пытались подавить выступление мусульман под началом Ма Татая /195, 243/.

Противостояние хань дущэня и мусульманских генералов, проходившее в той или иной форме, являло собой трансформацию вопроса о том, быть ли мусульманину во главе провинции Ганьсу, который не сошел сам по себе и в самом непродолжительном времени встал со всей остротой.

В апреле 1930 г. с началом войны коалиция Янь Сяняня – Фэн Юйсяна против Чан Кайши чжуси провинция Ганьсу, приверженец Фэн Юйсяна Сунь Ляньчжун отправился на фронт. Фэн Юйсян предписал Ма Хунбиню, бывшему тогда чжуси провинция Нинся, замещать Сун Ляньчжуна. Но Ма Хунбинь предпочел выждать исхода войны и не вступил в должность. В создавшихся условиях Фэн Юйсян возложил работу провинциального правительства Ганьсу на коллегию из 8 человек, т.н. "8 больших членов совета". Будем называть их "большая восьмерка". Оборона провинциальной столицы поручалась дивизии под командованием Лэй Чжунтяня /90, 77/.

С поражением антинанкинской коалиция Фэн-Янь /декабрь 1930 г./ "большая восьмерка" телеграфировала центральному правительству о поддержке и просила направить высокопоставленных представителей контролировать деятельность администрации Ганьсу. Чан Кайши соответственно направил 4 человек: Ма Вэньчэ, Тань Кэмяня, Лю Биньцун, Янь Эрая /90, 82/. Они прибыли в Ганьсу в феврале 1931 г. Здесь уже исполнял обязанности чжуси провинция в соответствии с распоряжением /январь 1931 г./ гомиьдановского правительства Ма Хунбинь. 7 августа 1931 г. Чан Кайши официально назначил его чжуси правительства Ганьсу /90, 82/. Однако Ма Вэньчэ, договорившись с дивизионным командиром Лэй Чжунтянем, 25 августа произвел политический переворот, арестовал Ма Хунбиня. 26 августа было организовано временное правительство. Ма Вэньчэ занял пост председателя и по совместительству начальника департамента просвещения. Лэй Чжунтянь – главкома провинциальных вооруженных сил и начальника департамента финансов /90, 82/.

30 августа 1931 г. Чан Кайши направил Лэй Чжунтяню телеграмму. В ней он расценил арест Ма Хункуя как мятеж против центрального правительства и требовал освобождения Ма Хункуя и восстановления его в должности /90, 85/.

Инцидент "Лэй-Ма" нашел непосредственный резонанс в военно-политических кругах Китая, как в центре, так и на периферии.

Некоторые горячие головы, вроде генерала Ян Хучэна, высказывались за отправку войск в Ганьсу, чтобы "подавить мятеж", это намерение поддерживал Юй Южэнь в ЦК ГМД. Чан Кайши поначалу считал, что у Ма Фусяна хватает сил навести порядок на Северо-Западе, однако потом испугался перспективы противостояния между Ян Хучэном и Ма Фусяном.

А что же сами мусульманские генералы? — Ма Фусян был решительно против отправки шэньсийских войск в Ганьсу и высказывался за мирное разрешение конфликта. Того же мнения придерживался Ма Хункуй и Ма Линь, последний предлагал Лэй Чжунтяню посредничество. Среди тех аргументов, путем которых убеждали последнего от крайностей в отношении Ма Хунбиня, обращает на себя внимание и такой: "Убийством Ма Хунбиня дела никак не решить. Еще появится угроза хуэйско-ханьской резни" /90, 74/.

В сентябре 1931 г. давно проживавший в Сичуани у Пэйфу внешне телеграфировал Ма Фусяну, что желает приехать на Северо-Запад и разрешить конфликт "цзянь". Ма Фусян запросил указаний у Чан Кайши. Тот приказал, чтобы Ма Фусян в ответной телеграмме пригласил У Пэйфу и выслал 5 тысяч каней на прием. У Пэйфу собрал 200 с лишним человек, известных службой бейяньскому режиму.

По прибытии У Пэйфу в Ланьчжоу /7 ноября/ 9 ноября Ма Хунбинь был освобожден. Однако Лэй Чжунтянь воспрепятствовал возвращению Ма Хунбиня в Нинся. И тут сыграла свою роль религиозно-этническая солидарность. На выручку Ма Хункуя пришел хуэйцзю Ма Шасянь, бывший командир 2-й национальной армии, что прибыл вместе с У Пэйфу.

Политический кризис, вызванный действиями Лэй Чжунтяня, получал разрешение. Свою роль в освобождении Ма Хункуя сыграл У Пэйфу. Содействовали этому ханьские и хуэйские шэньши Лю Эр, Да Шилин. Особое же значение имела позиция председателя правительства провинции Цинхай Ма Линя. Он особо предостерег Лэй Чжунтяня быть внимательным в отношении национальных связей на Северо-Западе /90, 85/. Добавим от себя — и религиозных.

Кризис на Северо-Западе, вызванный действиями части ханьских милитаристов, вышел за рамки местного конфликта и приобрел звучание национального события. Мусульманские генералы вновь заявили о том, что с их мнением следует считаться в решении

местных дел. В этот раз противостояние ханьских и мусульманских военачальников обошлось без кровопролития, которое имело место перед этим во время мусульманского восстания 1928-1929 гг. Очевидно, из него военно-политические руководители на местах и в центре сделали соответствующие выводы. Теперь обратимся к упомянутому восстанию.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1929 г. НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Кампания по объединению Китая под эгидой гоминьдана свелась к смене обладателей прерогатив государственной власти, но не укрепила единства страны. Северный поход, осуществленный гоминьданом, имел своими последствиями усугубление внутривосточной неустойчивости и ухудшение экономического положения широких слоев населения. Военные действия захватили и религиозную сферу. В частности, она непосредственно затронула религиозную жизнь мусульман: "... последовали внутренние войны, всюду были солдаты. Религия тоже не избежала бедствий войны/. Например, войска Северного похода располагались в мечетях - один пример" /ИЗ, т. I, 650/.

Своего рода издержками Северного похода явилось мусульманское восстание в Ганьсу. Недовольство тяготами по обеспечению войск Фэн Юйсяна выходило за рамки ропота лишь на материальные лишения, но и отдавалось в сфере межобщинных отношений. У мусульман появились дополнительные основания быть недовольными господством ханьской военщины в частности и хань вообще. Приход Гоминьцзяня в Ганьсу вызвал протесты магометан /274, 7/^X. Видимо, поэтому на начало 1929 г. районы, занимаемые ими, не находились под властью воинства Фэн Юйсяна /41, 73/545/. В целом же с настраиваниями мусульман оно не почиталось, что, естественно, давало еще один повод для их недовольства: с приходом Гоминьцзяня баланс сил складывался в пользу хань.

Обстановка, очевидно, приобретала взрывоопасный характер, становилась реальной угрозой межобщинного побоища. С целью не допустить его Лю Юфан в июле-августе 1927 г. обратился с воззванием к хань и мусульманам провинции.

- Национальности Северо-Запада настроены к слиянию, - гласило оно, - хань и хуэй по происхождению - одна семья, ничто их не разделяет. Прежде, когда дучэнь Лу Хунтао стал главенствовать в Ганьсу, то для укрепления силы своей феодальной системы обычно распространялся вердикт суждения о известной вражде хань и мусульман, /он/ вызывал раздоры, вплоть до взаимной резни, чтобы из этого извлечь для себя выгоды. В результате чего несть числа нашим соотечественникам - хань и мусульманам, - погибшим насильственной смертью.

Это уже ушедшая в прошлое история, достойная сожаления, и прошлая величайшая ошибка наших соотечественников-мусульман и хань. Говорить это нестерпимо скорбно. Ведь республика 5 наций - вот основа построения государства в нашей стране. Равенство национальностей государства является принципом национализма. Все мы, люди Ганьсу, должны искоренить прежние подозрения и неприязнь, исправить допущенные в прошлом ошибки, взаимно любить друг друга, в едином порыве сплотиться, под руководством центрального правительства сообща отражать обиды извне. Как раз в этом счастье народных масс /89, т. 9, кн. 31, 32б/.

Воззвание показательно в нескольких отношениях. Руководство Гоминьцзюня не только вызвало к изживанию глубоко укоренившегося отчуждения между хань и мусульманами, но и центробежных устремлений, которые были особенно живучи среди мусульманской общины.

Воззванием не удалось предотвратить вспышку религиозно-общинной войны весной 1928 г. Вызвал ее комплекс причин политического, экономического и психологического порядка.

Вырвалось наружу скрытое недовольство обременительными налогами, когда люди Фэн Юсяня попытались увеличить их /89, т. 9, кн. 31, 23а/. С того времени, как Ганьсу стала главной материальной базой Фэн Юсяня, на плечи трудового населения дополнительно легли обременительные тяготы. Помимо того, что народ был обложен поборами своих, местных правителей, в частности, в пользу "пяти генералов Ма", добавились еще новые, для содержания войска Фэн Юсяня. Его присутствие в Ганьсу сопровождалось принудительными поставками для армии, реквизициями, ростом посевов опиумного мака. Все это повлекло за собой колоссальный продоволь-

отвенный кризис, а цены на все предметы широкого потребления сильно возросли /89, т. 9, кн. 31, 236/.

Подлинным бедствием являлась насильственная вербовка Фэн Юйсяном солдат в Ганьсу. Мусульмане не проявляли никакой охлони и охоты идти служить в фэновских войсках /81, 397/.

Существенным фактором, который способствовал размаху выступления, был слух, что Гомин-цзюнь намеревается поставить под свой контроль некоторые районы в Ганьсу, которые еще находились под властью мусульманских вожakov. Это известие представляется не безосновательным с учетом следующих обстоятельств. В январе 1927 г. был снят с должности комиссар по делам обороны в г. Даохэ, ставленник Ма Тинсяна, некий Ёй, и вместо него был назначен фаворит Фэн Юйсяна, его старый сослуживец, Чжао Итин. Так как в городе Даохэ, имеющем важное стратегическое значение в провинции, обычно собирался совет пяти генералов Ма и, кроме того, в этом городе имелось на несколько десятков тысяч долларов их имущества, то Ма Тинсян обычно держал в нем свой полк для обеспечения своей власти в районе. Маневр Фэна позволял ему иметь надежный гарнизон в самом центре владений "пяти Ма", в цункте, где скрещиваются дорога между западной и восточной частями Ганьсу. Все "пять Ма" проявляли сильное беспокойство, в особенности же волновался Ма Тинсян, на которого непосредственно обрушился этот удар. Но так как в это время Фэн Юйсян заполнял своей сотысячной армией провинция Шэньси и Ганьсу, а сам расположился в Цинляне /пров. Ганьсу/, то генералам Ма ничего другого не оставалось, как затаить гнев и внешне смириться.

Экономические тяготы, привнесенные Гоминцзюнем, усугубили межнациональные отношения. Мусульманское население воспринимало Фэна, прежде всего, как ханьского генерала. Среди мусульман господствовало убеждение, что во всем виноваты хань, так как новое правительство в провинции Ганьсу создано ими. И это обстоятельство также дает повод для антиханьской агитации среди мусульман. Когда во время реквизиций продовольствия и провiantа для нужд армии, некоторые зажиточные мусульмане прятала свое добро в землю и фэновские отряды раскапывала и находила его, то злые языки пускали слух, что это соседя - хань доносила на мусульман в силу исконной вражды к ним.

У солдат-новобранцев из мусульман, перед призывом неоднократно дезертировавших, но всякий раз попадавшихся в руки фэновских отрядов, господствовала непоколебимая уверенность, что, если бы не соседи — хань, они бы ни за что не попались в руки фэновским солдатам.

Среди мусульман укреплялось мнение, что все хань действуют заодно и что нет хуже и опаснее врага, чем сосед-хань, который все может выследить и обо всем донести местным ханьским властям /8I, 398/.

Чем больше случалось таких фактов, тем острее становилась вражда и ненависть друг к другу, достигнув такой степени напряжения, что достаточно было лишь небольшой искры, чтобы разгорелся пожар национальной борьбы.

В марте 1928 г. Лю Юфэн, военный губернатор провинции Ганьсу, арестовал прибывших к нему в Ланьчжоу восемь мусульманских делегатов из уезда Хэчжоу /Даохэ/, которые подали петицию от народа о смягчении налогового бремени и смещении с должности комиссара по делам обороны Чжао Сипина. Арестованные вскоре были осуждены, как мятежники, и расстреляны, а затем последовал приказ провести чрезвычайные меры в названном уезде — выловить всех "смутьянов" и строго "наказать" их /8I, 399/. После этого часть мусульман, приверженцев "Лао цзяо" подняла восстание. Вскоре вся Юго-Западная Ганьсу, на запад от линии, проходящей с севера на юг через Ланьчжоу, была охвачена пламенем.

Вожаком мусульманских повстанцев первоначально явился офицер Ма Чжунин. У него были личные счеты с властями, но на борьбу с хань в лице Гоминаньцзюня его будто бы вдохновил сининский владыка Ма Ця /I8I, 947/. В выступление против Гоминаньцзюня Ма Чжунин и кучка его единомышленников с самого начала замыслила как священную войну, не случайно избрав исламскую символику /полумесяц и три звезды/ знаками отличия /I8I, 946/. С несколькими своими соратниками Ма Чжунин объявился в Кэцигуне, древнем центре саларов. Потом они взяли и разграбили официальные учреждения в городе Сюньхуа. Успешные вылазки группы Ма Чжунина привлекают к нему новых сторонников. Попытка разгромить его отряд окончилась провалом, начался массовый переход на сторону Ма Чжунина мусульман из гарнизонов и правительственных частей.

Третий сын Ма Аньляна пытался подавить восстание, но потерпел поражение и бежал в Лянчжоу /ИБГ, 946/. Потом он со своим братом /четвертым сыном Ма Аньляна/ оставали службу и выступали против Гоминыцзюня.

В середине апреля восставшие заняли уезд Сюньхуа /на западе провинции/, после чего перешли в соседний уезд и окружили уездный город Даохэу. "Выступления к этому времени приняли все черты священной войны. Нараспев произнося молитвы, 40 или 50 тысяч воинов пошли на бой с фанатичным рвением, между прочим опустошив уезд Хэчжоу в яростной попытке уничтожить китайское население, не щадя никого" /ИБГ, 946/. Вышеприведенное суждение Г. Эквалла нуждается в уточнении в том смысле, что выступления мусульман с самого начала были направлены против хань как таковых и в этом смысле носили характер священной войны в соответствии с установкой Корана - "встретал неверного - отсекай ему голову" /72а, 00/.

Во дворце Ма Аньляна, расположенном в магометанской части города Хэчжоу, находилось более I тысячи правительственных солдат. Мусульмане-повстанцы сожгли дворец, не позволив ни одному солдату опастись /ИБГ, 946/.

Что же касается утверждения Г. Эквалла о поголовном истреблении хань, то его подтверждают китайские авторы, должностные лица. В зоне города Лянхуачэн /севернее Хэчжоу/ 3000 хань заставили броситься в реку. Убийства хань имели место в уездах Ниндинсянь и др. /округ Дидао/ /89, т. 9, кн. 31, 496/. Салары, атаковав административный центр уезда Сюньхуасянь /подведомств. Синцун/, "грабили крупных торговцев и жителей" /89, т. 9, кн. 31, 413/. Естественно, что грабежам неминуемо сопутствовали убийства.

В свою очередь противная сторона отвечала тактикой "выжженной земли". После отступления повстанцев из Хэчжоу "китайские войска, которым помогала местная милиция, сравнила с землей магометанские кварталы. Все мечети, священные рощи и могилы святых, ... были стерты с лица земли, не осталось стоять ни одной стены" /ИБГ, 947/.

Жестокости, чинимые одной стороной, повлекла таковые и с другой, на которые ее подтолкнула и агитация властей: "Когда

движение стало разрастаться, власти начали антимагометанскую агитацию, обвиняя отряд Ма в совершении различных жестокостей против китайского населения. Это нашло отклик у китайцев, не мусульман, и последовали жестокости с обеих сторон" /199, 17/.

Уничтожение мусульманских святынь в ходе борьбы с повстанцами и участие в ней ханьского ополчения, действовавшего рука об руку с солдатами Гоминьцзюня, давало мусульманам дополнительные основания считать, что вправе они вести "священную войну" против неверных — хань как таковых, а не только против солдат Гоминьцзюня.

Однако не приходится говорить о всеобщей войне мусульман Северо-Запада против хань. Сектантские и этнические различия, социально-политические интересы части мусульманской верхушки не позволяли перерасти выступлениям во всеобъемлящую "священную войну".

Отсутствие полного единства среди мусульман, в особенности среди представителей верхних слоев, использует командование Гоминьцзюня. Оно находит среди влиятельных мусульман лиц, согласных выступать как умиротворители. Лю Юэнь, учитывая слабость своих сил, вначале пытался ликвидировать восстание путем переговоров и послал команду умиротворителей: шэньши-мусульманина Ма Годуна и шэньши-хань Ла Шицзюня, а также Сюй Чжаоле, Ма Голи, Ма Чжаосяня, Ма Чжунцзана во главе с начальником финансового управления провинции Ганьсу Чжан Юньжуном /81, 399; 89, т. 9, кн. 31, 42а/.

Отправка миротворческой миссии закончилась безрезультатно. После этого провинциальное правительство создало военно-полевой политсовет, куда вошли Дай Цзинюй, Ла Шицзюнь, У Фусян, Ван Диня, Ян Цзюйгао. Следуя впереди наступающих войск, членам указанного политсовета надлежало умиротворять население путем оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий, раздачей денег и т.п. /89, т. 9, кн. 31, 42б/.

Но людей не в меньшей степени тревожили репрессии правительственных войск. И в большей мере это, очевидно, беспокоило мусульман. С целью развеять их опасения и тем самым облегчить задачу умиротворения упомянутый политсовет по прибытии в Бафан /за пределами городских стен Хэчжоу/ обнаружил примечатель-

ную декларацию. Провинциальное правительство, говорилось в нем, уничтожая разбойников, лишь подразделяет людей на добропорядочных и дурных, не делая на хань и хуэй /89, т. 9, кн. 31, 456/. Но повседневная действительность способствовала сохранению такого разделения. После оглашения вышеупомянутой декларации политавета: "люди, хань и хуэй, все еще друг другу не доверяли" /89, т. 9, кн. 31, 456/.

Выступления мусульман явились ответом на социальные условия, в которых они оказались. Чувство мести за гибель своих соотечественников послужило лишь катализатором. Поэтому в плане умиротворения поначалу делался упор на всякого рода мероприятия экономического порядка. Но этого, как осознали в Ланьжоу, будет недостаточно, ибо речь шла не просто о бунте против поборов и нужды, но о выступлении с национально-религиозной окраской. Обидчиками мусульман явились не просто власти, но должностные лица — хань. Ли Юэнь и его окружение опасаются провоцировать религиозный императив у мусульман. Выступления начались как ответ на социальные условия, а их, как представлялось Ли Юэню, было легче погасить до тех пор, пока объектом карателей и ханьской толпы не стало все, связанное с религиозным укладом мусульман. Тогда бы выступления вышли за рамки простого бунта и приняли характер священной войны против неверных, с которой справиться было бы гораздо сложнее. Вот почему в одном из пунктов прокламации, обнародованной Ли Юэнем, особо говорилось об отношении к вероисповеданию мусульман и их культовым объектам. "Исповедывать веру — свобода для людей, защищать веру — обязанность государства. Хотя среди даохэских разбойников имеется немного злодеев-хуэйцзу, что к нам присоединились, нельзя проступки этого отребья распространять на религию. Тем более, волам проник в Китай тысячу с лишним лет тому назад. Основное положение этой веры — "чистота". В мире тем более имеет надлежущее значение.

План бедствия разбоя постепенно будет устранено. Все мусульманские храмы, гунбай, а также прочее имущество надлежит местным чиновникам, а также людям соответствующей местности настоятельно защищать, независимо от того, что за человек, нельзя обижать и презирать, наносить вред" /89, т. 9, кн. 31, 436/.

Как видим, в цитированной прокламация Ли Юфэня сделан упор на необходимость бережного отношения к мусульманским святыням. Неизвестно, вышло это воззвание до погромов в Хэчжоу или после, но факт остается фактом, что мусульманские святыни в ходе противоборства уничтожались, и это обстоятельство давало мусульманам повод считать свое выступление "священной войной", войной за исламские духовные ценности, на которые покушались "неверные" - хань.

Ли Юфэнь неслучайно в своей прокламация говорит о немногочисленных хуэйцзу, примкнувшим к повстанцам в Даохэ. Вероятнее всего, учитывая неоднородный этнический состав их /салары, хуэйцзу/, губернатор рассчитывал путем избирательного подхода удерживать хуэйцзу от повсеместных выступлений.

Однако на деле основная ставка в умиротворении была сделана на подавление силой. Давала себя знать психология ханьской военщины: "С непокорными бунтовщиками, тем более дикарями, надежнее управляться, вырезая их". С другой стороны, психологический настрой мусульман оставлял их мало восприимчивыми к увещаниям ханьского начальства, тем более, что оно пролило кровь "правоверных", которая вызвала к мщению.

Мусульмане в силу своей исторической памяти воспринимали действия солдат Фэн Юсяна как повторение времен Цзо Цзунтана, когда речь шла о физическом сохранении мусульман как таковых. Памятуя о исторической памяти единоверцев, Ма Тяньсян, один из вожаков восставших, выкинул следующие характерные лозунги:

- Если всем не встать и не оказать сопротивления фановским солдатам, то они вскоре сотрут с лица земли всех мусульман!

- Мусульмане и китайцы - вечные враги!

- Чжао Сипин собирается в скором времени вырезать всех мусульман, ибо он уже выкинул лозунг: "Бей мусульман без остатка!"

Вот почему мусульмане в свою очередь вырезали хань, видя в этом средство самосохранения.

Восприимчивость рядовых мусульман к призывам Ма Тяньсяна и в последнюю очередь объяснялась в том обстоятельством, что он широко использовал авторитет ахунов /80, т. 9, кн.31/. Активное участие их в выступлениях мусульман составляет приме-

чательную особенность столкновений в Ганьсу.

О психологии мусульманских повстанцев, сражавшихся под началом Ма Чжуняна, известное представление дает следующий пассаж из личных наблюдений Р. Эквалла. Он описывает случай, когда мусульманские бойцы оказались в критическом положении; им противостоял более многочисленный и лучше вооруженный противник. "Единственный возможный шанс спастись заключался в отчаянном прорыве через превосходящие силы под фронтальным пулеметным огнем. Тогда мусульмане начали причитать "Аллах, худа! Аллах, худа" с нарастающей интенсивностью и силой. Когда они запричитали, они изменились, став сильнее, чем минимальное целое их индивидуальной силы и храбрости, и на последнем возгласе "Аллах!" эта сила естественно вылилась в беспорядочную успешную атаку с обнаженными мечами против пулеметов, которая проложила их путь спасения и обеспечила годы времени стремительно пронеситься через Центральную Азию со смешанными мечтами о грабеже и империи" / I8Ia, I35/.

Хотя восстание началось конкретно против Гоминьцзюня и антигоминьцзюневские настроения питали его до конца, застарелые страхи и враждебность, бытовавшие между мусульманами и хань, быстро трансформировали его из мятежа в религиозную войну. Ужасные зверства практиковались в ходе ее: детей рубили на куски или насаживали на мечи; людей расчленяли на части или подвешивали пыткам, которые так часто составляют "характерную особенность священных войн" /25I, 250/.

Среди миротворческих инициатив, к которым прибегало гоминьцзюновское командование, была и попытка склонить на свою сторону мусульманских военачальников с подвластными им воинством обещанием зачислить на службу. Руководителя карательной экспедиции, в частности, предлагала:

1/ Войска мусульман должны отойти назад на 100 ли от Даохэ в район Дахэцзя /родина Ма Тяньяна/.

Мусульманские отряды будут признаны регулярными войсками и с учетом численности их переформируют либо по батальонам, либо по бригадам.

2/ После формирования в регулярные воинские части мусульманские войска должны, безусловно, подчиняться приказам властей

провинции.

Мусульмане не приняли этих невыгодных для себя условий мира. Наиболее сильным аргументом у Гоминьцзюня, как представляется, были пулеметы, которыми не располагали в таком количестве повстанцы.

Судя по имевшимся в нашем распоряжении данным, непосредственно выступлением не предшествовали какие-либо действия Гоминьцзюня или ханьского населения, которые бы дали повод мусульманам считать, что "неверные" покушаются на их верования или оскорбляли заповеди ислама. В целом предвзятое отношение к "неверным" со стороны мусульман опосредствовалось в сфере экономической, в налогах и поборах. Не прадя сюда ханьский Гоминьцзюнь, как, очевидно, представлялось массам мусульман, хать было бы легче. Отсюда недовольство социальными порядками обратилось на "не наших" - во всех бедах повинны хань как таковые. И когда пошли столкновения, полилась кровь и гибли мусульманские святыни, бунт вышел за рамки борьбы за насущные материальные нужды, а приобрел характер межобщинного столкновения, когда глубоко были задеты национально-религиозные чувства мусульман, неподвластные установкам командования Гоминьцзюня. Для него на предмет замещения мусульман посильным оказывается выработка пожарных мер вспомоществовательного порядка. Так, после того, как повстанцы покинули Дяньчжоу, 30 октября 1928 г., Фэн Юсян телеграфно приказал Лю Юфэню, с одной стороны, подавлять силой, а, с другой стороны, призвал в Дяньчжоу одного из лидеров "молодомусульманского вероучения" /"Синь цзяо"/ комиссара по делам обороны в Цинся, одновременно исполняющего обязанности командующего отрядом по борьбе с бандитами в провинциях Шэньси - Гуйчжоу - Ма Хунбиня и поручил ему созвать на совещание представителей "старого мусульманского вероучения", /"Лао цзяо"/, а именно комиссара по делам обороны в Цинхэ Ма Ця и комиссара по делам обороны в Таочжоу - Ма Миня. На этой встрече с участием Ли Юфэня обсуждались мероприятия по предоставлению льгот, по снижению налогов, по оказанию вспомоществования бедным и т.д. /81, 4С1/.

Коренного перелома это совещание в настроениях мусульманских масс не внесло. В январе 1929 г. Большая часть южной Гуйчжоу была снова в руках мусульман-повстанцев /251, 251/. 14 февра-

ля около 20 тысяч мусульман под началом Ма Чжунина заняли город Тангар в Западной Ганьсу на тибетской границе /186, 96, 140/. Божаки повстанцев призывали убивать каждого китайца, в возрасте от 17 до 70 лет /186, 96-97/. Американец В.Д. Плаймир, очевидец событий, сообщал о взятии Тангара: "Немедленно они /мусульмане. - В.К./ начали убивать китайцев самым жестоким образом, отсекая головы мечами" /251, 251/. За 2 часа, что мусульманская рать владела городом, было умерщвлено 2170 китайцев мужского пола, в возрасте от 17 до 70 лет /186, 96-97/.

Китайские власти тоже не уступали по части жестокостей. Воспроизведем пассаж из книги Х. Абенда. "Восстание мусульман весной 1929 г. закончилось перемирием. Мусульманское население города Тасчжоу, которое бежало в пустыню из-за боязни репрессий, было официально приглашено возвратиться домой. Когда мусульмане проходили через городские ворота, каждому мужчине и мальчику давался паспорт, обещавший снисхождение. Потом начальник китайского гарнизона, обратившись к толпе, заявил, что губернатор распорядился выдать недельный паек ячменя каждому мужчине и мальчику. Им надлежит войти через южные ворота, предъявив при этом свои паспорта. Получив ячмень, они возвращаются обратно и воссоединяются со своими семьями. Американские миссионеры с городских стен видели большую толпу мужчин и мальчиков на плацу для военных парадов за южными воротами, все они покорно ждали паяк. Внезапно китайские солдаты бросились в массированную атаку на безоружных мусульман. Мечами, кинжалами и револьверами мгновенно разделяются с загнанными в ловушку жертвами хитроумной мести. Мусульманские женщины, ожидающие внутри стен, слышат гам, идущий извне, и добавляют к нему свои истерические крики.

Вскоре за южными воротами наступает тишина, и тогда обезумевшие мусульманские женщины выбегают с дикими воплями, пытаясь опознать своих мертвых.

Количество тел, официально подсчитанное для захоронения в этот вечер, составило в итоге 2996" /144, 257-8/.

Восстание мусульман в Северо-Западном Китае не приобрело характера всеобщей войны против "неверных". В этом плане ислам как духовная общность не материализовался в общность полити-

ческую. Сектантские распри среди мусульман, амбиции и взаимная неприязнь не позволили им выступить единым фронтом против хань.

Борьбу вела против Гоминьцзюня повстанческая "Конфедеративная армия Северо-Запада" /181, 1004/, отряды которой возглавляли Ма Чжунян, Ма Тинсян, Ма Тинсян, в то время как другие мусульманские вожаки оказались по другую линию фронта. Во время осады Ма Чжуняном Хэчжоу Фэн Юйсян специально откомандировал Ма Хунбиня в Ганьсоу для противодействия осаждающим /90, 138/. Ма Фусян, узнав о столкновениях мусульман с Гоминьцзюнем, из Нанкина, где тогда находился, телеграфировал северо-западным предводителям Ма и известным лицам приходов, настоятельно убеждая их прекратить боевые действия. Поскольку таким образом Ма Фусян лил воду на мельницу Фэн Юйсяна, Ма Тинсян и другие сожгли дом семейства Ма в Хэчжоу /90, 43/. Ма Фусян был не единственным умиротворителем единоверцев. Известную отдачу дала миротворческая деятельность таких лиц, как-то: Ла Шицзюнь, Ма Годун, Го Фуцзинь, Ма Сянцзинь и др. /146, 400 /.

Имела место случай, когда облеченные определенными полномочиями мусульманские старшины удерживали единоверцев от перехода на сторону повстанцев. Так, делегат мусульман Чжанцзичуани Ма Сиу, приехав в Ланьчжоу, уговаривал мусульман не поддаваться на увещевания повстанцев /89, т. 9, кн.31, 506-51а/. Такие мусульманские военачальники, как то: синянский чжэньшоуш Ма Ци, ганьчжоуский чжэньшоун Ма Линь, Ма Хункуй не поддерживали повстанцев, держались лояльно по отношению к ханьским властям, за что были особо награждены ими /89, т. 9, кн. 31, 506/.

Восстание мусульман в Северо-Западном Китае в 1928-1929 гг. сопровождалось разрушениями и большими человеческими жертвами. В политическом плане оно дестабилизировало обстановку в Китае, способствовало нагнетанию антимусульманских страстей, связанные с ним события муссировались в прессе Китая. Сна, в частности, сообщала о том, что правитель Шаньси Янь Шизань принял меры, чтобы предотвратить распространение мусульманского восстания из Инся на Шаньси /256, 436/. Подобные сообщения находили резонанс в других частях Китая и влекли за собой настороженность к мусульманам, которая была чревата эксцессами. Межобщинные столкновения, когда в убийствах и грабежах принимали участие

женщины и дети /257, 198/, оставала еще один след в исторической памяти мусульман, хань и тибетцев, препятствующий сближению разных народов под сенью республиканского и гоминьдановского знамен.

Следуя традиции, после замирения восстания власти предпринимают мероприятия под углом "устранения последствий". Осуществлять их Ли Юфэн поручил ханьским и мусульманским шэньши, "чтобы исчезли границы и прекраталась ложь" /89, т. 9, кн. 31, 536/. Иными словами, ликвидировать отчуждения между ханьской и мусульманской общинами поручалось шэньши с той и другой стороны. Но показательно, что задачу по наведению мостов между двумя общинами не поручили духовенству. И это не случайно.

События, связанные с выступлениями мусульман, вышла за пределы собственно ханьско-мусульманского конфликта, но захватили тибетцев. Пострадали ламаистские святыни. Мятежники разграбили и сожгли тибетский монастырь в Чона, уничтожив в то же самое время единственное собрание тибетских канонов в Северо-Восточном Тибете. Богатый монастырь Лавран был захвачен и разграблен /161, 92/. В этой связи ниже особо остановимся на тех событиях, которые ранее имели место, и на том, как складывались отношения тибетцев с мусульманами.

Мусульманские выступления в Ганьсу дали рецидив в 1932 г., вероятно, под воздействием событий в Синьцзяне /о чем ниже/. В 1932 г. Ма Инсюн /был известен "как маленький Чжунян" (маленький полковник)/ во главе нескольких тысяч человек уничтожил многочисленные китайские селения в Ганьсу /220, 163/.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУСУЛЬМАН

Борьба за государственную власть /как таковую, независимо от ее параметров/ была одним из определяющих проявлений общественно-политической жизни Китайской Республики со времени ее становления и вплоть до ее краха. Но общественная деятельность разнородного в национальном отношении социума давала себя знать и в других формах, помимо участия в вооруженных столкновениях

за власть. Некоторые из актов социальной активности, не использовавших силовые приемы, имели в то же время политическую значимость, ибо были средством изменить традиционно бытующие представления или закрепить и усилить социальный статус той или иной составной социума, которая органически ему чужда. Это прежде всего касалось мусульманской общины. Само понятие "мусульманская община" применительно к Китаю довольно условно в том смысле, что она территориально не представляла собой единого целого. Наряду с тем, что существовали районы компактного расселения мусульман /Северо-Запад, Юго-Запад, Синьцзян/, они проживали рассеяно в различных провинциях, образуя своеобразные вкрапления. Эти обстоятельства определяли и общественное поведение мусульман, но вне зависимости от их активности, общим для них было одно — стремление сохраниться как особая этнорелигиозная общность. Своеобразие положения мусульман как этнорелигиозного меньшинства /при этом самого неоднородного этнически/ относительно преобладающего в стране ханьского этноса, их традиционное представление о себе как о людях более достойных, нежели иноверные /в данном случае — хань/, породили то обстоятельство, что в качестве объединяющей скрепы и гаранта сохраненная себя как особой общности выступают ислам как единый религиозный культ и его бытовые заповеди. Наиболее наглядно это проявлялось в быту, в отношении к хань, к правительственным институтам, в частности, школам, как носителям духовности.

Мусульманская община Ганьсу, формально составляя ячейку политического организма Китайской Республики, жила тем не менее по своим, отличным от китайского общества законам. Изоляционизм в отношении хань распространялся не только на сферу бытовых отношений, но и на общегосударственную образовательную систему: "Они /мусульмане. — В.К./ обычно не часто посещают правительственные школы" /254а, 149/. Это заключение относится к первым годам существования республиканского режима, до прихода к власти гоминьдана.

Установление гоминьдановского режима с центром в Нанкине внешне проявилось в смене государственной символики. Препный республиканский пятиполосный флаг сменил новый — одноцветный со звездой. Эта символика имела определенный смысл — единая ки-

тайская нация, духовно объединенная суньятсеизмом, как официальной идеологией.

В какой степени унификация страны под руководством гоминьдана затронула мусульманскую общину?

Националистическая природа гоминьдановской администрации проявилась уже в первых актах нанкинского правительства в отношении постановления образовательного дела. В 1927 г. гоминьдановское правительство издало декрет о том, что все школы должны быть зарегистрированы правительством и что религиозное обучение исключалось из учебных программ. Большинство школ христианских и других — выполняло эти требования, но мусульманские предпочли закрыть свои школы, нежели лишиться привилегии учить догматам своей веры /237, 255-6/. Вышеупомянутый декрет не имел силы за пределами территории, действительно подвластной Нанкину, и непосредственно не затрагивал места основного расселения мусульман. Тем не менее само по себе это предписание могло найти соответствующий резонанс среди мусульман не только на территории, подконтрольной Нанкину, но и за ее пределами.

Но если сам по себе декрет относительно школ не был направлен исключительно против мусульманских учебных заведений, то со стороны ханьских средств массовой информации имели место анти-мусульманские вылазки. Несколько лет спустя после выхода декрета о школах издатель газеты в Нанкине опубликовал статью, в которой предки китайских мусульман были представлены как поросята. Эта публикация так разозлила мусульман, что они заявили протест национальному правительству, требуя закрыть газету, наказать редактора и требуя свободы религии, включая привилегию открывать школы и иметь учебные программы, которые они хотели. Все эти требования были удовлетворены. Для гоминьдановской администрации в Нанкине, выступавшей как национальное правительство Китая, не было резона вступать в конфликт с мусульманской общиной и еще более усугублять свое непрочное положение, тем более, что в своих амбициях вожаки мусульман в пределах собственно Китая не угрожали существованию нанкинского режима.

С первых лет республики самовыражение мусульман как особой группы, отличной от собственно ханьского этноса, господствующего в системе китайской государственности уже в силу своего чис-

ленного превосходства, широко находило себя в разнообразной общественной и конфессиональной деятельности. Прежде всего, в культурно-просветительных мероприятиях, в создании конфессиональных общественных организаций. В первом случае характерно суждение корреспондента татарской газеты "Вакт": "Китайские мусульмане лет семь тому назад не имели представления о просвещении. Теперь с каждым годом открываются новые школы" /1195 /. Происходит это в результате целеустремленных усилий мусульман. "В маленьких городах составляются мусульманские комитеты, которые добиваются от правительства помешаний и субсидий для устроения начальных школ, где бы знакомил с основными принципами ислама" /49 /. Мусульманские школы создаются и в сельской местности, в том числе и для девочек. "В нескольких селах мусульманки содержат маленькие школы для девочек" / 49 /.

Мусульманские школы были как по контингенту учащихся, учебной программе, так и внешне: неотъемлемой ее частью была мечеть. В каждом большом китайском городе есть школа для мусульманских детей. В такой школе три класса: в первом обучают грамматике, во втором — арабскому языку, в третьем толкуют Коран.

Рядом со школой висят маленькая мечеть, где собираются школьники для омовения и молитвы /49 /.

В мусульманских школах заботились не только о духовном состоянии детей, но и об их здоровье: учащихся кормили. Правда, остается открытым вопрос, на сколько широко была распространена такая практика.

Политическая обстановка первых послереволюционных лет дала толчок общественной самодеятельности мусульман, что находит свое выражение в создании конфессиональных организаций, образовательных учреждений. Это подвладительство находит поддержку со стороны должностных лиц из числа мусульман и состоятельных людей. Всякий, посетивший мусульманские учреждения в Китае, отмечал доктор Иерусалми на страницах "Жэн Тюрк", даву дается и не может без глубокого уважения говорить о самоотверженности и энергии комитетов и всего учительского персонала /79 /. Объективно с установлением республиканского режима, когда для политической системы характерны большие децентрализации и нестабильность, нежели при монархии, появились возможности обес-

печать исламу более благоприятные условия для жизнедеятельности. В Ганьсу в феврале-марте 1912 г. впервые учреждается общество содействия исламу /89, т. 8, кн. 27, 306/.

В 1912 г. в Пекине создается первая национальная организация Чжунго хуэйцзяо цзюй цзинь хуэй /далее ЧХЦЦХ/. Ее основателем явился ахун Ван Хасжань. Организационно ЧХЦЦХ быстро расширялась и к 1923 г. заявляла, что имеет 3 тысячи отделений по всему Китаю. Вновь открывались они на местах в конце 20-х гг. Но в начале 30-х гг. отмечались признаки упадка деятельности. Как сообщалось 11 марта 1931 г. из Наньчана, в провинции Цзянься только в Наньчане и Цзюцзяне имелись организации союза. За последние год-два остальные полностью прекратили свою деятельность, существуют лишь на бумаге /131, т. II, 1573/.

В основном деятельность ЧХЦЦХ шла по линии просветительства, издательства, популяризации традиционных исламских духовных ценностей.

Известное представление о деятельности ЧХЦЦХ на местах можно составить по следующим данным. Применительно к Ганьсу воспроизведем личные наблюдения А. Финдлэя. Упомянутый союз принял на себя усилия по просвещению хуэйхуэй. Он учредил школы для светского просвещения, в которых юные мусульмане принимались бесплатно, но специальные усилия были предприняты, чтобы привлечь детей "язычников". Для последних образование, обучение со всеми необходимыми учебниками и даже униформой для тренировок предоставляется бесплатно. В некоторых случаях союз принял обязанности различных мечетей, и в некоторых местах средствами литературы продолжает усилия по возрождению хуэйхуэй /185, 67-68/. Необходимые средства шли от самих мусульман. Союз теперь получает огромные поступления от налогов, которыми обложены различные отрасли ремесла, торговли, которые в основном в руках хуэйхуэй. Добровольные пожертвования чрезвычайно помогают увеличить таким образом собираемые суммы /185, 68/.

Или вот, Юйский отделенный в селенья Даин провинции Юньнань. Это отделение занималось всеми вопросами, связанными с религиозными делами, приемом зарубежных гостей. Если между мусульманами случались ссоры или речь шла о разводе, то служащий упомянутого учреждения занимался расследованием обстоятельств

и решал вопрос /ИЗ, т. 2, 1687/. Как видим, отделения ЧХИХ выступают в известной степени как органы самоуправления мусульманской общины.

В 1911-1912 гг., когда Сунь Ятсен стал временным президентом республики, был организован Мусульманский союз /с переводом его штаб-квартиры в Пекин в Нанкине осталось его отделение/. Союз этот своей целью ставил пробудить интерес среди верующих и защиту их от наступления христианства /284, 1/.

Издававшаяся в Оренбурге мусульманская газета "Вакт" со ссылкой на информатора из Нанкина сообщала о создании там новой мусульманской организации среди мусульман "Нашир Ислам ве Моариф" во главе с Нуредин Эфенди. Общество ставило целью издание брошюр, развитие общественности и народного образования, борьбу с фанатическими обрядами, помощь бедным и пр. Общество это уже принесло мусульманам немало пользы. Открыто уже несколько школ. Общество имеет намерение открыть свои отделения в Ханьчжоу, Шанхае, а также и в других мусульманских городах Китая, где есть мусульманское население / 107а /.

В 1912 г. хуэйские деятели хотели создать свою национально-конфессиональную организацию, но тогдашний глава министерства иностранных дел считал подходящим, чтобы она называлась "Китайский объединенный исламский союз" /Чжунго хуэйцзяо лянхэхуэй/ вместо предполагавшегося "Чжунго хуэйминь гунхуэй" /Союз хуэйминь Китая/ ц12, 43/. Позиция представителя центрального правительства в отношении названия предполагаемого союза показательна в том плане, что оно отказывает в признании хуэйминь как национальной группы, но согласно считаться как с конфессией. Очевидно, с учетом этого обстоятельства в 1927 г. Ма Фусян с известным хуэйским шаньши Хашаофу выступил с инициативой по созданию "Китайского мусульманского союза" /"Чжунго хуэйцзяо гунхуэй"/ /90, 43/.

Общественная деятельность китайских мусульман не ограничивалась лишь сферой духовности, но и отмечена мероприятиями по линии благотворительности и приватия производственно-профессиональных навыков подрастающему поколению, что в совокупности дало основание доктору Иерусалми говорить о мусульманском ренессансе в Китае: "Возрождение ислама в Китае обусловлено осно-

ванием религиозных учреждений, убежищ для стариков, приютов для детей, мастерских для девочек и т.п. ... Мусульмане Китая всячески заботятся о профессиональном образовании детей, которых учат - земледелию, скотоводству, птицеводству, пчеловодству, разным мастерствам и ремеслам, дабы обеспечить им безбедное существование в будущем, по окончании школы. Экономические условия жизни в Китае, вообще, весьма тяжелые, и потому мусульмане стремятся подготовить молодежь к успешной борьбе за существование" / 49 /.

Помимо создания собственно конфессиональных общественных организаций, имеют место инициативы по учреждению мусульманских научных обществ.

В 1913-1914 гг. соученики-мусульмане подготовительного училища Цинхэцких войск предприняли попытку основать в столице "Исламское научное общество" /"Цинчэньсюэхуэй"/. В качестве основного принципа инициаторы провозгласили: установление связей с мусульманами, занятыми в научной области, изучение исламского образования и разъяснение обществу. Однако дальнейших подготовительных мероприятий дело не пошло. Но начин не загдох. В 1917-1918 гг. в столице было создано "Исламское научное общество". В прошении разрешить создание общества говорилось: "Ислам - древняя религия, в Китае распространена свыше 1 тысячи лет. Хотя число верующих с каждым днем множится, образованные появляются, а знание доктрины не растет. Выставляя это обстоятельство в качестве обоснования, все, кто из сферы науки, отгорожены забором от остального населения, не в состоянии свои знания передать другим. Дэ Мин и др. намереваются в столице на улице Юцзе организовать доктрину, изучать и практиковать основные идеи, объединять чувства единоверцев, сообща стимулировать образование. Хотя любой человек свободен исповедовать религию, однако поступает полностью согласно закону. Надеемся, что нравственность благодаря учености еще более проявится, познания благодаря научным исследованиям еще более увеличатся. Вера, безусловно, заслуживает прославления, общество и государство же, также ожидаем, обретут пользу" /IC, 400/.

Выше названное общество было призвано служить делу ислама в целом. В обязанности членов общества входило ратовать в пись-

менной форме за то, что идет на пользу мусульманству в Китае, и выступать против того, что ему мешает, но не нападать на личные качества отдельных людей; ошибочные толкования и поношения догм нашей религии со стороны немусульман письменно исправлять и разъяснять; разъяснять единоверцам и не-мусульманам спорные вопросы веры; улаживать споры относительно догматов и предписаний веры, руководствуясь канонам /II, 401-402/.

В 1925-1926 гг. существовало "Чжунго хуэйцзяо сшехуэй" /"Китайское исламское научное общество"/. Основные его уставы были таковы.

1. Разъяснение религиозных текстов.

2. Перевод канона; издание книг и газет; ознакомление с догматами веры.

Содействие просвещению.

Создание учебных заведений; учреждение книгохранилища; приглашение ученых из дальних стран.

Учреждение управления по сбору "божьего налога".

3. Установление дружественных связей между китайскими и зарубежными единоверцами.

4. Содействие общепользительной деятельности единоверцев.

5. Невмешательство в политику /II, 403/.

Аналогичная программа была у "Шанхайского литературного общества китайских мусульман" /издавало ежемесячник "Мусульмане Китая"/ /285, 2/.

Конкретно общество ставило своей целью следующие цели:

/А/ Излагать мусульманские принципы и доктрины:

1. Перевод священных трудов.

2. Составление книг и периодических изданий.

3. Лекции о мусульманских догматах.

/Б/ Содействовать просвещению:

1. Учреждение школ.

2. Создание библиотек.

3. Прием ученых издалека.

4. Учреждение секции занятости, чтобы обеспечить средства для образования бедных ученых.

5. Поощрять дружественные отношения между китайскими и иностранными мусульманами.

6. Помогать общественной деятельности мусульман.

7. Общество будет воздерживаться от участия в политике /285, 4/.

С самостоятельной инициативой на ниве просветительства выступает мусульманская молодежь. В 1928 г. соученики высших учебных заведений Бэйпина организовали "Ишлань сие ихуэй"

"Товарищество по изучению ислама". Согласно ежегодного отчета этого общества за 1932 г. в нем было представлено 15 провинций: Хэбэй, Ганьсу, Ляонян, Шаньдун, Жэхэ, Цзилинь, Аньхуэй, Сычуань, Хэйхунцзян, Гуандун, Хэнань, Суйюань, Тибет, Юньнань. Общая численность членов составляла 96 человек обоего пола, преподавателей учебных заведений самого различного профиля. В обычном городе это было созвездие интеллигентной молодежи /10, 403/. В 1933 г. он был преобразован в "Общество молодежи хуэйцзу" /10, 403/.

В 1927-1928 гг. в Цзюцзяне молодежь из торгово-промышленных интеллигентных кругов создала Исламский молодежный союз. Он мыслился как исследовательский центр /131, т. 2, 1573/.

Как уже отмечалось выше, в программных установках мусульманских общественных организаций говорилось о необходимости развивать связи с зарубежными единоверцами. Такие устремления разделялись среди мусульман Китая на самом различном уровне. В частности, работники просвещения не упускают случая, чтобы выразить заинтересованность в установлении связей по линии образования с Турцией. В декабре 1926 г. поверенный в делах Турции в Токио, который прибыл в Пекин для переговоров о торговом договоре с Китаем, был почетным гостем на приеме, устроенном в его честь местной мусульманской средней школой. Присутствовали представители министров иностранных дел и образования и весь учащийся состав школ.

Ма Цинчун, председатель попечительского совета школы, в приветственной речи сказал, что из-за трудностей сообщения между двумя странами в течение веков не было дипломатических отношений. Усилия турецкого дипломата, выразил надежду Ма Цинчун, вскоре увенчаются успехом и через несколько лет китайские студенты смогут учиться в Турции.

В ответной речи турецкий дипломат сказал, что сделает все

возможное, в частности, для развития духовной связи между китайскими мусульманами и их единоверцами в Турции /2765/.

Помимо Ван Хаожаня и организованного им общества просветительской деятельности среда мусульман, прежде всего на Северо-Западе, активно занимался видный деятель местной мусульманской общины Ма Фусян. В 1914 г. он открыл 5 исламских начальных школ в Хэчжоу /в Бафан, Каньцзябао и др. местах/ /90, 39/. В 1918 г. лично пожертвовал средства и организовал сбор пожертвований на создание исламских начальных и средних школ /90, 41/. В 1920 г. Ма Фусян основал мусульманскую школу в Яшаньбао /90, 41/. В 1924 г. Ма Фусян открыл исламскую хуэйминьскую начальную школу в Чжаньньбао в уезде Чжунвейсянь /90, 42/.

Помимо общеобразовательных мусульманских школ на начало 20-х гг. в Ганьсу осуществлялась подготовка мусульманских священнослужителей. "В Ганьсу есть по меньшей мере 2 важных центра, где молодые ахуны - "аспиранты" готовятся к постоянной работе священника. Здесь они учатся от 5 до 10 лет, изучают арабский и персидский, Коран и другие священные писания" /185, 42-43/.

Уровень культуры в мусульманской глубинке, уровень образованности местных грамотеев, как, видимо, сознавал Ма Фусян, не давали возможности заинтересованным лицам ознакомиться со всем разнообразием мусульманской духовности. Поэтому он за расширение контактов с мусульманскими богословами и знатоками коранической литературы, находящимися за пределами своей провинции и Китая. В 1919 г. Ма Фусян организовал сбор пожертвований. Средства были переданы Ланьчжоускому "Союзу содействия исламу" с тем, чтобы молодежь Ганьсу училась за рубежом, за пределами провинции постигала все тонкости исламского учения /90, 41/.

С другой стороны, своих единоверцев в Китае посещают мусульманские священнослужители из-за рубежа. Таким образом, ислам в Ганьсу выходил за рамки чисто местного, провинциального феномена, но в известных параметрах выступает как часть международного духовного сообщества" ... их /мусульман Ганьсу. - В.К./ религиозные центры время от времени посещаются священниками из Турции, арабских стран и Центральной Азии" /254а, 148^х.

Не ограничиваясь развитием образовательного дела среди мусульман на Северо-Западе, Ма Фусян укрепляет очаги мусульманско-

го образования в Пекине. В 1928 г. Ма Фусян с высшими слоями военных и политических кругов хуэйцзу создал в Бэйпине на улице Ньюцзе среднее мусульманское учебное заведение, Ма Фусян стал председателем правления. Когда в Цзиннани прекратило существование училище при мечети, Ма Фусян перевел его в Пекин, и оно стало летней школой /90, 43/.

Ма Фусян и его единомышленники рассматривали просвещение своих соплеменников-елановерцев не только под углом воспитания мусульманской духовности, но и с точки зрения получения возможностей для всестороннего развития районов компактного проживания хуэймань. Ма Фусян, Сун Шэну считали, что основная цель исламского среднего учебного заведения в Пекине /на улице Ньюцзе/ в том, чтобы воодушевлять хуэймань "разрабатывать Северо-Запад" /90, 45/.

Психологический климат в тогдашнем китайском обществе был таков, что подвижникам в деле просвещения мусульман приходилось проявлять осмотрительность, дабы не дать повода заподозрить их в том, что они преследуют цель содействовать религиозности молодых мусульман. Последние пугала официальные круги и ханьскую общественность фанатизмом, которым были отмечены выступления мусульман в не столь отдаленном прошлом. В этом отношении весьма показательна история с названием вышеупомянутого среднего учебного заведения на улице Ньюцзе. Ма Фусян и Сун Шэну выпрашивали его название и отвергли в наименовании 2 знака: "цан чжэнь" /"ислам"/, иначе было не избежать подозрений в однобокости: "Если предположат, что оно ограничивается верой, тогда его прихода, возможно, не широка" /90, 45/. Поэтому Ма Фусян и Сун Шэну в марте 1931 г. просили национальное правительство разрешить переделать название упомянутого учебного заведения на "Сшественное училище Северо-Запада" /90, 45/.

Занятие Ма Фусяном поста в национальном правительстве его единоверцы использовали для подключения официальных кругов к делу просвещения хуэйского населения. В 1931 г. деятели из различных слоев хуэйской общины, радуя за содействие просвещению среди хуэй, выступили с инициативой создать под началом министерства просвещения и Комитета по монгольским и тибетским делам /во главе последнего стоял Ма Фусян/ "Комитет содействия

просвещения среди хуэйминь" /"Хуэйминь цяюэ цзю цзинь вэй вань хуэй"/. Официально он был учрежден в 1933 г. /90, 46/.

При непосредственном участии Ма Фусяня открывались не только школы, но и библиотеки. В 1916 г. он пожертвовал деньги на создание городской общественной библиотеки "Тугуя" в городе Нинсячэн /90, 40/.

Почину, положенному Ма Фусянем в деле насаждения учебных центров для мусульман, следовали в последующем и его родственники. В 1934 г. Ма Хункуй основал арабско-китайское училище /90, 34/.

Говоря о культурно-просветительской исламской деятельности, следует отметить ее политическую значимость. Она объективно способствовала сохранению разобщенности населения Китайской Республики на культурно-религиозной основе, содействовала мусульманскому национализму. С другой стороны, то обстоятельство, что инициаторами в деле просвещения мусульман выступают их же единоверцы, давало лишний повод магометанам полагать, что бюрократам-неверным по меньшей мере нет дела до просвещения и культурного развития мусульман. Тем более, что они же за счет собственных средств содержат образовательные учреждения. Так обстояло с первым средним учебным заведением в Пекине /IIIб /.

Характерную особенность просветительской деятельности среди мусульман составляет то обстоятельство, что она неразрывно духовно и организационно связана с мечетью. В начале 1912 г. базой для просвещения мусульман Ланьчжоу стала мечеть у Южных ворот, в ней разместились учебные заведения /89, 27, 303/. Духовенство демонстрирует свою сопричастность к появлению очагов просвещения. Так, на открытии в Пекине первого среднего учебного заведения для мусульман присутствовал верховный муфтий /IIIб/.

Конфессиональные организации и общественные деятели - мусульмане занимаются изданием канона и произведений мусульманских мыслителей. ЧХЦХ предприняла издание Корана на арабском языке и, очевидно, занималась его распространением /255а, 180-7/. Ма Фусян выступает с инициативой по изданию мусульманского классического наследия, субсидируя средства. С 1922 по 1932 г., благодаря пожертвованиям Ма Фусяня, шанхайские издательства Чжунхуа шуцзюй, Цзяотун цзюй, а также Бэйпинское Цин-

чжень шу баше издавали на китайском языке сочинения мусульманских мыслителей Китая Ван Дайня, Лю Цзеляня, Ма Фучу, Ма Чжу и др. /89, 25/. Благодаря выходу в свет этих сочинений удалось уберечь от исчезновения некоторые редкие труды китайских мусульманских богословов /89, 25/.

Религиозная специфика существования мусульманской общины оказывалась на состоянии образовательных возможностей для ее членов, но, очевидно, упор в просвещении делался на мусульманскую духовность. Это, во-первых. И таковое просвещение было предметом забот самих мусульман. О том свидетельствуют следующие факты, имевшие место на 1937 г. В Куньмине - китайско-арабское училище /137, т. 2, 1686/. В селеньи Даин уезда Юйси /Юньнань/ 3 года тому назад был исламский институт специальных предметов. Ныне вместо него существует лишь исламская начальная школа по подготовке кадров /131, т. 2, 1687/. В мечети Шигоуту уезда Юйси /Юньнань/ ахун при мечети занимается обучением детей /131, т. 2, 1689/. В городе Бэйчэн /Юньнань, уезд Юйси/ при мечети имеется училище арабского языка, в нем служил ахун. Ежегодное содержание он получал от урожая риса, выращиваемого на общественном поле /"гун тянь"/ при мечети. Помимо того, что полагалось на жалованье ахуну, остальное шло на нужды школы и на оплату прочих статей /181, т. 2, 1687/.

Как видим, образовательным очагом для молодого поколения мусульман выступает мечеть, а воспитателем - священнослужитель.

Мечеть и в условиях республиканского режима, как это было и при монархии, выступает как форма самовыражения мусульманами своей специфической общности, как средство самосохранения: уклада своей жизни и менталитета. Не удивительно, что и в годы республики мусульмане проявляют инициативу с постройкой новых мечетей, тем более, что, по всей видимости, это властями не регламентируется. Строительство мечетей отмечается повсеместно. В Куче, фиксировал Р. Шомберг в 1927 г., мечети все были новые /248а, 48/. В селеньи Чжунсян /Юньнань, уезд Юйси/ в 1912 г. построена мечеть /131, т. 2, 1689/. В мусульманских предместьях Хэчжоу было "много хороших мечетей и семинарий" /254а, 146/.

Просвещение занимает одно из центральных мест в программах мусульманских общественных организаций, а эти установки находят

понимание в мусульманских массах. Сдвиг из основных центров просвещения выступает мечеть, главным наставником — ахун. Соответственно предметами изучения являлись Коран, арабский язык, исламские дисциплины^х.

В конечном счете такое просвещение культивировало исламские настроения у подрастающего поколения. В Малутане /уезд Юнью, Иньниань/, пишет некий Ван Басмань в журнале "Тудэ" за 1937 г., при мечети есть ахун, ежедневно несколько мальчиков и девочек ходят в мечеть учить канон, обучением занимается ахун. "На основании этого можно видеть, что, хотя упомянутое селенье находится в горной глуши, однако рвение у потомства в отношении нашей веры не падает" /ИЗ, т. 2, 1689/.

Одной из примечательных особенностей культурно-просветительской деятельности Ма Фусяна являлось то, что он стремился вовлечь в ее орбиту и иноверцев-монголов. Остается открытым вопрос, какими соображениями он при этом руководствовался, сугубо альтруистическими или прозелитскими. В любом случае инициатива Ма Фусяна объективно дискредитировала ханьскую бюрократию, которая не проявляла такого рвения в деле просвещения монголов. Начинание Ма Фусяна в независимости от его личных устремлений давало основания монголам заподозрить ханьское начальство в нежелании заниматься среди них культурно-просветительской деятельностью.

В 1917 г. Ма Фусян выступал инициатором создания "Мэн Хуэй цзюю цюаньдао ю" / "Центр направляющий и руководящий просвещением монголов и хуэй"/. Он посылал своих представителей в сельскую глубинку убеждать людей-хуэйцзю открывать начальные школы в местах смешанного проживания с монголами, а также побуждать монгольскую молодежь поступать в эти учебные заведения. В 1918 г. Ма Фусян лично пожертвовал и организовал сбор пожертвований на открытие монгольско-хуэйского педагогического училища /90, 41/.

На первые годы существования республиканского режима пришелся подъем издательской деятельности мусульман. В какой степени этому способствовало установление республиканского строя, судить определенно трудно. Не последнюю роль сыграл, видимо, общий процесс децентрализации, характерный для административной системы в стране, и соответственно больше в принципе возможности для самовыражения общественного мнения различных слоев и

групп населения.

В 1915 г. с выходом в Юньнани ежемесячника "Цанчжень кэбао" /"Исламский ежемесячник"/ было положено начало мусульманской периодике.

В 20-х гг. выходило около 20 хуэйских периодических изданий в провинции Юньнань, в городах Гуанчжоу, Бэйпан, Тяньцзинь, Шанхай. Всего к 1928 г. ко времени учреждения в Нанкине гоминьдановского национального правительства Китая выпускалось /с различной длительностью существования/ 16 наименований мусульманских периодических изданий в провинциях Юньнань, Фэнтянь, в городах: Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чжэнцзян. Таким образом, мусульманская община Китая имела возможности через собственные средства массовой информации заявлять о себе властям и общественному мнению.

Число периодических мусульманских изданий не было стабильным: из-за недостатка средств многие прекратили существование /90, 24/. Очевидно, дело заключалось не только и не столько в финансовых затруднениях. Уровень грамотности среди хуэйского населения, тематика публикаций тоже, очевидно, играли свою роль.

ЧЖИЦХ предприняла выпуск газеты "Хуэйвань сайхуа бао", которой руководил Ван Хаожань, и он распространял ее в Синьцзяне. Ван Хаожаню ставят в заслугу, что политическая направленность газеты способствовала сохранению центростремительных настроений среди хуэйского населения Северо-Западного Китая. "Благодаря этой газете хуэйцзу Северо-Запада узнавали о декретах центрального правительства, новости из внутренних районов страны, не последовали за Внешней Монголией, Тибетом и в этом также есть усилия /Ван Хаожань/ - ахуна" /131, т. I, 611/.

В октябре 1929 г. на встрече хуэйских деятелей в Пекине шел разговор о развитии хуэйской культуры и образования. "Выпуск печатного издания, - сказал Ма Фусян, - действительно является важной задачей в деле развития нашей веры". Организацией выпуска такого издания занялся Ма Сунтин, средства пожертвовал Ма Фусян /90, 24/. 5 ноября 1929 г. появился журнал "Юэ хуа" /90, 24/.

По своему содержанию это было главным образом религиозное

издание. Религиозное по содержанию, оно в то же время пропагандировало и поддерживало преобразования в деле просвещения хуэй-мань, ратовало за распространение образования /90, 24/.

Не ставя своей задачей общий анализ материалов "Юе хуэ", остановимся лишь на некоторых характерных публикациях. Обращает на себя внимание программная в своем роде статья "Общее состояние ислама в Цзянси", с которой 11 марта 1931 г. выступил молодой мусульманин Цянь Сине. Краткое резюме статьи таково: развал исламских организаций, застой в области образования, хозяйственный застой. Все эти явления, по мнению автора, характерны не только для Цзянси, но и повсеместно для всего Китая. Если молодежь всей страны не предпримет срочных спасительных мер, то "в будущем положение нашей веры в китайском обществе, опасаясь, все более будет приходить в упадок, все больше люди не будут придавать ей значения". Программа по выправлению положения, предлагаемая Цянь Сине, такова:

1. Прежде всего нужно укрепить организацию всех подразделений наших мусульманских союзов.

2. Нужно использовать силу наших организаций для развития образования наших единоверцев-бедняков и проповеднической деятельности за рубежом, с тем чтобы можно было, воспользовавшись этим, постепенно избавиться от множества неправильных толкований, которые иноземные проповедники дают в отношении их веры, и одновременно можно будет восславить и возвеличить верный путь нашей веры.

3. Надо использовать силу наших организаций с тем, чтобы осуществить экономически разнообразную деятельность по воспомоществованию. Что касается его способов, то можно порознь использовать два метода: "лечить ветви" и "лечить корень". Первый - это временная материальная помощь деньгами. Второй - осуществление руководства разного рода занятиями и ознакомление с ними, а также изыскание возможностей создать мелкие предприятия, чтобы принять не имеющих занятия бедняков - наших единоверцев.

"Наконец, - заключил Цянь Сине, - я надеюсь, мусульманская молодежь всего Китая энергично возьмется за дело. Сообща будем спасать веру, спасать страну..." /131, Т. 2, 1575/.

Бытовые особенности мусульман представляли собой наиболее

чувствительный объект межобщинных отношений, ибо они являлись не только проявлением специфики мусульманского менталитета, но и в силу своей незащищенности от любопытства и высмеиваний носителей иных, чем мусульмане, бытовых представлений. Так, в частности, обстояло с обрядом обрезания. В этой связи показательная статья некоего Лю Дачэна /1936 г./. Обряд обрезания у хуэйминь, писал Лю Дачэнь, имел место до революции 1911 года. Иностранцы проповедники необычно будоражили этот вопрос, притом высказывали необычную подозрительность, поэтому навлекали множество неприя-
ни. В настоящее время наука славится, больницы создаются, все те, кто хорошо разбирается в физиологических законах жизни и гигиене, все говорят, что в теле человека имеется двоякого рода ненужные органы, а именно: толстая кишка и кожа на детородном члене. Устранение этих двух штук полезно для здоровья человека. Отсюда подозрения в отношении мусульманского обряда обрезания не соответствуют морали и гигиене. Очевидно, что в Коране, которому более 1300 лет, заложены такие начала, которые соответствуют современной физиологической гигиене, "в таком случае наш ислам не только философичен, но также и научен" /131, т.2, 1737/.

х

х

х

В своих устремлениях к самовыражению и самоутверждению мусульманское духовенство не замыкается в "своих квартирах", но сотрудничает с представителями зарубежных немусульманских конфессий, участвует в различных форумах.

Осенью 1912 г. в Цзиньчжоуфу состоялась первая объединенная конференция Английской баптистской миссии в Китае. На встрече с участниками этой конференции были и представители мусульман /288, 356/.

Мусульманское духовенство сотрудничало с Китайским международным институтом в Шанхае. Когда последний выступил с инициативой созвать в Китае региональный конгресс религий весной 1915 г., среди подписавших письмо соответствующего характера были и представители мусульманской общины Китая /241, 4/. На заседании секции религий института были заслушаны доклады мусульманских священнослужителей: муллы Ма Ицзи "Надежды в Коране" /241, 8/.

Ма Цинсана "Выгоды от учения магометанства" /24I, I5/. Во время пребывания в Пекине директора названного института он встречался и с представителями мусульман /24I, I6/.

Экуменическая инициатива, предпринятая представителями христианства и поддержанная вожаками мусульман Китая, имела место в то время, когда шла I-я мировая война. Участником ее была и Турция, султан которой формально выступал главой всех мусульман-суннитов. Участие Турции в войне на стороне противников Англии, Франции и России, очевидно, нашло какой-то отклик среди мусульман Китая. Это обстоятельство, по всей видимости, пытались использовать против Антанты ее противники. Потенциальные возможности содержались в панисламизме и пантюркизме, олицетворением чего выступала султанская Турция. Какие-то подвиги здесь, вероятно, были. Не случайно, по сообщению из Мукдена от 15 декабря 1914 г. губернатор издал обращение к китайцам-магометанам, ука-зывающее на вздорность агитации темных лиц в пользу придания войне, которую ведет Турция с державами Тройственного Согласия, характера священной войны и в пользу активной помощи Турции со стороны китайцев-магометан /II9a, 1914, I7/XII/. В свою очередь, с изложением позиции некоей организации китайских мусульман выступил "Харбинский вестник". На его страницах появилась статья "Война и китайские магометане". "Немцами были распространены слухи, - говорилось в статье, - будто бы китайские магометане устраивают между собой подписки в пользу Турции и стремятся всячески прийти ей на помощь. По этому поводу магометанская ассоциация в Китае занялась составлением записки, опровергающей эти слухи, которая по окончании будет подана президенту. В этой записке говорится, что, хотя китайские магометане и знают, что предки их эмигрировали в северо-западную часть Китая из магометанских стран, а затем распространились по всем китайским провинциям, тем не менее за долгие годы своего пребывания в Китае они не только превратились в китайских граждан в полном смысле этого слова, но и утратили всякий интерес к влечению к стране, из которой вышли их предки. Войдя в состав населения своего нового отечества и пользуясь в нем равными правами с коренными жителями, китайские магометане заявляют, что в их среде отсутствуют какие-либо политические влечения или особая симпатия к какой-либо

магометанской стране. Они прекрасно понимают, что между религиозными и политическими вопросами лежит целая пропасть. Поэтому они заявляют, что они довольны религиозной терпимостью, оказанной им китайским правительством, и отнюдь не намерены компрометировать нейтралитет Китая, посылая деньги кому-либо из участников настоящей войны, будут они магометане или нет. Распространенные некоторыми бессовестными лицами слухи, будто бы китайские магометане собирают в своей среде деньги для оказания помощи Турции, являются абсолютной выдумкой, имеющей целью создать затруднения Китаю и восстановить правительство против его магометанских подданных. Китайское правительство может вполне положиться на лояльность магометан на всей территории Китая" /9, 56-57/.

Подъем национального движения в колониальных и зависимых странах, последовавший за первой мировой войной и Октябрьской революцией в России, придал особую значимость исламу. Он выступает как идеология освобождения от колониальной зависимости от империалистических метрополий. Объективно солидаризуясь с зарубежными единоверцами, мусульманская община Китая укрепляет свое положение в исламском мире. С 13 по 19 мая 1926 г. в Каире проходили заседания Халифатского конгресса, с 7 июня по 6 июля 1926 г. в Мекке — общемусульманский конгресс. Официальной программой названных форумов явилось обсуждение вопросов о халифате и о судьбе "святых мест" ислама в связи с геджасско-недждской войной /47, 35/. Самый вопрос халифата был поставлен перед мусульманским миром весной 1924 г., когда новая Турция, уже порвавшая с султанатом и принявшая республиканскую форму правления, сделала следующий необходимый шаг в интересах своей внутренней политики, объявив отмененным институт османского халифата.

На обоих вышеупомянутых конгрессах присутствовали, как и представители ряда других стран, посланцы мусульман Китая /47, 44-45/.

На 2-м мусульманском конгрессе, состоявшемся в 1926 г. /7 июня — 5 июля/ в Мекке, присутствовали посланцы Китая. Учитывая многочисленность мусульманского населения в Китае, его представители получили 3 голоса /242, / . Это было проявление

активной симпатии влиятельных представителей ислама к своим китайским единоверцам и было призвано воодушевить их в отстаивании и укреплении позиций ислама в тогдашнем мире.

Интересы мусульманской общины Китая в плане международном выходили за пределы чисто конфессиональные, и проявлялись в сфере внешнеполитической. Ее вожаки не упускают возможности высказать свое мнение и по вопросу дипломатических отношений Китайской Республики с Турцией. Особый интерес в данном случае понятен, учитывая, что Турция была мусульманской страной. Как сообщала английская газета, издаваемая в Китае, китайское правительство установило взаимопонимание с турецким правительством относительно заключения договора и обмена посланниками. С прибытием турецких представителей в Пекин ожидалось начало дискуссии относительно договора. Китайские мусульмане за рубежом наблюдают за Мусабеем, представителем магометан в Москве, который представил заявление временному китайскому поверенному в делах Советской России, убеждая его просить правительство принять неотложные меры для заключения договора и отправки посланника в Турцию. Китайский поверенный Чэн Яном передал это послание МИДУ /276 /.

С началом антияпонской войны /1937-1945 гг./ Китайская Республика вступает в новый период своего существования. Кратко подытожим в каком состоянии застала общенациональная война мусульманскую проблему.

Смена власти в результате свержения цинской монархии не создала объективных условий /социально-политических и психологических/ для упрочения стабильности государства, покрываемого понятием "Китайская Республика". Но, наоборот, усиливается процесс политической децентрализации. Правительство в Пекине, а потом в Нанкине было общенациональным больше в плане международном, как субъект международного права. Если для милитаристов-хань, выступивших под республиканскими знаменами, а потом под сенью гоминьдановского флага, проблема национально-государственного единства не была проблемой № 1, а верх брали интересы личного самосохранения и самоутверждения, то и у представителей верхушки мусульманской общины подспудно и явно имели место настроения быть по меньшей мере правителями своих едино-

верцев под верховенством правительства Китая, а то и вообще без оною. Такие настроения сильнее всего давали себя знать в местах компактного расселения мусульман — в Северо-Западном Китае, и особенно в Синьцзяне, последнем по времени территориальном приращении к китайскому государству.

Оставляя в стороне объективные факторы экономического порядка, объективная реальность повседневного существования представлялась таковой: с установлением республики отнюдь не был достигнут предел благосостояния широких мусульманских масс, наоборот, жизнь оставалась тяжелой. В общественном сознании мусульман в этом были повинны власти, т.е. хань как таковые, ибо верховная власть в стране принадлежала им. Психологически мусульмане в основной своей массе оставались привязаны к исламским духовным ценностям, к мусульманским традициям. Они больше признавали себя членами всемирной мусульманской общины, нежели членами китайского общества. Суньятсенизм, проповедуемый руководством гоминьдана, как новая общегосударственная идеология, не был воспринят массами собственно ханьского населения. Тогда не приходится уж говорить о мусульманах. Для них непоколебимым авторитетом оставался Коран, но не рассуждения Сунь Ятсена.

"Преобладающая характерная черта в Синьцзяне, — я должен сказать, — вера в магометанство, — писал известный общественно-политический деятель Восточного Туркестана Мохаммед Эмин Бугра министру и вице-премьеру центрального правительства Китая Чжу Цяньхуа... — Как вы хорошо знаете, взгляды доктора Сунь Ятсена и правовые принципы никогда не были удовлетворительны для народов Туркестана, Монголии и Тибета"/1806, ИЗ, 28/.

Смена политического режима и государственной атрибутики не сопровождалась мгновенным изменением психологического климата во взаимоотношениях мусульман и хань. Историческая память сохраняла и передавала из поколения в поколение воспоминания об обоюдных жестокостях, которыми сопровождалась мусульманские восстания, и этому в немалой степени способствовали бытовые различия, которые, в свою очередь, препятствовали спокойным, без неприязни и настороженности контактам представителей разных общин. Формально и хань и мусульмане являлись гражданами Китайской Республики, но общий государственный флаг не мог прикрыть четкий водораздел, разделявший хань и мусульман в повседневной жизни. А через нее опосредствовался подход и к политическим проблемам.

Глава 5. СИНЬЦЗЯН ПРИ ЯН ЦЗЭНСИНИ И ЕГО ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМА

Революция 1911 г. в собственно Китае отозвалась в Синьцзяне борьбой представителей старого режима и его противников в лице ханьских националистов. Цинская власть в крае пала и персонально это выразилось в появлении Ян Цзэнсиня на посту главы провинциальной администрации. Последствием ликвидации прежней власти явилась политическая децентрализация Синьцзяна, борьба между главой провинции Ян Цзэнсином и его противниками на местах, прежде всего в Илийском крае. Союзником Ян Цзэнсиня в этой борьбе выступала часть местной мусульманской общины, а именно хуэйминь или дунгане.

В лице хуэйминьских /дунганских/ предводителей Ян Цзэнсинь получил поддержку в своих усилиях по упрочению личной власти и подчинения себе всего края. Хуэйские вожаки из окружения Ян Цзэнсиня выжили из Урумчи, провинциальной столицы, видного представителя военно-политических кругов Илийского края, оппозиционных губернатору /ЮИ, 53/. В октябре 1913 г. хуэйминьский отряд под началом Ма Да-пицза перебил военно-политических руководителей Илийского края, добившихся независимости последнего от синьцзянского губернатора /ЮИ, 55/. Рука хуэйминьским командирам, очевидно, развязало и то обстоятельство, что против илийского режима, выразителем политических интересов которого являлось местное отделение партии гоминьдан, единым фронтом выступали ханьские, уйгурские и хуэйминьские торговые круги /ЮИ, 55/. Когда речь зашла об экономических интересах, различия в вероисповедании отступили на задний план.

Объективно выступая за объединение Синьцзяна под властью Ян Цзэнсиня, хуэйминьские представители в то же время заботились и о собственных интересах. После расправы с противниками Ян Цзэнсиня в Курэ, военно-административном центре Илийского края, власть там взяла в свои руки хуэйминьское духовенство и командиры хуэйских отрядов Ма Фусин и Ма Да-пицза /ЮИ, 51/.

Таким образом, следствием Синьхайской революции явилось установление мусульманской власти на территории Илийского края. Этому воспротивились влиятельные представители ханьской общины /предприниматели и торговцы/ /ЮГ, 56/. Последнее обстоятельство не могло не обострить межобщинные отношения в Илийском крае, между мусульманами и хань я, очевидно, сыграло свою роль в последующем развитии политических событий в Синьцзяне в целом.

Пока же войска обеспечили переход Илийского края под власть синьцзянского губернатора Хань Дахуа.

Ян Цзэнюнь стал первым провинциальным правителем Синьцзяна при республиканском режиме благодаря тому, что имел под своим началом мусульманские /хуэйминьские/ войска /294а, 270/. Поэтому располагал реальной возможностью овладеть ситуацией в отличие от цинского назначенца Хань Дахуа. Военный контингент, которым командовал Ян, был группировкой мусульманских солдат, организованной его предшественником в последние годы правления династия Цин /294а, 270/. Ян был назначен командиром этого мусульманского гарнизона. Когда его губернаторство утверждало центральное правительство, он немедленно стал добиваться от последнего официального признания и одобрения политики содержания таких войск в Синьцзяне /294, 270/.

В обоснование приводил следующие доводы:

1. Синьцзян - отдаленная окраина, где китайцы немногочисленны, а мусульмане - коренные жители. Так как у этих солдат семьи в Синьцзяне, легче рекрутировать их и обрести их лояльность.

2. Так как Монголия провозгласила независимость, другие народы, в частности, мусульмане в Синьцзяне, подстрекаются последовать ее примеру. Лучший способ справиться с ситуацией - предложить им возможность служить в армии и военная служба, конечно, удержит их от того, чтобы заниматься подрывной деятельностью.

3. Если правильно для илийского правительства использовать мусульман, то, конечно, правильно для Синьцзяна использовать их.

4. В первые годы правления Гуан Сяй /1875-1908 гг./, когда уйгуры восстали, войска под началом генерала Лю Цзиньтана, подавлявшие уйгур-повстанцев, в основном состояли из мусульман.

Генерал Лю командовал ими и доверял им, и результатом был огромный успех. Кроме того, когда Цзэн Юйин занимался военными делами в Юньнани, он также использовал солдат-мусульман и восстание было подавлено. Если мусульманские войска можно было использовать для подавления восстаний, почему мы не можем использовать их теперь в мирное время, когда мы в хороших отношениях с ними?

5. 5-я статья Конституции /Республики/ гарантирует, что народы в пределах Республики равны без какой-либо расовой или религиозной дискриминации. 14-я же статья устанавливает, что по закону люди обязаны служить в вооруженных силах. Мусульмане в Синьцзяне имеют тот же самый язык и те же самые обычаи, что и китайцы. Кроме того, свобода религии гарантирована конституцией. Если этим людям не позволено служить в вооруженных силах, с ними не обращаются на основе равенства.

6. Когда Великобритания завладела Индией, она зачисляла туземцев в солдаты. Когда Франция захватывала Индо-Китай, она также использовала туземцев в своей армии. Таким образом, общая политика колониальных держав использовать туземцев как солдат. Синьцзян был присоединен к Китаю в продолжение более 100 лет теперь и не может быть сравним с этими колониями. Было бы полностью ошибочным отрицать право мусульманского населения здесь служить в армии /294а, 271-272/.

Помимо этих высокопарных доводов Ян Цзэнсинь как новый правитель провинции имел и другие практические соображения ратовать за содержание мусульманских войск в Синьцзяне. В частности, он следовал традиционному правилу ханьского политического истеблишмента - "руками дикарей /инородцев/ обуздывать дикарей /инородцев/". И в данном случае хуэйцзу отдавались предпочтение, поскольку они, во-первых, были единоверцами с уйгурами, казахами, киргизами. Но, во-вторых, этнически не были с ними сродни. И, в-третьих, в отличие от тюркоязычных единоверцев были для них все же пришлым элементом. Иными словами, близкие тюркам по вере, хуэйцзу не были с ними сродни. Это обстоятельство мыслилось использовать в своих целях, а именно во имя уплочения власти ханьского военно-бюрократического аппарата.

Помимо содержания мусульманского воинства из числа хуэйцзу^x,

свою установку "и и чжи и" /"руками инородцев держать в уезде инородцев"/ Ян Цзэнсинь наиболее удачно осуществлял, используя в качестве главы кашгарской администрации представителя клана хуэйских духовных владык - Ма Шаоу.

Юньнаньский хуэйцзу Ма Шаоу был племянником владыки секты "Джагриэ", двоюродным старшим братом нинсяского владыки Ма Чжэньу, аденты "Джагриэ" в Синьцзяне восприняли его как наставника. При Ян Цзэнсинь Ма Шаоу служил чжиш уезда Уш, потом был сделан Ян Цзэнсинем даоинем Кашгара. Ян Цзэнсинь использовал его и ценил. Маньчжур Гуй Фэнь, долго живший в Южном Синьцзяне во время правления Ян Цзэнсиня, рассказывает: "Цзянцзюнь Ян поставил даотай Ма в Кашгар, /вышел, что/ он стоит 10 тысячного войска, размещенного там, так как даотай Ма - голова в реги^{он}ах, он имел очень большое влияние среди уйгуров и хуэйцзу. К тому же он был в курсе дела относительно политики цзянцзяня Яна, тотчас выполнял его указания. В те годы в Кашгаре вплоть до округа Аксудао очень многие хань-чиновники не были способны решать вопросы, даотай Ма мог успешно решать их" /50, 387/.

Утверждения Гуй Фэня не лишены субъективности и содержат известные преувеличения в отношении влияния Ма Шаоу на мусульман. Следует особо отметить следующее принципиальное обстоятельство. Единство веры не подменяло и не могло подменить различия в этнической принадлежности, как и свести на нет местнических настроений. Для влиятельных представителей тюрко-мусульман, прежде всего, Ма Шаоу был и оставался пришлым хуэй. И, несмотря на его правление, сепаратистские устремления среди тюрков не сошли на нет, а Кашгар, место пребывания даоиня Ма Шаоу, оставался их оплотом. "... Кашгар, ...служил настоящим раем правых тюркских националистов и исламских традиционалистов, которые отвергали китайское господство" /189, 66/.

И, очевидно, тут дело заключалось не в каких-то особых дарованиях Ма Шаоу. Пусть он служил неверному Ян Цзэнсиню, но все же он был близок к мусульманскому населению, ибо был сам мусульманином. Психологически в силу своей принадлежности к мусульманской общине, он был ближе к мусульманам Кашгарии, нежели неверный Ян Цзэнсинь хотя бы уже потому, что в пятничный день молился вместе с ему подчиненными. В мечети Ма Шаоу, как

и они, обращал свой взор в одну сторону — в сторону Мекки и вместе с нами взывал к одному имени — Аллаху.

Как правоверный мусульманин Ма Шаоу не покушался на мусульманский уклад жизни Кашгара, одного из основных центров исламской духовности. Она-то и явилась той питательной средой, которая не давала заглухнуть в общественном сознании мусульман идеям мусульманского национализма, стремлениям освободиться от власти неверных — хань и создать свое, мусульманское государство.

Провозглашение Китая республикой не сопровождалось мгновенным изменением традиционного уклада жизни мусульманского населения Синьцзяна. "Китайская республика была еще таким новым делом, что чиновники в этой отдаленной провинции были совершенно смущенными из-за ломки так сильно почитаемых традиций и обычаев", — писал очевидец, побывавший в Кашгарии спустя пару лет после свержения в Китае монархии /170, 495/.

Регулятором жизни мусульманской общины по-прежнему выступает мечеть. "Вместе с солнцем, под тягучую песню азана /ибо много их!/, встает город Та-Чен" /276, 179/. Мечеть оставалась средоточием жизнедеятельности мусульманской общины и ее олицетворением. "В каждой маленькой деревне есть небольшая мечеть", — отмечал У. Морден, побывав в 1926 г. в Кашгарии /226, 113/. Священнослужитель по-прежнему выступает в качестве властителя душ декхан, высшего авторитета с самого раннего детства. Мулла-священнослужитель в то же самое время и первый учитель ребенка, носитель грамотности и знаний. К.П. Скрайн, английский генеральный консул в Кашгаре в середине 20-х годов, сообщал в Нью-Дели: "... все школы, за исключением школ при мечетях, в которых муллами не преподается ничего, кроме чтения письма и Корана, запрещены" /189, 61/. Помимо таких школ для мусульман на первых порах распоряжением республиканской власти в лице дуду китайские школы вновь были открыты в Кашгаре. Однако мусульмане бойкотировали их. Более или менее состоятельные родители отказывались посылать своих детей в эти школы. Тула поступают лишь дети бедняков, получающие субсидии /119г /. Потом, очевидно, Ян Цзэнсинь счел, что школ при мечети для мусульман будет достаточно при соответствующем контроле за духовенством и за

процессом обучения. В Кашгаре, в частности, мусульманская школа была поставлена под надзор властей.

При республиканском строе продолжали функционировать духовные училища, медресе, готовившие служителей культа. Так, в 1913-1914 гг. в Яркенде действовало медресе Абдуллы Хан, где состояло 50-60 мулл /Г70, 475/.

Помимо священнослужителей при мечети, выступавших носителями мусульманской духовности и ее благодетелями, существует еще категория лиц, причастных к духовной жизни мусульманской общины и получающих за это содержание. Среди них отметим прежде всего хранителей святых мест, гробниц. Недалеко от Янга-Гиссара, соображает Р. Шомберг, гробница Кара Чача Ата, или Стца Черные Волосы. При гробнице шейх. Он занял эту должность благодаря женьтбе на дочери своего предшественника. Шейх и его наследники существуют благодаря чудодейственной гробнице /248а, 52/.

Для полноты картины следует сказать, что служба при святых местах составляла не единственный источник существования мусульманского духовенства. Оно являлось крупным собственником земельных угодий. К началу 30-х гг. 54,6% обрабатываемой земли в Синьцзяне принадлежит помещикам. По некоторым данным, немногим меньше половины этого фонда находится в руках духовенства в виде вакуффов /II6а, 10/.

Что касается собственно земных дел, возникающих в повседневной жизни споров, то в соответствии с нормами мусульманского права судопроизводство отправляют мусульманские судьи. В Аксу, по свидетельству побывавшего здесь в 1927 г. Р. Шомберга, имелось 4 главных мусульманских судьи /248а, 36/.

Словом, мусульманский тип общественного сознания повседневно поддерживают в широком смысле слова верхи мусульманской общины - священнослужитель /мулла, ахун/, шейх /хранитель святой гробницы/, мусульманский судья /кази/ и прочие лица, обслуживающие религиозно-обрядовые и духовные /образовательные/ потребности. Самим существованием эти представители мусульманской верхушки обязаны специфическому укладу жизни общины, и они жизненно заинтересованы в сохранении его и упрочении, что возможно только в условиях максимальной самоизоляции мусульманской общины от немусульман. Тому объективно способствовали и историчес-

кие условия вхождения Восточного Туркестана в состав китайского государства. Стремление обособиться от "неверных" подпитывала историческая память юрениного населения: китайцы выступали не просто как иноверцы, но и завоеватели. В силу абстракции общественного сознания китайское правление представлялось гораздо несправедливым и жестоким в сравнении с тем, какой бы могла быть власть единовластного правителя, хотя в действительности таковой выступал жестоким деспотом и угнетателем.

Для общественного сознания мусульман хань как таковые оставались "неверными", а пребывание в составе Китайской Республики было пребыванием под властью "неверных". В качестве иллюстрации воспроизведем образчик народного творчества. В январе 1914г. в Хами было подавлено выступление против князя Максуда. Вождя повстанцев Тимур-хальфа казнили в Урумчи. В песне о Тимур-хальфе говорилось: "... Не достиг до своей цели покойный неверный /исламу/ генерал-губернатор!" /84, 314/. Поддержанию настроений того рода, что мусульманами правят "неверные", способствовали не только реалии тамошней жизни, но и воздействие внешнего фактора: как проповеди зарубежных мусульман во время их наездов, так и общение с закондонными единовластцами во время хаджа, паломничества в святые места в Аравии, тем более, что с установлением в Китае республики имела место свобода совершать хадж. Воспроизведем на этот счет свидетельства очевидцев. Перемежались с группами "Торговые караваны палигратов, идущих в Мекку из Хотана, Яркенд, Кашгара", — пишет Ф.Д. Филиппо /170, 311/. Побывавший после него Р.Г. Шомберг сообщает: "Жители Бугура почти все были в Мекке или еще ехали туда" /248а, 53/; в селенья Кере-Базар хозяйка дома, где остановился, готовилась к поездке в Мекку весной /248а, 45/.

Установление республиканского режима в Синьцзяне, в особенности в его южной половине, сопровождалось известными изменениями в административной системе. Сходит на нет институт туземных администраторов, беков, традиционно связанных с общественным укладом мусульманской общины, выступавших в качестве своей, мусульманской власти и потому так или иначе заботившихся о сохранении этого уклада с его порядками и обрядностью. Формальное окончание бакских времен непосредственно затронуло верхушку му-

мусульманского населения и, в частности, духовенство. На это обстоятельство обратил внимание Р. Шомберг. Посетив в 1929 г. Хотан, он отметил, что по внешнему виду голубой мечети Ходжа Хаким-бека и Кок-медресе /"Голубая медреса"/ видно: эти два большие здания страдают финансово. И на основании этого факта Р. Шомберг сделал обобщение, заслуживающее с учетом последующих событий внимания: "Правда заключается в том, что мусульманские благотворительные фонды перестали за последние годы привлекать милостыню правоверных. Турки фанатичны, но не благоговейны, и с безразличием китайцев к предписаниям ислама, муллы не могут добывать милостыню, которая поступала во времена беков" /248а, 149/. С нехваткой средств, которые можно было использовать и на ремонт мечетей, те же муллы имели лишний повод обвинять правление "неверных" и использовать религиозный фанатизм деххан в борьбе за власть под лозунгами защиты ислама и исламских духовных ценностей, уклада жизни по законам предков.

Представители какой этнорелигиозной общины проявляли большую нетерпимость в повседневной жизни к иноверцам-инородцам и разжигали неприязнь, сказать определенно трудно из-за отсутствия данных. Тем не менее заслуживает свидетельства китайского должностного лица: "Китайцы в Синьцзяне говорят о своей вере как о "большой" и о магометанской как о "малой" /294, 82/. Словом, почтительное отношение к своей вере и неуважительное отношение к другой было общим как для мусульман, так и хань Синьцзяна.

Рассмотрим конкретно, какова была политика администрации Синьцзяна в отношении ислама, который исповедовало большинство населения.

После Синьхайской революции Ян Цзэньсинь сменил Юань Дахуа на посту правителя Синьцзяна в качестве дуду. Помимо персональной перестановки в администрации провинции установление республиканского режима в Китае опосредствовало в появлении провинциального парламента. Выборы в него производятся на основании "Закона о выборе депутатов в провинциальный парламент" от 1912 г. Статьями 5-й и 6-й активного избирательного права были лишены буддийские, даосские монахи и духовные лица других вероисповеданий /Ia, II4/. Получалось, что мусульманское духовенство лишалось активного избирательного права. В таком случае

Ян Цзэнсинь существенно ограничивал возможности мусульманского духовенства в политической деятельности и создавал серьезную причину для его недовольства.

Такой подход к политической деятельности мусульманского духовенства вписывался в общий курс политики "умиротворения", которой Ян Цзэнсинь на протяжении своего 17-летнего правления придерживался в отношении мусульманского населения края. Как он считал, гвоздь вопроса о "симпатиях и антипатиях" исповедующих ислам национальностей Синьцзяна заключается в том, можно ~~или~~ нет "покорив их сердца, ослабить их силу". Поэтому "добрым умиротворять" исповедующих ислам национальности составляло основное начало в управлении Ян Цзэсином Синьцзяна /50, 321/.

В своей политике "умиротворения" Ян Цзэсинь исходил из двойного рода обстоятельств.

Во-первых, он опасался чрезмерного подавления исламистов Синьцзяна, так как это могло повлечь за собой отпор со стороны единоверцев Средней Азии. По мнению Ян Цзэнсиня, Синьцзян и Средняя Азия, будучи "по религии одинаковы, этнически одинаковы", принадлежат к "одной большой исламской сфере". С учетом этого рода "географической, этнической, религиозной взаимосвязи, /если/ исходить из принципов послабления, то беды от них отсутствуют и утахнут; если же поступать, исходя из принципа подавления, то бедствия /от них/ тем более быстро наступят и станут неистовыми" /50, 321/.

Во-вторых, Ян Цзэнсинь остерегался чрезмерно прибегать к "системе подавления", исходя из внутривнутриполитической обстановки в крае. Прежде всего, он учитывал демографический фактор: многократное численное превосходство мусульманского населения, прежде всего уйгуров, над хань. Как говорил Ян Цзэнсинь, если "хотеть посредством военной силы держать в повиновении чалмоносцев - мусульман /т.е. уйгуров, - В.К./, то опасаясь, что чем тяжелее сила давления, тем больше будет сила сопротивления", так как "в Синьцзяне хань не более 1/100, а, если, не обрести симпатии монголов, казахов, хуэй, чалмоносцев, но стремиться к тому, чтобы хань, составляющие 1/100, держали в повиновении /другие/ народности, /составляющие/ 99% /населения/, я думаю, это кончится провалом" /50, 392/.

Поскольку ислам определял общественное сознание мусульман Синьцзяна, то его и рассматривает Ян Цзэнсинь как средство влиять на их умонастроения. Это было исходной посылкой Ян Цзэнсиня в его подходе к проблеме ислама в Синьцзяне. Рассмотрим конкретно вышеприведенный тезис Чэнь Хуэймэна относительно установок Ян Цзэнсиня добром /добрым отношением/ умиротворять мусульман.

В 1912 г. в Хами и Турфане вспыхнуло крестьянское восстание. В нем участвовали несколько тысяч человек ревностных мусульман. Их возглавили Темур и большой ахун Муидэн /Муидын/. Этому выступлению предшествовали следующие события.

В годы Гуан Сий /1875-1908/ умер хамисский владетель князь Мохаммед/Май - ха-му-та/. Ему из-за отсутствия сына наследовал племянник его жены Шах Махсуд. Большинство мусульман было против. И когда новый князь повел себя жестоко в отношении своих подданных, они восстали против него. В 1907 г. жители мусульманского города ворвались во дворец и заложили дворцовые ворота кирпичом /294а, 289/. Это было в тот год, когда Ян Цзэнсинь впервые приехал в Синьцзян из Ганьсу, чтобы вступить в должность начальника Аксу. Ян Цзэнсинь немедленно информировал губернатора о необходимости утрясти дело на месте. Ян Цзэнсинь убедил князя оделать некоторые уступки своему народу, и конфликт был на время урегулирован /294а, 289/.

Однако губернатор Кань Дахуа потом взял дело о восстании в Хами в свои руки. Он распорядился арестовать 8 вожаков выступления, и по его приказу их казнили в Дихуа /294а, 289/. В ответ произошло второе восстание мусульман, оно было направлено против китайского руководства. Губернатор Кань Дахуа приказал начальнику гарнизона Чжэню И Шэнфу подавить выступление. И Шэнфу действовал круто: было истреблено много мусульман /294а, 290/. В отместку они убили самого генерала /294а, 290/. В результате весь район Хами был охвачен волнениями.

В это время Ян Цзэнсинь принял обязанности губернатора провинции. Он в конечном счете убедил все враждующие стороны в Хами решить дело миром. Умиротворителем от себя Ян Цзэнсинь назначил своего доверенного, командира хуэйского батальона Ли Шоуфу. Он отправился в сопровождении хамиских мусульманских вероучителей, ахунов. Они повесили на шею Коран и имели лично

написанное Ян Цзэнсином письмо /50, 386/. Ли Шоуфу поклялся на Коране и согласно с клятвой на Коране скрепил соглашение с повстанцами. Оно предусматривало: 1/ срок пребывания на воинской службе у князя сокращается с 3 до 2 дней в месяц /введение воинской повинности князем явилось первопричиной восстания/; 2/ повстанческая группа во главе с Темуром реорганизуется в особое подразделение под его началом и будет расквартировано в Дихуа /294а, 290/.

Темур и Муйдын были произведены в чин командира батальона войск Ян Цзэнсиня и со своими немногочисленными соратниками прибыли в Дихуа /Урумчи/, провинциальную столицу. На следующий год все они были убиты Ян Цзэнсином /50, 386/. Потом останки Муйдына-ахуна были доставлены в Турфан, тамошние мусульмане погребли их согласно мусульманского обычая и на его могиле возвели гунбэй^х. Однако Ян Цзэнсинь, опасаясь, что гунбэй станет местом поклонения и видом своим будет будить чувства мести, приказал нести гунбэй, построенный для Муйдына-ахуна и предписал, чтобы могила Муйдына-ахуна "в высоту не превышала 3 чи, в ширину - 4 чи, в длину 6 чи, чтобы показать ограничения" /50, 386/.

Так на деле выглядела политика Ян Цзэнсиня - политика умиротворения лаской. Правда, речь шла о крайнем случае, когда налицо было вооруженное выступление мусульман. Не допустить их неповиновения было главной заботой Ян Цзэнсиня, и то, как он пытался добиться этого, стараясь овладеть их умами, заслуживает особого рассмотрения.

х х
х

В 1915 г. чжиши уезда Цзяшуай Цзян Сяндао направил докладную, в которой добивался того, чтобы администрация "после проверки ставила на должность" ахунов. Реакция Ян Цзэнсиня была крайне негативной: "указанный чжиши не сведущ в обстановке с исламом". Если местные власти станут после проверки снимать и ставить на должность ахунов, то "тут возникает крайне много злоупотреблений".

/Если злоупотребление/ "небольшое, то возникнет тяжба,

/если большое/, то породит войну. Не только сможет вызвать бедствие войны за веру, но и у местных чиновников откроется щель вымогать и получать деньги, поэтому строго запретить такую практику" /50, 372/.

Однако некоторые местные чиновники продолжали вмешиваться в дела, связанные с назначением и освобождением ахунов от должности. Поэтому 22 марта 1918 г. Ян Цзэнсинь издал циркулярный приказ. Воспроизведем его основные положения.

"Нынче слышно, что ахуны в уездных селеньях не избираются сообща населением, /а/ в конечном счете назначаются местными чиновниками. /Это/ никоим образом не годится.

Ахун — это местный проповедник. Слово варь это то, что открывает сердца и умы людей и приобщает их к добру, ... так как /если/ проповедующий добропорядочен, то те, кому проповедают, добропорядочны ... так как /если/ наставник — злодей, то и те, кого наставляют, злодея. Такова связь в /области/ религии. Это I причина, почему надлежит людям самим выбирать служить таких, на которых смотрят издавна с доверием. Не следует, чтобы чиновники определяли на должность.

Учения не одинаковы, проповедующие тоже не одинаковы. Если паче чаяний проповедник с человеком, получающим наставление, не могут взаимно соответствовать, тогда возникает борьба на религиозной почве, таким образом человек и место связаны. Это 2 причина, почему не следует чиновникам определять на должность.

Если говорить об отношении к ахунам мусульман, то последние уважают первых самым искренним образом и подчиняются им самым искренним образом. Если же по указанию чиновника определяют на должность, то, не говоря уже о том, что этот человек недостойн и даже не имеет всестороннего познания канона, люди его не признают, скрепя сердца станут заниматься. /В таких условиях/ легко возникает вспышка /недовольства/. Сердца же этих людей не покорны. Это 3 обстоятельство, почему не следует чиновникам определять на должность.

Каждый человек, чье поведение правильное, не может легко проникнуть в ямэнь. Те же, кто проникает в казенное присутствие с целью использовать власть, не есть просто оброд, что гонятся за прибылью и действует в своих личных целях, а вот разряд лю-

дей, что тайно распространяет ересь. Прежде ахуны от людей и казны получали довольствие. Те из них, кто хоть немного сознает великий долг, еще знает, как, исходя из канона, приложить силы. Если положить правилом, что чиновники определяют на должность ахуна, тогда все желающие использовать власть, употребляют канон, не вникая, только хотят купить назначение на должность и приобрести ее. Не опасаются, что люди не послушаются. Отсюда, у людей в этой мечети ахун старается, а люди той мечети — все следуют за этой мечетью. Ахун, которого обрели люди малого прихода, старается, — а люди большого прихода все устремляются в малый приход. Мнения в секте еще более разойдутся, усилятся благоприятные обстоятельства для распрей, религиозная борьба погубит чиновников. Вникнем в это. Если чиновник, прикрывшись ахуном, выносит суждение, тогда ахун чужими руками жар загребает. Для выше стоящих и ниже стоящих такие дела кажутся вроде незначительным происшествием. Таким образом из-за личных тобуждений вызывают беспорядки. Это — 4 /причина/, почему не следует чиновникам ставить на должность ахунов / 50, 372-373/.

Когда глава провинции был в Ганьсу начальником округа и уезда, уже хорошо узнал, что пагубно, а что полезно во всех вышеизложенных обстоятельствах.

За последнее время известно, что чжиши в уездах Синьцзяна за взятки ставят на должность сельских старост. Злоупотреблений уже много, похоже избавиться не возможно. К тому же за взятки ставят на должность ахунов, чтобы насытиться, домогаются рва /лужи/, похоже это оставляют без внимания. Злоупотребления как сносить? Стыные во всех подведомственных уездах и селениях, что до проповедующих религию ахунов, поскольку местный, простой народ сам сообща выбирает, притом из числа старожилов ученых и добропорядочных, то поэтому не разрешается местным чиновникам назначать на должность ахунов. После этого уведомления, если опять местные чиновники в частном порядке пошлют ахунов на должность, как это только будет выявлено, сразу же наказывать" /50, 374/. Ян Цзэнсинь был против того, чтобы, используя административную силу, вмешиваться в обычную религиозную практику. Выдвижение ахунов — мусульманская традиция, если во изменение существующего порядка, чиновники назначают, то безуслов-

но это дает удобный случай алчным до выгод субъектам воспользоваться обстановкой. Злоупотребления стали бы очевидны. Одновременно, что еще более важно, такого рода практика, безусловно, взбудоражила бы мусульман. К тому же среди них существовали секты, было много различий в местных обычаях. Из-за всего этого выдвинутый и используемый властями ахун мог оказаться непригодным или негодным населению. В перспективе это было чревато распрями на религиозной почве. По опыту, полученному во время службы в Ганьсу, Ян Цзэнсинь хорошо сознавал, что постоянство религиозных свар — начало смуты. Тем более в Синьцзяне, где обстановка представлялась более взрывоопасной, что угрожало стабильности власти Ян Цзэнсиня.

Однако его позиция невмешательства властей на местах в выборы ахунов не означала, что дело следует пустить на самотек. Он писал: "Естественно, все исламские смуты происходили из-за распрей на религиозной почве, /поэтому/, если желаем предотвратить беду, прежде всего надлежит быть осмотрительным при отборе ахунов" /50, 375/.

"Осмотрительность при отборе ахунов" прежде всего означала использование обычаев мусульманской веры, ограничение деятельности ахунов рамками религии. Поскольку пресекается вмешательство административной власти в вопросы, касающиеся духовных обязанностей и служебных способностей ахуна, то также ставится препятствие тому, чтобы ахун, используя свое влияние, вмешивался в местные административные дела или же втайно опирался на администрацию, чтобы увеличить собственную власть. Фактически как раз надлежало выбирать ахуна, который со всем рвением от всего сердца /почтительно/ относится к религии и может в интересах администрации умиротворять и увещевать паству.

Вскоре после выхода вышецитированного циркуляра аксуские ахуны, уездное начальство, бай и рядовые мусульмане сообща выбрали ахуна-уйгура Силахады повсеместно читать Коран и просили, чтобы местное правительство выдало официальный документ. Внешне это было событие обычной религиозной деятельности, оно подпадало под правила о невмешательстве, однако Ян Цзэнсинь считал, что это такого рода действия, когда "желают воспользоваться давлением со стороны администрации, чтобы увеличить силу религии";

и немедленно приказал запретить. "Если бы, - писал он, - достойный ахун заполучил официальную бумагу с приказом о назначении, и тут же открыто завлекал невежественных людей приобщиться к религии, подобно тому, как прежде старшины хуэймань в местностях Ганьсу повсеместно тайно посылали ахунов вовлекать людей приобщаться к религии, говорить о сектах, скрытым опасностям не будет конца. Сынцзяноких мусульман-чалмоносцев много, по уму и глупости не одинаковы, такое начинание никоим образом нельзя допускать" /50, 375/. Относительно аксуского дела Ян Цзэнсинь особо предписал начальству на местах: "Отныне, если случится, что чалмоносец-ахун домогается, чтобы власти выдала ему удостоверение с приказом, в соответствии с которым разрешается ему где угодно проповедовать религию или читать канон, надлежит настоятельно запретить. При этом выяснить, есть или нет факты, что последователи тайно распространяют "Синь цзяо". Никким образом нельзя самовольно выдавать билет с предписанием, вызывая ошибки на местах" /50, 375/. Как видим, невмешательство Ян Цзэнсиня с оговорками. С одной стороны, пусть все идет своим чередом, с другой - решительно вмешивался. Обобщая вышеизложенное, отметим, что Ян Цзэнсинь старался создать обстановку, когда администрация и религия разделены, желал религиозную деятельность ограничить областью надлежащей веры, в особенности профессиональную активность ограничить в рамках "большой отдаленности от мирской суеты" /50, 375/.

В силу специфики природы бюрократического аппарата /безответственность, неисполнительность/ предписания Ян Цзэнсиня не вмешиваться в дела относительно исполнения обязанностей ахуна подчиненными губернатора не принимали к безусловному исполнению. 4 января 1923 г. Ян Цзэнсинь направил периферийным властям секретный приказ, в котором говорилось: "Как стало известно, за последнее время чиновники на местах в отношении религиозных дел во множестве сохраняют намерение односторонне подходить, постоянно имеют место случаи, когда без причины меняют ахунов, используют повод, чтобы призвать к ответу ахуна. Такого рода поступки неизбежно вызовут большое сопротивление и страсти. Как известно, чалмоносцы чтут религию, почитают ахуна, это крепкий нерушимый обычай, в том их глупость, в том их положительное

/свойство/. Если допустить, что чалмоносцы /чань/ /я/ хуэй не исповедуют религии, не чтят ахуна, тогда не избежать того, что не будет того, чего им бояться, не будет особой системы управления, посредством которой можно удерживать /в повиновении/.

Ныне смута в России как раз набрала силу, наше государство граничит с Россией на протяжении нескольких тысяч ли, экстремистские идеи, установки социалистической партии уже стремительно, увы, проникли в нашу страну. Постепенно дело дойдет до того, что не сыщется сила, способная остановить их. Указанные экстремисты, руководствуясь основной установкой — ниспровергнуть религию, низвергнуть ахунов, непременно примутся прежде всего крушить религию, а потом уже смогут бесчинствовать как угодно и распевать бредовые слова об анархии и обобществлении имущества и равенстве... Чиновникам нашего государства как раз надлежит использовать религию, уважать канон хуэй и чалмоносцев, чтобы привязать сердца людей, удержать обстановку. Если пренебрегать исламскими ахунами, то это будет значить сознательно поступить наоборот" /50, 384/.

Выступая против участия /в той или иной форме/ властей на местах в решение вопроса, кому быть ахуном, Ян Цзэнсинь в то же время рассматривал духовенство как свою опору в критических случаях. Когда речь шла о стабильности режима, он требовал, чтобы ахун не замыкался в сфере своих профессиональных обязанностей, но выступал как пропагандист установок правителя провинции и ревностный защитник его власти. Всякий раз, когда в той или иной местности возникают волнения, Ян Цзэнсинь требует от местных чиновников главным образом следующего: соберите ахунов и старшин, уведомите их о великом долге, чтобы они передали простому люду: "Не нужно слушать злостные слухи, не надо сохранять безрассудные помыслы... совершенно необходимо всем заниматься честным делом, воодушевлять быть хорошими людьми" /50, 384/. Предписывал ахунам и старшинам "наставлять простой люд, всех сообразно поощрять с почтением уразуметь стремление начальника данной провинции сохранить общественный порядок, с уважением воспринимать наставления, которым канон святого Мухаммеда учит людей, чтобы каждый стал справедливым человеком, не мог безрассудно слушать подстрекательства преступного сброда" /50, 384-385/.

В своем стремлении укрепить личную власть Ян Цзэнсянь не прочь выступить и с позиций патернализма, создать себе ореол этакого главы семейства, который за мир и согласие между всеми его членами, против проявлений злопыхательства, злорадства между ними. И он хотел видеть в ахунах не только осведомителей, но и своего рода прокуроров, возбуждающих дела против дурных единоверцев. Так, одно из предписаний Ян Цзэнсяня гласило: "Если окажутся люди, что недовольны своей долей, радуются стихийным бедствиям, злорадствуют над несчастными другими, разрешается ахунам, старшинам доложить местному чиновнику. Строго наказать /недоброжелателей/, уничтожить злое — как раз то, чем можно уморотворить и сделать добро, нельзя проявить мягкотелость" /50, 385/.

Ахуна, как духовного пастыря мусульман, Ян Цзэнсянь пытался превратить в опору своей власти применительно к самым различным ситуациям: от проявлений скрытого недовольства до прямых выступлений. Всякая духовная деятельность мусульман, выходящая за пределы публичного отправления заповедей веры, вызывает настороженность у Ян Цзэнсяня. Деятельность ханьских тайных обществ в Синьцзяне, активизировавшихся в конце правления династии Цинь, в особенности "Гэлао хуэй", ознаменовалась антинархическими выступлениями и крахом прежнего режима. С "Гэлао хуэй" Ян Цзэнсяню пришлось бороться и после свержения династии Цинь во имя самосохранения и самоутверждения. Разного рода тайные общества создают хуэй и уйгуры: "литан", "матюу" /"пристань"/. Такого рода самодеятельность страшит Ян Цзэнсяня, и, чтобы свести ее на нет, не последнее место он уделяет ахунам. Ян Цзэнсянь помимо жестокого подавления и расчленения тайных обществ, инструктивным приказом обязывал "старшин, ахунов наставлять хуэй и чалмоносцев, никоим образом нельзя допускать, чтобы люди одурачивали и они, безрассудствуя, вступали в тайные общества" /50, 385/.

Ислам как феномен этнорелигиозного плана вызывал у Ян Цзэнсяня, бюрократа-хань, неприязнь и настороженность, как олицетворение силы, потенциально враждебной хань вообще и ему лично как "неверному" правителю мусульманской окраины. Ян Цзэнсянь ислам пугает не только как основа идейной общности мусульман

/в частности, направленностью против "неверных"/, но и своими внутренними противоречиями, межсектантской рознью. Порожденные ею конфликты выходили, как показал исторический опыт, за пределы собственной мусульманской общины. Требуют соответствующей реакции стоящих над ними властных /ханьских/ структур и захватывают соседящих хань.

Борьба с мусульманским сектантством в Синьцзяне составляет один из основополагающих принципов политики Ян Цзэнсяня. Действовал он здесь двояким путем:

1/ Запретил сектам из Ганьсу и Цинхай заниматься в Синьцзяне пропагандой.

2/ За исключением прежде имевшихся в Синьцзяне мечетей, не разрешал строить новые /50, 380/.

В конце правления династия Цин учение Ма Ханьчжана /шагоуская ветвь ганьсуйской секты "Джагри" /и учение Ма Эра /внука Ма Хуадун, основоположника яньцзяоской ветви/ получили распространение в Синьцзяне. Здесь соответственно среди хуэйцзу возникли "Наньсы" /Княная мечеть/ с "Кэнкэн цяло" /50, 380/. В 1912-1913 гг. Ма Гоюань, создавший секту Ихван /"Братья"/, начал проповедовать в Синьцзяне. Ян Цзэнсинь, так как смысл учения "был не надлежащим", договорился с властями Ганьсу о высылке Ма Гоюаня в первоначальное место приписки. Однако ганьсуйский тайдун Ма Аньлинь считал неудобным, чтобы Ма Гоюань вернулся, и предпочел, чтобы он оставался в Синьцзяне. В виду этого Ян Цзэнсинь в 1918 г. телеграфировал бэйянскому правительству: "... Синьцзян является районом /проживания/ монголов и казахов; нет места, где бы ни было хуэйминь. Ныне война в Европе еще не закончилась, оборона страны в напряжении. /С учетом всего вышесказанного/ никоим образом нельзя позволять, чтобы Ма Гоюань долгое время оставался в Синьцзяне" /50, 380/. Во имя искоренения скрытой угрозы Ян Цзэнсинь настаивал на том, чтобы Ма Гоюаня держали под арестом в уезде Гаолань подведомственной провинциальной столице. В качестве аргументов приводил пример, когда во времена Цинь яньнаньский Ду Веньсю, ганьсуйский Хань Нули, выйдя из тюрьмы, учинили "бунт мести", доказывая таким образом, что "нельзя, проявляя снисхождение, освобождать Ма Гоюаня.

Кроме того, по приказу Ян Цзэнсяня был схвачен и надолго

заключен в тюрьму Као Футан, проповедник ланьчжоуской секты "Лин мин тан", приехавший в Хама с целью увеличить влияние своей секты.

Ян Цзэнсинь равным образом запрещал как деятельность пришлых сектантов, так и инициативу местную. Так, хуэймань уезда Суйлайсинь Ян Фэнчунь и другие 20 с лишним семей специально обратились с просьбой создать группу "Шаогу", чтобы распространять учение Ма Ханьчжана. Ян Цзэнсинь по получении доклада с места писал: "Опасаясь, что следует пагубному /примеру/ отдельных сект особых школ Ганьсу". Дабы эти опасения не выглядели умозрительными, Ян Цзэнсинь изложил следующие доводы: "Глава данной провинции изучал содержание ислама несколько десятков лет. С точки зрения удержания местности, нельзя же усилить предосторожности. К тому же почитаемый в мусульманской религии худа - единственно чтимый Мухаммед - один, священная книга - одна, величественность богослужения одинакова, ... у хуэй нет двух священных книг и нет двух учений, поэтому просьбу об особом создании общества учения "Шаогу" соответственно не нужно решать" /50, 380/.

Подытоживая, Ян Цзэнсинь дал свое толкование понятия "свобода религии".

"О так называемой свободе религии. Например, обычный человек, исповедующий ислам, с уважением следует учению Мухаммеда, тогда это называется "свобода". Если же, нарушая учение Мухаммеда, следует другому учению, то это называется "несвобода" /50, 381/.

На свой лад толкуя понятие "свободы религии", Ян Цзэнсинь выступил в качестве улема, высшего духовного авторитета, присвоив себе право толковать, что на практике соответствует учению пророка и что нет. Такие претензии правителя Синьцзяна в случае их широкой огласки объективно создавали условия для большего неприятия его духовенством и давало последнему новые возможности для разжигания неприязни к "неверным" как таковым.

Обособление сект обычно было тесно связано со строительством мечетей. Секта обязательно должна была построить новую мечеть. Но чем больше мечетей, тем больше причин для разделения на секты. Поэтому Ян Цзэнсинь, запрещая во внутреннем Китае

пропаганду сект, был против их создания и в Синьцзяне. 1 октября 1912 г. он направил секретный приказ гунжи всех уездов Синьцзяна о запрете хуэйминь самовольно строить мечети. В этом циркуляре особо давалась разъяснения относительно сектантских распри и выражалась надежда, что его подчиненные "во исполнение предписания будут своевременно проверять". Упомянув на эффективность своего предписания, Ян Цзэнсинь наставлял: "... пусть знают, как воспрепятствовать просачиванию и как принять защитные меры, чтобы избежать повода для споров и устранить беды в будущем. Все чжиши могут в отношении этого рода дел непоколебимо своевременно проводить расследования, не нужно, чтобы возникало соперничество на религиозной почве, а было счастье для местности" /50, 381/. Распространение в Синьцзяне учения сект, существовавших в собственно Китае, было чревато, как считал Ян Цзэнсинь, осложнением внутриаполитической обстановки. Он писал в этой связи: "Так как хуэйминь из пределов внутреннего Китая выходит, то каждый раз прибавляется одна мечеть, поскольку вынашивают в себе свойства обособиться" ... "если же допустить, чтобы учения сект внутренних территорий вообще распространялись в Синьцзяне, тогда не избежать религиозного соперничества" /50, 381/. Метод решения проблемы у Ян Цзэнсиня превентивно-запретительный: "Желая предотвратить это зло, должно исходить из того, что не разрешается строить новые мечети" /50, 381/. Соответственно секретным приказом предписывал: "отныне в местностях Синьцзяна, если прежде имелась хуэйминьская мечеть, то не дозволяется самовольно строить. Что касается Ма Юаньчжана и Ма Эра, которые прибыли в Синьцзян проповедывать то, за исключением уже имеющейся мечети, не разрешается строить новые ... Поэтому запрет хуэйминь возводить новые мечети, как раз является первоначальным способом упорядочить дело в самой основе, нельзя принаравливать. Что касается синьцзянских чанминь /чалмоносцев/, то они глубоко верят в учение западного святого, не могут уверовать в рассказы хуэйминьских сект, не могут уверовать в рассказы хуэйминьских духовных владык, не могут уверовать в рассказы почтенных хуэй. Хуэйминь само собой /есть/ хуэйминь, чанминь – само собой – чанминь, хотя одинаково почитают ислам, однако у каждого из обоих есть толка, нельзя силой

объединить" /50, 382/.

Однако, очевидно, подчиненные Ян Цзэнсиня не уяснили его установок. Так, в 1915 г. илийский даосянь занимался делом "О том, как кашгарские чалмоносцы помогали и боролись за выдвижение ахуна". Произошло следующее. В большой мечети Артыша сменялся настоятель-ахун. Уйгуры-бая Хйшан и Якуб из-за корыстных побуждений поддерживали своего человека. Каждый хотел выдвинуть своего приверженца на должность ахуна. Произошла ссора, ни та, ни другая сторона не уступали. Потом Якуб вознамерился отдельно построить большую мечеть, рассчитывая, что мусульмане 6 уездов /города Кашгара, Аксу, Хотана, Уч-Турфана, Кучи, Шагэ/ станут там молиться. Среди прихожан большой мечети в Артыше произошел раскол. Каждый выдвигал своего ахуна. Пошли распри. Соперничающие стороны обратились к местному начальству. Илийский даосянь, считая, что дело относится к таким, которое можно позволить, согласно обстоятельствам доложил главе провинции Ян Цзэнсиню. Тот немедленно осудил решение даосяня: "В религия синьцзянских чаньцзу /чалмоносцев. - В.К./ прежде не было разделения на секты. В этом они имели преимущество в сравнении с хуэйцзу; то, что могла жить в взаимном мире, без беспорядков, тоже в этом заключается. Ныне, по той причине, что мнения расходятся, тут же разрешают особо построить мечеть, чтобы основать секту. После этого, если опять сильные люди наперебой станут ссылаться на /этот факт/ как на пример, каждый водрузит знамя, чтобы занять боевую позицию. Да, религия чаньмин'ей раньше не делилась на секты, ныне же начинают ... У того и другого бая, поскольку устремления не совпали, тут же отдельно ставят мечеть, в будущем же у ахунов 2 мечети так же; так как неодинаково мыслят, и у того и у другого возникнут /свои/ мнения, поэтому сегодня отдельная мечеть, а на другой день - за малой бедой придет большая - религиозный раскол ..." /50, 382/. В этом распоряжении Ян Цзэнсинем было выставлено много причин, но основная - опасение, что обособление мечетей приведет к сектанству, в котором таится опасность религиозных распрей.

Из 17 лет, что Ян Цзэнсинь был правителем в Синьцзяне, большая часть его служебного времени была направлена на то, чтобы не было возможностей для широкого развития среди мусульман

Синьцзяна деятельности исламских сект, в основном имеющих истоки в Ганьсу, в особенности духовного владыки Ма Каньчжана из секты "Джагряе". Отсюда Ян Цзэнсинь формирует следующий принцип: "Есть один приход, то значит и один духовный владыка. Чем последних больше, тем больше поводов для распрей" /50, 383/.

X X
X

Заботясь о стабильности своего режима, Ян Цзэнсинь в подходе к исламу принимал во внимание не только внутри-, но и внешне-политические аспекты этого феномена. При республиканском строе мусульмане Китая сохраняют разносторонние связи с мировым мусульманским сообществом, в частности, Синьцзян продолжает привлекать внимание турок. Помимо общности веры принадлежность к одной языковой группе с турками Синьцзяна создала для турок благоприятные возможности для всякого рода образовательно-просветительской деятельности. "Спрос" на турок у тюркоязычных жителей Синьцзяна имеет место и после провозглашения Китая республикой.

В первые годы пребывания Ян Цзэнсиня на посту дуду Синьцзяна уйгур Бахауддин /Баудин/, приписанный в Шуле, основал училище, куда пригласил турка преподавать там. Следом за этим турок Якуб /Яхапу/ /50, 389/ в Шаче открыл торгово-промышленное училище. Такого рода факты Ян Цзэнсинь не оставил без внимания.

"... образовательное дело, - отметил он, - имеет отношение ко внутренней политике и является крайне важным. Державы не допускают, чтобы образовательные учреждения прибирали к рукам иностранцы.

Если же говорить о Китае, то иностранцы здесь занимаются обучением. Во всех случаях должно подать доклад в соответствующую палату для рассмотрения и вынесения решения, только тогда можно пригласить, никоим образом нельзя, чтобы люди в частную школу самовольно приглашали иностранцев преподавать" /50, 389-90/.

Несанкционированная преподавательская деятельность иностранцев воспринималась Ян Цзэнсином не только как нарушение

суверенных прав Китая, что, очевидно, задевало национальное самлюбие правителя Синьцзяна, но и настораживала его из-за содержания самого обучения. "К тому же, - акцентировал Ян Цзэнсинь, - в учебных классах, частным образом созданных хуэймань, главным предметом является исключительно изучение мусульманского канона, по сути - это религиозная природа /обучения/" /50, 390/.

Основанное на Коране и коранической литературе преподавание в школе объективно способствовало укреплению чувства общности в отношении немусульман, как таковых. Особое опасения этой связи у Ян Цзэнсиня вызывала преподавательская деятельность турок. "Турки с чалмоносцами связаны религией, если позволить первым в Южном Синьцзяне открывать школы, набирать учащихся, то, хотя внешне это относится к образовательной деятельности, делает просвещенными нравы, но стремление религией совратить чалмоносцев как раз кроется в этом, разум чалмоносцев стеснен, исповедуют веру искренне, скрывая опасность очень глубока, ... все это сильно связано с внутренней и внешней политикой Китая", поэтому "нельзя не расследовать, проявляя строгость и запрещать, чтобы предотвратить будущие беды" /50, 390/. В 1916 г. Ян Цзэнсинь обнаружил по всему Синьцзяну следующее предписание: "Отныне во всех уездах, независимо от того, казенное или частное учебное заведение, равным образом не разрешается приглашать турок преподавать, а также не дозволяется туркам самим создавать учебные заведения в уездах, дабы избежать неожиданные несчастия" /50, 390/. Соответственно Ян Цзэнсинь потребовал от всех местных чиновников "обратить особое внимание, если хоть немного имеет место небрежность или намеренно скрывают, произвести расследование и наказать" /50, 390/.

Обоснованность опасений, которые у Ян Цзэнсиня вызывала просветительская деятельность турок, подтверждают суждения человека со стороны: "Пламя вражды мусульман к китайцам в последние годы отчасти раздувалось и турецкими эмиссарами из бывших пленных турецких офицеров" /123а, 7/.

Сам по себе ислам, как образ мышления и быта, отличный от тех, что был присущ представителям правящего этноса-хань, вызывал настороженность у Ян Цзэнсяня. В феномене ислама крылся основной зародыш центробежных устремлений, продемонстрировавших на протяжении жизни несколько поколений свою живучесть. Еще большие опасения, чем ислам как таковой, не мог не вызвать панисламизм. Он выступает как идеологический фактор, усиливший неприятие мусульманам Синьцзяна верховной власти неверных, укрепивший их чаяния на то, что в своем стремлении освободиться от нее они, мусульмане Китая, не одинока, на их стороне по меньшей мере сочувствие зарубежных единоверцев. Косвенным подтверждением тому может служить то обстоятельство, что в Китае обреталось немало всякого рода зарубежных духовных лиц, поборников дела ислама. "И до /первой мировой/ войны, в мирные годы, а во время войны через границы Персии, Афганистана, Китая /выделено нами.- В.К./, в Туркестан попадала всевозможные мусульманские проповедники, пророки, торговцы, иногда и специальные агенты Турции, Афганистана..." /86, 243/.

С другой стороны, британский генеральный консул Р.Т. Эсертон в Кашгаре (август 1918 - май 1922) свидетельствует, что Западный Китай был подвержен деятельности панисламистов /182, 220/.

С началом первой мировой войны, в которой приняла участие и Османская империя, отмечена активизация панисламистской деятельности и в Китае, имевшая определенно протурецкую ориентацию. Так в 1915 г. подданный Османской Порты Ахмед Камал создал в Кашгаре школу, где местные мусульманские дети поощрялись в том, чтобы относиться к турецкому халифу как к своему духовному отцу. Ян Цзэнсянь поначалу отреагировал закрытием школы и заключением в тюрьму всех, связанных в ней; позже было разрешено вновь открыть школу при условии, что все символы преданности Турции должны быть убраны и что в расписание должны быть введены военная муштра и преподавание на китайском языке.

В панислализме Ян Цзэнсинь усматривал побудительное начало для сепаратистских устремлений мусульман, потенциальную угрозу отпадения Синьцзяне от китайского государства. Опасения его не были умозрительны: наглядный пример давала арабы, отделившиеся от Османской империи. Если уж единство веры не удержало арабов, то что тогда было говорить о мусульманах Китая, где доминировала неверные? В 1918 г. Аравия обнародовала декларацию об отделении от Турции. Английский генконсул в Кашгаре предал гласности эту декларацию о независимости за подписью мекканского генерал-губернатора. В декларации говорилось: "Избавились от чуждого правления, не подвергаясь иноземному вмешательству, полностью независимы. С почтением блюдем положение мусульманской веры, притом желаем с исламом восточных и западных государств /идти/ общим путем, общей колеей" /50, 391/. Ян Цзэнсинь, узнав об издании этой декларации, тайно приказал даояням Кашгара, Аксу: если появится текст манифеста, то нужно изыскать способ изъять и уничтожить. "Эта декларация, – гласило предписание Ян Цзэнсиня, – вполне может возбудить сердца людей. Поскольку арабы смогли отделиться от правящей страны, опасаясь, что ислам в других странах, следуя этому ошибочному представлению, замислит отделиться от правящей страны" /50, 391/.

Духовная деятельность иностранных мусульман открывала возможности для пропаганды панисламизма, посредством которого могла опосредствоваться сепаратистские устремления китайских магометан. В этом отдавал себе отчет Ян Цзэнсинь и потому стремился пресечь пропаганду панисламизма в Синьцзяне.

В 1918 г. Ян Цзэнсинь запретил в Южном Синьцзяне молебные секты "Ишань цзяо" по той основной причине, что гуда просочились внешние силы. Инструкция, которую Ян Цзэнсинь дал кашгарскому даояню, гласила: "Притом слышно, заново создаются молебные, в них есть люди Англии, России, Турции, а турки с чалмоносным племенем одинаковы по обычаям и вере, если позволить им, не выделяя жителей Китая или иностранцев, собираться в одном помещении, то завтра под ложным предлогом чтения канонов, тайно осуществят опасный план возбудить /толпу/, вызовут бедствия, которые невозможно представить. Крайне необходимо /подобную практику/ срочно запретить, /дабы/ предотвратить беду и сохранить

спокойствие" /50, 390/. Однако это предписание Ян Цзэнсиня не достигло цели. Очевидно, с одной стороны, не проявили должного рвения его подчиненные на местах, с другой, вероятно, иностранцы проигнорировали предостережения. Его словно и не было, поскольку она форсировала свое проникновение в исламскую сферу: одно за другим возникали дела, связанные с посолькой лиц на выполнение обязанностей ахунов /50, 390/. В январе 1919 г. Ян Цзэнсинь спустил "инструкцию о проверке и запрете иностранцам служить ахунами у хуэй и чалмоносцев". "За последнее время, - гласила инструкция, - известно, что в Синьцзяне хуэйские и чалмоносные мечети в частном порядке приглашают иностранцев в качестве проповедующих религию ахунов. Если не изыскать способ проверять и запрещать, тогда трудно гарантировать, что проповедующие религию ахуны не станут посредниками, вызывающими смуту, а хуэй и чалмоносцы, получившие наставления, вновь не подвергнутся распространению яду подстрекательства, хуэй и чалмоносцев Китая совершат иностранцы. Эти окрытые беды того как можно представить? В этого рода делах, поскольку содержат в себе религиозный характер, опять же связаны с поддержанием порядка на местах, если полностью опираться на то, что чиновники глубоко знают, что полезно, а что пагубно, тогда будущие беды естественно можно навечно предотвратить" /50, 390-391/. "Инструкцией" вменялось в обязанность чиновникам всех рангов "своевременно и согласно обстоятельствам строго проверять, нельзя хоть немного небрежно выполнять свои обязанности. /Если/ причинен ущерб /отдельной/ местности, /то/ дело касается поддержания безопасности во всем Синьцзяне..." /50, 391/.

Возвращаясь к запретам в отношении "Ишань цзяо", укажем, что в 1918 г. Ян Цзэнсинь предписал повсеместно обследовать и опечатать молельни этой секты. Поводом послужило выступление в Куче Мамед-Торя-хана /Маймай-тели-хань/ в мае 1918 г. Упомянутый Мамед-Торя-хан, используя имя своего тестя Хаджи-Ходжа, большого шана Кучи, владыки секты "Ишань", основал молельню /"дао тан"/, набрал последователей /50, 377/. Он, навязывая свое толкование канона, возбуждал сердца людей, говорил, что Мухаммед по прошествии лет снова родился и безусловно находится в Китае /50, 391/. В своих выступлениях Мамед-Торя-хан не ограничивался ду-

ховными делами, но проповедовал среди своих слушателей - мусульман ненависть к катайцам /294а, 291/. Это являлось пропагандистской подготовкой к самому выступлению. Оно было приурочено к окончанию празднования мусульманского поста. Во главе своих приверженцев Мамед-Торя-хан предпринял безуспешное нападение на город Куча. Он и другие вожаки вылазки были убиты /294а, 291/. Ян Цзэнсинь приказал одинаково казнить всех больших мулл и главных участников восстания, "чтобы искоренить злодеев и успокоить добропорядочных" /50, 392/. В июле 1918 г. с выступлением было покончено^х.

Кроме того, Ян Цзэнсинь заподозрил в подрывной деятельности других вожакон секты Ишаньцзяо. Да мулле Темуру Айламу инкриминировалось вступление в сговор с сепаратистскими племенами. По приказу Ян Цзэнсиня его казнили.

Внешний фактор, как опасался Ян Цзэнсинь, оказывает неблагоприятное воздействие на умы мусульман Сяньцзяна. С одной стороны, контакты с внешним миром открывали путь к проникновению идей панисламизма. С другой, общение с единоверцами в Советском Союзе, которые жили лучше и свободнее, могло оказывать соответствующее воздействие на умонастроения мусульман Сяньцзяна. Чтобы лишить притягательности пример советских мусульман, Ян Цзэнсинь прибегает как к фискальным, так и директивным мерам.

Реакцией Ян Цзэнсиня на победу красных в гражданской войне в России было предостережение своим мусульманским подданным - остерегаться высказывать симпатии к народу, у которого вообще нет религии и который нанес бы им вред и толкнул на дурной путь их женщин /189, 49/.

С переводом Ма Шаоу на должность кангарского даоини усиливаются антисоветские меры в Южном Сяньцзяне. Ян Цзэнсинь поддерживал эту линию Ма Шаоу, ввел суровый налог с мусульман, которые намеревались отправиться в хадж через Советский Союз /189, 19/.

Политика Ян Цзэнсиня в отношении ислама представляла собой попытку поставить под контроль такой сложный и обладающий сильной иммунной способностью по отношению к вмешательству извне феномен как общественное сознание чуждого ему в этническом и религиозном отношении населения. К тому же в исторической памяти последнего Ян Цзэнсинь олицетворял поражение мусульманской

общины неверными. Фактор отторжения порождался сам по себе психологией мусульманина, оказавшегося вопреки своему желанию политически и экономически под властью "неверных". Помимо чисто субъективных обстоятельств фактор отторжения усиливался конкретными условиями социально-экономической жизни. С установлением республиканского режима Синьцзян не стал царством всеобщего благоденствия. В силу абберации общественного сознания социальный гнет и поборы ханьского бюрократического аппарата воспринимались более тяжкими и губительными уже только по тому, что чиновник-хань был "чужим" по вере, языку и обычаям.

Жизнь показала беспочвенность расчетов Ян Цзэнсяня поставить под контроль административным путем такой феномен как общественное сознание мусульман. И из-за этого, что оно представляло собой нечто исключительное. Дело заключалось, в частности, в специфике самой природы общественного сознания. Ему присуща не только консервативность, но и большая скрытность проявления подлинных настроений. Внешне человек показывает себя так: или иначе послушным исполнителем предписаний свыше, не выражая открыто несогласия с ними, но так продолжается до определенной критической отметки, после которой наступает взрыв. И он приобретает характер не просто бунта одиночки, но толпы, которую объединяет общественное сознание, в нашем случае сформированное заповедями ислама. Ян Цзэнсянь не дождал до того времени, чтобы в полной мере убедиться в этом.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр.3 - О.Покровский с 1869 по 1876 г. служил в Сар-
манском выселке Семиреченской области в качестве миссионера
при новокрещенных китайских эмигрантах.

К стр.6. - Хальфа - глава религиозного (дервишского) ор-
дена.

К стр.13. - Хазрат -Афак иначе Аппак-ходжа, основатель
династии восточно-туркестанских ходжей, правивших Кашгарией.
Султан Саток - султан Сатук-Богра-хан - первый кашгарский хан,
принявший ислам.

К стр.15 - Участие кокандского правителя Алим-Кула в со-
бытиях в Кашгарии было продиктовано, очевидно, не только рели-
гиозным рвением - помочь единоверцам в борьбе с неверными. По
рассказу Мирзы Ахмела, Алим-Кул сообщил ему, что в виду русских
завоеваний его занимает мысль о вознаграждении за причиненные
потери, в другом месте, а именно в Кашгаре, где царит беспоря-
док. См.: 25, 97.

Выбор на Бузрук-ходжу пал не случайно. Во-первых, он счи-
тался потомком пророка. Во-вторых, по своим личным качествам
он удовлетворял правителя Коканда. Бузрук-ходжа был послан в
Кашгар на том основании, что "это был человек глупый и сла-
бый, не способный освободиться от кокандского влияния". См.:
25, 98.

К стр.30 - Возник спор между садарами, с од-
ной стороны, и адептами "Старой секты", с другой. Камнем претк-
новения явился вопрос - следует ли позволить мусульманину 40
лет носить бороду. См.: 185, 88.

К стр.31. - Жители Лянжоу и окружающих селений - в основ-
ном китайцы; во время великого магометанского восстания 60-х
гг. вся область была опустошена и снова подверглась опустошению
мародерствующими шайками мусульман из Синина во время восстания
1895 г. См.: 254а, 157.

Окружив Синин и изолировав его от внешнего мира, пишет А.Финд-
лей, мусульмане грабили и убивали всюду. См.: 185, 90.

К стр.34. - Улайжецзы и Муса проживали в местности Гумуди
(между Урумчи и Фуканом).

К стр.35. Первыми были схвачены и казнены Муса и Мачен,

потом подвергнуты "линьчи", разрыву на куски. Масань и его сын Улайжецы были убиты при попытке пройти через военный лагерь.

К стр.38. - В 1928 г. на основе личных впечатлений Шомберг писал о последствиях мусульманского восстания "... из-за фанатизма мусульман в Кара-Ходжо руины..., все статуи были сломаны и все фрески обезображены" См.: 48а, 66.

К стр.44 - "Сказание о Зунтуне" (о китайцах в Кашгаре) было сочинено в 1879 г. кашгарскими жителями.

К стр.52. - Белая полоса представляла мусульман, символизируя белый торбан китайских мусульман. См.: 289а, 310, 163, 86.

К стр.74. - На сколько Ма Фусян был искренен в своих излияниях, можно судить по следующему факту. В декабре 1924 г. в Пекин прибыл Сунь Ятсен. Встретившись с ним, Ма Фусян заявил: "Горячо приветствуем, что господин Чжуншань будет руководить нами". См.: 90, 42.

К стр.83. - По утверждению Э.Майлларт, некоторое время Ма Чжунин действовал по приказам Синина. См.: 220, 165-166.

К стр.127 - Безосновательным представляется следующая информация "Кантонской газеты". "Магометане не противились Армии (Фэн Юйсяна) и не производили беспорядков. Указывают, что их представитель высказал удовлетворение по поводу прихода войск Фэн-Юй-Сяна и эти войска заслужили хорошую репутацию у магометан во всех местностях, где они проходили. От прихода войск Фенга они ждут установления дорог, улучшения в хозяйстве и промышленности", - писала "Кантонская газета" 13.I.-27. См.: Материалы по китайскому вопросу. Сборник № I М., 1927, 273(545)

К стр.149. - В уезде Нинся М.Ботхэм нашел копии ксана (на арабском), заботливо завернутые в красную ткань с чехлом-инострannого образца, которые были доставлены разносчиками религиозных книг из Индии. Отпечатанные одним из мусульманских передовых движений в этой стране они были доставлены в северо-западный Китай индийскими миссионерами, которые могли говорить немного по-китайски. См.: 255а, 180-181.

К стр.161.-Ян Цзэнсинь прибыл в Синьцзян в конце правления династии Цин, пишут Ма Минда и Ван Цзигуан, и тут же стал вербовать в солдаты синьцзянских хуэйцзу, сформировал 5 баталь-

онов и сам стал их командиром. (См.: 50, 386). Вышеназванные авторы представляют дело так, что Ян Цзэнсинь выступил пионером в деле создания мусульманских формирований в Синьцзяне. Судя же по его собственному докладу (см. далее), комплектование упомянутых подразделений имело место до него.

К стр.161.- Численность этих формирований при Ян Цзэнсинь была доведена до 15 батальонов ("ин"). См.: 50, 386.

К стр.166.- Факты, сообщаемые Р.Шомберггом, относятся к 1928 г.

К стр.170. - Гунбэй - могильный памятник.

К стр.182. - Мусульманские школы, находившиеся в ведении турок из числа пленных офицеров, пользуются симпатиями населения. См.: 123а.

К стр.186. - Как пишут Ма Мицда и Ван Цзигуан, непосредственное участие в выступлении Мамед-Тёря-хана, приняли англичане. Эти анонимные деятели через Найиму, старшину англичан, проживавших в Кучаре, передали отряду Мамед-Тёря-хана огнестрельное оружие, а через широко известного английского разведчика Ка мудань-батулу и др. тайно перенаправляли военные инструкции единомышленникам Мамед-тёря-хана. См.: 50, 391-392. Однако Р. Янг утверждает, что Ян Цзэнсинь официально уведомил британского консула в Кашгаре о своей признательности за проявленные по - следним понимание и сотрудничество в этом деле. См.: 294а, 291.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мусульманское восстание 1864-1877 гг. в Синьцзяне.	
Государство Йеттишар.....	3
Хуэйское восстание 1895-1896 гг.	30
Хуэйское восстание 1899 г. в Манасе	34
ГЛАВА 4. СИНЬХАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, УСТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ И МУСУЛЬМАНЕ.....	51
Ислам в республиканском Китае	51
Республика и мусульманский вопрос	66
Борьба между Сунь Ятсеном и Кань Шикаем и мусульманская община	70
Развал государства и мусульмане	71
Милитаристские свары и вожаки мусульман Северо-Запада	83
Северный поход и мусульманские военачальники Северо-Запада	87
Установление гоминьдановского режима и мусульмане	90
Противоборство между ГМД и КПК и мусульмане Северо-Запада	95
Исламский вопрос в Северо-Западном Китае при республиканском режиме.....	105
Борьба ханьских милитаристов и мусульманских военачальников за власть на Северо-Западе.....	114
Мусульманское восстание 1929 г. на Северо-Западе.....	127
Общественная и конфессиональная самодеятельность мусульман.....	139
ГЛАВА 5. СИНЬЦЗЯН ПРИ ЯН ЦЗЭНСИНЕ И ЕГО ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМА.....	160
ПРИМЕЧАНИЯ	188

0702684 - |

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В.С. Кузнецов

**ИСЛАМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
КИТАЯ**

Часть 3

(30-е годы XX в. — 1949 г.)

Информационный бюллетень N 9

Москва 1996

0702684 - 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Уч. N 262
от 13.04.96 г.

В.С. Кузнецов

ИСЛАМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

Часть 3

(30-е годы XX в. — 1949 г.)

Информационный бюллетень N 9

Москва 1996

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

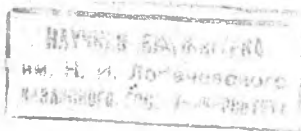
0000407588

В третьей части монографии рассматривается роль исламского фактора в политической истории Китая с 30-х гг. нашего столетия по 1949 г.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор философских наук М.Д.Титаренко

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИДВ по заключению комиссии в составе: д.и.н. Л.В.Переломов, д.и.н. В.В.Малыгин, д.и.н. А.А.Москалев.

Глава 6. МУСУЛЬМАНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

30-х гг.**

Начало 30-х гг. ознаменовалось очередным выступлением мусульман Северо-Западного Китая и Синьцзяна против социально-политического строя, существовавшего в стране под сенью гоминьдановских знамен.

Изначальное восстание произошло в Хами /Кумул/. Поводом послужило оскорбление бытовых заповедей мусульман.

Если Ян Цзюнь подходил к проблеме религиозных заповедей мусульман довольно-таки осторожно, то иначе повел себя его преемник. Цайнь Шуньэнь запретил мусульманам совершать хадж в Мекку /189, 42/. Среди мотивов принятия такого решения, очевидно, играло свою роль стремление изолировать подданных - мусульман от общения с зарубежными единоверцами и воспрепятствовать брожению умов. Панисламизм, распространение которого опосредствовалось через хадж, создавал серьезную опасность для устоев осуществлявшей власти. Запрет совершать хаджи в Мекку был равносильен запрету выполнять одно из основных предписаний мусульманской веры.

По смерти хамьского князя Шах-Макоуда в марте-апреле 1930 г. губернатор Синьцзяна Цайнь Шуньэнь пригласил его наследника князя Назара в Урумчи и заключил в тюрьму. Следом издал следующую прокламацию: "С того времени, как Китай стал Республикой, все население, независимо от расы и религии, должно извлекать пользу из освобождения от угнетения мелких правителей и должно поддаться одномуводу законов и одной национальной администрации. Губернатор Синьцзяна, будучи ответственным перед национальным правительством за благополучие мусульманских граждан на его территории, принял поэтому функции прежнего князя".

В ноябре-декабре 1930 г. Хами был разделен на 3 уезда, в каждый был поставлен уездный начальник. Идея реформ исходила от хамьского дивизионного командира Ли Сацзана /123, 210/.

Вместе с Назаром в Урумчи был вызван Ху-ван /"Тигр-князь"/ Шибаро, влиятельный в Хами человек. Но если его отпустили обратно, то промедление с возвращением Назара дало основания его

**Продолжение. (Начало см. в предыдущем номере бюллетеня.)

оторонникам подозревать, что Назара Цэнь Шувэнь оставит в заложниках. Это создавало дополнительный отклик и неприязнь мусульман в отношении держателей их судеб - "неверных", тем более, что конкретные носители власти - хань - так например, упомянутый Ли Сяцзэн, своим вызывающим поведением возбуждали ненависть мусульман /123, 210/.

Унификация административной системы власти в Хама, т.е. ликвидация княжеской власти, ознаменовала ломку традиционного уклада жизни мусульманской общины. Это не могло не произвести определенного психологического резонанса среди местных мусульман: вместо своего, единоличного правителя они теперь обрели правителя - хань, "неверного" в бытовом представлении коренных жителей Хама.

Правление хана Шах-Максуда отнюдь не было временем всеобщего благодеяния и справедливости. "Подданные хана часто горючо жаловались на налоги, которыми он их обложили, а хан не претендовал, что его суд отправляется о неоспоримом равенстве, но он и его народ были одно, а они хорошо понимали друг друга" /162a, 220/.

Ортодоксальный мусульманин Шах-Максуд олучил для своих подданных одиозное впечатление несправедливости мусульманского уклада жизни при господстве "неверных".

Каким бы ни был Шах-Максуд, он для мусульман Хама был одиозным представителем самобытности существования их общины, а то улажене, которое ему выказывалось по его кончине, свидетельствовало о стремлении сохранить таковую. "Ежегодно на рассвете ахуны, ученики и учащиеся торопятся к могиле /последнего хана. - В.К./, так что рассвет мог найти их молящимися за усопшего" /161a, 208/.

Предпринятая Уруича ликвидация княжеской власти в Хама для местных мусульман означала низведение на нет традиционного уклада жизни, хранителем которого выступал ван. В независимости от личных качеств представителей правящего дома она проявляла собой власть своего, родного по вере и этнической принадлежности владения. Для мусульманских подданных князя он служил олицетворением известной самостоятельности этого удела и его наследников. Он был опосредствующим звеном между ханьским начальством в провинциальной столице и мусульманами Хама. Пока осуществляла власть

единоверца-князя она воспринималась как некоторая защита от произвола и вмешательства ханьского чиновничества и жизненно важна для мусульманской общины дала.

Домка традиционного уклада князя, которой у мусульман Хама персонализировался в династии наследственных князей, сопровождалась негативными явлениями социально-экономического порядка, каковые в общественном сознании местных мусульман ассоциировались с ликвидацией княжеской власти.

Мероприятия новых властей в сфере фиска и землепользования обострили межобщинные отношения. Если мусульман-уйгуров, взявшихся обрабатывать старопашотные земли, обязали платить подать со дня получения документа на землю, то хань-переселенцам, которым нарезали для пахоты пустоши, дали отсрочку на 2 года с уплатой податей /123, 210/. Уйгуры расценили это как неравное отношение и были возмущены. Уплату же по недоимкам по налогам и сборам, от которых китайцы были освобождены, требовали от мусульман-землевладельцев /123, 221/.

Более того, потом Цзинь Шужэнь приказал начальнику уезда Ихэсянь Лун Хуйчэну отнять пахотные земли у уйгур и передать переселенцам из Ганьсу, что бежали от бедоты /162а, 221/.

Преобразования, предприятие в Хама после смерти князя, непосредственно задела как психологически, так и экономически все слои мусульманского населения, в том числе, что важно подчеркнуть, крупных землевладельцев-феодалов и мусульманское духовенство. Их национальное самосознание не могло полностью смириться с верховной властью хань-губернатора, но в известной степени остроту этого неприятия притупляло существование режима наследственной власти князя или хана. "При Цзинь Шужэне мусульманские элементы в важных оазисах, всегда такие обидчивые, чтобы их примирить, были только терпимы к его проступкам, поскольку имели свое собственное место правительства, твердо установленное в Хама под началом хана Махсуд-Шаха, человека их расы, релягия и языка, который еще носил гордый титул царя Гобя" /С62а, 221/. С кончиной хана на его место пришел не наследник из царствовавшей на протяжении веков семьи, но чиновник-хань, "неверный" в бытовом понимании. Этот психологический удар сопровождался экономическими потерями также и для феодалов и духовенства. Новые

уездные начальники-китайцы занялись усиленным выколачиванием налогов, тем самым отнимая часть доходов у феодалов. От этих реформ потеряло также и духовенство, ибо реформы отразились на вакуфах, владение которыми позволяло духовенству получать от крестьянства доходы наравне с феодалами /87а, 137/.

И не случайно люди всех групп мусульманского населения под писали телеграмму с изложением жалоб, посланную в Урумчи губернатору Цзинь Шужэнь /162а, 221/. Ее задержали местные власти /123, 210/.

Напряженность власти хань, власти "неверов" объединила мусульман Хами вне зависимости их от социального положения. Воступление возглавляли духовенство и феодалы, и оно вылилось в массовое столкновение с религиозной окраской, приняв форму газавата.

Преобразования, предпринятые в Хами с кончиной вана, активно способствовали взрыву мусульманского фанатизма, отзвуки которого вышли за пределы хамиского оазиса.

После смерти хамиского вана Цзинь Шужэнь, пишет У. Айчэнь, решил провести ряд реформ с целью ликвидировать ранее существовавшую политическую систему. "Но то, на что не обратили внимания Цзинь Шужэнь и его советники, так это тот факт ..., что монархия имела религиозное, также как и духовное значение для мусульман Хами" /294, 63/.

Социально-экономические последствия реформ создали взрывоопасную обстановку в Хами. Искрой явилось следующее событие. 14 апреля 1931 г. чиновник-хань по фамилии Чжан^х взял в жены турчанку-мусульманку. Женитьба китайца на уйгурской девушке являлась нарушением заповедей мусульманской веры /18, 28/. Мусульманское население Хами восприняло это событие как оскорбление /162а, 221-2; 294, 63/. Оказавшись не в состоянии предотвратить бракосочетание, ахуны поклялись, что на один из этой пары не будет жить. И в ночь церемонии бракосочетания она собралась толпу на улицах Сюю /294, 65/. Были убиты жених и невеста /294, 66; 162а, 221/. В этом выступлении участвовали турки и дуугане. "Эти две группы людей, которые отличались друг от друга во всех отношениях, однако, соединившись в братстве Ислама, они предали забвению все свои различия и решали смыть кровью

оскорбление, которое было нанесено их общей вере" /162а, 221-2/.

"Чалмоносцы" – мусульмане перебили солдат караула в Сюопу, уодышав об этом, выступали в поддержку мусульмане в Тухулу, Лас-маху. Истребив караульных солдат в этих местах, они убили 100 о-лишним семей хань-переселенцев, недавно прибывших для освоения земель. Отрубленные головы зарыли в пашне, чтобы отомстить за захваченную землю /123, 210/.

Вести о расправах с "неверными" разнеслись, и в общей сложности в более 10 местах имели место избиения мусульманами караульных солдат.

Повстанцы заручились поддержкой соседних казахов. С их помощью "чалмоносцы" – мусульмане атаковали уездный город Хама /123, 211/. Внешне складывается впечатление, что казахи не остались в стороне, когда речь шла о войне с "неверными". Но в какой степени казахи действительно руководствовались чувством мусульманской солидарности, сказать определенно трудно.

После восстания в Хама речь зашла о провозглашении Килбарса мусульманским князем и была заготовлена соответствующая печать /128, 32/. В выступлении мусульман против власти "неверных" – хань четко проступило стремление к обретению собственной независимости. С такой инициативой прежде всего выступают представители уйгуров, "чалмоносцев" по официальной терминологии тех лет. У них были свежи в памяти времена правления своего единовременного правителя и они создавали питательную почву для устремлений к независимости от Китая. Она по мере расширения масштабов мусульманских выступлений трансформируется в призыв образовать "Мусульманскую Народную Республику" /129а, 3/.

Стремления мусульман к освобождению от власти "неверных" завоевателей опосредствовались и в проявлениях религиозного фанатизма. Его объектом являлись и культовые сооружения хань. В Хама китайский храм Лун-ван мяо был разрушен мятежниками /254а, 86/.

Войска, посланные командиром хамиской дивизии, разгромили повстанцев. Для наведения порядка Цзинь Шужэнь направил командира дивизии Чжу Хуичи и командира бригады Сун Фаю. Последний по натуре любил убивать взятых в плен "чалмоносцев" – мусульман, иди-кого не щадил /123, 211/.

Сама по себе жестокость китайских солдат в отношении мусуль-

ман-повстанцев играли свою роль в эскалации взаимных насилий и расправ. Но для мусульман сюда привносился особый момент: от "неверных" исходили не только мука, но и новые нарушения уклада жизни. В борьбе с повстанцами хань-солдаты не оставляли в неприкосновенности и женскую половину дома, что особо задевало мусульман^X.

Уступая правительственным войскам по своей организованности, подготовке, повстанцы были вынуждены бежать в горы Бадеша. И, не надеясь на собственные силы, решили искать поддержки у Ма Чунина. В расчет, очевидно, бралось следующее. Он едва ли мог отказать поддержать своих единоверцев, когда они апеллировали к нему за помощью^{XX}. Просителями персонально поехали Ходжа-Нияз и Юлбарс-хан /123, 211; 175а, 107/^{XXX}.

Ма Чунина, после того, как спланировал поражение Фэн Юя-юна, разместил свою дивизию в районе возле Желтой реки, на пути между Баотоу и Нинся, а сам отправился в Нанкин встретиться с Чан Кайши. Он просил его в замен за службу у него назначить главнокомандующим войсками центрального правительства в Ганьсу и Синьцзяне и обратил внимание Чан Кайши, что провинция Синьцзян, хотя очень богатая, не платит никаких средств центральному правительству. Чан Кайши сказал в ответ: "Если вы обретете контроль над Синьцзяном, я утвержу ваше назначение". Ма Чунина сразу принял звание главнокомандующего и заказал себе большую печать. Он вернулся к своим войскам и начал готовить планы для кампании в Синьцзяне. "Сам магометанин, он надеялся, что будет поддержан всем мусульманским населением Синьцзяна" /236, 210/.

Когда Ма Чунина был почти готов начать свой рейд, в Ганьчжоу в его ставку прибыл Ходжа-Нияз и Юлбарс-хан^{XXXX}. "Он рассказал об угнетении их народа урумчйским правительством, о заключении в тюрьму их законного князя и об оскорблении, которое невозможно забыть, нанесенном панисламскому братству, насильем над мусульманской девушкой, učinенным отвратительным "неверным", подающим свинью китайским сборщиком налогов. Кровь взывала к крову, и хамские повстанцы настаивали, чтобы генерал Ма Чунина пришел и помог в священной войне" /162а, 223-4/. Ма Чунина согласился. И вступил в тайный союз со своим двоюродным братом Ма Буфаном, командующим войсками провинции Цанхай, чтобы прикрыть

своей тил /236, 211/.

4 июня 1931 г. с отрядом в 400-500 человек Ма Чжунин объявился в Синьцзяне. Он был признан уйгурами-повстанцами своим вождем /123, 211/. В таком качестве он повед мусульманскую рать на Чжэнь-Баркуль/. Повсюду мусульмане встречали Ма Чжунина как своего освободителя /196, 5/. Комендант Баркуля перешел на его сторону /196 7/. От Баркуля Ма Чжунин двинулся на Хами. В Хамийском оазисе войско под началом Ма Чжунина усилилось за счет казахов и хуэй /294, 67/. В едином порыве борьбы о "неверными" под началом Ма Чжунина на первых порах сплотились мусульмане различной этнической принадлежности.

В это время командир Чжу Жуйчи зашипал оаньчэн, китайскую часть Хами, а комбриг Сюн Фаю - старый город. Мусульмане под началом Ма Чжунина атаковали последний, но взять не смогли. В 8 месяце Ма Чжунин ушел в Ганьсу.

Его старый враг Ма Буфан по возвращении Ма Чжунина предложил ему вступить с ним в сделку. Предположительно 4 уезда Ганьсу будут его сферой влияния, а это соглашение вполне его устраивало, так как дало ему время восстановить свои силы. Сначала он базируется в Аньси, потом в Сучжоу. Здесь он заверяет о своей лояльности и приверженности национальному правительству в Нанкине.

Оно в это время направило в Синьцзян уполномоченного по умиротворению. Он предложил Ма Чжунину командование 36-й дивизией, солдаты которой получали бы жалованье от национального правительства. Ма принял это предложение /196, 6; 294, 76/. Национальное правительство путем такой сделки, очевидно, рассчитывало свести на нет союз уйгурских и хуэйских вождей, выступавших против гоминьдановского режима, вывести из игры Ма Чжунина.

В течение более года он мирно сидит в Сучжоу, укрепляя свои позиции. В течение этого времени он, однако, остается в контакте с мусульманами в Хами /294, 76-77/.

Там с уходом Ма Чжунина /здесь известную роль, очевидно, сыграло полученное им ранение/ проходило следующее. Цзинь Шунь перебрался на выручку Хами, осажденному "чалоноспами", войска из Или под командованием Чжан Пейваня /123, 212/. В октябре-ноябре 1933 г. она достигла Хами и сняла осаду. Мятельные

"чалмоносцы" бежали в горы. Их вожаки запросили мира. Чжан Пэйвань пошел им навстречу. Однако Сун Фан настаивал на том, что руководителей повстанцев следует отправить в провинциальную столицу /123, 212/. Чжан Пэйвань, опасаясь, что это чревато возникновением новых беспорядков, отклонил инициативу Сун Фан /123, 212/.

Не предпринимая активных боевых действий, Чжан Пэйвань укреплял охрану Хами путем создания опорных пунктов и это давало свои результаты: сохранялась спокойная обстановка /123, 212/. Очевидно, относительная.

Однако предложение Чжан Пэйваня не одобрил Цзинь Шужэнь: он опасался, что оно чревато бедствием надолго, потом еще имело место наущничество. И в конечном счете Чжан Пэйвань был отозван /123, 212/. Его сменил Ли Хайжу.

Перестановка в командовании сопровождалась сменой тактики. Ли Хайжу перешел к активным действиям и предпринял было карательные акции в горах против укрывавшихся там мусульман, но успеха не имел /123, 212/.

Тогда Цзинь Шужэнь отправил две группировки /передовую и поддержки/ соответственно под командованием Лю Цзесаня и Шэн Шицая. Дойдя до Хамы, Лю Цзесань во главе своего войска углубился в горы. И как раз в это время Ма Чжунин направил из Ганьсу несколько десятков человек под началом полковника Ма Хэина на выручку "чалмоносцам" в горах /123, 212/.

Известие о прибытии хуэй из Ганьсу произвело ошеломляющее впечатление на провинциальное войско: оно в панике разбежалось /123, 212/. Скрыленные успехом повстанцы преследовали отступавших. Паника охватила Дахуа, столицу провинции. Цзинь пустил в ход против повстанцев купленные у СССР самолеты /123, 212/. Это заставляло "чалмоносцев" укрыться в горах.

Встает вопрос, как вообще мыслил Цзинь Шужэнь управиться с хамскими повстанцами? Цзинь Шужэнь не только не предпринимал каких-либо попыток умиротворения, но обратился к политике "выкорчевывания корней" /123, 212/. В августе-сентябре 1932 г. он послал Шэн Шицая вырезать повстанцев-уйгуров, скрывавшихся в горах /123, 213/. Для них создавалась критическая обстановка, и они сочли за благо просить Шэн Шицая приостановить наступление,

выразив желание сдать оружие и капитулировать. Командование провинциального войска согласилось. Сдав оружие, повстанцы разбежались. Килбарс бежал в Ганью, а Ма Чжунин, Ходжа - Нияз - в МНР.

Ма Чжунин не остался безучастным к событиям в Синьцзяне и не оставил никаких мусульман один на один с провинциальным правительством. В октябре 1932 г. Ма Чжунин послал в Синьцзян фугуаня Ма Шимина во главе полка "Цзаолу". Он стал нападать на тылы провинциальных войск /123, 213/. Это заставило их командование изменить планы и пойти на мировую с уйгурами Хами. Со своей стороны провинциальное правительство обязалось поставить им зерно и серебро, а последние - сдать определенное количество оружия. Представитель правительства полностью передал хлеб и деньги Ходжа-Ниязу, чтобы он разделил их среди всех уйгуров Хами. Однако тот все зерно и серебро оставил своим людям, не дав ничего Килбарсу. Между отрядами Ходжа-Нияза и Килбарса началось столкновение /123, 213/.

Воспользовавшись этим, провинциальные войска перешли в наступление на отряды Килбарса. Однако, узнав об этом, Ходжа-Нияз примирился с ним, и они объединенными силами выступали против провинциальных войск. В результате карательных акций последних отряды Ходжа-Нияза и Килбарса снова стали действовать сообща с отрядом Ма Шимина и перенесли военные действия на Шаньшань /Шичан/. Местные уйгуры поддержали. По взятии города китайцы были полностью перебиты /123, 213; 294, II; 162а, 227/.

По получении известия об этом провинциальное правительство срочно перебросило части под командованием Сюн Фаю. Его солдаты "самоуправствуя, вырезали чаньминь" /"чалмоносцев", т.е. уйгуров. - В.К/ ... В порядке мести Сюн Фаю распорядился в течение 3 дней истреблять население города" /123, 213/. Сюн последовательно проводил в жизнь установку на "выкорчевывание корней", планомерно уничтожая всех неблагонадежных, но она не дала желаемых результатов.

Из-за нехватки вооружения мусульманские повстанцы не могли противостоять солдатам Сюна. Ма Шимин со своими людьми бежал к Турфану. Здесь их поддержали местные уйгуры. Очевидно, немалую роль в этом сыграл глава мусульманского духовного училища Аглим

Ахун /1, 20/. Он пользовался большим влиянием среди уйгуров /1, 20/ и стал одним из руководителей повстанцев, которые захватили Новый город Турфана. В это время бригадный командир, охранявший Старый город Турфана, Ма Фэнмин, тоже мусульманин, узнав, что Сюн истребляет "чалмошцев", перешел на сторону повстанцев, приказав сжечь уездное присутствие, убивать турфанских хань /123, 213/. Чувство религиозной общности у Ма Фэнмина взяло верх над сознанием служебного долга.

Сюн, не зная ничего о том, преследует Ма Шаминя, дошел до Турфана. Здесь его войско было разгромлено людьми Ма Фэнмина, а сам Сюн взят в плен и казнен на месте.

Выступления мусульман в Турфане вылились в изобения китайцев, о публичных пытках самых важных китайских чиновников /162a, 227/.

Провинциальные власти срочно перебросили войска Шэн Шацяя из Хами. Шэн снова завладел Турфаном. После яростных сражений город "превратился в пепелище" /123, 213/. Но если у китайского автора это произошло как бы без непосредственного участия Шэн Шацяя, то Свен Гедан более категоричен. Он /Шэн.- В.К./ обращал города и селения в пепел. Дворец вана Хами лежал в руинах, золото накопленное в казне веками, разграблено /196, 6/.

После поражений, понесенных от войск провинциального правительства, Ма Шамин и Ма Фэнмин с остатками своих отрядов бежали в Южный Синьцзян. Заняв Яньцзи /Карашар/, учредили здесь штаб главнокомандующего "36-й дивизии по истреблению бандитов Яньцзи", главнокомандующим стал Ма Шамин /123, 213/.

В это время в Южном Синьцзяне повсеместно происходит брожение среди уйгуров. Отмечаются факты накопления и изготовления оружия. Власти, зная об этом, не прибегают к мерам пресечения, опасаясь волнений. В свою очередь мусульмане ведут себя все более вызывающе. Хань пребывают в страхе, не решаются далеко отлучаться, опасаясь нападений мусульман.

Ма Шамин, используя эту обстановку, рассылал своих приверженцев. В зоне Луньтай-Куча-Байчан агитация достигла крайней степени, "невежественные чалмошцы толпами примкнули" /123, 214/. Очевидно, нельзя сводить все дело лишь к подстрекательству Ма Шаминя. Горючего материала накопилось в избытке. "Но больше все-

го был поражен лютой ненавистью ко всему китайскому, которую люди выказывают на каждом шагу, а свидетельство мусульманского национализма было безошибочным. Не часто доводилось видеть людей, которые плюют на землю после того, как китайский чиновник перешел их путь. Идея, что китайцы — не чистый народ — была понятием, принятым с доверием.

Признаки омути в этом крае проявились до 1928 года" /201в, 671/. Это заключение лица, побывавшего непосредственно на месте, можно дополнить характеристикой командира дивизии, расквартированной в Кашгаре Цзинь Шучжи, как типичного представителя китайской военной бюрократии, чтобы наглядно представить отношение к ней со стороны мусульманского населения. "У Цзинь Шучжи повседневно в натуре было своевольничать чрезмерно, всецело отдавал себя тому, чтобы обирать народ" /123, 21 /.

Вожаки мусульман использовали не только недовольство эмигрантов-единоверцев, но, решившись на выступление, брали в расчет поддержку в той или иной форме со стороны зарубежных единоверцев. Поездки китайских мусульман в страны исламского мира на поклонение святыням, в частности, хадж, не только давали сознание исполненного религиозного долга, но и в той или иной степени укрепляли чувство принадлежности к мусульманскому миру. Сочувствие, оказываемое зарубежными единоверцами, укрепляло стремление избавиться от власти "неверных".

Известный мусульманский деятель из Хамы Ходжа-Нияз после хаджа в Мекку сделал остановку в Хотане, чтобы встретиться с местными вожаками, среди которых два брата Бугра играли ключевую роль. Предположение, что на этой встрече была достигнута договоренность о подготовке предстоящего восстания /231, 105/ и о координации действий, не лишено оснований. Прежде всего, очевидно, речь шла не о конкретных сроках, и о принципиальном согласии.

В уезде Куча "чалмоносец" Темур /старшина возчиков/ подблал "чалмоносцев" на выступления: уезды Дунтай, Токсунь, Шах-яр, Курля, Байчэн один за другим взбунтовались. Мусульмане захватили и обесчестили женщин-хань, а мужчин, временно живущих и издавна живших, перебили /123, 214/. В известной степени повезло китайским семьям в Карашаре. "Нам сказали, — пишет С. Гедин, —

что лишь около 70 китайских семей в Кара-шаре, и что они все, как говорили, были принудительно обращены в ислам" /196, 90/. События пошли по сценарию "священной войны", как она понималась на бытовом уровне. Разжигало страсти мусульманское духовенство: ахуны убеждали своих последователей сразить неверных от имени пророка /294, 241/. Ответом на эти призывы был взрыв религиозного фанатизма масс. Распевая молитвы, 40 или 50 тысяч воинов шли на битву с фанатическим рвением /181, 946-7/. В чем оно опосредствовалось, дают представление нижеследующие сведения.

В уезде Мошй /Кара-каш/ взбунтовавшиеся уйгуры дубинами забивали всех китайцев, от уездного начальника и ниже. 25 февраля 1933 г. мусульмане-повстанцы, заняв Старый город Аксу, пререстрелили всех китайских жителей /189, 76/. 3 марта в Керии повстанцы казнили группу китайцев, включая главных чиновников, и вывесили их головы на базаре /189, 76/. В ходе выступления в Шамба-базаре уйгуры убили многих хань /189, 76/.

Повстанцы истребляли не только хань, но и индусов-ростовщиков /189, 76/. Ростовщичество противоречило нормам шариата, и в глазах мусульман расправа с ростовщиками выступала как богоугодное дело.

Имели место случаи, когда хань спасались от смерти, давая согласие принять ислам /189, 76/.

Поведение основной массы мусульман-повстанцев определялось как протестом против социального угнетения, так и неприязнью к "неверным", которые олицетворяли все беды, которые пришлось вынести мусульманам. Давало также знать стремление восстановить традиционные нормы мусульманской общины, которые по меньшей мере не были доминирующими в условиях административно-политической системы, внедренной правителями-иноверцами.

Весной 1933 г. восстали золотодобытчики Сургака /близ Керии/ и Каракаша /близ Хотана/. В уведомлениях повстанцев, развешенных в Каракаше, речь, в частности, шла о требовании ввести шариат /189, 74/. Для некоторых повстанцев борьба с "неверными" была не просто реакцией на существующие условия настоящей жизни, но исполнением долга правоверного мусульманина, для которого пасть в бою за ислам — обрести ореол мученика на земле и рай в будущей неземной жизни. Показательно в этом отношении уведомле-

ние анонимного автора из Кара-каша, направленное китайским властям:

- Друг ради дружбы даст знать о недостатках друга и спасет его от последствий его недостатков. Вы, кто думаете править, не можете даже понять этого, а стараетесь отыскать сторонника Ислама, чтобы убить его. Глупые неверные, как вы непригодны править... Как может неверный, который не может отличить друга от врага, быть пригодным править. Вы, неверные, думаете, что из-за того, что у вас есть винтовки, пистолеты ... и деньги, вы можете полагаться на них; но мы полагаемся на Бога, в чьих руках наши жизни. Вы, неверные, думаете, что вы возьмете наши жизни. Если вы не пришлете ответ на это уведомление, мы готовы. Если мы умрем - мы мученики. Если мы выживем - мы победители. Мы живем, но стремимся к смерти" /189, 75/.

Ханьское начальство не смогло овладеть обстановкой в Южном Синьцзяне. С самоубийством /9.2.1933 г./ командира дивизии, расквартированной в Кашгаре, Цзинь Шучжи, военная власть, представлявшая провинциальное правительство, перешла к даоини, мусульманину Ма Шаоу^х. Оно рассматривает его как единственную силу, способную справиться с мятежным Югом. Помимо всего прочего в этом проявилась и живучесть установок традиционного политического мышления ханьских верхов - "руками дикарей обуздывать дикарей": Мао Шаоу был мусульманином.

23 февраля 1933 г. в Кашгаре состоялась торжества по случаю присуждения Цзинь Шучжем Ма Шаоу титула "Особого уполномоченного по подавлению бандитов": в ямэне был произведен салют и по всему городу на зданиях были вывешены гоминьдановские флаги /189, 75/. В силу превратностей судьбы мусульманин выступает последним оплотом власти "неверных" в Южном Синьцзяне. Ма Шаоу попытался восстановить порядок двойным путем. С одной стороны, посылает своих представителей в Хотан увещевать вожakov местных повстанцев из числа уйгурской знати /123, 214/. С другой, отправил отряд акуского гарнизона против повстанческой рати, которая в сражении одержала верх. Свою роль сыграла мусульманская солидарность. Среди солдат правительственных войск было много мусульман /231, III/. Ни увещеваниями, ни военной силой Мао Шаоу не смог справиться с выступлениями мусульман. С падением 3 мая

1933 г. Нового города Камгара /189, 81/, где находился правитель Джунго Сяньцзяна, назначенец Дихуа, власть хань в этом регионе фактически подошла к концу. Джунго Сяньцзян стал неподвластным провинциальной администрации. Он оказался под властью мятежных мусульманских вожakov. Правление правоверных ознаменовалось прежде всего физической ликвидацией представителей прежнего режима, режима "неверных". "Всех уездных начальников, за исключением тех, которые были особо известны политическими заслугами, убивают, всех попавшихся на глаза купцов-ханьцзу тоже истребляют почти полностью" /123, 214-5/.

Мусульманские выступления в Джунго Сяньцзяне, как подчеркивала в своих заявлениях их вожаки, являются движением "нового Ислама". Полного единства мнений о содержании этого понятия у предводителей мятежных мусульман, судя по их высказываниям, не было. В частности, в отношении использования достижений современного научно-технического прогресса. В беседе со шведским исследователем Н. Амболтом в Хотане Мохаммед Эмин Эмир /2 мая 1933 г./ сказал ему: "Мы, кто представляет Хукумет Исламия Джамхуриет, новый Ислам, желаем поддержать ваши научные изыскания в любой области" /147, 173, 175/. С другой стороны, правящий паша Керия Камал Да Молла говорил упомянутому Н. Амболту /17 апреля 1932 г./: "Когда холодно, мы одеваем толстые шубы. Когда жарко, мы облачаемся в рубашки, но мы, люди нового Ислама, не нуждаемся ни в какой "метеорологии" /147, 168/.

Свое восприятие "Нового Ислама" Н. Амболт излагает так: "Того-там Мухаммет описал ход революции, которая имела место в Керия.

Сперва китайцам приказали сдать все их оружие, деньги, золото и серебро, печати и т.п. - Они сдали.

На следующий день все неверные были обращены в магометанство и получали обещание, что отныне они будут жить в мире.

Последовали большие праздники за казенный счет. Был провозглашен новый Ислам.

На четвертый день революция была убита тридцать пять китайцев и два индуса. Им отрезали уши, вырвали языки, выкололи глаза, выбили зубы, переломали кости и мало по-малу преступниками тела были брошены собакам.

Китайских женщин забрали у мужей и выдали замуж за тюрок.

Малолетние девочки 10 лет были отданы мужчинам старше пятидесяти. Это было в 1933 г. Новый Ислам". /147, 169/.

То, что провозглашалось "Новым Исламом", на деле было реакцией покоренного мусульманского населения на господство "неверных". На практике это свелось к искоренению иноверцев в Южном Синьцзяне, к путем обращения немусульман в ислам, так и физического истребления их. Приведем на этот счет характерные свидетельства очевидца Н. Амболта. "25-2./1933/. Сотни китайцев были обращены в магометанство. Градоначальник /Шу Дарин/ был обращен в ислам под именем Якуб Бадаулет, Счастливей, а его малолетняя дочь - Алтын хан, Золотая девушка" /147, 160-1/.

В маленьком деревне Цялма, сообщает тот же Н. Амболт, офицер с гордостью рассказал, как перебили гарнизон в Яркенде. После нескольких месяцев осады китайцы капитулировали на условиях, что все оружие, снаряжение и деньги они выдадут. Взамен этого им позволят уйти безопасно. Турки согласились. Но в одном переходе от толпы беженцев настигли и перебили всех: мужчин, женщин и детей. "Мы сбросила их всех /детей - В.К./ в ствал и облили парафином и подожгли. Мы не хотели, чтоб остались какие-либо семьи, которые бы пустили ростки этой расы" /147, 182/.

Жестокость в отношении хань в независимости от их социального положения была помимо всего прочего и средством самоутверждения людей, которые были вынуждены сносить власть господствующего этноса, чужого по религии. Самодовольство мусульман, почувствовавших себя хозяевами положения, питал не только вид совершающего намаз новообращенного хань, бывшего начальника, но возможность мусульманина-правителя вызвать к себе любого кафира, оказавшегося здесь. Воспроизведем свидетельства Н. Амболта.

"26-2./1933/ Большие толпы собрались в мечети, чтобы насладиться спектаклем, как их бывший правитель, надевший селла или белый турбан и сейзе, турецкие сапоги со съёмными на высоком каблуке галошами, и впервые на виду у всех, совершает свой намаз и прикладывается лбом к пыли" /147, 160-1/.

В Чаре, пишет Н. Амболт, мне было приказано явиться к паише, но я промедлил с явкой, улицы были заполнены людьми, полными страстного желания увидеть нахального капира /кафир/, неверующую собаку, который имел наглость не явиться немедленно на вызов

паша, Эмир Абду Кадир Да ахуна /147, 170/.

Присутствие в среде мусульманских вожаков Южного Синьцзяна иностранных соратников тоже оказывало свое вдохновляющее воздействие. Само их пребывание символизировало поддержку международной мусульманской общественности.

Как представляется, понятие "Новый Ислам", зазвучавшее в высказываниях вожаков мусульманского восстания, подразумевало, что в отличие от, условно говоря, "Старого ислама", так или иначе мирившегося с господством хань, не выступавшего открыто против него, "Новый" решительно против него и против самого присутствия "неверных" на земле мусульман.

"Новый Ислам" отличался от "Старого Ислама" воинствующей непримиримостью к иноверцам. В политическом плане это был джихад, ставившей своей целью возрождение независимой мусульманской государственности, где бы не было места "неверным".

Мусульманские выступления, охватившие Южный Синьцзян, происходили одновременно, стихийно и организованно, участники их были не одинаковы по этнической и языковой принадлежности. Если внешне их объединяла борьба против существовавших порядков, бытование которых связывалось с господством "неверных" вообще и конкретно — с правителями-хань в Дахуа и на местах, то устремления у разнородного повстанчества были различны, что и предопределило дробление его на отдельные группировки со своими собственными установками. Это обстоятельство порождало распри и прямые междоусобные столкновения в мусульманском лагере, противостоявшем провинциальным властям. Основные группировки условно суть: кашгарская, хотанская, дунганская /хуэйская/, киргизская, андижанская, темуровская /120, 228/. Уже из этого перечня видно, сколь аморфна была та сила, которую собирательно называли "мусульмане". Общим для них было одно — приверженность к исламу, что отнюдь не исключало разногласий и прямых столкновений на этнической, местнической, политической почве.

Рассмотрим более подробно, что представляли собой выше названные группировки.

Руководителями первых двух явились представители мусульманского духовенства и дилеттанты. Контакты с внешним миром, в частности ознакомление с обстановкой в исламских странах, сыгра-

ли в известной степени вдохновляющую роль в выступлениях религиозных вожakov Камгария. В отличие от зарубежных единоверцев они находились на второстепенных ролях, будучи прислужниками "неверных"-завоевателей. "Беспокойство на юге возникло среди религиозных вожakov, которые посетили Турцию, Индию, арабские страны и Афганистан и узнали, что в мире были всеобщие волнения, равно как и прогресс. Китайский режим действительно отказал в соответствующих образовательных возможностях мусульманам и ни один мусульманин-чиновник не был назначен на какой-либо высший пост" /294, 00/. Среди вышеупомянутых религиозных вожakov следует конкретно назвать Сабит Домуллу. Он изучал в Турции политические науки и богословие /123, 226/.

Хуэйская группировка предприняла определенное начинание с претензией на новую власть. Были выпущены бумажные деньги Ма Чжуняна, которые заставляли брать под угрозой смерти /196, 178/. Это, понятно, не укрепило доверия ни к этим деньгам, ни к тем, кто стоял за их выпуском.

Самодеятельность масс в антикитайских по своей общей направленности выступлениях мусульман канализировалась их вожакам в нужное им, предводителям, русло. Требования момента оттеснивались для многих из них на задний план заботу исламских духовных ценностей и утверждение социального порядка, отвечающего интересам широких слоев мусульман. "Ма Чжанцан, Темур и Усман Алла, - сообщал английский генконсул Фицморис, - все занялись собственным делом накопления богатств и жен" /189, 83/. Все это касается киргизской, хуэйской и темуровской группировок.

Киргизы оказались вовлеченными в борьбу с ханьским режимом заботами самого Ма Шаоу. Рассчитывая укрепить свои силы для борьбы с повстанцами, он приказал мобилизовать окрестных киргизов. Но эти новобранцы взбунтовались и явились кадрами для новой повстанческой группы /1, 22/. Киргизских повстанцев возглавил Усман-Алла. Он потом претенциозно именовал себя "Эмиром мусульман" и "Гази" /"Воителем за веру"/ /294, 243/. Эта "борьба за веру" опосредствовалась в истреблении иноверных и в насильственном обращении в ислам. В городе Суфу киргизы под началом Усмана сначала вырезали основную часть китайцев, потом стали падать те, кто переходит в ислам /123, 221/. "В политическом отношении"

него /Усман-Али.- В.К./ отнюдь не было никаких планов. Лишь пользовался случаем грабить имущество и захватывать ханьских женщин" /189, 00/. 3 мая 1933 г., заняв Старый город Кашгар, киршы принялся грабить его. Были убиты китайцы и тирчанки, жены и налоги к китайцев /189, 81/.

Строго избирательного подхода Усман, однако, не придерживался: убивал не только китайцев, но и дунган. И не гнушался обращаться к "неверным" - англичанам за помощью.^х

Темур-караван-баши /предводитель погонщиков мулов из уезда Куча/ сам себя провозгласил главноком армий Восточного Туркестана /123, 225/. Воинство его составляло неорганизованная толпа бродяг и разбойников. Убивала всех встречных хань и своих единоверцев-хуэй /123, 225/. Поначалу Темур был в лояльных отношениях с хуэйским предводителем Ма Чжанцаном, посланным Ма Чжунином в Южный Синьцзян. Но после разрыва между Ма Чжунином и Ходжа-Ниязом Темур рассорился с Ма Чжанцаном /123, 225/. Интересы самосохранения оказались выше общности религии, и хуэй в городе Шуле /Кашгар/ объединились с хань, чтобы совместно защищаться от людей Темура /123, 226/.

Четкой политической программы Темур, как представляется, не имел. Его созидательная деятельность не пошла дальше выдачи паспортов от имени "Темур-шаха", как именовал себя. В этих документах указывалась только исламская дата хиджры, китайская республиканская дата опускалась. Таким путем Темур демонстрировал отказ признавать власть национального правительства Китая /189, 83/. Как видим, налицо стремление к личному самоутверждению, чему служат афиширование приверженности к исламскому укладу и неприимчивость к "неверным".

Как проявила себя кашгарская группировка в плане административно-политическом, сказать невозможно из-за отсутствия данных.

Немного известно и о т.н. анджакской группировке. В качестве их вожака фигурирует некий Сатвалди-дкан.^х С гибелью Усман-Али, к чему был причастен Сатвалди-дкан, последний провозгласил себя главнокомандующим. Но не смог долго продержаться из-за разногласий и кровавых междоусобиц среди прежних военачальников и потому просил Сабит Домуллу /о нем ниже/ взять на себя руководство /123, 216/.

Из всех вышеназванных мусульманских группировок с определенной политической программой, которая была обнародована, выступала лишь хотанская.

В Хотане весной 1933 г. старатели Кара-каша убили местного чиновника и несколько китайцев. Возглавил выступление некий Исмаил-хан-ходжа /189, 74/. Само имя его дает определенные основания полагать, что он принадлежал или к духовному сословию или к почитаемым мусульманами лицам. Среди выдвинутых повстанцами требований отметим введение исламского закона шариата и расквартирование мусульманских солдат "в каждом городе" /189, 74/. Таким образом, выступление носило определенную исламскую окраску. По мере распространения восстания на другие районы Хотана исламистские настроения выходят из сферы эмоций и принимают организационно-политическое оформление: предпринимаются шаги по созданию в "освобожденных районах" открыто исламской администрации /189, 77/.

Исламский импульс, активным носителем которого выступает духовенство, определил характер противостояния двух сил: на одной стороне, ханьский режим и "неверные" вообще, на другой — мусульмане. После того, как Яньци пал, из уезда Мойи домуллы Мухамед-Эмин и др. созвали учащихся, верующих, чтобы оказать отпор провинциальной войску /128, 36/.

Главным застрельщиком массовых выступлений фанатически настроенных мусульман выступала т.н. 3 эмира^х.

20 февраля 1933 г. уйгурский Комитет за национальную революцию /КЗНР/ сформировал в Хотане временное правительство с Мухаммед Нияз Аламсом соответственно в качестве президента, Сабит Домуллой^х — премьер-министра и Мухаммедамином Бугра — командующего вооруженными силами /189, 84/. М.Бугра взял титул "эмир аль-Ислама", младшие его братья величали себя "эмир Абдулла-хан" и "эмир Нурахмед-джан". Из-за этого Хотанское исламское правительство называлось "правительством хотанских эмиров".

Религиозная нетерпимость последних проявилась по взятии Нового города Хотана /16 марта/, когда 266 китайцев были насильственно обращены в ислам /189, 84/. Следом многочисленные ростовщики-индусы были убиты, а шведским миссионерам, жившим в Хотане, было приказано покинуть Южный Синьцзян.

Между тем, шариат использовался в иждивенческих оазисах, находившихся под контролем ИЗНР, со строгим применением уголовного законодательства /189, 84/.

В апреле хотанские войска под началом эмира Абдулла-хана вступили в Яркенд. Эмир Абдулла распорядился арестовать шведских миссионеров, живших в Яркенде, и сам избил их, заявляя, что своим учением миссионеры "уничтожили" религию Ислама и что поэтому его обязанностью является убить их /189, 87/. По взятии Яркенда мусульмане уничтожили в пустыне 2 тысячи китайцев /220, 191/.

12 ноября 1933 г. в Кашгаре Сабит Домуллы, шейх уль-ислам хотя: кого правительства, провозгласил Туркско-исламскую республику Восточного Туркестана /турк.-Шарки Туркистан Турк-Ислам Джумхуриятти"/ или ТИРВТ /123, 226; 189, 113/.

Ночью того же дня был обнародован органический закон ТИРВТ и оглашен персональный состав правительства^х.

Первая статья органического закона гласила: "Туркско-исламская республика Восточного Туркестана учреждена согласно с религиозными догматами ислама, выполнение заповедей и предписаний, записанных в вечно неизменном Коране, считает установленным правилом".

Вторая статья провозгласила: "Восточный Туркестан является навечно демократической республикой".

Третья статья объявляла: "Центральное правительство учреждает должность президента, который восприняв заповеди ислама, осуществляет управление государством" /123, 226-7/.

Среди министерств особо отметим ведомства шариата и вакфа /123, 277/.

В конституция республики говорилось:

1. Народ Туркско-исламской республики Восточного Туркестана, исповедующий ислам /включая Алтай, Тарбагатай, Ила, Хами, Шаче и другие районы компактного расселения людей мусульманской веры/, должен, объединившись, подчиниться мусульманскому государству.

2. Настоящее мусульманское государство является единственным руководящим, авторитетным правительством мусульманского народа Восточного Туркестана.

3. Организационно в мусульманское государство входят шейх-уль-ислам /цзяогуан/, главноуправляющий делами веры, главный

кази /т.е. главноуправляющий заповедями веры/. Данные органы используют систему заседания кабинета министров под председательством шейх-уль-ислама.

Аппарат правительства мусульманского государства надлежит комплектовать из хорошо сведущих в Коране, имеющих познания в современной науке.

6. При мусульманском правительстве учреждается всеобщий союз ахунов.

7. Всеобщий союз ахунов обладает религиозными полномочиями, мусульманское правительство выполняет его решения.

В обязанности мусульманского правительства входило: "Верховное управление религиозными учреждениями на местах, надзор за выполнением учреждениями заповедей Корана и Мухаммеда, во всей религиозной, политической и экономической деятельности наставлять последователей мусульманской веры". Последнее - задача главноуправляющего религией, главного кази /I28, 53-4/.

Внутренняя политика ТИРВТ была направлена на создание радикальной исламской системы, основанной на шариае /I89, II3/. Это была реакция мусульманской общины, в первую очередь, ее вожаков, на внедрение в крае политических и юридических институтов хань, которые не учитывали в полной мере традицию общественной жизни мусульман. И рассуждения о том, что реакционно, а что прогрессивно, умозрительны и односторонни, ибо в конечном счете сами мусульмане решали, что им больше подходит. Этические нормы мусульманского менталитета, естественно, отличались от бытового сознания, сложившегося под влиянием заповедей христианства или буддизма, в иной социально-политической среде нежели общество тогдашнего Восточного Туркестана.

"Первые действия нового государства показали фанатическую приверженность исламу. Некоторые несчастные женщины, которые возвратились из России в свои родные селенья, были казнены за то, что не носили паранджи. Это волнующее свидетельство возврата к старым корням жизни получило огромное одобрение у ахунов" /I47, II8/.

Институты власти функционируют в соответствии с традицией мусульманской общины, где голос старших по возрасту мужчин имел большой и неотъемлемый вес при решении тех или иных дел.

Это обстоятельство фиксирует Н.Амболт, когда рассказывает о посещении правящего паши Керая Камала Да Моллы: "Он сидел в совете старейшин, окруженный группой почтенных седобородых" /147, 118/.

Китайская республиканская правовая система была заменена исламским законом Шариат /189, 114/. При новом режиме практиковались уголовные наказания соответственно мусульманской традиции. Воспроизведем свидетельство Н. Амболта: "20 апреля - базарный день. Впереди солдат с длинной пикой. На ее конце - человеческая рука. Сзади солдата преступник, вор. За ним люди с кнутами. Преступник должен кричать: "Я украл, я вор, я украл две чашки. Это - великий грех. Я вор, украл две шапки. Это - великий грех" /147, 118/.

В подтверждение исламской идентичности нового государства повсюду в Кашгаре вывешивался "национальный флаг" /147, 00/; полумесяц и звезда на голубом поле, на котором также были написаны определенные изречения из Корана /00, 00/.

Новый режим наглядно демонстрировал свое появление не только созданием государственной символики в виде национального стяга, но и посредством введения в употребление новых печатей. Для этого все прежние правительственные печати были перелиты. Были пушены в обращение бумажные деньги, отпечатанные в Кашгаре /220, 201/^X.

Манифестация мусульманской символики на государственном флаге наглядно символизировала рождение государства мусульман.

Не довольствуясь визуальным эффектом мусульманской символики, руководители режима пытаются воздействовать на общественное мнение путем печатного слова. Издавалась радикальная исламская литература в поддержку нового государства /189, 114/.

Исходные внешнеполитические установки ТИРТВ согласно статьи 2 органического закона, суть: её правительство Восточной Туркестанской республики "во имя мира и народа, существования государственной нации, развития религии /выделено нами. - В.К./, культуры и экономики, просит Нанкин или Лигу наций предоставить благоприятные условия, оказать содействие, помочь народу, сообщая приложить усилия для достижения самой конечной цели - обеспечение вечной независимости" /123, 226-7/.

Гарантировать таковую руководство ТИРТВ просит прежде всего национальное правительство или, в случае вероятного отказа, мировое сообщество в лице Лиги наций.

Выделившись из состава Китайской Республики посредством насильственного ниспровержения ее властных институтов и геноцида ее граждан, администрация ТИРТВ просит в тоже время правительство первой обеспечить независимое существование нового государственного образования. В момент появления его на свет руководители ТИРТВ заявляют, что не питают никакой неприязни к Китаю как к государству, а надеются на его помощь в становлении и упрочения новоявленного режима^X.

Что же касается отношения к собственно хань, оказавшихся в пределах Восточного Туркестана, то власти ТИРТВ, очевидно, считали это своим чисто внутренним делом.

Исторические (завоевание империей Цин Восточного Туркестана, удержание его в составе Китайского государства силой оружия) и психологические факторы (непреодолимые чувства обиды и импульс к мщению и обретению независимости, пребывание в подчиненном положении у "неверных") способствовали широкому распространению антиханьских настроений среди тюрок-мусульман. На волне этих настроений возникла ТИРТВ, а они определяли ее отношение к ханьской общине в пределах Восточного Туркестана.

Антиханьская природа мусульманского режима в Кашгаре наглядно проявлялась повседневно. В Кашгаре на каждом углу были вывешены лозунги, призывавшие к изгнанию китайцев из нового государства /294, 248/.

Жестокое обращение с "неверными"—хань мусульманских повстанцев и властей ТИРТВ дает повод говорить, если не о политической наивности, то о каком-то специфически хитроумном расчете просить национальное правительство Китая помочь обеспечить независимость мусульманского государства в Восточном Туркестане.

Как явствует уже из самого его названия, это было не вообще государство мусульман, но мусульман-тюрок. Отсюда в нем не оставалось места для единоверцев и изначальных союзников — хуэй /дунган/. Вот что, в частности, писалось на страницах еженедельника, издававшегося с ведома властей ТИРТВ: "... В итоге дунгане-мусульмане в сравнении с хань являются нашими большими врага-

ми. Хотя ныне мы свергли гнет хань, однако похоже не избавились от гнета дунган. Нам вовсе нечего бояться хань, но нельзя не опасаться дунга. Поэтому в отношении последних надлежит быть внимательными и быть начеку, нужно жестоко ответить, на каком образом нельзя церемониться. В виду того, что дунгане угнетают нас, то нам ничего другого не остается. Желто-хань к Восточному Туркестану в сущности не имеют никакого отношения, черные дунгане тоже не очень сильно с ним связаны. То, что Восточный Туркестан, так это Восточный Туркестан восточнотуркестанского народа, нет необходимости считать пришедших извне людей нашими отцами и матерями ... Отныне мы не употребляем языка иноземцев и говорим, что нужно уничтожить чуждые нравы, привычки, навыки и письменность, а чужаков навечно изгнать из наших пределов. Желто-черная грязь пачкает нашу землю уже давно. И ныне нельзя не вычистить эту грязь. Долой черно-желтых ликарей. Да здравствует Республика Восточного Туркестана" /123, 229/.

Национальный флаг /белая звезда и полумесяц на голубом фоне/ служил внешним признаком тесной близости между Тюркско-исламской республики Восточного Туркестана и Турецкой республикой. По случаю Нового года руководство ТИРВТ направило телеграмму турецкому правительству в Анкару. Политическую значимость этого акта британский генконсул в Кашгаре в сообщении властям Индии (16.II.1933) охарактеризовал так: "голубой флаг" салютовал любимому /выделено нами.- В.К./ "красному флагу" Турция /231, 113/.

Турки пользовались доминирующим влиянием в политических и военных делах ТИРВТ /231, 114/.

Она устанавливает контакт с Афганистаном. В январе 1934 г. эмир Мухаммедэмин Бугра направил в Кабул делегацию с целью добиться официального признания /189, 116/^X. В Кабуле было учреждено представительство ТИРВТ /231, 114/. Но не только этого помогались руководители нового режима. Его эмиссары были посланы к королю Афганистана на предмет получения оружия для единоверцев-мусульман /294, 247; 175а, 110/.

За оружием и пожертвованиями эмиссар ТИРВТ ездил к мусульманам Индии /231, 114/. Практические шаги нового режима в сфере внешнеполитической демонстрировали его принадлежность к исламскому сообществу, к государствам мусульманского мира.

Являя свои панисламистские и пантюркистские симпатии, Кашгар издал воззвание ко всем изгнанникам-туркам на Востоке, обещающее им безопасное убежище под флагом Восточного Туркестана /294, 247/. Было предложено "гражданство" кучке оттоманских турок, которых Мустафа Кемаль выгнал из Турции, взамен на их помощь в основании республики /294, 247/. "Общая внешняя политика молодой республики, - утверждает Л.Е. Наман, - шла по антисоветской, пробританской линии" /231, 112/. Этот антисоветизм внешне выражался в антибольшевистских декларациях, но в то же время советское генеральное консульство оставалось местом притяжения для мусульманских чиновников. Что до "пробританских" настроений, то они проявлялись в стремлениях получить оружие.

Руководство ТИРТВ обращалось за помощью к английской администрации и при посредничестве британского генерального консула в Кашгаре Томсон-Гловера и через своих эмиссаров, направленных к властям Британской Индии в Нью-Дели²⁷.

Как видим, лидеры "новой Кашгарии" не придерживались строго избирательной внешнеполитической ориентации, вступая в контакты и с представителями немусульманских стран Запада. Характер их государственного строя не служит препятствием для установления отношений. Конституционная ли монархия, фашистская ли диктатура - все это для руководства мусульманского режима не имело значения. Интересы самосохранения брали верх. Представители ТИРТВ посещали посольство нацистской Германии в Кабуле. Предметом переговоров, очевидно, в первую очередь была поставка немецкого оружия при посредничестве Афганистана. Власти последнего заключили соглашение о военном сотрудничестве с премьером Сабит Домуллой. Все военное снаряжение из Афганистана переправлялось от имени Германии /123, 241/. Германский посланник в Кабуле договорился с представителями ТИРТВ о закупке военного снаряжения у Германии и порекомендовал немецкого коммерсанта Айленгера заняться этим делом /123, 241/.

Не станем останавливаться подробно на внешнеполитических аспектах мусульманского восстания в Южном Синьцзяне. Укажем, в частности, что сам по себе факт посредничества британского генерального консула в Кашгаре Томсон-Гловера на предмет получения помощи от правительства Великобритании говорят о заинтересован-

ности, если не причастности, британской стороны к выступлению мусульман в Кашгария. Это движение за независимость, писал У. Бертон, согласно заявлений ТАСС, было инспирировано и направлялось тамошним британским консульством. "Свидетельства из других источников убеждают меня, - отмечает У. Бертон, - что эти заявления в сущности верны" /160, 517/. В тон У. Бертону звучит утверждение Хун Дичэня: местные хуэй считали, что подлинным инициатором организации кашгарского правительства были Англия и Германия /132, 241/.

х х
х

Провинциальное правительство, утратив контроль над Южным Синьцзяном, вскоре и само оказалось под угрозой.

Зимой 1932 г. Ма Шимин предпринял наступление во главе уйгурского ополчения на провинциальную столицу Дихуа /Урумчи/. Продвижение повстанцев сопровождалось массовым избиением хань^х. Цзинь Шужэнь выслал против людей Ма Шимина отряд под началом полковника Цзоу. Разгромив его, мусульманская рать поступила к Дихуа. При наступлении на Сйдагоу, северные ворота Дихуа, жители Сйдагоу - мусульмане поддерживали единоверцев-повстанцев. В отместку Цзинь Шужэнь приказал сжечь Сйдагоу. Предмесье, бывшее средоточием торговли, превратилось в пепелище /132, 215/.

В городе царил атмосфера паники и подозрительности. Мусульмане внутри и извне - это обстоятельство питало страхи и недоверие у хань.

"Я прибыл в Дихуа в рождественские праздники 29 января /1933 г./, - пишет У. Айчэнь К., - ворота были закрыты, в городе паника" /294, 78/. Религиозные различия людей выступают существенным фактором взаимного недоверия и беспокойства. "Между тем напряженность внутри стен обострялась, так как беженцы были всех вероисповеданий и так как они собрались вместе, было вполне вероятно, что среди них могла вспыхнуть схватка. Более того, каждый мусульманин был вероятным шпионом. Я видел, - продолжает У. Айчэнь К., - тела двух "тырбаноголовых", казненных за убийство. Они зарезали китайскую семью - родителей и трех детей" /294, 78/.

Следующая новость, - фиксирует У. Айчэнь, - на юге арестован казахский офицер по обвинению в соучастии в восстании. Часть его людей бежала на Алтай под начало брата некоего казахского князя /294, 78-9/.

С самого начала антиправительственных действий они были отмечены религиозным фанатизмом мусульман. Их выступление в Хами происходило как газават. И в последующем императив "священной войны" определяет поведение мусульман. "Против белых русс"х под Урумчи были яростные мусульмане и дунгане, воспламененные религиозным рвением и намерением обрести рай подлинных верующих" /294, 80/.

Исход сражения за провинциальную столицу и в конечном счете противостояния мусульман и гоманьдановского режима в Северном Синьцзяне решило прибытие Дунбэйской антияпонской армии Су Бинвэня. Ее части были доставлены через советскую территорию в Тачэн /Чугунчак/, откуда они двинулись на Дахуа. Следом за ними туда в спешном порядке продвигался русский контингент Гиринской армии самозащиты генерала Ли Ду. Появление этих войск придало уверенности провинциальным частям и осада Дахуа была снята. "Ханьмянь, находившиеся внутри города, ... приветствовали Дунбэйские антияпонские войска..." /123, 215/. Этого, очевидно, нельзя сказать о тамошних мусульманах.

Командование Дунбэйских войск на первых порах не хотело участвовать в гражданской войне и поэтому направило письма Ма Шамину, убеждая его прекратить военные действия и одновременно заявляя о необходимости решительно пресечь национальную вражду /123, 216/. Ма Шамин проигнорировал эту инициативу /123, 216/. Чем он руководствовался, сказать с определенностью трудно. Объяснять это эйфорией от одержанных ратных побед, как это делает Хун Дичэнь /123, 216/, нет достаточных оснований. Инициатива исходила от командования пришедших Дунбэйских войск, но не от провинциальной администрации или национального правительства Китая. И это, очевидно, не мог не привлечь во внимание Ма Шамин.

Мусульманские повстанцы под его началом не сложили оружия. "Дунбэйские войска состояли из нескольких сот тысяч хань, и ради собственной защиты они решительно помогли провинциальной армии, чтобы атаковать Ма Шамин" /123, 216/. Противостояние таким об-

разом все больше принимает характер межобщинного конфликта: с одной стороны, мусульмане, с другой — хань.

Цзинь Шужэнь со своей стороны усугубляет развитие событий, не предпринимая никаких шагов для политического урегулирования конфликта. После снятия осады с Дихуа посчитав имевшихся там войск недостаточно и перебросил туда части под началом Шэн Шипая, "чтобы репрессировать" мусульман /123, 216/. На переброску солдат Шэн Шипая уйгуры ответили выступлениями на Восточной дороге, взяв Фукан. Цзинь Шужэнь отрядил туда Шэн Шипая. После того, как его солдаты отбили Фукан, он вернулся к Дихуа и разместил войско за городскими стенами. Но уйгуры подняли восстания на Западной дороге: в уездах Чанцзя, Хутуба /123, 216/.

В этих условиях в противостоящем мусульманам лагере состоялся заговор против Цзинь Шужэня. Среди причин недовольства им была "очень глубокая вражда между чалмонотцами-мусульманами и Цзинь Шужэнем" /123, 216/. Для широких мусульманских масс всего Синьцзяна он являлся олицетворением ненавистной власти "неверных" — хань. Говоря о правлении Цзинь Шужэня, У Айчэнь К. особо отметил роль религиозного фактора в обострении межобщинного конфликта: "Мусульмане имели определенные причины для недовольства, и те, сфокусированные религиозной ненавистью, вскоре привели к кровавому восстанию повсюду на севере" /294, 240/. Именно разделение населения по религиозной принадлежности обусловило характер и масштабы межобщинного конфликта: социальная принадлежность отступила на задний план перед этнорелигиозной общностью. Раз ты не наш по вере и обычаям, то поэтому уже наш враг — такой трафарет определяет сознание на бытовом уровне и соответственно поведение масс. "Убрав Цзиня, авось удастся хоть немного успокоить гнев людей" /123, 216/, — таков расчет был у определенных представителей провинциальной администрации и связанных с ней разношерстных деятелей.

12 апреля 1933 г. в результате переворота Цзинь Шужэнь пал и был создан временный совет^х. Он обсудил политическую программу нового провинциального правительства. В ней провозглашалось равенство всех национальностей в политической, экономической и образовательной сферах /123, 217/. По религиозному вопросу, наиболее чувствительному для мусульман, конкретных разъяснений не

делалось. Но обращает на себя внимание оледующая статья: "Осуществить преобразование просвещения в соответствии с установками партии" /123, 217/. Иными словами, предусматривалась унификация системы просвещения, при которой, по всей вероятности, исключалось духовное образование. Но это было в перспективе.

По ниспровержении Цзин Шужэня новые власти заявили: все будут иметь полную свободу религии /294, 118/. 26 июля 1933 г. на заседании членов новой синьцзянской администрации был зачитан отчет о рекомендациях Ван Цзяньвэя на заседании Исполнительного юаня относительно Синьцзяна. В частности, в них говорилось: "Повсеместно в Синьцзяне должны быть религиозная свобода и расовое равенство" /294, 188/.

В контакты с новой властью вступают вожаки мусульман Хами. Ходжа-Нияз, его командир Махмуд и их ахуны прибыли на встречу о представителем Нанкина У Айчэнь К. Она сказала, что желает поддержать новую администрацию в Дихуа /294, 146/. Определенные подвижки произошли в настроениях части мусульманского духовенства. Информатор У отметил: достаточно странно, что большинство ахунов склоняется к миру. Не было никаких четко очерченных действий правоверных против "неверных" /294, 153/.

Новую администрацию Синьцзяна спешит наставить и поддержать национальное правительство Китая. Нестабильность в северо-западной провинции, имевшей важное стратегическое значение, усугубляла неустойчивость гоминьдановского режима в целом, способствовала живучести центробежных тенденций в политической жизни Китайской Республики. 31 июля 1933 г. в Дихуа прибыл с миссией умиротворения зам.начальника генерального штаба китайской армии Хуан Мусун /123, 218/.

1 августа Административный юань постановил назначить членами правительственного совета Синьцзяна Лю Вэньлуна, Шэн Шицая, Чжан Пэйюаня и по совместительству каждого соответственно председателем провинциального правительства, Яньфан дубанем /главноуправляющим по вопросам охраны границы/, комиссаром по делам освоения земель поселенцами в Или и командиром 8-й дивизии новой полевой армии /123, 219/. Ключевые позиции в синьцзянской провинциальной администрации, в том числе и высшие посты, вновь заняли хань. Произошла лишь смена лиц.

2 сентября в Дахуа прибыл специально посланный председателем Исполнительного юаня Ван Цзиньвэем министр иностранных дел, а министр юстиции Ло Веньгань. Он имел поручение лично ознакомиться с положением на местах. 7 сентября Ло Веньгань присутствовал на церемонии вступления в должность Лю Веньлуна и Шэн Шицая, а также на приеме по этому случаю, где были представители всех национальностей, в том числе и мусульмане^х. Среди них были и представители Ма Чжуняна, которых он послал в Дахуа приветствовать новые власти /123, 219/.

Во время пребывания в Дахуа Ло Веньгань посетил уйгурские мечети, где выступил с увещеваниями /123, 219/. В Турфане Ло Веньгань встречался с представителями уйгуров, заверял в благих намерениях центрального правительства Китая /123, 220/.

10 сентября в Турфане Ло Веньгань встретился с Ма Чжунином и имел с ним беседу. Ма Чжунин выслушал наставления представителя Нанкина и заявил о готовности беспрекословно подчиняться центральному правительству, сохранять мир и защищать пути сообщения /123, 220/. 11 сентября Ло Веньгань присутствовал на церемонии вступления Ма Чжунина в должность главнокомандующего войсками по охране Восточной дороги в соответствии с распоряжением канцелярии дубаня /123, 220/.

Выступления эмиссара Нанкина в мечетях, встречи с представителями мусульманского населения, наконец, с Ма Чжунином — наглядное свидетельство того, сколь серьезное внимание национальное правительство придает исламскому фактору, поведению мусульманского населения, преобладавшего в Синьцзяне. Интересы сохранения целостности гоминьдановской Китайской Республики и соответственно стремление продемонстрировать дееспособность нанкинской администрации контролировать ситуацию в стране заставляли руководство гоминьдана держать в поле зрения развитие событий в районе компактного проживания мусульман.

Приход к власти новой администрации в Дахуа, однако, еще не означал повсеместного признания ее в Синьцзяне. Наоборот, на юге провинции обстановка оставалась ей неподконтрольной, сепаратистские устремления из сферы эмоций материализовались политически.

Общей внутривластной стабилизации не способствовала смена администрации в Урумчи. У противников провинциального пра-

вительства были основания усматривать очередное проявление слабости ханьского режима в целом. И не случайно, когда 12 апреля 1933 г. в столице провинции Синьцзян произошел политический переворот, Ма Чжунян опять пришел в Синьцзян из Ганьсу. Этому предшествовали следующие события. Ма Шимин вновь завладел Яньца /Карашар/. Провинциальному правительству, переживавшему внутренние смуты, было тогда не до него. Ходжа-Нияз, перебравшийся из МНР в Ганьсу, и Юлбарс убедили Ма Чжунина прийти в Синьцзян /123, 220/. Сначала он отправил туда своего младшего брата Ма Чжунцзе. После гибели последнего и разгрома его отряда Ма Чжунин 28 мая 1933 г. сам прибыл в Синьцзян во главе учебной роты и разведбатальона. Овладев Гучаном, Ма Чжунин атаковал Фуюань. Возглавивший его оборону Ли Фушоу, соплеменник Ма Чжунина, капитулировал /123, 221/.

С переходом Фуюани под контроль Ма Чжунина нависла угроза над Дихуа и дубань Шэн Шицзя выступил против Ма Чжунина. Бой разыгрался в Цзини /подведомственно Фуюань/.

Как раз в это время Хуан Мусун, присланный из Нанкина с миротворческой миссией, прибыл в Синьцзян и телеграфировал Шэн Шицзя и Ма Чжунину, чтобы они прекратили военные действия и пришли к соглашению /123, 221/. Последнее не состоялось, и столкновения возобновились.

Исход их оказался неблагоприятным для Ма Чжунина из-за того, что его оставил Ходжа-Нияз. Он заподозрил Ма Чжунина в том, что тот не доверяет уйгурам и в будущем станет их угнетать /123, 221/. О настроениях Ходжа-Нияза стало известно Шэн Шицзя. Тот тайно направил к нему своего человека с предложением о союзе и обещанием назначить его командующим войсками по охране Южной дороги /123, 221/.

Во время столкновения войск Шэн Шицзя и Ма Чжунина Ходжа-Нияз со своими людьми оставил последнего и занял Турфан /123, 221/. 16 декабря 1933 г. представители уйгуров заявили дубаню Шэню о своей готовности бороться с дунганскими войсками Ма Чжунина.

"Под влиянием религиозной ненависти мусульмане объединились, чтобы резать китайцев, но однажды узнав ярость своих союзников /хуэй. - В.К./, мусульмане /т.е. уйгуры. - В.К./ осознали,

что китайцы менее опасны" /294, 234/. В данном случае, очевидно, национальный императив помешал автору с достаточной объективностью подойти к раскрытию комплексов причин, побудивших Ходжа-Нияза порвать с Ма Чжунином. Союз их был продиктован тактическими соображениями, порожденными условиями момента. И нам представляется, что мотивы поведения Ходжа-Нияза более убедительно раскрывает суждения Свен Гедина, нежели У Айчэнь К. "Они /уйгуры. - В.К./ хранили неугасимую ненависть как к китайцам, так и дунганам. Китайцы были неверными и ели свинину: дунгане были по крайней мере магометанами, как турки /т.е. уйгуры. - В.К./, но страстно желали абсолютной власти над провинцией" /196, 28/. С переходом на сторону провинциальной администрации Ходжа-Нияз изменил и свое отношение к хань. "Турки прежде ненавидели китайцев и убивали их во множестве. Ходжа-Нияз приказал, что всех китайцев следует щадить и обращаться с ними с уважением" /196, 171/^X Счевидно, нельзя сводить все дело к психическому складу хуэй, отличному от уйгуров, и пугавших их своей необузданностью, что и побудило вожаков последних отойти от Ма Чжунина. Причина, видимо, заключалась в том, что тот же Ходжа-Нияз считал для себя более выгодным в известных пределах сотрудничество с новой провинциальной администрацией, нежели ходить под началом пришедшего Ма Чжунина.

Поведение Ходжа-Нияза, оставляя в стороне личностный момент, отражало всю сложность взаимоотношений двух основных составных мусульманской общины Синьцзяна - уйгуров и хуэй. Мусульмане по вероисповеданию, они не были тождественны этнически, разнились друг от друга историческими судьбами. Уйгуры в сравнении с хуэй были коренными насельниками бассейна Тарима и потому у первых были основания смотреть на последних как на пришлых и даже нежелательных. Об этом достаточно красноречиво говорится в вышецитированной прокламации, выпущенной при ТИРТВ.

Уйгурским вожакам претили устремления хуэйских вожаков стать вместо хань хозяевами страны.

Религиозная общность уйгуров и хуэй не составляла неизменной стабильной данности по своей внутренней природе. Выступая перед иноверцами, внешне как единое целое, скрепленное общей религией, мусульманское сообщество уйгуров и хуэй изнутри не было сплоченным именно с религиозной точки зрения. Уйгуры и

и хуэй принадлежали к различным сектам ислама. И нельзя исключать, что межсектантские разногласия сыграли свою роль.

Общность религии не навела ровную социальную поведенческую уйгуров и хуэй. Неприязнь к хань вообще и ханьскому начальству в частности не исключала определенных нюансов.

Хуэй считала, что во время восстания 2-й половины XIX в. уйгуры не до конца поддерживали их в борьбе с цянскими властями. Дунганин Ма Фань рассказывал, сообщает Н.Ф. Катанов, как жестоко обманывали хамисские сарты/т.е. уйгуры.- В.К./ дунган, держа то их сторону, то китайцев во время дунганского восстания /582 /. Со своей стороны уйгуры имели повод обвинять хуэй в коллаборационизме с режимом Ян Цзэнсяня.

Единство взглядов не означало этнического тождества уйгуров и хуэй. При этом первые смотрели на последних, как на пришлых, и уйгурским вожакам претили устремления хуэйских вожаков стать вместо ханьских чиновников хозяевами страны.

Нельзя сбрасывать со счета и другое обстоятельство: сектантские различия. Отнюдь не исключено, что на определенном этапе они дали себя знать, ибо хуэй и уйгуры принадлежали к различным толкам ислама. Видимо, когда Ходжа-Нияз принял решение, свое веское слово сказали уйгурские духовные владыки.

В свою очередь и дунгане не питали к уйгурам особого расположения. О Ване-купце, хуэй, друге Юлбарса, игравшем большую роль в выступлении дунган в 1933-1935 гг., М. Кейбл и Ф. Френч писали: "Как добропорядочный мусульманин Ван презирал китайцев за идолопоклонство, язычество и как употребляющих в пищу нечистое, но в равной степени презирал массы тюркского населения, на которых он смотрел как на "дикарей", лишенных понимания" /162а, 246/.

Среди факторов, побудивших вожаков хамиских повстанцев перевернуться на сторону китайской провинциальной администрации, была и боязнь за свои социальные привилегии, ибо выступление уйгурских крестьян приобрело радикальный оборот /175а, 108/.

И именно, выступив сначала против ханьских чиновников и переселенцев, потом уже мусульмане-крестьяне требуют изъятия земель у единоверцев-помещиков. В Хами, как передавали, земли были отняты и у местной знати /116а /. Иными словами,

общая религия, в нашем случае ислам, оказалась не способной обеспечить единство действий разных социальных слоев мусульманской общины. Это наглядно свидетельствует о том, что доминантой социальной жизни на определенном этапе выступает то духовный, /сознание/, то материальный /бытие/ фактор.

Из-за ухода ополченцев Ходжа-Нияза Ма Чжунин потерпел поражение /123, 221/. Таким образом мусульманская коалиция, возглавляемая хузйским и уйгурским предводителями, распалась.

Понеся поражение, Ма Чжунин, вступил в Турфан, а Ходжа-Нияз был вынужден отступить к Токсуну. Вчерашние союзники по мусульманской коалиции стали активными неприятелями.

Тем временем Ма Чжунин послал на Дахуа находившегося в Яньци Ма Шимина. Наступление на Дахуа оказалось неудачным и Ма Шимин, отступив в Яньци, взялся за Ходжа-Нияза. Тот был вынужден отступить в Курлю. После этого он послал Темура, чтобы тот развернул деятельность в городах Южного Сяньцзяна, подстрекая уйгуров держаться независимо, чтобы оказать сопротивление Ма Чжунину.

После того, как он потерпел поражение в Цзини и отступил в Турфан, между ним и Шэн Шицаем пошли переговоры о примирении.

Шэн Шицай назначил Ма Чжунина на должность главнокомандующего войсками по охране Восточной дороги /Восточного округа/, районом расквартирования подчиненных Ма Чжунину войск должен был стать Хами, Ма Чжунину надлежало в то же время оставить Турфан, который переходил в ведение штаба дубаня. Однако из-за нерешенности вопроса о довольствии для его войск Ма Чжунин не хотел оставлять плодородные земли Турфана и защищать тощие - Хами. Не вступил он и в должность цзунсылина войск по охране Восточной дороги. Переговоры между представителями Шэн Шицай и Ма Чжунина зашли в тупик. Приезд Ло Вэньганя привнес новый момент в создавшуюся обстановку. Шэн Шицай надеялся, что Ло Вэньгань убедит Ма Чжунина приехать в Дахуа и в ходе переговоров вражде будет положен конец. Ло Вэньгань после поездки в Турфан убеждал Ма Чжунина соблюдать мир и сотрудничать с Шэн Шицаем. "Праручением" Ма Чжунина и центральное правительство, и провинциальная администрация рассчитывала привлечь на свою сторону хузй и свести на нет взаимодействие их с тюркоязычными мусульманами /123, 222/.

29 октября 1933 г. Ма Чжунин принял должность цаунсылина войск по охране Восточной дороги, чтобы выразить намерение быть послушным провинциальной администрации /123, 223/. Однако, что касается вопроса о расквартировании в Хама, то Ма Чжунин добивался определенных гарантий материального обеспечения его войск, не принимая устных заверений /123, 223/.

30 октября 1933 г. Ло Вэньгань вернулся в Дихуа, 31 октября на встречу прибыл Шэн Шицай, Ма Чжунин не явился. 2 ноября Шэн Шицай созвал заседание Военного совета, на котором было принято решение возобновить войну с Ма Чжунином /123, 223/. За отсутствием данных трудно сказать, какую роль здесь сыграло национальное правительство Китая в лице его представителя Ло Вэньганя. Несомненно лишь одно, продолжение междоусобиц в Синьцзяне не отвечало его интересам. Поддерживать амбиции Ма Чжунина у него, очевидно, не было оснований, ибо его успехи в войне с провинциальным правительством усугубляли внутриаполитическую нестабильность и объективно способствовали росту антаханьских настроений среди мусульманского населения, хотя, с другой стороны, в успехах самого Ма Чжунина и не были заинтересованы определенные представители единоверных уйгуров.

В наступлении провинциальных войск против сил Ма Чжунина участвовал со своими людьми Ходжа-Нияз, предприняв наступление на Хама /123, 224/. Ходжа-Нияз здесь действовал по принципу "своя рубашка ближе к телу". Ему важнее было закрепить за собою родные места, нежели таскать каштаны из огня для Шэн Шицай.

С переходом Ходжа-Нияза на сторону провинциального правительства Ма Чжунин пытается опереться на казахских старшин, выставляя себя поборником интересов мусульман как таковых. В марте 1934 г. Ма Чжунин, когда двинулся в Южный Синьцзян, он еще помышлял развернуть военные действия на севере края. Поэтому загодя пытался поднять на выступление казахских старшин в Алтае. В письме /датировано 26 января 1934 г./ обращался ко всем "мусульманским предводителям" Алтая: айцзы, чжэньгогунам, бэйцзы, хаджи, а персонально: цзюньвану Айлинь'ю, бэйцзы Ханьдабя, Майлиньбахай'ю, Халилю /Ха-тэ-лэ/, Джаньму, Баяньхадаму, Хабудула, Начжару, Абудучжункуэр'у, Цзайинар'у, Далель-хану, Якубу /Яхэпу/, Кайкэн'у, Кэкэнай'ю, Хабал'у. Он писал, что "прибыл в Синьцзян

во исполнение приказа нанкинского правительства вырвать из рук предателя родины Шэн Шацай весь ... народ, создать независимое мусульманское правительство ... я к тому же явился в ответ на просьбу Ходжа-Нияза спасти мусульман, избавить от того, чтобы убивали различных верующих. Однако потом Ходжа-Нияз был введен Шэн Шацаем в заблуждение, выступил против ислама. Я договорился с руководителями Южной дороги и послал войска покарать Ходжа-Нияза.

Я надеюсь, что все мусульмане будут единомышленны, объединяться ради борьбы за освобождение из-под власти разбойника Шэн Шацай нашей великой родины.

Вы должны созвать всех мусульман на вооруженную борьбу ..."
/126, 214/.

Руководствуясь личными, не совпадающими интересами, Ма Чжунин и Ходжа-Нияз покончили с ТИРГВ. Войска Ма Чжунина заняли Кашгар, столицу ТИРГВ /123, 230/, а ее руководство было окончательно разогнано или арестовано уйгурской мусульманской армией Ходжа-Нияза /189, 124/. Личные интересы /властные и самосохранения/ оказались выше исламской солидарности.

Противоборство же Ма Чжунина с Шэн Шацаем закончилось победой последнего. 10 июля 1934 г. Ма Чжунин с группой людей в районе караула Иркештам перешел на советскую территорию /1066/.

Знамя панисламизма и китаефобии, с которым выступил Ма Чжунин, надолго не объединило мусульманских вожakov в Сибирь.

На этом закончилась политическая карьера Ма Чжунина, личности, несомненно, незаурядной. В истории Китая 20-30-х гг. он оставил след как защитник интересов не только своих соплеменников-хуэй /дунган/ и противник хань, но и поборник идеи панисламизма^x. Под знаменем его он попытался сплотить как хуэй, так и тюркоязычных мусульман. Во имя чего? - Несомненно, ради собственного самоутверждения, но до какой степени простирались амбиции Ма Чжунина, с безусловной достоверностьюказать трудно. Высказывались суждения, что Ма Чжунин имел в виду создать мусульманское государство и стать его правителем^{xx}.

Вслед за бегством Ма Чжунина в начале июля 1934 г. на советскую территорию 20 июля 1934 г. Кашгар был занят провинциальными войсками под командованием Махмуда Шичжана и Гун Чжэнхана.

С уходом Ма Чжунина с политической арены его соплеменники в Южном Синьцзяне не отказались от стремления сохранить хотя бы осколок мусульманской государственности. В 1935 г., когда дунгане оставили Кашгар, они закрепили присутствие в Восточном Туркестане своим собственным "доменом" в Хотане, который был предварительно укреплен и стал центром их несостоявшегося магометанского государства /229, 84/^X.

Политические события, разыгравшиеся в Синьцзяне в 30-х гг., имела исламскую окраску, но разнились по тем интересам, которые преследовали разнородные в социальном и этническом отношении его участники. Ислам как платформа не удержал в едином лагере вожаков различных этнических групп, прежде всего хуэй /дунган/ и тюрк /уйгуров, киргизов/. Политические интересы, властолюбивые амбиции привели к междоусобной борьбе между изначальными союзниками и в конечном счете к переходу части мусульманских вожаков на сторону "неверных" - ханьской военщины и бюрократия.

Борьба против ханьского режима в Синьцзяне приняла форму джихада, но в сущности речь шла не о защите устоев веры, но об обретении политической власти верхушкой и лучших условий жизни низами.

Суннитизм, как знамя борьбы против хань, не удержал надолго разноплеменных мусульман. Властные амбиции их вожаков, этническая рознь оказались выше приверженности к общей религии. И поэтому ислам на поверку не обеспечил надежного единства между ними. "... Крестьянство, - констатировал У Айчэн К., - вскоре получило причину сожалеть о том доверии, которое оно оказало новым правителям" /294, 248/.

Мусульманские выступления в Синьцзяне в 30-х гг. по своей значимости вышли за рамки собственно провинции, но нашли непосредственный отклик в Нанкине, столице гоминьдановской Китайской Республики и за ее пределами. Оставляя в стороне внешнеполитические аспекты, остановимся на внутриполитических.

Мусульманские выступления явились еще одним свидетельством /наряду с генеральскими войнами в собственно Китае/ центростремительных устремлений, которыми был поражен политический организм Китайской Республики.

Если суньятсенизм, официальная идеология гоминьдановского

режима, не стал идейно-политической платформой для национально-го единства самих хань в провинциях собственно Китая, то она тем более не явилась духовной основой для межобщинного согласия мусульман и хань на западной окраине Китая. В Синьцзяне ислам вступает как этно-религиозная идеология, сплотившая местных мусульман в независимости от социального положения, в борьбе за ниспровержение ханьского господства и за существование однородной общины, без непосредственного соседства с иноверцами и без какого-либо вкрапления их в местах проживания мусульман.

Религия, как форма массового сознания, явилась решающим фактором в политической борьбе, разразившейся в Синьцзяне в 30-х гг. и давшей толчок политическому перевороту в провинциальном центре. Смена правителей ознаменовалась не только персональными переменами, но и подходами к религии.

С приходом к власти в 1933 г. Шэн Шацай провозгласил политику из 8-и пунктов, один из которых декларировал свободу религий /175а, II4/.

Но этим дело не ограничилось. Мусульманские выступления имели своим следствием изменение подхода провинциального ханьского начальства к выбору союзника из числа мусульман в деле управления провинцией. От курса, положенного Ян Цзэнсином, — опираться на представителей хуэй /дунган/, пришлось отказаться и вместо них взять в соправители уйгурскую верхушку. В 1935 г., когда положение нормализовалось, китайцы определенно обратились к политике привлечения на свою сторону тюрков и сотрудничества с ними в местной администрации. В прежние дни все уездные начальники и высшие гражданские и военные чиновники были китайцы или дунганы. Теперь все начальники тюркских уездов — турки, а несколько тюркских вожakov сотрудничают с китайцами в провинциальном правительстве, включая генерала Ходжа-Нияза в Урумчи^{xx}, генерала Махмуда в Кашгаре и генерала Юлбарса в Хами /254б, 188/^{xxx}.

Соответственно изменился и служебный лексикон. В официальных китайских кругах о тюрках не говорят больше на местном сленге как "чаньтоу", а именуют их "вэйур" /"уйгур"/ /254а, 188/.

В августе 1934 г. Шэн Шацай обнародовал "Декларацию 8 пунктов". Во 2-м пункте говорилось о гарантии свободы вероиспо-

ведения. Принципиальная ее необходимость мотивировалась объективными условиями: "Религия – это форма идеологии, которую порождает человеческое общество на определенной ступени экономического и культурного развития. Остальные в экономическом и культурном отношениях массы тем более испытывают потребность в религии. Это факт, который сообщает нам история" /128, 65/. Этой общетеоретической посылкой Шэн Шицай объяснял нецелесообразность волюнтаристских подходов к проблеме религии вообще. Что касается конкретных условий тогдашнего Синьцзяна, то, как говорилось в декларации, современное синьцзянское общество – это махровое феодальное общество. Религия для масс в таком обществе полностью необходима. /128, 65–66/.

Установка Шэн Шицай относительно свободы вероисповедания понимается им прежде всего как гарантия традиционного социального уклада неханьского населения, когда светская власть принадлежит родоплеменным старшинам, носившим титулы имперских времен /гун, ван/, а духовная – священнослужителям. Но при этом Шэн Шицай выступает за свободу религий, бытующих в Синьцзяне /ислам, буддизм/, против исключительного положения какой-либо из них. В равенстве всех религий перед административной властью провинции Шэн Шицай видел путь к межнациональному согласию и соответственно к внутривластной стабильности. Ныне, гласила декларация Шэн Шицай, поскольку мы будем гарантировать положение и права ванов и гунов, ахунов, живых будд, лам, то это значит мы гарантируем свободу вероисповедания. Поэтому любая нация, подпадающая под суверенитет Китайской Республики, безразлично от того, какую исповедует религию, – всем позволено абсолютная свобода, не только не накладываются ни малейших ограничений, а гарантируется всем национальностям право: свободы вероисповедания /128, 65–66/.

В 1934 г. Шэн Шицай провозгласил в качестве одной из 9 главных обязанностей провинциального правительства Синьцзяна защищать положение и привилегии религиозных руководителей^X.

В апреле 1934 г. Шэн Шицай созвал I-й всесиньцзянский съезд представителей народных масс. Среди его участников были представители духовенства. Они были делегированы местными религиозными руководителями /126, 240/.

Представителя ахунов и феодальной верхушки выражали правительству свои соображения относительно участия женщин в работе съезда. После этого женщины участвовали в работе представительных учреждений только в качестве делегатов с правом совещательного голоса /126, 241/.

Таким образом, по крайней мере на первых порах своего правления Шэн Шицай весьма считался с мусульманским духовенством и не предпринимал сколько-нибудь радикальных мер по искоренению устоев ислама в общественной жизни^х.

Внимание к мусульманскому духовенству со стороны Шэн Шицая было проявлением его общего подхода к мусульманскому большинству населения, который заключался в том, чтобы укрепить режим и за счет расширения его политической основы.

Многие мусульмане были поставлены на посты в провинциальной администрации, ранее занимаемые китайцами. Магометане заняли должности заместителя председателя провинциального правительства, директора департаментов просвещения, гражданских дел, финансов, реконструкция, сельского хозяйства и промышленности. "Это было сделано, как сообщалось, для того, чтобы умиротворить мусульманскую часть населения" /144а, 123/.

Частично, чтобы как-то удовлетворить политические амбиции мусульманских верхов, частично, чтобы выиграть дополнительное время для укрепления своей власти на севере и на востоке провинции, Шэн поставил главным военным начальником /кит. - сылин/ Кашгарского округа Махмуда Шичжана и вновь назначил юньнаньского хуэй - мусульманина Ма Шао даоинем Нового города Кашгара. Шэн, однако, чувствовал себя явно неуютно с мусульманами-чиновниками на высоких должностях в Кашгаре. И через месяц послал своего земляка с Северо-Запада Лю Биня занять должность военного начальника в Кашгаре. С прибытием туда 7 августа 1934 г. Лю Биня Махмуд лишился должности сылина.

Лю Бинь был ярким китайским националистом и христианином. Одним из его первых шагов был приказ повесить портрет Сунь Ятсена, отца современного китайского национализма, в мечети Идгач в старом городе Кашгара^х. Кашгарцы встретили это событие с тревогой: по свидетельству английского генерального консула, "слышалось много ворчанья, что большевики захватили страну и стреми-

лись к уничтожению религии" /I89, I39/. Недовольство кашгарцев новым правительством в Урумчи еще больше увеличилось в результате образовательных мероприятий, которые шли вразрез с устоявшимся укладом жизни мусульманской общины. Среди таковых укажем предписание отдавать девочек в школу, сокращение занятий по изучению Корана.

Все вышеприведенные выкладки Э. Форбса определенно носят антишеншицаевский налет и недостаточно фундированы. В какой мере действительно Шэн Шицай повел наступление на устои ислама, вопрос остается открытым. Сообщение английского генконсула о "борчании на счет стремления уничтожить религию" больше свидетельствует об антисоветизме, который был присущ влиятельным представителям населения южного Синьцзяна. Но не только он. Для общественного сознания здешних мусульман был вообще характерен консерватизм, неприятие каких-либо перемен уклада жизни. "Население /Синьцзяна/ - в основном мусульмане турецкого происхождения, а турецкий язык - язык, на котором говорят, но это никак не связано с современной Турцией, скорее турецкий элемент в Синьцзяне решительно настроен против нововведений Мустафы Кемали" /I59a, 517/. Если к этому добавить неудовлетворенные властные амбиции представителей мусульманской верхушки, не пожелавших сотрудничать с Шэн Шицаем или отвергнутых им, то неудивительно, что оппозиция в отношении его не сошла на нет.

Несмотря на широковеещающие заявления Шэн Шицай относительно свободы вероисповедания, знаки внимания к духовенству, он все же не абсолютизировал эту свободу и не был склонен безоговорочно потакать духовенству. Шэн Шицай запретил практику "воскрешения из мертвых", бытовавшую у последователей учения "Ишань цзяо", секты ислама /I09a, 4/^х. Естественно, что вожаки этой секты стали противниками Шэн Шицай и соответственно влияли на умы своих adeптов.

Недовольство мусульман вызывал и запрет на хадж в Мекку /I54, 206/. В памфлете, изданном Группой национальной свободы, выступавшей против власти Шэн Шицай и против китайского присутствия, в этой связи говорилось: "Группы национальной свободы должны бороться за обеспечение свободы религии и будут выступать против всех ограничений, наложенных на нашу религиозную

практику" /154, 204/.

Гораздо более широкий отзыв у мусульманского населения, очевидно, вызвали новации Шэн Шицай в образовательной сфере. При Шэн Шицае в Урумчи тюркские школы, до этого почти всецело религиозные по своему характеру, теперь волей-неволей предлагают рудиментарное политическое обучение /188, 474/. Шэн Шицай именно через школу повел наступление на ислам. Официально не-запрещенный, он подвергался осмеянию в классных аудиториях /252, 52/. Учащиеся представляли собой более благодатную почву для антиисламской пропаганды, нежели взрослые люди, и соответственно школа открывала здесь больше возможностей, в смысле охвата слушателей и их поведения.

Исламский национализм не сошел на нет после заверений Шэн Шицай об уважении исламских ценностей, которые он делал по приходе к власти, будучи имманентно присущ общественному сознанию широких слоев Синьцзяна, в особенности на юге.

Форсирование атеистической пропаганды на юг провинции, предпринятое Шэн Шицаем во второй половине 1936 г. /189, 141/, опосредствовало тому, что оппозиция Урумчи выкристаллизовалась именно на исламской основе и сплотилась вокруг фигуры Махмуда Шичжана, который был "равностным мусульманином" /189, 141/. Эта оппозиционная Шэн Шицаю группа провозглашала своей целью "защиту ислама" /189, 141/.

Парадоксом политической жизни Синьцзяна стало то, что и провинциальный правитель хань Шэн Шицай и его противники из числа мусульманской элиты одинаково выставляют себя защитниками веры. Но соперничества на этом поприще Шэн Шицай не потерпел.

2 апреля 1937 г., опасаясь за свою судьбу, Махмуд Шичжан бежал в Индию /189, 141/. Однако это не укрепило положения Шэн Шицай. С бегством Махмуда Шичжана мусульманская оппозиция Шэн Шицаю на юге Синьцзяна не прекратила деятельности. Вскоре после отъезда Махмуда Шичжана находившиеся ранее в его подчинении войска восстали против провинциальных властей в Яркенде и Янги-Гиссаре. Повстанцы создали правительство во главе с двумя офицерами, служившими под началом Махмуда Шичжана, Кочак Ахуна и Абдуллияза /189, 141/. Это выступление носило ясно выраженную исламскую окраску. Для пущей наглядности своих заверений, что он выступил

"в защиту ислама", Кичик Ахун обязал своих солдат носить нарукавную повязку с надписью "фи сабил-аллах - /араб. - "по пути бога"/ /189, 142/. Выступление тюркоязычных мусульман против провинциального правительства отвечало интересам хуэйского военачальника Ма Хуаня, находившегося в Южном Синьцзяне и враждебно настроенного к Шэн Шицаю. Осадив солдат последнего /командир Цзян Юйфэн/ в Новом городе Кашгара, Ма Хуань информировал английское генеральное консульство, что его бойцы "действовали по договоренности с турками, имея в виду свержение провинциального правительства и замену его исламским правительством, предлагающим определенную преданность Нанкину"/189,143/. Выступления за создание исламского режима сопровождались убийствами всех чиновников, которые получали образование в СССР или подозревались, что питают просоветские астрования /189, 144/.

Учреждение синьцзянского исламского правительства, одна из, не состоялось. Но тем не менее показательна живучесть этой идеи в политической борьбе, которая имела место в Синьцзяне.

К концу октября 1937 г. активная мусульманская оппозиция в Синьцзяне была лишена руководства и находилась в смятении /189, 144/. Однако ислам как феномен психологического порядка не сошел на нет, ибо продолжали существовать его исповедующие, составлявшие подавляющее большинство населения Синьцзяна. В этих условиях Шэн Шицай делает объектом своих репрессий прежде всего тех, кто являлся носителем исламской духовности или проявлял интерес к овладению ей.

Прогрессивная политика Шэн Шицай в период (предположительно - В.К.) 1934-1942 гг. - это враждебность к мусульманам и особенно к казахам. Муллы, а также те,

кто был замечен в чтении религиозных книг, подвергались аресту и были посажены в тюрьму /189,155/.

Шэн Шицай оказался неспособным управиться с исламом как идейно-политическим фактором, дестабилизировавшим обстановку в Синьцзяне.

Шэн Шицай сменил У Чжунсянь, первый губернатор /"председатель"/ Синьцзяна, который с 1911 г. действительно был назначен

и послан национальным правительством. У Чжунсинь симпатизировал политике абсорбации посредством сильного нажима неханьских этносов китайским большинством, защищаемой в гоминьдане группой "СС". Основные установки этой политики - решительное пренебрежение просвещением на некитайских языках и другие меры для денационализации неханьских народов /253, 58/.

В 1942-1945 гг. безудержная инфляция, коррупция должностных лиц и возобновившаяся иммиграция хань слились, чтобы вызвать глубоко укоренившуюся злобу на власть гоминьдана у всех тюркоязычных мусульманских народов Синьцзяна. Ухудшение социально-экономических условий, вызванных, в частности, инфляцией, непосредственно сказалось на возможности выполнять предписания веры. "Исламский обычай предписывает, чтобы труп был завернут в саван, для чего требуется до 20 футов ткани. Теперь не было ничего, в чем хоронять мертвых. Это было последнее оскорбление, последнее унижение" /168а, 204/.

Очевидно, предвосхищая возможный взрыв недовольства мусульман-тюрков, правительство Китая принимает меры по усилению позиций У Чжунсиня. Через год после отъезда Шэн Шицая в Чунцин /он вылетел туда 11 сентября 1944 г./ два соединения дунганской конницы из Цанхая /5-я и 42-я конные армии/ были переведены, чтобы укрепить гарнизон гоминьдановцев в Синьцзяне /189, 168/. В присылке сюда именно хуэйских войск прослеживается традиционная установка "руками дикарей обуздывать дикарей", применительно к нашему случаю - "руками мусульман держать в повиновении мусульман", - тем более, что события 30-х гг. оставили след в памяти как уйгуров, так и хуэй, а именно обоюдные неприязнь и обиды.

Политика, проводимая У Чжунсинем, способствовала возникновению очередной революции мусульман.

Глава 7. ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ И МУСУЛЬМАНЕ КИТАЯ

Курс КПК на вовлечение мусульман в антияпонский фронт

Агрессивные происки японского империализма в отношении Китая, опосредствованные в 1931 г. в захвате Маньчжурии, нашли живейший отклик в общественно-политической жизни страны, дав толчок активизации самовыражения различных групп общества и организаций. Отношение к японской агрессии выступало показателем степени патриотизма и являлось одним из отправных моментов в борьбе против национального правительства в стране. Противники национального правительства в стране осуждали его за пассивность в отношении агрессивных происков Японии, за неприятие действенных мер по их пресечению. Очень показательно, что советское правительство в Цзянси объявило войну Японии в начале 1932 г. /254, 85/.

Практически же кампанию под лозунгами отпора японскому агрессору руководство КПК смогло осуществлять несколько позднее, когда ее вооруженные силы оставили провинцию Цзянси и совершили "великий поход" на Северо-Запад, в провинции Шэньси и Ганьсу. Создав здесь опорную базу, КПК активизирует пропагандистские усилия по созданию единого антияпонского фронта, одним из отрядов которого должна была стать мусульманская община. Но прежде чем непосредственно обращаться к изложению того, как это обстояло на деле, рассмотрим основные установки КПК по мусульманскому вопросу во время "Великого похода" и обживания Красной армией Северо-Запада, а равно и как складывались отношения у нее с местными мусульманами.

В середине 30-х гг. главные силы Красной армии, руководимой КПК, совершая переход на Северо-Запад, вплотную столкнулись с мусульманской проблемой.

И если дело обстояло так, как излагает О. Браун, то первые контакты Красной армии с мусульманами свелись к вооруженному столкновению. В конце сентября 1935 г. 25-й корпус 1-й армии

под Пяньном обратал в богатство кавалерия генерала Ма Хуньля /18, 192/.^А

Этот инцидент, судя по заверению О. Брауна, был незначителен и не оказал негативного воздействия на взаимоотношения бойцов вооруженных сил КПК с мусульманами. "В той части Ганьсу, — продолжает О. Браун, — которую мы пересекали, жила преимущественно китайские мусульмане. Я должен подчеркнуть, что бойцы с уважением относились к их религиозным обрядам. Политуправление выпустило инструкцию, в которой, в частности, запрещалось ходить в мечети и жилища дома, пользоваться кухонными котлами и посудой местных жителей, есть свинину и т.п. Такое образцовое отношение к населению принесло свои плоды — у нас не было никаких трудностей с продовольственным снабжением. Кроме того, здесь было много помещиков, у которых мы могли реквизировать продовольствие. Необходимое содействие нам оказали в этом жители, подвергавшиеся жестокой эксплуатации со стороны местных милитаристов. С тех пор, как мы миновали земли народности лоло, у нас впервые установились дружественные отношения с меньшинством в строгом смысле не в национальном, а религиозном. Последствия этих контактов как выяснилось, сказались позднее, когда в 1936 г. Красная армия распространяла сферу влияния советского района и на эту территорию" /18, 193/. Последнее требует, что весьма существенно, уточнения.

Мы специально воспроизвели пространный пассаж из книги участников событий, чтобы показать установки КПК в 30-х гг. в отношении мусульман. Как все обстояло на деле, судить по этим утверждениям определению весьма трудно. Тем более, в самом цитированном фрагменте отдельные суждения звучат двусмысленно и противоречиво.

Бойцам Красной армии запрещалось есть свинину в присутствии мусульман. А где было взяться ей, если последние не занимались разделением свиней? Как понимать утверждение, что Красная армия не испытывала никаких трудностей в изыскании продовольствия? — Означает это, что мусульмане добровольно и безвозмездно снабжали довольствием бойцов Красной армии, или оно изыскивалось путем реквизиций у многочисленных помещиков? Притом, весьма сомнительно, чтобы простые мусульмане, крестьяне, спешали оказывать

помощь в экспроприации достояния у своих единоверцев-помещиков.

Свидетельства О. Брауна существенно дополняют сведения американского журналиста Э. Сноу, который посетил северо-западные районы Китая в 1936 г. по прибытии туда частей Красной армии. Приведем сведения, собранные Э. Сноу, и его суждения.

Работа коммунистов среди магометан началась несколько лет тому назад на Северо-Западе. В начале 1936 г., когда Красная армия двинулась через Нинся и Ганьсу к Желтой реке, авангарды из молодых мусульман уже вели пропаганду среди нинсянских войск, побуждая к ниспровержению "цепных собак гоминьдана" и "изменников магометанства" Ма Хункуя /254, 317-318/.

Основные обещания, которые коммунисты делали мусульманам, суть:

Отменить все добавочные подоходные налоги.

Помочь создать автономное магометанское правительство.

Запретить набор в армию.

Ликвидировать старые долги и займы.

Гарантировать свободу религии для всех сект.

Помочь создать и возродить антияпонскую магометанскую армию.

Помочь объединить магометан Китая, Внешней Монголии, Сяньчзяня и Советской России /254, 318/.

Как видим, руководство КПК представило широкую программу для привлечения на свою сторону мусульман. Эта программа включала в себя как социально-экономические и политические мероприятия, объективно отвечающие интересам широких слоев мусульман, так и чисто специфические, касающиеся веры. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что руководство КПК, если изложена программа соответствует действительности, не прочь сыграть и на чувстве панисламизма. В целом установки были рассчитаны почти на каждого мусульманина, за исключением наиболее одиозных представителей черхушья. В известной степени и для мусульманского духовенства программа КПК имела притягательную силу. "Даже некоторые из ахунов усматривают возможность избавиться от Ма Хункуя /наказать его за сожжение мечетей Старой и Новой школ/ и также шанс реализовать старое стремление - восстановить прямые контакты с Турцией через Центральную Азию" /254, 318/.

Судя по содержанию вышеизложенной программы, ближайшей по времени задачей КПК было обрести по меньшей мере лояльность мусульман перед лицом угрозы со стороны прежде всего гоманьдана, а не Японии, которая непосредственно тогда Красной армией не угрожала, не имея с ней соприкосновения. И линия на создание анти-японского фронта в вышеизложенных установках не доминирует. Говорится между прочим лишь о создании антияпонской магомеданской армии. И в то же время КПК против набора мусульман в гоманьдановскую армию, т.е. в вооруженные силы национального правительства Китая, выступавшее от имени страны в противостоянии с Японией.

Если выше речь шла о политических установках КПК в отношении мусульман на основании воспоминаний участника событий и очевидца, то на период с конца мая 1936 г. мы располагаем директивой Главного политического управления Красной армии о работе среди мусульман от 24 мая 1936 г.

Как гласила эта директива, при прохождении Красной армией через районы проживания хуэй, необходимо установить тесные связи с мусульманами. Внезапное появление в местах их проживания ханьского воинства, как бы оно не именовалось /цветовое обозначение само по себе ничего не говорило/, не могло не настораживать. Чтобы расположить к себе местное население, личному составу Красной армии следовало вести себя всемерно предупредительно. Конкретно, в инструкции указывалось: бойцам Красной армии "надлежало строго придерживаться обнародованных "3 больших запретов в отношении мусульман", "4 больших разъяснений". "3 больших запрета" суть: запрещается жечь каноны на арабском языке. "4 больших разъяснения" включали в себя быть опрятными, уважать нравы и обычаи мусульман /64, 14/.

От бойцов Красной армии требовалось учитывать и уважать не только бытовые особенности мусульман, но бережно и заботливо относиться к мечетям, средоточиям духовной жизни мусульман. В директиве Главпура Красной армии обращалось внимание на необходимость охранять мечети в районах проживания хуэй, посылать в подарок мечетям доски с надписями, притом, исходя из того, что ритуал мусульманской веры необычайно почитают, с уважением присылая, добиваться таким образом горячей поддержки мусульман

/64, 14/.

Учитывая то влияние, которым ахуны пользовались в повседневной жизни мусульман, авторы инструкции указывают на необходимость в первую очередь добиваться их согласия при проведении Красной армией тех или иных мероприятий. Так, при изыскании до-вольствия "сперва нужно безусловно обговорить это с ахунами и стариками /64, 15/.

Руководство КПК и Красной армией, рассматривая территорию Северо-Запада как свою опорную базу, помняло не только о том, чтобы обеспечить доброжелательность первых контактов с мусульманами. В расчете на более отдаленную перспективу оно имело в виду привлечь на свою сторону широкое олоо мусульманского населения путем целенаправленной работы с ним. "Работа с мусульманами, - говорилось в инструкции, - требует создания групп по работе с мусульманами, нужно изучать бытовые обычаи, а также политику и методы в отношении мусульман" /64, 15/.

Первоочередной целью прихода Красной армии на Северо-Запад была не реализация объявления войны Японии, сделанного в 1932 г., но самовывживание как военно-политической силы в условиях непре-кращающейся войны с гоминьданом. Правильно КПК к борьбе с Японией, как отвечавшие интересам патриотических слоев населения Китая, были подчинены этой задаче.

Воинствующий антикоммунизм гоминьдановского правительства Китая и правящих кругов Японии объективно делал тех и других врагами КПК и Красной армии. Но если японская армия для них была еще близким соседом, то этого нельзя было сказать о гоминьданов-ских войсках, в союзе с которыми выступили воинские подразделе-ния местных мусульманских генералов. Отсюда с приходом на землю Северо-Запада целью курса КПК и командования Красной армией в отношении мусульман было поднять их на борьбу против гоминьда-на как военными, так и политическими средствами. В числе послед-них было и создание собственных органов власти в соответствии с установками и целями партийного и военного руководства Красной армией. "Развивать национальное самосознание у хуэй и разверт-вать борьбу, - гласила инструкция Главпура, - направить эту борьбу на свержение политического правления гоминьдана, на соз-дание собственного правительства мусульман" /64, 15/. Мусульма-

не должны быть нашим подконтрольным союзником в вооруженной борьбе - таковы установка руководства КПК в Красной армии.

Подход к вооружению мусульман был двойным. В зависимости от обстоятельств предусматривал создание мусульманских отрядов, не входящих организованно в состав Красной армии, а также прием в ее ряды мусульман /при этом обращалось внимание на соблюдение их бытовых привычек/ с последующим формированием чисто мусульманских подразделений. В цитируемой инструкции Главпура говорилось: "Во время развертывания борьбы, одновременно нужно осуществлять создание мусульманской организации", "одновременно создавать мусульманские вооруженные отряды или партизанские отряды, мы можем послать своих людей участвовать в их работе и руководить". Это - с одной стороны. И с другой. - При расширении рядов новых бойцов Красной армии из числа мусульман необходимо учитывать их бытовые привычки, и как только дело начнется - наладить отдельную систему формирования.

Армия - решающая сила в политической борьбе, как считало руководство КПК, будь-то в конфронтация с гоминьданом или с японским империализмом. Отсюда исходная установка - не может быть мусульманской армия, которая будет склонна вести войну с японцами, вне подчинения командованию Красной армией, создавая мусульманскую антияпонскую армию, с самого начала обусловить, что она будет находиться под единым командованием Красной армии - гласила уже упоминавшаяся инструкция политуправления Красной армии /64, 15/.

Подход руководства КПК к созданию новых органов власти учитывал как национальную чересполосицу, имевшую место в провинциях Шэн-си, Ганьсу, так и влияние родоначальников и духовенства в жизни мусульманской общины.

"В уездах и районах, - гласила инструкция Главпура, - где хуэй и хань смешанно проживают, можно организовать уездное или районное коалиционное правительство, в котором представлены люди хуэйской и ханьской национальности, что касается председателя, зампредседателя, количества представителей и членов правительства, то это определяется сообразно количества мусульман и ханьцев в указанном уезде или деревне; в уездах и деревнях, где компактно проживают мусульмане, организуется мусульманами

только мусульманское правительство" /64, 15-16/. И еще: "Любые родовитые люди, ахуны, а также мусульмане, которые стремятся к освобождению хуэй, могут участвовать в мусульманском правительстве" /164, 15/.

Выступая за пробуждения инициативы у мусульман в деле борьбы с гоминьданом и выступая с учетом данного обстоятельства за развитие национального самосознания у хуэй, руководство КПК одновременно стремится направить самостоятельность мусульман в нужное ему русло, не допуская самостоятельности. Отсюда предмет особых забот для руководителей КПК — подготовка и воспитание кадровых работников из среды мусульман, которые бы стали проводниками политических установок КПК в мусульманской общине. Так, Главпур в своей директиве от 24 мая 1936 г. сделал упор на необходимость в ходе борьбы "выдвигать и воспитывать новые мусульманские кадры, всемерно привлекать всех мусульман, которые желают решительно бороться за дело хуэй, в особенности руководителей, пользующихся доверием мусульман", одновременно предписывал "мусульманских товарищей всех отрядов и всех политических учреждений полностью сосредоточить на местной работе в политических учреждениях, притом сделать упор на их воспитание, создать и усилить руководящие мусульманские кадры" /64, 16/.

Для руководства КПК мусульманский вопрос имел жизненно важное значение, ибо оно намеревалось сделать своей опорной базой Северо-Запад, основной район компактного расселения мусульман. Воспроизведем, что говорили по этому поводу сами руководители КПК: "Более десяти миллионов магометан на Северо-Западе, занимающем чрезвычайно важное положение. Наша нынешняя миссия и ответственность состоят в том, чтобы защищать Северо-Запад и создать антияпонскую базу в этих пяти провинциях, с тем чтобы мы могли более сильно возглавить антияпонское движение всей страны и стремиться к непосредственной войне против Японии. В то же самое время в порядке улучшения нашего положения мы можем войти в связь с Советским Союзом и Внешней Монголией. Однако будет невозможно выполнять нашу задачу, если мы не сможем расположить магометан к нашему антияпонскому фронту" /254, 317/.

Руководство КПК, претендуя на роль подлинных патриотов Китая, рассчитывало сплотить под лозунгом отпора агрессивным пре-

вокам Японии мусульман Северо-Запада, противопоставить их национальному правительству Китая.

О том, как на деле осуществлялась установка КПК по мусульманскому вопросу и о конкретных результатах реализации ее программы, известно представление двух личных наблюдений Э. Сноу.

От издания инструкции на счет того, как вести себя в отношении мусульман, не следовало ожидать, что в настроениях ханьской в основном Красной армии само по себе произойдет мгновенный перелом, что мигом исчезнут издавна бытовавшие предубеждения в отношении ханьей. Поэтому по прибытии в Ганьсу руководство Красной армии не прекращает соответствующей политико-воспитательной работы среди личного состава. В I и I5 армейских корпусах проводился интенсивный инструктаж, чтобы просветить бойцов на предмет понимания политики КПК в отношении мусульман и ее усилий создать "Единый хуэй-ханьский фронт". Э. Сноу присутствовал на нескольких политических занятиях, на которых солдаты обсуждали "Маоветанскую революцию". /254, 322/.

Э. Сноу подробно рассказывает, как бойцов Красной армии наставляли вести себя с мусульманами. Другая группа, пишет он, занималась обзором истории взаимоотношений между мусульманами и китайцами, а еще одна — обсуждала необходимость соблюдения правил поведения, которые были изданы для всех солдат, расположенных в мусульманских уездах. Правила эти провозглашали, что красные солдаты не должны входить в дом мусульманина без его согласия; каким-либо образом осквернять мечеть или оскорблять священника; говорить "свинья" или "собака" в присутствии мусульманина, или спрашивать его, почему они не едят свинину; или называть мусульманина "малой верой", а китайцев — "большой верой". /254, 322/.

Из сообщаемых Э. Сноу фактов явствует, что на северо-западе Китая столкнулись по существу не только две политические силы — КПК и гоминьдановский режим в лице мусульманских генералов, но две этнокультурные общности — мусульмане и ханьское по национальной принадлежности войнство Красной армии.

Очевидно, не полагаясь полностью на сознательность красноармейцев, руководство Красной армии практиковало отправку специальных команд для охраны и поддержания в чистоте мечетей

/254, 339/. Военачальники подавали личный пример уважительного отношения к ахунам. Так, Пэн Дэхуай отдал местному ахуну красную деревянную кровать, которую ему подарили крестьяне /254, 339/.

В борьбе за умы мусульманских масс партийное руководство Красной армии действовало по двум направлениям. С одной стороны, прилагались усилия, чтобы весь личный состав армии осознал и принял установки "мусульманской политики" КПК, с другой, — проводилась непрерывная работа с крестьянством. Два мусульманских учебных полка вели эту пропаганду. Кроме того, роты Красной армии тоже посылают свои пропагандистские группы от дома к дому, объясняя политику КПК и убеждая крестьян организоваться, армейские драматические группы ездят по деревням, играя магометанские пьесы, основанные на местных фактах и исторических событиях и предназначенные агитировать население; распространялись листовки, газеты и лозунги, написанные по — читайки и по — арабски, часто созывались массовые митинги, для создания революционных сельских Советов /254, 325/.

Рассмотрим, каковы были конкретные результаты объявленной КПК программы по мусульманскому вопросу.

1. Относительно создания мусульманских формирований. — К маю 1936 г. коммунисты объявляли, что они добились того, что скептики сказали было невозможно. "Они /коммунисты. — В.К./ хвалились, что они создали ядро Красной армии китайских мусульман" /254, 318/. Его составили 2 учебных полка из магометан, в основном из бывших солдат Ма Хункуя и Ма Хунбина /254, 318/.

Об особенностях быта в этих подразделениях /о необходимости соблюдать которые особо говорилось в директиве Главпура/ Э. Сноу по существу ничего не сообщает. Ограничивается замечанием, что солдаты этих полков еще преданы своей вере /254, 319/. В то же время он свидетельствует о методике и формах политического воспитания бойцов-мусульман. "Стены барачков были увешаны лозунгами, картинками и плакатами такого содержания": "Долой Ма Хункуя!", "Бороться против постройки Японией аэродромов, производства съемок и вторжения в Нинся!", "Создать независимое правительство магометанского народа!" "Создать нашу собственную антияпонскую магометанскую Красную армию!" /254, 219-20/. Тако-

вы были призывы, которые привлекли мусульман последовать за коммунистами, а ответы, данные мне мусульманскими солдатами относительно того, почему они присоединялись к красным/254, 320/.

Политическим воспитанием мусульман-красноармейцев повседневно занимались магометане, члены КПК, которые прошла через партийную школу. Бойцов-мусульман упомянутых подразделений знакомили с "Коммунистическим манифестом", с ними прорабатывались уроки из "Классовой борьбы", ежедневно читались лекции "а ля марксизм" /254, 321/.

2. Относительно выступлений мусульман под руководством КПК при Гоминьдановском режиме. - Сам по себе факт создания двух мусульманских подразделений говорит о том, что некоторая часть мусульман решалась бороться с мусульманскими генералами, олицетворявшими гоминьдановский режим на местах. На вопрос Э. Сноу, почему он примкнул к красным, магометанин-командир ответил так: "Чтобы сражаться с Ма Хункуем. Жизнь слишком тяжела для нас, хуэймань, при Ма Хункуе. На одна семья не чувствует себя в безопасности. Если в семье 2 сына, один из них должен вступить в его армию. Если в ней 3 сына, 2 должны вступить. Нет никакой возможности спастись - если вы не богаты и не можете платить за налог за подмену ... каждый человек, зачисленный в войско Ма, обязан был принести собственную одежду, а его семья должна была оплачивать его питание, платить за отопление освещение. Это стоит несколько десятков долларов в год"/254, 320/.

В какой степени подобные суждения были типичны для настроений мусульман, сказать определенно трудно. Прежде всего потому, что мессектантские распри тоже оказывали влияние на отношение рядовых мусульман к тому или иному мусульманскому генералу. Э. Сноу приводил такой факт, который говорит о том, что крайне враждебное отношение к упоминавшемуся Ма Хункую не было подавляющим среди мусульман. "Я спросил его /мусульманина-крестьянина. - В.К./ действительно ли чиновники Ма Хункуя были такими плохими, как утверждали красные. Он комически вскинул руки, потешно негодуя ... "Ай-я! Ай-я! - закричал он. - Ма Хункуй, Ма Хункуй! Задавивший нас налогами до смерти, крадущий наших синовей, поджигающий и убивающий!" - Все, кто находился во дворе, засмеялся над агитацией старика" /251, 321/. Возвращаясь к предназначению

упомянутых мусульманских формирований, отмечам, что даже один из их командиров видит свою первоочередную задачу вовсе не в борьбе с Японией, а в войне с Ма Хункуем, т.е. с гоминьдановским режимом.

3. Относительно создания мусульманских органов власти. - К июлю 1936 г. несколько магометанских общин в Нянся избрали сельские Советы, посылали делегатов в Кван бао /254, 323/, чтобы совещаться с тамошними мусульманами-коммунистами.

В начале сентября 1936 г. в Нянся состоялся митинг из 300 мусульманских делегатов от Советов, избранных деревнями, находившимися под контролем Красной армии /254, 323/. Несколько ахунов, учителей, торговцев и 2 или 3 мелких помещиков были среди участников митинга, но в основном их представляли бедные крестьяне. Собрание делегатов избрало председателя и временное мусульманское советское правительство. Они постановили сотрудничать с Красной армией, приняли ее предложение создать антияпонскую магометанскую армию и начать сразу организацию катаяско-мусульманской единой лиги, лиги бедняков и массового антияпонского общества /254, 323/.

4. Относительно свободы вероисповедания и отношений с духовенством. - Присутствие нескольких ахунов на собраниях депутатов Советов, о чем говорилось выше, несомненно свидетельствовало о том, что политика уважительного отношения к духовенству давала свои результаты. Известным обобщением наблюдения Э. Сноу могут служить суждения О. Лэттимора. "С момента, когда они /коммунисты. - В.К./ вступили в мусульманский Северо-Запад, ни одна мечеть не была сожжена и ни один ахун /мулла/ не пострадал" /210, 275/. Но означает ли это, что в своей массе ахуны держались благожелательно в отношении КПК и Красной армии - вопрос остается открытым. Психологический стереотип требует значительного времени для его изживания, подтверждением чему следующее свидетельство того же О. Лэттимора. Ахуны вообще не спешили вступать в контакты с Красной армией. "Это заняло у нас порядочное время, чтобы поймать нашего первого ахуна, - сказал мне руководитель коммунистов прошлым летом /летом 1937 г. - В.К./ /210, 275/.

Публичные заявления руководства КПК в передаче посторонних наблюдателей нельзя, очевидно, отождествлять с его подлинными,

конечными целями. В условиях того времени, о котором ведем речь, руководство КПК, прежде всего, заботилось о самосохранении как политической силы, естественно, нуждалось в жизненном пространстве. Красная армия пришла не на ничейные земли и не по приглашению местного населения. КПК и Красной армии нужно было не только ужиться с ним, но и показать себя силой, способной постоять и за себя и отстаивать кровные интересы народных масс. Война — вот основная задача дня — такова в сущности программа, которую предлагает КПК мусульманам Северо-Запада во второй половине 30-х гг. Война против гоминьдановского режима, т.е. против местных милитаристов, и война против японского империализма. Первая — более неотложная по времени, другая — по ходу дела. На собрании командного состава в Тяобаоцзу 6 сентября 1936 г. Пэн Дахуай говорил: "Причины для нашего продвижения в эти уезды прежде всего заключаются в том, чтобы расширить и развить наши советские уезды, во-вторых, чтобы сотрудничать с продвижением и наступлением 2-й и 4-й полковых армий /в Каню Ганьсу/; в-третьих, чтобы ликвидировать влияние Ма Хункуя и Ма Хунбяня в этих районах и создать единый фронт непосредственно с их войсками.

Мы должны освободить здесь магометанские массы как можно быстрее, вооружать их, как только они будут организованы и создадут свое собственное представительное правительство, и таким образом развернут на ранней ступени антияпонскую мусульманскую армию" /254, 342/.

Война под знаменем борьбы с гоминьданом и его местными прихвостнями в лице определенных мусульманских генералов по сути дела означала вмешательство КПК в межсектантские распри, издавна присущие жизни местной мусульманской общины, выступление Красной армии на стороне одной из противоборствующих мусульманских сект. В такой ситуации трудно было ожидать, что КПК и Красная армия могла рассчитывать на всеобщую поддержку и сочувствие мусульман Северо-Запада. Претензии руководства КПК на то, чтобы быть признанным единственным руководителем отпора проискам японского империализма шли вразрез с конкретными условиями тогдашней действительности. В частности и потому, что КПК не являлась общепризнанным политическим руководителем среди населения Северо-Западного Китая. Тем не менее, установки КПК по му-

мусульманскому вопросу давали известные плоды.

В апреле 1938 г., как пишет Д. Хувер, в Бейпине он ознакомился с циркулярным письмом, направленным китайским мусульманам созданным КПК пограбичным правительством Хэбэй-Чахар-Шаньси. Это письмо восхваляло должное последователям ислама за солидарность их далеко разбросанных общин и храбрость их бойцов, говорило о бедствиях, которым их деревни подверглись или могут ожидать от вторгнувшихся японских армий, и призывало могучих уважаемых мусульман полностью внести свой вклад в усилия, направленные на то, чтобы остановить продвижение японцев /197, 657/.

Американский корреспондент, указывает Д. Хувер, который снабдил меня этим документом, самодично велел целую бригаду мусульман-бойцов, возглавляемых мусульманами-офицерами, которые занимали свои казармы и были снабжены собственными кухнями, но полностью сотрудничавших с более крупной "народной армией" в Центральной Хэбэй, частью которой она была /197, 657/. В порядке проверки этой информации Д. Хувер велел беседу с ахуним селения возле Баодяна. Тот сказал, что коммунисты хорошо обращаются с людьми и очень нравятся мусульманам за отправление правосудия, и откровенно утверждал, что "если такое хорошее обращение будет продолжаться, гораздо больше мусульман станет активно сотрудничать с ними в их оппозиции японскому правительству Северного Китая".

Каков реальный вклад мусульман, сотрудничавших с КПК, в общенациональную антияпонскую войну, сказать трудно. Но сам по себе факт остается фактом, что в годы войны с Японией известная часть китайских мусульман координировала свои действия не с национальным правительством Китая, но с КПК. В то же время помимо ее действовала патристические мусульманские организации, которые не исключали сотрудничества с мусульманскими генералами, находившимися в состоянии войны с КПК и Красной армией.

КПК пыталась пробудить и взять в свои руки общественно-политическую деятельность мусульман в сельской местности, в то время как в городах существовали различные мусульманские организации. В частности, борьба с японским империализмом тоже входила в программу их деятельности.

В 1934-1935 гг. в Северо-Западном Китае был создан Му-

мусульманский союз национального спасения. Активную роль в его учреждении сыграл У Пин^х. Однако до событий 12 декабря 1936 г. союз не имел возможности открыто работать /294, /.

В начале 1936 г. в Тяньцзине состоялась конференция членов комитета Магометанского молодежного союза. Несколько месяцев ранее деятельность его была подавлена. На упомянутой конференции было восстановлено его право на организационное существование. Участники конференции одобрили программу из 3 пунктов: за сопротивление японскому империализму, за объединение Республики Китая и расовое равенство всех племен /287, 14/.

После известных "сланьских событий" стал официально функционировать Мусульманский союз национального спасения с открыто учрежденной конторой в Сиане. Большинство членов союз располагал в Северо-Западном и Северном Китае. Имел своих представителей в 6 провинциях: Ганьсу, Шэньси, Цинхай, Нияси, Хунань и Шаньдун. Организационно в союз входила Магометанская молодежная партия /294, /.

Программа деятельности союза включала в себя как задача текущего момента, так и более отдаленной перспективы. Об этом У Пин говорил так: "Сегодня самое важное дело для всех китайцев, будь то магометане или сыновья Хань^{хх}, — борьба за освобождение нации от иностранной агрессии. Хотя магометане находятся под двойным гнетом империализма и ханьзма, на нынешнем этапе мы должны вступить в единый фронт китайской нации, с тем чтобы сперва освободиться от империалистического рабства. Свобода китайской нации как целого должна быть достигнута до того, как сама магометане смогут говорить о своем собственном освобождении. Поэтому сегодня, мы, магометане, всем сердцем поддерживаем освободительное движение китайской нации как целого и стараемся внести в нее свой вклад" /294/.

На поверку он оказался не столь большим и энтузиазм был не столь силен, как признавал сам У Пин. "Наше намерение заключается в том, чтобы вооружать силы магометан под нашим руководством, так чтобы они могли принять участие в антияпонской войне. Но наши силы ограничены. У нас теперь менее 1 тысячи человек, организованных, как "антияпонские добровольцы китайских мусульман" в пограничных областях между Шэньси и Ганьсу. Это в основном кон-

ники под командованием Ма Суйцана /294 /. Но это дело продвигается медленно" /294 /. Обращает на себя внимание стремление сохранить самостоятельность мусульман в движении единого фронта за отпор японской агрессии, оставить воинские подразделения мусульманам под началом командиров - мусульман. Все это, конечно, не случайно и проистекало из политической перспектив после отражения внешней агрессии.

Мусульманский союз национального спасения заявляет о себе не просто как об общественной организации, выступающей лишь с антияпонских позиций, но как о политической мусульманской партии. Относительно политической программы союза У Пин говорил следующее: "Наша политическая программа в действительности есть программа Магометанской молодежной партии. Объясню вкратце. Мы считаем магометан одним из самых больших племен Китая. Но в китайской политической истории они подвергались дискриминации и угнетению. Для освобождения магометанских племен как целого необходимо создать нашу собственную магометанскую политическую власть, так чтобы политически мы, магометане, могли стать независимыми и свободными" / 294 /.

За отсутствием данных не представляется возможным сказать, как относился упомянутый союз к установкам КПК по мусульманскому вопросу. Что же касается отношения Магометанского союза национального спасения к магометанским военным руководителям, таким, как Ма Буфан, председатель правительства Цинхая, и Ма Хункуй, председатель правительства Нянся, У Пин ответил: "Конечно, они согласны с принципами нашего союза и теперь с нами ведутся переговоры. Ма Хункуй проявляет чрезвычайное понимание нашего движения, его целей и задач, но остальные находятся более или менее под влиянием феодальных идей, которые, конечно, представляют собой камень преткновения для подлинного понимания" /294 /.

Будучи конфессиональной организацией /это нашло отражение и в названии союза/, союз, естественно, не мог оставаться в стороне от религии, ислама. Судя по словам руководителя союза, программа последнего была основана на заповедях веры и не предусматривала насаждения религиозности, не призывала к самоутверждению мусульман /как членов этнорелигиозной общины/ только по чисто религиозному признаку и соответственно обособленного их в обще-

отве. Так, на вопрос "Имеют ли место какие-либо конфликты между политической программой вашего Союза и принципами Вашей религии?" — У Пин ответил: "Нет, наши религиозные принципы учат нас больше о "смерти", чем о "жизни". Обычно наша религия была отделена от политики. Когда мы сперва начали наше движение, многие из тех, кто придерживался буквальной интерпретации наших религиозных принципов, выразил некоторое противодействие. Но мы ожидаем спокойно, что она поймут нас по прошествии определенного времени. В конце концов жизнь гораздо важнее, чем смерть"/294 /.

Борьба с агрессивными происками японского империализма не была самодовлеющей задачей союза. Активизация общественного мнения в стране под лозунгом оказания сопротивления Японии являлась опосредственной формой общеполитической кампании, направленной против политики гоминьдановского национального правительства как таковой. И для упоминаемого союза приверженность антияпонским лозунгом была в известной степени показателем патриотичности, давала основания отвести подозрения в наличии каких-то особых, узкогрупповых целей. В то же время демонстрация патриотизма общенационального характера не уводила руководство союза от решения вопросов, непосредственно касавшихся мусульманской общины, прежде всего, образовательных возможностей для мусульман. "Одна из огромных потребностей нашего народа — образование, — говорил У Пин. — У нас сейчас много начальных школ в различных местах, но очень мало средних школ и лишь один или два университета. Для продолжения образования наши молодые люди должны ехать или в Турцию или Египет. Имеется достаточное количество мусульманских публикаций, но большинство из них издаются людьми с узким кругозором, которые связаны феодальными традициями".

Традиционное отчуждение между мусульманами и хань, составлявшее характерную особенность не только бытовой, но и общественно-политической жизни Китая, продолжает давать себя знать и перед лицом агрессивных происков японского империализма. С проблемой преодоления предубеждения мусульман в отношении хань, в частности, в Северо-Западном Китае, сталкивались и руководители КПК и лидеры Мусульманского союза национального спасения. "Совершенно другое дело — верило ли большинство из них /т.е. мусульман. — В.К./, что красные были искренни в своих обещаниях.

Я сомневался в этом. Годы дурного обращения со стороны китайских милитаристов и расовая ненависть между хань и хуэй /китайцам и мусульманином/ оставили среди них глубокое и оправданное недоверие относительно мотивов всех китайцев, и было невероятным, что коммунисты смогли сломать этот мусульманский скептицизм за столь короткое время", - писал Э. Сноу /254, 321/.

Вместе с тем он приводит некоторые свидетельства относительно того, что пропаганда и агитация КПК среди мусульман давали определенные плоды: отдельные лица преодолевали национальную ограниченность и слепую веру в непогрешимость духовных владык. "Среди самых солдат /сотрудничавших с Красной армией/ появились также, у которых историческая враждебность была преодолена или постепенно превратилась в классовый антагонизм. Так, когда я спросил некоторых мусульман-солдат, думают ли они, что хуэй и хань могут сотрудничать при советской форме правительства, один /выделено нами. - В.К./ ответил: "Китайцы и мусульмане - братья, в нас мусульманах также есть китайская кровь; все мы принадлежим к Да Чжунго /Великому Китаю/ и поэтому почему мы станем сражаться друг с другом? Наши общие враги-помещики, капиталисты, ростовщики, наши угнетатели - правители и японцы. Наша общая цель - революция" /254, 321-2/.

Социальная психология правоверного мусульманина в немалой степени определялась установкой веры о том, что всякий немусульманин - "неверный". Изживание подобного представления в известной степени /наряду с прочими обстоятельствами/ в принципе зависело от поведения ахунов, духовных владык.

Э. Сноу воспроизводит обмен мнениями с мусульманином-бойцом Красной армии относительно того, как относиться к ахунам.

- Но что если революция вмешивается в вашу религию?

- Нет никакого вмешательства, Красная армия не вмешивается в магометанское богослужение.

- Хорошо. Я имею в виду кое-что вроде этого. Некоторые из ахунов /священников/ - богатые помещики и займодавцы, не так ли? Что если они выступают против Красной армии? Как вы поступите с ними?

- Мы будем убеждать их присоединиться к революции. Но большинство ахунов - не богатеи. Они симпатизируют нам. Один из

командаров нашей роты был ахун.

- Еще, предположим, некоторых ахунов нельзя убедить, они объединяются с гоминьданом, чтобы выступить против вас?

- Мы накажем их. Они должны быть дурные ахуны, и люди потребуют их наказания" /254, 322/.

Проблема сплочения усилий мусульман и хань в борьбе против агрессивных происков японского империализма была довольно сложной и о степени ее трудности не дают достаточного полного представления суждения, выше приведенные Э. Сноу. И что принципиально важно, решением проблемы объединения усилий мусульман и хань в деле создания единого антияпонского фронта занималась не только КПК.

Перед нами, говорил уже упоминавшийся У Пин, стоят те же самые проблемы, с которыми сталкиваются все работники во Фронте национального спасения. Но кроме того, мы должны преодолеть предубеждения наших людей и убедить их в том, что, чтобы обеспечить собственное освобождение, они должны сражаться рука об руку с остальными людьми Китая за национальное освобождение /294 /.

Антияпонская деятельность, в которой в той или иной степени принимали участие китайские мусульмане, не ограничивалась Северо-Западным Китаем. В Северо-Восточном Китае, оккупированном японцами, была создана 3 армейская группировка Северо-Восточной Народно-революционной армии. В ней наряду с представителями различных партий и религиозных групп участвовали магометане, "которые не едят свинину" /286, 12/.

Таким образом можно говорить о том, что, минуя национальное правительство Китая, определенные общественные силы стремятся мобилизовать мусульман Китая на борьбу против агрессивных происков японского империализма, в частности, сделать непримлемыми планы создания "Мусульманского государства" в Северо-Западном Китае, с которыми выступают японские империалисты. Идея эта не завладела умами китайских мусульман. В этом известный американский специалист О. Леттимор усматривает единственно заслугу КПК, которая сделала Северо-Западный Китай своей опорной базой и выдвинула такую программу по мусульманскому вопросу, которая лишила притягательности японскую идею "Мусульманского государства". -

"Коммунисты предложили мусульманам полную религиозную свободу и политическое самоопределение. Они помогли им печатать книги на арабском, религиозном языке. В каждом мусульманском уезде, если члены местной администрации не убежали и народ желает, чтобы они продолжали пользоваться властью, им позволено оставаться. В противном случае мусульманам говорят, чтобы они избирали новые власти для себя. Чего больше Япония может предложить посредством Мусульманского государства?" /210, 275/.

Вышеизложенная посылка О. Лэттимора страдает односторонностью и тенденциозностью. КПК не была единственной политической силой, за которой шли широкие массы мусульман Северо-Запада. Хотя объективно программа КПК, в изложении О. Лэттимора, не могла не отвечать интересам последних, однако известная их часть /сознательно или бессознательно - это другой вопрос/ находилась под влиянием клана мусульманских генералов Ма. Она в известном смысле, точнее по-своему, тоже выступала за национальные интересы своих единомышленников, и нет каких-либо серьезных данных утверждать, что эти милитаристы-мусульмане активно действовали в поддержку японского плана создания "Мусульманского государства". И то, что оно не стало реальностью, не только и не столько заслуга КПК и ее программы. Тем более, что несмотря на привлекательность последней, она не превратила мусульманских военачальников Ма в генералов без армий. Их войска, скомплектованные из мусульман, в конце 1936 - начале 1937 гг. нанесли существенный урон частям Красной армии /138, 183-4/.

Больше внимания мусульманам - установка национального правительства

Попытки японского империализма всемерно использовать исламский фактор в борьбе против Китайской Республики побудили ее правительство соответственно реагировать на этот вызов. Средства массовой информации гоминьдана, в частности, в расчете на зарубежную общественность, внушали, что мусульмане Китая, как и вся китайская нация, выступают против японской агрессии. Так, весной 1937 г. журнал "Войс оф Чайна" сообщал о беседе своего сотрудника с одним из руководителей мусульманских антияпонских

организаций У Пинюм. "Сегодня, - сказал последний, - наиболее важным для всех китайцев, будь то магометане или другие племена, является борьба за освобождение нации от иностранной агрессии. Несмотря на то, что мусульмане испытывают двойной гнет - со стороны империализма и со стороны китайского великодержавного шовинизма, мы на данном этапе должны присоединиться к единому фронту китайского народа, прежде всего освободиться от империалистического гнета и добиться независимости китайской нации в целом. Поэтому мы, мусульмане, искренне поддерживаем освободительное движение всей китайской нации и стремимся принять участие в нем". /2 /.

Известный китайский публицист С.И.В. Мэн /Мэн Чаню / выступил на страницах американского еженедельника, издававшегося в Шанхае, со статьей "Магометанян поднимается на борьбу с Японией". Публикация показательна в ряде отношений. Во-первых, лишний раз свидетельствует, что мусульманский вопрос играл существенную роль в исходе конфронтации Японии и гоминьдановской Республики Китая. Во-вторых, зарубежному мнению внушалась мысль, что в своем подавляющем большинстве мусульманин Китая вместе с хань выступают под руководством вождя нации Чан Кайши против японских захватчиков. Воспроизведем в качестве иллюстрации пассаж из статьи: "О том, что среди магометан имеет место "великое политическое пробуждение", может свидетельствовать также следующее сообщение Сун Чэну, который много путешествовал по Северо-Западу, рассказал нам, что однажды он произвел "психологический тест" с магометанами, задавая им следующие вопросы, на которые он получил следующие ответы:

- Вопрос: "Кто ваш враг?"
- Ответ: "Япония".
- Вопрос: "Допустим, что Япония победит Китай. Что будет тогда?"
- Ответ: "Китай перестает существовать и всех она нас уничтожат!"
- Вопрос: "Кто может разгромить Японию?"
- Ответ: "Революционная армия под началом генералиссимуса Чан Кайши!"

... Иными словами, нынешняя война, которую японские мали-

таристы ведут против Китая, явила результатом огромное политическое пробуждение 50000000 магометан, которые поднялись объединиться с остальными китайцами, чтобы противостоять вторжению. Их девиз: "Чтобы защитить Северо-Запад, мы должны сперва сплотить китайцев и магометан! И если они едины, тогда Северо-Запад спасен!" Суждения С. Мэна не лишены наивного оптимизма, они не отражают всей сложности проблемы, но тем не менее появление его статьи не случайно.

Со своей стороны, правительство специально обращается к положению дел на Северо-Западе, где компактно проживало мусульманское население и с настроениями которого приходилось особо считаться. Сами по себе такие подвиги, очевидно, не новы. "Однако с тех пор, как закончилась первая китайско-японская необъявленная война в Шанхае в 1932 г., китайские власти осознали важность Северо-Запада на случай войны с Японией /выделено автором/, - писал известный китайский публицист С.И. Мэн /Мэн Чаню /. - Постоянный комитет гоминьдана, как сообщалось, разработал "общие принципы", чтобы развивать Северо-Запад" /221, 115/. Что конкретного было сделано, не известно. Ход событий, однако, побуждает руководство Республики Китая от намерений перейти к конкретным делам.

Национальное правительство производит административные перестановки в провинции Ганьсу. 4 мая 1937 г. Исполнительный юань приказал реорганизовать провинциальное правительство под началом генерала Хэ Яоцзу в качестве и.о. председателя /263, 194/. 22 июня 1937 г. Исполнительный юань освободил генерала Хэ Яоцзу от обязанностей китайского посланника в Турции /262, 171/. То обстоятельство, что бывший полпред в Турции ставится во главе администрации провинции Ганьсу, очевидно, не было случайностью. Опыт работы в мусульманской стране мог быть использован и в управлении самой мусульманской провинцией, каковой считалась Ганьсу.

Обстановка там оказывалась критическая из-за сильного голода. Как заявил генерал Чжоу Цинлан, председатель национальной комиссии по оказанию помощи голодающим: "Все уезды в Северной Ганьсу, включая Ганьчжоу, Ляньчжоу и Сучжоу, и более 40 уездов в юго-западной Хэнани в тисках сильного голода, и тысячи бежен-

цев, большинство из которых монголы и магометане, находящиеся севернее Цзянцзянь в северной Ганьсу, на грани голодной смерти" /258, 60/. Ввиду бедственного положения в Ганьсу всем бойцам в Ланьчжоу было приказано на 7 дней прекратить забой скота /260, 362/. Это предписание непосредственно задело мусульман, которые традиционно были резчиками скота. Помочь голодающим за счет местных возможностей местные власти не могли. Генерал Чжоу Цянлан ищет помощи у различных филантропических организаций в Бэйпине для оказания вспомоществования жертвам голода в Хэнани и Ганьсу /258, 60/. Генерал Хэ Яоцзу, назначенный председателем ганьсуского провинциального правительства, согласует с Центральным банком Китая заем в размере 1000000 долларов, чтобы покрыть расходы на политические и военные нужды в указанной провинции /260, 381/.

Восстановление и оказание вспомоществования, заявил 28 апреля генерал Хэ Яоцзу, будут первоочередной задачей администрации Ганьсу,

Восстановить по существу заново надлежало целостность фискальной и политико-административной системы провинции, находившейся в состоянии коллапса из-за местнических устремлений вожakov военных группировок, среди которых не последнюю роль, очевидно, играли мусульманские лидеры.

Что касается финансов, то налоги теперь собираются провинциальными войсками и не переводятся провинциальному правительству. Провинциальная казна ныне почти пуста /259, 326/.

Равным образом и уезды не были подвластны провинциальному правительству. Из 67 уездов в Ганьсу, за исключением нескольких в первом округе, остальные не взаимодействовали с провинциальным правительством /259, 326/. Поскольку его неизменно возглавлял хань /предшественником Хэ Яоцзу был генерал Ю Сюэчун/, то в известной степени можно говорить о конфликте между ханьским провинциальным начальством и мусульманскими командирами, что, в свою очередь, не могло не отразиться и на межобщинных отношениях. Отныне не случайно генерал Хэ Яоцзу 10 мая 1937 г. заявил, что китайцы и магометане в Ганьсу должны сотрудничать друг с другом и его страстная надежда — осуществить более тесную гармонию между двумя народами.

7 мая 1937 г. 14 чиновников, представлявших комиссию по военным делам, военное министерство, генеральное управление военной подготовки, управление генерального штаба и министерство коммуникаций, вылетели в Синин, столицу провинции Цинхай. Миссия упомянутых должностных лиц заключалась в следующем:

1. Присутствовать на панихиде, которая должна была состояться 1 июня, в честь офицеров и рядовых, что погибли во время кампании против красных в Цинхае.

2. Довести до сведения войск и гражданских лиц на Северо-Западе политику центрального правительства.

3. Изучить ход реконструкции в пограничном районе /261, 108/.

Одновременно официальные представители национального правительства выступают с заявлениями, в которых отдается должное тому, как мусульманские генералы управляют Цинхаем. Несмотря на различия в обычаях и языковые барьеры, катаяцз, монголы, магометане и тибетцы живут совместно счастливо в Цинхае, благодаря просвещенному управлению цинхайской администрации, заявил 10 мая 1937 г. в Синине правительственный представитель Чоу Шоу /261, 408/. Подобные заявления выходили за рамки дежурных комплиментов, а имели вполне определенную цель — укрепить лояльность мусульман-милитаристов центральному правительству.

24 июля 1937 г. гарнизонный командир Хами генерал-майор Мао Лобо прибыл в Нанкин. Он был приглашен представителями комиссии по монгольским и тибетским делам, управлением генерального штаба, нанкинским представительством цинхайского провинциального правительства /его возглавлял генерал-мусульманин Ма Динь/, ассоциацией синьцзянских резидентов и магометанской общиной. От имени генерала Шэн Шицая, уполномоченного по обороне синьцзянской границы, Мао Лобо надлежало доложить об обстановке в пограничной провинции /264, 332/. Очень показательно, что в обсуждении проблем Синьцзяна правительство подключает представителей мусульманской общины.

Как видим, в мае-июне 1937 г. провинция Северо-Западного Китая, Синьцзян, т.е. основные районы проживания мусульман, оказывается объектом самого пристального внимания со стороны национального правительства Китая. Это, видимо, не было случайностью. Мусульманский фактор приобретает все большую значимость

в политических судьбах Китайской Республики. Подтверждение этому — целая серия вояжей, совершенная видными мусульманскими деятелями, связанными с центральной гоминьдановской администрацией, на Северо-Запад, очевидно, в первой половине 1938 г. Поездку туда, в частности, совершил генерал Бай Чунси /221, 115/.

С инструкцией "умиротворить народ и солдат на Северо-Западе" был послан Сун Чэну, мусульманский вожак, признанный авторитет по исламу, член комиссии по монгольским и тибетским делам и особоуполномоченный Комиссия по военным делам. Он пробыл на Северо-Западе 80 дней. По возвращении доложил правительству, что "народ и солдаты поистине едины и полностью понимают важность нынешней войны против Японии" /221, 136/.

Преподобный Исар, уроженец Синьцзяна, член Законодательного юаня, тоже ездил на Северо-Запад. По возвращении после трехмесячного пребывания там он доложил, как сообщалось, правительству, что "народ и солдаты искренне поддерживают центральное правительство и готовы сопротивляться японскому вторжению до конца под руководством генералиссимуса /Чан Кайши/" /221, 136/.

Остается открытым вопрос, в какой степени эти сообщения соответствовали подлинным настроениям мусульманских масс Северо-Запада, однако несомненно одно — национальное правительство пристально следит за ними.

Стремясь противодействовать японским прояскам в Синьцзяне, японской пропаганде среди местных мусульман, правительство Китая официально выразило поддержку деятельности Мусульманского пропагандистского корпуса сопротивления врагу и национального спасения на Северо-Западе /197, 658/.

Очевидно, нет оснований говорить о каких-либо серьезных достижениях японцев в деле овладения умами мусульман Синьцзяна. Известная часть представителей местных интеллектуалов-националистов и антикоммунистов предпочла сотрудничать с гоминьдановским правительством Китая, нежели с императорской Японией. 12 июля 1952 г., находясь в эмиграции, поборник независимости Восточного Туркестана Мохаммед Эмин Бугра писал бывшему министру и вице-премьеру центрального правительства Китая Чжу Цзяжуа: "В самый мрачный период оборонительной войны Китая против Японии мы, игнорируя мощь Японии и ее пропаганды, по нашей собственной

доброй воле пришли в Китай, оставались лояльными Китаю и служили ему по мере наших сил ...

Уважаемый министр, мы пришли в Китай, веря обещаниям, что политика доктора Сунь Ятсена и последующая, более передовая политика будет осуществлена, и во время войны с Японией сохраняли в самой полной степени веру в китайское правительство" /1803, 23, 30/.

В ходе психологической войны за умы мусульман вновь всплыло имя Ма Чжунина. В этом отношении весьма любопытна следующая информация американского еженедельника, издававшегося в Шанхае. Согласно сообщения из Ханькоу, 10 тысяч солдат-мусульман с юга Сяньцзяна под командованием генерала Ма Чжунина прибыли в Уюань, западнее Баотоу /Суйюань/, чтобы участвовать в войне против Японии /265, 245/. Распространение подобных известий /независимо от того, из какого источника они исходили/ объективно было на руку правительству Китая.

Японская широкомасштабная агрессия против собственно Китая, начало которой положил конфликт 7 июля 1937 г. у Лугоуцзяо, не оставила безучастной и саму мусульманскую общину Китая. Ее протест против агрессивных происков Японии выливается в активные действия, принимает организационные формы. 28 января 1938 г., отмечая 6-ю годовщину окончания первой китайско-японской необъявленной войны в Шанхае в 1932 г., все 7000 магометан в Сяни под руководством своего вожака Ван Юбо участвовали в массовом митинге "Антияпонская демонстрация". Это был первый митинг такого рода, когда магометане поднялись, чтобы выступить против иностранной агрессии /221, 136/. В этот день по всему городу были закрыты магометанские лавки и прочие учреждения. "Таков дух нации, и таков дух магометан ... Кто бы мог теперь сказать, что магометане менее патриотичны, чем остальные китайцы?" — отмечал наблюдатель /221, 136/.

10 февраля — праздничный для магометан день. В течение многих последующих дней в Ханькоу в мечети шли собрания, участники их осуждали агрессию, и состоялись моления за мир. Более 1000 представителей приняли участие в этих мероприятиях /221, 136/.

4 февраля мусульманин-генерал Бай Чунси выступил с волнующей речью "В соответствии с учением Мухаммеда противостоять

японскому вторжению", призывая магометан еще более тесно объединиться и поставить все людские силы и все ресурсы на линию "сопротивление Японии и национального спасения!" /22I, I36/.

Впечатляющее и пространное открытое письмо было составлено и адресовано всем магометанам. "Мы - часть народа Республики Китая, - говорилось в письме, - мы должны помнить приказ генералиссимуса Чан Кайши" - "никогда не подчиняться врагу" и к тому же мы должны в духе мужества Мухаммеда принять участие в нынешней священной войне", - акцентировалось в письме, что по сути заключается в том, чтобы "приглашать китайцев выступать против китайцев", "разделять и разрушить единство китайцев". В письме приводилось шесть примеров, когда японские агрессоры чрезвычайно жестоко обращались с магометанами в оккупированных районах. Письмо призывало каждого магометанина поклясться "никогда не вступать в какие-либо соглашения с японцами", "никогда не сдаваться врагу", "быть полными решимости уничтожить все марионеточные режимы" и "быть непоколебимо сплоченными, чтобы убивать захватчиков" /22I, I36/.

Со стороны видных представителей мусульман Китая не было недостатка в заявлениях о лояльности национальному правительству Китая и о решимости противостоять агрессии Японии. 16 февраля 1938 г. генерал Ма Хункуй, губернатор Нинся и один из лидеров магометан Северо-Запада, обязался поддерживать национальное правительство /79, 73/. Генерал М. Буфан, командир цинхайской /кукунорской/ кавалерийской дивизии, объявил, что народ Цинхай окажет сопротивление японскому вторжению, если японцы попытаются проникнуть дальше на Северо-Запад /79, 72/. 18 апреля 1938 г. делегация монголов, тибетцев и магометан подарила большое шелковое знамя Чан Кайши в знак уважения и лояльности /268, 320/.

"10 миллионов магометан в Китае готовы пролить кровь во имя защиты страны", - заявил 3 июня в интервью "Чайна пресс" хаджи мунс, вожак мусульман Ганьсу, будучи проездом в Шанхае, направляясь в ежегодное паломничество в Мекку. - Ма Лян, японский марионеточный губернатор Шаньдун, осужден как изменник. Ганьсу, Суйюань и Шаньси твердо идут за национальным правительством" /270, 200/.

Искренность и отдачу подобных заявлений следует оценивать по практическим делам и соответственно особенностям момента. Генерал Ма Буфан заявил о решимости оказать сопротивление японцам, но с существенной оговоркой: если те попытаются углубиться на Северо-Запад. Иными словами, генерал был готов защищать лишь свои собственные владения. Он не проявляет инициативы, чтобы перебросить свои войска в собственно Китай сражаться с японской армией. Это Ма Буфан уступает войскам национального правительства Китая. Для упомянутого выше хаджи Юнуса совершить хадж было более важным делом, нежели продемонстрировать готовность пролить кровь в борьбе против японцев. Очевидно, осуждение со стороны единоверца не повлияло и на поведение Ма Ляна: нет свидетельств, что он немедленно после этого отказался от своего поста.

Особо следует сказать о конкретных действиях тех или иных милитаристов-мусульман. В конце февраля 1938 г. магометанский князь Да-ван из Алашаньского знамени (на северо-западе провинции Нинся) предпринял попытку переворота с целью присоединиться к японцам. Выступление было подавлено генералом Ма Хункуем, мусульманским председателем правительства Нинся. Очевидно, Ма Хункуй не в последнюю очередь руководствовался тем соображением, что в случае успеха предприятия Да-вана сокращалась сфера его, Ма Хункуя, власти /267, 135/. Но как бы там ни было, но объективно его поведение имело антияпонскую направленность.

Общественно-политическая самостоятельность МУСУЛЬМАН

Выступая за единство действий со всем населением Китая в деле отражения японской агрессии, вожаки мусульманской общины на неподвластной японцам территории в то же время организационно предпочитают действовать самостоятельно. В мае 1938 г. на массовом митинге в Ханькоу, состоявшемся в большой мечети, мусульманскими представителями из всех частей Китая была основана Китайская исламская ассоциация национального спасения /Чжунго хуэйцзяо цзюго сехуэй/. Ее председателем стал мусульманин-генерал /Омар/ Бай Чунся, одновременно министр, начальник штаба армии национального правительства. В своем выступлении на этом

митинге генерал Бай Чунся с огромным энтузиазмом заявил, что мусульмане должны быть готовы принести любые жертвы, когда бы не понадобилось, во имя справедливости. "Мусульманам в Китае, — сказал он, — была предоставлена свобода вероисповедания на протяжении правления многих династий, и, когда эта земля подвергается вторжению агрессивного соседа, ответом будет призыв справедливости ко всем мусульманам подняться и сражаться за свою страну" /197, 657/.

Первоначально вышеназванная ассоциация была создана в противовес поддерживаемой японцами Всекитайской мусульманской лиге, учрежденной несколькими месяцами ранее.

Инициаторы создания ассоциации принимают меры к тому, чтобы этот факт стал достоянием широкой общественности. Полуофициальный Китайский информационный комитет в Ханькоу издал бюллетень, озаглавленный "Китайские мусульмане мобилизуют поддержку центральному правительству". Это издание, говоря о 50 млн. китайских мусульман, сообщало о массовом митинге "мусульманских представителей со всех концов Китая", на котором была создана упомянутая ассоциация /197, 657/.

Своими задачами, судя по программе, ассоциация ставила:

1. Создание единого антияпонского фронта всех китайских мусульман.

2. Вооружение мусульман и участие их в войне против японских агрессоров.

3. Устранение ненормальных отношений между мусульманами и другими национальными меньшинствами, создание тесного сотрудничества всех национальностей Китая.

4. Борьба с японскими шпионами и предателями /142 /.

Вышеперечисленные пункты программы ассоциации отвечали с учетом требований момента интересам национального правительства Китая, и сначала ассоциация получала прямую поддержку с его стороны, и, став наиболее влиятельной, она в основном вытеснила все ранее созданные мусульманские организации.

Китайская исламская ассоциация национального спасения пыталась улучшить положение мусульман в Китае и усилить их лояльность. Но ее основной целью было, однако, установить контакты между Китаем и внешним исламским миром и во время войны наладить

добрые отношения между Китаем и зарубежной мусульманской общи-
нственностью и в условиях военного времени бороться с японской
пропагандой как в Китае, так и за рубежом /155, 283/.
Вместе с тем в подходе к предназначению упомянутой организации
правительства Китая, с одной стороны, и пожакон мусульманской
общины, с другой, прослеживаются определенные нюансы. Если пра-
вительство ставит во главу угла национальное единство, то мусуль-
манская община в то же время делает акцент на повышение значимо-
сти заповедей ислама в общественно-политической жизни страны.
В 1939 г. мусульманское периодическое издание "Хуэйминь яньлунь
бань вейкань", в частности, писало: "С инцидента у Лугоучжоу на-
чалась национально-освободительная война Китая. Наши передовые
/виделено нами. В.К./ единоверцы считают, что это как раз под-
ходящее время для подъема веры и реконструкции страны. Отсюда
с целью распространения принципов веры, сплочения исповедующих
ислам масс, содействия делу спасения страны в Ухани создается
Китайская исламская ассоциация национального спасения /"Чжунго
хуэйминь цзяго сехуэй"/ и повсеместно были учреждены ее отде-
ления" /131, 2, 1679/.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что мусуль-
манская община Китая не была единодушна в отношении поддержки
китайского правительства. Утверждать так нам дает основание су-
ждение о "передовых единоверцах". Притом остается открытым воп-
рос об их удельном весе относительно с теми, кого условно на-
зовем "отсталыми" или "консервативными" единоверцами.

Среди материалов, изданных ассоциацией, имелись и такие,
которые относились к чисто специфической деятельности мечети.
Среди таковых назовем "Правила организации правления мечети",
"Правила управления мечетью". Как видим, к налаживанию отпора
японским захватчикам они вряд ли имели какое-либо отношение.

Есть основания полагать, что под лозунгами спасения отече-
ства руководители ассоциации пытались форсировать деятельность
по организационному сплочению мусульман, по воспитанию их в духе
традиционных духовных ценностей ислама, по упрочению связей ки-
тайских мусульман с единоверцами за рубежом.

Ассоциация выступает с направленной на это инициативой,
чтобы исламские духовные ценности получили в известной степени

общенациональную значимость. В феврале 1939 г. в ответ на петицию Китайской ассоциации национального спасения правительство Китая решило сделать исламскую культуру регулярным предметом в учебных программах китайских университетов. Министерство просвещения выделяло субсидии китайским студентам, обучающимся в университете Аль-Азхар в Египте.

Успехи японского оружия в Китае и соответственно коллапс китайской государственности, наиболее характерным проявлением чего явилось возникновение марионеточной власти под японской эгидой, — все это побуждает правительство Китая усливать внимание проблеме межнациональных отношений, в частности, мусульманам. Это нашло отражение в резолюциях, принятых 3-й сессией Народного политического совета, состоявшегося 12–21 февраля 1935 г. Отметим такие, как-то: развивать Северо-Запад и Юго-Запад и укреплять единство с китайскими мусульманами, монголами, тибетцами и мяо, развивать просвещение монголов, тибетцев и китайских мусульман /271, 457/. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что упомянутые резолюции принимаются именно тогда, когда положение национального правительства было крайне критическим, когда из-под его юрисдикции вышли обширные районы Северного и Центрального Китая. Само оно из Нанкина переезжает в Чунцин.

Осенью 1938 г. члены руководства Китайской исламской ассоциации национального спасения Сунь Шэну, Вэнь Юсун прибыли в Чунцин. Выступая на приеме, устроенном единоверцами, Сунь Шэну говорил о важности сплочения мусульман в деле оказания сопротивления врагу и спасения государства /131, 1679/. "Присутствовавшая молодежь и очень многие представители старшего поколения, сполна продвинувшиеся, все были возбуждены словами Суня. Этой ночью множество единоверцев, собравшись, обсудили круг вопросов относительно создания Чунцинского отделения ассоциации" /131, 1679/. В январе–феврале 1939 г. оно официально было открыто.

Ранее этого, в августе–сентябре 1938 г., генеральный совет ассоциации переехал в Чунцин. Он стал местом пребывания главного органа мусульманской организации всей страны.

Таким образом, руководство Китайской исламской ассоциации национального спасения, несмотря на успехи японской армии и угрозу национальным правительством Китая значительной части тер-

ратория, сохраняет ему лояльность и стремится действовать в новых условиях, имея основной целью мобилизацию китайских мусульман на продолжение сопротивления японской агрессии.

Существование конфессиональной, мусульманской организации, выступающей заодно с хань за освобождение Китая от японских агрессоров, представляло собой довольно сложный феномен общественно-политической жизни страны. Сам по себе тот факт, что названная организация получила признание центрального правительства и в известной степени пользовалась его поддержкой, объективно создавал питательную почву для политической активности мусульман и роста их национального самосознания.

Вторжение японских агрессоров в Китай выдвинуло на повестку дня общественной жизни страны вопрос об общенациональном единстве во имя отпора врагу. Только сообща, без различия политической, социальной, национальной, религиозной принадлежности его сограждан Китай, как многонациональное и неоднородное в религиозном отношении государство, мог успешно сопротивляться. К идее отечества у мусульманской общины Китая подход абсолютно был не идентичен тому, которого придерживались ханьское руководство и рядовой хань. Мусульманская община конкретизировала существо понятия "отечество" и "родина" /имея в виду Китайскую Республику/ применительно к своим, общинным запросам. Это находит свое выражение прежде всего в том, что, несмотря на тяготы и лишения военного времени, мусульмане не останавливаются перед затратами /материальными и физического труда/, чтобы вещественно продемонстрировать свою духовную приверженность, отличающуюся от прочего населения страны. Проявляется это в постройке новых мечетей, в издании литературы об исламе.

В годы антияпонской войны в Китае отмечалась миграция населения, в том числе и мусульман. Несмотря на материальные тяготы, связанные с обживанием на новом месте, они проявляют стремление и находят возможности иметь свои духовные очаги, каковыми являлись мечети. Так, переселенцы-мусульмане по переезде в Пинлян построили 5 мечетей /ИЗІ, 2, І43/. "Их преданность весьма заслуживает уважения", популяризируя такое рвение, акцентировало мусульманское издание /ИЗІ, 2, І6ІЗ/.

Годы, которые пришлось на период антияпонской войны, отмечены появлением ряда новых книг, посвященных исламу в Китае. Назовем конкретно: Фу Туянсянь в 1940 г. опубликовал "Историю ислама в Китае", Ма Ийи в 1941 г. - "Чжунго хуэйцзяо шицзинь" /"Историческое зеркало ислама в Китае"/, Бай Шоуя в 1944 г. - "Чжунго хуэйцзяо сяо ши" - /10, 13/.

Мобилизацией мусульман Китая на борьбу с японским агрессором Китайская исламская ассоциация национального спасения отнюдь не ограничивала свою деятельность. Она активно выступает за повсеместное утверждение мусульманских духовных ценностей прежде всего в сознании подрастающего поколения, что объективно было направлено на сохранение духовной и бытовой особенностей мусульман среди прочих сограждан Китайской Республики и шло вразрез с основополагающей установкой гоминьдана о единой китайской нации.

И тут ассоциация не только получает поддержку со стороны мусульманских изданий, но с их стороны раздаются пожелания, чтобы она действовала еще более активно и последовательно по части духовного воспитания молодежи. В данном отношении весьма показательна статья Ху Тапаньдэ "Цзяодянь кэбэнь хэй цзяосе" /"Учебник канонов и преподавание"/, опубликованная в 1940 г. в мусульманском издании "Хуэйцзяо луньтань". Китайская исламская ассоциация национального спасения, говорилось в статье, выступила с инициативой, чтобы сотрудники Бэйпинского педагогического училища Чэнда составили "Учебник заповедей веры для начальной школы". Учебный материал, как рекомендовалось, должен был включить в себя: "Арабские буквы", "Ду а", канон /суры/, вера /иман/, обряды, самые совершенные исторические деяния, мусульманские добродетели. Положительно оценивая инициативу ассоциации, автор в то же время высказывает свои соображения и рекомендации, общий смысл которых - последовательно воспитывать мусульманскую молодежь в духе заповедей ислама, чтобы обучение в школе не отвращало учащихся от мусульманской веры, чтобы они по получению образования не только не отходили от заповедей веры, но, наоборот, воспринимали их глубоко и сознательно. "Если можно расширить и пополнить программу уроков по мусульманским добродетелям, расширить "Канон", "Священные изъавления" и предания о древних мудрецах ..., то для воспитания тела и души подростков тем более будет большая

польза" /ІЗІ, 1-2, 1085-6/.

Только что рукопись уже послана Китайской исламской ассоциацией национального спасения. Надлежит, как только она будет проверена и откорректирована, издать, разослать по всем провинциям, отделениям ассоциации, мусульманским школам для использования. Если действительно можно будет со всей душой вникнуть, принять во внимание принципы просвещения, характер подростков, не учения разноса, не вмешиваясь, чувствуя себя связанным, со вниманием внести поправки, с тем чтобы получился хороший учебник, тогда /откроются/ перспективы религии, но тем более "в" не даст сведений поросли, станет меньше дурных людей.

Ислам в Китае, уровень культуры далеко не соответствует человеку. Ибо дети и младшие братья мусульман, поступающие учиться, все она изнутри косны. Причина этого в том, что издавна семья считается нуждающейся, вынуждена изыскивать пропитание.

А предрассудок "учась, выступаешь против религии" фактически является главной причиной. Ведь письменность - символ языка, поскольку мы родились на ханьской земле, не можем не говорить по-ханьски. Но, читая литературу, написанную ханьской письменностью, в конечном счете наносим ущерб вере. Разве этому есть правильное понимание?

Однако при нынешней системе обучения мальчик шести лет поступает в начальную школу, по простетвию 6 лет обучения там, 6 лет обучается в средней школе, 4 года в высшем учебном заведении, в общей сложности приблизительно 16 лет... Знаний ислама не откуда получить; принципы ислама тоже непонятны. ... "Ныне учебник заповедей веры надлежит повсеместно распространить, последовательно использовать, тогда в учебной программе школ появятся и заповеди веры ..." /ІЗІ, 2, 1086/.

Война, явившаяся серьезным испытанием для всего населения Китая, способствовала в ряде случаев сплочению мусульман и укреплению их единства /одновременно обособлению от остального населения/ в условиях общности судеб. Весьма показательны в этом отношении события в Шанхае. 13 августа 1937 г. здесь начались бои. Гражданское население стало искать спасения на территории селтльмента. Положение беженцев было бедственным. Особо тяжело, как акцентирует мусульманское издание, пришлось мусульманам

из-за веры, пищи и еды, привычек /ІЗІ, І, 633/. Инициатором устройства беженцев-мусульман выступил единоведец Хадэчэн-ахун. Он организовал их размещение, и благодаря его стараниям многие были спасены /ІЗІ, І, 633, 636/. То обстоятельство, что спасителем мусульман выступил священник-единоведец, безусловно, способствовало его популярности и не могло не укрепить чувство общности у мусульман, которые и в такой чрезвычайной обстановке держатся среди прочих беженцев как особая группа.

х х

х.

Война с Японией явилась всесторонней проверкой способности гоминьдановского правительства Китая самосохраниться. Не отказываясь от своей отправной политической установки о единой китайской нации, оно в то же время вынуждено считаться с интересами неханьцев, учитывать их специфические запросы, показывать, что неханьцы, в частности, мусульмане, не подвергаются дискриминации со стороны гоминьдановских властей.

Своеобразным явлением в политической жизни Китая в годы антияпонской войны явилось создание административных органов в т.н. партизанских зонах. Первым по времени появления было правительство в зоне Шаньси-Чахар-Хэбэй.

С 10 по 15 января 1938 г. в Фупане собрались представители 39 уездов для создания межпровинциального правительства. В подготовке к созыву этой конференции участвовали представители властей провинции Шаньси, центрального правительства Китая и 8-й полевой армии КПК. Среди участников ассамблеи в Фупане были и представители религиозных организаций, в частности "Мусульмане Динсяня" /255б, 35/.

Ассамблея в Фупане огласила декларацию, в которой, в частности, излагались цели нового правительства. Они предусматривали: вооружить и мобилизовать народ, повысить его жизненный уровень, установить подлинную демократию, истребить всех предателей, создать систему военной экономики и сильную базу для партизанской войны /255б, 39/.

22 января учреждение пограничного правительства одобрил Чан Кайши, в феврале Кун Сянси телеграфировал об утвер-

ждения его Исполнительным канам /2556, 39/.

Общее количество членов центрального совета пограничного правительства Шаньси-Чахар-Хэбэй составляло 300 человек, из них 5 мусульман /214, 118 /. Их представительство в вышеназванном учреждении определяет не социальная и политическая принадлежность, но этнорелигиозная.

Война с Японией поторопала китайское правительство с принятием ряда мер относительно мусульман. После того, как в 1941 г. в результате бомбежки в Чунцане была разрушена третья и самая большая мечеть, было объявлено, что будет построена новая мечеть вместимостью в 4000 человек, половину средств выделит правительство.

Проявило активность оно и в сфере образовательной. Генерал Бай Чунси определил 1500 молодых мусульман из Северо-Западного Китая в Гуйлиньское отделение Центральной Военной Академии. Исламское педагогическое училище Чэньда, которое перевели в 1937 г. из Пекина в Гуйлинь, 1 июля 1941 г. было национализировано, что открыло ему возможности для получения правительственной субсидии.

В феврале 1939 г. по получения петиции Китайской исламской ассоциации национального спасения правительство решило ввести изучение исламской культуры в качестве составной части в учебные программы ведущих высших учебных заведений Китая, Мохаммед Ма Кин, Абдурахман На Чжун, Бадруддин Хай Вэйлинь были первыми лекторами этого курса /271, 78/.

Начав с введения курса исламской культуры в вузах, правительство пошло еще дальше. В 1940 г. в государственном Юньнаньском университете, в 1943 г. в государственном Центральном университете в учебную программу был включен курс "История ислама в Китае" /96, 3/.

С введением новых курсов в Национальном Центральном, Национальном Юньнаньском и Национальном Юго-Западном объединенном университетах стало больше мусульман-студентов. Они зачислялись по рекомендации министерства просвещения или Китайской исламской ассоциации национального спасения и освобождалась от вступительных экзаменов. Те, кого рекомендовала ассоциация, принимались как "студенты с испытательным сроком", тогда как остальным из бедных мусульманских семей давалась стипендия с разрешения ми-

нистерства просвещения /271, 78/. Учитывая официальный характер издания, сообщавшего эти сведения, трудно судить, насколько действительны были названные мероприятия гоминьдановской администрации в смысле улучшения просвещения среди мусульман. Но несомненно одно: гоминьдановское правительство по меньшей мере демонстрирует, что ему вовсе не безразлична тяга мусульманской молодежи к знаниям. И тут опять остается открытым вопрос: была ли удовлетворена последняя системой обучения в государственных высших учебных заведениях. Не случайно, что известная часть мусульманской молодежи Китая предпочитает получить образование в зарубежных мусульманских образовательных учреждениях. И этому стремлению правительство Китая в силу определенных политических соображений идет навстречу. К началу 40-х гг. 30 китайских мусульман обучалось в университете Аль-Азхар в Египте. Сначала они получали специальную стипендию от короля Фарука. Потом китайское министерство просвещения решило выдавать каждому из них по 20 фунтов ежегодно /271, 78/.

Курс на расширение связей с мировым мусульманским сообществом

Геополитические соображения и, в частности, продолжение борьбы с японской агрессией придавали особую остроту исламскому фактору в планировании правительством Китая своей внешнеполитической деятельности. Результативность тех или иных мероприятий не в последнюю очередь зависела и от поведения мусульман в пограничных землях. 25 сентября 1942 г. агенство ЮПИ передало из Чунцина: китайские эксперты в области транспорта сообщили, что два маршрута для поставок, замещающие утраченную Бирманскую дорогу, "в полной готовности" для пересылки американского снаряжения армиям генералиссимуса Чан Кайши. Сдан путь, использующий железнодорожную систему Центральной Азии и шоссе от Алма-Аты до Чунцина, берет начало в порту Карачи и идет через Пешавар до Кабула. Далее поднимается к северу через Термез к Самарканду и на востоке снова проходит через Ташкент к конечной железнодорожной станции Алма-Ата. Из нее путь следует по шоссе через Дихуа /Друмчи/, Хами и Ланьчжоу в китайскую столицу.

Второй путь начинается в иранском порту в временном конечном пункте строящейся железной дороги Булларе на побережье Персидского залива и идет к конечной железнодорожной станции Бандар Шах на побережья Каспийского моря /229, 457/.

Эти жизненно важные для борющегося Китая маршруты проходили по территории, где проживало мусульманское население. В ряде случаев от его отношения к правительству Китая зависела жизнеспособность названных маршрутов. И этим обстоятельством, очевидно, продиктованы следующие шаги китайской администрации. 13 февраля 1942 г. генералиссимус Чан Кайши посетил северо-западную границу Индии и выступил там перед мусульманами-горцами /229, 458/.

В июле 1942 г. было объявлено, что один из вожаков китайских мусульман Ма Буцан назначается уполномоченным по умиротворению Найдамских маршей /229, 459/.

12 сентября стало известно о том, что Китай начал переговоры с Индией об использовании старого вьючного пути через Кашмир. Он связывается с Китаем через Синьцзян и в конечном счете имеет выход к Аравийскому морю /229, 458/. В этих условиях вопрос об отношениях с государствами Ближнего и Среднего Востока, важными составными частями исламского мира, приобретает для правительства Китая особую значимость.

Японское вторжение в Китай в 1937 г. пробудило у китайского правительства, по меньшей мере в некоторой степени, не только потребность улучшить отношения с мусульманами в Китае, но и налаживать контакты с международной исламской общественностью. Ранее интерес к исламскому зарубежью постоянно проявляли мусульмане Китая как частные лица. Это явствует из возросшего числа китайских паломников в Мекку. До 20-х гг. лишь крайне незначительное количество граждан Китая ежегодно посещало святое место в Аравии, но за II лет, предшествовавших 1934 г., не менее 834 китайских паломников совершили хадж, несмотря на тот факт, что стоимость поездки пароходом из Ханькоу в Мекку составляла 1000 китайских долларов — сумма непомерная для любого, кроме богатого мусульманина. К 1937 г., как раз перед началом китайско-японской войны, количество желающих посетить святое место так возросло, что 170 паломников отплыло из Шанхая в Мекку на одном пароходе /155, 284/.

В известном смысле китайские паломники проторили дорогу для поездок мусульманских эмиссаров правительства. Таким путем оно боролось за симпатии общественного мнения в мусульманских странах. Там по-разному восприняли агрессивные проиcки Японии против Китая. Раздавались голоса и в оправдание действий Японии. В Турции довольно отчетливо японофильские чувства находили себе выражение в некоторых статьях, помещенных в "Джумхуриет" и "Республик" /30, 130/. После японского захвата Маньчжурии в выступлениях турецкой печати прослеживалась тенденция "обработать" общественное мнение страны в пользу Японии /30, 130/.

В персидском офицозе "Иран" от II января 1932 г. появилась статья, всецело защищающая захватническую политику Японии в Китае /36, 176/.

С 1938 г. китайское правительство начало посылать официальные миссии в различные части исламского мира для обозначения своей позиции в китайско-японской войне. Чтобы придать этим миссиям неправительственный характер, их отправкой непосредственно занимается Китайская исламская ассоциация национального спасения.

В январе 1938 г. Ближневосточная миссия доброй воли китайских мусульман, возглавляемая Джалалуддином Ван Цзэнчанем, выпускником Стамбульского университета и членом Законодательного юана, выехала из Китая и прибыла в Мекку. Здесь в феврале 1938г. члены миссии участвовали в работе ежегодной мусульманской всемирной конференции хаджи. На этой конференции китайские делегаты встретились с более, чем с I миллионом /!? - В.К./ представителей из всех частей мусульманского мира. Они также выразили уважение королю Аравии, который во время интервью выразил надежду на более тесные отношения с Китаем.

По прибытии в марте в Каир миссия установила контакты с ведущими египетскими организациями, включая Ассоциацию мусульманской молодежи, мусульманским учреждением мирового масштаба,

Ассоциацию египетских женщин и Ассоциацию "Мусульманские братья". Они совместными усилиями предприняли кампанию помощи Китаю. Во время пребывания в Каире китайские делегаты присутствовали при создании Китайско-Египетской культурной ассоциации. Китайское отделение ассоциации намечалось учредить в Нанкине.

В ходе своего ближневосточного турне миссия посетила Ливан, Сирию, Ирак и Иран, где делегаты имели беседы с правительственными чиновниками и читали лекции о Китае в мечетях и других общественных местах /271, 79/.

В июле 1938 г. делегаты упомянутой миссии прибыли в Бомбей, где они встретились с М.А. Длинной, президентом Лага индийских мусульман, и Хуттсином /Хуссейном ? - В.К./, мусульманским лидером Индийского национального конгресса. "Эти два друга Китая" способствовали организации в Индии Комитета помощи Китаю, официальное учреждение комитета состоялось в первую годовщину инцидента при Лугоучжо 7 июля. Этот день был провозглашен в Индии как день Китая, чтобы отметить его, была созвана конференция и было собрано 20 тысяч рупий на покупку медикаментов для Китая. Под совместным покровительством Индийского национального конгресса и Общества Красного Креста 5 индийских врачей были направлены в Китай для оказания медицинской помощи /271, 79/.

Перед возвращением в Чунцин в конце января 1939 г. миссия посетила также Турцию. Выступая на приеме, Д. Алаш, турецкий министр иностранных дел, отметил, между прочим, что Китай может безусловно одержать окончательную победу над врагом /271, 79/.

Оценивая итоги поездки вышеупомянутой миссии, редактор "Китайского ежегодника" Чжан Цисянь писал: "В целом поездка миссии, как ожидается, приведет к развитию более тесных дипломатических, торговых и религиозных /подчеркнуто нами. - В.К./ отношений со всеми ближневосточными мусульманскими странами" /271, 79/. В декабре 1939 г. другая миссия китайских мусульман отправилась в страны Южных морей и посетила Малайю, Индию, Аравию и Иран /169, 27/.

В декабре 1939 г. в Сингапур прибыла Южноазиатская миссия доброй воли во главе с Ибрагимом Ма Дяньином, направленная Китайской мусульманской ассоциацией национального спасения. Членам оказали сердечный прием на различных собраниях, устроенных малайской, арабской, иранской и индийской мусульманскими общинами. В каждом случае гостям дали возможность говорить о Китае, о его сопротивлении японскому вторжению и об участии 50 миллионов китайских мусульман в этом деле.

Из конкретных результатов этой поездки укажем создание

Китайско-Малайской культурной ассоциации в Сингапуре, организацию в том же городе комитета по оказанию медицинской помощи Китаю и ускорение кампании по сбору средств местными мусульманской и немусульманской китайской общинами в пользу Китая /271, 79/.

С развернутой программой развития культурных связей с арабским миром выступило в 1939 г. китайское мусульманское издание "Хуэймань яньлунь баньюе кань". Воспроизведем основные положения статьи.

Развивать дружественные отношения нашего государства с Ближним Востоком — самая насущная потребность сегодняшнего дня. А сближение китайской и арабской культур — самое важное опосредствующее звено в развитии дружественных отношений. Хотя китайско-арабские культурные связи непрерывно развиваются, однако нам еще крайне необходимо приумножить усилия. Ныне с почтением вносим следующие конкретные предложения.

Во-первых, не только один Египет является государством, имеющим отношение к Ближнему Востоку и арабской культуре. Нам надлежит повсеместно обеспечить отправку за границу в тамошние университеты студентов для обучения наукам, всего лучше если правительство pošлет и окажет финансовую помощь. Одновременно надеемся, что тамошние государства тоже направят студентов в Китай для учебы. Ввиду того, что религиозное образование в нашей стране, хотя не как у них, однако преподавание научных дисциплин у нас поставлено лучше, чем у них, науку и технику, которые издавна имелись в нашей стране, тоже очень желают изучать народы Ближнего Востока.

Во-вторых, поскольку турецкие и египетские власти подарили нашей стране большое количество исламской литературы, то нам надлежит действовать по принципу взаимности, правительство отберет литературу, касающуюся культуры нашей страны, и раздарит мусульманским государствам Ближнего Востока и использовать это для распространения нашей культуры.

В-третьих, наше государство и государства Ближнего Востока взаимно связаны как губы и зубы. Однако, за исключением Турции и Египта, еще нет готового решения об обмене с ними послами и консулами. Одновременно в период войны сопротивления мы тоже не

можем немедленно хоть немного продвинуться. Однако нам теперь крайне нужно приступить к поощрению внешних связей нации, чтобы продвинуть подготовку дружественных отношений между странами. Наши люди, исповедующие ислам, и исповедующие ислам во всем мире должны сделать так, чтобы обоюдные связи стали более разнообразными, более тесными, что касается культурной деятельности, которую подходяще сообща осуществлять, то тем более нужно сотрудничать.

В-четвертых, так как письменность нашего государства трудна, то необходимо сделать так, чтобы ближневосточные последователи ислама имели полное знание об издавна имеющейся у нас культуре, нам самим необходимо перевести на арабский большое количество основной литературы, чтобы они изучали. Надеемся, что студенты, обучающиеся на Ближнем Востоке, во многом возьмут на себя эту ответственность.

В-пятых, относительно изучения в нашей стране основных положений ислама. Кроме старорежимных канонических школ, хотя уже созданы педагогическое училище Чэнда и исламское педагогическое училище, одновременно центральное правительство уже распорядилось учредить кафедры исламской культуры и арабского языка в 3 государственных университетах, однако, заглядывая в даль, нам в будущем нужно будет, пользуясь государственную силу, открыть Исламскую академию. Эта академия должна иметь твердую основу, чтобы существовать вечно, не повторяя дискредитированный путь прошлого улучшения академии.

В-шестых, для того, чтобы повсеместно на Ближнем Востоке распространять культуру нашей страны и ускорить китайско-арабский культурный обмен, с одной стороны, нужно обратить внимание на исследования, с другой, сделать упор на литературу, в особенности на такую, где нужно использовать арабскую письменность. Однако в настоящее время в нашей стране еще нет типографии с арабской письменностью, крайне необходимо с финансовой помощью правительства закупить большую партию арабского шрифта, создать типографию с арабской письменностью, чтобы литературные произведения об арабской культуре, написанные исповедующими ислам в нашей стране, и литература нашей страны, переведенная на арабский, могли обращаться во всем мире. Посмотрите, немало фран-

цузов и испанцев приняло ислам, так как с некоторыми мусульманскими государствами и районами возникли связи. К тому же еще обращается серьезное внимание изучению арабской культуры. При этом с этими государствами и районами знакома собственная культура. Что касается изданий на арабском языке, то тут имеется множество книг. В нашей стране исповедующие ислам по численности превосходят 40 млн., занимают второе место в мире, с мусульманскими государствами составляют державу, в которой связаны подобно зубам и губам, разве нельзя считать осуществление этого рода работы срочно необходимым делом? Особенно теперь, в период войны сопротивления длительная пропаганда особенно нужна. Что касается заповедей /Сунь Ятсена. - В.К./, слов и дел линся /Чан Кайши? - В.К./, а также разъяснения государственной политики, обнародование новостей, - то печатание периодического издания на арабском языке тем более является неотложным замыслом. Китайско-арабские культурные связи - на путь решительного натиска! Прошлые 30 лет - это только пролог /ИЗ, 2, Г774-6/.

Национальное правительство Китая предпринимает определенные меры по части обучения своих сограждан-мусульман за рубежом. В 1939 г. министерство просвещения Китая начало выдавать обучающимся в Каире китайским студентам - мусульманам ежегодные стипендии в размере 20 фунтов стерлингов. В 1941 г. было объявлено, что те китайские студенты-мусульмане, что еще в Каире, возвратятся домой с помощью министерства просвещения Китая. Два года спустя оно объявило, что отберет 15 китайских мусульман, которые по приглашению правительства Индии, Турции и Ирана поедут в эти страны для повышения образовательного уровня /И55, 283/.

В 30-х гг. эти китайские мусульмане служили Китаю, содействуя развитию культурных связей и занимаясь деятельностью, направленной против японской пропаганды на Ближнем Востоке. В Египте трое из них перевели на арабский язык книгу Лин Ютяня "Моя страна и мой народ" /И55, 283/. Один из них перевел на арабский "Изречения" Конфуция, а другой - том поэм времен династии Тан /И55, 283/. Один из студентов по возвращении в Китай вел во время войны радиопередачи по чунцинскому радио на арабском языке для мусульман Ближнего Востока и Южной Азии. Когда японцы послали на Ближний Восток делегацию марионеток-китайцев,

некоторые из китайских мусульман, находясь там, воспрепятствовали появлению у народов Ближнего Востока мнения, что эта группа каким-либо образом представляет китайских мусульман /155, 283/.

Следует отметить, что в середине 40-х гг. в позиции мусульманских стран в отношении Китая произошли сдвиги, объективно положительные для последнего. Правда, остается открытым вопрос, в какой степени национальное правительство Китая сумело разграничить "исламскую карту", но, очевидно, определенные демарши в этом направлении сыграли свою роль.

Начиная с 1942 г. Китай начал предпринимать шаги, чтобы войти в более тесные официальные отношения со странами Ближнего Востока. До этого Китай имел дипломатическую миссию в Турции и консульства в Каире и Джидде /Саудовская Аравия/, порту на Красном море, через который проходили паломники на своем пути в Мекку.

В 1939 г. Китай и Турция повысили свои миссии до статуса посольств. В августе 1945 г. Исполнительный вань одобрил учреждение консульства в Стамбуле /155, 284/. 2 марта 1944 г. Китай и Афганистан подписали договор о дружбе. В своем комментарии по этому поводу журнал "Амерейна", в частности, писал: "Новый договор с Китаем, как представляется, указывает, что Япония потерпела неудачу в своих попытках заполучить поддержку Афганистана идеи о японском руководстве в Азии" /148, 83/.

В 1944 г. первое китайское консульство было учреждено в Иране /в Мешхеде/ и вскоре произошел обмен посланниками. На следующий год миссия была соответственно возведена в статус посольств. В Иране создается комитет по оказанию помощи Китаю и собирались средства /155, 284/. В январе 1944 г. первый китайский посланник в Египте был принят королем Фаруком /155, 284/.

Таким образом, правительство Китая всемерно стремится использовать исламский фактор как во внешне, — так и внутриполитическом плане для стабилизации своего положения. Трудно, однако, с исчерпывающей полнотой определить отношение к Гоминьдановской администрации Китая со стороны зарубежной общественности.

Претензии у мусульман остаются

Что же касается мусульман Китая, то вышеизложенные мероприятия и обещанные меры были призваны улучшить отношение мусульман к правительству Китая, внушить им, что оно со вниманием воспринимает их нужды. Однако говорить о коренном переломе в настроениях мусульман относительно политики правительства нет достаточных оснований. Недовольства среди мусульман не были устранены.

В подтверждение воспроизведем суждения британского министра информации /Нью-Дели, март 1942 г./ об отношении мусульман к Китайской исламской ассоциацией национального спасения:

1. Те, кто являются членами ассоциации, членами ее комитетов или активистами, все очень высоко отзывались об ассоциации как о посреднике в деле объединения китайских мусульман, посредством которого они могут внести объединенный вклад в решение их общих проблем и принять участие в национальной борьбе против Японии. Но некоторые, которые пребывали вне активного членства, говорили о ней как о "необитаемом доме". Они обвиняли, что она была организована сверху и что она не подлинный представитель мусульманских общин, за исключением немногих провинций, где она абсорбировала прежнюю "Мусульманскую ассоциацию взаимного прогресса" или "Движение всеобщего прогресса".

2. Молодые мусульмане утверждают, что заявления Китайской исламской ассоциации национального спасения в поддержку сопротивления Китая Японии точно выражают их чувства и что усилия претворить их на деле надлежали, поскольку они предпринимаются, но что организация их не эффективна. Она особенно слаба, как они утверждают, когда дело касается оказания воздействия на правительство, чтобы оно предприняло практические шаги с целью улучшить экономические и образовательные условия миллионов китайских мусульман. Они ценят назначение мусульман — профессоров в несколько национальных университетов и ученическое и специальное обучение, предоставляемое небольшому количеству учащихся-мусульман, они указывают, что во всех китайских правительственных университетах лишь немногим более 100 таких студентов и что эти люди попали туда в основном благодаря своим собственным усилиям.

Китайская исламская ассоциация национального спасения, указывая некоторые из этих студентов, дает им на учебу менее 80 долларов, этого хватает им, чтобы прокормиться месяц.

3. Небольшое, но убежденное меньшинство выражает недовольство тем, что правительство еще следует "старой политике" подбора "больших имен" в различных мусульманских политических, военных и предпринимательских группах. Если Китай действительно хочет пробудить и объединить энергию всех китайских мусульман, он должен использовать большее количество молодых мусульман с современным образованием и должен дать различным местным общинам шанс выбрать своих собственных представителей. Некоторые из них высказываются в пользу предложения, которое появилось в "Да гун бао" несколько лет назад, что следует создать "Конгресс меньшинств", в котором мусульмане могли бы иметь своих собственных представителей. Некоторые были бы за "Мусульманскую политическую партию", если бы правительство разрешило ее.

Более старые и более опытные мусульмане на Северо-Западе настаивают на важности большей специализации в обучении ахунов или учителей /мало отличных от мулл/, говоря, что мусульмане, особенно на Северо-Западе, еще следуют руководству ахунов почти безоговорочно и что политическое сознание людей больше зависит от них, нежели какого-либо другого влияния, включая тех мест, где мусульмане имеют прямой политический контроль или военную власть /232, 480-1/:

1. Более образованные мусульмане весьма желают видеть их образовательные возможности усиленными и улучшенными. Они чувствуют, что мусульманским детям в густо населенных мусульманских районах следует помочь иметь специальные мусульманские начальные школы как можно больше и улучшенного уровня и что больше помощи должно быть оказано мусульманской молодежи для поступления в средние школы и университеты. Они рассматривают невежество, преобладающее среди больших категорий мусульманских общин, особенно на Северо-Западе, как серьезную проблему. Они обижены тем, что предложения, сделанные в этой связи генералом Бай Чунси, председателем Китайской мусульманской ассоциации национального спасения, не были осуществлены, хотя они были одобрены национальным правительством.

2. Они считают, что вышеупомянутая проблема — основная в отношении их нынешнего экономического положения. "Наше мусульманские массы" следует обратить особое внимание национальному правительству.

3. Они чувствуют, что об их политических возможностях, как личных, так и групповых, в прошлом чрезмерно много писалось. В то же время они высоко ценят и отвечают на внимание, которое оказывается им национальным правительством с 1938 г., им хотелось бы видеть еще более многочисленные и конкретные возможности, предоставленные мусульманам, чтобы участвовать в руководстве национальной жизнью. Это желание особенно звучно среди молодых мусульман, имеющих среднее или высшее образование.

4. Они гордятся мусульманами, сражающимися в китайских армиях, выдающимся положением некоторых мусульманских командиров /в особенности Бай Чунся, Ма Буфана, Ма Хункуя/ и данью, которая была отдана храбрости и боевым качествам мусульман. Но они были бы рады видеть еще больше молодых мусульман, которым дали передовую или специализированную военную подготовку, чтобы обеспечить им более высокие командные посты в китайских вооруженных силах. Они настаивают, что мусульмане уверены, что хорошо проявят себя на всех таких ответственных должностях /232, 480/.

Сводку британского министра информации, естественно, нет оснований считать всеобъемлющей и исчерпывающей. Ее дополняют, в частности, сведения известного специалиста по дальневосточным делам Д. Бодде. Он, в частности, сообщает следующее.

Неадекватное политическое представительство вызывает недовольство мусульман. Они, как представляется вероятным, составляют 4% населения Китая или 10%, как они утверждают, а во время войны лишь один мусульманин входил в Народно-Политический совет, где общее количество членов было 240. Среди менее важных /36/ государственных советников мусульман было 2 /155, 284/.

Оставляя в стороне вопрос о том, какое бы по численности представительство в государственных институтах гоминьдановского Китая могло удовлетворить китайских мусульман, укажем лишь, что в какой бы то ни было их общественной самодеятельности для центрального правительства Китая крылась потенциальная угроза роста центробежных настроений. Тем более, что вековая неприязнь и

отчуждение, бытовавшие во взаимоотношениях мусульманской и ханьской общин, не сошли в мгновение на нет с началом японского вторжения в пределы собственно Китая. Едвинство, которое демонстрировалось в известных пределах на высшем уровне, правительством Китая и руководителями мусульманской общины, случалось, резко диссонировало с тем, что происходило на местах. Начало национально-освободительной войны Китая против Японии окончательно не подвело черту межобщинным эксцессам. В ряде случаев гоминьдановские войска и охранные части местного назначения учиняют расправу над мусульманами. Так, в начале антияпонской войны 6 бригада провозгласила: "Несомненно нужно вырезать мусульман подчистую". И было уничтожено очень много мусульман в деревне Уинцунь уезда Удясянь провинции Шаньдун /12, 38/. В 1938 г. гоминьдановские войска в провинция Ганьсу устроили мусульманский погром в деревне Яньлючжуан /уезд Юйчжунсянь/: мучали людей, насилывали, грабили /12, 38/.

Какие конкретно обстоятельства провоцировали подобные инциденты, не представляется возможным выяснить из-за отсутствия разносторонних данных. Очевидно, отмеченные факты гонений на мусульман являлись порождением традиционного психологического климата, присущего взаимоотношениям хань и мусульман. Сами конфликты провоцировались конкретными событиями, в трактовке характера которых мнения сторон могли расходиться.

В 1939 г. произошли печально известные "Хайчуские события". Первопричиной их являлось то, что солдаты гоминьдановского дунчэнского отряда под предлогом набора в армию заставляли мусульман-мужчин, зачисленных на службу, есть свиное мясо, принуждали женщин и девушек-мусульманок идти учиться в вечерние школы, пользуясь этим, приставали к женщинам. Кроме того, мусульманское население было обложено тяжелыми поборами, так что людям нечем было жить /12, 38/.

По этой версии, представленной одной стороной, притом в издании, выдержанном в целом в духе официальных установок /в частности, антагоминьдановских/, трудно воссоздать во всей полноте реальную картину событий. Не ставя своей целью хоть как-то обелить действия гоминьдановских военных, все же можно допустить, что у них не было особого намерения оскорблять чув-

отва мусульман-новобранцев, предлагая им свиное мясо. А можно ли было реально иметь в тех условиях две кухни: для хань и для мусульман? Не совсем убедительно звучит посылка насчет того, что организацией вечерних школ для женщин-мусульман преследовалась единственная цель - заполучить удобный повод для посягательства на их добродетель.

Но как бы там ни было, началось выступление под лозунгом "Мусульмане отдельно организуют свою вооруженную борьбу с японцами" /12, 38/. Начавшись в Гуяна, волнения очень быстро охватили мусульман Хайяна, Хуалана, Лунда, Шэньцзя. Число повстанцев превысило 20 тысяч человек /12, 38/. Выступление было сурово подавлено гоминьдановскими войсками /12, 38/.

В 1943 г. погрому со стороны хань подверглось село Санпо /уезд Мэнсянь, провинция Хэнань/, единственное мусульманское селение из 360 деревень, что были в уезде. Мусульмане в сравнении с соседями считались зажиточными, и жители окрестных селений на почве зависти принялись грабить и убивать мусульман. Не остались в стороне и местные должностные лица: уездный начальник Чжан Ханьбан, командир районного большого отряда Ли Чжэньхань. В Санпо они связали и увели несколько зажиточных человек, казнили их, а потом приказали детям мочиться им в рот /131, 2, 1629/. Затем окрестные сельчане, войдя в сговор с туфэями Северной Хэнаня и местными бродягами, стали осаждать Санпо. После третьей попытки осаждавшие ворвались в село. Сожгли 5 мечетей из 6, убили около сотни мусульман. В это время случилось так, что японские части двинулись на Мэнсянь и должны были пройти через Санпо. При приближении японцев разбойничье войско, до этого бесчинствовавшее над мусульманками, заблаговременно бежало /131, 2, 1629/.

Такого рода события понятно не способствовали сплочению мусульман и хань в борьбе против японского агрессора.

Выступления в Синьцзяне и провозглашение ВТР

Если собственно в Китае вторжение японских войск не ознаменовалось повсеместно сплочением мусульман и китайцев в борьбе с агрессором, давала себя знать испокон веков бытовавшая обобщная

неприятель, то на севере Синьцзяна мусульмане подняли вооруженное восстание и провозгласили создание Восточно-Туркестанской республики.

Этому предшествовали следующие события.

В конце 1939 – начале 1940 гг. правитель Синьцзяна Шэн Шицай приказал арестовать религиозного вожака казахов Алтая Ахат-аэцаи /Ахат-Хаджи?/^X. Потом он был убит в тюрьме /128, III/. Следом по предписанию Шэн Шицая было сожжено несколько экземпляров старого издания Корана. Казахи сочли это как намерение уничтожить исламскую веру /128, III/. Обстановку усугубили и другие поступки китайских властей, и в марте-апреле 1940 г. казахи подняли восстание. Их выступление, отмечает китайский автор, вылилось в истребление хань /128, III/. Межобщинная рознь, усугубленная эмоциями религиозного порядка, приняла экстремальные формы.

В декабре 1943 г. казахи Алтайского района Синьцзяна вновь подняли восстание против синьцзянской администрации. Непосредственным толчком к выступлению послужили попытки провинциальных властей переселить казахов с богатых травостоем пастбищ на севере в засушливые жунги района провинции, которые "есть подлинно районы голодной смерти" /204, 371/. Эти события негативно отразились не только на внутриаппаратическом положении в собственно Синьцзяне, но и отрицательно сказались на отношениях с соседями. Часть казахов перешла в пределы МНР. Китайские войска преследовали их, а китайские самолеты бомбили селения на территории МНР, где, как подозревали, укрылись беженцы. Советский Союз выразил протест против таких действий /204, 371/, а войска МНР изгнали китайских солдат.

В начале декабря 1944 г. из Урумчи /Дяхуа/ поступило сообщение, что казахи Синьцзяна подняли всеобщее восстание против китайских властей /204, 371/.

"... выступление казахов в Синьцзяне, – указывал журнал "Амерэйла", – просто самая последняя фаза давнишнего антагонизма между китайцами и магометанами-кочевниками северо-запада, чьи пастбищные земли были экспропрированы для нужд китайских крестьян" /204, 371/. Экономическое ущемление мусульман-казахов китайскими властями и пренебрежение последними духовными ценно-

стями ислама усугубляли остроту антагонизма между мусульманами Синьцзяна и немусульманами-хань.

Ислам выступает как своего рода идейная платформа во время революционных событий, предшествовавших созданию Восточно-Туркестанской республики. И проявлялось это в разных формах: в проповедях к населению, в символических внешних атрибутах. Как пишет непосредственный участник событий З. Тайпов, в проповеди, произнесенной в Байтулла, главной мечети города Кульджи, развивалась "мысль о том, что дело борьбы с народными поработителями — святое дело" /II6, 42/. Очевидно, подобного рода наставления были восприняты как призыв к джихаду, ибо по утверждению ряда источников, борьба против гоминьдановской власти выливалась в резню хань вообще как таковых /I89, I74, 322/.

Учитывая влияние мусульманского духовенства, его пытались привлечь на свою сторону противоборствующие силы. З. Тайпов сообщает, что временный губернатор Илийского округа Лю Бинди на обеде, устроенном для мусульманского духовенства, говорил о важной роли духовенства в воспитании народа, в формировании у него добрых чувств /II6, 42/.

Обращает на себя внимание и такой весьма показательный момент. Повсеместно выступления против гоминьдановского господства шли буквально под зеленым знаменем ислама. В Налке /7 октября 1944 г./ мусульмане-повстанцы подняли зеленое знамя ислама /I89, I73/. К 12 ноября 1944 г. зеленые флаги возвышались над всеми зданиями в Кульдже /Иниане/ /I89, I76/. 15 ноября было провозглашено создание Шарк Тюркистан Джумхурияти /Восточно-Туркестанская Республика/ под номинальным президентством узбека Алихан-тюре^х, религиозного лидера, который пользовался широкой поддержкой мусульманского населения. Он непосредственно способствовал успеху выступления и участвовал в создании новой власти. В ноябре 1944 г. в разгар уличных боев к руководителям повстанцев явился Аляхан-тюре, духовное лицо, пользовавшееся авторитетом среди мусульман Кульджи. Он сумел поднять мусульманское население Кульджи на борьбу против гоминьдановских властей. Переговоры с Аляханом-тюре были условно завершены, в результате чего было провозглашено Временное правительство Восточно-Туркестанской республики /ВТР/ во главе с Аляхан-тюре /87, 74/.

Один из пунктов политической программы ВТР было: "Уважение религий" /128, 176/. Под ней подразумевался прежде всего ислам.

Он предстает в качестве идейной основы для сплочения всех участников повстанческого движения. И Восточно-Туркестанская республика на первых порах ее существования выступает как государство мусульман. "... еще нужно поднять культуру и политическую пропаганду, чтобы все люди исламской веры ради Восточного Туркестана не пощадили жизни для революции", - провозглашала "Восточно-Туркестанская революционная газета" 13 января 1945 г. /128, 176/.

О том значении, которое правительство ВТР придавало исламу, свидетельствует создание специального учреждения - Совета по делам ислама, кроме того, был учрежден департамент по делам религий.

Обращает на себя внимание представительство в администрации ВТР духовенства и почтенных мусульман. Среди 17 членов правительства были Керим-/х/аджи, Цзюйли-ахун, Вакас-/х/аджи, уполномоченный Илийского банка - Юсуф-хаджи /128, 177/.

Массовое выступление неханьского населения на севере Синьцзяна носило определенно исламскую окраску и ставило одной из своих целей защиту исламских духовных ценностей. Ислам выступает как общая идейно-политическая платформа, которая объединяет широкие массы людей именно по принадлежности к одной и той же вере. И в данном случае единоверие заслоняет разницу в социальном положении, различия в классово-сословных интересах.

Когда война с Японией была в самом разгаре, на страницах официального издания Совета по международным делам говорилось следующее: "В нынешней войне Китая против японской агрессии все его мусульманское население как один поднялось на борьбу за отечество. Более чем 50 из них /мусульман.- В.К./ генералы и командующие армиями, среди которых может быть упомянут генерал Бай Чунси, президент Китайской мусульманской ассоциации национального спасения и способный помощник генералиссимуса Чан Кайши" /271, 79/. Среди не названных в этом пассаже мусульман-военачальников отметим Ма Бэнчжяя /1901-1944/, командира мусульманского отряда, героически сражавшегося с японцами /10, 52/.

Отдельные представители мусульманского духовенства, нахо-

дась на оккупированной японцами территории, посильно участвовала в борьбе сопротивляемая. Так после падения Шанхая и Нанкина на территории шанхайского саттеллента, не занятого японцами, оставался ахун Хадэчэн. Он наставлял едлансверцев Юго-Восточного Китая участвовать в антияпонской борьбе. Жилище ахуна служило явкой для мусульманской молодежи, которая тайно пробиралась для работы в японском тылу и для учебы. Молодые мусульмане получали от ахуна поддержку и указания /ИЗІ, I, 634/.

Вкладу китайских мусульман в национально-освободительную войну китайского народа 1937-1945 гг. отдавалось должное и в издании правительства Китайской Республики, охватывавшем период 1937-1945 гг. "Китайские мусульмане индивидуально и коллективно внесли большой вклад в войну, служа в армии, тем же и оказывая вспомоществования" /169а, 217/.

Последнее из вышецитированных гоминьдановских изданий полностью умалчивает о событиях на севере Синьцзяна в 1944 г. в контексте антияпонской борьбы населения Китая вообще и мусульман в частности.

На схожей позиции стоит и известный ученый Бай Шоуи в своей работе, появившейся уже в КНР: "вплоть до 1949 г. все мусульмане Китая участвовали в освобождения материкового Китая" /10, 52/. В частности, в оценке Бай Шоуи события в трех округах на севере Синьцзяна /Или, Тарбагатай, Алтай/ явились ударом по реакционной власти гоминьдана и американского империализма в Синьцзяне, вкладом в освободительную борьбу всего Китая /10, 52/.

Оставляя в стороне социальную природу гоминьдановского режима, не следует упускать из виду, что центральная гоминьдановская администрация оставалась национальным правительством Китая и в качестве такового являлась символом антияпонской национально-освободительной борьбы. И логично полагать, что в тех условиях всякое выступление против авторитета гоминьдановского правительства не способствовало сплочению усилий в борьбе с японским империализмом. И тем более, нет объективных данных соглашаться с утверждениями такого рода, что в годы антияпонской войны все мусульмане Китая внесли вклад в эту борьбу. Мусульманское выступление на севере Синьцзяна дестабилизировало внутриаполитическую

стабильность Китайской Республики в отнюдь не способствовало борьбе ее населения с японской агрессией. Объективно, вне зависимости от побуждений повстанцев мусульман их выступление было на руку Японии, ибо расчленение Китайской Республики являло одно из основных методов политики Токмо в отношении китайского государства.

Глава 8. ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КИТАЯ 1945-1949 гг.

Капитуляция Японии в 1945 г. формально подвела черту национально-освободительной войне Китая, в ходе которой исламский фактор пытались использовать противоборствующие стороны.

Мусульмане Китая заявляют о себе

С окончанием азиатско-японской войны начинается новый этап в политической жизни Китая, и мусульманский вопрос в стране не утрачивает своей значимости. Ее определяют факторы внутри - и внешнеполитического порядка. В последнем случае особую роль играло движение мусульман в Британской Индии за создание отдельного мусульманского государства.

"Пакистанское движение" в Индии пригласило китайских мусульман посетить Индию и послало делегатов в Китай. Инициатива, подоплека которой, несомненно, имела политическую значимость, совершенно неслучайна с учетом того обстоятельства, что между мусульманскими организациями Британской Индии и Китая прежде существовали контакты.

В 1927-1928 гг. в Пекине было основано общество "Чжуйцю сюэ хуэй" /"Общество стремления к науке"/. Его организаторами явилась молодежь из кругов мусульманской интеллигенции / IO, 403/. Эти молодые люди интенсивно занимались научными изысканиями. Общество "Чжуйцю сюэ хуэй" сотрудничало с лахорским религиозным обществом "Ахмадия" /IO, 404/. Имел место обмен пропагандистскими материалами /IO, 407/.

Инициатива мусульман Индии не нашла поддержку у руководителя общенациональной организации мусульман Китая. Генерал Бай Чунси послал такое заявление Мусульманской лиге Индии: "Китайская исламская федерация национального спасения" имеет в качестве своей двоякой цели спасение нации и распространение ислама, но в настоящее время нация идет первой. Не может быть никакой речи о религиозной свободе, когда свобода нации не обеспечена" /234, 257/. Иными словами. Бай Чунси не считал полхо-

дшим соучастие мусульман Китая в делах индийских мусульман, недвусмысленно заявив, что у первых хватает и своих "домашних" дел. Тем не менее сам по себе факт обращения вожаков мусульманского движения в Индии к исламской организации Китая не мог не способствовать повышению ее престожа. Тем более, что с окончанием антияпонской войны там складывается новая внутриаполитическая ситуация, которая отражается на значимости мусульманского вопроса в жизни страны, а обращение вожаков зарубежного мусульманского движения к руководству китайских мусульман укрепило ее положение в отношениях с администрацией.

Война сопротивлении объективно явилась если не объединяющим, то по меньшей мере сдерживающим началом в жизни многонационального Китая, боронящегося с внешним врагом, в том смысле, что вожаки мусульман собственно Китая сохраняют лояльность национальному правительству Китая. Со своей стороны, высшие правительственные инстанции и их средства массовой информации проявляют известное внимание к запросам мусульманской общины.

Когда сошла на нет угроза извне, для центрального правительства Китая в какой-то степени теряет свою значимость отношение к нему международной исламской общественности, а соответственно и исламский вопрос становится больше чисто внутренним делом. А поскольку так, то в глазах определенных официальных инстанций, средств массовой информации мусульмане Китая опять оказываются на положении просто национального меньшинства, а не частью общемирового мусульманского сообщества. Показательно в этой связи, что в седьмом выпуске "Китайского ежегодника", подготовленного Советом по международным делам на основе официальных и других государственных источников, вообще не нашел никакого отражения мусульманский вопрос /2716 /^х, тогда как в предшествующих выпусках исламу было отведено определенное место. В то же время, что бросается в глаза, в указанном выпуске приводятся сведения о других мировых религиях, как-то: христианство, буддизм.

Если пока не останавливаться на ситуации в районах компактного расселения мусульман /Северо-Западный Китай, Синьцзян/, то обстановка вокруг исламского вопроса в собственно Китае характеризуется наличием двух противоположных тенденций. С одной

стороны, мусульманская община гласно самозаявляется, добивается, по меньшей мере, внимания к жалующимся вопросам своей жизни и уважения интересов и запросов мусульман, признания их полноправными и уважаемыми членами общества.

С другой, дают себя знать традиционный великоханьский шовинизм и высокомерие. Рассмотрим все это более подробно.

1946 г. отмечен активностью руководителей мусульманской общины Китая в плане ознакомления общественности страны с историей ислама, с его заповедями. Предпринимаются попытки не только как можно шире разъяснить, что такое исламский феномен, но и, очевидно, имеет место стремление приобщить к исламской вере новых adeptов. В 1946 г. в Чунцине вышло - первое издание "Чжунго ислянь ши ганяо" /Основные сведения по истории ислама в Китае/, в 1948 г. в Шанхае - второе издание /96, 3/.

12 апреля 1946 г. "Дагун бао", ведущая шанхайская газета, опубликовала извещение центрального управления Китайской исламской ассоциации об издании Корана на простонародном языке. Оценка численности мусульман в Китае не точна, говорилось в этом уведомлении. Исходя из сообщений из мечетей по всей стране, мы находим, что количество мусульман составляет 50-70 млн. человек. "Эти люди рассеяны и не организованы. Из-за того, что они не организованы и говорят не как единое целое, страна обращает на них мало внимания".

Некоторые считают нашу веру ветвью иудаизма, другие полагают, что наша вера - новая ветвь христианства.

"Из-за того, что наша вера не всегда проповедуется чужим, наша пища и обычаи отличны, на нас смотрят как на таинство. Конечно, это не имеет значения, как люди смотрят на нас, но мы должны указать, что наша религия была признана во всем Китае на протяжении долгого времени. Мы согласны, что не были способны сделать ясным смысл нашей веры нашему народу, так чтобы он мог полностью понять ее. Теперь мы знаем, какова помеха, а именно, наш Коран написан на арабском, который не полностью понятен громадному большинству нашего народа. Си в столь многих случаях зависит от интерпретации местного ахуна.

Эта Ассоциация - всеобщая организация мусульман, учреждена в военной столице - Чунцине под патронажем генерала Бай Чунся.

Вся наша энергия была направлена на то, чтобы организовать мусульман во имя нашей страны. В то же время понимали, что помеха нашей вере заключалась в недостатке понимания основ Корана. Для исправления положения был создан комитет под началом тяньцзиньского ахуна Ван Цинчя.

После сражения за Ханькоу он поехал в Чунцин и занялся переводом Корана. Во время японских бомбежек его работа погибла. Он переехал недалеко от Чунцина в Бэйбэй и вторично перевел Коран.

Заказ на издание был передан в Шанхай издательству Юнсян.

Это издание – перевод в отличие от прежнего /на литературном китайском языке/ – на разговорном /237а, 364-5/.

В первом полугодии 1947 г. мусульманские периодические издания выступают с материалами, которые носят острый политический характер и в которых открыто осуждается дискриминация мусульман в условиях существующей политической системы. Так, в апрельском выпуске ежемесячника "Хуэй се юкань" появилась статья "Санпо цаньань" /"Трагедия в Санпо"/. Она поведала о кровавых событиях в мусульманском селеньи Санпо, имевших место 20 мая 1943 г. /о них говорилось выше/.

По поводу поведения местного начальства автор статьи писал следующее: "Это поступок, который "местному начальству" надлежало делать? Это по-человечески? Это в высшей степени справедливо? Часто слышим, как европейцы говорят, что наш Китай – нецивилизованное государство, это самая безжалостная нация в мире. Слыша такое, мы необычайно гневаемся. Подобного рода деяния, чинимые "местным начальством", разве могут соответствовать тому, чтобы быть нацией цивилизованного государства, разве может это соответствовать тому, чтобы быть человеком?" /ГЗІ, 2, 1629/

Мусульмане Санпо посылали потом ходоков в Юян, Сиань, Чунцин, однако правительство занималось этим делом только для отвода глаз. "Может быть, – вопрошает автор, – это и есть проверка на деле великоханьского шовинизма?"

Ныне война сопротивления победоносно завершилась, Чжан Ханьян согласно установленного правила служит начальником уезда Мэнсянь, Ли Чжэнхуань – по-прежнему начальник большого отряда района. Что же это за мир? /Что же это делается на свете?/.

В селении Санпо проживало 1000 с лишним дворов. Со времени этих кровавых событий мертвые — мертвы, бежавшие — в бегах. Ныне, кто там остался, — так это старшие и немощные женщины и младенцы. Их всего-то не более 100 человек /131, 2, 1629-30/.

В этой же статье воспроизводилась песня, сочиненная жителями Санпо и которую ежедневно пела молодежь. Воспроизведем отрывок из нее:

— Войска и туфан, объединившись,
Осадили Санпоцунь.
Убивали людей, поджигали /дома/ и ловили людей,
Сожгли нашу мечеть,
Погубили наших мусульман;
Вечно помним:
Воздадим врагу, отомстив ему!

Публикация этой песни явилась демонстрацией общинного инстинкта: уничтожению подверглись "наши мечети и наши мусульманы". Нужно мстить солдатам и бандитам, а в широком смысле хань, ибо они-то и были теми солдатами и туфаями, которые учинили погром мусульман в Санпоцуне. Налицо, таким образом, призывы не только к сохранению межобщинной розни, но и к активным действиям против обидчиков мусульман, т.е. хань. Бездейтельность гоминьдановской администрации в отношении имевших место событий в Санпоцуне объективно способствовала порождению экстремистских настроений в мусульманской общине.

Публикации подобного рода не были однако определяющими на страницах мусульманских изданий. Появлялись и статьи, где излагалась конструктивная программа мероприятий, которые надлежало осуществлять. В этом отношении показательна статья, опубликованная в 1947 г. в яньском номере "Хуэуа".

— Подытоживая, — писал некий Тэватуа, — хуэйхуэй Китая — такие, которые имеют сильные стороны. Если говорить о том, что на поверхности, то повсеместно образование хорошее, если сильный религиозный порыв, богатство выпирает. Однако у них есть и свои недостатки. Их культурный уровень отстал, нет новых кооперативных начинаний, велика косность.

Что касается подъема и унадка хуэйхуэй Китая в будущем,

то это всецело зависит от строительства экономики и просвещения^х. В области экономики нам следует создать кооперативное дело, преобразовать наши старинные ручные промыслы /например, Сан-поский кожевенный промысел/ и земледелие, отказаться от всякого управления, не соответствующего предприятию. В области просвещения улучшить обучение халифа^х при мечетях, осуществить систему I мечеть - I школа, приложить все усилия к тому, чтобы в местах компактного проживания народа хуэй, где более тысячи семей, было учреждено хуэйское среднее учебное заведение, содержать всех молодых учащихся в школах, чтобы они со спокойным сердцем занимались /I3I, 2, I6I3-4/.

Как явствует из цитированной статьи - самосохранение и самоутверждение хуэй как этнорелигиозной общности - эта проблема занимала их. И что весьма показательно, делается упор не на образование вообще, в соответствии с учебными программами китайской школы, но на просвещение мусульманское, на создание конфессиональных учебных заведений. Психологический климат в гоминьдановском Китае со своей стороны тоже способствовал обособлению мусульман и сохранению самости.

С окончанием антияпонской войны в общественной атмосфере собственно Китая, контролируемого гоминьдановским правительством, не произошло перелома в сторону сближения мусульман и хань. В этом отношении заслуживают внимания свидетельства /хотя, и может быть, не беспристрастные/ Ахмеда Али^х.

На сегодняшний день мы находим в Нанкине, столице Китая, и других городах, что мусульмане еще живут за пределами городских стен, хотя не по какому-либо официальному приказу. Они не имеют никакой особой протекции и каждый теперь подвергается нападкам со стороны китайской прессы за то, что они мусульмане, или за то, что молятся в своей собственной манере. Их чувства китайцы часто не принимают во внимание, чему было немало примеров в последние годы. Даже британская пресса в Китае иногда высмеивает их. Например, "Зе Норз Чайна дэйли ньюз" 16 января 1948 г., сообщая об инциденте с "Сан Мин Ван Бао" в Шанхае, имевшем место несколько дней ранее, насмехалась над ними и писала, что мусульмане "печально известны отвращением к сваньям" /I45, 36-7/.

Выше уже говоралось о воздействии внешнеполитического фак-

тора на усиление самовыражения мусульманской общины Китая. Рассмотрим это явление конкретно. Создание мусульманского государства Пакистан нашло живейший отклик среди мусульман Китая. Это, в частности, проявилось в их реакции на смерть основателя Пакистана М.А. Джинны. Бэйпинский Институт исламских письменных исследований, Общество мусульманской молодежи и журнал "Юе хуа" совместно направили следующую телеграмму правительству Пакистана: "От имени 50 миллионов китайских мусульман мы просим выразить наше глубокое прочувствованное горе, которое мы испытали, услышав весть о том, что любимый вождь мусульман всего мира господин Джинна вернулся к Подлинному /Истинному/. Наша боль действительно беспредельна. Как говорил священный Коран: "Мы принадлежим Аллаху и к Нему мы должны все вернуться". Мы поэтому надеемся, что Вы смените нашу скорбь на мужество, с которым завершите то, что он оставил незавершенным, и вызовете поток смыть следы зла. Мы надеемся, что Вы будете продолжать создавать сад, мирный и счастливый, называемый Пакистан, для мусульман. С братской любовью, мы будем оказывать Вам нашу поддержку. Желаем Вам успехов". — Опубликовано в "Юе хуа" /18 сентября 1948 г./ /145, 64/.

Мусульмане Китая не только выражают скорбь по поводу кончины Джинны, но поднимают вопрос о необходимости усиления своей общественной самостоятельности. Так 18 сентября 1948 г. пекинское издание "Юе хуа" посвятило редакционную статью по поводу смерти Джинны. В ней говорилось: "Мы согласны, что обстановка в Китае во многих отношениях отличается от той, что в Пакистане. Наше национальное движение осталось на стадии невежества и недостаточного самосознания. Это, к сожалению, непреложный факт. У нас нет никакой теории, никаких идеалов, никаких методов и никакой политики. Оплакивая господина Джинну, сегодня нам хотелось бы поднять эти вопросы для внимательного изучения нашими братьями" /145, 59/.

Оставляя в стороне эмоции, отметим то чувство общности и солидарности, которое демонстрируют мусульмане Китая с зарубежными единоверцами. Построение мусульманского государства Пакистан они воспринимают как свое личное дело, сознавая себя как неотделимую часть всемирной мусульманской общины.

Широкий диапазон чувств, с которым мусульмане Китая восприняли смерть Джинны. Одни из них видят в его деятельности пример для подражания, очевидно, имея в виду целеустремленные усилия Джинны по возвеличению роли ислама как фактора политической жизни, по созданию отдельного мусульманского государства. В этом ключе следует рассматривать рассуждения мусульманина Хай Лижана, обнародованные на страницах "Де хуа". Выражая волю китайских мусульман продолжать великую борьбу, которую вел Кваид-и-Азам (прозвище Джинны), Хай Лижан писал: "Мы оплакиваем уход вождя мусульманского движения. Мы потеряли великого учителя. Наш путь отныне будет более трудным. Наш долг будет больше. Мы стойко обязаны выполнить дело, которое осталось после него. Мы должны следовать великим путем возрождения Ислама. Джинна навсегда был разлучен с нами? Нет. Он не покинет нас. Он будет с нами вечно. Он станет, подобно маяку, показывать нам путь, которым мы должны идти" /145, 59-60/.

Другой автор, У Вэй, в том же выпуске "Де хуа" более четко говорит об устремлениях своего народа и заявляет, что огонь, который горит в груди китайского мусульманина тот же, что и в груди пакистанского мусульманина: "У нас та же самая судьба, мы идем тем же самым историческим путем. Мы тоже надеемся на обеспеченную и размеренную жизнь. Мы тоже хотим свободы и равенства - основных прав человеческих существ. Хотя мы поем громко, что мусульмане всего мира - одно и мы, китайские мусульмане, звено в одной цепи, все же разве мы можем без чувства стыда сравнить себя с нашими пакистанскими братьями? Чего мы достигли? Каков плод взрастили?

В великой буре мусульманского движения смерть господина Джинны - великий удар. Но обстановка в мире не позволяет нам горевать и скорбеть. Если мы, кто остался в живых, не сможем выполнить миссию господина Джинны в борьбе за благополучие мусульманских масс, если мы не сможем освободить 50 миллионов наших братьев, тогда это будет действительно огромная потеря" /145, 60/.

И для полноты представлений о реакции мусульман Китая на смерть Джинны воспроизведем элегию /в прозаическом переводе/ Ма Чуня, опубликованную в "Де хуа" 18 сентября 1948 г.:

- Обрати скорбь
 во гнев.
 Обрати гнев
 в огонь,
 И пусть он горит.
 Манушей ночью
 Так Джинна сказал
 Или так я слышал.
 Без никакого возрождения, ни нового роста...
 Без руки сопротивления
 Не может быть никакого мира или счастья.
 Иди, скажи избранным сыновьям Мохаммеда,
 Правоверным братьям в Исламе:
 "Я пробудился.
 Джинна мертв.
 Как от взрыва
 Все потрясены.
 Как будто в темной ночи
 Мы потеряли яркую лампу
 Или на перекрестке днем
 Мы лишились нашего проводника.
 Словно мы остались враз без отца и матери,
 Мы скорбим и полны печали,
 Мы также оплакиваем.
 Я кажется слышу
 Джинна говорит снова:
 "Обрати скорбь во гнев,
 Обрати гнев в огонь,
 И пусть огонь
 Горит" /145, 58-59/

Кончина Джинны не единственное событие, когда мусульмане Китая проявляют международную мусульманскую солидарность.

Они выражают свою солидарность к острым проблемам, занимавшим международную мусульманскую общественность. 21 мая 1948 г. 50 тысяч мусульман в Бейпине организовали комитет в поддержку арабов в Палестине /1876, 148/. Насколько свободно

было это волеизъявление китайских мусульман, проблематично. В условиях гоминьдановского режима всего вероятнее, что эта демонстрация была санкционирована властями.

Поскольку речь зашла о сфере международных отношений, то следует отметить такое обстоятельство. Гоминьдановское правительство использовало на дипломатических постах в странах, где были сильны позиции ислама, китайских граждан-мусульман. Так, в частности, консулом в Малайю оно назначило мусульманина Ибрагима Ма /202/.

X X
X

Большая самостоятельность как минимум для начала, официальное признание особого статуса мусульманской общины в политической структуре гоминьдановской Китайской Республики – таков лейтмотив публичных высказываний китайских мусульман. Степень актуальности этих требований не для всех них была одинаковой. Одно дело те, кто проживал в местах некомпактного расселения мусульман, другое – кто находился в районах китайской Магометании и тем более принадлежал к числу ее военно-политических руководителей.

Представители семейства Ма, местные милитаристы, как в годы антияпсовской войны, так и по ее окончании, продолжают оставаться не только фактически, но и официально правителями провинций Северо-Запада. В 1940-1945 гг. Ма Хункуй – неизменно председатель правительства провинции Нанся, Ма Буфан – соответственно Цинхай /271, 792; 271б, 1086/.

К концу 40-х гг. Ма Буфан выступает в качестве ключевой фигуры в военно-политической системе Северо-Западного Китая.

"... Согласно последней информации, Ма Буфан тако выткнул политическую сеть над всем великим Северо-Западом. Хотя он проводит большую часть своего времени в Сянине, уделяя свое личное внимание Цинхаю, его родственники и доверенные помощники сегодня занимают стратегической важности позиции повсеместно в мусульманских провинциях. Старший брат, Ма Буцан, контролирует Ганьсуо-кий коридор и восточные подступы к Сяньцзяну. Двоюродный брат Ма Хункуй – губернатор провинции Нанся. Остальные родственники, именуемые Ма, – генералы, администраторы и ахуны чрезвычайной

важности" /1906, 149/.

Не будучи в состоянии подчинить себе периферийных милитаристов, в частности вожаков мусульман Нянся и Цинхая, национальное правительство идет на официальное признание статус-кво, признавая их своими представителями на местах. Мусульманские генералы, в свою очередь, шли на такое сосуществование с национальным правительством, ибо признание с его стороны обеспечивало им соответствующий статус с точки зрения легальности как в глазах подвластного населения, которое было не только мусульманским, так и соседних правителей провинций. Основное, что сближало го-маньдановское национальное правительство и генералов - мусульман, так это антикоммунизм. Для тех и других основным политическим противником в стране была КПК и руководимая ими НОАК. В них верхушка мусульманской общины усматривала угрозу своему привилегированному положению.

В частности, об уже упоминавшемся Ма Буфане западный наблюдатель писал: "Хотя его звание - номинально губернатор Цинхай, власть подлинного восточного князя абсолютна и неограничена" /1906, 142/. Идеологической основой власти Ма Буфана и вместе с ним выступал ислам. Он являлся той скрепой, которая обуславливала определенную внутреннюю стойкость мусульманской ячейки /селения/ и в совокупности всей мусульманской общины. Ее вожаки нередко выступают в двойной ипостаси: генерала и ахуна, подкрепляя властную силу авторитетом пастыря. В роли ахунов очевидец писал следующее: "Подлинные хозяева в Магометаннах - ахуны ... Китайские власти боятся силы ахунов. Они хорошо знают, что как только хуэйхуэй почувствует себя достаточно сильным для восстания, ахуны начнут проповедовать вечный джихад. Священный Поход против китайских неверных" /1906, 140/.

Но пока до этого дело не дошло, Ма Буфан, в частности, всемерно занимался различными мероприятиями, призванными экономически укрепить его домен. За счет золота, которое его солдаты добывали в горах в уезде Амие-Мачин, возле истоков Желтой реки, он финансировал свою администрацию /1906, 142-3/. По инициативе Ма Буфана было проложено шоссе на юго-запад из Синина в глубь Тибетской страны /1906, 142-5/.

Ма Буфан являл собой своеобразный феномен в общественно-по-

литической жизни Северо-Западного Китая. Будучи мусульманином и ревнителем исламских духовных ценностей, он в то же время не был чужд новым веяниям и достижениям общечеловеческого прогресса. Нынешняя характеристика Ма Буфана, вероятно, несет на себя отпечаток субъективизма, но тем не менее заслуживает внимания. "Все же, к счастью для его мусульманского народа, он модернист и самый эффективный администратор. Он проявляет живейший интерес в отношении дел и событий, происходящих за пределами его царства, и является наиболее прогрессивным из многих тиранических правителей на Востоке. В течение непродолжительных двух десятилетий его правления из своей отдаленной столицы в Синане, на этнографической границе Китая и Тибета, он развил эту хантерландную область в одну из самых прогрессивных в стране ... Он интенсивно интересовался западными изобретениями, в особенности современным мототранспортом" /1906, I42-3/.

х х

х

В то время, как на значительной части Китая внутривосполитическая обстановка характеризуется крайней нестабильностью, когда там идет гражданская война, в ходе которой КПК и гоминьдан оспаривают друг у друга право быть правящей партией страны, в районах проживания мусульман сохраняется относительное спокойствие. "В настоящее время на Северо-Западе Китая, — писал очевидец, — снова относительный мир. Это прежде всего благодаря тому факту, что большая часть Магометании за примечательным исключением Ланьчжоу — китайского базиса — управляется в основном своими собственными вожаками, хотя они могут быть иногда более строги как администраторы, чем китайцы, их предпочитают мусульмане /хуэйхуэй/ чужакам и ненавидят китайцы" /1906, I42/.

Что касается Синьцзяна, где имело место значительное мусульманское большинство, то власти этой провинции, влиятельные вожаки мусульман в Кашгарии, где особенно были сильны традиции ислама, не выказывали своей нелояльности национальному правительству.

На севере же Синьцзяна часть округов отложились от Китая. С окончанием войны с Японией национальное правительство вплотную берется за решение проблемы мятежных округов.

Но прежде, чем непосредственно перейти к рассмотрению как это происходило, обратимся к предшествовавшим событиям.

Договоренность о самоликвидации ВТР

У Чжунсинь пробыл в должности главы саньцзянской администрации месяц, как 11 ноября 1944 г. в Иинане вспыхнула революция. Большую часть своих боевых сил она получала от казахских племен бассейна Или и области Алтай. Выступившая захватила Или, Тарбагатай, Алтай /Ашань/. На территории 3 упомянутых округов была создана Восточно-Туркестанская республика. Ее провозглашение явилось прямым следствием политики группировки "СС", задававшей тон в гоминьдановском руководстве, которая стояла на позициях великоханьского шовинизма и нетерпимо относилась ко всем проявлениям национализма среди неханьцев.

Командующий 8-й фронтовой зоной генерал Чжу Шаолян срочно телеграфировал в Нанкин о катастрофической обстановке на Северо-Западе.

Образование ВТР означало дальнейшую дезинтеграцию гоминьдановской Китайской Республики в условиях, когда значительные ее районы подверглись оккупации японских войск.

По получении телеграммы Чжу Шаоляна Чан Кайши направил в Урумчи генерала Чжан Чжичжуну с наказом разобраться на месте и произвести расследование на предмет решения проблемы. В сентябре 1945 г. Чжан Чжичжун прилетел в Урумчи /Дахуа/ /129, 2, 418/.

16 сентября он вернулся в Чунцин. Там получил назначение национального правительства выступить его представителем на переговорах с представителями Инина, столицы ВТР.

Но сначала о природе нового государства. Оно было по своему характеру исламским. Ислам явился основой для совместных действий неоднородных по этнической принадлежности участников восстания в 3 округах /казахи, уйгуры, хуэй/, но исповедовавших одну веру – магометанство. Они были неоднородны и по своему социальному положению, но эти различия не принимались во внимание, ибо на первое место выходила религиозная общность. По существу это был джихад, священная война с неверными – хань. Об этом достаточно красноречиво говорится в памфлете повстанцев "Борьба за родину".

"Китайские угнетатели и захватчики ... бесчестят нашу святую религию.

Почему произошло восстание в Или? ... Потому, что мы имеем право выступать за возрождение нашей религии. Мы также верим, что Аллах сказал нам: "Я накажу всех угнетателей". Мы также полностью убеждены, что власть масс — власть Аллаха. С этой верой мы боролись и, свергнув вероломную китайскую власть в трех округах, создали свободное Мусульманское государство Восточного Туркестана.

— Да здравствует наше мусульманское республиканское правительство!

— Да здравствует полумесяц, призывающий к нашим 30 дням священного поста!

— Да здравствует звезда, призывающая к нашим 5 ежедневным молитвам!" /154, 207-208/.

Фундаментальная важность ислама в ВТР видна как в персональном составе руководства, так и в правительственной организации. Во-первых, два руководителя ВТР Алихан-Торе и Асимбай-ходжа были исламскими богословами, известными во всех 3 округах за свою ученость и приверженность исламу. Во-вторых, большинство членов нового правительства было также мусульманами и включало несколько человек, которые носили титулы "ходжа". Все вышеназванные титулы или почетные звания были исламскими по своей природе. "Ходжа" употреблялось применительно к лицу, считавшемуся потомком пророка. "Хаджи" — тот, кто совершил паломничество в святое место, ахун — религиозный наставник, вероучитель.

Были созданы Религиозный совет и особое министерство по делам религии /министр Салах-джан-бай/.

Значимость ислама можно также видеть в символах правительства: флаг новой республики включил в себя мусульманские полумесяц и звезду. Население зоны демонстрировало общность с исламским руководителем правительства, нося значки с той же самой исламской символикой и золотые и серебряные значки со звездой и полумесяцем, которые давали как знака чести и дружбы различным союзникам ВТР, в особенности в первый год ее существования /154, 145/.

Со стороны руководства ВТР явно прослеживается стремление вдохновить на борьбу единоверцев за пределами 3 северных округов. Сюю заявляет, что свержением власти неверных на части Синьцзяна не считает борьбу законченной. В воззвании, изданном от

имени Алихан-тёре и скрепленной печатью правительства Восточно-Туркестанской республики, говорилось: "Исламское правительство Туркестана создано, воздадим хвалу Аллаху. Помощь Аллаха дала нам героизм, чтобы свергнуть правление угнетателей-китайцев. Но даже если мы сами обрели свободу, можно ли это быть приятным в глазах нашего Бога, если мы лишь стоим и наблюдаем, тогда как Вы, наши братья по вере, еще несете кровавую обиду подчинения черной политике угнетательского правительства жестоких китайцев? Безусловно, наш Бог не будет удовлетворен" /154, 45-46/.

Руководители ВТР на первых порах поощряли исламский образ жизни и объявлял джихад или священную войну против неверных-китайцев /219, 383/. Антигоминьдановские выступления сопровождались проявлением религиозного фанатизма, когда имели место антиханьские погромы.

17 октября 1945 г. Чжан Чжичжун встретился с представителями Восточно-Туркестанской республики: Рахамджаном, Абдухавртхай /Абдухавр-тула/, Ахметджаном /Касими/ /129, 2, 426/.

Не излагая здесь программы национального правительства, выдвинутой им в качестве основы для урегулирования, укажем лишь пункты второй и третий. Она соответственно предусматривала следующие:

"Уважать религиозные верования всех национальностей, надлежащим образом обеспечить защиту церквей, монастырей всех религий".

"Уважать присущие всем национальностям культуру и обычаи, привычки, язык, письменность" /129, 2, 426/.

13 ноября делегация Инина вернулась в Дихуа с ответными предложениями. Она, что весьма показательно, шла от имени мусульманского народа Синьцзяна.

В проекте же предложений центрального правительства относительно урегулирования событий в Синьцзяне говорилось о народе Синьцзяна, о "здесьних национальностях", о "народе пограничной окраины" /129, 2, 426/. Словом, центральное правительство, оперируя общим понятием "народ", так или иначе признавало национальную неоднородность населения Синьцзяна. Но в то же время умалчивает о разделенности его по религиозному принципу.

Но об этом тактично и недвусмысленно с самого начала говорилось в ответе представителей Инина на вышеупомянутый проект.

Ответный документ начинался так: "Мнение представителей синьцзянского народа исламской веры /подчеркнуто нами.- В.К./ относительно проекта по мирному решению вооруженного инцидента с мусульманами /I29, 2, 429/. И далее последовательно ведется речь от имени мусульман, т.е. исповедующих ислам, а о них самих. "Этого рода указания и пропаганда /гоминьдановского правительства.- В.К./ никоим образом не смогли помешать хань подавлять, третировать и оскорблять веру, обычаи исповедующих ислам и их национальную культуру" /I29, 2, 430/. И еще, на что следует обратить внимание. На первый план в ответе представителей Инина ставится не проблема материального положения неханьского населения при гоминьдановском господстве, а гонения хань как таковых на веру мусульман. Словом, во главу угла выдвигаются отчуждение и неприязнь на конфессиональной почве. Коренное население Синьцзяна, неоднородное по этнической и социальной принадлежности, выступает в данном случае как единая религиозная общность против ановерцев - хань вообще.

В ответе Инина, соответственно 2, 3 и 4, 10 пунктами, было: "Просим покончить с дискриминацией в отношении религии, одновременно дать полную свободу вероисповедания".

"В административных учреждениях и судебных учреждениях использовать письменность, присущую людям исламской веры".

"В начальных школах, средних учебных заведениях и университетах при обучении использовать письменность, присущую людям исламской веры" /I29, 2, 431/.

"При организации правительства провинции Синьцзян разрешить участвовать в нем представителям последователей мусульманской веры".

"Мусульманское духовенство, которое сражалось за свободу и участвовало в событиях /связанных с антигоминьдановской борьбой.- В.К./, не привлекать к ответственности и после предоставления подлинных гарантий ни под каким предлогом не притеснять преда" /I28, I89/.

В ответе Чжан Чжичжуна, в частности, говорилось: /2/ "Правительство прекращает дискриминацию в отношении религии, одновременно предоставляет полную свободу религиозного вероисповедания.

В делопроизводстве государственных административных учреждений и судебных органов одновременно используются говань^х и арабская письменность, однако в письмах в правительственные учреждения разрешается отдельно использовать письменность данной нации.

В начальных школах при обучении используется письменность своей нации, в средних школах говань считать обязательным предметом, в университетах соответственно учебной необходимости одновременно используются говань и арабская письменность" /I29, 2, 433/.

2 января 1946 г. официально было подписано соглашение между представителем национального правительства Китая и представителями ВТР /I29, 2, 431/. Во 2, 3, 4 пунктах соглашения специально говорилось о религии, письменности мусульманского населения. Конкретно предусматривалось следующее:

/2/ Правительство ликвидировало дискриминацию в отношении религии, предоставляет народу полную свободу вероисповедания.

/3/ В делопроизводстве в государственных административных учреждениях одновременно используются говань и арабская письменность. В бумагах, направляемых народом в правительственные учреждения, отдельно использовать письменность данной национальнойности.

/4/ В начальных и средних школах при обучении используется письменность данной национальнойности, однако в средней школе надлежит считать говань обязательным предметом, в университетах согласно учебной необходимости одновременно использовать говань и арабскую письменность /I29, 2, 438/.

После подписания вышеупомянутого соглашения от 2 января 1946 г. ВТР перестала существовать.

В Синьцзяне по-прежнему не спокойно

В январе 1946 г., когда в Урумчи подписывалось первоначальное перемирие между гоминьданом и ВТР, повстанцы, активизировавшиеся ранее на юго-западе Синьцзяна, захватили оазисы Посгам и Каргалык и окружили Яркенд. Гоминьдановские войска отбили это наступление, но мусульманские повстанцы продолжали контролировать

большую часть сельской местности между Хотаном и советской границей вплоть до осени 1946 г., когда вслед за созданием синьцзянского коалиционного правительства под началом Чжан Чжичжуна китайские войска очищали от повстанческих сил район Памира и вновь открыли пути в Индию /189, 205/.

Исчерпывающих сведений о политической программе этих повстанцев нет. Английский генконсул в Кашгаре Этерингтон Смит в докладе начальству /дат. октябрём 1946 г./, отмечал, в частности, что упомянутые повстанцы ратовали за свержение власти иноземцев и изгнание китайцев, обещали вернуться к традиционной мусульманской культуре и образу жизни /189, 205/. Есть утверждение, что в плане политическом повстанцы ставили цель издание авторитарного "тюркско-исламского" государства /189, 205/.

Религиозный фактор играл существенную роль в переговорах ВТР и гоминьдановской администрации Синьцзяна. Обещание последней уважать верование и обычаи мусульман снимало одно из основных препятствий на пути возвращения отложившихся округов в лоно Китайской Республики. Редактор китайского издания "Друзья мусульман в Китае" Р. Ху писал в этой связи: "Недавно реорганизованное правительство Синьцзяна обещало восстановить свободу вероисповедания и не осуществлять никакой дискриминации в отношении любой религии. Очень вероятно, что под руководством христианина председателя /правительства/ генерала Чжан Чжичжуна эти обещания будут выполнены" /199а, 51/.

На чем основывался в своих ожиданиях автор цитированных строк? До окончания переговоров и до создания реорганизованного провинциального правительства были обнародованы основные программные установки Чжан Чжичжуна. Среди них фигурировало уважение религиозных верований /129, 2, 462/. После чего соответствующее уведомление было направлено командному составу гоминьдановских войск.

Со своей стороны мусульманское население оказывает нажим на Чжан Чжичжуна, возражая против браков между хань и мусульманами. Этот вопрос выступает как наиболее острая проблема в межобщинных отношениях. Она выходит за рамки чисто бытового порядка и приобретает политическую значимость как опосредствующая форма воинствующего мусульманского национализма. Проблема брака между

мусульманками и неверными получала актуальное политическое звучание. Мусульмане проявили здесь особую чувствительность, ибо этот вопрос по их представлениям непосредственно затрагивал заповеди веры. 16 апреля 1947 г. генерал Чжан Чжичжун выступал на собрании местного населения в Аксу. Оно высказалось за строгий запрет браков между хань и мусульманами. 22 апреля то же самое говорили Чжан Чжичжуну на встрече в Кашгаре /154, 114/.

С одобрения Чжан Чжичжуна издается запрет о браках между хань и мусульманами. В прошлом, гласило предписание, стало обычным явлением, что неисповедующие ислама хань брали в жены исповедующих ислам. Исторически этот феномен стал национальным и социальным вопросом, вызывал в обществе беспрестанные многочисленные возмущения.

Однако в вопросе о запрете браков между мусульманами и хань мнения тогда разошлись. Одни считали, что свобода брака — право людей, не следует подвергать их религиозным или национальным ограничениям. Почему в прошлом последователи ислама могли жениться на женщинах-хань, а мужчины-хань теперь не могут жениться на исповедующих ислам женщинах? Хотя у исповедующих ислам национальностей отличные от нас нравы и обычаи, указывали другие, однако поскольку мужчины и женщины с обеих сторон имеют одинаковые желания, то не следует подвергать хань этому ограничению. Третьи считали, что поскольку у людей религиозные верования, нравы и обычаи различны, тогда не нужно, чтобы они женились, однако употребить запрет в порядке административного приказа годится ли и будет ли результат?

Хотя сейчас — период свободы брака, однако в Синьцзяне особая обстановка, ради уважения религиозных обычаев и привычек национальных меньшинств не следует в этом вопросе возбуждать чувства национальных меньшинств, что привело бы к тому, что отразилось на национальном единстве, поэтому все-таки официальным приказом запрещаются брачные связи между хань и нехань.

За исключением тех, кто уже состоит в браке и в равной мере не подлежат преследованию, с настоящего времени офицерам, солдатам, чиновникам и простым людям ханьской национальности в одинаковой мере нельзя брать в жены исповедующих ислам /129, 2, 462-3/.

II июля 1946 г. состоялось первое заседание коалиционного правительства в Урумчи, а вечером того же дня толпы мусульман атаковали дома хань, которые были женаты на мусульманках. Результатом было полномасштабное выступление в провинциальной столице. Толпа увела мусульманок из домов ханьских мужей и в некоторых случаях их принудили выйти замуж за стариков-мусульман. В ту ночь во время столкновений было убито какое-то количество хань /I54, 74/.

В сентябре 1947 г. кашгарская штаб-квартира гомиьндановских войск объявила, что солдаты-немусульмане не должны жениться на мусульманских женщинах /I54, I65/. Однако предписание не разрядило политической напряженности и не примирило социально-активную часть мусульманского населения /это традиционно была ее мужская часть/ с присутствием ханьских военных и чиновников, по инициативе которых и случались ханьско-мусульманские браки. Влиятельные представители мусульманской общины обращают внимание к этой наиболее острой проблеме и дипломатических представителей Запада.

В середине ноября 1947 г. Иса, генеральный секретарь правительства и старший друг Максуда Сабри, при встрече с представителями США и Британии в Урумчи выразил озабоченность тем, что ничего не сделано, чтобы положить конец бракам между мужчинами - хань и мусульманскими женщинами /I54, I64/. К весне 1948 г. нарастало недовольство в Синьцзяне. Среди основных причин были браки между китайскими солдатами и мусульманскими девушками /252, 57/. Недовольство мусульман выливается в экзотическое. В октябре 1948 г. хань был убит в Урумчи за то, что женился на мусульманской женщине /I54, I65/.

Программа синьцзянского правительства во главе с Чжан Чжи-чжуном, принятая 16 июня 1946 г. /I29, 2, 47I/, одним из своих пунктов провозгласила уважать религиозные верования всех национальностей и ликвидировать дискриминацию в отношении религии /I29, 2, 472/.

В начальных средних школах, декларировала та же программа, для обучения использовать письменность данной национальности, однако в средних школах говань считать обязательной дисциплиной, в университетах в соответствии с учебной необходимостью одновременно использовать или говань или арабскую письменность /I29, 2, 470/.

Политическая программа правительства умерала амбиция ревностных поборников соблюдения в полном объеме традиционных бытовых заповедей, объявив незаконным использование телесного наказания согласно обычаям или религиозного закона. Больше того, предусматривалось, что в случае конфликта между гражданским кодексом и местным религиозным законом будет призвано центральное правительство, чтобы разрешить спор. Отходом от религиозного закона был и пункт, провозглашавший правовое равенство для женщин и защиту их законных прав /154, 75/.

Продолжая линию на нормализацию отношений между местным населением и личным составом гоминьдановских войск, Чжан Чжичун издал специальное предписание относительно необходимости соблюдать обычаи местного населения, в частности, мусульманского. Как акцентировалось в этом документе, может статься, что обстановка в Синьцзяне и в провинциях собственно Китая весьма не одинакова. Поэтому также очень нелегко полностью выполнить /обязанности в отношении народа/. В провинциях собственно Китая обращение со старыми людьми мало чем отличается от обращения /с молодыми/, они тоже не испытывают такое различие, потому что те и другие понимают речь друг друга, нравы и обычаи у них мало отличаются. У большого количества же людей Синьцзяна иные, чем у нас, речь, письменность, нравы, обычаи, религия, а к тому же она национальные меньшинства. Исключительно легко у них /возникает/ недоверие, начинаются недоразумения; если с нашей стороны действия хоть немного неосмотрительны, тогда очень легко возникает неправильное понимание, вплоть до того, что вызовут их антипатию. Например, во время похода у населения позаимствовали котел приготовить овощи, в провинциях собственно Китая — это обычное дело, но здесь, если вы позаимствовали котел сварить свинину, то это вызовет неприязнь. Еще, например, вы становитесь на постой в деревне, занимаете у населения дом, во внутренних провинциях нет никакой проблемы, их старшие и малые, мальчики и девочки, женщины — все приветствуют вас, вплоть до того, что могут уступить помещение рядом с комнатой, где муж с женой спят, это очень обычное дело. Однако здесь, если вы при случае заговорите с их женщиной, у них это вызовет неприязнь. Здесь положение женщины сравнительно низкое, граница между женщиной и мужчиной очень строга, мы должны

быть особо осторожны и внимательными ... Где бы мы не были, необходимо уважать нравы и обычаи людей, только тогда сможем расположить к себе людей. Недавно один человек рассказал мне о фактах прошлого. Заходя в мечеть, нужно снимать туфли. Если вы пришли посмотреть туда, то, нужно снять обувь, иначе нарушите их религиозное правило, и таким образом поспособствуете возникновению антипатии. У /Чжусань/ - чжуся, всякий раз, когда случался мусульманский праздник, лично посещал их мечеть, чтобы поздравить. Когда приходил, туфли снимал. Они необычно радовались, говорили, что это - уважение со стороны чжуся и уважение их религиозного правила. Хотя это малоч, однако очень большого значения.

Если бы имели место значительные происшествия, например, силой брать в займы скот, причинять ущерб имуществу, приставать к женщинам, то, естественно, возникает у народа неприязнь /I29, 2, 46I/. Вопрос остается открытым, сколь действительным оказалось это предписание, но тем не менее сам факт его появления показателен.

Равно как и то, что гоминьдановские военачальники считают должным демонстрировать уважение мусульманским духовным авторитетам. Так генерал Чжао Сихуан провел церемонию, чтобы отметить рождение пророка Мохаммеда /I54, I65/.

Отдавая должное памяти пророка, руководители гоминьдановского режима выказывали внимание и здравствующим мусульманским деятелям, предоставляя посты в верхних эшелонах власти. В августе 1947 г. 89-летний мусульманский лидер Ма Лянцзюнь, хуэй из Урумчи, был назначен на пост инспектора, самый высокий административный пост в Контрольном юане /I54, I56/.

Чтобы удержать Синьцзян в составе гоминьдановской Китайской Республики, иметь здесь тыл в борьбе с КПК, гоминьдановские руководители поддерживают консервативно и исламистски настроенную группу среди мусульманских националистов. Среди них Махмуд Сабра, Бурхан, Мохаммед Эмин^X, экс-эмир Хотана и муллы /2I9, 385/.

Такие деятели, как Илбаре-хан, Осман, зарекомендовавшие себя противниками хань как таковых, находят покровительство у гоминьдановской администрации из-за своего антикоммунизма.

Развязка борьбы КПК с ГМД и мусульмана

Внутриполитическая жизнь Китая в конце 40-х гг. характеризуется сложным раскладом противоборствующих сил, равно как и степенью этого противоборства. Шла борьба не на жизнь, а на смерть между КПК и гоминьдановским режимом. Вместе с тем в самом нем не было единства, а имела место оппозиция диктаторским устремлениям нанкинской группировке со стороны периферийных правителей, в том числе и мусульманских военно-политических руководителей. Но в целом антикоммунизм был определяющим для гоминьдановского лагеря в целом, и вожаки мусульман в силу собственных интересов выступали против КПК. В условиях коллапса власти центра, которая и прежде была слаба, исход глобального противоборства между гоминьдановским режимом и КПК зависел не только и не столько от национального правительства, сколько от периферии, где, в частности, размещалось мусульманское население.

С расширением масштабов конфронтации между гоминьданом и КПК возрастает и значимость исламского фактора. Чью сторону возьмет мусульманская община в противоборстве, которое шло между "неверными" — хань, каковыми для нее в равной степени являлись и гоминьдановцы и китайские коммунисты? Идеологические аспекты конфликта гоминьдана и КПК мало занимала широкие слои мусульман. Официальный суньятсизм и марксизм-ленинизм были чужды исламу, и притом оба эти учения исходили от хань. Последнее обстоятельство уже само по себе создавало определенный барьер на пути идейной общности мусульман и хань, с каким-бы лозунгом ГМД или КПК не выступали. Что касается последней, то ей к началу антияпонской войны не удалось-таки сделать своим союзником мусульманскую общину Северо-Западного Китая /о Синьцзяне и говорить не приходится/. "Коммунистам еще предстоит преодолеть естественную антипатию к сотрудничеству с китайцами", — писал в конце 30-х гг. Э. Сноу /254, 317/. Точнее говоря, он имел в виду с китайцами-коммунистами. Такая проблема продолжала стоять перед КПК и в конце 40-х гг.

И борьба между КПК и гоминьданом затрагивала мусульманскую общину в той степени, в какой речь шла об интересах мусульман-

ской верхушки. Ее, в большей степени, чем гоминьдан, пугала КПК с ее атеизмом и установкой на борьбу угнетенных против угнетателей.

И в этом плане имелаась основа для союза вожаков мусульманской общины Северо-Запада, Сяньцзяна и гоминьдановского руководства. Последнее в свою очередь тоже нуждалось в поддержке мусульманской общины для укрепления основ своей власти в стране.

В противостоянии с КПК руководство гоминьдановского режима ищет союзников и, условно говоря, в мусульманском лагере, который при внешнем своем единстве, оставался неоднородным в социальном отношении. Гоминьдановские правители усматривают в исламе потенциального союзника в борьбе КПК, "противника всякой веры", "поборника общего имущества и общих жен". Представители мусульманской верхушки, для которых установление власти КПК неприемлемо, ибо опасаются лишиться привилегий и влияния, в союзе с ГМД /пусть и вынужденном/ усматривают возможность самосохранения.

Сотрудничество вожаков мусульманской общины Северо-Запада с гоминьданом в борьбе против КПК проходило на региональном и общенациональном уровнях.

В апреле 1946 г. Ма Хункуй снова предписал пропагандистскому подразделению ахунов, состоящему при нинсяском отделении Исламской ассоциации спасения родины, усилить антакоммунистическую пропаганду /90, 363/.

Кампания по выборам в Национальное собрание и избрание президента Китайской Республики являлась еще одной проверкой лояльности мусульманских верхов правящему режиму.

В 1947 г. Чан Кайши распорядился созвать Национальное собрание и провести выборы президента. Согласно предписаниям Чан Кайши надлежало в провинциях провести выборы депутатов Национального собрания. В этой кампании приняли участие и мусульманские вожаки Северо-Запада. Список депутатов от Нинся включал в порядке очередности: Ма Хункуй, его четвертая наложница Лю Муцзя, второй сын Ма Дунь-цзян, четвертая наложница Ма Фусяня Ма Жудэн /90, 203/.

Среди голосов, поданных за избрание Чан Кайши президентом Китайской Республики, были и голоса вожаков мусульманской общины Северо-Запада. Вне зависимости от настроений рядовой массы му-

мусульман Северо-Запада фактически они политически поддержали Чан Кайши.

Ему, однако, была нужна и реальная их помощь, т.е. физическое участие в борьбе с вооруженными силами КПК. Отсюда гоминьдан в лице мусульманина Бай Чунся выступает с инициативой по созданию единого антикоммунистического фронта мусульман. Первым шагом в этом направлении должно было явиться объединение усилий мусульманских вожаков Северо-Запада.

В 1947 г. министр обороны хуэйцзю Бай Чунся и начальник генштаба Чэнь Чэн подали Чан Кайши идею создать "Главный штаб /войск/ пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся по истреблению разбойников". Имелось в виду объединять мусульманские войска Ма Хунюаня, Ма Хунку и Ма Буфана /соответственно первый назначался главкомом, второй и третий - заместителями главкома /для борьбы с вооруженными силами КПК /90, II7/. Причастность к этой затее единоверца Бай Чунся призвана была сделать ее привлекательней для мусульманских генералов. Идея пришлась по вкусу Чан Кайши. Однако реализовать ее не удалось /90, II8-9/. Симпатий к КПК ни один из упомянутых 3 Ма не питал. Но противоречия между ними, властные амбиции оказались сильнее активного антикоммунизма, и объединения их личных армий под единым началом единоверца-соплеменника не состоялось.

Тем не менее сама идея антикоммунистической мусульманской коалиции не сошла с повестки дня.

У генерала Бай Чунся, военного министра, как утверждают, был план объединять всех мусульман Китая, в частности, казахов и уйгуров с хуэй-хуэй, и организовать их как западный фланг комбинированного наступления против коммунистов, которые ежедневно усиливались благодаря активной помощи советского правительства и в известной степени из-за отсутствия единства в Нанкине.

О наличии у Бай Чунся вышеупомянутого плана свидетельствуют казачка Хамза и Шердирман, сын известного Осман-Батора, которые ездили в 1948 г. в Нанкин для участия в торжествах по случаю повторного назначения генералиссимуса Чан Кайши главой китайского государства. Упомянутые лица неоднократно встречались с Бай Чунся, и во время бесед с ними он делился своими соображениями

/214, 135/. Представители казахов были решительно не только против власти коммунистов, но и даже против какого-либо сосуществования с ними. Последнее, по словам представителей казахской верхушки, означало следующее: тайная полиция Шэн Шипя; жестокости "красных бород"; порабощение; действительная передача провинции советскому правительству; похищение вожаков, которые не станут сотрудничать в такой политике; религиозные гонения, разрушение семейной жизни /214а, 135/.

План антикоммунистической коалиции, который вынашивал Бай Чунос, нашел поддержку и со стороны вожаков мусульман из северо-западных провинций, приехавших в столицу /214а, 135/.

Но если антикоммунизм мог послужить основой для союза гоминьдановской верхушки и предводителей мусульман, то у последних не могла не сохраняться известная настороженность в отношении гоминьдановского режима. 18 апреля 1948 г. решение Национального собрания рассматривать без какой-либо поправки к конституции вопрос о главе государства означало не что иное, как расширение полномочий президента. Это разрушает надежды делегатов, представляющих расовые меньшинства, включая 17 мусульман из Ганьсун, Цинхай и Нинся, что поправка, которая может быть будет принята, предоставит определенную степень самоуправления неханьским меньшинствам /184а, 124/.

Однако, еще находясь в столице, вожаки мусульман, в частности, казахи поняли, что генерал Бай Чунос постепенно утрачивает расположение в высших гоминьдановских сферах, тогда как группа вокруг генералиссимуса, которая благоволила "сосуществованию" с коммунистами, быстро становилась все более влиятельной /214а, 135/.

Неудача с идеей создания единой мусульманской команды для борьбы с КПК сыграла свою роль в исходе противостояния ГМД и КПК в Северо-Западном Китае.

По возвращении в Урумчи Шердаман и Хамза сообщили посланным их, что надеяться на гоминьдан нечего. "Они /гоминьдановские вожаки.- В.К./ спорят и торгуются друг с другом и любят болтать как торговцы на базаре. Большинство из них готовы продать самих себя, если предложат достаточно высокую цену. Если бы они и те, которые из их американских советников тоже жили под Шэн /Шацзем/

девять лет, как мы, она бы знали, что коммунисты много предлагают, но забирают все обратно, когда готовы и когда взятки сослужили свою службу. Но в Нанкине они не обращают внимания, когда мы говорили им об этом" /2I4a, I363/.

Следом за этим Нанкин отозвал генерала Сун Сяняна и назначил генерала Тао Чжию командующим китайским гарнизоном в Урумчи.

Генерал Тао разъяснил, что приказ, в соответствии с которым казахи были зачислены в китайскую регулярную армию, был неправильно понят его предшественником, генералом Суном. Илийское соглашение, указал генерал Тао, дало местным расам право рекрутировать свои местные вооруженные формирования. Это не означало, что они должны быть частью китайской армии. В таком случае оружие должно быть возвращено. Что касается униформы, то если казахи действительно нуждаются в таких вещах, то им надлежит получить их от провинциального правительства. Но, указал генерал Тао, мирное урегулирование разногласий между коммунистами и гоминьданом близко, так что в оружии нет реальной необходимости /2I4a, I37/.

Поведение генерала Тао дало основание антикоммунистически настроенным мусульманским вожакам Синьцзяна полагать, что не следует больше ставить на гоминьдановское правительство, и они предпринимают шаги к более тесному сотрудничеству друг с другом. В этой связи заслуживает внимания то, что в августе 1948 г. казахский предводитель Али Бег презентовал медаль Аблай – хана Максуду Сабра, уйгуру, председателю провинциального правительства, который был первым казаховым получателем такой награды. Но еще более значительным было то, что медаль, которую он получил, не именовалась просто медаль Освобождения как в 1945 г., но была названа потом именем Аблай-хана, известного в казахской истории за его борьбу против русских властей в начале девятнадцатого века /2I4a, I38/.

Последняя ремарка, чисто авторская или передача показаний его информаторов, действительно заслуживает того, чтобы ее рассмотреть более внимательно. Антикоммунизм отдельных казахских предводителей традиционно сопутствовал их антирусским настроениям. Аблай-хан, правитель казахского Среднего жуза, который в действительности жил не в XIX в., но в XVIII в., в известной степени являлся для части казахов символом борьбы за независимость,

и прежде всего против царской России. Активное же сопротивление царским властям оказывали в первой трети XIX в. потомки Аблай-хана. Таким образом, антикоммунизм известной части вожаков синьцзянских казахов означал не только неприятие власти китайских коммунистов, но имел антирусскую подоплеку. Ислам же выступает как духовная основа для сплоченной, различных по этнической принадлежности групп для борьбы против безбожников-коммунистов, выступающих против образа жизни, освященного заповедями ислама.

Три месяца спустя после получения Максудом Сабри упомянутой медали он ушел с поста председателя синьцзянского провинциального правительства /214а, 138/.

Встав было во главе его, Максуд Сабри повел себя антиханьски, встал в оппозицию по отношению к центральному правительству и заявил речь об "автономии высокой степени" /129, 571/. Идея создания собственной государственности, традиционно бытовавшая среди мусульман Синьцзяна, наглядно демонстрировала свою живучесть. На юге Синьцзяна сын Максуда Манхуаньсы вел себя как хозяин: смешивал чинсэников, вмешивался в дела местной судебной власти, распространял националистические взгляды /129, 577-8/.

Режим Максуда Сабри ознаменовался общим подъемом исламистских настроений, антиханьских по своей направленности. С приходом Максуда Сабри удовлетворялись "националистические устремления части духовенства" /87, 86/. Появляются панисламистские организации "Общество исламистской молодежи", "Общество защиты религии ислама" /87, 87/. Гоминьдановское начальство пыталось использовать ислам в качестве средства борьбы с КПК, и "Общество защиты религии ислама", как центральный орган, объединяющий более мелкие общества, находился в непосредственном ведении военного штаба Северо-Западного района Китая во главе с генералом Сунь Сянянем /87, 87/. В какой степени Сунь Сянянь контролировал деятельность упомянутого общества, представляется проблематичным. Вероятнее всего речь шла о контактах на основе антикоммунизма. Но, отвергая его, мусульманские националисты, в то же время были и против пребывания под властью гоминьдана для хань как таковых, власть которых и олицетворял ГМД. Союз мусульманских националистов гоминьдановской военной силой оказался сделкой противников. Ослабление позиций ГМД в собственно Китае мусульманские национа-

листы в Синьцзяне спешили использовать в собственных целях. Антикоммунизм в Синьцзяне, поощряемый гоминьдановскими военными и чиновниками, обернулся для них ростом антиханьских настроений вообще. Армия КПК еще не пришла в Синьцзян, но ханьское войско ГМД было здесь, удерживая Синьцзян в составе Китая. И первостепенным объектом неприязни мусульманского населения являлось не НОАК, а гоминьдановская армия.

Оживление сепаратистских настроений среди мусульман Синьцзяна, чему несомненно способствовал Максуд Сабри, встревожило гоминьдановское руководство. И Максуд Сабри был вынужден уйти в отставку.

Его сменил Бурхан Шахида. Первой его акцией как главы правительства было объявление врагами государства Осман Батура и Али Бага /214а, 138/.

В ходе гражданской войны по мере продвижения частей НОАК на северо-запад, в районы компактного расселения мусульман, такие их вожаки, как генералы из клана Ма, на деле блокируются с гоминьдановским командованием для оказания сопротивления НОАК. По состоянию на март 1948 г., согласно оценке Главного командования НОАК, ей противостояли в районе Динсянь-Аньсяньбао - Цзяньбянь и в восточной Ганьсу 9 бригад Ма Хункуя из Нинся и Ма Буфана из Цинхая /64, 19/.

В ноябре 1948 г. Ма Хункуй вторично послал войска в Бастоу, они участвовали в сражениях с НОАК /90, 363/.

С развалом гоминьдановской армии и ослаблением морального состояния мусульман в 1949 г. северо-западные районы в августе-октябре того же года перешли под контроль частей НОАК. Говоря конкретнее, в военно-оперативном отношении происходило это так.

В ходе Сифу-Лундунской операции /12.4 - 12.5.1948/ гоминьдановские войска Ху Цзуннаня и Ма Буфана противодействовали Северо-западной полевой армии НОАК /64, 19/. Во время Северо-западной /весенней/ операции /20.2 - 24.3.1949/ заодно с войсками Ху Цзуннаня против НОАК действовали силы цинхайского генерала /64, 20/. 10.6 - 25.6.1949 г. I полевая армия НОАК осуществляла операции по срыву совместного контрудара Ху Цзуннаня и Ма Хункуя /64, 20/. В ходе Фуфэн-Мэйсяньской операции /11.7 - 14.7.1949/ войска НОАК отражали совместный удар войск Ху Цзун-

наия и Ма Хункуя /64, 20/. В ходе Ланьчжоуской операции /24.7 - 5.9.1949/ I полевая армия НОАК ставала своей целью разгром главных сил генерала Ма в провинции Цинхай /64, 20/. В ходе операции в Хэси провинция Ганьсу /10.9 - 21.9.1949/ главные силы I полевой армии действовали против остатков цинхайской группировки войск Ма Буфана в районе Датуня и Чжанье /в западной части провинции Ганьсу/ /64, 20/.

Как явствует из вышеприведенной сводки событий, распространение власти КПК на территория Северо-Западного Китая, заселенного главным образом мусульманами, происходило в упорной борьбе между НОАК и воинскими формированиями мусульманских генералов. Конники "3 Ма" нанесли самый большой удар частям НОАК под командованием Пэн Дэхуая, Сюй Синциня и Ван Чжэня. Потери НОАК от мусульманской конницы превысили 100 тысяч человек /64, 20/. Достоинность последней цифры не представляется возможным проверить, и, насколько она соответствует действительности, вопрос остается открытым.

5 мая 1949 г. Ма Хункуй и Ма Буфан встретились в Сянтане в Цинхае. Договорились, во-первых, защищать гоминьдановский центр и, во-вторых, объединить провинции Цинхай и Нянся и бороться с коммунистами до конца /90, 364/.

Однако из-за нападков Ма Буфана на нянсянские войска союз мусульманских правителей Цинхая и Нянся вскоре распался /90, 364/.

Несмотря на сопротивление войска Народно-освободительной армии Китая 26 августа 1949 г. заняли главный город провинции Ганьсу-Ланьчжоу. В ходе боевых действий были разгромлены соответственно главные силы армии цинхайского Ма Буфана /64, 20/. Со взятием Ланьчжоу на очередь дня встало занятие Нянся. Политуправление 19 полка НОАК, на который возлагалась эта задача, решало вступать в мирные переговоры с частями Ма Хунбиня и Ма Хункуя, размещавшимися в Нянся. Для этой цели намеревались послать четверо представителей верхушки населения Ланьчжоу, имевшие связи с обоими Ма /90, 124/. Но из намечавшейся четверки лишь один Го Наньпу был задействован. Личность примечательная прежде всего потому, что он был доверенным главы хуэйцзуской секты "джаграе" Ма Чжэньу /90, 124/. И в случае успеха миротворческой миссии Го Наньпу появлялись надежды, что соответственно

поведет себя и Ма Чжэнью /90, 124/. Но это оставалось в неопределенной перспективе. Пока же части Ма Хункуя в Нянся сражались с бойцами НОАК /90, 125/, сам Ма Хункуй не проявлял инициативы перейти на сторону КПК.

Пока шли бои между войском Ма Хункуя и НОАК, представитель последней хуэйцзю Ма Шоули^X, направляясь в Иньчуань, попал в дом Ма Чжэнью, где попросил повесть. Однако, по словам Ма Шоули, появление его в доме последнего не вызвало у того радости. Логично предположить, что единоверец, переметнувшийся на сторону безбожников-коммунистов, не мог быть желанным гостем для духовного владыки. Реакцию же его Ма Шоули объясняет тем, что Ма Чжэнью главным образом боялся недовольства властей Нянся.

По прибытии Ма Шоули в Иньчуань он встретился с начальником секретариата провинциального правительства Ма Тянся, присланного властями Нянся.

Сказанное им /в передаче Ма Шоули/ позволяет создать определенное представление об отношении мусульманских вожаков к конфликту между гоминьданом и КПК, когда война захватила места проживания мусульман.

В Нянся обстановка сейчас, говорил Ма Тянся, очень тяжелая. Ма Хункуй уехал в Чунциан. За него остался сын Ма Дунцзян. Ситуация ныне такова: "Если воевать, то нет высокой цели, пойти на мировую - боюсь, что Чан Кайши убьет Ма Хункуя" /90, 125/.

Среди командного состава его войск не было единства мнений. Так, командующий цзяланьской армией Ма Цзяньлян настаивал на заключении мирного соглашения с НОАК, однако остальные командиры выступали за продолжение боевых действий /90, 125-6/.

Таким образом как бы там не было, но руководство отрядов Ма Хункуя не проявляло стремления капитулировать перед НОАК.

Иначе повел себя Ма Хунбинь. Он явился на встречу с представителями НОАК. В ходе состоявшейся с ним беседы Го Наньпу воспроизвел слова командира НОАК в Туносине: "Если Нянся не капитулирует, тогда НОАК, у которой боевая мощь очень велика, безусловно освободит вооруженной силой" /90, 126/. После такого разъяснения Ма Хункуй заговорил примирительно /90, 126/. Но показательно, что больших обязательств он на себя не брал, не проявлял стремления выступать умиротворителем в отношении Ма

Дунцзина. "Хотя Ма Дунцзин мой племянник, - сказал Ма Хункуй - однако мы с ним в течение многих лет не поддерживали связей. В настоящее время он не может обратиться ко мне, то же самое и я. В моих возможностях только обязать Ма Дунцзина, командующего 81 армией" /90, 126/. В конечном счете это сращивание, входившее в состав вооруженных сил гоминьдана, перешло на сторону НОАК.

Какие события этому предшествовали, сам Ма Дунцзин говорил следующее. Остановимся на некоторых обстоятельствах, сообщаемых им. Командование НОАК послало шэньши Ма Минсяня /вероятнее всего хуэйцзу по национальности и мусульманина по вероисповеданию/ с поручением встретиться с Ма Хунбинем. Тот сам не поехал на встречу, а отправил Ма Дунцзина, своего сына. Во время беседы с ним Ма Минсянь убеждал его перейти со своей армией на сторону КПК, тем самым внести вклад в мирное освобождение Нинся. Ответ Минсяня был уклончив. Среди причин, побуждавших его поступить так и названных им, укажем следующие.

1. Несмотря на то, что НОАК заняла Ланьчжоу, части Ма Хункуя в Нинся не понесли еще серьезного поражения. По силе они превосходили армию Ма Дунцзина. Учитывая недружественные отношения с Ма Хункуем, Ма Дунцзин опасался, что как только его армия изменит гоминьдану и это обнаружится, то она может подвергнуться нападению войск Ма Хункуя.

2. Главное же, недостаточно знал о революционном характере руководства КПК /90, 128/. Попросту говоря, не доверял военно-политическому руководству НОАК.

Опасения в отношении ее испытывал не только он один, но и остальное мусульманское население. Так, пригласив к себе шэньши уезда Чжунвэйсянь, Ма Дунцзин, заверил, что 81 армия не окажет сопротивления НОАК, и просил шэньши объявить населению: "Не нужно впадать в панику" /90, 130/.

Против капитуляции были некоторые командиры частей Ма Хунбиня. Они говорили: "Мы еще можем дать отпор НОАК" /90, 133/.

Что же касается самого Ма Хунбиня, то его сомнения и опасения относительно перехода на сторону НОАК были вызваны не столько идейными соображениями, сколько заботами о личной безопасности и имущества. По словам начальника штаба 81 армии Ян Хичуна, Ма Хунбинь и его сын главным образом опасались, что можно

ли будет после капитуляции сохранить свою жизнь и жизни близких, а также имущество /90, 132/. Таким образом, если верить этому утверждению, то Ма Хунбинь, один из представителей клана мусульманских генералов Ма, выступал в союзе с гоминьданом против КПК не потому, что защищал ислам от посягательств безбожников-коммунистов, но стремился сохранить свое привилегированное положение милитариста, военного предводителя определенной мусульманской общины.

5 сентября 1949 г. части НОАК заняли главный город провинции Цинхай Сиань, сломав сопротивление мусульманских воинских формирований Ма Хункуя /64, 20/.

23 октября части НОАК вступили в главный город провинции Нинся - Иньчуань /64, 20/. В сообщении корреспондента с линии фронта об освобождении Нинся 1-й полевой армией НОАК говорилось, что ей противостояла часть "нинсянского разбойника Ма". О численности этих мусульманских формирований известно представление следующей информации. В ходе освобождения провинции Нинся НОАК уничтожила 80-тысячную группировку "нинсянского разбойника Ма" /64, 21/.

Как явствует из доклада о рабочей обстановке на Северо-Западе, с которым 7 января 1950 г. выступал председатель Северо-Западного военно-административного комитета Пэн Дэхуэй, основной силой, которая противодействовала НОАК при занятии Ланьчжоу и Сианя, были мусульманские войска под началом Ма Буфана и Ма Хункуя /64, 21/.

Оставляя в стороне оперативную сторону дела (выше уже вкратце коснулись ее), особо остановимся на политическом аспекте процесса установления контроля НОАК над районами компактного проживания мусульман. Рассмотрим конкретно, с какими установками подходила военно-политическая руководители КНР к не китайскому, мусульманскому населению, проживавшему за пределами Центрального Китая, и которое они силами НОАК намеревались освободить. Воспроизведем соответствующий пассаж из "Жэньминь жибао". Когда НОАК осуществляла операции на Северо-Западе, мусульманский генерал Ма вел соответствующую пропаганду среди хуэйского населения. В частности, распространял такие заверения, что НОАК "перебьет хуэй, уничтожат /их/ веру" /68, 42/.

В июле 1949 г. политуправление I полевой армии НОАК, когда был отдан приказ о мобилизации для наступления на Ганьсу, тут же обратилось с призывом ко всему личному составу армии решительно осуществлять политику национального равенства и решительно проводить политику хорошего обращения с пленными мусульманами из войск 2 Ма, придерживаться отпечатанных "Правил работы с мусульманами", при вступлении в районы проживания мусульман надлежит обратить особое внимание на эти вопросы.

В воинских частях было широко развернуто идеологическое воспитание, проводились занятия по изучению политики. В некоторых подразделениях просили бойцов-мусульман взять на себя при революционном военном совете работу с мусульманами, руководить ею или организовать мусульманские группы для проведения таковой среди мусульманских масс.

После вступления частей НОАК в районы проживания национальных меньшинств широко пропагандировалась политика КПК в отношении их, "и что касается поведения на деле, то /бойцы НОАК/ не заходили самовольно в мечети, не курили перед домами мусульман..." /68, 43/.

Как встречали приход частей НОАК на Северо-Западе в местах проживания мусульман? - Дать на этот вопрос однозначный ответ не представляется возможным. Прежде всего, известная часть взрослого мусульманского населения выступала под руководством генералов Ма с оружием в руках против освободителей в лице бойцов НОАК. Гибель этих мусульманских солдат в столкновениях с НОАК не укрепляла симпатий, по меньшей мере, их родственников, оставшихся дома, к НОАК и КПК. Таким образом это относится и к тем из солдат формирований Ма, кто получил увечье, ранение. К этому же нужно добавлять тяготы военных действий, вызванные приходом частей НОАК. С учетом вышеизложенных обстоятельств следует отметить к сведению корреспондентов официального агентства Синьхуа о том, что происходило в занимаемых НОАК районах.

17 октября 1949 г. агентство Синьхуа сообщало из Ланьчжоу: люди различной национальности, проживающие в северо-западных районах, в частности, хуэй, уйгуры, "горячо поддерживают своих освободителей - Народно-освободительную армию..." При прохождении ее частей через уезды компактного расселения людей хуэй-

цзу, среди них не было таких, кто бы не приветствовал горячо бойцов НОАК / 68, 44/. Так обстояло дело, согласно сообщения корреспондентов Сяньхуа, относительно поведения широких масс мусульманского населения. А что касается духовных лиц, то на сей счет в этой же корреспонденции говорится следующее. Ахун одного селенья по имени Хань Юйфа сказал: "Вы, разгромив разбойничье войско Ма, спасли нас, хуэйский народ, мы, естественно, должны оказать помощь вам" / 68, 44/.

Среди первоочередных мер, осуществленных военно-политическим руководством НОАК в освобожденных районах Северо-Запада, особого внимания заслуживают организационные мероприятия по привлечению на свою сторону местной, неханьской молодежи. Так, 21 октября 1949 г. в Ланьчжоу были созданы массовые организации, объединяющие мусульманскую молодежь — подготовительный комитет мусульманской демократической молодежи Китая и Ланьчжоуский подготовительный комитет /68, 44/.

За неимением данных невозможно сказать, стали ли функционировать названные учреждения, какое воздействие оказали на умы мусульманской молодежи. Но есть сведения о создании партийными функционерами "Союзов исламской молодежи" ("Хуэйцзяо цинянь туань"). Вступившие в них получали соответствующее идеологическое воспитание со стороны ганьбу КПК. Последние побуждали членов союза вести антирелигиозную деятельность, делая их основными исполнителями политики разрушения ислама /68, 44/. Таким образом ставка делается на молодежь в расчете на то, что она более восприимчива к новому (идеям, образу жизни) и будет легче ее привлечь на сторону новой власти.

Важное значение в деле приобщения к новым порядкам придавалось властями школьному обучению. В районах Северо-Запада в учебную программу исламских школ был включен марксизм-ленинизм. В ходе обучения от учащихся требовалось обращать особое внимание на связь коммунизма и исламской веры, потом в ходе самокритики добивались взаимодействия и единства этих двух идеологий, ведя дело в дальнейшем к тому, чтобы марксистская идеология заменила Коран, российская Москва — арабский священный город, что же касается заслуг Ленина, то хотели, чтобы он превзошел аллаха /68, 45/.

За неимением достаточных данных трудно судить о том, насколько широко была распространена подобная практика и, что не менее существенно, предпринята она была по указанию из центра или же по инициативе радикально настроенных работников названного звена. Но все это не меняет того обстоятельства, что подобные методы по чужданию традиционных представлений, бытовавших в мусульманской среде, не делали мусульман более восприимчивыми к установкам КПК, но вызвали негативное отношение как к чужой духовности, прямолинейно навязываемой "наверными".

Провозглашение Китая народной республикой не означало автоматического и сиюминутного признания различными социальными, этническими и религиозными группами населения новоявленной власти в Пекине.

Новые порядки, которые провозглашает КПК и которые несут на своих штыках в подавляющем большинстве укомплектованные из ханьцев контингенты НОАК, не находят абсолютной поддержки среди представителей мусульманского населения. Проявляется это по-разному: в вооруженном сопротивлении (т.е. "разбойников"), в игнорировании политических установок КПК.

В сентябре 1949 г. на территории Ганьсу-Нинся-Цинхай НОАК столкнулась с совместным сопротивлением оставшихся "разбойничьих войск" Ху-Ма, местных "обычных разбойников" и "феодалных сил" /68, 46/. Мгновенно нанести им сокрушительный удар части НОАК не смогли. В частности, и потому, что "во время осуществления национальной политики возникли некоторые ошибки" /68, 46/.

Более наглядно об обстановке, имевшей место в районах проживания мусульманского населения после того, как она была объявлена освобожденными от гоминьдановского господства и были обнародованы программные установки КНР по национально-религиозному вопросу, можно судить по ситуации в районе Лянся (Ганьсу). За период последней декады сентября-октябрь 1949 г., после провозглашенного освобождения, которое произошло в августе, в Лянся стали возвращаться служившие в войсках Ма. Численность "разбойников" с каждым днем росла. При этом руководство комитета КПК района Лянся держалось шовинистической идеологии, в осуществлении классовой национальной политики не имело ясности, форсировало социальные преобразования. Тем самым создало благоприятный мо-

мент, в частности, для "ущелавших контрреволюционных элементов из шайки Ма". В 5 уездах под лозунгом "Дадам отпор коммунистам, уничтожам хань!" они возглавляли массовые выступления мусульман. В ходе их имели место случаи резни между мусульманами и хань /68, 46/.

Не останавливаясь на всех проявлениях дискриминация мусульман со стороны партийно-административного руководства отдельного района Лянся после его освобождения частями НОАК, укажем лишь, что религиозный момент играл определенную роль в массовом выступлении мусульман. Так, "разбойники" – мусульмане, адресуясь к единоверцам, призывали: "Сохраняя оружие, защищайте свою жизнь. Защищать свою жизнь – значит защищать свою веру" /68, 46/.

В очередной кампании НОАК против "разбойников" – мусульман на Северо-Западе, начавшейся в декабре 1949 г., ее командование сделало особый акцент на психологический момент, чтобы посеять отчуждение между предводителями и рядовой мусульманской массой. В частности, ставилась цель покончить с распрями между мусульманским и ханьским населением, чтобы мусульмане уразумели, что прибывшая освободительная армия – это не войско какой-то одной национальности, а войско свободы людей всех национальностей, одновременно серьезно воспитывать ханьское население, чтобы оно преодолевало идеологию великоханьского шовинизма /68, 47/.

Как сообщало агентство Синьхуа из Сиани 15 марта 1950 г., в пределах особого района Лянся были уничтожены основные шайки "разбойников". Но предстояло еще окончательное замирение, прекращение распрей между хань и мусульманами /68, 47/.

Таким образом, на Северо-Западе процесс нормализации отношений между двумя общинами – ханьской и мусульманской (последняя выступает не просто как религиозная, а этно-религиозная община) был не кратковременным и простым. Еще 27 апреля 1950 г. на страницах центрального органа ЦК КПК "Жэньминь жибао" ставилась задача полного искоренения "бандитизма" в Ганьсу /68, 47/.

На начало 1950 г. весьма сложными оставались межобщинные отношения в Цинхае. Народное правительство провинции Цинхай 10 января 1950 г. созвало собрание дружбы, на котором присутствовали представители ханьского, монгольского, хуэйского, тибетского населения.

Как заявил в своем выступлении член провинциального правительства Чжоу Жэньшань, после освобождения провинции Цинхай, благодаря правильному осуществлению национальной политики Общей программы НПКСК, народ разных национальностей уже постепенно объединяется, однако из-за того, что правильная политика еще не очень хорошо доводится до конца, еще не удалось уничтожить некоторых отчуждения между национальностями. Например, хань и гуэй в отношении монголов и тибетцев продолжают держаться высокомерно; хань злодейства "разбойника Ма и его прихвостней" переносят на самих мусульман, мусульмане под воздействием измышлений разбойничьих приспешников гоминьдана на КПК, НОАК и народное правительство смотрят так же, как и на некоторых хань, которые придерживались шовинистических взглядов /68, 48/.

Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Сохранению отчуждения между хань и мусульманами способствовало не только сдержанное, если не сказать настороженное, отношение, которого последние придерживались в отношении "нечестных" — хань, но и высокомерно-пренебрежительное обращение их с мусульманами.

"Разбойники" — это общее клише, которым оперирует официальный орган КПК — "Жэньминь жибао" в военно-политические руководители КНР в отношении той части мусульман Северо-Запада, которая выступала против прихода НОАК, воспринимаемая последними, как собственно ханьское войско. Но трафаретный эпитет "разбойники" покрывает собой широкие мусульманские массы, которые под началом вожаков оказывали сопротивление приходу ханьских солдат в униформу НОАК. Под понятие "разбойники" попадали руководители мусульман повстанцев. Среди этих вожаков были ахуны, командиры хуэйских воинских формирований, представители хуэйской молодежи /68, 48/. Очевидно, неправомерно зачислять их всех скопом в "разбойники", равным образом и квалифицировать возглавляемые ими операции против НОАК как акты "разбоя". По сути дела имели место проявления межобщинной борьбы под сенью государственной символики КНР. И следует при этом подчеркнуть следующее принципиальное обстоятельство. Популяризация понятия "разбойник" применительно к части мусульман не способствовала улучшению межнациональных отношений и действительному упрочению внутривнутриполитической стабильности КНР, осуществлению политики руководства КНР.

Отзвуки кампании по освобождению мусульманских районов Северо-Запада дали о себе знать во время кампании по "мирному освобождению Тибета", которую НОАК предприняла в 1950 г. В ходе ее осуществления кавалерийский полк, расквартированный в Синине, получил распоряжение выступить в Юйшу для совместных действий с частями Лю Бочэна. Этот полк был атакован "Исламской армией спасения отечества", которая прибыла из окрестностей Цинхая, и "хуэй-мяньским добровольческим отрядом" /68, 49/.

X X X
X

Обратимся теперь, как складывалась обстановка в другом регионе компактного расселения мусульман в Синьцзяне.

Успехи НОАК в Ганьсу и Цинхае создали благоприятные оперативные возможности для установления новой власти и в Синьцзяне. Тем более, что представитель гоминьдановского режима в Северо-Западном Китае генерал Чжан Чжичжун проявлял готовность сотрудничать с руководством КПК. Различная партийная принадлежность не являлась препятствием для гоминьдановских генералов и руководства КПК выступить сообща против сопротивления мусульман Синьцзяна, представлявшего угрозу целостности китайского государства.

8 сентября 1949 г. Мао Цзэдун информировал Чжан Чжичжуна: НОАК решила из Ланьчжоу и Цинхая вступить в Синьцзян /64, 21/.

Рассмотрим, как складывалась обстановка здесь, какую позицию занимали вожаки местных мусульман. Определенная их часть, настроенная резко антикоммунистически, готовилась оказать сопротивление НОАК.

В марте 1949 г. перспектива установления власти коммунистов становилась реальной. Али Бек, один из вожаков казахов, попытался создать общий антикоммунистический фронт мусульман-тюрков и хуэйских подразделений, которые были еще частью китайской регулярной армии. Их командир генерал Ма Чэнсян приветствовал эту идею, но предостерег: что генерал Бай Чунси сейчас не в фаворе в Нанкине и нужно действовать осторожно /214а, 139/.

Узнав о переговорах между хуэйским начальством и старшинами казахов, командующий гоминьдановскими войсками генерал Тао Чжунге немедленно приказал генералу Ма Чэнсяну прервать сношения

с казахскими вожаками, объявленными врагами государства / 214а, 139/.

Между тем посланцы генерала Ма Чэнсяня тайно прибыли в ставку Али Бека в горах, чтобы обсудить, как отбить ожидавшееся наступление НОАК. В этих переговорах участвовали и представители уйгур.

В конечном счете в марте 1949 г. совместный казахско-уйгуро-хуэйский военный совет определял каждому участнику г-алиции район, где он будет сражаться с частями НОАК /214а, 140-1/.

Бегство уйгурских вожаков Айсэ Бека и Мохаммеда Эмин Богра из Урумчи, соответственно министра реконструкции и заместителя генерального секретаря, которые, как ожидалось, примкнули к общему фронту против коммунистов /214а, 140-1/, было серьезным ударом для организаторов последнего. Надежды на сотрудничество уйгурских руководителей в общем фронте против коммунистов внезапно рухнули. В этих условиях Али Бек 15 апреля 1949 г. созывает очередной курултай, военный совет. Он избрал Али Бека вождем и постановил, что ему нужно встретиться с известным казахским предводителем Усман /Осман/ Батором в Гучане и попытаться договориться о совместных действиях, с тем чтобы можно было блокировать обе дороги восточнее Урумчи, так как 8 полвека армия НОАК концентрировалась в Ганьсу для продвижения в Синьцзян /214а, 143/.

Примерно в это время стало сомнительным и участие хуэй в тройственном антикоммунистическом фронте. До отъезда Али Бека к Усман Батору к нему явился хуэйский представитель и сказал, что генерал Тао Чжиюэ угрожает распустить хуэйские подразделения китайской армии и заставляет их сдать свое оружие /214а, 143/.

Помимо угрозы генерала Тао Чжиюэ на настроения хуэйского контингента влияло и следующее существенное обстоятельство. Дома хуэйских военных, расквартированных в Синьцзяне, были в провинциях Цинхай и Ганьсу. В конце-концов хуэйские генералы улетели. Младшие офицеры и солдаты в основном были взяты в плен 8 полевой армией НОАК и после перевоспитания использовались на гарнизонной службе. Но некоторые хуэй подняли мятеж, сожгли казармы и ушли к казахам с оружием и снаряжением.

Таким образом, в сущности одни казахи остались от единой мусульманской коалиции.

В мае 1949 г. Али Бек встретился с Усман Батором возле Гучэна. Как она договорились, Усман Батор двинется из Гучэна в район Карашар-Токсун. Но туда ему преградили путь войска генерала Тао Чжаюе, и он повернул на Баркуль /214а, 144-145/.

Антикоммунизм некоторых казахских вожаков побуждает их искать помощь у представителей империалистических держав. Усман Батор и Али Бек при встрече в Гучэне условились, что последний по возвращении в Урумчи посетит американского консула Холла Пакстона и выяснит, смогут ли казахи получить оружие от Запада /214а, 145/.

В июне 1949 г. вскоре после упомянутой тайной беседы с Х. Пакстоном Али Бек решил отказаться от попыток создать единый мусульманский фронт и задумал войти в союз с немусульманами-монголами уезд. Карашар-Токсун /214а, 146/. 8 июня 1949 г. Али Бек встретился с вожаком монголов, карашарским ваном. Он согласился составить союз.

На 5 августа намечалась очередная встреча с Х. Пакстоном, на которой все ведущие казахские вожди, выступавшие против КПК и НОАК, должны были информировать его об успехах в деле создания объединенного фронта сопротивления. Но из-за неявки Усмана Батора встреча не состоялась.

С началом августа 1949 г. Бурхан Шахиди, председатель провинциального правительства, и его единомышленники открыто готовились к прибытию 8-й полевой армии. Среди причин, определявших такую линию поведения Бурхана, отметим прямое указание на сей счет командующего гоминьдановскими войсками на Северо-Западе генерала Чжан Чжичжуна. 10 сентября 1949 г. он направил телеграмму Тао Чжаюе, командующему гоминьдановскими войсками в Синьцзяне, и председателю Бурхану, в которой говорилось о необходимости разрыва с гоминьдановским правительством и мирного перехода Синьцзяна под контроль КПК.

С учетом данной перспективы все вожаки мусульман, антикоммунисты, заблаговременно бежали из Урумчи, что создало соответствующий морально-политический климат в городе, благоприятный для вступления в него частей НОАК.

Из числа казахов, министров провинциального правительства, Джаным хан и его сын Далель предпочли бежать к Усману. Другим

союзником Усмана стал неизвестный уйгурский деятель Юбарс-Хан. Под его началом в основном собрались китайские солдаты, которые дезертировали из частей генерала Тао /214а, 148/. Таким образом, под знаменем антикоммунизма сплотились различные по национально-религиозной принадлежности люди, как мусульмане, так и немусульмане.

Судя по тому, как действовал генерал Чжан Чжичжун, можно говорить об определенном сотрудничестве между ним и руководством НОАК в деле установления новой власти в Синьцзяне.

В первую очередь Чжан Чжичжун занимается вопросом о том, насколько реальна исламская коалиция из хуэй, уйгуров и казахов.

1 сентября Чжан Чжичжун отправил телеграмму Тао Чжаю, в которой, в частности, запрашивал о местонахождении Ма Буфана и его сына и о дислокации их частей, о позиции Ма Чэнсяна, командира хуэйского соединения /64, 25/.

Кроме того, Чжан Чжичжун, особо выделяя из всех мусульман Синьцзяна уйгуров и казахов, спрашивает о возможности ознакомить их с политической программой КПК, которая не является ни коммунистической, ни социалистической, а народно-демократической, соответствующей основным установкам "3 народных принципов" /64, 25/. И далее, акцентирует Чжан Чжичжун: "Особо /просветить/ по части политики в отношении меньшинств ... гарантирующей свободу вероисповедания".

Ознакомление широких масс уйгуров и казахов с программными установками КПК позволяло, как, видимо, считал генерал Чжан Чжичжун, избежать те предубеждения, которые мусульмане Синьцзяна питали в отношении КПК как партии безбожников, гонителей ислама. В 1957 г. хаджи Ахмадулла, зампреда Народно-политической консультативной конференции Кучи, "рассказал мне, - пишет Джек Чэнь, - что перед освобождением самые дакие истории распространялись о том, что случится с мусульманской религией, когда коммунисты возьмут власть. Сам он был повержен в смещение, когда услышал, что "мечети будут сравнены с землей, ислам будет уничтожен и т.п." /168а, 327-8/.

17 сентября 1949 г. Тао Чжаю телеграфировал Чжан Чжичжуну следующее. Отец и сын Ма Цысяна /Ма Буфана/ выехали за границу. Оставшиеся войска в основном в Цинхэе, восстанавливают силы.

В Хэси, в Ганьсу, уже нет цинхайских войск.

Ма Цзыян после бегства из Синяна не дает никаких указаний Ма Чэнсяну.

Эмин, Айша решили уйти в Пакистан. Главари "консервативной группы", как-то: Джаным-хан, Хадэ-ван тоже намерены уехать за границу.

Словом, подавляющее большинство вожаков мусульман спасовало.

25 и 26 сентября перешли на сторону Народно-освободительной армии Китая гоминьдановский гарнизон провинции Синьцзян под командованием Тао Чжэюе и административный персонал под руководством председателя провинции Синьцзян Бурхана /64, 26/.

Таким образом, к 1 октября 1949 г., когда официально была провозглашена Китайская Народная Республика, новая власть, сменившая гоминьдановский режим, заявляла о своем присутствии /в лице НОАК/ в основных районах расселения мусульман. Произошло это не в результате широкого волеизъявления мусульманского населения, проживавшего в границах прежнего китайского государства, но сопровождалось вооруженными столкновениями между мусульманскими формированиями и НОАК. Эти стычки выходили за рамки боевых действий между гоминьдановской армией и НОАК, но имели специфическую особенность, поскольку затрагивали щекотливую и сложную проблему межнациональных отношений, на которую еще наложил свой отпечаток религиозный момент. Военные операции НОАК против воинских формирований мусульманских генералов непосредственно отражались в целом на всей мусульманской общине и не могли не наложить известного отпечатка на ее отношение к новому правительству Китая, сменившему гоминьдановский режим.

Для широких слоев мусульман, прежде всего в районах их компактного расселения, олицетворением власти коммунистов была военная сила неверных — хань, как бы она не называлась и как бы не звучали политические установки. Специфика общественного сознания мусульман, в коллективной памяти которых в силу исторического опыта укоренились неприязнь и отчуждение к хань, обуславливала и соответствующий подход к перемене власти в Китае. Не претендуя на исчерпывающую полноту при характеристике этого отношения, укажем лишь, что в нем вероятнее всего доминировали сдержанная выжидательность и активное неприятие.

Религия и неоднородный этнический состав населения – таковы первостепенной важности обстоятельства, которые держат в центре своего внимания военно-политические руководители НОАК в канун продвижения ее в пределы Синьцзяна.

Накануне получения приказа о вступлении НОАК в Синьцзян было созвано совещание высших армейских команд. На нем выступил с речью командир полка и политкомиссар Ван Чжэнь. Он, в частности, сказал: "... В Синьцзяне разнородный национальный состав, очень глубоко религиозные верования народа... в основном исповедуют ислам и буддизм..."

Мы идем в Синьцзян для того, чтобы провести в жизнь весь дух политики по национальному вопросу, определенной в общей программе НПКСК, необходимо поэтому изучить учение и тактику (стратегию) Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина по национальному вопросу и по вопросу религии..." /68, 50/.

5 октября 1949 г. состоялась церемония вступления НОАК в Синьцзян. С речами выступила командующий I полевой армией Пэн Дахэи, начальник политуправления Гань Сихун и комполка Ван Чжэнь. Соотечественники – уйгуры составляют 3/4 населения Синьцзяна, сказал Гань Сихун, в частности. Из-за того, что в прошлом имело место великоханьское господство гоминьдановского реакционного правительства, между уйгурами и хань возникло несогласие. Сейчас, когда наши войска продвигаются, мы должны принести в Синьцзян отличный стиль уважения обычаев и нравов всех национальностей /68, 50/.

За отсутствием данных не имея возможности составить общее представление о том, как упомянутые установки осуществлялись повсеместно, укажем на сей счет такой пример. События из первых актов НОАК, когда она вошла в Кучу, было восстановление самой старой и самой почитаемой мечети /68, 50/.

Кроме того, практиковались совместные митинги с участием представителей НОАК и мусульманского населения. Так, 19 октября в Хами состоялся митинг по случаю расквартирования частей НОАК в Синьцзяне. Среди тех, кто выступил с приветствиями по поводу вступления НОАК в Синьцзян, назван "представитель уйгурской нации" ахун Айманда /68, 50/. Само по себе сообщение газеты "Жэньминь жибао" о выступлении этого ахуна как "представителя уйгур-

ской нация" показательно в известном смысле. Оно, несомненно, носило пропагандистский характер. Подспудный расчет, очевидно, был в том, чтобы примеру этого ахуна, представителя духовной элиты местного населения, последовал простой люд. Очевидно, выступление одного ахуна в Хами нет основания рассматривать как волеизъявление влиятельных представителей синьцзянского кляра.

20 октября 1949 г. в Урумчи вступали первые подразделения НОАК, в авангарде шла бронеколонна. Ее приветствовали части Народной армии 3 округов /68, 51/. Последнее обстоятельство показательно в отношении реакции местного, мусульманского населения на приход НОАК. Широкого волеизъявления с его стороны не последовало. Несколько позже о поддержке установок Пекина заявляла хуэйская часть мусульманской общины Синьцзяна. Общество развития культуры хуэйцзу Синьцзяна 1 декабря 1949 г. от имени 200 тыс. хуэйцзу, проживавших в Синьцзяне, направило телеграмму комитету по делам национальностей центрального правительства, в которой выражалась поддержка Общей программе НПКСК /68, 51/.

В декабре 1949 г. в Урумчи было сформировано народное правительство Синьцзяна. Если судить по информации "Жэньминь жибао", в состав его не вошел ни один представитель духовенства, не было департамента, который бы специально ведал делами культов /68, 51/. По утверждению же Дяка Чэня, в правительство вошли представители религиозных кругов, хотя он и не указывает персонально кто именно /68, 51/. Но в целом мусульманская община была весомо (по крайней мере внешне) представлена в новой провинциальной администрации. Ее возглавлял в качестве председателя Бурхан, одним из заместителей стал Сайфудин.

Сформирование правительства в Синьцзяне с участием представителя КПК в качестве зампреда (Ван Чжэнь) было формальным актом установления новой власти, сменившей администрацию, подчинявшуюся ранее центральному гоминьдановскому правительству.

На 14 заседании Административного совета КНР был сформулирован политический курс, который надлежало проводить в жизнь народному правительственному совету провинции Синьцзян.

Отныне задача в том, говорилось в постановлении Административного совета, чтобы бороться против империализма, феодализ-

ма и бюрократического капитализма.

Для этого необходимо: "уничтожить скрытых агентов-бандитов и тайные раскольнические элементы английского и американского империализма, решительно предотвращать и подавлять тайные замыслы реакционных элементов и раскольническую деятельность..." ; "... бороться против великодержавного шовинизма и узкого национализма, бороться против английского и американского империализма и введомого ими прихвостня - пантуркизма. Все национальности развивают свой язык и письменность, сохраняют и преобразуют свои обычаи и привычки, а также свободу религиозных верований. Запрещается межнациональная дискриминация, угнетение, сведение счетов, убийство из мести и действия, раскалывающие национальное единство.

Создать и укреплять единый народно-демократический фронт всех национальностей... Правительство гарантирует людям всех национальностей свободу мысли, слова, издания собраний, обществ. Женщины и мужчины пользуются равными правами, осуществляется свобода брака. Любому административному учреждению, любой религиозной организации нельзя нарушать вышеуказанные права. Недопустимо вмешательство в дела судебной администрации" /68, 52/.

Как явствует из директив Пекина, местным властям в Синьцзяне надлежало известить религию, прежде всего ислам, с тех позиций, которой он занимал в социальной жизни местного, неханьского населения. Установки руководства КНР были направлены против одного из основных устоев, на которых зиждилось влияние мусульманского духовенства, а именно суд по законам шариата.

Одновременно директивы Пекина были нацелены и против таких освященных исламом бытовых традиций, как бесправное положение женщины. Установка на изживание подобных традиций давала повод ревнителям вери предков говорить о нарушении обычаев отцов.

Учреждение нового правительства в Урумчи отнюдь не означало сиюминутного автоматического признания его всем мусульманским населением Синьцзяна.

Имело место активное неприятие новой власти в особенности со стороны казахов. В том же 1949 г. вскоре после вступления частей НОАК в Синьцзян 40 тысяч казахов 6 племен, живших на севере края, собравшись возле города Баркуль, решили оставить родину.

Беженцы двинулись на юг, рассчитывая уйти из Китая через Тибет, но, подвергшись атакам ВВС НОАК с воздуха, разделились на 2 отдельные группы. И только II тысяч человек с 10 тысячами голов скота достигли своей первоочередной цели в Ганьсу, оказавшись среди своих единоверцев-мусульман и потенциальных союзников, хуэй. Когда спустя несколько месяцев, части НОАК начали блокировать их, беженцы двинулись снова, на юг /68, 53/.

Немалую роль в неприятии частью казахов прихода НОАК и соответственно новых порядков сыграло влияние патриархально-феодальной верхушки, самостийно настроенных старшин, как Али Бек, Усман Батор, а также прямое подстрекательство дипломатических представителей США и Британии.

Одним мирным исходом части казахов дело не ограничилось. Последовала череда вооруженных столкновений между повстанцами и НОАК.

События в общих чертах развивались так. С известием о вступлении частей НОАК в Урумчи Али Бек (находился в это время в Кумуше, возле Кукулука) направил своих доверенных лиц к казахским вожакам в Урумчи сообщить им, что ждет их. Встреча состоялась в Бэйянку. Она, очевидно, имела результатом координацию действий всех тех, кто выступал против новой власти. Одним из основных центров сопротивления стал район озера Гезкуль, где базировался Али Бек /68, 53/.

Другим основным очагом мусульманских повстанцев поначалу явился район Баркуля, где с мая 1949 г. оперировал Усман. В феврале-марте 1950 г. к нему присоединился с группой гоминьдановских солдат уйгурский предводитель Кибарс Хан, прибывший из Хами /68, 54/. Утверждают, что американский вице-консул Дуглас Маккирнан убедил Кибарс Хана, который был в то время специальным уполномоченным прежней урумчийской администрации в Хами, выступить против НОАК и объединиться с лидерами Усмана, остатками хуэйской кавалерии Ма Чэнсяна и некоторыми русскими белоэмигрантами. Британский консул в Урумчи Сергиссон поддержал эти планы. Усману и Кибарс Хану было сказано "готовиться к III мировой войне" и была обещана "долговременная помощь" /68, 54/.

Последние провозгласили создание "Комитета в защиту религии", чтобы вести борьбу против народного правительства /68, 54/.

Сначала в районе У ми и потом в Тяньшане и на Цинхай-Тибетской границе повстанцы развернули операции /68, 54/.

Среди разнородных по этническому составу участников мусульманской антиправительственной коалиции наиболее стойкими оказалась казаха. Хуэй первыми оставила единоверцев: хуэйская кавалерийская часть дезертировала в полном составе.

Казахские предводители Усман, Джаным-хан, Далель-хан, Чэ-мунбинь и др., собрав под свое начало казахов, в районе Хунлюся организовали "Китайскую народную антикоммунистическую армию спасения отечества", учредили главное командование Синьцзянского военного округа, Юлбарс был выдвигнут на пост главнокомандующего, Усман и Джаным-хан стали заместителями главкома. Всего насчитывалось 3 соединения, в каждом был поставлен командующий, общая численность повстанцев составляла около 6 тысяч человек. Они вели партизанскую борьбу с частями НОАК.

Одновременно район гор Арцзиньшань явился опорной базой антикоммунистических повстанцев под началом Мэйянцзе, Чжакецяня, Халибая. У них было около 6 тысяч человек, около 30 тыс. голов скота. Район действий этих повстанцев охватывал на востоке Курсытай на стыке провинций Ганьсу-Цинхай-Синьцзян, на западе - примыкал к Тибету, к зоне Цэцинь-Лофу в Кашмире /68, 55/.

В октябре 1949 г., что весьма примечательно, сразу же за провозглашением КНР, НОАК начала первые атаки на людей Али Бека возле Кукулука /68, 55/. Командование НОАК не ограничивалось ставкой только на силу, но прибегало и к уговорам.

К Али Беку было послано духовное лицо - казах Эмин Да Мулла с предложением перейти на сторону КПК, в случае согласия ему обещали хорошее обращение и почетный пост /68, 55/. Попытки командования НОАК склонить на свою сторону Али Бека оказались безуспешными. Он отказался принять предложение, мотивируя, в частности, тем, что коммунисты согрешили против бога /68, 55/. Посланец командования НОАК Эмин Да Мулла остался с Али Беком.

17 мая 1950 г. пехота, кавалерия, бронетанковые части "войск по истреблению разбойников", дислоцированные в Синьцзянском военном округе, развернули операции против Усмана /68, 55/. Он покидает Беркуль и уходит в Гезкуль к Али Беку.

В борьбе с Усманом, Джаным-ханом и другими властями КНР не

полагались только на силу оружия, но намеревались изолировать руководителей-мятежников от тех казахских родоплеменных объединений, которые не выступали против властей.

Как сообщило 16 мая 1950 г. агентство Синьхуа из Дихуа, народное правительство провинции Синьцзян созвало собрание представителей казахской национальности районов Урумчи (Дихуа) - Хами и города Дихуа. (Собрание проходило с 4 по 9 мая в вышеупомянутом городе). На собрание правительство пригласило "религиозных вожаков всех местностей" /68, 55/.

Выступившие на собрании председатель народного правительства провинции Синьцзян Бурхан, Гао Мянчунь, зам. председателя Сайфудин, секретарь Синьцзянского бюро ЦК КПК Ван Чжэнь изложили национальную политику народного правительства и КПК, призвали людей казахской национальности, весь Синьцзян крепить единство, войти в большую дружную сотрудничающую семью всех национальностей, единодушно сотрудничать, до конца уничтожить общих врагов людей всех национальностей Синьцзяна - разбойников Усмана, Джаным-хана и других, отдать все силы строительству нового Синьцзяна /68, 56/.

Среди вопросов, которые обсуждались на съезде, серьезное внимание было обращено искоренению "разбойников" и обеспечению мира, национальному единству, женскому вопросу и вопросу о браке. Внешне мало или почти не связанные между собой вопросы, как то: ликвидация "разбоя" и положение женщины в действительности были неразрывно связаны между собой, ибо представляли различные аспекты одной и той же проблемы - включение казахов, социально-бытовой уклад которых традиционно определялся заповедями ислама, в созидательную жизнь при новых порядках в новом государстве - КНР.

Во время обсуждения вопроса об уничтожении "разбойников" и об обеспечении спокойствия делегаты "гневно осудили преступление Усмана, который прикрываясь лозунгом "защиты религии", грабил и убивал" /68, 56/.

Вышеупомянутый съезд показателен в ряде отношений. Во-первых, обращает на себя внимание степень представительства казахского населения. Среди них не фигурируют представители казахов из 3 северных округов: Или (Кульджа), Алтай, Тарбагатай, где

ранее расселилось значительное казахское население. Отсутствие их делегатов на съезде в Урумчи и выбор последнего в качестве места проведения собрания тоже были, очевидно, не случайны. По всей вероятности, казахи, оставшиеся в 3 северных округах, игнорировали народное правительство в Синьцзяне. И, что не вызывает сомнений, Урумчи представлялся наиболее безопасным местом для проведения форума, устройством которого выступало народное правительство Синьцзяна.

Во-вторых, привлечение к участию в работе этого съезда мусульманского духовенства. Таким путем власти пытались развенчать Усмана, как борца за веру, и заручиться поддержкой известной части мусульманских духовных лиц.

В-третьих, власти добились от участников собрания согласия на изменение традиционного уклада социальной жизни казахов, а именно отказа от бытующего порядка бракосочетания, освященного нормами шариата. Так, среди принятых съездом решений, было постановление о браке. Оно гласило: нужно, основываясь на духе "Закона о браке", обнародованного центральным народным правительством, постепенно перейти от бытующей практики на разумную систему брака /68, 57/.

Иными словами, вопреки официальным установкам, квалифицировавших Усмана как "разбойника", по сути дела речь шла не просто об искоренении "бандитизма", но и о борьбе сторонников двух общественно-политических укладов. КПК выступала за преобразование основ жизни казахской родо-племенной общины в соответствии со своими политическими установками, за включение этой общины в социо-политический организм КНР. Это устремление субъективно не отвечало желаниям абсолютно всей массы казахов, в частности, потому, что исходило от чуждой им по духовной принадлежности группы, "наверных" ("капыров"), которая в конечном счете ставила цель изменить вековой уклад жизни казахов с авторитетом своих родо-племенных вождей.

Отдельные из них как раз и выступали против такой перспективы. Они боролись против КПК как против партии "безбожников", которая не только ставила цель лишить казахов возможности жить по обычаям предков и заповедям веры, но и поставить их в зависимость от "наверных".

Повстанцы-мусульмане оказались не в состоянии противостоять НОАК. В сентябре 1950 г. ее бойцы захватили главного помощника Усмана Джаным-хана. Некоторые из повстанческих вожakov открыто говорят о бесперспективности продолжать борьбу, но в то же время не желают переходить на сторону КНР. Ищут прибежища и помощи у ее протавников извне. По прибытии в Гезкуль Юлбарс прямо заявил, что он пришел к заключению: настала пора оставить Туркестан, т.е. Синьцзян, и присоединиться к Чан Кайши, который теперь на Тайване. Когда весь континентальный Китай в руках коммунистов, глупо оставаться в Северо-Западном Китае, сказал Юлбарс, ведь, что, как все говорили, казахов, которые сражаются вокруг Гезкуля, не более 4-5 тысяч /68, 58/.

С Юлбарсом Али Бек послал письма генералиссимусу Чан Кайши и генералу Эйзенхауэру, в которых писал: "Если никто не поможет нам, мы сможем продержаться здесь год, не больше. Если помощь не придет, мы будем сражаться, чтобы нам уйти" /68, 58/.

1 февраля 1951 г. в ходе наступления частей НОАК на Гезкуль Усман и его дочь были взяты в плен /68, 58/. Власть КНР квалифицировали Усмана как "вооруженного шпиона американского империализма в Синьцзяне". 5 мая 1951 г. агентство Синьхуа сообщило из Слани, "американский агент Усман Батор и другие казнены в Дахуа" /68, 59/.

С бегством Али Бека и казнью Усмана Батора сопротивление НОАК со стороны местного мусульманского населения на севере Синьцзяна известное время не прекращалось. Признание этого содержалось в докладе "Об итогах 5-летней работы в трех округах Или-Тачэн-Алтай и рабочих задачах после создания Или-Казахского автономного округа", с которым выступил на первой сессии собрания народных представителей ИКАО член народного правительства провинции Синьцзян Патахан. Он, в частности, сказал: "В течение 5 лет после освобождения народ всех национальностей трех округов: Или, Тачэн, Алтай при помощи НОАК, расквартированной в Синьцзяне (Подч. мною. - В.К.) осуществил разного рода политические преобразования и созидательную работу, осуществил движение по истреблению разбойников, подавлению контрреволюции, стабилизировал и укрепил общественный порядок" /68, 59/. Иными словами, вооруженная сила выступает в качестве одного из основных средств

приобщения мусульман северного Саньцзяна к новому укладу жизни в составе КНР.

Какую роль играл ислам в последующие годы в общественно-политической жизни КНР, какой политики держалось ее руководство в отношении мусульманского вероисповедания и его последователей составляет особый сюжет и не входит в задачи настоящего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр.4 - Показательный пример на этот счет приводит Шомберг: хан Хами Максуд-Шах был строго ортодоксальным мусульманином и отказался фотографироваться. См.: 248а, 82

К стр.6. - По одним данным это был караульный офицер. См.: 123, 200. По другим - сборщик налогов. См.: 162, 221. 294, 63.

К стр.7. - "Невозможно отрицать, что те, кто совершил зверства, виновны в отвратительном преступлении и в том, что многие смертные приговоры были заслужены, но Сун имел репутацию такого человека, который испытывал вождение убивать, и мусульмане знали, что сдаться они - ни один не уцелеет". См.: 299, 66-67.

К стр.8. - "Женские покои были обысканы китайскими солдатами и тщательно охраняемая тайна их обитательниц была грубо нарушена", - пишут М.Кэйбл и Ф.Френч в связи с убийством видного дунганина-торговца Вана. См.: 162, 247.

М.Кэйбл и Ф.Френч особо отметили мусульманскую обрядность, которой сопровождалась отправка холоков к Ма Чжунину. "...один из них, вероятно халжи, обратился лицом к Мекке и призвал к молитве. Они все расprostерлись ниц в почтительном поклоне, потом встали и произнесли приветствие с особенной торжественностью. Это было утром". Эти шестеро были депутацией к Ма Чжунину, посланной призвать его захватить Туркестан и предложить ему власть. См.: 162а, 234.

Б.Дэвидсон сомневался относительно наличия у Ходжа Нияза какой-либо политической программы.

Люди, вроде Ходжа Нияза, писал он, возможно, были мелкими бандитами. См.: 175а, 110.

К стр.10. - По утверждению Хун Дичэня, Цзинь Цзюнь последовал тут совету начальника секретариата Лу Сяоцзу. См.: 123, 212.

К стр.13. - автор имеет в виду убийство в 1928 г. губернатора Ян Цзэнсиня.

К стр.15. - Ма Шаоу был духовным владыкой секты "Синь цзяо". См.: 123, 214.

К стр.18 - Среди иностранных советников Сабита Да Муллы можно упомянуть двоих. Один из них Тевфия Шариф Эффенди, сомнительного происхождения, быть может из Сирии, сам называл себя турком, имел в Саудовской Аравии репутацию проныры. Другой, доктор Мустафа Али, хороший оратор и пропагандист, прибыл через Афганистан. Они убедили Сабита провозгласить себя главой Восточно-Туркестанской республики. См.: 294, 251.

К стр.20 - Во время осады киргизами Кашгара их предводитель Усман Али направил письмо в английское генеральное консульство, в котором возражал против господства ханьцев или дунган в Южном Синьцзяне и выразил надежду, что англичане могут помочь повстанческим силам в их стремлении к независимости. А.Форбс называет его узбеком из Маргилана, который всюду подозревался, что он настроен прорусски и которому вследствие этого не доверяли другие турецкие лидеры. См.: 189, 119.

К стр.21 - В начале 1933г.пишет Е.Майларт, три эмира Хотана, спровоцировали фанатическое мусульманское восстание. См.: 220, 191.

К стр.21 - Политические воззрения Сабит Домуллы Б.Дэвидсон представляет таким образом: он был из числа "пантуранистов", которые мечтали о некоторого рода пантуркистской федерации в Центральной Азии, которая должна быть основана на неясно усвоенном представлении о турецкой национальности-идее, тогда ставшей популярной, среди консервативных националистов на западе до Турции. См.: 175а, 110.

К стр.22. - Президент Ходжа-Нияз-ходжам (Ходжа-Нияз-ацзим), министр иностранных дел Касымджан-халжи. Министр юстиции Шерифкары ; министр сельского хозяйства и торговли Абулхасан Аобурхасан халжа . См.: 123, 207-228.

К стр.23 - Направления политики ТИРВТ, теоретически основанные на Коране и хадисах, в изложении английского генерального консула в Кашгаре были таковы: 1) Сформировать независимое мусульманское государство. 2) Добиваться свободы от "советского удушения". 3) Восстановить мир и покончить с беззаконием. 4) Поощрять и восстановить торговлю. 5) Добиваться дружественных отношений с английским правительством и получить его помощь.

К стр.24 - Деньги эти оказались крайне недолговечны. На сей счет У Айчань К. сообщает следующее. Когда Ходжа-Нияз и

Махмуд в январе 1934 г. двинулись на Кашгар, Сабит и различные мусульманские группы без боя присоединились к ним. Режим Сабита кончился и его бумажные деньги, отпечатанные в Кашгаре, стали ненужной бумагой. См.: 294, 250.

К стр.25 - "Декларации Сабита (Да муллы - В.К.) показали великую враждебность к Китаю", - отметил У Айчэнь К. См.: 294, 247, 248.

К стр.26 - Послы Сабита, пишет У Айчэнь К., в Афганистане заключили предварительное соглашение о признании нового правительства. См.: 294, 250.

К стр.27 - "Лондонская "Таймс" выступила с редакционной статьей следующего содержания. Синьцзян - провинция Китая и никакая другая власть не будет признана. Что касается обречений к Турции, Афганистану и Персии, то эти правительства должны поступать, как они считают подходящим, но обращение к Нью Дели за оружием может быть охарактеризовано как самое неподходящее. Дружба между Великобританией и Китаем была самой сердечной и правительство Его Величества не станет рассматривать вопрос об оказании ^{помощи} мятежникам против дружественной державы.

Редакционная заканчивалась советом новой администрации помириться с Нанкином "до того, как будет слишком поздно". См.: 294, 249.

К стр.28 - "В первой половине января, - пишет Свен Гедин, - турки ринулись на Урумчи, подобно диким зверям, убивая каждого китаец, который встречался на их пути." См.: 196.

К стр.30 - Среди имен членов совета есть и мусульманские: Мансур, Хусайн, Абду-Хамат, Мамут-Гъндик, Нецзыр (хамисский принц? - В.К.). См.: 123, 218.

К стр.34 - По словам Свен Гедина, о дунганах, своих недавних союзниках, Ходжа Нияз Хаджи отзывался так: "Но эти дунгане не люди. Они дикие животные, которые бродят по улицам. Напрасный труд разговаривать с дикими животными". См.: 196, 174.

Антидунганские настроения, очевидно, были широко распространены среди турецкого населения Восточного Туркестана. В.Дэвидсон приводит следующее свидетельство своего друга доктора Талейева Хабибуллы, который был юношей в Кашгаре, когда там правили дунгане. Непродолжительное правление (господство) там Ма было временем террора для всех. См.: 175а, III.

К стр.40. - В администрации Шэн Шицзя в качестве фуцзуси,

заместителя председателя провинциального правительства, состоял туркский лидер Ходжа Нияз, который играл выдающуюся роль, с Ёлбарсом, в восстании в Хами в 1931 году, а позднее перешел на сторону китайцев против дунган. Теперь он был ведущим символом китайско-туркского сотрудничества в управлении Туркестаном. См.: 254б, 106.

В Хами туркский генерал Ёлбарс и китайский паотай Лю представляли новый кондоминиум, который нам пришлось вписать во всей провинции китайско-туркское правление. См.: 254б, 85.

К стр.42 - "Известный уйгур, который возразил против этого (явно кощунственного) шага, был арестован и привлечен к суду за "неуважение к основателю Китайской Республики", - пишет Э. Форбес. Это утверждение выглядело бы более убедительно, если бы он раскрыл инкогнито этого "известного уйгура".

В изложении Н.Л.Маклина Шэн Шидай оказался гонителем ислама и исламских традиций. При Шэн Шидае курение гашиша и опиума было запрещено, но

распитие араки и водки поощрялось, вероятно, для того, чтобы разложить мусульманские традиции. Женщины поощрялись по возможности вести себя эмансипированно. См.: 219, 380. Выкладки Н.Л.Маклина выглядят неубедительно, ибо не подкрепляются конкретными данными. Притом рассказы выходцев из Синьцзяна, живших при правлении Шэн Шидае, не подтверждают утверждений Н.Л.Маклина о том, что при Шэн Шидае поощрялось употребление спиртного.

Если сам Шэн Шидай в изображении Н.Л.Маклина не предпринимал прямых гонений на ислам, то это делали по его утверждению Советы, имевшие при Шэн Шидае полную свободу рук.

В то же самое время Советы, пишет Н.Л.Маклин, пытались уничтожить остатки реакционных мусульман и националистических лидеров в Синьцзяне, некоторые из которых были из Советской Азии. Они также пытались разрушить власть ислама. Мечети были закрыты или превращены в клубы и театры. Мулл публично поносили и преследовали. См.: 219, 381.

К стр.44 - Н.Л.Маклин, выставляя Шэн Шидае как исполнителя воли правительства Советского Союза, пишет: "Советы должны были недооценить силу религиозных чувств в Синьцзяне, так как их политика вызвала сильную враждебность в народе". См.: 219, 381.

К стр.45 - Н.Л.Маклин относит подавление восстания на юге Синьцзяна к началу 1938 г. См.: 219, 381. Сведения, использованные А.Форбсом, дают основание считать, что развязка произошла к концу 1937 г.

К стр.48.-0 неоднократных столкновениях Красной Армии с мусульманскими войсками Ма Хункуя при продвижении в районе на стыке границ Ганьсу и Шэньси свидетельствует участник Великого похода Чэнь Чанфэн.

К стр.38 - При Ма Чжунине находился эо-полковник генерального штаба султанской Турции Кемаль Бей. Свою причину сотрудничества с Ма Чжунином он объяснил тем, что действует во имя панисламистского движения. См.: 236, 211.

При встрече Кибарса с Ма Чжунином в Сучжоу (июнь 1931 г.) последний заявил: "Во имя мусульманского братства я поведу свою армию в Синьцзян".

По утверждению М.Кэйбл и Ф.Френч, Ма Чжунин "планировал основать империю, которая бы носила гордое имя Исламистан и несомненным правителем которого бы он стал". См.: 162а, 31.

К стр.39 - Сообщалось, что дунганские войска были самыми сильными в окраинных городах Южного Синьцзяна: Посгам, Каргалык, Гума, Хотан, Керия, Чира, Черчен, Чаркык. См.: 229, 84.

К стр.60 - У Пин - уроженец Тяньшюя (Ганьсу), выпускник университета Бэйда.

Сыновья Хань - этнические китайцы, хань.

К стр. 79 - бот.хариоптерис, сорное растение с неприятным запахом. В переносном значении дурной (недостойный) человек.

К стр. 96 - Происходил из семьи большого ахуна и был известен как ученый-богослов. См.: 128, 176,

К стр.105 - Халифань, халифа-ученик коранической школы.

Ахмед Али с февраля 1947 по 1948 г. являлся профессором Национального центрального университета в Нанкине.

К стр.110. - Буквально "Национальная письменность", т.е. китайская письменность.

К стр.121 - По утверждению А.Г.Яковлева, Мухаммед Эмин (Бугра) некогда служил японским империалистам. См.: 139, 173. Из-за бездоказательности этого утверждения оно представляется неубедительным.

К стр.130 - До 1949 г. был начальником уезда Чжэннинсянь провинции Ганьсу. Потом перешел на сторону НОАК. См.: 90, 125.

К стр.132 - В нарушение заповеди веры, отмечает Хун Дичэнь, они пили спиртное. См.: 123, 219.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. Азизов. События в Синьцзяне. — На зарубежном Востоке, 1933, № 5.

1а. Административное устройство Западного Китая. — Бюллетень прессы Среднего Востока. Май 1928, книга третья.

2. Антирелигиозник, 1988, № 8-9.

3. Аристов Н. О настоящем положении инсurreкции в Западном Китае. Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1873. Вып. II.

4. Аристов Н. Наши отношения к дунганам Кашгару и Кульдже. — Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1873. Вып. II.

5. Аристов Н. О Кульдже. — Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1873. Вып. II.

6. Архив востоковедов Института востоковедения РАН /Далее АВ/. Фонд Короткова Н.Н. Фонд 32, опись I, Ед. хр. 8.

7. АВ. Фонд "Пекинская миссия". Фонд 42. Ед. хр. 40. "Материалы о движении среди мусульманского населения в период Синьхайской революции".

8. АВ. Ф. 42, № 9.

9. АВ. Смыкалов Р.Ф. Материалы о религии в Китае. Ф. 37, оп.2, № 19.

9а. АВ. Фонд "Пекинская миссия". Ф. 42. Ед. хр. 40, № 73.

10. Бай Шоуч. Чжунго исылань ши цунь гао. Иньчуань, 1933.

11. Хуйминь ции /сост. Бай Шоун/. Шанхай, 1953, т. I.

11а. Т. II; 11б, т. II; 11в., т. IV.

12. Бай Шоун, Хань Даожань, Дин Иминь. Хуйхуй миньцзу ды лиши ха сянькуан. Байпин, 1951.

12б. Баоэрхань. Синьцзян ушн нянь. Байцзин, 1984.

13. Басханов М.К. Политика Англии и России в отношении государства Якуб-бека в Восточном Туркестане /60-70-е гг. XIX./ — Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1990.

13а. Белльо. Дунганы с 1845 по 1869 г. — из истории Кашгара.

Миссия Форсита в Яркенд в 1873. - Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии/ Далее - СМА/, XII, 1884.

136. Белльо. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1878-1874 гг. СПб., 1877.

14. Блчурия Н.Я. Описание Пекина. Пекин, 1906.

15. Боговлянский Н.В. Западный застенный Китай. СПб., 1906.

16. Боговлянский Н. Очерки Кульджи. - Русское экономическое обозрение. СПб., 1903, сентябрь.

17. Болобан А.П. Северо-Восточная Монголия и ее хлеба. - Вестник Азии. Харбин, 1910, № 5.

18. Браун О. Китайские записки. М., 1974.

19. Бурмел А.Б. Сведения Хафиза и Абру о взаимоотношениях Средней Азии с Китаем в XV в. - Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XIX вв. Ташкент, 1987.

20. Быков А.А. Монеты Решаддин, уйгурского повстанца. - Страны и народы Востока, 1973, вып. 15.

21. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том II. Алма-Ата, 1962.

22. Васильев В.П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими. - Русский вестник, 1872, т. 99.

23. Васильев В. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и дзозизм. СПб., 1873.

24. Веняков М. Мусульманское восстание в пограничных России частях Китая за последние годы /1870-1872 гг./ . - Известия ИРГО IX, 1873, отд. 2.

25. Веселовский Н. Бадаулет Якуб-бек аталык кашгарский. - Записки ВО РАО, т. одиннадцатый, СПб., 1899.

26. Вестник Азии. Харбин, 1913, № 16-17.

27. Вестник Маньчжурии.

27а. Вестник Азии. 1915, кн. I, № 4.

27б. Владимирский Вл. Город Та-чен /из быта Западного Китая/. - Новый мир, 1926, кн. 3

28. Вэй Кань. Шэн у цзи /б.м., б.г./.

29. Гаврилов М.Ф. Страничка из истории Якуб-бека, бадаулета-правителя Кашгарии. Ташкент, 1927. - Отдельный оттиск из Сборника

в честь В.П. Бартольда.

30. Гальперин. Турецкая пресса о событиях на Дальнем Востоке. — Материалы по национально-колониальным проблемам, 1932, № 8.

31. Гейнс А.К. О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае. — Военный сборник, 1866, № 8.

32. Георгиевский Сергей. Принципы жизни Китая. СПб., 1888.

33. Г.И.Г. Странички из истории Кулджинского вопроса /по китайским данным/. — Вестник Азии, № 7, январь 1911 г.

34. Гребенщиков А.В. Краткий очерк образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1909.

35. Гребенщиков А.В. В Бутху и Маргень по р. Нонни. — Вестник Азии, 1910, № 5.

36. Давыдов К. Персия и японская интервенция в Китае. — Материалы по национально-колониальным проблемам. 1932, № 3.

37. Дуван Л.И. Биянху — вождь дунганского восстания 1862—1877 гг. /историко-библиографический очерк по китайским и советским материалам/. — Записки Института востоковедения АН СССР, 1939, УП.

38. Дунгане с 1845 по 1869 г. Из истории Кашгара — Боллю. Миссия Форсита в Яркенд в 1873 г. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887, Вып. XII.

38а. Дунганское восстание 1895 г. /Из донесения русского козсула в Чугучаке от 12 февраля 1896 г. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, ХУП, 1896.

39. Дьяков А. /Пер./ Воспоминание илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864—1871 годах в илийском крае. — ЗВОРАО, 18, 1908.

40. Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951.

41. Занятие Народной армией Фэн Юйсяна пров. Ганьсу. — Материалы по китайскому вопросу, 1926, № 1.

42. Иакинф /Бичурин Н.Я./. Описание Пекина с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Пекин, 1906.

43. Ибрагимов Г.М. Краткая характеристика некоторых источников о маньчжурских завоеваниях Синьцзяна. — Ученые записки Института

востоковедения, 1958, т. XVI.

44. Ибрагимов Г.М. Маньчжурское господство в Синьцзяне и народное восстание в 1864-1878 гг./По уйгурским источн./: Л., 1954, Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук.

45. Иванов А. Несколько сведений о Кашгаре и последнем восстании против китайцев. /рассказ ислама-ходжи/. - материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1873. Вып. II.

46. Извлечено из пяти докладов, касающихся нового устройства Тяньшанского края, помещенных в рукописной газете от 28 августа /9 сентября/ 1882 г. - Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1884. Вып. XII.

47. Ирандуст. Три конгресса. - международная жизнь, 1936, № II.

48. Исиев Д.А. Уйгурское государство Йаттишар /1864-1877/. - М. 1981.

49. Ислам в Китае. - Туркестанские ведомости, 19.УП.1912.

50. Исландская цзяй Чжунго. Нинся ханьминь чубань из 1982.

51. Исландская цзяо ши /под ред. Хань Цзяо/. Пекин, 1990.

52. История Кульджинского ханства. - Вестник Всемирной истории, 1901. июль.

53. Кадников В.С. Из истории Кульджинского вопроса. - Исторический вестник, 1911, июнь.

54. Кара-мурза Г. К постановке национального вопроса в Китае. - Проблемы Китая, 1934, № 13.

55. Катанов Н. О двух кашгарских монетах. - Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1896. Том XIII, вып. 6.

56. Катанов Н.Ф. Посадка в Семиречье и тарбагатай. Дневник путешествия, совершенного в 1891 году по поручению императорского Русского географического общества. - ЦГА Татарстана. Ф. 969, опись I, дело № II.

56а. Катанов Н.Ф. О наказании ленивых богомольцев у татар Китайского Туркестана. - Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1895. Том XII, вып. 6.

56б. Катанов Н.Ф. Путешествие по Сибири, Даунгарии и Восточному Туркестану. Дневник путешествия, совершенного по поручению Русского

императорского географического общества в 1890 г. — ЦГА Татарстана, Ф. 969, опись I, дело № 10.

56в. Катанов Н.Ф. Дневники путешествия по Средней Азии. Джунгарии и Монголии 1892. — ЦГА Татарстана, Ф. 969, опись I, дело 76.

56г. Краткий очерк современного положения в Западном Китае /Кашгарии и Чжунгарии/ к 20 декабря 1900 г. — Добавление к сборнику материалов по Азии. СПб., 1902, № 7.

57. Козлов П.К. Монголия и Кам. СПб., 1906, т. I, ч. 2.

58. Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.-Л., 1923.

58а. Корань, законодательная книга мусульманского вероучения. Перевод и приложение к переводу Гордия Саблукова. Казань, 1877.

59. Кузнецов В.С. О реакционной сущности движения Джангира. — Известия АН Каз. ССР, серия истории, археологии и этнографии, 1961. Вып. I /15/.

60. Кузнецов В.С. К вопросу о политике цинского правительства в Восточном Туркестане во второй половине XIX в. — Известия АН Каз. ССР, серия истории, археологии и этнографии, вып. 2, 1961.

61. Кузнецов В.С. Из истории освободительной войны уйгурского народа. Восстание в Уч-Турфане /1765г./ — Народы Азии и Африки, 1974, № 1.

62. Кузнецов В.С. Агрессия империи Цин в Центральной Азии /первая половина XVIII — XIX вв./. — Новая и новейшая история, 1980, № 1.

63. Кузнецов В.С. /рец./: Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас, хроника, критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели О.Ф. Акимускина. М., 1978. — Письменные памятники Востока. 1976-1977. М. 1984.

64. Кузнецов В.С. Империя Цин и мусульманский мир /60-70-е гг. XIX в./. — Семнадцатая научная конференция. Общество и государство Китая /далее ОИГК/, 1986.

65. Кузнецов В.С. Китайские мусульмане и политика японской вооруженных. — Восемнадцатая научная конференция ОИГК, 1987.

66. Кузнецов В.С. Синьхайская революция и китайская мусульманская община. — Деятнадцатая научная конференция ОИГК, 1988.

67. Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 1989. Рукоп. деп. в ИНИОН РАН, № 43344.

68. Кузнецов В.С. Османская Порта и китайские мусульманы /конец XIX — первая четверть XX в./ — Двадцать первая научная конференция ОИГК. М., 1990.

69. Кузнецов В.С. Империя Цин и мусульманский мир /к вопросу о мусульманской реконкисте в Центральной Азии/. — Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.

70. Кузнецов В.С. Религиозный фактор в межнациональных отношениях на Юго-Западе Китая. — Двадцать вторая научная конференция ОИГК. М., 1991.

71. Кузнецов В.С. Синьхайская революция и мусульманская община Китая. — Двадцать третья научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов. М., 1991.

72. Кузнецов В.С. Императорский Китай, Иран и исламский мир. — Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992.

73. Кузнецов В.С. Синьхайская революция и мусульманская община Китая. — Двадцать третья научная конференция ОИГК, 1992.

73а. Кузнецов В.С. Панисламизм в Китае. — Двадцать четвертая научная конференция ОИГК. М., 1993.

73б. Кузнецов В.С. Исламский фактор в противоборстве гоминьдана и КПК. — Двадцать пятая научная конференция ОИГК. М., 1994.

74. Куропаткин А.Н. Кашгария, историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля, СПб., 1879. —

74а. Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Берлин, 1909.

75. Кучумов В.О. Очерк истории революции 1911 года. — Проблемы Китая, 1929, № 1.

76. Кюнер Н.В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. III. Вып. I-II. Владивосток, 1910.

77. Ларин В.Л. Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50-70-х годах XIX века. М., 1986.

78. Ли Шу. Политическая жизнь Китая в период революции 1911 года. М., 1956.

79. Линь Гань. Цин дай хуйминь ции. Шанхай, 1957. Материалы к истории Китайской революции — Вестник Азии, Харбин, 1913, № 16-17.

80. Домницкий С. /Реджап/. Персия и персы. СПб., 1902.

81. Ма Ци-янь. Мусульманское восстание в Ганьсу. — Проблемы Китая, 1929, № 2.

82. Магометане в Маньчжурии — Вестник Азии, 1911, № 9.

83а. Материалы по китайскому вопросу, 1927, № 1.

83. Маев Н. От Ташкента до Кульджи. Путевые заметки. — Материалы для статистики Туркестанского края, 1873, Вып. II.

84. Малов С.Е. Материалы по уйгурским наречиям Синьцзяна. — В сб.: Сергей Федорович Ольденбург, 1934.

85. Материалы по национально-колониальным проблемам, 1932, № 3.

86. Миклашевский А. Социальные движения 1916 г. в Туркестане: Былое, 1924, № 27-28.

87. Мингулов Н.Н. Национально-освободительное движение народов Синьцзяна как составная часть общекаитайской революции /1944-1949 гг./ — Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.

87а. Мирза Гулам. Наступление английского империализма в Тибете и Западном Китае. — На зарубежном Востоке, 1933, № 3-4.

88. Миньцзу лилунь хэ миньцзу чжада луньвэнь швань 1951-1983. Пекин. 1986.

89. Му Шоуци. Гань-нин-Цин шилуэ. Тайбэй. 90. Нинся сань ма. Пекин. 1988.

91. Да Вань и гун чоухуа хуйцзян шаньхоу шицзоуи /б.м./

92. Новая история Китая. М., 1972.

93. Образцы таранчинской народной литературы, собранные и переведенные Н.Н. Пантусовым. — Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. XXV, 1909, 2-4.

94. Остроумов Н.П. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879.

94а. Остроумов Н. Мир ислама. — Прошлое и современное положение. — Туркестанские ведомости, 5 мая 1912.

95. Очерки истории Китая с древности до "опиумных" войн. Под редакцией Шан Юэ. М., 1959.

96. Пантусов Н.Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871-1877 годы, собранные Н.Н. Пантусовым. Казань, 1881.

97. Пантусов Н.Н. Сведения арабских географов о Средней Азии. —

Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Казань, 1909, Том XXV.

98. Пантусов Н.Н. Материалы по изучению наречия таранчей Илинского округа. Казань, 1897-1907.

99. Петровский Н. Заметки о древностях Кангара. Хал-уй. Записки ВО РАО. СПб., 1896.

100. Поездка Форсита в Яркенд. - Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1873, Вып. II.

101. Полинов И.Г. Революционные события в северной части Синьцзяна в 1911-1913 гг. - Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР. Вып. IV. Ташкент, 1956.

102. Полинов И.Г. Синьцзян в период китайской революции 1911-1913 гг. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1959.

103. Полумурздинов М. Китайская революция и Императорских указов. - Вестник Азии, 1912, № 11-12.

104. Поляков П. Ислам среди турков, монголов, индусов и китайцев. - Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1895, Том XI, вып. 6.

105. Попов А.Л. Из истории завоевания Средней Азии. - Исторические записки, 1940, № 9.

106. П.Р. - Несколько дней в Кульдже. - Военный сборник, 1866. 9.

106а. Правда, 18 декабря 1933 г.

106б. Правда, 15 мая 1934 г.

107. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование Северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.

108. Путинцев М. Письма из Кульджи - Странник. СПб., 1878, январь.

108а. Роборовский В.И. Труды экспедиции императорского Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893-1895 гг. СПб., 1906, ч. I, Вып. I.

109. Роборовский В.И. Труды экспедиции императорского Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893-1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. СПб., 1900, ч. I, Вып. II.

110. Сайфуддин Азияи_ Гао цзинь миньцау туаньцае ды да цин. - Миньцау туаньцае ды да цин. - миньцау туаньцае. 1989, № 10.

- II0а. Селицкий Н. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы. - известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1904, Том XX, вып. I-6.
- II1. Синьхайская революция /сб. материалов/. М., 1971.
- II2. Сосновский Ю. Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874-1875 годах. - Статья вторая. - Военный сборник, 1876, № 10.
- II3. Сотрудник братства свят. Гурин. Казань, 1911, № 1.
- II3а. Стронъ А. От Ханькоу до Москвы. М.-Л., 1922.
- II4. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985.
- II5. Суманло М. Дунганское восстание второй половины XIX века и роль в нем Бай Яньху. Фрунзе, 1959.
- II6. Таипов З. В борьбе за свободу. М., 1974.
- II7. Тихонов Д. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. - Советское востоковедение, 1948, № 5.
- II8. Тихонов Д.И. Характер народно-освободительных движений в Синьцзяне в XIX в. и первой трети XX в. - Советское востоковедение, 1949, т. У.
- II9. Тихонов Д.И. Некоторые вопросы внутренней политики Якуббека. - Ученые записки /и др. востоковедения АН СССР/. М., 1958, т. XVI.
- II20. Труды Тибетской экспедиции 1889-1890 гг. под началом М.В. Певцова. СПб., 1896, ч. II.
- II21. Туркестанские ведомости. 1912. I. Ул.
- II21а. Туркестанские ведомости. 1914. I7. XII.
- II21б. Туркестанские ведомости. 1912. 8. XI.
- II22. Усманов К. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 года. - Вопросы истории, 1947, № 2.
- II22а. Успенский В. Восстание дунган в манасе. Доклад генерального консула в Урумчи В. Успенского. - Сборник консульских донесений. СПб., 1900, Вып. I.
- II22б. Успенский В. несколько слов об округе Хами /по китайским источникам/. - Известия ИРГО за 1873 г., том IX, Отдел второй.
- II22в. Фэн Цзиньшань. Чжунго ды исландь цзяо. Нянся. 1991.
- II22г. Фэн Цзяшан. Вэйурцау шилiao цзяньбянь Пекин, 1956, 4.2.
- II23. Хун Дичань. Синьцзян шиди даган /Б.М./ 1936.

123а. Хоросов А. В китайском Туркестане. Илисская область. - Жизнь национальностей. 1922, 14 /149/.

124. Цао Ци, Пан Хуй. Пицзе сань да цаунцяно цван Чжунго. Пекин, 1991.

125. ЦИНА СССР. Ф. № 1284, оп. 188, дело № 79.

126. Цзяньминь Гуандун ши /ред. Цзян Цзунань, Фан Чжицзинь/ Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1987.

127. Циньдин вайфань мангу Хуйбу ван гуя бяо чжуань /б.м./ /б.г./ . Сыни нянь дун луань Синьцзян. Сяньган, 1956.

128. Чжан Дацзинь. Сыни нянь дун луань Синьцзян. Синьган, 1956.

129. Чжан Чжичжун хуйилу. Т. 1-2, 1985. Воспоминания генерала Чжан Чжичжуна.

130. Чжунго Иньду цзянь вань лу - Цит. по: Цзяньминь Гуандун ши. /Редакторы Цзян Цзунань, Фан Чжицзинь/. Гуандун жэньминь чубаньшэ. 1987.

131. Чжунго Иньдунь цзяо ши цанькао цзяньо овань бянь /1911-1949/. Инчуань, 1985, т. 1.

132. Чжунго Иньдунь..т. 2.

133. Чэнь Кань. Кайфань Иньдунь цзяокао. Шанхай, 1925.

134. Ша Р. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара /прежней китайской Татарии/. СПб., 1872.

135. Шахматов В. и Киреев Ф. О реакционной сущности государства Якуб-бека - агента английских колонизаторов. - Вестник АН Каз. ССР. № 4, Алма-Ата, 1953, № 4.

136. Шихов С.И. Кульджинское восстание /1864-1871 гг./. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1954.

137. Юдин В.П. Некоторые источники по истории восстания в Синьцзяне в 1864 г. - В кн. : Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.

138. Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа 20-40 гг. М., 1983.

139. Яковлев А.Р. К вопросу о национально-освободительном движении народов Синьцзяна в 1944-1949 гг. - Ученые записки Института востоковедения, Том XI, 1955.

140. Ян Хуайчжун /сост./ Хуйцзу ши муь гао. Иньчуань, 1992.

141. Яковлевский Д. У стен недвижного Китая. СПб., 1903.

142. Яковские шпыны среди мусульманского духовенства. -
Антирелигиозник, 1938, № 8-9.

На английском языке ■ ДР:

143. A persian embassy to China being an extract from Zubdatu't Tawarikh of Hafiz Abru, Transl. by K.M. Maltra. Lahore. 1934.
144. Abend H. Tortured China. N.Y. 1930.
- 144a. Abend H. and Billingham A.J. Can China survive? N.Y. 1936.
145. Ahmed Ali. Muslim China. Karachi. 1949.
146. Whiting A.S. and general Shen Shih-t'uai. Sinkiang: pawn or pivot, Michigan state university press. 1958.
147. Ambolt N.P. Karavan. Travels in Eastern Turkestan. L. 1939.
148. Amerasia. Vol. 8, No. 6. March 17. 1944.
149. Arnold T.W. The preaching of Islam. L. 1935.
150. Baber. Report by mr. Baber on the route followed by mr. Grosvenor's mission between Tai-fu and Mowin. L. 1878.
151. Backhouse E. and Blend J.O.P. Annals and memoirs of the court of Peking. L.
152. Bales W.L. Tso Tsung'iang Soldier and Statesman of old China. Shanghai. 1937.
153. Bekin Ahmet Riza. Yakyp Beg doneminden Once Dogu Turkistan daki Ayaklanmalar. Ankara. 1988.
154. Benson L. The III rebellion. The moslem challenge to Chinese authority in Xinjang 1944-1949. N.Y.-L. 1990.
155. Bodde D. China's muslim minority. - Far Eastern Survey. September II, 1946. Vol. XV, No. 18.
156. Bridges F. Dynamite in Sinkiang - Current history, 1945, July.
157. Broomhall M. Islam in China. L. 1904.
- 157a. Brown A.J. New forces in Old China. N.Y. etc. 1904.
158. Bugra Mohammed Emin (Publish). Eastern Turkistan struggle for freedom and Chinese. Istanbul. 1954.
159. Boulger D.C. The history of China. L. 1898. Vol. II.
- 159a. Burton W. Tug-of-war in Central Asia. Asia (N.Y.) 1935, sept., vol. XXXV, No. 9.
160. Burton W. Tug-of-war in Central Asia. II. The British in Tibet and Szechwan. - Asia. Vol. XXXV, No. 10, October, 1935.
- 160a. Bush R.C. Religion in communist China. Nashville-N.Y. 1970.

161. Cable M. The Challenge of Central Asia. L, 1929.
- 161a. Cable M. and French F. Something happened. L, 1934.
162. Cable M. and French F. China, her life and her people. L, 1946.
- 162a. Cable M. with French F. The Gobi desert. L, 1943.
163. Cable M. and French F. China. L, 1946.
164. Cady J.F. A history of modern Burma. Cornell university press. 1958.
165. Cady J.F. The roots of French imperialism in Eastern Asia. Ithaca, N.Y. 1954.
166. Campbell Ch.W. China. L, 1920.
167. Chang Hsing-lang. The rebellion of the Persian Garrison in C'uan-chou (A.D. 1357-1366). - Monumenta Serica. 1938. Vol. III.
168. Chang Wing-tsit. Religious trends in modern China. N.Y. 1933.
- 168a. Chen J. The Sinkiang story.
169. China handbook 1937-1945. Comp. by Chinese ministry of information. N.Y. 1947.
170. China under Mongol rule. Ed. by J.D.Langlois, Jr. Princeton. 1981.
171. Chinese moslem terms. - The Moslem world. 1944, october, Vol. XXXIV, No. 4.
172. Chu Wen-Djiang. The muslim rebellion in Northwest China. The Hague-Paris. 1966.
- Clark G.W. Kwiechou and Yün-nan provinces. Shanghai. 1894.
- 173a. Clark R.S. and A. de Sowerby. Through Shén-kan. The account of the Clark expedition in North China 1908-9. L.-Leipzig 1912.
174. Clennel W.J. The historical development of Religion in China. L, 1926.
175. Colquhoun A.R. Across Chrysé, being the narrative of a journey of exploration through the South China border lands from Canton to Mandalay 1883. Vol. 2. 175a. Davidson B. Turkestan alive. L, 1957.
176. Davis H.R. Yün-nan. The Link between India and the Yangtze. Cambridge university press. 1909.
177. Danton G. The Chinese people. Boston. 1938.

178. /Dowson J./, Route from Kashmir, via Ladakh to Yarland, by Ahmed Shah Nakshbandi, Transl. from the Persian M.S. by Mr. J. Dowson. - The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, L. MDCCL, Vol. the twelfth.

179. De Filippo F. The Italian expedition to the Himalaya, Karakoram and Eastern Turkestan (1913-1914). L. MCMXXXII.

180. Drake F.S. Mohammadanism in the T'ang Dynasty. - Monumenta Serica, 1943. Vol. VIII.

180b. Eastern Turkistan struggle for freedom and Chinese policy. Publisher Mohammad Emin Bugra, Istanbul, 1954.

181. Ecvall R.B. Revolt of the Crescent in Western China. - Asia Vol. XXIX, No. 12, December 1929.

182. Etherton P.T. China. The facts. L. MCMXXVII.

183. Evans B. L. The Panthay mission 1872 and its Legacies - Journal of Southeast Asian Studies, Vol. XVI, No. 1, March 1985.

183a. Fang A. Review of reviews. - Monumenta Serica, 1942, Vol. VII.

183b. Filchner W. Hul-hul, Asians Islamkämpfe, Berlin, 1928.

184. Filchner W. Bismillan, Leipzig, 1941.

184a. Far Eastern Survey, May 19, 1948, vol. XVII, No. 101.

184b. Far Eastern Survey, June 23, 1948, vol. XVII, No. 12.

185. Finlay A.G. The Crescent in North-West China, 1922. The China inland mission. L. etc.

186. Findlay A.G. Islam in North-West China to-day. - Journal of the Royal Central Asian Society, January, 1937, part I.

187. Fleming P. News from Tartary. N.Y. 1936.

188. Fleming P. Travels in Tartary. L. 1948.

189. Forbes A.D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia, A political history of Republican Sinkiang, 1911-1949, Cambridge university press, 1986.

190. Ford J.F. Some Chinese muslims of the seventeenth and eighteenth centuries. - Asian Affairs, Journal of the Royal Central Asian Society. 61 pt. 2 (June 1971).

190a. Freeman-Tilford A.B. The attache at Peking. L. 1900.

190b. Freeman H. China's Moslems. - Canadian geographical journal, September 1948.

191. Franke H. Eine mittelalterliche chinesischen Satire auf die Mohammedaner. - Der Orient in der Forschung Festschrift für Otto

Spies zum 5 April 1966, Herausgeben von Wilhelm Hoenerbach, Wiesbaden, 1967.

191a. Gill W. The river of golden sand: being the narrative of Journey through China and Eastern Tibet to Burmah. L, 1883.

192. Gowen H. and Hall J.W. An outline history of China. N.Y. 1926.

193. Gutzlaff C. Life of Taou-Kwang. - The Calcutta Review. Calcutta, 1852, Vol. XVIII.

194. Hanna A.C. The Panthays of Yunnan. - The Moslem world. 1931, Vol. XXI, No. 1.

195. Haslund H. Men and gods in Mongolla. L, 1935.

196. Hedin S. Big Horse's flight. L, 1936.

197. Hoover L. China's muslims must choose. - Asia, november 1938.

198. Hosie A. Three years in Western China. L, 1897.

199. Howard H.L. Famine and Mohammedan Banditry again devastating Kansu. - The China weekly review, June 1, 1929, vol. XLIX, No. 1.

199a. Hu R.C.S. Sinkiang, the new dominion. - The Muslim world 1917, January, vol. XXXVIII, No. 1.

200. Howorth H.H. History of the Mongols from the 9th to 19th century. P2 -3. L, 1880-1888.

201. Hsü J.C.Y. The ill crisis. Oxford, Clarendon press, 1965.

201a. Israell R. Muslims in China. L.-Malmö, 1980.

201b. Ikbal Shafi. Muslims in China. A brief History. - Central Asia, Peshawar, 1987, No. 21.

202. Johnston R.F. Lion and Dragon in Northern China. L, 1910.

201. Ikbal Ali Shah. The Crescent in Chinese Turkestan. - The New Statesman and Nation, May 5, 1934.

202. Impact Internationale, 1982, Vol. 12:20.

203. Johnston R.F. From Peking to Mandalay. L, 1908.

204. Kazakh rebellion in Sinkiang. - Amerasia, December 29, 1941, Vol. VIII, No. 24.

205. Keane A.H. Asia with ethnological appendix. L, 1882.

206. Keyte J.C. The passing of the Dragon. L, 1925.

207. Kiernan V.G. Kashgar and the politics of Central Asia, 1868-1888. - The Cambridge historical journal. 1955, Vol. XI, No. 3.

208. Lapidus I.M. A history of Islamic societies. Cambridge university press, 1988.

209. Lattimore O. North and South of the Heavenly Mountains. - The China Illustrated review. December 10-th, 1927.
210. Lattimore O. The Kimono and the Turban. - Asia, May 1938, vol. XXXVIII, No. 5.
211. Lattimore O.E. Mongolia, Sinkiang, and Tibet. - Rosinger L.K. and ass. The State of Asia.
212. Leslie D.D. Persian temples in T'ang China. - Monumenta Serica. Journal of oriental studies. - Vol. XXXV, 1981-1983.
213. Li Ung Ling. Outlines of Chinese history. Shanghai, 1914.
214. Lindsay M. The North China Front. - Amerasia, 14 April 1944, vol. 8, No. 8.
- 214a. Lias G. Kazak exodus. L, 195 .
215. Mason J. The Mohammedans of China. S.L. 1922.
- 215a. Mason J. Notes on Chinese mohammedan literature. - Journal of the Royal Asiatic society, 1925, vol LVI.
216. McAleavy H. Black flags in Vietnam. L, 1968.
217. McAleavy H. The modern history of China. N.Y.-Wash, 1974.
218. McCormic F. The Flowery Republic. L, 1913.
219. McLean N.L.D. Sinkiang today. - International Affairs, XXIV, 3 (July 1948).
220. Maillart E.K. Forbidden Journey from Peking to Kashmir. Leipzig etc, 1938.
- 220a. Michael F. Mao and the perpetual revolution . N.Y, 1977.
221. Meng C.Y.W. The Mohammedan rises against Japan. - The China weekly review, June 25, 1938.
222. Mees L. Die Hul. München, 1984.
- 222a. Milne W.C. Life in China. L, 1859.
223. Michael F. Mao and the perpetual revolution. N.Y, 1977.
- 223a. Milne W. Life in China. L, 1895.
224. Mission d'Ollone 1906-1929. Recherches sur les Musulmans chinols. P. 1911.
- 224a. Monde de Musulman, may 1908, N 10.
- 224b. Monde de Musulman, May 1908, N 10.
225. Monumenta Serica. Vol. VII, 1942.
226. Morden W.J. Across Asia's snows and deserts. N.Y. etc. 1928.
- 226a. Moseley G. The Party and the National Question in China. Cambridge, Mass. 1966.

227. Moule A.E. The Chinese people. L. 1914.
228. Nichols F. Through hidden Shensi. L. 1902.
229. Norins M.R. The new Sinkiang China's link with the middle East. - Pacific Affairs, December 1942, vol. XV, No. 4.
230. North-China herald. 1928, 29 Sept.
231. Nyman L.E. Great Britain and Chinese, Russian and Japanese in Sinkiang, 1918-1934. Malmö. 1977.
232. Pacific affairs, December 1942, vol. XV, No. 4.
233. Parker E.H. China, past and present. L. 1903.
234. Parker E.H. China and religion. L. 1905.
235. Peffer N. The Far East, a modern history. Ann Arbor. 1968.
236. Petro W. Mongolia, Kansu and Sinkiang as seen by a member of the Haardt - Citroen expedition. - Journal of the Royal Central Asian Society. January 1933, vol. 20, part 1.
237. Pickens E. Moslems in China. - The Moslem world. 1941 October, vol. XXIV, No. 4.
- 237a. Pickens C.L. A Chinese colloquial translation of the Koran. - The Moslem world 1916 Oct., vol. XXXVI, No. 4.
238. Pott F.L.H. A sketch of Chinese history. Shanghai. 1923.
239. Rahul R. The role of Mullahs in Central Asian politics. - Central Asiatic Journal. 1971, vol. XV, No. 2.
240. Rawlinson H. England and Russian in the East. L. 1875.
241. Reid G. The Mission among the higher classes in China. Shanghai. 1914.
- 241a. Revue du Monde Musulman. Dec. 1908, vol. VI, No. XII.
- 241b. Revue du Monde Musulman. Fev. 1908, vol. IV, No. II.
242. Revue du Monde Musulman. 1921, vol. LXIV.
243. Rocher E. La province Chinoise Yün-nan. P. 1880, Deuxieme partie.
244. Rockhill W.W. Land of the Lamas. L. 1891.
245. Rossabi M. China and Inner Asia from 1368 to the present day. L. 1975.
246. Rossabi M. Muslim and Central Asian revolts. - in: From Ming to Ch'ing. Ed. Spence J.D. and Wills Jr. J.E. New Haven and L. 1973.
247. Saray Mehmet. Osmani Devleti ile Türkistan Hanlikari Arasındaki Siyasal Münasebeler (1775-1875). Istanbul. 1984.
248. Scidmore E.R. China. The long-lived empire. L. 1900.

- 248a. Schomberg R.C.F. Peaks and plains of Central Asia. L, 1933.
249. Schuyler E. Turkistan notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kulja. L, 1876.
250. Shaw R.B. On the hill canton of Salar. - The Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1878. Vol. 10.
251. Sheridan J.F. Chinese warlord. Stanford, 1966.
252. Shipton E. Mountains of Tartary. L, 1950.
253. Sinkiang survey. - Far Eastern survey. March 10, 1918. Vol. XVII, No. 5.
254. Snow E. Red Star over China. N.Y. 1938.
- 254a. Telchman E. Travels of consular officer in North-West China. Cambridge. 1921.
- 254b. Telchman E. Journey to Turkistan. L, 1937.
255. Telchman E. Affairs of China. L, 1938.
- 255a. Taylor H. The call of China's Great North-West. 1923.
- 255b. Taylor G.E. The struggle for North China. N.Y. 1940.
256. The China weekly review, (CWR). May 4 1929. Vol. XLVIII, No. 10.
- 256a. CWR, August 3 1929.
257. CWR, 1929, October 5. Vol. L, No. 5.
258. CWR, Mart 13, 1937. Vol. 80, No. 2.
259. CWR, May 1 1937. Vol. 80, No. 9.
260. CWR, May 8 1937. Vol. 80, No. 6.
261. CWR, May 15 1937. Vol. 80, No. 11.
262. CWR, July 3 1937. Vol. 81, No. 5.
263. CWR July 10 1937. Vol. 6.
264. CWR, July 31 1937. Vol. 81, No. 9.
265. CWR, January 29 1938. Vol. 83, No. 9.
266. CWR, March 19 1938, vol. 84, No. 3.
267. CWR, April 2 1938, Vol. 84, No. 5.
268. CWR, May 14 1938. Vol. 84, No. 11.
269. CWR, June 4, 1938. Vol. 85, No. 1.
270. CWR, July 9 1938. Vol. 85, No. 6.
271. The Chinese Year book, 1940-1941.
- 271a. Chinese affairs, October 1929, No. 52-53.
- 271b. The Chinese Year book, 1944-1945. Shanghai, 1916.
272. The Chinese empire. A general and missionary survey. Ed. by M. Bruumhall. L, 1907.
273. The China illustrated review (CIR), January 16, 1926.

274. CIR, September 4, 1926.
275. CIR, Nov. 13, 1926.
276. CIR, Sept. 18, 1926.
- 276a. CIR, Sept. 25, 1926.
- 276b. CIR, Dec. 4, 1926.
276. CIR, Jan. 8, 1927.
277. CIR, April 23, 1927.
278. CIR, May 8, 1926.
279. CIR, May 18, 1926.
- 279a. CIR, June 26, 1926.
280. CIR, Oct. 16, 1926.
- 281a. CIR, Dec. 11, 1926.
- 280b. Sept. 17, 1927.
281. The Chinese world order (Ed. J.K. Fairbank). 1968.
282. The Islamic fraternity. (Tokyo). 1911 March 15. Vol. I, No. 12.
283. The Islamic fraternity. 1914 April 15. Vol. II, No. 1.
284. The quarterly newsletter of the Society of friends of the Moslems in China, July, 1927, Vol. I, No. 2.
285. The quarterly newsletter .. Dec., 1927, Vol. I, No. 4.
286. The Voice of China (VC). Aug. 1, 1936.
287. VC, Aug. 15, 1936.
288. Timothy R. Forty five years in China.
289. Tsin Yuan, Yakub beg (1820-1877) and the moslem rebellion in Chinese Turkestan, - Central Asiatic Journal, June, 1961, Vol. VI, No. 2.
- 289a. Vissière A. Les Musulmans chinois et la République. Littérature Islamique chinoise, - Revue des études islamiques. 1927. Vol. I.
- 289b. Vassal G. In and round Yunnan fou. L. 1922.
290. Wiegner L. A history of the religious beliefs and philosophical opinions in China from the beginning to the present time. Hsien-hsien Press. 1927.
- 290a. Whiting A.S. and Shen Shih-ts'ai. Sinkiang: Pawn or pivot? East Lansing, Michigan UP, 1958.
291. Williams C. Through Burma to Western China. Edinburg and L. MDCCCLXVIII.
292. Wright M.C. The last stand of Chinese conservatism. Stanford UP. 1957.
293. W.R.C. Travels of a Consular Officer in North-West China. - Eric Telchman, C.I.E. Cambridge University Press Maps and illustrations. - The Geographical Journal. L. Vol. LVIII, No. 6, Dec. 1921.

294. Wu Altchen K. Turkistan Tumult. L, 1940.

294-L. Wylie A. Notes on Chinese literature. Shanghai. 1922.

294a. Yang R. Sinkiang under the administration of governor Yang Tseng-hsin, 1911-1928. - Central Asiatic Journal, Vol. VI, N 4, December, 1961.

295. Ying. Mohammedans in the Fight. - The Voice of China. Shanghai, April, 1937.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 6. МУСУЛЬМАНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ 30-х гг.....	3
ГЛАВА 7. ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ И МУСУЛЬМАНЕ КИТАЯ.....	47
Курс КПК на вовлечение мусульман в антияпон- ский фронт.....	47
Больше внимания мусульманам - установка нацио- нального правительства.....	65
Общественно-политическая самодеятельность мусульман	73
Курс на расширение связей с мировым мусуль- манским сообществом	82
Претензии у мусульман остаются	90
Выступления в Синьцзяне и провозглашение Е.Р.....	94
ГЛАВА 8. ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КИТАЯ	
1945-1949 гг.	100
Мусульмане Китая заявляют о себе.....	100
Договоренность о самоликвидации ВТР.....	112
В Синьцзяне по-прежнему не спокойно.....	116
Развязка борьбы КПК с ГМД и мусульмане.....	122
ПРИМЕЧАНИЯ	152
ИС. ОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	158

Подписано в печать 12.05.1996 г.
Формат 60х84/16. Заказ N 20.
Бум. офс. Печать офс.
Печ. л. 10,9. Тираж 100 экз.
Печатно-множительная лаборатория
Института Дальнего Востока РАН
Москва, ул. Красикова, 27